АБХАЗИЯ И АБХАЗЫ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

II

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д.И.Гулиа

Абхазия и абхазы в российской периодике

(XIX – нач. XX вв.)

КНИГА II

Составители: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.

Сухум
2008

63.52 (5 Абх.) 1+63.3 (5 Абх.) 1
А27

А 27 Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II. Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум. 2008. 732 с.

Вторая книга настоящего многотомника включает материалы об Абхазии и абхазах, извлеченные из ведущих изданий российской периодики последних двадцати лет XIX столетия. В них освещаются этническая ситуация, сложившаяся в данном регионе Кавказа после последнего этапа депортации абхазов в Османскую империю; социально-экономическое положение местного и пришлого населения, состояние школьного образования.

В сборнике представлена весьма познавательная информация о традиционной культуре абхазов – коренного этноса: обычаях, обрядах, этикете, по ономастике, антропологии, а также по географии Абхазии и др.

Книга рассчитана на историков, этнологов, языковедов, географов, демографов, политиков и широкий круг читателей.

Рецензент: к.и.н., профессор АГУ **Ю.Г. Аргун**.

Издание профинансировано Фондом Первого Президента Республики Абхазия, академика В.Г. Ардзинба.

На обложке: абхазы из Дала (Кодорское ущелье), вторая половина XIX в.

© Р.Х.Агуажба
©Т.А.Ачугба

От составителей

Следует признать, черкесы несут свою долю ответственности за то, что не смогли демонстрировать свое действительное значение как нации, так как ими не были окончательно собраны, изучены и распространены данные о своем языке, происхождении, национальных особенностях, традициях, мифах, национальной истории.

Профессор Мет Иззет-паша Чунатыкуа

В предлагаемую вторую книгу научно-популярного многотомника «Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.)» вошли материалы, извлеченные из более двух десятков названий периодической печати Российской империи за последнее двадцатилетие XIX века, т.е. после последнего этапа депортации абхазов. В частности, в него включены публикаций из таких известных периодических изданий того периода, какими являлись: «Кавказ», «Голос», «Московские ведомости», «Новое обозрение», «Кубанские областные ведомости», «Тифлисский вестник», «Тифлисский листок», «Дроеба», «Иверия», «Квали», «Кутаисские ведомости», «Черноморский вестник», «Кавказское сельское хозяйство», «Вестник воспитания», «Медицинский сборник» и др. Авторы этих публикаций в большинстве в своем являлись непосредственными наблюдателями быта и культуры народа Абхазии, свидетелями и участниками происходивших тогда исторических событий. Среди них К.Мачавариани, Г.Рыбинский, Н.Альбов, Ф. Завадский, И.Пантюхов, В.Чернявский, Вс. Миллер, А. Эмухвари, П.Чарая, М.Хонели и др.

Особое место в материалах сборника отводится проблеме изменения этнической ситуации в Абхазии. Данный период истории абхазского народа один из самих сложных и драматичных. В результате выселения ¾ части абхазского населения, полностью были опустошены Северо-Западная и Центральная Абхазия (современные Адлерский, Гагрский, Сухумский, Гулрыпшский районы). Исчезли живущие там этнографические и территориальные общины абхазов: приморские и горские садзы, псхувцы, цебельдинцы, дальцы, гумцы и др. Значительно пострадали и другие регионы Абхазии – Бзыбь, Абжуа, и частично Самырзакан. Тем самым, фактически, решался вопрос – быть или не быть абхазскому этносу одному из древнейших народов Кавказа.

После окончания русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.) царское самодержавие приступило к интенсивному заселению опустевших абхазских земель колонистами. В Абхазию на постоянное жительство колонисты прибывали из разных регионов Российской империи и зарубежных стран. В это же время царская администрация не разрешила репатриироваться абхазам без вины обвиненных в предательстве и депортированным в Османскую империю. Десятки тысячи абхазов, пытавшихся вернуться на родину, стали жертвой голода, холода, эпидемии и морской стихии. Оставшиеся на родине абхазы были несправедливо признаны «виновным» и «временным» населением страны. Более того, им запретили жить в центральной (между реками Кодор и Аапста) и в целом прибрежной и горной частях Абхазии. Другими словами, если абхазам-депортантам угрожало физическое уничтожение за пределами родины, то оставшиеся в Абхазии абхазы, уцелевшие от гуманитарной катастрофы, были обречены стать жертвой другого монстра – этнокультурной ассимиляции. Характерно, что очень скоро зависимая Грузия, перехватила у Российской империи инициативу заселения Абхазии колонистами, и в целом создания соответствующего демографического, этнокультурного, идеологического и морально-психологического фона, способствующего ассимиляции абхазов. Грузинская интеллигенция, духовенство, пресса, соревнуясь с русскими чиновниками, создавали весьма прочную основу по огрузинению абхазов и Абхазии. Все эти сложные и судьбоносные для коренного народа этнодемографические и этнокультурные процессы подробно освещала на своих страницах российская периодика упомянутого периода. В целом, происходившие в данный период процессы в сфере формирования новой этнической структуры Абхазии во многом определили дальнейшую судьбу абхазского народа и его исторической родины – Апсны.

В книге широко представлены материалы, характеризующие отдельные аспекты социально-экономической жизни как домахаджирской, так и постмахаджирской Абхазии: социальный состав населения, традиционные и современные поземельные права местного и пришлого населения, хозяйственный быт – земледелие, скотоводство, виноделие, ремесло, торговля и др.

Весьма интересными являются сведения о религиозных верованиях, традиционных праздниках, свадебных и похоронных обрядах коренного народа, о различных жанрах абхазского фольклора. Привлекают внимание весьма квалифицированные статьи о народной

медицине, об антропологии абхазов и других народов, проживавших тогда на Кавказе.

В публикациях российской периодики даны подробные сведения о традиционном этикете, о положении женщин в семье и о взаимоотношениях членов абхазской семьи. Особое внимание уделено школьному образованию и проблеме восстановления христианства в Абхазии.

В сборник включены статьи о древней, средневековой и современной истории Абхазии. В нем читатель ознакомится с подробными сведениями об отдельных городах и других населенных пунктах (Сухум, Новый Афон, Гудаута, Очамчыра, Пицунда, Лыхны, Дранда и др.), об исторических, церковных и архитектурных памятниках страны. Информация и выводы авторов публикаций об истории страны по сегодняшний день не утратили свою актуальность.

Весьма интересны многочисленные статьи и корреспонденций отдельных газет и журналов, посвященные географическому описанию различных регионов Абхазии. В них представлено множество исконных названий населенных пунктов, рек, гор, перевалов, дорог и троп, соединивших как различные этнографические области Абхазии, так и в целом Абхазию с регионами Северного Кавказа. Не переоценить значение сохранения географических названий в письменных источниках XIX века, в данном случае в периодической печати, поскольку традиционные топонимы и гидронимы Абхазии были подвергнуты тотальному изменению вплоть до середины XX века.

В книгу вошли также материалы из других областей знания, характеризующие Абхазию и абхазов в конце XIX столетия.

В конце книги даются приложение, примечания составителей к материалам, включенным в настоящее издание, а также указатель имен и условные сокращения.

Составители благодарят Фонд Первого Президента Республики Абхазия, академика В.Г. Ардзинба за издание книги, а также Г.Джаджа и М. Палба за помощь, оказанную при подготовке иллюстративного материала.

МАТЕРИАЛЫ

Копия с прошения, поданного экзарху Грузии выборными от абхазцев

«Во время войны, при оставлении турецкими войсками Сухума, мы насильственно были вывезены в Турцию. Ныне начальство Сухумского военного отдела не принимает нас обратно, направляя нас в Батум, а оттуда нас возвращают в Турецкие пределы. Мучимые голодом, претерпевая всякие лишения уже ныне в Турции, оставаясь христианами, мы можем ждать не милости, а только лишь угнетения и гонения, посему просим вашего участия к нашей судьбе и ходатайства вашего преосвященства перед наместником о допущении нас на родину в Сухумский отдел; в противном случае, единственным для нас исходом представляется принятие против нашего убеждения ислама. О восприятии нами св. Крещения может свидетельствовать епископ Кутаиса. Одна мысль о неизбежной необходимости оставить святую веру приводит нас в ужас».

Затем следуют подписи 300 уполномоченных от абхазцев.

Газ. «Тифлисский вестник»[1]*.*
1879, №98

Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев

(Из дневника старшего члена комиссии
по разбору личных и поземельных прав абхазцев)

Есть сословие, называемое анхаэ-амиста, которое образовывается из освобожденных владельцами от повинностей, лежащих на анхаэ, по особым заслугам анхаэ. Эти анхаэ-амиста обязаны своему владельцу носить дрова в день зимой 2 вязанки, а летом одну. Затем должен сопровождать своего князя по поездкам, и при этом исполняет обязанности слуги. А если остался дома, то должен оберегать дом князя, принимать гостей князя в его отсутствие у себя на дому. Если князь потребует у него сына в аманатство, то он должен отдать его, если это срочное, но отнюдь не вечно, – тогда он должен быть в претензии. Анхаэ-амиста владеет на время пахотною землею князя в количестве 30 – 40 дневного паханья одною парою быков, и

этой землей они наделяют своих агирво, если они их имеют. Анхаэ-амиста самое маленькое по величине сословие.

2-е сословие анхаэ. Он обязан давать акшбир преимущественно тому, кого он воспитывал, но если как бывает зачастую, воспитанник владелец его, то во 2-ом поколении семейство его не возобновит это обязательство новым воспитанником, то это обязательство теряется в праве владельца и переходит к тому дому, из которого будет новый воспитанник. Зимою дает владельцу барана или козу. Летом то же самое, должен дать и, кроме того, платить вином и кукурузою, а если ничего этого не имеет, то платит по два рубля в каждую ½ года. Еще дает во время летнего посещения владельца пастбищных мест по одной козе или барану. Даже если и не посетит сам пастбищных мест, а анхаэ придет к нему, то все-таки обязан из своего стада привести с собой барана или козу. Во время посева идет он со своими быками на однодневную работу к своему владельцу. Другой раз идет, чтобы пожать его посевы; в третий раз для уборки кукурузы, а в четвертый раз для сбора винограда. По требованию владельца он сопутствует ему во время путешествия во всякое время и во все продолжение его. Если у него делается такое угощение, и режут скот, то владельцу посылает грудину. На пасху тоже, поздравляя князя, приносит грудину. Зато в рождество князь режет на всех своих анхаэ баранов и скот и раздает им. При разделе братьев анхаэ – они князю посылают корову. Если анхаэ придется получить деньги за кровь, то он делит деньги пополам с князем. (Этого теперь нет – выводится). Если же князь получит что-либо в вознаграждение, то он уделяет и своим анхаэ.

3-е низшее сословие – агирво. Отец семейства, жена его, все сыновья, кроме одного, работающего на свой дом и дочерей, тоже работающих для себя, остальные все работают на князя своего. Пасут тавадский (княжеский) скот. Если он нанят обществом пасти скот, то и тогда приплодом, получаемым от общин в плату, делится частью с князем своим. Зимою ежедневно приносит 2 вязанки дров, летом одну. В месяц на свой дом может работать 3 дня.

На рождество, зарезав у себя на дому своего барана, обязан принести князю часть мяса его. Он себе варит кашу из проса князя. Агирво есть и у анхаэв. Агирво у анхаэ работает только летом, и то анхаэ платит ему сеном, просом, курами, деньгами, а иногда бараном. Агирво за скотом анхаэ не смотрит, а агирво князя смотрит за его скотом. Если агирво нанимается в пастухи и, по обычаю, спустя пять лет, берет с хозяина стада половину приплода, то эту половину

приплода должен разделить поровну с хозяином своим, будь он анхаэ или князь.

Агирво может быть продан с предварением его, чтоб он выкупился в анхаэ, ему представляют выбор покупщиков, но если в срок 10-ти дней он не выберет покупщика, то тогда может быть продан по воле владельца. Если же агирво имеет родство в той общине, в которой живет, или они достались по наследству от предков, то не иначе может быть продан, как в той же общине или родственному однофамильцу князя – владельца его.

С. Баратов[2]

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №98

Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев
(Продолжение)

10-го июля (1866 г.) я прибыл в Сухум-Кале с титулярным советником Череповым. 14-го числа Черепов выехал в Бзибский округ, а 15-го утром я в самый дальний пункт по расстоянию от Сухума, общину Сухумского округа, в Ачанару[3] 17-го же (день, с которого началось мое первое знакомство с последними событиями в Абхазии, пошатнувшими то доверие, которое питало правительство к вновь присоединенному племени Кавказа. По крайней мере, в Сухуме никто не верил слухам, пока дело не представилось воочию); и так 17-го июля, прибыв на место в с. Ачанара, где уже находился окружной начальник майор Бутми де Кацман, я с ним и двумя судьями окружного суда, не успев закусить и переодеться с дороги, я как был по-дорожному, отправились на сборище у церкви во дворе дома не знаю кого. Тут была собрана вся община жителей, виднелись также женщины старухи и… дети. Во дворе был поставлен стол, ничем не накрытый и мы, т.е. я и по сторонам меня двое судей сели на длинную качавшуюся скамью, а Бутми де Кацман на стул, принесенный из чьей-то богатой сакли. Народ стоял в отдалении, частью во дворе, частью за забором. Толпа выказывала немалую долю почтения к нам, ровно все было, спокойно, но я заметил, что все они очень были сосредоточены, внимательны и во все внимали (вника-

ли)... Было очень жарко. Я начал с того, что объявил (через переводчика) цель возложенного на меня поручения и открыл заседание подлежащим действием по собиранию нужных сведений.

Как я уже сказал выше, все шло хорошо; правда, я заметил маленькое притворство, как бы непонимание переводчика, но мы вооружились терпением и перетолковывали одну и ту же фразу по десяти раз, и тоже добивались желаемого. 17-го кончили рано занятие; 18-го утром начали ту же канитель до 12 ч. дня, когда я пошел в палату к окр. начальнику, где до 2-х часов, когда назначена была снова сходка, я занялся чисто канцелярской работой, в одно и то же время, диктуя писарю, приводя в порядок дачу показаний и даже закусывая. Вообще нужно было торопиться. Работы было много. В это время я получил с нарочным из Сухума приказание торопиться сколь возможно, не отбирая все сведения у всех поголовно собственников, а лишь у крупных, торопиться объехать до 29-го числа общины: Тхил, Челав[4], Джигерда и Адзюбжа. Что было делать? Нужно было завтра же ехать далее. Между тем Бутми де Кацман получил приказание сопровождать меня по этим обществам, дать надлежащий конвой казаков, а не местной милиции, этой моей комиссии, и ежедневно давать знать в Сухуме, где мы находимся и проч... Все это снова дало повод думать, что что-то неладно. Между тем из встречавшихся сухумцев – все смеялись, говоря «все пустяки и ничего серьезного». Да и самые приказания в смысле как бы советов: «Следовало бы», «не мешало бы» и т.д.

Ко всему этому подлил масло в огонь, пришедший к нам судья, который рассказал, что утром во время его отсутствия из дому, на его квартиру бросали камни откуда-то и разбили голову его слуге. Идя же к нам, на него плюнула одна из славившихся красоток в Ачанара; что она это сделала по наущению недовольных, ручался головой обиженный судья.

Конечно, мы успокоили его, и пошли в 2 часа на сходку; – здесь было все опять спокойно; общинный старик судья указал нам на ту молодую агитаторшу.

Начинать дело против нее Бутми де Кацман не начал, но, как говорится, «было намотано на ус».

19-го числа я, майор Бутми де Кацман с переводчиком моим, двумя писарями и конвоем казаков поехали в общину Тхил.

Таким образом, я последовательно переезжал из общины в общину, – из Тхило в Челов, Джигердо и, наконец, 25-го числа я при-

был в Адзюбжа. – т.е. с 17-го по 25-е июля собраны сведения более 1/3 числа жителей Сухумского округа. Собирание и дача сведений со стороны жителей Сухумского округа, благодаря полному содействию окружного начальника и той почтительной и полной доверенности, которою пользовался он среди туземцев, шли превосходно, без малейшего сопротивления жителей, как-то было в обществе Ачанара, может быть с этим внутренним, затаенным злом, показывая из-за угла кулак.

22-го числа – мы узнали, что в Бзыбском округе, где был сам председатель комиссии П. Кониар, – явный бунт народа; но это был из верного источника слух, официального все-таки ничего. – О своей работе я донес председателю полковнику Кониару от 25 июля за №3. Итак, в Адзюбже я ждал новых приказаний; это был по предписанию мой последний пункт.

25-го вечером я и окружной начальник, после работы за целый день, составили пульку и после ужина в 1 час ночи разошлись спать.

В 3 часа ночи я услыхал голос окружного начальника, приказывавшего моему казаку будить меня скорей. К немалому удивлению своему я увидел, что майор одет по-дорожному, – я крикнул ему, что я не сплю, прошу войти.

Он, ничего не говоря, быстро вошел ко мне и дал записку мне в руки, – затем обратился к казаку и приказывал наставить самовар.

Дело было в том, что возвратившись от меня, через полчаса, он, Бутми де Кацман, – получил с одним нарочным посланным туземцем из Сухума от своего адъютанта следующую записку: «...Бзибское волнение кончилось тем, что полковник Кониар убит и все чиновники истреблены. Бзибцы с большим сборищем идут с намерением напасть на Сухум. Идите спасать нас».

Прочитав эту записку, мы увидели, как далеки были мы от какой-либо подобной мысли! Я оделся.

Напившись чаю и уложив вещи, покинув в Адзюбжа канцелярию, кроме собранных мною сведений, я и окружной начальник через два часа на легках поскакали в Сухум.

Всю дорогу скакали; наши вещи, вьючные лошади отстали, – в 11 часов прибыли в Сухум, который был уже объявлен на осадном положении. Ворота были затворены, войска отовсюду стекались, по вызову, тревоге... Дело для нас и сухумцев было ясное. По дороге не было видно ни души от самого села Адзюбжа до самого Сухума...

Вечером того же 27-го числа были слышны выстрелы за Сухумом абхазцев. 29-го вечером я написал в Тифлис, в кавказское горское управление рапорт за №4, что занятия мои по комиссии прекращены и не знаю, когда придется продолжать их, о чем долгом считаю донести.

С. Баратов

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №110

Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев
(Продолжение)

Я был так заинтересован делом убийства полковника Кониара, что попав на одного из очевидцев – я его завербовал у себя на квартире и вот подробности.

«Скажите мне, что вы знаете по сему делу – ничего не утаивать, прошу вас». Так спрашивал я сидящего против меня депутата Бзибского окружного суда подпоручика Тито Моргани[5].

«Извольте, князь, моя речь будет олицетворение правды: 12 июля полковник Кониар потребовал меня из Ляхлы (Соусху)[6] в Сухум и сделал мне предложение быть членом в комиссии со стороны окружного суда по собиранию сведений, нужных титулярному советнику Черепову и потом отпустил меня обратно в свой дом с приказанием явиться в означенную комиссию, когда меня потребуют. Возвращаясь домой, я встретил капитана Измайлова, который меня спросил о причине, по которой требовал Кониар, я сказал ему и мы расстались с ним. 14-го числа за мною прислал Измайлов, чтобы я прибыл в Ляхлы, почему 15-го утром я прибыл туда и тотчас за моим приездом чиновник Черепов выехал в Гагры с одним из членов суда Камгаз Хачи, назначенного также в эту комиссию и своего переводчика Ермолова. Вслед за их отъездом капитан Измайлов и я с переводчиками поскакали туда же, в Гагры, за ним. Мы, однако, его не догнали, ибо Черепов ехал на курьерских, а мы ехали на обыкновенных почтовых, да и по дороге у нас в тройке одна лошадь ни с

того, ни с сего пала и мы провозились почти час. Все это вместе отняло настолько время, что мы приехали позже Черепова на 2 часа.

Он остановился в доме дворянина Барас, а мы в доме Тито Иналипова.

Тут нам встретился конвойный, посланный в селение Гагры с приказанием собраться народу; этот конвойный нам сказал, что гагринцы не соберутся, потому что все вышли в лес за собиранием дикого меду; в селе никого нет, и на этой неделе не будут. Что было делать?

Измайлов послал переводчика Соломона Лакербая дать знать об этом Черепову, спрашивая, таким образом, его взгляда на это дело.

Тогда Черепов ответил, что завтра поедет в Пицундский округ, где окончит работу, он приедет через два дня или в Колдыхар[7] или же возвратится сюда, в Гагры, если народ к этому времени соберется. Получив такой ответ, Измайлов послал нарочного в Пицунду. В приказание писал Измайлов: «Старшине Пицундского селения. Собери завтра к утру всех своих поселян около старой церкви; ожидаю прибытия комиссии, я приеду тоже, чтоб были собраны все без исключения, и без всяких «околичностей». Приготовь сено для 17 лошадей.

Приготовь также для меня одну чистую постель. Капитан Измайлов. Смотрите, чтобы были все».

(Эту записку я взял у рассказывающего здесь Тито Моргани). «Далее, князь, – начал Моргани, – этот вечер мы все были у Черепова, где играли в шахматы и ужинали. Возвращаясь, я и Измайлов домой, заметили, что едет один из абхазцев верхом по переулку, и крикнул я ему, что мол, где едешь по крышам, упадешь в трубу. Он, не узнав видимо впотьмах нас, ответил мне «тут такое важное дело, что ни на что не следует обращать внимания». И он ускакал.

Я ничего не сказал капитану Измайлову, но я заметил, что это присланный откуда-нибудь к жителям с каким-нибудь поручением от общин недовольных. На другой день мы, т.е. Черепов, Измайлов, я, переводчики и конвой также поехали в Пицунду. Нас встретил весь народ у входа в селение: здесь был и староста. В числе собравшихся видны были князья: Тито, Темшул, Заусхал Иналиповы и другие. Через 2 ½ часа мы из своих квартир пришли к старой церкви – к народу. Староста доложил Измайлову, что хоть и неохотно, но народ собрался весь. После размещения нас за столом, я сидел возле Черепова, открыли заседание. Черепов просил меня переводить народу и я взял на себя этот труд. Действительно, это было трудно с

народом, не желавшим вникать в то, что им говорила комиссия. «Все перемелется, – мука будет». Говорили и думали мы так.

Черепов через меня передал народу, что он, Черепов, прислан по воле его императорского высочества для того, чтобы объявить народу, что как во всей России, так и здесь крестьяне должны быть освобождены от крепостного состояния, но что предварительно, до объявления освобождения, или факта его, ему, Черепову, как назначенной в Абхазии комиссии, нужны сведения: 1) как велика была повинность своим владельцам даваема различными зависящими сословиями; это для того, чтобы из этих сведений могло правительство определить меру выкупа этих сословий от их владельцев. Но что выкуп этот упадет на счет состояния самих выкупаемых, а не на счет казны; 2) необходимо знать также, коль пользуются землею, могут ли продавать ее по своему произволу не только владельцы, но и подвластные, не спрашивая владельцев своих, таким образом, переходит ли, или переходила прежде у них земля в другие руки; 3) взамен проданной, могут ли обрабатывать другую, где кто захочет и 4) вообще правила местные – существуют ли аренды и проч.

Все это Черепов передавал, как мне показалось, действительно дельно, но затем он вдруг начал очень темно передавать через меня, так что я сам ничего не понял, и вообще непонятно выразил на счет ахашала, так, что было всякому заметно, что Черепов скрывает и вполне не высказывает истину.

Вот это дало маленький поворот к недоразумению – это недосказанное повело к гибели и к непониманию истины.

Народ заволновался, начался говор, разошлись по группам. Объявив содержание этого поручения он предложил выбор депутатов одного от владельцев и по одному от анхаэ и агирва.

С. Баратов

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №121

Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев
(Продолжение)

Затем начались вопросы по пунктам, я сел между членами и перевод вопросов и ответов коих производил переводчик Черепова

Ермолов. Спрашивая о повинностях, все было спокойно и бесспорно как со стороны владельцев, так и со стороны подвластных, кроме одного случая, когда один из анхаев отозвался неправильно облагаемой Тито Иналиповым повинностью. Спор по этому дошел до необходимости привести к присяге Иналипова, который показал, что его отец и дед брали с отца и деда этого анхае и потому он считает себя вправе продолжать требование этой повинности. Тогда анхае, не допуская присяги, сказал, что хотя показание Иналипова справедливо, но что он не куплен и не знает, каким образом попал под зависимость – этим прекратили, пока, спор. Но что сказать о споре, который потом произошел между членами нашей комиссии – это из рук вон. Все это происходило при собранном народе.

Начал его сам Черепов. После окончания спора между анхае и Иналиповым, Черепов задал множество вопросов, касающихся до поземельного права использования. Черепов один отвергал все права владельцев на земли и называл их, что владельцы не помещики, а ахалапшюю.

Как Иналиповы, так и окружной начальник Измайлов и мы, члены суда, крайне удивленные таким своеобразным поведением одного из нас, противоречили ему, стараясь вразумить его, успокоить. Все было напрасно – и он еще хуже стал грубо выражаться против Иналиповых, но хотя согласился составить акт за общим подписом, но не захотел кончить этим, бросив работу, уехал от комиссии недовольным к капитану Воронову, говоря, что соберет нужные ему сведения у Воронова. Черепов там оставался до 18-го числа, когда уже дело явного сопротивления приняло дурной оборот, где погибла вся комиссия и сам Черепов.*

Того же 18 числа в 1-ом часу к нам, оставленным без дела после отъезда Черепова, неожиданно приехал Мчишнарт, присланный Кониаром из Сухума, который, созвав нас, просил собрать народ и по распоряжению Измайлова народ собрался опять, и были князья Иналиповы, так обиженные Череповым, почти что задаром.

Выходя к народу, мы увидели, к крайнему удивлению, приехавшего Черепова и тогда он, поздоровавшись с нами, примкнул к нам и мы все пошли к собранным жителям. Начали заседания; Черепов, принявший, снова, на себя главную роль, задал через переводчика Ермолова вопросы, но собранный здесь народ, во главе которого был князь Тато Иналипов, ответил Черепову: «Мы не можем отвечать на ваши вопросы отдельно от прочих общин Бзибского округа,

---

* *Убит при возмущении, как и Кониар, Измайлов и др.*

ибо мы имеем на это исстари еще при бывшем нашем владетеле данный взаимно обет и присягу, что никакие ответы на важные вопросы не вправе давать отдельно от других общин». «Вы знаете, что я не вас спрашиваю; вы знаете, кому вы это говорите», – начал горячиться Черепов. «Кому бы то ни было», – был ответ со стороны толпы, которая быстро стала удаляться, расходясь в разные стороны.

Дело принимало скверный оборот. На все увещевания наши, Измайлова и даже смягчившегося Черепова не смогли согласить народ на дачу показаний. Черепов настаивал на аресте князя Тато Иналипова, думая, заставить народ, но Измайлов не прибегнул к угрожающим мерам. Старшина употребил все усилия, мы тоже посылались в народ, но все было уже кончено.

Дело было бесповоротно. Тогда Черепов донес с нарочным о случившемся полковнику Кониару (посланный Кониара в Сухуме уже не застал; он уже был выехавши в округ, узнав о некоторых беспорядках. Так этот посланный и погиб, убитый в поисках Кониара).

Нам самим оставалось выехать из враждебной деревни, что мы и сделали на рассвете 19-го.

Я, Измайлов, переводчики приехали в сел. Ляхлы (Соух-су), а Черепов, у которого захромал конь, с 8-ю казаками остался, пока, в дер. Звандрибша.

По приезде в Ляхлы Измайлов приказал собрать старшинам народ из общин Абухва[8], Миздзирхва[9], Чоболурхва[10] и др. Сегодня же в 10 верстах от деревни у берега реки Мчиш, – для узнавания, действительно ли существует между ними уговор или нет. К вечеру приехал Черепов на карей лошади, и мы поехали на берег р. Мчиша. Здесь собранный народ сказал нам то же, что и в бунтовавшейся деревне, а один анхае по имени Лей Квадж присовокупил с апломбом, что он, как равно и все здесь собраты, не намерены получать свободу от своих владельцев, выкупом за свой счет и готовы себя считать государственными крестьянами только в таком случае, если государство употребит на их выкуп свое добро, а не их. Его было арестовали, но затем раздумали, видя крайнее настроение умов массы, отпустили, и здесь нам ничего не оставалось делать. Для того, чтобы составить об этом акт Черепов поехал в Гудаут, распорядившись меня послать к Кониару в Сухум с докладом обо всем этом.

Получив еще другие бумаги от него, а также от Измайлова, я с конвоем 12 казаков поехал в Сухум. Между тем по отъезде моем по уговору некоего Соломона Лакербая были собраны жители дер. Дврибша[11], чтоб принять комиссию. Тогда Измайлов, предложив

Черепову, поехали в сел. Дврибша. На самом деле полагали, что это обширная община, где считалось до 400 дворов, если даст удовлетворительные ответы, то везде пойдет хорошо, что примеру их последуют и другие мелкие общины. Об этом известили нарочным казаком Кониару в Сухуме, предполагая, что он еще там. Этот нарочный меня догнал на ночлеге в дер. Абцюргва[12]. Между тем полковник Кониар искал комиссию по деревням, разослав казаков, и в эту ночь ночевал в соседней деревне Аэ[13]. На рассвете приехал другой казак – нарочный уже от Кониара, искавший комиссию, я отправил от себя другого казака известить полковника, где Черепов и через час, сам с казаками направился к Кониару в дер. Аэ, по дороге куда встретил его, адъютанта его, сотню казаков со значком и сотенным командиром во главе.

Увидав меня, полковник Кониар дружески пожал мне руку и слез с лошади. Тут, сидя на траве, я ему при его адъютанте все доложил от начала до конца.

П. Кониар казался чем-то очень озабочен, хотя и не высказывал ничего мне. Он сказал, что не доволен Череповым, что у кн. Баратова в общине Ачопора[14] все идет хорошо, это он сказал про вас, князь и, вставая, прибавил, улыбаясь: «Все пустяки, милый друг Тито!» Сели на лошадей и поехали в Гудаут, куда приказал Кониар приехать и комиссии по делу для дальнейших мер и для совета вообще. Между тем меня послал тут же в сел. Дврибш к жителям сказать, что он с комиссией сегодня же туда приедет и чтоб не расходились. Я поехал объявить дврипшцам, но увидел, что народ, собравшийся было сначала, к вечеру разошелся раздумав, и я поехал в Гудаут предупредить Кониара».

Так рассказывал сидя у меня Тито Моргани.

С. Баратов

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №122

Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев
(Продолжение)

Из Гудаута 25 числа приехал в сел. Ляхлы полковник Кониар с Череповым и с ним были князья Георгий и Александр Шервашидзе. Кониар призвал окружного начальника в тот же вечер и приказал ему принять все меры предосторожности; в это время ординарец

был послан за сотенным командиром сотником Москаленко. Сотенному командиру приказано было к завтрашнему, 26 числу, приготовить сотню, одев ее в полную боевую амуницию, приготовления эти скрывать от жителей. Все это Кониар делал на тот случай, что завтрашний день был им назначен, по уговору с окружным начальником, Череповым и кн. Шервашидзе, днем последней попытки. Нужно было узнать, в конце концов, что жители намерены делать дальше, узнать их категорический ответ, дадут ли они комиссии ответы и вообще нужно арестовать зачинщиков и прибегнуть к принудительным мерам.

26-го утром я приехал к полковнику, и он пригласил меня ехать с ним к народу, собравшемуся в деревне. Сотня казаков была приведена к дому, занимаемому Кониаром. До полудня все было спокойно. 1/3 1-го часа Кониар, Черепов, Абелов, Кулов, кн. Шервашидзе, я, сотник Москаленко и еще кое-какие офицеры из туземцев и почетные лица, составляя свиту полковника Кониара, поехали к народу. Там среди народа виднелся Измайлов, окружной начальник. Приехав к толпе, Кониар слез с лошади и начал было говорить, что он прислан с целью облегчить участь жителей-анхаев, что во всей России то же, и что они, абхазцы, тоже дети обширной русской семьи; все, что вводится в России, должно вводиться и у них....

Все это передавалось громко через переводчика.

Народ, окружив нас, кругом стоял в некотором отдалении. Вот во время этой речи Кониара, вдруг где-то далеко за толпой раздался выстрел. Вся толпа заволновалась; Измайлов пошел в середину толпы, вероятно, узнать, в чем дело. Мы стояли. Вдруг второй выстрел, за ним крик: «Ой! Ой!». Трубя, казак, сопровождающий в конвое казаков Кониара, упал, обливаясь кровью. В это время Измайлов выбежал в круг, за ним с обнаженной шашкой абхазец, который ударил Измайлова по голове!... Кониар и мы быстро сели на коней и поскакали к дому.... Сзади раздавались крики, свистки и выстрелы, народ бежал за нами. Мы забежали домой; казаки, стоявшие у квартиры Кониара по приказанию сотника Москаленко бросились с обнаженными шашками на «ура» на толпу, но один залп со стороны абхазцев положил около 15-ти человек казаков.

Началась рукопашная схватка, сотня в момент была окружена тысячной массой и пошла резня!

Тогда казаки пробились направо и заняли деревянную конюшню, которую вскоре абхазцы подожгли, и дым и огонь стали душить казаков и они выбежали оттуда и бросились в старую каменную цер-

ковь, выломали дверь и заперлись в нее. Между тем Измайлов был убит в толпе народа. Народ окружил квартиру Кониара, оставленную разбежавшимися казаками. 2 раза выходил кн. Шервашидзе с уговором к народу, но оба раза был встречаем руганью и выстрелами. Тогда мы заперлись и так сидели до ночи.

В 10 ч. мы видели из окна и слышали, что народ как будто разошелся, и мы было вышли, но, увидев, что кругом стоят одиночные часовые абхазцы, опять заперлись. Никто не мог придумать что делать? Мы, запертые в хате; кругом враги, казаки, запершиеся в церкви, окруженные врагами. 2 раза казаки хотели пробиться, но оба раза с уроном возвращались обратно и раз принесли и убитого сотника Москаленко. Хорунжий Рябцов был ранен.

Тогда наутро казаки все-таки незаметно перешли поодиночке в новую церковь, которую им отворил священник. Туда же перевели хорунжего Рябцова, без перевязки и медицинской помощи. Наутро же мы решили тоже пробиться и ускакать из селения – приготовили лошадей и каждый, имея в поводу лошадь и в правой руке револьвер, шашку, или другое какое оружие, – сразу отворили дверь и остановились, никого не видно!

Быстро на лошадей и с места вскачь – кто куда.

Но нас заметили и пошли стрелять со всех углов. На повороте одном Кониара ранили, и он поскакал назад, другие вернулись за ним. Я же, Акулов и 4 казака, переводчик Ермолов ускакали из деревни! И я больше своих не видел! Наутро в 4 ч. абхазцы ворвались в саклю и изрубили Кониара, Черепова и всех!..

Участь же казаков была такая: священник пустил казаков в церковь, они заперлись. Абхазцы, покончив с Кониаром и другими, большею частью разбежались, но самые отчаянные пришли-таки к казакам в старую церковь, и, видя, что там никого нет, кроме трупов сотника Москаленко, 2-х казаков, надругались над ними и бросились к новой церкви.

Тут казаки встретили их из бойниц залпом, много убили абхазцев.

Они – к священнику, требовали отворить церковь, но он сказал им, что они и его убьют, что он казаков не пускал, они сами вломились.

Что у них обагренные кровью руки и им великий грех убивать людей в церкви. Они, удивительно, не тронули священника и скоро разошлись совсем, бросая деревню; тогда все общины призывались идти на Сухум. Бунт был всеобщий.

Между тем дьячок и священник вышли к казакам и на их просьбы спасти их «ради Христа» священник дал слово известить в Сухум и княгиню Шервашидзе, жену полковника Александра Шервашидзе. Священник и дьячок носили им воду. Хлеб казаки два дня не ели.

28 числа княгиня Шервашидзе прислала им записку, где называла казаков «православными христианами», «братьями»; она писала, чтобы казаки, руководящие священником и дьячком, пришли к ней в дом, что просит она верить ее помощи и желанию освободить их.

Казаки изъявили согласие, и вечером княгиня сама приехала к ним в церковь. В деревне уже никого не было. Княгиня осмотрела казаков, забрала всех с собой, кроме 3-х тяжело раненых, которых невозможно было везти и они остались на попечении священника. Дома княгиня казаков накормила, обласкала, приискала фелюгу, и сама скрытно провела казаков до моря. Казаки мне говорили, что они, расставаясь со священником и княгиней, целовали у них руки со слезами на глазах, и княгиня благословила их, обещая тех 3-х тяжело раненых, при первой возможности прислать к ним. Так разыгралась кровавая драма абхазских событий.

С.Баратов

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, № 123

Ловля и похороны душ утопленников в Абхазии

Этот замечательный древний обычай патриархального абхазского народа состоит в следующем:

Если абхазец утонет, что нередко случается при полноводии горных речек и отсутствии каменных мостов, то тело его старательно ищут, впрочем недолго. Не найдя тела, абхазцы об этом мало тужат.

Тогда они принимаются за ловлю души утопленника, что по их убеждению, составляет самое главное. Штука эта совершается довольно просто: берут так назыв. абхазскую козу, то есть мешок из цельной козлиной шкуры, с шерстью наружу (употребляется как наши мешки); выгнавши из него воздух, затягивают несколько ремешок, чтобы горло мешка было полуоткрыто. Тогда, держа его осторожно в руках, отверстием вперед, ходят там, где предполагают утопленника, и поют при этом особые, зазывательные песни. Когда,

наконец, коза случайно немножко надуется от потоков встречного воздуха, тогда поспешно стягивают ремнем отверстие поплотнее, чтобы не вылетала душа, попавшая в ловушку; оба конца ремня покрепче завязывают.

Пойманную душу торжественно и поспешно внесут домой, к могиле заблаговременно приготовленной. Опустивши в могилу козу горлом вниз, распускают ремень; открывши отверстие, быстрым давлением выталкивают душу на дно могилы. Чтобы она не ушла, то заранее приготовленные люди поспешно засыпают могилу.

Теперь дело сделано: по убеждению абхазцев, утопленник схоронен в могиле. Поэтому ее обгораживают или делают над нею памятник, совершаются обычные поминки и т.д.

Влад. Чернявский[15]

Журн. «Природа и охота».
1879, №2

Дополнительная заметка о ловле души утопленника в Абхазии

(Шелковый мост). Мне удалось собрать несколько сведений об этом, чрезвычайно интересных. Добыты эти сведения между туземцами северной Абхазии абхазским дворянином Бидро Моргани, производившим для меня покупку ловушки для душ утопленников и других любопытных предметов абхазского быта.

Ловушка для душ, употребляемая в северной Абхазии, представляет собой небольшой бурдючек из цельной козьей кожи, очищенной от шерсти, шейная дыра заделана круглой деревяшкой; подобными же кружочками заделывают случайные дыры. Собираясь ловить душу утопленника, абхазцы кладут этот бурдючек, несколько размоченный водою, возле самой речки на влажном месте. Открытое отверстие конца одной из ног обращено к реке. От него чрез реку протянуты на другой берег две шелковые нити, образующие мост, по которому душа могла бы переправиться через речку.

Вокруг бурдючка, на прибрежных голышах и песке расстанавливаются кувшинчики и другие сосуды с самыми вкусными, абхазскими явствами и питьями. Родные, друзья и знакомые усопшего принимаются за истребление тех и других, с подобающим случаю тихим весельем. Обычай воспрещает малейшую печаль, споры или

ссоры. Душа приманивается зазывательною песнею, под звуки абхазской балалайки (со струнами из волос конского хвоста) и свирелей. Душа, увлекаемая этим тихим весельем родных и друзей, заслушивается звуков зазывательной песни, направляется по шелковому мосту и попадает чрез отверстие в ловушку. Бурдючек слегка раздулся, – следовательно, душа в ловушке; тогда отверстие постепенно завязывают и торжественно направляются домой к месту погребения души.

Влад. Чернявский

Журн. «Природа и охота».
1879, №3

Сухум и Абхазия.
После войны

На море дул свежий, легкий ветерок, пассажиры давно уже вышли из кают-компании.

Издали как-то не верилось, что Сухум пострадал от прошлой войны[16]. И, действительно, с моря не видно было никаких следов разрушения: те же дома, те же деревья, та же ротонда, та же пристань. Но каково было наше разочарование, когда пароход бросил якорь и стал на рейд! Никто из нас' уже не сомневался в горькой участи, постигшей Сухум, и каждому ясно стало, что жестокая рука неприятеля беспощадно коснулась всего. Одна только бухта, где в момент нашего прибытия в августе настоящего года стоял на якоре военный американский фрегат, избегла разрушительной силы войны.

Высадка пассажиров на берег продолжалась недолго, но каждому из нас, в особенности же сухумским старожилам, с лихорадочным нетерпением хотелось осмотреть город. Наконец, после четырехлетнего прозябания по разным уголкам нашей планеты, опять пришлось стать на сухумской пристани. Язык не в силах выразить того волнения, которое мне пришлось испытать в этот момент... Сколько прошлых воспоминаний, сколько счастливых минут!..

По красоте и местоположению Сухум, бесспорно, принадлежал к числу лучших городов на восточном берегу Черного моря. Нужно было видеть и несколько времени прожить в этом городе, чтобы затем навсегда находиться под влиянием его прелести. Спросите лю-

бого сухумского жителя, где бы вы ни встретили его, и он непременно скажет, что его тянет к Сухуму какая-то сила. Правда, лет 20 тому назад, Сухум не представлял из себя ничего хорошего, злокачественная лихорадка и болотистые места с непроходимыми кустарниками делали жизнь положительно несносною; но с назначением начальником Сухумского отдела генерала Геймана, Сухум стал неузнаваем. Город начал с каждым днем расти; появились прекрасные дома, с чистыми и просторными улицами, а казенный сад, совместно с садами и огородами частных владельцев, сделался украшением города. Загородные места и ближайшие окрестности Сухума были разделены на санитарные участки, на которых быстро стали появляться плантации табаку, винограда, кукурузы и разных фруктовых деревьев. Словом, заведена была машина для процветания города. Можно ли забыть то чудное впечатление, которое испытывает человек, ставши на природной трапеции, расположенной около Сухума! Если хотите получить невыразимое удовольствие, то станьте на этой трапеции, откуда город и рейд видны, как на ладони, и посмотрите на беспредельное пространство моря, на роскошные берега Абхазии. Но теперь Сухум может только повторять слова одного абхазского старика: «Кто меня не видел в молодости, пусть бы не видал и в старости».

Начнем с набережной. Она уцелела за весьма немногими и почти незаметными повреждениями. Видно, что турецкие бомбы далеко выше проносились над набережной, потому что от них пострадало только незначительное число зданий; но зато огонь довершил разрушение, а беспощадная рука врага уничтожила все садики и лишь остатки пней свидетельствуют, что здесь когда-то была роскошная растительность.

Пристань была сожжена, но она вновь построена заботами нового начальства.

Что же касается до ротонды, то она оставалась в первоначальном своем виде. Бульвар и аллеи, окружающие ротонду, также остались неповрежденными. Мне приходилось не раз слышать, что турки тщательно оберегали эту ротонду, и не раз устраивали там званые пышные обеды и вокально-музыкальные вечера. А второго мая 1877 года, в день появления турецких мониторов на сухумском горизонте, в этой же ротонде городская знать давала банкет (маевку) и во взаимных излияниях друг другу сердечного расположения заявляла о предполагаемом отпоре нападению турок. Каждый из пировавших знал, что неприятели хотят сделать нападение, тем более что до по-

явления мониторов много раз делались репетиции маневров с атаками через город для того, чтобы сбросить в море высадившегося дерзкого турка.

После нашествия неприятеля, из турлучных и деревянных домов, за исключением двух или трех из последних, не осталось ни одного. На месте зданий уцелели только фундаменты, а в некоторых местах нет даже и следов прежнего жилья. Что же касается до каменных и кирпичных домов, то из них остались только одни голые стены со многими трещинами, а в некоторых из них так и стены развалились.

В настоящее время в Сухуме построено довольно порядочно казенных и частных новых деревянных домов. На прежней церковной площади стоят очень красивые здания, напоминающие по наружности постройки Боржома. Для начальника отдела воздвигнуто новое, со всеми удобствами, прекрасное помещение; а канцелярия его помещается в бывшем пицундском окружном управлении. Красота, комфортабельность и даже, в некоторой степени роскошь составляют принадлежность здания, занимаемого этой канцеляриею. Постройки горской школы исправлены, а для смотрителя и учителей воздвигнуты новые здания. Почта помещается в исправленном каменном доме, принадлежавшем гвардии полковнику князю Алмахсиду Маршани. Для казначейства помещение готово, а для телеграфной станции отстраивается теперь.

Желающих строить дома чрезвычайно много и у всех готов материал и всевозможные приспособления для воздвижения построек, но никто, еще не принимался за дело. Существуют какие-то препятствия, которые, говорят, главным образом, состоят в том, что по нескольку владельцев за раз заявляли права собственности на один и тот же участок земли. Если подобные заявления существуют, то действительно администрация должна быть поставлена в затруднительное положение относительно разрешения жителям построек.

После войны трудно было доставлять материалы для предполагаемых построек. Материалы эти хотя и доставлялись, но, во 1-х, за них приходилось платить баснословные цены, и, во 2-х, они не отличались хорошим качеством. Обстоятельство это побудило афонских монахов протянуть ближним руку помощи. И, действительно, вскорости монахи эти получили превосходные материалы, приобретение которых было гораздо проще и стоило гораздо дешевле; но после двух транспортов; монахи почему-то прекратили эту операцию.

Днем и ночью, за обедом и ужином, дома, на площади, идут великие и нескончаемые глубокомысленные прения по поводу вознаграждения разоренных сухумских жителей. Хотя сумма вознаграждения простирается только до 350.000 р., но каждому хочется получить из него побольше и поскорее. Многие даже говорят о том, чтобы их вознаградили не только за потери недвижимого имущества в городе, но и за повреждения загородных домов. Если, в самом деле, сумма эта пойдет и на вознаграждение дач, владельцы коих оценивают их в 10, 15, 20 и даже в 30 тысяч руб., – то не знаю, что должны сделать другие, тем более, что такими дачами располагала почти четверть, если не половина жителей Сухума.

По настоящее время никак не могут оценить потерь сухумских жителей. Несколько раз назначались комиссии для этой оценки, но все-таки члены ее не могли придти ни к какому результату, и действительно, трудно получить какой-либо результат. Хозяева турлучных и едва державшихся домов заявляют свои потери на 15 и даже 20 тысяч рублей. Муж просит вознаграждения особо, жена особо. Между тем, хозяева новых каменных домов, стоивших до войны десять или двадцать тысяч рублей, по новой оценке комиссии, должны получить 2 или 3 тысячи руб. Есть и такие, которые просят вознаграждения в 40 и 98.000 рублей. Хватают с того берега, чтобы получить с этого. Оценивают потери в100.000 руб., чтобы получить 50.000 руб. Можете себе представить, что за 4 каменные столба и 4 голые стены требуют вознаграждения в шесть тысяч рублей! На долю одних достается много, на долю других ровно ничего. Докажем примером. Новый каменный дом, стоивший до войны 6.000 руб., комиссиею теперь оценивается в 2.000 руб., затем из этой суммы вычитают стоимость треснувших стен, и потом определяют отпустить хозяину в вознаграждение четвертую часть оставшейся разности. Что же придется получить бедному хозяину? Ровно ничего. Удовлетворить такие просьбы не в силах не только сухумская администрация, но даже и оригинальные американские власти. Было бы целесообразнее, если бы членами комиссии назначались совсем незаинтересованные лица. Таких лиц, проживавших до войны и знавших, у кого что было, немало в Сухуме, и они могли бы, под присягою, добросовестно показать, у кого какая, и во сколько была потеря. В подобной комиссии, без сомнения, был бы весьма важен и голос специалиста.

Какая досада, что прекрасный сухумский ботанический сад пострадал от неприятеля! Всем известно, что значит для города хоро-

ший сад. Впрочем, хотя уничтожение было абсолютное, но при моем обозрении упомянутого сада сравнительно с печальным его видом после войны, представляет теперь довольно сносное зрелище: деревья и цветы в полном цвету, и при тщательном уходе его легко поставить на прежнюю ногу. Я сам был очевидцем, как несколько пассажиров собрали из сада несколько прекрасных букетов.

Великое торжество было при открытии фонтана на большой городской площади. Все собравшиеся на это прекрасное зрелище выражали радость и удивление. И, действительно, фонтан производил чудеса: струи воды поднимались на 1/3, а иногда и на целую сажень высоты. Такой же фонтан предполагалось открыть в ближайшем будущем против пристани, на берегу моря.

Если город и окрестности будут очищены от мусора, травы, лишней заросли и гниющего леса, то есть надежда, что климат улучшится, и прекратятся те злокачественные лихорадки, которые своею силой в этом году напомнили, чуть ли не 30-е и 40-е года.

Жизнь в Сухуме после войны хотя и не дешева, но квартиры баснословно дороги. Развлечений для жителей довольно порядочно. На пристани музыка играет три раза в неделю. Иногда устраиваются танцы, а кавалькады можно видеть каждый день. Ухаживание за прекрасным полом по-прежнему продолжается, но тяжело было слышать историю одной скромной и трудолюбивой девицы, которая, как говорят, перенесла много горя и страданий по милости одного сухумского льва.

Пришлось также видеть несчастных абхазцев. При мне в Сухум было доставлено из Батума на военном пароходе довольно значительное количество их семейств.

В былые годы я долго не верил в существование людей, пьющих с холоду и горя, но близкое знакомство с житейскими невзгодами заставило меня признать эту поговорку. Точно также до последнего времени я не верил в существование живых мертвецов, но один вид колонистов сухумского отдела, состоящих из болгар, молдаван и русских мужиков, заставил тоже признать, что на земле есть и такие мертвецы. В одну из экскурсий моих по окрестностям Сухума я довольно далеко отъехал от города и нечаянно наткнулся на болгар, находящихся теперь в сел. Дранды, около древнего драндского монастыря, тяжелая картина предстала моим глазам. Я как будто очутился в городе живых выходцев с того света. Представьте себе людей, в высшей степени желтых, исхудалых, с трудным дыханием, в сильных пароксизмах лихорадки или удрученных другими болезня-

ми, с впалыми глазами, с умоляющими взглядами, без пищи, покрова, без обуви и костюма, без жилья, на сырой голой земле. Люди эти – драндские болгаре. Если ко всему этому прибавить ежедневную смертность 2 или 3 человек и стоны малолетних детей и их матерей, то можно иметь приблизительное понятие, какова должна быть жизнь этих несчастных поселенцев.

Сухумская администрация принимает энергические меры к облегчению участи этих поселенцев но, мне кажется, у колонистов было бы меньше болезненности и смертности, если бы их предупреждали, какое время более удобно для переселений. Известно, что сухумские июль, август и сентябрь самые злейшие месяцы для развития лихорадки, с октября же лихорадка не существует и переселенец, кроме акклиматизации успел бы до начала лета почти устроиться, а это очень важно для их здоровья и вообще для благосостояния каждого переселенца. Лучшим примером могут служить переселившиеся двадцать семь семейств немцев, которые, приехав в августе месяце, дышали здоровьем и силой, а в сентябре уже представляли из себя живых мертвецов.

К.Мачавариани[17]

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №237

Сухум и Абхазия.
История школы

В административном отношении Сухумский отдел, до последней войны, разделен был на два округа: Пицундский и Очемчирский. В состав первого входили Гудаутский и Гумистинский участки, т.е. вся полоса, лежащая между местечком Гагры и Кодорским мысом, а последнего – Кодорский и Самурзаканский участки, заключающие в себе все пространства, начиная от того же Кодорского мыса до р. Ингур.

При бывших владетелях Абхазии, русское управление не имело в сухумском отделе того значения и той силы, которыми оно располагает там в настоящее время. Дальше Гагры, Пицунды, Бомборы, Сухума и Очемчиры, лежащих на берегу моря, ни одна живая душа не могла проникнуть вглубь Абхазии, Смелого туриста, решавшегося странствовать по Абхазии, неминуемо ожидала или смерть, или

вечное рабство. При таком положении дела нашему правительству необходимо было утвердиться на каком-нибудь прочном месте и оттуда управлять краем, более или менее ограждая мирных жителей от постоянных нападений, производимых горцами. Таким пунктом была избрана Самурзакань, границы которой составляли с одной стороны р. Ингур*, а с другой стороны – река Галидзга, протекающая неподалеку от м. Очемчиры. Все это пространство составляло один Самурзаканский округ, подчиненный одному окружному начальнику, местопребыванием для которого было назначено местечко Окум. Понятно отсюда, почему Самурзаканский округ первенствовал вплоть до назначения начальником сухумского отдела генерала Геймана, при котором было сделано упомянутое выше административное деление.

До Крымской войны, в Самурзакани и думать нечего было об открытии каких-либо школ. Достаточно было и того, что убийства, грабежи, кражи и поджоги совершались в меньшем объеме, чем прежде. В самом деле, какие тяжелые времена должны были переживать мирные поселения, когда во главе шайки часто стоял 12 или 15-летний княжеский сынок и, учиняя разного рода разбои, безнаказанно разъезжал по деревням. Все эти бездомные и отчаянные шайки (а их было немало), среди белого дня угоняли с пастьбы или со двора лошадей, овец, коров и быков, принадлежавших мирным жителям, а ночью врывались в дома и уносили все до последней нитки, не брезгая даже и домашней птицей. Всякий протест или преследования со стороны потерпевшего сопровождались ужаснейшим, варварским мщением. При подобном положении вещей было не до образования, конечно, и если, по обычаю края, какой-нибудь князь посылал в Мингрелию младшего из своих сыновей для обучения св. писанию, по возвращению на родину такой «младший отпрыск» родовитой фамилии все же делался таким же головорезом, как и его старшие товарищи. Слава и могущество каждого привилегированного лица определялась количеством совершенных им преступлений. Первое увещание матери к сыну состояло в том, чтобы, он поскорее заслужил репутацию отчаянного вора и чтобы он каждую ночь приводил буйволов, быков и коров. Понятно, что ловкость и храбрость играли в этом деле не последнюю роль. Разве легко было бы в самом деле, поехать, например, в Мингрелию, Гурию, либо в

* *Эта река служит границею между Мингрелию и Самурзаканью.*

Имеретию и оттуда пригнать лошадей? Между тем, для абхазца такая поездка считалась моционом, и он всегда возвращался с какой-нибудь добычей.

Отправляясь на воровство, абхазец молил Бога о том, чтобы он послал ему бурную и темную ночь, непроходимые леса и разлив рек, для уничтожения следов уворованного. Всякий занимавшийся земледелием и торговлею, пользовался общим презрением и его могли обидеть не только соседи, но даже собственные дети.

Кончилась Крымская кампания. Русское правление получило большую силу в Самурзакани. Жители стали помалу привыкать к распоряжениям правительства и благосклоннее выслушивать поучения пастырей церкви. Подобному нравственному перелому способствовали, во-первых, быстрое отступление из Абхазии главнокомандующего турецкою армиею во время названной кампании, Омер-паши; во-вторых, ссылка отъявленных разбойников во внутренние губернии России, и, в-третьих, влияние христианских жён, которые оставляя свою христианскую родину, Мингрелию, и выходя замуж за магометанских самурзаканских дворян или князей, не оставляли веры своих отцов и немало способствовали укрощению дикого нрава своих мужей и воздействию на них слов и поучений христианских священников.

Нужно заметить, что еще до Крымской войны Самурзакань была отделена от Абхазии и светская власть в ней была подчинена совету управления Мингрелиею, а духовная представлена непосредственно экзарху Грузии, митрополиту Исидору, которым посланы были миссионеры для обращения самурзаканцев в православие.

Скоро после этого, по деревням впервые раздался благовест и самурзаканцы, наконец, осенили себя крестным знаменем. Живо помнится, как при колокольном звоне поднимали вой и гам собаки, не говоря уже о безграмотных турецких муллах, обязанности которых часто исполнялись и женщинами. Впрочем, последним часто доставалось от жителей, которые обвиняли их в сообщничестве с злыми духами; на теле таких женщин клали тавро раскаленным железом, или же их вешали на деревьях и обжигали пламенем. Жители стали все больше и больше посещать церкви, а вместе с тем и убеждаться, что нельзя же оставлять своих детей без образования. На предложение об обучении детей грамоте первые заявили согласие дворяне и князья. Крестьянам же некогда было еще думать об этом, так как они были в конце разорены постоянно нападениями разного рода шаек и частыми переходами с места на место. Несчастные не

имели даже порядочного жилья, за исключением плетеных сараев, крытых папоротником. Каждый из них жил на бивуаках, ежеминутно ожидая новых нападений. Нечего удивляться, поэтому разбросанности, в которой они прозябали. Довольно было с них и того, что большая часть из них строго соблюдала посты, иногда же угощала своих священников кукурузным хлебом или кислым молоком.

В подтверждение того, что самурзаканцы действительно чрезвычайно соблюдали посты, приведу из многих фактов один. В день освобождения крестьян в Сухумском отделе от зависимости помещикам, были вызваны в Сухум и жители Самурзакани. В честь такого события, совпавшего с постным днем, устроен был обед, состоявший из скоромных блюд. Можно представить себе, каково было всеобщее удивление, когда самурзаканцы поголовно отказались от предложенной им скоромной трапезы. Так или иначе, но администрация была вынуждена сделать им постный обед.

Не берусь излагать историю распространения грамоты в Самурзаканском округе до Крымской войны, но после нее, т.е. после 1855 года, впервые открыто* было обучение русско-грузинской грамоте в местечке Окум. Дело было так. Собралось под открытым небом около 30 дворянских и княжеских мальчиков, родителям же и посторонним зрителям и счету не было. Видно было, что, как мальчики, так и их родители, ощущали какой-то страх, какую-то нерешительность. Первым из них казалось, что их непременно будут подвергать страшным телесным истязаниям, как это проделывали над крестьянскими мальчиками безграмотные муллы; родители же мальчиков представляли себе, во 1-х, что с них потребуют какого-нибудь обременительного вознаграждения и, во 2-х, что детей их отдадут впоследствии в солдаты. Но когда им сначала была разъяснена польза образования, а потом объявили, что никаких истязаний не будет, что мальчиков в солдаты не отдадут, а девочки останутся при родителях и никто насильно не отнимет их у них и не отдаст в жены донским казакам, расположенным в то время в м. Окум, – то у всех присутствовавших просияли нахмурившиеся было лица. На другой день после этого, собравшимся мальчикам было предложено

---

* *Честь открытия школы в Окуме, дальнейшее распространение грамоты между самурзаканцами и обращения их (всех поголовно) в православие, а также постройки церквей принадлежит миссионеру протоиерею Мачавариани.*

идти в лес для доставки, приготовленных перед этим кольев и папоротников на устройство навесов. Нельзя описать с какой радостью шли в лес эти дети. Ни один из них не обращал внимания на свое дворянское и княжеское достоинства. В один день было поставлено два навеса, а вместо ученических парт расставлены были длинные столы. Каждому из мальчиков указано было свое место; затем розданы даровые книги, тетради и почти все учебные принадлежности, быстро разнесся по окрестностям слух об обучении детей грамоте в Окуме. Изо всех деревень стали стекаться по нескольку мальчиков; много приехало, даже из Мингрелии; между учащимися случались и такие, которым бывало не менее 25 или 20 лет. Учение шло до и после обеда. Детей обучали чтению и письму на русско-грузинском языках, черчению, элементарной арифметике, св. истории, элементарной русской, а также грузинской грамматике и пению. По праздничным дням все ученики посещали церковь, многие из них пели на клиросе. По вечерам устраивались детские игры, как-то: беганье взапуски, состязание в борьбе, бросание мячика в цель; в ходу была рубка дров, перепрыгивание через барьер и многие другие упражнения, способствовавшие развитию физических сил. Правда, иной раз пускалась в ход и так называемая «райская лоза», но, спрашивается, где по целой России она не употреблялась в те времена? Уж если там, на далеком севере, березовая лоза считалась лучшим подспорьем и приправой к ученью, как масло к каше и соль к щам, то можно ли ставить в сугубую вину здесь применение экзекуций к «корню учения»? Корень этот был одинаково горек повсюду в России, таков же он был, конечно, и здесь: бесконечно скорбная песня о розге одинаково хватала за душу по всем городам и весям нашего отечества. Но, слава Богу, времена эти, кажется, безвозвратно прошли!

Через несколько лет наши навесы, число которых с каждым годом увеличивалось, прозваны были старым университетом, а довольно обширное деревянное здание, построенное на счет общества восстановления христианства на Кавказе, новым университетом, в котором помещалось два класса с пансионом. Таким образом, начатки образования скоро принесли свои плоды и обучение под открытым небом, а иногда даже и на балконе, перешло в настоящее нормальное учение. Для проверки знания детей и успеха грамотности в Самурзакани стали приезжать ежегодно инспектора горских школ. Эти приезды инспекторов, с одной стороны, увеличение числа учеников – с другой, а также повсеместное заявление родителей об определении их детей в школу, вызвали необходимость назна-

чать учителями в сельских школах лиц, оканчивавших курс учения в бывшей тифлисской Александровской учительской семинарии. Так как во многих приходах и священники, с своей стороны, принимали детей для обучения грамоте, то обществу не трудно было основать и в других местах несколько сельских школ. Много помогало школьному делу солидарное содействие представителей светской и духовной власти.

К.Мачавариани

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №250

Сухум и Абхазия.
История школы
(Продолжение)

Дело обучения детей и увеличения числа школ стало идти успешнее с назначением г. Стрелецкого на должность инспектора городских школ. Предместники его ревизовали школы всегда один или два раза; г. Стрелецкий посетил их раз 5, если не более. До назначения его на эту должность сухумская двухклассная горская школа с приготовительных классов находилась совершенно в изолированном положении и не имела никакой связи с другими школами Сухумского отдела. В нее поступали только или дети сухумских жителей или дети чисто абхазского происхождения. Те и другие при поступлении в городскую школу ровно ничего не знали, и бедному учителю приходилось заниматься с 10-ю, или более, отделениями. Но г. Стрелецкий, приняв в свое заведывание сухумскую городскую школу, во 1-х; изменил порядок приема в нее и, во 2-х, предписал всем сельским учителям, чтобы они к 1-му мая представляли списки лучших учеников своих школ, а к 25 или 27 августа ученики эти явились в Сухум на конкурсный экзамен для поступления в горскую школу на свои или казенные средства. Такое распоряжение отозвалось на обучении и воспитании детей чрезвычайно благотворно; эти конкурсные экзамены заставляли учеников сельских школ удвоить старание, чтобы не ударить себе лицом в грязь пред учениками горской школы, а последних возбуждало к особенному рвению желание не давать, в течение академич. года, первенства приезжим «из провинции». С этих пор каждый год состояло 50 или 70 учеников

кандидатами на поступление в горскую школу. Ученики, окончившие курс учения в горской школе с успехом, посылались на казенный счет в императорский Никитский сад, в Ялту, для изучения агрономии, или в ставропольскую гимназию, а также в духовную семинарию в Тифлис, либо в горийскую учительскую семинарию.

Для успешного содействия развитию учеников и для разрешения многих учебно-воспитательных вопросов г. Стрелецкому один раз только удалось устроить съезд учителей всех школ в г. Сухуме.

Затем в самом Сухуме существовала одна женская школа, впоследствии преобразованная в женскую прогимназию. Самурзаканцы: а потом и абхазцы, с такою же охотою определяли своих девочек в женскую прогимназию, как и мальчиков в горскую школу или в сельские школы. Трудное дело выпало на долю уважаемой Софьи Илларионовны г-же Заборской, которая была назначена начальницею только что открывшейся в первый раз в Сухуме женской школы: Но все эти трудности были преодолены ею с должным педагогическим терпением, и в скором времени абхазские девочки не только могли читать, писать, заниматься рукоделием, но даже почти свободно говорить по-русски; кроме того, их обучали танцам и кулинарному искусству. По приезде в Сухум 4-х учительниц из Петербургского-Николаевского сиротского института дело учения подвинулось еще успешнее, но, к несчастию, война положила конец мирным занятиям, и в настоящее время в бывшей женской прогимназии один только горный или морской ветер насвистывает свои монотонные песни.

Вот история школьного дела в Сухумском отделе.

Теперь война окончена, здание под бывшую горскую школу исправлено, помещение для смотрителя и учителей выстроено. Значит, остановка за маленьким: начать дело и продолжать его «шаг за шагом». Это начало, и продолжение выпадает на долю теперешнего инспектора горских школ, г. Лихачева.

Вопрос теперь заключается в том, как продолжить и какие же меры принять для успеха дела? Прежде всего, всякому благоразумному деятелю необходимо поближе узнать ту среду: где он должен «постепенно» проводить какие-либо меры, а затем подобрать людей, которые действовали бы в этой среде заодно и в духе своего руководителя. Иначе всякое дело может погибнуть при начале же.

Кто ближе знаком с горскими племенами, тот не может не согласиться с тем, что мягким словом, уважением народного нрава, обычая и характера, оказанием во время какой-либо посильной помощи

и терпеливым выслушиванием длинных их речей, часто начинающихся с Адама или Моисея, возможно больше сделать, чем какими-нибудь крутыми мерами. Можно с уверенностью сказать, что в Самурзакани открытие во всех селах школ не сопряжено ни с какими затруднениями со стороны населения. Не знаю почему, но самурзаканцы сильнее всех проникнуты пользою образования своих детей. Кроме того, жители этого участка далеко выше стоят по обеспечению, чем соседние с ними мингрельцы и абхазцы; самурзаканцы всегда помогут рабочими и материалом, если только администрация разрешит им рубить лес. Жители примут на себя доставку этих материалов и даже помогут деньгами. Сумейте поговорить с простолюдином и все к вашим услугам. Попробуйте, завербовать двух-трех влиятельных почетных лиц деревни в свою пользу и затем: вся община в ваших руках. Если во всей Самурзакани будут открыты 12 или 15 сельских школ, то в Окуме и в Очемчирах необходимо увеличить число классов. Для самурзаканских жителей Окум и Очемчиры, как местопребывание представителей администрации, считаются какими-то привилегированными пунктами, а к г. Сухум они относятся с каким-то благоговением.

Было бы хорошо, если бы сельские учителя завели при школах какие-либо ремесла, гимнастика же крайне необходима. Также было бы весьма полезно, если бы учителя самурзаканских школ поддерживали друг друга советами и наставлениями, проверяли бы методы своего преподавания и к каждому новому году устраивали в Окуме нечто вроде съезда для обсуждения учебно-воспитательных вопросов. Сельские школы находятся в близком расстоянии друг от друга, доставка лошадей нетрудна, а на гостеприимство жителей всегда можно рассчитывать. Напишите кому-нибудь одно прошение, или подарите кому-либо одну немаловажную вещь и, будьте уверены, что вы никогда не будете нуждаться ни в чем во все время пребывания вашего в доме одолженного вами лица, хотя бы даже это пребывание продолжалось целый год.

Ввиду давнишнего существования школ в Самурзакани и ввиду общего мнения об особенных способностях самурзаканских детей, следовало бы непременно расширить программу преподавания.

К.Мачавариани

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №251

Сухум и Абхазия.
История школы
(Продолжение)

Перейдем теперь к Абхазии. Правда, при постройке Лыхненской средней сельской школы не только крестьяне, но даже дворяне собственноручно сами доставляли материалы для этой школы, но это исключение нельзя отнести ко всем деревням Пицундского округа. Абхазцы теперь страшно разорены. Скорее им нужно протянуть руку помощи, чем просить таковой у них. Поэтому для открытия школ в Абхазии обществу восстановления христианства на Кавказе придется издержать собственные свои средства.

Больше всего внимания учебного начальства должно быть обращено на г. Сухум и на открытие там 4-х или 3-х классного городского училища для оканчивающих курс учения в сельских школах, как только не находить им уголок в Сухумском училище. Если в будущем суждено будет нам пользоваться миром, то Сухум, без сомнения, ожидает хорошая будущность. Увеличение населения потребует увеличения числа школ или, по крайней мере, классов.

Нельзя не согласиться, что абхазцы находятся в самом младенческом развитии, и что благосостояние этого народа зависит от более или менее успешного развития народного образования. Поэтому, было бы рациональнее, если бы самое главное внимание учебного начальства обратилось на сухумскую горскую школу, потому что школа эта или будущее городское училище, как находящаяся в центре управления Абхазии, может служить рассадником образования в крае. Но может ли быть запас знаний, даваемых этой школой, настолько обилен, чтобы юное поколение Абхазии руководилось им в дальнейшей своей жизни? Для детей переход из сельских школ в горскую казался каким-то идеалом, но идеал этот скоро привел к разочарованию, когда они увидели, что им приходится побывать в сухумской горской школе один или два года, а затем опять возвращаться к своим родителям, потому что новые и новые контингенты аспирантов с нетерпением ожидали вакантных мест. Поэтому, увеличение числа классов в г. Сухуме не должно быть отлагаемо на неопределенное время.

Наблюдения, производившиеся над детьми сухумского отдела, дали нам следующую характеристику.

Насущная потребность народного образования и значение школ, хотя были поняты жителями Абхазии, но это понимание, видимо,

было не одинаково между чисто абхазцами и самурзаканцами. Последние, составляя одно и то же племя с абхазцами по праву, обычаю, характеру и отчасти по языку, больше проникнуты были сознанием в необходимости образования своих детей, чем первые. Обстоятельство это объясняется тем, что самурзаканцы, имея постоянное сношение с жителями кутаисской губернии, где народное образование получает постепенно относительно более широкие размеры, наглядно убеждаются в пользе образования, и это убеждение началось у них почти с 40-х годов. Между тем, единоплеменники их, абхазцы, находясь постоянно во враждебных между собою отношениях и исполняя свято все свои нравы и обычаи, освященные временем и религией в духе магометанских законов, до последнего времени не имели возможности думать о каком-либо образовании.

Все дети из самурзаканцев отличались богатыми способностями, прилежанием, вниманием, тщательным исполнением заданных им самостоятельных работ, особенно энергиею, безукоризненным поведением, полным повиновением школьной жизни и особенно желанием, во что бы то ни стало попасть в другое более высшее учебное заведение, чем горская школа. Между тем, к сожалению, нельзя того же сказать о чисто абхазских детях. При таких же способностях с переходом в следующие классы у них, видимо, слабела энергия, остывало желание учиться и нередко проявлялось в них стремление к удальству наподобие отцов, которые очень равнодушно смотрели, как их дети, дойдя до 3 или 4 класса гимназии, возвращались домой и без всякого сопротивления переходили к той жизни, какая их окружала в детстве, или же поступали в конвой, либо в переводчики в какое-нибудь управление. Подобное явление в жизни абхазских детей можно объяснить тем, что в целом в Пицундском округе существовала одна лишь школа. Но увеличение числа школ, а, следовательно, и ближайшее ознакомление абхазцев со значением образования без сомнения улучшат и их жизнь и дети их станут наравне с детьми самурзаканскими.

В заключение скажем, что так как, с одной стороны, администрация сухумского отдела всегда относилась сочувственно к школьному делу, а, с другой, сухумские граждане не раз делали капитальные пожертвования в пользу школы, да и многие жители отдела с жителями г. Сухума делали постоянные взносы в пользу женской прогимназии – то при таком общем содействии, мне кажется, можно сделать много хорошего и полезного – для самурзаканских и абхазских детей.

Пожелаем всего хорошего будущим руководителям и деятелям школьного дела в сухумском отделе, а в следующей статье попросим читателя выслушать наше мнение по поводу других вопросов нашей обыденной жизни.

К.Мачавариани

Газ. «Тифлисский вестник».
1879, №252

Письмо к редактору

«Господин редактор. В 7-ом № вашей почтенной газеты помещено письмо г. Ад. Берже, в котором он упоминает о напечатанных им в XVII томе «Русской Старины» письмах генерал-лейтенанта Колюбакина к кн. В. О. Бебутову и двух статьях из дневника его же, покойного ген. Колюбакина. Из настоящего заявления г. Берже мы видим, что между вышесказанными обнародованными в «Русской Старине» записками существуют подразделения, собранные г. Берже из различных рук. Между тем в «Рус. Старине» подобной оговорки не было, а напротив того, в заглавном вступлении было сказано, что эти записки ген. Колюбакина имеют более веское значение, что они были переданы ему, г. Берже, князем Г.Д.Шервашидзе, племянником бывшего владетельного князя Абхазии, память которого и была диффамирована в одной из этих статей. Таким образом, кн. Георгий Дмитриевич, очевидно, являлся сотрудником неблаговидным. Настоящее заявление г. Берже как бы выгораживает кн. Г.Д.Шервашидзе из подобного сотрудничества, но при этом не совсем понятно, почему г. Берже угодно было вначале предоставить кн. Г.Д. Шервашидзе роль нелестную для него, могущую вызвать неприятные недоразумения между членами этой фамилии? Во всяком случае, в двух этих заявлениях г. Берже встречаются несомненные противоречия. Правда, г. Берже говорит в своем письме, что при обнародовании статьи в высшей степени интерес представляют корреспонденции кн. В.О.Бебутова к исправлявшему тогда должность главнокомандующего Кавказскою армиею, каковые письма мы в скором времени надеемся опубликовать, и думаем, что они будут иметь иного рода официальное и веское значение.

«Мы впрочем, вообще в особенности в настоящей заметке вовсе не желаем вдаваться в разбирательство политической деятельности

ывшего владетельного князя Абхазии; об этом рассудят люди бес-ристрастные; мы только хотим напомнить, что записки ген. Колю-акина стремятся унизить даже его частное человеческое достоин-тво, выставляя его низкопоклонником. Лица, в памяти которых со-ранился характер покойного моего отца, могли бы скорее пове-ить, если бы ген. Колюбакин сказал, что он был медиум или магик, о низкопоклонство настолько противоречит всей его жизни до са-ой смерти, что такое заявление есть ничто иное, как диффамация, так как оно имеет источником не площадные умозаключения, а аписки ген. Колюбакина, я счел нужным высказать вышеописан-ые строки».

«Позвольте надеяться, г. редактор, что вы дадите место настоя-цему письму в газете «Кавказ».

Гвардии штабс-ротмистр, светлейший князь
Георгий Шервашидзе.

Газ. «Кавказ»[18].
1879, №10

От Сухума до перевала Домбай-Ульген

Разработка вопроса о важном значении удобных путей сообще-ия между Сухумом и отдаленными хребтами главного Кавказа и олинами Кубани не будет входить в программу настоящей заметки, ак как в пользе и необходимости сообщения между этими провин-иями, бесспорно, богатыми, едва ли сомневается кто-нибудь в на-тоящее время, и одна постановка подобного вопроса была бы рав-осильна решению его в положительном смысле. Я только укажу на о, что устройство удобного сообщения именно теперь, когда ми-увшая война дает чувствовать всеобщим опустением и застоем во сем Сухумском отделе, могло бы оживить торговлю, обеспечивая спех промышленности и, облегчая эксплуатацию естественных бо-атств, привлечь и вызвать к жизни новые силы для более быстрого успешного развития богато наделенного природою края.

Выбор того или другого направления пути, долженствующего довлетворить с наибольшей полнотой как торговым и экономиче-ким, так равно и стратегическим потребностям страны, – составля-

ет первостепенный вопрос и на удовлетворительное его решение должно быть обращено особенное внимание.

Само собою разумеется, что серьезные специальные, технические изыскания направлений, могущих по предыдущим соображениям соответствовать цели, должны доставить по возможности значительный запас разнообразных и точных данных, могущих служить точкой опоры и исходным пунктом при сравнении размеров затрат, необходимых на устройство пути по каждому из имеющихся направлений, с его экономическими, торговыми или стратегическими преимуществами.

Для сообщения Сухумского отдела с Кубанской областью существует несколько троп, завещанных нам седой древностью, – изысканных стопою пешехода, оплачивающего известной долей усилий и труда каждый неверный шаг, каждое уклонение от наилучшего направления. Направление этих троп соответствует немногочисленным расселинам или понижениям главного хребта Кавказских гор, которые более или менее свободны от ледников и залежей вечного снега (фирна). Некоторые из этих троп и направлений были исследуемы в разное время и нашими специалистами, согласно распоряжениям кавказской администрации, но изыскания эти, насколько можно судить по порожденным ими тощим отчетам, были выполнены слишком поверхностно и неполно, если не сказать небрежно, и едва ли могут служить прочным основанием для каких-либо сравнительных расчетов стоимости пути и соображений об их экономических и других преимуществах.

Тем не менее, исследования эти касались только направлений через перевалы: Аибго и Аишхо, Клухор и Нахар, и, наконец, направления на Марух.

Проект направления к перевалам Аибго и Аишхо, или так называемой военно-псхувской дороги, ниже всякой критики, как по причине многочисленных технических встречающихся по этому направлению трудностей, так по весьма значительной (свыше 220 верст) длине дорожной трассы и многим другим причинам.

Направления через перевалы Клухор и Нахар также признаны весьма неудобными, как по обилию встречающихся по этим направлениям ледников и каменных обвалов, так равно и значительной высоте (свыше 9.500 футов) и значительному (более ста двадцати верст) расстоянию. Затем, в сравнении с предыдущими, направление на Марух, недавно обследованное, хотя, впрочем, слишком поверхностно, также не представляет особенных удобств, так как, из-

брав это последнее направление, пришлось бы пролагать дорогу в узкой, скалистой щели русла Амткел-Ачадара, да еще в другом месте под громадным движущимся ледником, на расстоянии около 3 верст по твердому скалистому грунту. Наконец, расстояние перевала Марух от Сухума составляет, как оказывается, по изысканиям, 108 верст. Самый низкий из перевалов, как оказалось по произведенному барометрическому измерению, – перевал Домбай-Ульген, высшая точка которого не достигает 8.600 футов над уровнем моря, до сих пор еще никем не был осмотрен и хотя бы даже поверхностно обследован, несмотря на то, что общее расстояние его от Сухума составляет всего 93 версты, причем тропа пролегает по местности, не представляющей почти никаких технических трудностей. Описание этого именно перевала и ведущего к нему из Сухума пути я намерен сделать предметом моей настоящей заметки. Я должен, однако, оговориться, что прямую цель составляет в данном случае желание дать хотя бы общую характеристику местности в геологическом, географическом, ботаническом и топографическом отношениях, а также указать на возможность устройства пути и по этому направлению, а, главным образом, на то, что перевал Домбай-Ульген заслуживает, по-видимому, не менее, если не более других, серьезного обследования. Поэтому я постараюсь в общих чертах сообщить все те немногочисленные, но, тем не менее, не лишенные интереса данные, которые удалось добыть в короткий промежуток времени нашего путешествия, совершившегося при условиях далеко неблагоприятных для производства каких-либо исследований, данные, схваченные, так сказать, на бегу и могущие послужить разве только для весьма слабой и неполной характеристики пути от Сухума к перевалу Домбай-Ульген и самого перевала. Не считаю лишним заметить также и то, что поездка эта была вызвана желанием начальника Сухумского отдела, полковника Аракина, лично осмотреть перевал и убедиться в справедливости доходивших в разное время частных сведений о достоинствах данного направления.

Таким образом, не задаваясь широкой целью производства исследований и изысканий, и имея в виду лишь только осмотр перевала и прилежащей местности, 10 августа настоящего года мы выехали из Сухума по шоссе, в настоящее время ремонтирующемуся, устроенному в недавнее время процветания Сухума, по инициативе бывшего начальника Сухумского отдела генерала Геймана. Первые четырнадцать верст этого шоссе пролегают большею частью по ровному, составляющему аллювиальный нанос грунту и только

местами полотно дороги проходит по склонам небольших холмов, состоящих из **эоценового** песчаника и конгломерата, переходящего затем в известняковую брекчию, в свою очередь переходящую, по входе в живописное Маджарское ущелье, в сплошные толщи плотного известняка, из которого состоит и полотно шоссе, проложенного здесь на протяжении около 7 верст по почти отвесному обрыву. Миновав довольно значительный, около полутора сажени, водопад реки Маджары – «Бариал», открывается широкая перспектива плоскогорий Цебельды, открытых и почти наполовину свободных от леса, приятно гармонирующего с живой желтоватой зеленью папоротника (Pierius aquilina), покрывающего почти сплошь эти громадные, открытые прогалины. Сквозь просачивающиеся по временам тучи рельефно обрисовывались вдали причудливые силуэты гор снеговой линии Главного Кавказского хребта. Густой вечерний туман и наступающие сумерки постепенно стушевывали эти великолепные горные ландшафты, когда, миновав с. Ольгинское, мы спускались по размокшей скользкой тропе к находящемуся верстах в двух от дороги бывшему дому попечителя поселений в Цебельде – месту нашего первого ночлега. Барометрический определенная, абсолютная высота Цебельды составляет 425 метров, или около 1.400 футов над уровнем моря.

Слабое поднятие барометра к утру предвещало хорошую погоду, не изменившую нам во все время путешествия.

От водопада «Бариал», где собственно кончается старое шоссе, начинается новая трасса по легким склонам плоскогорья, в долину Марамбы, и далее на северо-восток, по направлению к хребту Аргунах. Толщина почвенного слоя почти по всей Цебельде незначительная, причем подпочвою в большинстве случаев служит известняк и мергель, весьма замечательно проявляющие, под влиянием атмосферных явлений, свое слоистое, местами даже явно листовое сложение, совершенно незаметное на известной глубине.

Спустившись в долину двух Амткелов, соединяющихся здесь в одно общее русло, и заметив показание барометра, составляющее для этого места 215 метров абсолютной высоты, мы поднялись по небольшому, но очень крутому и еще более живописному горосклону, представляющему естественный тенистый пальмовый (Buxus Sempervirens) шпалер. Проехав затем около 2 верст по открытому, большею частью свободному от зарослей плато, мы остановились у подножия хребта Джегергьял, отделявшего нас от долины р. Кодора, где, не доезжая версты на две до ур. Лата, в последней лежащей

на пути жилой сакле, назначен был второй ночлег. Дорога через перевал Джегергьял, разработанная одиннадцать лет тому назад двумя ротами 17-го Кавказского линейного батальона, в тех местах, где она пролегает по высокому, отвесному обрыву сплошной известковой толщи – по ширине и правильности полотна почти не уступает дороге Маджарского ущелья. Но в местах влажных, которыми изобилует Джегергьял, где была устроена уцелевшая во многих местах бревенчатая настилка – дорога не так удобна, хотя, будучи ремонтирована, легко могла бы служить для аробного сообщения. Нижняя и средняя часть пути со стороны Кодора разработана хуже, несмотря на правильный, довольно пологий склон на этой стороне Джегергьяла; но в верхних частях и на противоположной стороне линия тропы развита довольно искусно и с незначительным уклоном. Барометрический определенная высота наивысшей точки перевала через этот хребет составляет 1.010 метров, а на берегу Кодора, на месте ночлега, 235 метров. Минеральный состав хребта Джегергьял – известняк, местами доломит, мергель и плотный, крупнозернистый песчаник. Растительный покров этого хребта, как и во всей окружающей местности, – сплошной дремучий лес, в местах возвышенных состоящий, главным образом, из бука, затем дуба и каштана, ниже – с преобладанием граба, различных видов клена, изредка вяза и напоминающего ясень Diospyros.

Низменные и влажные места захвачены почти исключительно черною ольхою, под густой сенью которой удобно помещается Smilax, дикий хмель (Humulus), и затем, уже на опушке ольховых зарослей, густые клумбы колючки (Rubus sanctus et fructicosus).

Травянистая растительность этих глухих, подернутых вечным сумраком лесов, состоит преимущественно из вооруженных луковицами и корневищами представителей сем. Liliaceae, Ranunculaceae Scrafularineae, успевающих отцвести ранней весною, пока распускающаяся листва высоко распространенных ветвей бука и дуба не кладет предел развитию более светолюбивой и прихотливой растительности. Бук, дуб и каштан достигает здесь громадных размеров, причем форма ствола, благодаря тучности грунта и значительной влажности, бывает весьма правильная, так что дуб, растущий на высоте 3.000 футов, дает еще здесь превосходную драть и клепку. На одной из прилежащих возвышенностей, верстах в четырех к северо-западу от ур. «Лата», находятся богатые месторождения серебро-свинцовой руды, разрабатывавшиеся в прежнее время местным населением, преимущественно для получения свинца. Насколько

можно судить по рассказам жителей, руда эта есть ничто иное, как одно-сернистый свинец (PbS), то есть содержащий блеск, причем содержание серебра должно быть довольно значительным, так как некоторым из них, по их словам, удавалось вытапливать довольно значительные слитки серебра без употребления отражательных печей, пуская в ход самые элементарные приемы.

Вода небольшого ручья, берущего начало неподалеку от этих месторождений свинцового блеска, как говорят, вредна, по всей вероятности, вследствие механической примеси мелких частиц нерастворимой в воде свинцовой окиси, а также и других сернистых и сернокислых солей свинца, составляющих продукт разложения свинцового блеска. Барометрическая высота местности на берегу Кодора, версты две не доезжая урочища «Лата», отстоящего от Сухума на 50 с лишком верст, составляет 235 метров; сама долина р. Кодор, ограниченная здесь с правой стороны отрогами гор Амфорта и Пеллах-Бора, а с другой, спускающимися непосредственно к самому берегу реки пирамидальными уступами однообразного, покрытого густым гигантским лесом Панавского хребта, – весьма живописна. Правая сторона этой долины, называется вообще Дальским ущельем, представляет ряд небольших открытых полян, разъединенных то немногочисленными, быстрыми горными ручьями, то рощицами ольхового молодняка и орешника (Corylus avelana), захватывающими год за годом все более и более пространства. Как единственные памятники населенности и культуры этих плодородных лесных прогалин, стоят то группами, то уединенно, громадные ореховые деревья, да изредка попадаются одинокие, забытые могилы абхазцев. На одной из этих полян, версты за три от урочища Чхалта, в урочище Бедия, мы провели первую ночь на открытом воздухе, не желая обременять довольно трудным переходом до Чхалты наших катеров, – носителей дорожного скарба и живности. Весь путь от подножья Джегергьяла до ур. Чхалта довольно удобен, несмотря на то, что прежняя тропа совершенно забыта и заброшена, и только местами, особенно не доезжая самого урочища Чхалта, путь затрудняют небольшие отроги гор, круто обрываясь сплошными трахитовыми и базальтовыми утесами. Лес здесь, на местах более сухих и возвышенных, уже со значительным преобладанием дуба, составляющего в одном месте, по склону хребта, громадную, около трех верст длины, чистую дубовую рощу. Под легкой сенью этих возвышенных сухих лесов удобно ютится характерное для наших дубовых лесов Melampurum nemorosum, Rhinontus Crista Galli, Geranium roseum и друг., а на более открытых местах и Scabiosa

Ochroleuca. Весьма замечательно в ботаническом отношении, что другой, весьма близкий к предыдущему, вид Scabiosa Columbaria, принимаемый некоторыми за разновидность первого, совершенно не встречается в этой местности. По крайней мере, не удалось заметить ни в Цебельде, ни здесь миловидных, голубоватых головок этого вида. В состав подлеска здесь входит вместе с кизилом (Cornus Sanguinaea imascula) и изредка попадающейся приземистой «пальмой» (Buxus Sempervirens) несколько видов боярышника (Crategus), отсутствующего в подлеске более низменных, тенистых и влажных мест.

А. Бернацкий

Газ. «Кавказ».
1879, № 228

От Сухума до перевала Домбай-Ульген

(Продолжение)

Из урочища Чхалта, абсолютная высота которого составляет 600 метров, где мы оставили своих лошадей, часть багажа и сопровождавших нас казаков, с несколькими проводниками мы пешком пробирались по довольно крутому и высокому, покрытому густым лесом склону правого берега реки Чхалты до находившейся верстах в 2,5 переправы, состоящей из довольно искусно устроенного из жердей и хворосту мостика, перекинутого на представляющим естественные устои, громадным глыбам трахита. Эти трахитовые массы содержат в себе довольно крупные зерна кварца и санидина, которые, выщелачиваясь водою, придают породе слегка ноздреватый, пузыристый вид. Тропа по левому берегу р. Чхалты, тенистому и более низменному, еще заметна, несмотря на полное отсутствие движения. У самого впадения в р. Чхалту, с левой ее стороны, в углу, образующемуся от соединения этих двух речек, в урочище Ахмати-геларта уцелели остатки ветхих хозяйственных построек, составлявших некогда поселение одинокого, уединенного обитателя.

Барометрический определенная высота места впадения Птыша в Чхалту составляет 680 метров. Левый берег Птыша, по которому пролегает тропа, низменный и только изредка заграждается небольшими разветвлениями горного узла – Оуюза-це. Правый берег

крутой и скалистый, носит название «Хутия». Верстах в четырех от Ахмати-геларта, где тропа, избегая небольшого обрыва, на время переходит на правый берег реки, у старого, уцелевшего от прежних времен деревянного мостика, под которым, на глубине около 15 саженей, шумит сжатый крутыми берегами Птыш, мы в первый раз заметили несколько стройных гигантских елей, резко выделявшихся из светлой зелени окружающего их лиственного леса, своей густой темно-зеленой хвоей. В верхних частях горных откосов и на седловинах хребтов и здесь успел вытеснить почти все другие породы бук, но зато ниже он почти исчезает и заменяется явором (Acer pseudoptanas), вязом, берестом (Uemus camprestre), видами клена (Acer platanoides и Ac. tataricum), отчасти дубом и ольхою. Примесь ели в этих лесах весьма незначительна и только высокие горные вершины, покрытые неглубоким слоем почвы, увенчаны сплошными еловыми рощами. Минеральный состав береговых склонов Птыша и соседних небольших отрогов, состоящего из гнейса узла Ауюза-це – аспидный сланец (шифер), совершенно черный, превосходно колющийся в прямые, чистые плитки, и потому весьма пригодный для выделки черепицы, паркетных досок и других изделий этого рода. Определенная скорость течения р. Птыш, верстах в двух от Ахмати-геларта, была приблизительно – сажен в секунду, но далее, насколько можно судить по встречающимся на пути многочисленным водопадам – она должна быть значительно больше. Верстах в 4-х от урочища Ахмати-геларта, терявшиеся все чаще и чаще следы прежней жительской тропы здесь почти исчезают, и во многих местах приходиться пролагать путь в густых зарослях покрытой вечно блестящей свежей зеленью лавровишни (Prunus laurocerasus). Гибкие ветви этого кустарника, достигающие здесь значительной толщины, почти стелятся под сенью и в расселинах скал. Густая тень лавровишневых зарослей изредка разнообразится изящными мутовками голубовато-белой лесной Campanula, да стройными раскидистыми вайями папоротника Asplenium. Еще несколько вперед и сплошной, густой доселе лес заметно редеет. Издали в панораме широкого (около 4-х верст) Птышского ущелья виднеются среди крутых гнейсовых утесов предгорья, местами убеленные вечным снегом вершины главного хребта. Густые группы елей выделялись темно-зелеными пятнами на бледно-лилово-сером фоне гнейсовых утесов, местами увлажняемых то скользящими, то шумно ниспадающими потоками снеговой воды. Высокие обнаженные вершины Ауюза-це и увенчанные темной зеленью елей вершины хребта «Ху-

тия» дополняют живописный ансамбль этого великолепного горного пейзажа. Далее, на расстоянии от Ахмати-геларта, на высоте 2.760 футов над уровнем моря, начинается уже полоса трав и кустарников, а высокорослый лес встречается только уединенными оазисами.

6 ½ верст от этого же урочища, миновав небольшой, около 7 сажен ширины, каменный обвал, мы перешли на правый берег Птыша, близ впадения в него небольшого горного потока, берущего начало на значительной высоте. С этого места берег Птыша, постепенно повышаясь, переходит, наконец, в сплошной утес. Но зато левый берег совершенно низменный и представляет на протяжении около 6-ти верст одну громадную, удлиненной формы, поляну. Растительный покров этой поляны состоит преимущественно из папоротника, высокорослого Heraleum, достигающего здесь полуторасаженной высоты, и многих других представителей семейства Umbeliferae и Valerianae. На местах более открытых, прижимаясь к каменным глыбам, и почти сплошь покрывая давние каменные осыпи, зреет ароматическая дикая малина (Rubus Ideus). Глубокие тенистые впадины и расселины горных отрогов, часто на сплошном пространстве в несколько десятин, заняты почти исключительно густой порослью лавровишни с незначительной примесью Iiex aquifolium и Rododendron ponticum. Несколько верст далее русло Птыша, имевшее до сих пор направление на NO около 45°, круто поворачивает, под углом около 100° NW, и затем, на расстоянии около 13-ти верст от урочища Ахмати-геларта, принимает в себя, с левой стороны, воды довольно значительного ручья, вытекающего из широкого котлообразного ущелья. Бока этого ущелья, особенно в его нижней части, покрыты густой зеленью и небольшими группами леса, состоящего из ольхи, вяза, ели и кустарников крушины (Rhamnus frangula), лавровишни и орешника (Corylus avelana). Это котловинное ущелье на языке туземцев носит название «Арпыра-Ахырыпта». В полуверсте от места впадения в Птыш ручья, вытекающего из этого ущелья, правый берег опять возвышается и несколько далее становится почти совершенно обрывистым, вследствие чего тропа с этого места опять переходит на левый берег, большею частью холмистый, покрытый густой травой и кустарником. Русло Птыша, приняв направление к NW, на расстоянии около 3,5 верст от впадения ручья из ур. Арпыра-Ахырыпта, в изгибе ущелья прикрыто громадным, почти овальной формы, пластом вечного льда (фирна). Эта громадная фирновая поляна имеет около полуверсты в диаметре и на мест-

ном наречии носит название «Птыш-Ашта». Она помещается в овальном гнезде отшлифованных гнейсовых утесов, северная и северо-восточная сторона которых почти отвесны и составляют продолжение возвышающегося правого берега. Выше, непосредственно над этой залежью голубоватого фирна, грандиозно возвышаются друг над другом в какой-то величественной, дикой гармонии, громадные остроконечные скалы розово-темно-серого гнейса и, выступая в наивысших точках хребта исполинскими плитами, составляют резко очерченный на темной синеве горизонта остроконечный гребень Главного Кавказского хребта. Среди этих утесов в угловатых и воронкообразных котловинах виднеются многочисленные, но небольшие залежи вечного снега, расположенные как бы двумя видимо разъединенными террасами.

Из этих снеговых залежей шумно скользит и ниспадает многочисленными каскадами около одиннадцати потоков, издали белеющих серебристыми, почти прямолинейными полосами. Резервуаром этих вод служит громадная, скрытая под льдиной Птыш-Ашты котловина, представляющая, таким образом, вечно покрытое льдом озеро. Температура воды Птыша, измеренная нами неподалеку от выхода его из-под вечно дымящегося белым паром темно-зеленого свода ледяной толщи, была всего +5 по Цельсию, и барометр в этом месте показывал 1.660 метров. Лучеиспускание ледяных масс и вызванная их присутствием довольно низкая температура всей поверхности каменной гряды гор служит причиной обильного сгущения водяных паров из гонимого атмосферными течениями насыщенного влагою воздуха морского побережья. Таким образом, громадные каменные пространства и снежная котловина высоких альпов служат конденсатором атмосферной влаги и месторождением густых туманов, придающих еще более внушительный вид этим глубоким, пустынным ущельям.

От Птыш-Ашты русло Птыша круто, почти под прямым углом, поворачивает прямо на север и на расстоянии около двух верст от нее исчезает, на этот раз уже окончательно и бесследно, под массой столь же громадного ледяного пласта, верхний слой которого прилегает к утесам перевала. Судя по шероховатой поверхности скал, прилегающих к нижней части этого громадного вместилища льда, а также по не очень большому наклону ледяной поверхности, масса льда, по-видимому, не имеет более движения к низу, хотя с этим предположением плохо мирится присутствие в ледяной толще многочисленных трещин, широких (местами до полутора аршина), ду-

гообразной формы, причем выпуклая сторона дуги обращена книзу. От этого ледника, в верхней его части, отделяется по правую сторону ущелья и тянется по всей длине его к Птыш-Ашта громадная, удлиненной неправильной формы, масса льда, составляющая таким образом крыло этого главного ледника. Воды этих ледяных масс, с присоединением к ним с северо-восточной стороны четырех небольших ручьев, концентрируясь под покровом главного ледника, составляют в тесном смысле начало Птыша. Форма главного ледника, удлиненно неправильная, причем наибольшая длина его составляет около 300, а ширина не менее 200 саженей. Насколько можно судить по отшлифованной поверхности западной стороны ущелья, масса льда, лежащая непосредственно над ней и составляющая крыло главного ледника, имеет движение книзу на протяжении нескольких сот футов, и глухой грохот ледяных глыб, трескающихся и образовывающихся по временам на более крупных выступах каменной поверхности, по-видимому, указывает на справедливость этого предположения. Обилие трещин в ледниках здешней местности, вообще говоря, как будто не вполне согласуется с установившимся в науке, благодаря исследованиям Тиндаля, взглядом относительно весьма значительной пластичности фирна. Нижняя, прикрывающая истоки Птыша, масса главного ледника, занимавшая некогда несравненно большее пространство, несомненно, имела в прежнее время движение книзу, что ясно доказывается присутствием громадной, около 350 саженей длиною, боковой морены, теперь отстоящей саженей на полтораста от края ледника и почти примыкающей к громадному каменному обвалу. Минеральный состав главного хребта, примыкающих к нему каменных контрфорсов и вообще близлежащих высот, – главным образом гнейс, изредка отдельными утесами диорит и еще реже авгитовый и грюнштеновый порфир, состоящий из бледно-желто-зеленого оликоглаза и почти черной роговой обманки. В массе гнейса здесь очень часто попадаются вкрапленными прекрасные, довольно крупные вишнево-красного цвета кристаллы обыкновенного граната, представляющие собой совершенно правильной формы ромбододекаэдры. Особенно крупные кристаллы граната попадаются там, где входящий в состав гнейса полевой шпат, принимая чисто молочно-белый цвет, изолируется с незначительными прожилками кварца в сплошные вертикально расположенные пласты.

Толщина этих пластов, состоящая таким образом из почти чистого белого полевого шпата, достигает местами 7-8 футов и издали

они выделяются на розово-сером фоне гнейса белыми, то извилистыми, то прямолинейными полосами. Растительный покров всего юго-западного склона этой части Птышского ущелья, отделенного в самом конце от щели перевала большим каменным обвалом и частью главного ледника, представляет менее разнообразия на местах ниже лежащих. Наиболее характерными представителями здешней альпийской флоры может служить скрывающийся часто в густой траве, ползучий низкорослый рододендрон, рядом с укороченными стебельками генциана, густо покрытыми темно-синими колокольчиками, сочная лапчатка (Potetilla rupestris), крупноцветная Ceranium ametistina, Anaemonae Pateus, Narcisiflora et alpina, Myosolis fluviatilus, Stellaria и Fragoria vesca. Совершенно созревшие мохнатые головки анемона (Anaemonae narcisiflora) и давно отцветшая цветоносная лапчатка и земляника ясно указывают на давно минувшую для этого пояса весну. Последняя группа леса встречается версты за две от перевала над ледяным гнездом Птыш-Ашта и состоит из бука, лавровишни, крушины и орешника.

Что же касается до фауны всей описанной мною местности, то наилучшей ее характеристикой может служить разве что крайняя ее бедность. Даже кабан и медведь, опустошающие сады и угодья окрестностей Цебельды, за уроч. Чхалта уже редки, причем медведь заходит еще иногда в полосу трав и кустарников полакомиться ягодами малины и лавровишни.

Каменный козел (тур) и антилопа (жиран)[19] высоких альпов также здесь немногочисленны. Мелкие певчие птицы, столь многочисленные в наших северных лесах, здесь не нарушают глубокой тишины этих громадных сплошных лесных пространств и только изредка вблизи горного ручья порхает в лесной чаще черный дрозд (Turudus merula) и весьма редко – любящий уединение лесной жаворонок (Alauda arborea). Даже злейшие враги леса, представители столь богатого видами рода Bostrichus здесь как будто щадят свою жертву. По крайней мере, только раз удалось наблюдать под корою засыхающей ели бледно-желтые, безглазые и безногие личинки Bostrichus chalcografus, да еще несколько раз представлялся случай замечать на гниющих исполинских стволах опрокинутых деревьев следы поврежденной коры и заболони представителями рода Huglesinus и Accoptogaster.

Сам перевал Домбай-Ульген представляет довольно узкую, всего около полутора аршина, щель между двумя остроконечными плита-

ми гнейса, высота которых около 5, а ширина внизу около 2 сажен. Путь к щели перевала – миновав большой каменный обвал и боковую морену по леднику и затем по карнизам почти отвесной (около 150 футов вышиною) скалы – довольно труден. Ледник на северной стороне, верхний край которого примыкает к самой щели перевала, имеет около 400 саженей длины и не менее 250 сажен ширины. Из этого ледника, замкнутого между двумя контрфорсами главного хребта, вытекает небольшой ручей Домбай-Ульген, чистое низменное русло которого виднеется на расстоянии нескольких верст, среди сплошь покрытых густой травой пологих склонов, ограждающих его хребет. Восточный (правый) из этих хребтов, отделенный только утесами гребня главного Кавказа от юго-западного, также покрытого зеленью склона Птышского ущелья, – весьма удобен для устройства по нем какой угодно дороги, и стоит только прорубить или взорвать каменную завесу главного гребня, чтобы, минуя, таким образом, оба ледника и каменный завал, сделать удобным и безопасным сообщение между северным и южным склоном Кавказа. Довольно разнообразный рельеф юго-западного склона Птышского ущелья до ущелья «Арпыра-Ахырыпта» и котловина этого последнего ущелья дают возможность легко развить линию полотна с надлежащим уклоном.

Все расстояние от урочища Чхалты до перевала было пройдено в 3,5, а обратно от перевала в Чхалту в два дня. Расстояние от Сухума до Чхалты, при обыкновенных условиях, составляет 2,5 дня умеренной верховой езды.

Вообще говоря, направление на Домбай-Ульген представило бы, по-видимому, наиболее удобств при устройстве колесного сообщения между Кубанской областью и Закавказьем. Все расстояние от Сухума до этого перевала составляет, как я уже говорил, всего 93 версты, причем местность эта не представляет никаких технических трудностей, так что в полуверсте от перевала дорожная трасса пролегала бы по мягкому, покрытому зеленью грунту. Незначительная вышина перевала, составляющая только 8.600 футов, составляет громадное преимущество, так как в этой области глубина снегов в зимние месяцы и сила ветра увеличиваются весьма чувствительно с повышением местности, и каждые сто футов составляют уже большой расчет. Между тем высота других, соседних перевалов, составляет около 9.600 футов, следовательно, на целые 1000 футов более. Притом не следует забывать, что перевал Домбай-Ульген прилегает к той части Баталпашинского уезда кубанской области, которая, по словам баталпашинского уездного начальника г. Кузолева, населена

довольно густо и изобилует минеральными и другими богатствами, причем колесная дорога кончается всего в 10 – 15 верстах от перевала.

А. Бернацкий

Газ. «Кавказ».
1879, № 229

Переселение

После каждой войны, невзирая на большие или маленькие стычки с чужими племенами, в нашем государстве как в высоких кругах, так и среди писателей, обычно возникают такие вопросы: «Вот мы такие и такие страны завоевали, прибрали новые земли, в этих краях утвердились, значит необходимо, чтобы в этих новых странах мы создали колонии...».

Правда, сегодня весь Кавказский берег Черного моря опустошен, земля здесь плодородная. Места здесь бесподобные для разведения скота и посевов, однако для заселения этих мест годятся лишь люди из Грузии – Имеретии и Мегрелии: на равнинах, морском побережье, начиная с Сочинского порта вдоль берега Черного моря в Абхазии и (на участке) Батум-Кобулети лучше поселить жителей Имеретии и Мегрелии. У этих море находится близко, они отличаются тягой к купле-продаже, они привыкли и к болотному малярийному воздуху, значит, и пустые места морского побережья предназначены только для этих народов, тем более, что у них сегодня очень не хватает земель... Расширимся, пока еще имеем время, пока не понаехали чужие племена и не поселились на пустых местах нашего Кавказа.

Г.Церетели[20]

Газ. «Дроеба»[21].
1879, №27 (на груз. яз.)

Заселение Джикетии и Абхазии

Помимо того, что губернии средней и северной России в десятки и более раз удалены от Джикетии и Абхазии, чем наша Кутаисская губерния, помимо того, что сам воздух морского берега и гор для тамошних людей является невыносимым, имеется еще одно боль-

шое препятствие для их переселения – малочисленность людей на территории России...

Там так много земли, что на версту и 15 душ не живет, а в большинстве губерний на каждую версту не приходится и 6 душ...

Некоторые русские писатели говорят, что хотя для народов севера России климат Джикетии и Абхазии является неподходящим, зато у нас есть казаки Кубани и Дона, которые очень приспособлены к Кавказскому климату. Мы обязательно и их должны заселить. Но в Кубанском уезде и на Дону живут они привольнее, чем в указанных губерниях. Так что, если те земли распределить по дворам, на каждый двор придется самое меньшее тысячи дгиури земли[22]. Таких людей, если только кнутом и силой, а так, кто переселит их сюда, или кто захочет уходить оттуда?.. Очевидно, что нашему народу в десять раз больше необходимо расширение и переселение, чем выходцам из России, если они все-таки утверждают, что Джикетия и Абхазия должны заселиться обязательно выходцами из России, то такие рассуждения зиждется не на справедливой основе, а вызваны несколько иными соображениями. Поэтому все сочувствующие нашей стране должны проявить еще больше стараний, чтобы на опустевшие места побережья Черного моря направить наших бедных сельских людей, которые задыхаются от безземелья и которые там заживут более свободно и привольно.

Г.Церетели

Газ. «Дроеба».
1879, №47 (на груз. яз.)

Батум, 27 июля

22 числа того месяца наш Батум посетил Великий князь (Наместник) Кавказа Михаил Николаевич!.. Сразу по прибытии он пожелал познакомиться с нужными лицами и затем последовал прием прошений, между прочим, он получил прошение от униженных судьбой абхазов, которые растаптывались как муравьи под ногами.

Я не могу описать Вам ужасную картину, как они собираются во время прибытия Великих князей для подачи прошения, чтобы те смилостивились над ними, и дали им возможность последние дни жизни провести под деревьями их родины!

Кразана[23]

Газ. «Дроеба».
1879, №172 (на груз. яз.)

Сухум, 29 июля

Нынешним летом я предпринял поездку вдаль восточного берега Черного моря и посетил Сухум. На пути туда уже заметно было, что едем в разоренный, обезлюденный край. Несколько десятков семейств оборванных, несчастных абхазцев, преимущественно женщин и детей, ютились со своим жалким багажом на носу парохода – это остатки семейств, эмигрировавших в прошлую войну в Турцию и возвращающихся теперь на родину. На пароходе нам сказали, что только сотая доля их сохранила кое-какие денежные средства, дающие им возможность купить пассажирские билеты, а что остальные тайком пробираются на родину в маленьких турецких кочермах, перенося всевозможные лишения в пути и очень часто бесплодно.

Говорим, например, что в зиму этого года абхазцы-эмигранты отправились в Сухумский отдел из Самсуна на двух кочермах; более десяти дней они пробыли в море, за недостатком пресной воды пили морскую, около десяти умерших своих товарищей выбросили в море и, наконец, одна из кочерм прибыла в Сухум. На ней было до 170 душ. В Сухуме им дозволили пробыть два дня, чтобы похоронить несколько человек и потом на военной шхуне их отправили обратно в Турцию. Все-таки надо сказать, что на долю их выпала лучшая участь, так как их, по крайней мере, бесплатно доставили в Батум; но говорят, были и такие несчастные, которые в тех же кочермах возвращались в Батум, т.е. судьба которых вверялась произволу турецких шкиперов. Как-то не верилось в существование подобных порядков, но, к сожалению, на самом сухумском рейде мы убедились в правдивости рассказов. Пароход остановился в нескольких шагах от одномачтовой кочермы, битком набитой абхазцами: в ней помещалось более 120 душ. Эти несчастные два дня уже стояли на рейде, ожидая решения своей участи. Из опасения внести в город какую-нибудь опасительную болезнь, абхазцам не дозволялось выйти на берег. Впоследствии мы узнали, что, по решению администрации, их на той же кочерме отправили обратно в Батум.

Мы не узнаем причин такого решения, но думаем, что подобные порядки следовало бы прекратить во имя человеколюбия.

В настоящее время Сухум представляет массу развалин. Кое-где виднеются здания под крышами – иди казарменные постройки, или дома частных лиц, возобновленные за счет казны для помещения служащих; остальные же постройки представляют или кучу камней, или разваливающиеся под влиянием непогод стены. Над этим зло-

счастным городом тяготеет какое-то проклятие: с 1856 года он пережил три разорения. В 1856 году, город был разрушен в первый раз войсками Омера-паши; в 1866 году большую часть его уничтожили возмутившиеся абхазцы и, наконец, в 1877 году его окончательно уничтожили турецкие войска и абхазцы.

После каждого из этих погромов правительство, правда, являлось на помощь пострадавшим, но эта помощь выдавалась в таком ограниченном размере и так несвоевременно, что прежние владельцы старались за бесценок продать свои усадебные места и остатки построек.

В настоящее время сухумские граждане получают по 28% стоимости их погибшего имущества, но получают по частям с 1877 года, так что вознаграждение это, или, вернее, пособие, пошло на поддержание существования граждан, а никак для восстановления уцелевшего после войны имущества. Будь эти 28% выданы тотчас после войны, быть может, многие сохранили бы свои дома от окончательного разорения; теперь же, когда время и непогода докончили разрушение, начатое турками, этих денег слишком недостаточно. Многие из прежних граждан решили навсегда оставить Сухум и поселиться в более гостеприимных углах России. До какой степени мало ценятся дома в Сухуме, можно судить из того, что кутаисский Михайловский земельный банк, по уставу обязанный принимать в залог имения Сухумского отдела, отказывается выполнять это обязательство. Это объясняется тем, что с 1810 года, в течение семидесяти лет, не сделано ничего, чтоб оградить жителей, хотя несколько, от случайностей войны и обеспечить им путь спасения.

Со стороны сухого пути Сухум совершенно изолирован даже от соседних губерний. Единственный путь сообщения жителей с внешним миром – морской, и если завтра будет объявлена война, сухумцы окажутся в такой же западне, в какую попали в 1866 и 1877 годах. В продолжение семидесяти лет нашего владычества в этом краю сделано шоссированных дорог на шесть верст: на полторы версты до дачи бывшего начальника отдела, генерала Кравченко, и на четыре с половиною версты до реки Келасури! Продолжение шоссе далее этой реки, до пределов Цебельды, отнюдь нельзя считать путем сообщения, так как отсутствие переправы чрез реку Келасуры делает его совершенно бесполезным.

Поучительна история сделанных до настоящего времени попыток к проведению дороги из Сухума в Кубанскую область. Настоятельная необходимость в этом пути сознавалась уже после войны

1853 – 1856 годов. Тогда же приступлено было к изысканию направления дороги, но изыскание это делалось столь медленно, что абхазское возмущение 1866 года застало Сухум без всякой дороги. После подавления восстания, о настоятельной необходимости дороги в Кубанскую область заговорили громче. В 1867 году генерал Гейман был назначен начальником Сухумского отдела. Со свойственной ему энергией он взялся за осуществление дороги. Решено было провести дорогу через перевал Доу, и для этого были сделаны соответствующие распоряжения. Но в начале 1872 года генерала Геймана заменил генерал Кравченко, который признал прокладываемую дорогу не отвечающею стратегическим целям, поэтому работы были прекращены. Генерал Кравченко указал на Марухский перевал, как на самый естественный путь в Кубанскую область. Началось опять исследование путей. Изыскания на месте убедили, что перевал, так энергично отстаиваемый, имеет большое неудобство – ледник, который или надо обходить значительным окружным путем, или под ним нужно делать туннель. Тогда вспомнили, что есть еще два перевала, через которые абхазцы ведут постоянную торговлю с карачаевцами: Клухорский и Нахарский, и принялись изучать эти два перевала. К сожалению, начавшаяся война помешала работать. Кончилась война; назначен новый начальник отдела, который указал на новый перевал через горы у истоков реки Птыш. В настоящее время производятся исследования этого пути инженером Далем, и сухумцы надеются, что со временем будут исследованы все перевалы на пути из Кубанской области в Сухумский отдел, но дороги все-таки нет.

Газ. «Голос»[24].
1880, №219

Батум, 4-го августа

Безвыходное положение абхазцев, о которых мне уже приходилось говорить, вызывает к этим несчастным сочувствие здешнего населения. 28-го июля пароход русского общества и торговли «Эльборус» привез из Сухума около 300 этих бездомных скитальцев, обреченных в недалеком будущем на голодную смерть. Нельзя было без сострадания видеть привезенных сюда абхазцев, в числе которых до 200 женщин и детей – до того они исхудали и ослабли от

продолжительного скитания. У многих остались кожа да кости. Двое по приходу парохода в Батум умерли от истощения. В настоящее время весь прибывший «транспорт» помещен просто на площади и существует благодаря участию начальника порта, контр-адмирала Греве, князя Эристова и других лиц. Это несколько улучшенное положение будет непродолжительно, так как в скором времени их начнут вывозить небольшими партиями, по 50 человек, на военных шхунах обратно в Турцию, где их ждет голодная смерть...

Не владеющие никаким имуществом и не знающие никакого ремесла, абхазцы во время прошлой русско-турецкой войны, в числе 30.000 человек дезертировали к туркам, которые пользовались ими вначале для своих целей, а потом, признавая их военнопленными, стали отправлять их на своих кочермах на сухумский берег, где они бродят некоторое время, а потом начальник Сухумского отдела, полковник Аракин, отправляет их в Батум, откуда им снова суждено быть перевезенными обратно на негостеприимный турецкий берег. Судя по состоянию последней прибывшей партии, можно с уверенностью сказать, что многие из них не выдержат обратного путешествия на маленьких шхунах; на случай же появления какой-нибудь эпидемии, что весьма возможно при крайней нищете, общем истощении организмов... Смерть найдет для себя обильную жатву среди этих несчастных. Говорят, положение абхазцев ухудшается вследствие каких-то недоразумений, возникших между начальником Сухумского отдела полковником Аракиным и начальником Батумской области генералом Комаровым. Последняя партия, доставленная сюда на «Эльборусе», состояла исключительно из жителей селений, которые расположены в нескольких милях от Сухума, несмотря на это, начальник Сухумского отдела не нашел возможным допустить обратное переселение их в свои деревни и перепроводил их к генералу Комарову, для выселения.

По всей вероятности, о положении абхазцев неизвестно великому князю наместнику. В противном случае, к этим несчастным наверно относились бы гуманнее, чем турки, которые, конечно, не преминут снова посадить их на кочермы и в этот раз отправить, быть может, на дно морское.

Газ. «Голос».
1880, №224

Батум, 16 августа

Прошло пять дней после того, как сюда прибыло судно из Турции, которое привезло 1000 душ абхазов-христиан. Они просят разрешения поселиться у себя на родине: их просьбу не удовлетворяют, несчастные находятся в потрясающем положении: уже 18 дней, как они валяются на судне, как рыба в бочке, то под дождем, то под палящим солнцем, без еды. Говорят, что от голода уже умерло 10 человек. Личного благотворительства им не хватает.

Газ. «Дроеба».
1880, №173 (на груз. яз.)

Между двух земель

Вы представляете сейчас, в каком положении должны быть те абхазы, которые как рыба свалены друг на друга на судне «Агиос Петрос», у которых нет ни еды, ни воды, ни одежды, и, что хуже всего – права выхода на сушу!..

Ни наше правительство, ни власти Турции не хотят запускать этих людей в свою страну... Турция не принимает изгнанных от нас людей. У обоих стран есть свои политические соображения, по которым эти люди не должны иметь место на территории России и Турции...

Неужели так велика их вина, что мы человеколюбие подчиняем каким-то политическим соображениям, и просвещенная власть доведет дело до того, что эти люди или утонут в море, или же съедят друг друга в каюте? Мы помним, несколько лет тому назад, какой шум подняли журналы и газеты по поводу того, что директор Московского зоологического сада плохо кормит животных сада. «Какой же он варвар, что так мучает животных», – писали эти журналы и газеты. Насколько более потрясающим является участь тех малолетних детей и их матерей, которые от голода погибают между небом и водой...

Абхазов кидают, как мяч, от нашего порта до порта Турции, откуда их выстрелами возвращают обратно, и стоят они, эти несчастные, потерявшие надежду и отчаявшиеся люди меж двух земель.

Газ. «Дроеба».
1880, №199 (на груз. яз.)

Батум, 28-го августа

В настоящее время все обитатели Батума интересуются вопросом, что делать с прибывшею из Турции незаконным путем большой партией абхазцев и чем кормить их до разрешения этого вопроса. Дело вот в чем: 12-го августа прибыла в Батум под английским флагом турецкая кочерма «Агиос-Петрос», под командой турецкого подданного, шхипера, грека Георги Димитриади, с 13-ю матросами, тоже греками и тоже турецкими подданными. По предъявленному турецкому паспорту, судно это имело право перехода из Пендеракли в Синоп с 200 пассажирами и, лишь рассчитывая на хорошую погоду могло, по вместимости своей, принять 400 человек, но «Агиос-Петрос» прибыла после десятидневного плавания, во-первых, не в Синоп, а в Батум, а во-вторых, не с двумястами, а с тысячью двумястами несчастных абхазцев, принятых шхипером контрабандным образом, в глухом месте Филиос, где нет ни порта, ни таможни. Батумская таможня, вследствие того, что паспорт судна нигде и никем не прописан, а также и потому, что прибывшие не снабжены паспортами, отказала шхиперу в позволении высадить людей на берег. Тогда Георгий Димитриади подал заявление командиру порта, что на судне его открылась течь, и что в море идти он не может. На основание такого заявления была назначена комиссия: из всех наличных в Батуме капитанов коммерческих судов, в числе которых был один французский капитан и два консула, французский и турецкий, под председательством командира порта.

Прибытие в Батум кочермы «Агиос-Петрос» привело в ужас всех очевидцев вследствие её варварской погрузки людей. Комиссия, приближаясь с судну, была поражена страшным зловонием, исходившем от судна, и взошедшим на него членам комиссии представилось зрелище ужасающее: тысяча двести абхазцев, в числе которых четверо было мертвыми, кишели в этом судне, как черви, переползая один чрез другого, так как ходить не было физической возможности. С некоторыми из прибывших на судно от зловония сделалось дурно.

Такое ужасное положение людей, немыслимое в русском порте, принудило местные власти разрешить высадить людей на берег, окружив их конвоем, как беспаспортных, а шхиперу поставить в обязанность: судно очистить, дезинфицировать, проконопатить баргоут для уничтожения течи и потом снова посадить этих несчастных для

доставления обратно туда, откуда были они взяты. Для того же, чтоб шхипер не покинул порт и свой живой груз, т.е. не убежал со своим судном в море, комиссия постановила: отвязать от судна паруса. Обо всем этом посланы телеграммы в Тифлис и английскому консулу в Поти.

В заключение этой печальной истории, надобно сказать, что матросы с кочермы объявили своему шхиперу, что не пойдут обратно с прежнею массой абхазцев, хотя бы пришлось им понести за это смертную казнь. Во всяком случае, этой несчастной партии абхазцев исход предвидеть трудно: Турция едва ли примет их обратно, Россия тоже не желает их принять. Нищета полная! Батумская благотворительность истощилась для продовольствия тысячи людей.

Упомяну несколько подробнее о батумской благотворительности. По перемещении с злосчастной кочермы «Агиос-Петрос» тысячи бедняков на берег, на окраину города, около озера, многие из жителей Батума тотчас же взяли некоторых на поруки для прокормления, а остальные, помещенные в нежилых бараках и палатках, сделанных из парусов, отобранных с «Агиос-Петрос», пользовались по сие время благотворительностью всех жителей города, преимущественно военнослужащих. Но прокормить этих несчастных дальше весьма трудно для здешней благотворительности.

Дрожь пробегает при воспоминании лиц этих несчастных, на которых я пошел посмотреть, чтобы убедиться в их тяжелом положении. При обходе этого лагеря бесприютных, только и слышались стоны больных и умирающих. Кучка благоговейно стоящих в кругу мужчин невольно обратила мое внимание. Подойдя к ней, я увидел, что отдавался последний долг только что отошедшему в вечность абхазцу-христианину. Пошел далее – та же сцена. Многие ели какую-то зеленую массу, похожую на шпинат, как оказалось, сделанную из тут же сорванной ими какой-то съедобной травы, превращенной в кашицу.

Тяжко было мне на душе при виде бедственного положения массы людей, а главное, детей с печальными и бледными личиками. Нервы были напряжены. Чувствовалась необходимость облегчения, и оно появилось. Услышав говор и шум позади себя, я невольно обернулся, и увидел наклоненного к группе детей старого адмирала, который гладил по головкам детей и расспрашивал через переводчика о состоянии здоровья. Доброе лицо адмирала и мягкое его обращение с бедняками, видимо, благотворно действовало на них.

Стоявший около меня конвойный солдат пояснил мне, что это – командир порта, адмирал Греве, который каждый день навещает их и заботится о них, а особенно о больных и детях.

Газ. «Голос».
1880, №247

Батум, среда,
17-го сентября, 10 часов вечера

Абхазцы, высаженные недавно хозяином турецкого судна «Агиос-Петрос» на необитаемом берегу наших владений, привезены сюда сегодня посланным за ним судном под английским флагом. Первым делом их, по вступлении на землю, было отслужить два молебна: благодарственный господу богу и заздравный за наместника кавказского, его императорское величество, Великого князя Михаила Николаевича, милосердием которого они избавлены от ожидавшей их голодной смерти.

Газ. «Голос».
1880, №259

Батум, 17-го сентября

Сообщаю вам подробности этих несчастных абхазцев, желавших поселиться на Кавказе без разрешения русских властей. Из Тифлиса было получено распоряжение отправить абхазцев обратно в Турцию. Абхазцы не хотели. Описать картину, как их сажали на судно военное силою – трудно, почти невозможно. Общий стон, крик и отдельные раздирающие душу вопли способны были тронуть самое черствое сердце. В данном случае надо отдать справедливость батумской администрации: она снабдила их небольшим количеством съестных припасов. Наконец, отправили, а что дальше вышло – известно уже отчасти из телеграммы (в № 259-м «Голоса»). Судно «Агиос-Петрос», отправленное на буксире парохода и конвоируемое военною шхуною «Редут-кале», подошло к турецкому берегу; там его встретили ружейными выстрелами, после чего конвой и пароход

возвратились в Батум. На другой день в Батум пришло донесение от береговых постов такого рода, что шхипер судна, желая отделаться от живого груза, ночью снова подошел к нашему берегу, и в 20-ти милях от Батума выгрузил всех абхазцев между неприступными скалами, на небольшой песчаный берег, где ни воды, ни пищи, ни растительности и никакой дороги нет. Для того, чтобы выбраться оттуда, надо высекать ступеньки в скалах. Береговые посты заметили, что уже после первой ночи у переселенцев шесть человек лежало мертвыми. В Батуме же, во время 25-ти дневного их пребывания, умерло 178 человек, да бежало до 200 мужчин, а остальные 750 человек, отправленных из Батума, большая часть женщины и дети, обессиленные уже продолжительным голодом, как бы подготовили себя к такой же печальной развязке.

Шхипер судна «Агиос-Петрос», выгрузив абхазцев на необитаемый берег или, точнее, заживо похоронив их там, возвратился в Батум, как ни в чем не бывало, и рассказывал, что он, выгрузив абхазцев на турецкий берег, зашел в Батум для пополнения провизии. К счастью, известия с постов прибыли раньше отхода судна «Агиос-Петрос», и все разъяснили. По распоряжению губернатора г. Комарова, шхипер и штурман были немедленно арестованы и на судно назначен военный караул. Наконец сегодня абхазцы привезены в Батум, и этим обязаны милосердию Великого князя Михаила Николаевича.

Газ. «Голос».
1880, №261

Наш потийский корреспондент
пишет 26 сентября:

«В данное время в здешней тюрьме, как я узнал точно, арестованы до 30 абхазов, которые со времен войны были изгнаны в Турцию. Какой случай выбросил этих униженных судьбой людей в Поти, не знаю. Среди них есть дети и женщины. Послана бумага к губернатору с вопросом: «Что делать с этими абхазами?..».

Газ. «Дроеба».
1880, №205 (на груз. яз.)

Домашний праздник у абазинцев

Однажды, часов в девять утра, я получил от одного из «категористов» * по имени Кучук, любезное приглашение пожаловать к нему на семейный праздник. Я с удовольствием воспользовался приглашением, потому что любопытно было мне посмотреть, что за штука – семейный праздник у горцев. В пригласительном письме меня предупреждали, что праздник этот имеет быть по случаю ввода в дом Кучука жены его младшего брата, т.е. другими словами, ввод младшей снохи в дом снохи старшей.

Прелестно, – думаю себе, – отчего не поехать, поеду. На дворе хотя и январь, но погода хорошая: тихая, теплая. Прежде, однако, чем ехать, я отправился к одному из благоприятелей своих, с целью предложить ему составить мне компанию. Благоприятель – человек рассудительный и потому немедленно согласился путешествовать вместе... Хотели выехать на санях и уже были поданы сани, но тут, как на грех, нелегкая нанесла некоего Камбота.

– А что, – спрашиваю, – Камбот, какова дорога?

– На санях, – говорит, – никак невозможно: снегу нет на дороге, а одна только, можно сказать, грязь...

Отослали сани назад, потребовали экипаж на колесах, сели и, конечно, поехали. Когда /по мосту/ переправились через Кубань и поднялись, миновав аул Д-й, на возвышенное плато, тогда мы без сожаления усмотрели, что дорога была санная. Но делать было нечего, и мы закурили сигары. Солнце своими холодными ослепительными лучами освещало нам спины. В воздухе стояла мертвая тишина: ни ветерка, ни звука – и только белое, так сказать, покрывало зимы калейдоскопически играло солнечными лучами. Направо от нас едва приметною черною лентой тянулся обнаженный приземистый кустарник, окаймляющий берега Кубани; налево холмистая цепь с проталинами по перевалу и южным покатостям лощин. Зимние ландшафты – вещь, разумеется, поразительная и для ума и для сердца, но так как с раннего утра мы с благоприятелем пищи не принимали, то к поразительной вещи, т.е. зимним ландшафтам относились весьма равнодушно и вели дружеский между собой разговор приблизительно такого содержания.

---

* *Категористами называются те горцы, которые имеют высочайше дарованные участки земли.*

– А хорошо бы теперь, друг, выпить по стакану водки и закусить шашлыком из молодого барана!

– Да, мой друг, это было бы очень недурно…

В одном месте на косогоре умышленно или неумышленно, только ямщик вздумал вывернуть нас и притом прямо в промоину. Хорошо, что Кучук был настолько предупредителен, что выслал заблаговременно навстречу нам двух всадников. В противном случае мы с благоприятелем потерпели бы полный аффронт.

Finis Finitatis… мы были в кунакской у Кучука. Кунакская Кучука представляет собою небольшую комнату с европейской печкой, выходящей в комнату лежанкою таких размеров, что на ней свободно можно спать даже такому солидному человеку, каков, например, сам хозяин.

У стены направо широкая кровать, рядом небольшой четырехугольный столик, потом деревянный диван со спинкой, потом опять столик и, наконец, два простых стула. Свет проникает чрез два небольшие окна, обращенные во двор.

Нас, когда мы вошли, пригласили сесть и подали закуску, состоявшую из сыра, масла, хлеба, шашлыка и сардинок – луч европейской цивилизации – и бузу, приготовленную очень недурно, и водку. Без прелемеларий мы выпили и закусили. Единственная дверь, против которой я сидел, была открыта настежь, и я имел полную возможность обозревать сени, где мы оставили свои пальто и калоши.

Так как хозяину было дела по горло, то он оставил нас с глазу на глаз с кунаками, которых набралось человек пять; а сам где-то и чем-то распоряжался.

Оставшись с глазу на глаз с кунаками, я занялся специально обозрением потолка, стен и различных других интересных предметов и, наконец, увидел на лежанке предмет, глубоко затронувший мое, так сказать, любопытство. Это – национальный музыкальный инструмент: представляете себе узкую, длинную, заостренную с одного конца и очень напоминающую по форме лыжу деревяшку, выдолбленную внутри, как надо полагать, для большей звучности инструмента; к этой деревяшке приспособлены две струны из конских белых волос, одна потоньше, другая потолще. Взял я в руки эту самую балалайку и хотел извлекать звуки, но в это время один кунак обратил мое внимание на другой предмет, о котором едва ли кто-нибудь мог бы подумать, что это смычок!.. Это деревянный прут в палец толщиною, аршина полтора длиной, согнутый в дугу посредством

десятка конских волос черного цвета. Это скорее детский лук, но не принадлежность музыкального инструмента.

– Неужто, на этой штуке кто-нибудь может играть? - подумал я и спросил. И что же? Оказалось, что из горцев есть фокусники, которые исполняют на этом инструменте все свои национальные мотивы, правда, очень однообразные и унылые. Позвали музыканта. Это мужчина пониже среднего роста, остроносый с худощавым лицом; неприятный блеск вдохновенных очей народного поэта-музыканта придавал всей физиономии выражение дикого энтузиазма. Он неторопливо, с важностью взял инструмент, прислонился спиной к стене, слегка согнул правую ногу так, что остался только на одной левой и, заложив заостренную нижнюю часть инструмента между голенью и ноговицей (для устойчивости инструмента), стал наигрывать.

Волосяные струны издали сиплые, очень тихие звуки. Инструмент настроен и вот какие-то странные, словно придавленные, глухие, шипящие, но довольно стройные аккорды понеслись однообразным, унылым напевом. Музыкант, как бы прислушиваясь к звукам, подвывал ту же песню; лицо его было серьезно, а глаза горели вдохновением. Он сыграл две-три песни под аккомпанемент собственных завываний, а потом ушел и больше его уже я не видел.

На дворе было очень много народу, собравшегося на праздник. В одном месте в толпе образовался тесный круг, в котором мужчины и девушки плясали национальный танец. Я пошел посмотреть на эту пляску. Круг тесный; с правой стороны его жмутся в легких костюмах с высокими кабардинскими шапками на головах пять-шесть девушек… Что меня поразило – это талия! От плеч до самого пояса – совершенный цилиндр и цилиндр до такой степени тонкий, что кажется кистью руки обхватить можно. Грудь плоская. Мне сказали, что такая тонкость женского туловища очень высоко ценится горцами, а потому субъектов женского пола чуть ли не с пеленок зашивают в кожаные корсеты. При таком уродливом состоянии грудной клетки и при неестественно малом объеме легких едва ли и может быть живость и грация телодвижений у горянок, которых я видел. Мужчины несравненно живее: они хотя и без грации пляшут, но зато с жаром и во время пляски так много стреляют из пистолетов над головой своей дамы, что невольно удивляешься крепости барабанных перепонок последней.

Танцами и музыкой все время дирижирует особый «крикун». Он страшно размахивает руками, снимает о головы шапку, поднимает

ее вверх и в это время неистово выкрикивает что-то. Это он вызывает кого-нибудь для подарка. Вызванное лицо обязано что-нибудь подарить – вещь или деньги, которые поступают в пользу музыкантов и дирижера.

Дирижер, получив вещь или ассигнацию, поднимает ее высоко вверх и, потрясая в воздухе, кричит: у-у-у! Водворяется сравнительная тишина. Тогда «крикун» (т.е. дирижер) громко объявляет имя подарившего, предмет, который подарен (или сумму денег) и произносит экспромтом более или менее необузданный панегирик тому, кто подарил. Затем опять общий гвалт, стрельба, музыка и пляска.

Любопытное явление представляют из себя музыканты. Играют они на ружейных стволах, извлекая из них пронзительно свистящие звуки. Дульная часть ствола прикладывается к губам: казенная часть срезана. Для изменения звука в стволе, ближе к казенной части его, пробито несколько отверстий, закрываемые во время игры пальцами, как это делают при игре на кларнете. Музыканты играют с необычайным жаром, раскачиваясь всем туловищем из стороны в сторону, как деревья от ветра. Зрелище получается уморительное.

Часа три спустя после нашего приезда на праздник, в кунакскую вошел Кучук и объявил, что сейчас начнется важнейший акт праздника, т.е. именно «ввод младшей снохи в дом снохи старшей». Нужно заметить, что та и другая живут в одном дворе, но в двух отдельных домах (устроенных на европейский образец). Младший брат Кучука, женившись прошлым летом, оставил молодую жену дома одну, а сам уехал на службу в Варшаву; с тех пор эта молодая женщина безвыходно сидела в четырех стенах, не смея даже побывать в гостях у своей старшей снохи, для чего требовалось, со стороны, конечно, расстояния сделать каких-нибудь десять-пятнадцать шагов через двор. Но тут дело не в расстоянии, а в обычае; по обычаю, жена младшего брата у жены старшего брата, если бы даже, как в данном случае, обе жили в одном и том же дворе, не имеет права бывать впредь до торжественного ввода.

Когда все было готово, нас предупредили, и мы вышли на крыльцо, откуда можно было все видеть. Прежде чем описывать церемониальное шествие младшей снохи, я нахожу нелишним сказать несколько слов о ней самой. Это – молодая и, по мнению горцев, красивая женщина. Бледное, со впалыми щеками, лицо ее покрыто пятнами лихорадочного румянца – несомненный признак душевного волнения... Из-под черных густых бровей сверкают лихорадочным блеском небольшие глаза. В общем, физиономия ничего

замечательного не представляет. Говорит она тихим, дрожащим от волнения голосом, ее красивые тонкие руки также дрожат; во всей фигуре, в движениях заметна крайняя физическая усталость. Вследствие слабости и ажитации на лице ее выступают капли пота. Подруги ее, по временам, приподнимают слегка на голове ее высокую кабардинскую шапку и дуют туда ртом, чтобы освежить голову.

Когда все приготовления были готовы, молодую сноху (не помню ее имени) заставили встать, накрыли ее тюллизьеном, поверх тюллизьена – шелковым платком, затем еще двумя такими же платками, наконец, поверх всего шелковым покрывалом, достигающем почти до земли. Получилась форма сахарной головы. Несчастная сноха очутилась во тьме кромешной и, вероятно, задыхалась от духоты. Потом одели ей на ноги серебряные башмаки, описать которые в коротких словах я положительно затрудняюсь: башмаки – не башмаки, ходули не ходули... и сравнения подходящего не подберешь. Благодаря высокой шапке и этим башмакам, живая сахарная голова достигла колоссальных размеров. В таком оригинальном наряде юную виновницу праздника, лишенную света и воздуха, повели в дом старшей снохи. Торжественно, при звуках дикой музыки, криках толпы и стрельбе из ружей и пистолетов молодую вывели на крыльцо. Четыре женщины крепко обхватили ее руками со всех сторон с целью предохранить от падения. Масса народа запрудила весь двор, плетни трещали под тяжестью взобравшихся на них зрителей; некоторые влезли на крышу соседнего сарая, чтобы оттуда посмотреть на процессию. Пройти по двору не было ни малейшей возможности. Тогда выступили на сцену вооруженные палками блюстители особого порядка, которые, бросившись в толпу, начали лупить палками по головам почтеннейшую публику, не разбирая ни правых, ни виноватых. Долго крепились правоверные, не расступались... Наконец палка взяла свое: невмоготу стало голове выдерживать палочные удары, и вот – толпа начала расступаться и образовала узкий проход. Кортеж двинулся: впереди музыканты с ружейными стволами на устах и с крикуном-предводителем во главе; за ними молодая сноха, обхваченная со всех сторон руками женщин, а с боков, сзади, спереди – опять толпа, сплошная однородная масса! Опять процессия остановилась. Послышался зычный голос крикуна – и сравнительная тишина мало-помалу восстановилась. Крикун начал по очереди выкликать то одного, то другого категориста; вызванный дарил музыкантам, что ему было по средствам. Подаривший, например, лошадь или иной предмет имел право подарок свой выкупить и получить обратно. По получении каждого подарка кри-

куном произносился хвалебный гимн, а вслед за экспромтом – снова начиналась пальба, крики, музыка, и пляска. Так продолжалось часа полтора или два. Наконец пошла битва; блюстители особого порядка пустили в ход свои нагайки и палки, и толпа расступилась.

Когда сноха достаточно приблизилась к жилищу своей старшей родственницы, тогда вдруг, как небесная манна, на толпу сверху посыпался дождь конфет, завернутых в бумажки. Эти конфеты бросал с крыши горец, у которого в руках было огромное лукошко.

– Зачем он бросает в толпу конфеты? – спросил я стоявшего со мной рядом абазинца.

– Чтобы сладко жилось, – отвечал он.

– Но ведь обычай этот существует давно: что же бросали с крыши в подобных случаях, когда конфет не было вовсе?

– Тогда, – отвечал он, – сонетки с медом бросали.

Любопытство мое было удовлетворено. Вскоре я увидел новую сцену. В это самое время, когда молодая сноха уже готова была скрыться в дверях дома, куда ее, наконец, подвели, на голову ей высыпали чашку проса.

– А это что значит? – спросил я.

– Это, чтобы проса было много. Ну, это не все; прежде так делали, что когда она входит, ей губы медом намажут и голову просом своим порядком обсыпят.

– А губы-то зачем медом мазали?

– Тоже, чтобы жизнь была сладкая.

Младшая сноха недолго пробыла у старшей с визитом: минут через десять ее отвели назад тем же порядком, но только без значительных остановок.

Важнейший акт праздника окончился. Было шесть часов вечера. Участникам оставалось пить, есть, веселиться, а нам было время ехать домой.

Голяховский

Газ. «Кубанские областные ведомости» »[25]*. 1881, №21*

Увиденное и услышанное
(Заметки путника)

Четыре года тому назад, когда началась война с Турцией, в Абхазии жили абхазы, которые были обезоружены правительством. Тур-

ки знали, что этот край недостаточно защищен и приставили к Сухуму несколько бронированных кораблей с солдатами. Русская армия не могла оказать сопротивление превосходящей ее турецкой армии и отошла к горам, в Цебельду, на 20-30 верст от Сухума. Абхазы оказались между двух огней: они должны были или переселиться в непроходимые места и предоставить свое имущество турецкому мечу и огню, или же примкнуть к туркам... Абхазы перешли на сторону турков, отдали им в руки свою страну. После нескольких столкновений с российской армией турки вынуждены были оставить и Абхазию, и Сухум, и, чтобы (русские) не учинили расправу над абхазами, турки их погнали в Турцию...

До войны Сухум был довольно-таки большой город, вокруг него проживали абхазы. По его широким и глухим улицам, если и пройдет путник, и то больше русский солдат или мегрельский духанщик. И, действительно, вся Сухумская торговля находилась в руках мегрелов, играющих такую же роль в торговле на восточном побережье Черного моря, какую армяне в Тифлисе...

Редко встретите такую плодородную и урожайную почву, какая в Абхазии... Но удивительно то, что такая плодородная земля лежит неухоженная, тогда как там же, рядом, в Мегрелии за полтора кцева[26] земли мегрелы друг другу разбивают головы...

Помимо плодородных земель, у абхазов есть и огромные леса. Я уже не говорю об особом самшитовом лесе, так как я его не видел, а только слышал, что этот лес стоит несколько миллионов. Много и других дорогих лесов. Во многих местах произрастают ореховые и дубовые леса, а каштановые деревья не имеют счета. Уже давно на морское побережье к этой дорогой древесине тянутся европейцы... Как только вышли из Сухума и пошли берегом моря, влево от дороги мы встретили несколько хорошо обработанных усадеб. Эти усадьбы принадлежат неким Волковым, Введенским и другим...

В двух-трех верстах от Сухума встречаются хорошо ухоженные усадьбы, но чуть дальше царит такая тишина, безлюдье, какое редко можно встретить в лесах Америки. Пройдете 10, 15, 20 верст (по дремучему лесу) и нигде не встретите и признаков человеческого поселения. Мечтаешь увидеть хотя бы забор, услышать лай собаки, чтобы мир не казался пустынным, как до сотворения человека. Не удивительно, что вблизи главнейшего города Абхазии такое затишье, ибо абхазов в Абхазии нет: многие из переселившихся не вернулись, а те, кто вернулся, не имеют права селиться ближе 30 верст от Сухума.

– Так кому же принадлежат сейчас земли Абхазии? – спросил я своего попутчика.

– Вот этот лес принадлежит вдове Колюбякина, – ответил он мне.

– До какого места?

– Еще далеко… Вот до этого ущелья все ее.

– А дальше чья?

– Генерала Кравченко.

– Какого Кравченко? – Генерала Кравченко, который командовал в Сухуме войсками при вступлении османов?

– Да, именно его.

– А это чья? – спросил я его, пройдя несколько верст.

– Вдовы коменданта Сухума…

Словом, за земли Сухумского отдела обрывали друг другу уши, и стар, и млад, и поп, и люд присваивали себе усадьбы несчастных абхазов и становились хозяевами. Я неспроста упомянул о попе и о люде: и попам досталась своя доля в соответствии с их саном; в некоторых местах простым священникам давалось до шестидесяти дгиури. Каждому досталась своя доля, но еще осталось много пустующих усадеб, желающих поселиться нашлось немало, в особенности мегрелов. Но на государственных землях в окрестностях Сухума не было ни одного мегрела. Лишь некоторые хозяева усадеб, да и сами же коренные жители Абхазии, давали мегрелам усадьбы для обработки на правах четвертины – сами пользовались и им давали возможность воспользоваться. Князь Г.Шервашидзе в своем поместье на берегу реки Кодор в четыре ряда поселил до двухсот мегрельских дворов. Безусловно, здешних жителей ожидает лучшая участь, нежели переселившихся из других стран – болгар и греков…

Журн. «Иверия»[27]*. 1881,*
№11, с. 95 – 108 (на груз. яз.)

Батумские разбойники

Даже и в истории редко встретите такой несчастный, измученный народ, каким являются абхазы. Кроме того, они потеряли прошлое и надежду на будущее, они и сейчас не представляют, в каком безвыходном состоянии находятся. Кто может перечислить те бедствия и мучения, которые выпали на этот обездоленный народ после

их выселения из Сухумского уезда и расселения в Батумском уезде и в различных местах Турции...

Зато их отцовские обжитые земли раздали таким людям, которые в них не нуждались, и которые не знали, как их обрабатывать, и, таким образом...сегодня этот некогда прекрасный край превращен в обиталище хищников...

Кразана

Газ. «Дроеба».
1882, №10 (на груз. яз.)

Поти, 9 апреля

Как мы сообщили телеграммой, здесь сегодня прошли 12 мегрельских семей из Зугдидского уезда, которые направляются в Сухумский уезд на поселение. Заселение Абхазии и Черкесии опять же детьми нашей страны следует считать одним из прекраснейших явлений нашей жизни, которое должно радовать каждого доброжелателя нашего народа...

Они рассказали, что жили в тесноте и давно думали о переселении, однако до прошлого года не достигали никакого результата. В прошлом году получили приказ, что 130 семьям просителей было разрешено переселиться. Из 130 дворов некоторые были из села Чога, были из Курдзу, Нога и других сел. И в прошлом же году им отмерили по 15 десятин земли в трех верстах от Сухума, в селе Абжаква, ранее населенном абхазами...

В эту зиму переселились всего 60 семей. И эти, и еще оставшиеся семьдесят дворов должны скоро прибыть, так как их задержала продажа домов и скота. Все свои приусадебные участки, являющиеся наделами, были оставлены помещикам. Они говорили, что им ни на дорогу, ни на первоочередное обзаведение хозяйства никакой помощи не предоставили. Но все же они очень благодарят правительство за то, что им дали земли и разрешили переселиться. «Если не помрем, – говорили они, – то очень многие пожелают последовать за нами».

Вначале именно такой бравый народ нужен для заселения этих стран... Присылайте сюда побольше рачинцев, лечхумцев, верхних имеретинцев и мегрелов с горных мест и увидите, что села в этих

странах станут более цветущими, богатыми скотом и плодами земли, нежели при абхазах и черкесах.

Считаю приятной обязанностью сообщить, что те 63 человека, переселившиеся из Лечхума[28] и поселившиеся вблизи Сочи, о которых я вам ранее сообщал, по рассказам прибывшего оттуда, очень хорошо живут. Дай Бог!

Газ. «Шрома»[29].
1882, №15 (на груз. яз.)

Предметы древности кавказского происхождения в «Церковно-археологическом музее» при Киевской духовной академии

Пересматривая «Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии» 1880 года, мы нашли в числе предметов древности нижеследующие – кавказского происхождения:

Под №5. Остаток Синайских святцев X – XI вв. за декабрь, январь и февраль с греческими и грузинскими надписями.

№6. Икона великого Антония IX в. из Грузии, из пещерной церкви Мадлис-Мцемели (Иоанна Предтечи).

№15. Иверский образ Богоматери, едва ли, по замечанию Указателя, не грузинского письма, из Иверской лавры на Афоне.

№19. Икона великомученика Георгия, греческого письма IX – X в.; из царственной обители Шуамта, что в Кахетии, принадлежавшая царям кахетинским.

№54. Икона св. Нины, просветительницы Грузии, копия с изображения в древнем Евангелии Сионского собора в Тифлисе.

№55. Лик армянского католикоса Нерсеса, жившего в XII в.

№56. Икона всех грузинских святых, собранных вокруг надгробного столпа Сидонии, почиющей с хитоном господним в руках, составленная по указанию А.Н.Муравьева, по образцу собора Вологодских святых.

В шкафе под №VII Половина резного кипарисного креста из Пицундского храма на Кавказе.

Отдел четвертый: Принадлежности церковного богослужения и обрядов.

В витрине под №X: Серебряная бляха с изображением великомученика Георгия, из развалин храма XII в. в Осетии.

В витрине под №XI: Архиерейская палица, шитая золотом и серебром, с шитыми изображениями четырех евангелистов и жезла из корене Иессеева в лицах, второй половины XVII в,, принадлежавшая умершему в России армянскому будто бы архиерею и, по царскому указу, назначенному в Китай святителю Иннокентию Иркутскому, из Посольства Преображенского иркутского монастыря. Но кругом палицы следующего содержания грузинская надпись: «Мы, Араговского эристава дочь и царевича Луарсаба супруга, царевна Мария, приказала вышить палицу сию души нашей во спасение и детей наших во здравие».

Отдел девятый: Медальерный. В этом отделе, в V витрине, между восточными монетами значатся: куфические, персидские, татарские и грузинские.

Отдел десятый: В числе памятников письма и печати показано хранящееся письмо вдовствующей супруги грузинского царя Бахары Анны к нижегородскому епископу Вениамину, с собственной надписью.

В витрине III-V, в отделе палеография, под №10 и 11 значатся какие-то грузинские рукописи.

П.

Газ. «Кавказ».
1882, №57

К вопросу о дороге в Абхазию

(По поводу технической беседы в Кавказском Отделении Императорского Русского Технического Общества)

Во время технической беседы в Кавказском Отделении Императорского Русского Технического Общества 13 января настоящего года Ю.П.Проценко сказал: «Так, в 1854 году мы было забыли про наш гарнизон в Гаграх, при снятии других черноморских укреплений, и гарнизон этот снят был на собственном судне сухумским гражданином Николаем Метаксою и отвезен в Керчь, за что г. Метаксе был пожалован знак ордена св. Георгия и потомственное почетное гражданство».

Ежели допустим, что мы, выводя из Абхазии 7 или 8 тысяч войск, забыли про вооруженное укрепление с гарнизоном в несколько сот человек и оставили тех людей на жертву неприятелю, то из этого следует заключение, что мы не отступали, а бежали из Абхазии.

Из лиц распоряжавшихся отступлением и исполнителей распоряжений, кроме меня, кажется, никого уже нет в живых. Поэтому на моей обязанности лежит восстановить истину.

Вывести войска из Абхазии заставило то обстоятельство, что на реке Кодор не было переправы. Река эта протекает на пути из Сухума к Кутаису и во время полноводия, продолжающегося с начала апреля до конца августа, несет огромную массу воды с неимоверною быстротою. Устройство на ней в это время переправы невозможно, при обыкновенном же уровне воды, ее можно перейти во многих местах вброд. Во время полноводия Кодора, сухопутное сообщение Сухума и части Абхазии, лежащей на восток от этой реки, ведущее к Кутаису и далее на запад, совершенно прекращается. При таком положении, необходимость заставляла в начала 1854 года вывести войска наши из Абхазии до разлива Кодора. В противном же случае, они были бы изолированы на долгое время, чем, конечно, воспользовался бы неприятель, которого флоты уже вошли в Черное море. Местная военная администрация не имела никаких приказаний из Тифлиса, как ей поступить до появления неприятельского десанта: сосредоточить ли войска в одно место и где, или оставить их разбросанными в укреплениях по берегу моря на 60 верст. Для разъяснения тех недоразумений и получения надлежащих приказаний, я командирован был в Тифлис в марте месяце 1854 года.

По прибытии в Тифлис, когда я явился начальнику корпусного штаба князю Александру Ивановичу Барятинскому и доложил о цели моей командировки, князь объяснил мне, что решено вывести войска из Абхазии и присоединить их к Гурийскому отряду. Но, так как при снятии гарнизонов из укреплений и при отступлении войск, соседние с Абхазиею непокорные горцы не преминут делать на них нападения и мешать отступлению, то на днях командирован в Абхазию полковник Бартоломей, с предложением владетелю Абхазии, не согласится ли владетель принять начальство над войсками, находящимися в его владении, и не возьмет ли на себя отвести их к Ингуру. Такое предложение владетелю основано было на том, что владетель пользовался большим влиянием на непокорные племена соседние с Абхазиею. При этом князь Александр Иванович тут же решил:

примет ли владетель посланное предложение или не примет, во всяком случае, следует немедленно приступить к обсуждению распоряжений, какие должны последовать относительно вывода войск из Абхазии. В это время князь страдал припадками подагры и принужден был оставаться постоянно на квартире. В часы, назначенные у командовавшего корпусом для докладов начальника штаба, командовавший корпусом генерал-адъютант Реад приезжал к князю Александру Ивановичу. После окончания моего доклада князю обстоятельств, касавшихся вывода войск, оставалось немного времени до прибытия генерал-адъютанта Реада. К этому времени приглашен был на совещание генерал Броневский. По прибытии генерала Реада началось немедленно совещание. Когда мне предложено было высказать мои соображения согласно местным обстоятельствам, то я, между прочим, доложил: что до отвода войск к Ингуру необходимо оставить гагринский гарнизон на месте, в противном случае непокорные горцы: джигеты, убыхи, шапсуги массами будут нападать на каждый выведенный из укреплений гарнизон, будут мешать нам при отправлении больных, семейств служащих чинов, архивов и разных тяжестей, а при следовании отряда, они массами будут преследовать нас по пятам, впереди будут устраивать завалы, которые придется брать штурмом, что, конечно, не обойдется без потери в людях. После этого доклада, теперь не могу припомнить кто – генерал Реад или князь Барятинский – сказал, что, ежели владетель Абхазии примет начальство над войсками, то это будет гарантией против покушений немирных горцев. Опрошенный генерал Броневский высказал, что, зная характер горцев и то, как они дерзки при отступлении наших войск, он уверен, что, как только выведен будет гарнизон из первого укрепления, никакая нравственная сила не удержит их от того, чтобы они начали против нас враждебных действий. Поэтому генерал полагал не выводить гарнизон из Гагр до тех пор, пока войска не выйдут из Абхазии. Мнение это было принято и решено было, при выводе войск из Абхазии, не упразднять Гагринского укрепления.

Тут я должен сделать небольшое отступление и указать, как важно было тогда Гагринское укрепление.

Местность Гагры составляет небольшая площадка на берегу моря, в ущелье, образуемом двумя большими горами. Гагры лежат на западной границе Абхазии с бывшею землею джигетов. От Гагр по направлению к северу Абхазия закрыта непроходимыми горами. Через местность Гагры западные абхазские соседи постоянно вры-

вались в Абхазию, жгли аулы, уводили людей и похищали все, что можно захватить. Дабы прекратить эти набеги правительство наше выстроило в Гаграх укрепление и поместило в нем гарнизон. После этого набеги прекратились.

Продолжаю прерванный рассказ. После окончания совещаний приступлено было немедленно к составлению распоряжений об отступлении войск наших из Абхазии. Между распоряжениями этими было предписание Гагринскому воинскому начальнику такого содержания: Вверенный ему гарнизон остается в укреплении для прикрытия отступления наших войск; против нападения горцев он должен защищаться до последней крайности и не сдавать им укрепление ни в каком случае. Как только отступающие войска прибудут к Ингуру, немедленно посланы будут суда снять гарнизон и отвезти его в Керчь, или Редут-Кале, куда укажут обстоятельства. Воинским начальником в Гагры назначен был капитан Быковский. На другой день, утром, после совещания у князя Барятинского, все бумаги, относившиеся до выступления войск из Абхазии, были подписаны генерал-адъютантом Реадом и переданы мне. Получив их, я немедленно выехал из Тифлиса. До выезда моего там еще не было известно, принял ли владетель Абхазии предложение, посланное с полковником Бартоломеем. Тогда телеграфа не было, а почты ходили очень медленно. Прибыв в Сухум и узнав, что владетель принял начальство над войсками, я немедленно отправился в укрепление Бомборы, соседнее с Лыхны, бывшим местопребыванием абхазских владетелей. В Бомборах я узнал, что владетель отправился в Пицунду, для вывода оттуда гарнизона. К вечеру того же дня владетель возвратился в Лыхны, а пицундский гарнизон прибыл в Бомборы. После доклада моего владетелю о том, что приказано не выводить гагринского гарнизона из укрепления до прибытия войск к Ингуру, его светлость сказал, что он не знал об этом распоряжении, но, во всяком случае, не намерен был выводить этот гарнизон и начал вывод войск от Пицунды, а не от Гагр. Тут надобно пояснить, что Сухум был последним пунктом по тому направлению, по которому должны были отступать войска, и поэтому их первоначально надобно было стянуть в Сухум для приготовления к отступлению. На запад от Сухума войска были расположены: в Бомборах, Пицунде и Гаграх. Бомборы были первое укрепление на запад от Сухума, второе – Пицунда, а Гагры – последнее. Если бы владетель не решился оставить гагринский гарнизон на месте, то прежде всех должен был передвинуть его в Пицунду, после этого, гарнизон этот с пицундским передвинуть в Бомборы, а из Бомбор все три гарнизона, т.е.

гагринский, пицундский и бомборский, направить в Сухум, но он передвижение начал с пицундского гарнизона, а гагринский оставил на месте.

После прибытия абхазских гарнизонов на Ингур, немедленно зафрахтованы были два купеческих брига для снятия гагринского гарнизона. Бриги, по прибытии к Гаграм, нашли укрепление разрушенным и без гарнизона. Гарнизон был уже снят греческо-подданным шкипером Фотия на собственном его судне и доставлен в Керчь. За это Фотия награжден был орденом св. Владимира 4-й степени.

Зная лично Ю.П.Проценко и его осмотрительность, не могу дать себе отчета, как у него могло выскользнуть из-под пера, что мы, отступая из Абхазии, забыли про гагринский гарнизон. Тут приходится вспомнить изречение: «Вот так пишут историю». Что Юрий Петрович подвиг шкипера Фотия приписал купцу Николаю Метаксе, это не составляет большой важности; но обвинить нас в том, что мы по забывчивости оставили укрепление с гарнизоном на жертву неприятелю – это прискорбно.

Изложенные мною распоряжения находятся в делах, которые хранятся в архиве при штабе Кавказского военного округа.

Да извинят меня бывшие распорядители работ по сухопутному сообщению Сухума с Редут-Кале, начатых за несколько лет перед крымскою войною, но я должен высказать, что они виновники двукратного вывода войск наших из Абхазии, тех миллионных потерь, которые понесла казна и частные лица, как во время крымской, так и последней с Турциею войн, и – что важнее материальных потерь – того нравственного впечатления, которое произвели эти выводы войск. По их вине казна бросила миллионы в Поти на устройство порта, в который во время дурной погоды не рискнет войти ни одно судно. Да и сами строители публично заявили в газете «Кавказ», что это не порт, а гавань и чтобы войти в эту гавань, надобно еще построить порт, который обойдется около 15-ти миллионов. На совести тех же распорядителей разорение редут-кальских жителей при переводе города из Редут-Кале в Поти, ради Потийского порта. На их же совесть ляжет предстоящее разорение потийских жителей, когда откроется ветвь железной дороги до Батума. К этому надобно еще прибавить потерю более 30 лет времени. Упреки эти подтверждаю фактами.

В конце 40-х годов, князь Воронцов, осмотрев Сухум, нашел пункт этот очень удобным для направления через него азиатской

торговли в Европу и европейской в Закавказье. Осуществление этого предположения князь начал с соединения посредством сухопутного сообщения Сухума с Редут-Кале. В это время торговля, как азиатская, так и европейская, открыли себе путь через Редут-Кале. От этого места по направлению к Кутаису прокладывалось шоссе. За устройство дороги от Сухума до Редут-Кале взялись специалисты по дорожному делу, определили направление и приступили к работам. Люди, знакомые с местностью предупреждали строителей, что на реке Кодоре, в том месте, куда направлялась дорога, невозможно устроить переправу. Когда дорога была разработана настолько, что по ней можно было проехать, хотя с трудом, в экипаже, а переправа чрез Кодор еще не была устроена, князь Воронцов, возвращаясь из Одессы в Тифлис, решился осмотреть ее лично и проехать по ней вместе с княгинею от Сухума до Анаклии, или Редут-Кале, до того князя интересовала эта дорога. Во время этого переезда князь посетил владетеля Абхазии в Очемчирах. При этом случае владетель высказал князю, что в этом направлении веденная дорога не оправдает его ожиданий, потому что невозможно будет устроить переправу через Кодор в том месте, где предполагалось. Специалисты насмехались над этими предостережениями, не переменяя направления дороги, наконец, приступили к устройству переправы через Кодор. На одном рукаве этой реки они устроили мост, а на другом что-то очень специальное, что названо было людьми незнакомыми с дорожною терминологиею – турусы на колесах. Как только дорога доведена была до Редут-Кале, устроены были на ней почтовые станции и открыта была почтовая гоньба. По этому тракту довелось мне проезжать из Сухума в Очемчиры. Подъехав к Кодору, я нашел следующее: пространство между обоими рукавами этой реки, расстоянием на несколько верст, было совершенно залито водою; из правого рукава, к которому я подъехал, вода выступила на 1 ½ или две версты. Словом, на всем видимом пространстве катили бурные и грозные воды Кодора, унося с собою огромные карчи, а вдали как в панораме виднелся над волнами мост. Турусы на колесах не были видны, потому что они были под водою. Мне оставалось только полюбоваться этою картиною и возвратиться назад. Так я и сделал и поездку в Очемчиры совершил морем. Надобно при этом вспомнить, что такой разлив Кодора, как я выше сказал, продолжается пять месяцев, т.е. с начала апреля и до конца августа. Специалисты, насмехавшиеся над практиками, оправдали на себе пословицу: «Смеется тот, кто смеется последний». Хотя над ними и горько посмеивались, но дело было испорчено. Надобно было избрать новое направление дороги, приискать новые источники для её продолже-

ния. Дело затянулось. Между тем открылась Крымская война, и мы остались без переправы через Кодор.

Будь переправа на Кодоре, разве мы во время Крымской войны оставили бы Абхазию. В это время абхазские укрепления, которые занимали наши войска; отжили уже свое назначение, и после войны мы их не занимали. 7 или 8 тысяч испытанных кавказских войск, при крепостной и полевой артиллерии, разбросанной по укреплениям, при дивизионе горной артиллерии с полною запряжкою, при огромном запасе провианта и огнестрельных припасов, разве не могли быть соединены в одном месте и угрожать любому десанту, зная, что мы не отрезаны Кодором от наших главных сил и не находимся в западне. Мне могут возразить, что в таком случае мы должны были снять гарнизон из укрепления Гагр ввиду того, что неприятельский флот уничтожил бы это укрепление, и в таком случае мы открыли бы вход в Абхазию непокорным горцам. На это отвечу, что и без этой предосторожности мы вывели бы из Гагр наш гарнизон, и непокорные горцы, если бы являлись к нам, то разве только для того, чтобы засвидетельствовать добрые к нам намерения.

В это время мы имели на нашей стороне владетеля Абхазии, который громко заявлял, что примет участие в военных действиях и вследствие этого заявления, последовало в 1854 году Высочайшее повеление сформировать на реке Кодоре особый отряд для обеспечения нашего правого фланга и поручить начальство над ним владетелю Абхазии. Если бы владетелю поручено было начальство над нашими войсками в Абхазии (разумеется, в таком случае, если бы была переправа на Кодоре) и если бы непокорные горцы осмелились вторгнуться в Абхазию с враждебными намерениями, то он расправился бы с ними по-своему. Они это хорошо понимали. Но до этого бы не дошло, потому что владетель и вся Абхазия были бы на нашей стороне. Да, кроме того, если бы наши войска в это время были сгруппированы в одном месте в Абхазии, то они произвели бы нравственное впечатление как на непокорных горцев, так и на абхазцев, совершенно противоположное тому, какое произвело отступление тех войск из Абхазии. Это впечатление дороже миллионных потерь, которое понесло правительство, выведя эти войска из Абхазии.

Ф.Завадский[30]

Газ. «Кавказ».
1882, №152

К вопросу о дороге в Абхазию
(Окончание)

После Крымской войны новый Наместник Кавказский князь Барятинский сильно был заинтересован проектом князя Воронцова относительно Сухума. По приказанию князя Александра Ивановича, инженер Гоппе исследовал Сухумскую бухту. Вслед затем осмотрел Сухум начальник главного штаба Кавказской армии граф Милютин. Наконец, после графа Милютина, посетил Сухум сам князь Александр Иванович и решил осуществить планы князя Воронцова. Начата была дорога из Сухума к Кутаису по новому направлению; но ей не суждено было осуществиться. Появился проект дешевого в Поти порта, а с проектом этим Сухум с его прекрасною бухтою отошел на задний план. Спрошу теперь дорожных деятелей, не оправдавших к ним доверия князя Воронцова: если бы они дали надлежащее направление дороге и если бы по этой дороге пошла европейская и азиатская торговля, то, при выгодах Сухумского рейда, разве проект Потийского порта не оказался бы лишней роскошью?

Во время минувшей с Турциею войны, если бы была переправа через Кодор, разве мы оставили бы Пицундский округ. Турки могли бомбардировать Сухум, но тем бы и кончилось. Абхазцы в нашем присутствии не смели бы разорить этот город. Наши поселения остались бы на своих местах, и не было бы тех вторичных миллионных потерь, которые во время того же заседания Кавказского Отделения Императорского Технического Общества высчитал Ю.П.Проценко. Г.Пропенко ошибся только в цифре потерь Цебельдинских поселений и других вне г. Сухума. Они оценены были особою комиссией не в 100 т., а по сведениям, имеющимся в канцелярии начальника отдела в 799.471 р. 82 к.

Подводя итог всему сказанному выше о потерях в Абхазии, рождается вопрос: к чему ведут эти нарекания? Утерянного нельзя возвратить. Действительно, утерянные миллионы невозможно возвратить, разоренные сухумские горожане, абхазские поселяне и природные абхазцы не поправят своих дел этими грустными воспоминаниями. По-видимому, лучше все это предать забвению. До настоящего времени так и делалось. Понесенные потери во время Крымской войны мы предали забвению и не приняли никаких мер к тому, чтобы они не повторились. Последствием этого было то, что в минувшую войну нас опять разорили, но уже более прежнего. Неужели и вторичное разорение следует предать забвению и трудиться

только для того, чтобы плоды наших трудов были подвергнуты различным случайностям. Между тем, такое шаткое положение края зависит от ничтожного обстоятельства. Именно оттого, что, не имея переправы через реку Кодор, в случае войны, мы должны бросать все и бежать из края.

Устройство этой переправы не потребует ни гениального строителя, ни больших денежных затрат. Надобно только определить пункты на месте. Почему бы, например, не избрать для переправы Наа или Багаду. В Наа посредине реки есть островок; берега высокие и разлива быть не может, а на Багаде вполне можно устроить мост в один пролет. В 1840 году, во время зимней экспедиции, которую делал граф Муравьев-Амурский в Дал, для выселения оттуда цебельдинских абреков, отряд, с артиллериею и обозом, переправился на Багаде через Кодор по мосту, устроенному из балок, которые перекинуты были с одного берега реки на другой, и на них положена была досчатая настилка. Устройство моста я хорошо помню, потому что я участвовал в этой экспедиции. В этом месте берега реки образуют скалы, которые возвышаются над уровнем воды на 8, а может быть и более саженей. Устроив там переправу, стоит только от Багады проложить дорогу по горе, составляющей правый берег Кодора, дабы избежать трудный Джгергельский перевал, перекинуть мост через Амткял, впадающий в Кодор, дорогу эту вывести на Цебелъдинское плато, и тогда Сухум и вся Абхазия будут, обеспечены прочным сообщением с Кутаисом и Тифлисом. Чтобы осуществить это предположение, надобно отказаться от всякой роскоши и проложить грунтовую дорогу для колесной езды, а не роскошное шоссе, которое будет заявлять претензию на сотни тысяч рублей, а может быть и более. От Цебельдинского укрепления до поселения Ольгинского нет естественных препятствий для сообщения, от Ольгинского до Сухума проложено шоссе.

Все знакомые с положением Абхазии сознают настоятельную необходимость в этом сообщении и в других сообщениях внутри страны; но как-то странно, как мне кажется, заявляют о необходимости этих сообщений. В то время, когда за неимением переправы через Кодор, мы понесли огромные потери, когда внутри страны, чтобы переехать по самой жгучей необходимости каких-нибудь 10 или 15 верст, человек рискует утонуть в первой попавшейся речке, мы рассуждаем, как бы было хорошо, если бы правительство устроило нам роскошное шоссе или железную дорогу. Откуда же правительству взять средств на эти роскошные сооружения? На устрой-

ство их потребуются миллионы. Если бы правительство устроило мосты на реках и речках и проложило грунтовые дороги, то и то было бы большим благодеянием для страны. Наши предки, до введения шоссе и железных дорог, довольствовались грунтовыми дорогами; но притом не тонули в реках и речках. Почему бы и нам не ограничиться на некоторое время этими скромными сообщениями.

Во время той же технической беседы высказаны были очень немилостивые взгляды на Абхазию. Г.Монастырцев сказал: «Есть нужды важнее Сухума в других местах Кавказского края». Г.Палибин сказал: «Железную дорогу в Абхазии пришлось бы устроить в стране, в которой не развита производительность. Развейте производительность, у вас будет дорога». Г.Дигельштет сказал: «К роскошной природе, какая встречается в Абхазии, мы не привыкли. Там надо людей со знанием. Без них же будет много промахов. Поэтому в ожидании этих людей или вообще развития страны выгоднее обратить ныне внимание на восточное Закавказье, где, хотя почва не так богата, как на западе, но где есть также богатства и где есть уже и капиталы и знание».

Такие взгляды на Абхазию происходят оттого, что с этим краем знакомы немногие. Постараюсь познакомить с богатствами Абхазии интересующихся этою страною. Начну с официального факта.

С водворением в Абхазии поселений началась там культура турецкого табаку. В Сухуми купец Кудбашев открыл оптовую торговлю этим табаком. За год или два до последней войны с Турциею он отправил большую партию табаку в Одессу. По доставлении табаку в Одессу, местная таможня признала табак не абхазским произведением, а настоящим турецким, привезенным контрабандою из Турции в Сухум, а из Сухума по провозному свидетельству в Одессу. Началось серьезное дело. Из Петербурга командированы были чиновники на место, для расследования злоупотребления. По сличении образцов конфискованного табаку с табаком, находившимся на абхазских плантациях, оказалось, что конфискованный табак был тот самый, который был найден на плантациях.

Фактом этим официально доказано, что в Абхазии можно разводить табак такого достоинства, какой разводится в Турции. Абхазские яблоки отправляли в настоящее время в Одессу в большом количестве, где они имели хороший сбыт и выдерживали конкуренцию с крымскими.

В 1880 году их отправлено было около 63.000 пудов. В 1881 году на них был неурожай. Из абхазского винограда выходит вино, не уступающее в достоинстве крымским винам, и винограда тут большое изобилие.

Из Сухума отправляют большими партиями в Одессу сельдей, где они находят хороший сбыт. В 1881 году их отправлено было 3.875 пудов. Абхазия изобилует волошскими орешками. Абхазия изобилует прекрасным строевым лесом. Тут же находятся огромные рощи пальмы (Buxus sempervirens); эта порода дерева истреблена уже везде, где прежде росла, и осталась только в Абхазии; на нее огромное требование на заграничных рынках; она продается на вес по высоким ценам. Из ископаемых богатств, в Абхазии в настоящее время открыты: серебряно-свинцовая руда, каменный уголь, литографический камень. Кроме табака, исчисленные мною богатства Абхазии не требуют ни труда, ни капиталов на их разведение; одни из них, как яблоки, виноград, и орехи, разведены туземным населением; другими же природа наделила страну. Богатства эти ожидают только разумной, не хищнической эксплуатации. Ошибаются те, которые полагают, что яблоки, виноград и орехи, которые дают такие хорошие фрукты, дико растут в Абхазии. Напротив, яблони привитые; виноград и орехи разведены трудами туземного населения. В настоящее время туземцы начали заниматься прививкою винограда. Прибавим к этим богатствам ту выгоду Абхазии, что она расположена на берегу Черного моря и пользуется морским сообщением с самыми отдаленными рынками.

Абхазия слывет убийственным климатом. Эту злополучную известность составил ей Сухум, около которого с западной стороны образовались болота по нашей же вине. Местность, на которой развивался город, очень нездоровая и, пока не было обращено внимание на оздоровление ее, то лихорадки в Сухуме наводили ужас на население. Бывали случаи, что лихорадка убивала больного одним пароксизмом, т.е. больной засыпал в пароксизме и никакие усилия врачей не могли его разбудить. Этим сном кончалась его жизнь. Но когда начали обращать внимание на оздоровление местности и сначала осушили ее посредством канализации, а после продолжали ассенизацию систематически, по выработанному плану, то в Сухуме заболеваемость лихорадками значительно уменьшилась и он начал было приобретать лучшую известность. Сюда врачи направляли ча-

хоточных и слабогрудых, которые тут или поправлялись, или совершенно излечивались, смотря по тому, до какой степени развиты были у них те болезни.

Все сказанное выше о болезненности относится исключительно до Сухума. Таких лихорадочных мест, как Сухум, немного в Абхазии. Они встречаются только в местностях болотистых и в таких, где роскошная дикая абхазская растительность не стеснена трудом человека; но там, где нет болот и где население побороло эту растительность, обработало почву и продолжает ее обрабатывать, там лихорадки уменьшаются. В отношении общественного здоровья Абхазия замечательна тем, что в этой стране не развиваются эпидемические болезни, лихорадки, захваченные вовремя, скоро уступают лечению и не оставляют таких последствий, как крымские и моравские, ежели будут вылечены вовремя.

Ф.Завадский
г. Сухум

Газ. «Кавказ».
1882, №153

[Уход в «Стамбул»]

Во вторник 24 мая со ст. «Минеральные воды» отправилась из ближайших к станции аулов в Турцию десять кабардинских семейств. Тяжело и больно было смотреть на грустную сцену расставания. Загорелые суровые старики-кабардинцы, не привыкшие при посторонних обнаруживать свои внутренние страдания, плакали как дети, расставаясь с родиною и со своими близкими. Тяжелое, невыносимо мучительное чувство тоски по родине выжимает слезы из глаз людей, привыкших без жалобы, без малейшего изменения в лице переносить самые страшные раны. В последнее время выселение туземцев в Турцию снова усилилось. Недавно пятьсот кабардинских семейств просили разрешения выселиться, но им было отказано. Тем не менее и теперь не редкость встретить на станциях нашей железной дороги группы женщин, маленьких детей и мужчин кабардинцев, которые, продавши за бесценок свои сакли, скот и имущество, не имея никакого представления о том, что ждет их впереди, бросают свои поля и горы и отправляются в «Стамбул». Из расспросов выясняется, что причины, побуждающие туземцев к вы-

селению, почти одинаковы для всех местностей, – это или неудачное осуществление поземельного устройства туземных обществ, результатом которого является полнейшая невозможность заниматься скотоводством и земледелием при тех первобытных способах обработки земли и пастьбы скота, которые единственно доступны туземному населению, или же притеснения со стороны низших агентов администрации, в большинстве случаев вовсе не знакомых с особенностями быта того населения, с которыми им приходится иметь дело.

Газ. «Терек» [31].
1883, №64

Кавказские предания о великанах, прикованных к горам

Известно, что развязка трагической судьбы титана Прометея происходит, по представлению древних, где-то в Азии, и по видимому на Кавказе. Позднейшие мифографы Аполлодор и Гигин прямо называют Кавказский хребет местом, где Прометей был прикован к скале. Но и более древний автор, Эсхил, в известной трагедии «Скованный Прометей» указывает, хотя несколько глухо, на места Азии, соседние с скифами и сарматами. Олицетворение силы (Κρατος), в диалоге с Гефестом, открывает трагедию словами: «мы пришли к отдаленному пределу земли, к скифскому пути, в недоступную пустыню». В этой глуши должен Гефест приковать Прометея к скале. В дальнейшем ходе трагедии хор оплакивает судьбу узника в следующих словах, которые содержат в себе указание на местность:

Все племена, что обитают
На лоне Азии священной,
С тобой скорбят, с тобой страдают
В твоей судьбе многоплачевной.
И девы Колхиды бесстрашные в битвах,
И скифов народ, что на крайнем пределе
Земли обитает, у вод Мэотийских,
И племя сарматов, любимцев Арея,
Живущее в граде высоком в воротах

Кавказа, та грозная рать, коей любо
Стучать заостренными копьями шумно.*

И так, если здесь и нет ясного указания на место заключения Прометея, то во всяком случае, по Эсхилу, его соседями были жители Колхиды (с юга), жители побережья Азовского моря и Кавказских гор (с севера). В более раннем изложении мифа у Гезиода не находим и таких указаний на местность. В Феогонии (ст. 522) говорится только, что Зевс привязал Прометея оковами к столбу, к середине его (так что Прометей висел между небом и землею).

Так упорно державшееся убеждение греков, что Прометей был прикован где-то на Кавказе, должно необходимо иметь какое-нибудь основание. Трудно думать, что только каприз воображения перенес в Азию, на Кавказ, древнего национального бога, в честь которого в Афинах ежегодно устраивались бега с факелами, и которого миф, связанный с ранними успехами эллинов в культуре был настолько популярен, что послужил сюжетом знаменитой трилогии Эсхила. Причина приурочения Прометея к Кавказу должна быть та, что эти места, по мнению греков, были как-нибудь связаны с его мифом. Действительно, еще до сих пор в некоторых местах Кавказа ходят предания о каком-то богатыре или великане, прикованном Богом к вершине горы. Мы рассмотрим ряд таких преданий в географическом порядке, двигаясь с севера на юг, и затем возвратимся к вопросу о причинах связи греческого мифа с Кавказом.

У кабардинцев до сих пор ходит предание о великане на горе Эльбрус. На вершине ее есть громадный шарообразный камень, на котором сидит старик с длинною до ног бородой, все его тело обросло седыми волосами, ногти на ногах и руках длинные и похожи на орлиные когти, красные глаза горят, как раскаленные угли. На шее, посредине тела, на руках и ногах тяжелая цепь, которою прикован он с незапамятных времен. Он прежде был близок к великому Тха (Богу) за свое благочестие, но когда думал свергнуть его и стать выше, то погиб в борьбе и прикован к скале на вечные времена. Немногие его видели, потому что доступ к нему сопряжен с большими опасностями; никто не мог видеть его два раза: «кто пытался этого достигнуть – погибал»**. Старик находится большей частью в оце-

---

* *Стр. 410 – 424. Стихотворное переложение принадлежит профессору В.Г.Зубкову.*

** *Газета Кавказ 1846 г. № 35, стр. 140, статья Султан-хана-Гирея: Мифология черкесских народов.*

пенении, но когда пробуждается, то, прежде всего, обращается к сторожам: «Растет ли на земле камыш и родятся ли ягнята?», – спрашивает он. «Камыш растет и ягнята родятся», – отвечают ему сторожа. Великан приходит в бешенство, зная, что будет томиться до тех пор, пока земля не перестанет производить камыш и ягнят. С отчаяния он рвет на себе оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи его производят гром и молнию, тяжелое дыхание – порывы урагана, стоны – подземный гул, а слезы его – та бурная река, которая с неистовством выбивается из подножья Эльбруса.*

И так, подобно Прометею, черкесский великан терпит наказание от Бога, против которого он восстал.

Осетинское предание, которое нам привелось лично записать на Кавказе от старика осетина Таймураза Хетагурова из нартского общества, называет великана по имени и рассказывает случай, когда его видел один осетин. Привожу это предание в близком переводе:

Амиран – так звали богатыря – был насильник, и Богу в этом обида показалась. Поэтому Бог его хитростью поймал и велел запереть в пещеру. Один охотник сбился с пути и Бог его привел как раз к двери Амирановой пещеры. У пещеры была медная дверь; Бог ее отворил. Охотник вошел и видит: сидит Амиран и смотрит на него глазами величиной с бычьи хомуты.** Охотник с испуга отшатнулся назад. «Не бойся, мое солнце, меня, я Амиран и связан божьим проклятием!», – сказал великан. Когда мальчик уверился (в своей безопасности) он сказал: «Какого ты рода, что ты за чудо, и что ты здесь делаешь?» «Я Амиран из рода Дарезанов,*** я был насильник, не давал покоя людям на земле, спорил с божьими дзаурами (ангелами, духами) и даже Бога самого ни во что ставил. Вот он развернулся надо мною и сюда меня пригнал, и здесь я стою привязанным. Если ты подашь мне перевязь моего меча, я тебе великое добро сделаю». Охотник схватился за перевязь его меча (лежавшего, вероятно, в стороне) тянет, тянет, но напрасно. «Будь милостив ко мне, не могу! Что я могу сделать?», – говорит охотник. «Привяжи одно предпле-

---

* *Профессор горного института И.В.Мушкетов сообщил нам из личного наблюдения, что западная вершина Эльбруса, если смотреть не нее с востока, с ледника Азау, сильно напоминает своим очертанием профиль исполинской человеческой фигуры.*

** *Деревянные обручи, надеваемые быкам.*

*** *Семья богатырей, часто являющаяся в нартских (богатырских) сказаниях.*

чье к перевязи меча», говорит Амиран, – «а другое предплечие протяни ко мне». Охотник сделал это. Амиран потянул и члены охотника затрещали. «Будь милостив ко мне, не вырви у меня душу!», – сказал мальчик. Амиран сжалился над ним и выпустил его. «Ступай», сказал он, – «и принеси мне вашу (домашнюю) цепь, унеси ее, не говоря ни слова и, когда побежишь, не смотри назад, а нето дверь моей пещеры захлопнется». Охотник исполнил приказание, схватил цепь и унес ее, не говоря ни слова. Но вслед за ним бросились родные и вся деревня: «Что за сумасшедший! Куда несет он цепь?», – кричали они. Мальчик пустился бежать, и уже ему мало оставалось до пещеры; но видно Богу не было угодно и мальчик посмотрел назад. Медная дверь пещеры захлопнулась и Амиран там остался на веки.*

Другое сходное осетинское предание изложено г. Н. Дункель-Веллингом в статье под заглавием: «Осетинская легенда о Прометее».** В примечании автор говорит: Легенда эта слышана мною в Раче, в сел. Уцерго. Она также существует у осетин Мамисонского ущелья и подтверждается некоторыми другими рассказами». К сожалению, в изложении автора легенда получила сильную фельетонную окраску. На счет этой окраски нужно отнести некоторые детали, слишком близко напоминающие греческого Прометея, мысль о котором несомненно водила пером автора. Нет, конечно, основания сомневаться в завязке легенды, в том, что некий пастух Бессо Симонишвили заблудился в горах близ Эльборуса, попал в незнакомую, глухую местность и услышал голос из расселины. Но можно сильно сомневаться в том, чтобы он увидел в расселине то, что его заставляет видеть автор: «Прямо против света, к громадному камню был прикован толстыми цепями красивый полунагой юноша. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяние, а от стонов и рыданий дрожал воздух темной пещеры; шелковистые золотые кудри в беспорядке лежали тучей на широких плечах, с которых висели обрывки пурпурной мантии, испещренной золотыми узорами; напряженные мускулы лица, рук и груди доказывали сверхъестественные усилия вырваться из цепей, а глаза, горящие отчаянием и злобою, выражали муки, которые терпел этот странный узник. Придя в себя от испуга, оправившись от удивления, Бессо увидел, что весь пол пещеры был усыпан монетами, золотыми и серебряными слитками,

---

* *См. наши Осетинские этюды, 1, стр. 68 и след.*

** *Газета Кавказ 1859 г., № 20.*

оружием и драгоценными вещами, а в стене, против той скалы, к которой был прикован несчастный, был ввинчен обрывок толстой железной цепи, схватить конец которой напрасно старался бедный узник»... Жаль, что ради посредственной картинки, автору вздумалось так размалевать осетинского великана. К чему понадобилось сделать его юношей красавцем, с шелковистыми золотыми кудрями, с прекрасными голубыми глазами и одеть его пурпурной мантией? Конечно, ничего подобного не слышал автор от осетин и ничего подобного нет в других кавказских преданиях того же рода. Хорошо еще, что эти предания, записанные более научным образом, дают нам возможность проверить рачскую легенду в изложении г. Дункель-Веллинга. Нам приходится отбросить из нее и большую часть романтического разговора, завязывающегося между Бессо и узником, причем последний восклицает точно на сцене в мелодраме: «Духи злобы! Неужели века адских мучений недостаточны для искупления моего проступка?» Далее нужно отбросить и коршуна, по уверению узника, грызущего (sic) его внутренности. Можно оставить лишь сущность легенды, заключающуюся в том, что Бессо должен был подать узнику обрывок цепи, но он оказался слишком короток. Тогда узник просит Бессо сковать из старого железа цепь, прикрепить ее к обрывку и подать конец ему. Тогда он легко разорвет свои оковы. Бессо соглашается исполнить просьбу узника. Он возвращается в аул и собирает всякое старое железо, чтобы перековать его в цепь. Но односельцы, подозревая, что он нашел клад в горах, следят за ним, когда он понес цепи к пещере. Бессо уже видит издали грот, но вдруг скала с отверстием грота пошатнулась и повалилась в бездну. Бессо вскрикнул и упал без чувств на землю.

От осетин перейдем к ближайшим их соседям на юг, к грузинам. Подобно осетинам, они называют эльборусского узника Амираном. Он заключен на Ялбузе по слову Божью с незапамятных времен. Железная цепь, к которой он прикован, так крепка, что никакие силы не в состоянии ее разорвать сразу. Вместе с Амираном находится в пещере собака, которая без устали лижет оковы своего господина. Она давно бы их разлизала, если бы грузинские кузнецы ежегодно, в утро страстного четверга, не ударяли три раза о наковальню. От этих ударов цепь приобретает прежнюю крепость, и Амирану суждено освободиться от оков только в день второго пришествия.* От-

---

*Дубровин, *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. 1, кн II, стр. 159.

метим в этом предании новую подробность – пса, лижущего оковы узника, и обрядовые удары по наковальне в великий четверг. В другом варианте того же предания, сообщаемом г. Эминым* рассказывается о прикованном Амиране, что в великий пяток из недр земли выходит кузнец, сильно ударяет по утонченной цепи Амирана и она получает прежнюю толщину. Затем кузнец исчезает до следующего года. К тому же циклу относится имеретинское предание, сообщенное нам в Тифлисе князем В.С.Микеладзе. В Нижней Имеретии (Кутаисск. губ.) существует общераспространенная легенда о богатыре-узнике Рокапи, прикованном цепями к громадному чугунному столбу. Исполин силится вытащить этот столб из земли. Но с 14-го на 15-е августа (ночь эта в Имеретии известна под именем ночи ведьм), когда Рокапи делает последние усилия и близок к цели, прилетает маленькая птичка, которая садится на столб. Узник ударяет в это время громадным молотом по столбу, чтобы убить птичку, но напрасно: птичка улетает невредима, а столб вновь вбивается глубоко в землю. Таким образом, уничтожаются потребовавшие целого года усилия прикованного богатыря. К этому добавляют, что если Рокапи когда-нибудь удастся освободиться, то настанет конец миру.

Обязательности Г.Н.Потанина обязаны мы двумя следующими вариантами – грузинским и абхазским. Первый, сообщенный г.Демуриа со слов грузина Аслана Геловани, рассказывает подробности о том, за что был Амиран наказан Богом. Амиран был крестьянин Божий и потрму обладал неимоверною силою. Раз он воткнул в землю длинную палку и каждому из прохожих приказывал тащить ее из земли: кто не мог вытащить – отвечал головой. Палка была так глубоко всажена, что никто не был в силах ее вытащить, и Амиран убивал всех беспощадно. Вот Бог принимает вид старца, сходит с неба и проходит мимо того места, где воткнута палка Амирана. Амиран кричит старцу вслед: «Погоди, вынь палку, а не то, – убью!» Бог отвечает: «Где мне старцу, вытащить палку!» Но безжалостный Амиран, как раненый лев, бросается на старика. Тот быстро одним пальцем вытаскивает палку и налагает на Амирана проклятие. Создав на горе стеклянный дом, Бог наложил на Амирана оковы, заключил его в дом и положил неподалеку от него его меч. Ворота дома отворялись раз через каждые сто лет. У Амирана была маленькая собака, которая ежедневно лизала цепь, и к великому четвергу

---

* *Н. Эмин, Моисей Хоренский и древний эпос армянский. Москва 1881 г. стр. 78.*

цепь готова была разорваться; но утром на рассвете этого дня кузнецы ударили по наковальне молотами, и цепь снова становилась целою. Однажды мимо Амиранова дома, в то время когда ворота были отворены, проходили крестьяне, и увидя Амирана пустились с испуга бежать. Тогда Амиран зовет их к себе, говоря, что он так же, как и они, создан Богом. Крестьяне, поразмыслив, вернулись; Амиран принял их ласково, осведомился о их житье-бытье и спросил их: «Что это вы запрягаете восемь пар волов в какую-то палочку и ходите по полю?» «Это плуг», – отвечают крестьяне, – им мы пашем землю и добываем хлеб». Амиран просит у них хлеба, и взяв кусок, сильно жмет его рукою; из хлеба потекла кровь. Потом он берет свой хлеб, данный ему Богом, и при давлении из хлеба потекло молоко. Когда крестьяне собрались домой, Амиран попросил одного из них принести ему бичевую (которая употребляется для запрягания волов в плуги) и сказал, чтобы, возвращаясь обратно к стеклянному дому, крестьянин не оглядывался назад; в противном случае ворота затворятся. Крестьянин, достав бичевую, идет к Амирану; но жена его идет за ним и просит сказать ей, куда и зачем он идет. Своим приставанием она надоедает ему до того, что он, рассердившись, обращается назад и прогоняет ее домой. Вот приходит он к тому месту, где был Амиран, но не находит его: Амиран исчез неведомо куда. Теперь эту гору, которая находится в Джавахетии, называют горой Амирана. Впрочем, горою Амирана называют также и Эльборус, и Арарат.

Заметим, что в этот вариант об Амиране вошли черты из других кавказских преданий о великанах. Параллель давлению хлеба находится, например, в наших Осетинских Этюдах (ч.I, отд.III №1 и отд.I №12).

Абхазский вариант, также сообщенный Г.Н.Потанину г.Демуриа, содержит в себе ту подробность, что Амиран был прикован Богом к Эльборусу в верховьях речки Хадзильги (?). при Амиране его пегас (рашь), который грызет его цепи. Когда цепь становится уже весьма тонкою, стоящая тут женщина в черной одежде прикасается к ней палкою, и цепь становится целою. Амиран был воспитан абхазцем из рода Цицибаевых. Цицибаевы пошли однажды вверх по реке Хадзильги, чтобы посетить Амирана, но не могли дойти до него: они только слышали его голос. Он спросил их: «Растет ли у вас папоротник (гвимра)?» «Ничего нет обильнее папоротника», отвечал Цицибаев. «Это несчастие, сказал Амиран; – «а есть ли у вас рыжеволосые люди?» «Есть». «И это несчастие; а есть ли у вас виноградные лозы, перекинутые над тропинками?» «Есть». «И это несча-

стие». Говорят, Амирану последнее неприятно, потому что люди, проходя под лозами, должны наклоняться и как бы невольно чрез это кланяются Богу.

Обрядовые удары кузнецов существуют и у армян, причем приводятся в связи с армянским Прометеем – Артаваздом. Моисей Хоренский в своей истории Армении сохранил любопытное предание, почерпнутое из народных уст. Рассказав о смерти и погребении Армянского царя Арташеса, современника императора Адриана, он прибавляет*: О нем гохтенские певцы поют так: «Во время смерти Арташеса, много было пролито крови по обычаю язычников; огорчился Артавазд (его сын) и говорит к тени отца: «Ты ушел, отец, и унес с собою всю нашу землю; как же мне царствовать над развалинами?» За это Арташес проклял его, говоря: «Если ты пойдешь на охоту на свободный Масис,** тебя захватят духи,*** повлекут на свободный Масис, там останешься и света не увидишь более». Старухи рассказывают про него, – продолжает Моисей Хоренский, – «что две собаки беспрестанно грызут его цепи, и он силится выйти и положить конец миру, но что от звука ударов молота кузнецов снова оковы укрепляются. По этому самому даже и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, ударяют (молотом) о наковальню, чтобы укрепились, как говорят, цепи Артавазда... Другие говорят, что при рождении приключилось с ним несчастие, и полагают, что женщины из рода Аждахака заколдовали его; почему и Арташес долго и жестоко пытал их. Это самое так повествуют певцы в легенде: «Драконицы украли младенца Артавазда и дэва положили на его место».

Ученый переводчик замечает, что между персидскими армянами, поселившимися в Джульфе, предместий Испагании, до сих пор существует следующий обряд у кузнецов: в субботу вечером, перед тем, как запирать кузницу, кузнец с молотом подходит к наковальне и со всего размаху три раза ударяет по ней****.

О распространении сказаний того же цикла у армян свидетельствуют другие варианты, приводимые г. Эминым. Одна легенда называет прикованного великана Шидаром, сыном Артавазда. «Жил был царь Армянский, по имени Артавазд. У него был сын помешанный по имени Шидар. Артавазд, умирая, не передал царства Шидару, так

---

* *История Армении Моисея Хоренского, пер. Н.Эмина, гл. 62, стр. 130.*

** *Масис – гора Арарат.*

*** *К'адж на древнейшем языке армян значило дух, по мнению г. Эмина*

**** *Н. Эмин, Моисей Хоренский и древний эпос армянский, стр. 76 и след.*

как он был сумасшедший. По этой причине пошла смута по нашей земле и немало было разорений. Раз Шидар садится на коня, приказывает трубить в трубы и возвестить, что он желает царствовать, сам же с избранными всадниками отправляется на охоту. И только что въехал он на речной мост, нечистый дух тотчас потряс его, и он упал в реку и исчез. И всадники распустили слух, что боги Шидара схватили его и заключили в черную гору, в старший Масис, наложив на него оковы. Две собаки – одна белая, другая черная – непрестанно лижут цепи Шидара. К концу года цепи эти делаются тонки, как волос. Если они порвутся, Шидар выйдет и уничтожит нашу землю. Для предотвращения этого, кудесники постановили, чтобы в исходе года, в первый день месяца навасарда, все ковачи, какой бы работой ни были заняты, ударяли три раза по наковальне, дабы оковы Шидара, дошедшие до тонины волоса, толстели и кричали: «иначе выйдет Шидар и уничтожит нашу землю».

Между турецкими армянами ходит подобное предание, приуроченное к местности Вана. На востоке от Ванской крепости виднеется небольшой горный хребет с тремя вершинами, из которых средняя называется дверью Мхера. Она представляет собою гладко обтесанную скалу, имеющую вид двери, на которую сверху падает каплями какая-то черная влага. Легенда гласит, что там за дверью, по божьему повелению, заключен Мхер со своим конем... За тою дверью находится колесо, приводящее землю с небом во вращательное движение. Мхер, не отводя глаз от колеса, пристально смотрит на него. Когда колесо остановится, Мхер получит избавление, выйдет и разорит мир.

Армянское сказание представляет любопытный пример наслоения древних эпических мотивов на историческое имя, и сам Моисей Хоренский, указывая на свои источники, облегчает нам работу. По его свидетельству, смерть проклятого отцом Артавазда произошла так: «Несколько дней спустя после восшествия на престол Артавазд, во время переезда через мост города Арташата, чтобы идти на охоту на кабанов и онагров, внезапно впал в помешательство, и в этом состоянии долго носился на коне без цели, пока наконец упал в глубокую пропасть и пропал без следу».

Этой странною и таинственною смертью царя воспользовалась народная фантазия и переплела события знакомыми мотивами прежних мифических преданий. Артавазд отожествился с персидским Зохаком (у Фирдуси) или древне-иранским змеем Аждахака, упоминаемым в Авесте. Известный древний миф борьбы нацио-

нального героя или бога со змеем, духом тьмы и зла, принимает у Иранцев политическую окраску: змей переходит в личность тирана, и от гнета этого тирана освобождает Иран какой-нибудь национальный богатырь. На эту работу народной фантазии указывает сам Моисей Хоренский, приводя народное предание, что Артавазд был околдован женщинами из рода Аждахака; он был подменен еще младенцем: «Дракониды украли младенца Артавазда и дэва положили на его место». Таким образом, для народа Артавазд стал уже дэвом, из рода Аждахака, первоначально змея, а затем Медийского царя, национального врага Ирана и Армении. Этому Аждахаку, врагу Кира и его армянского современника и друга Тиграна, Моисей Хоренский посвящает несколько глав (I кн. главы XXIV – XXIX включ.), в которых некоторые исторические черты переплетены ирано-армянскими народными мифами. Для нас любопытно только двойственное предание о смерти Аждахака: по одному преданию, Аждахак был убит в бою Тиграном. По другому, парсийскому преданию, занесенному в виде дополнения к 1-й книге, «какой-то Руден (очевидно Феридун Шахнаме и Орайтаона Зендавесты) связывает Аждахака цепями, уводит на гору, называемую Дэмбавендом (Демавенд)... ведет Бюраспа (собств. имя Аждахака – Авестийск. Baevaraspa) в пещеру горы, заключает его в оковы и сам становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюрасп повинуется своим оковам и не смеет выйти и опустошать землю».*

Таким образом, уже из материала, доставляемого Моисеем Хоренским, можно вынести тождество предания о заключении Артавазда на Арарате (Масисе) с иранским преданием о заключении Аждахака на Демавенд; но мы все-таки рассмотрим иранские предания на основании иранских источников, потому что найдем в них указание на повод к эпическому отождествлению Артавазда с Аждахаком.

Вот сущность истории Зохака у Фирдуси (X в.). После Тахмураса (в Зендавесте Тахмоурупа) на престол Персии вступил сын его Джемшид (в Зендавесте Иима-хшайто). Он царствовал 700 лет, ему подчинялась вселенная, повиновались дивы и пери. Он был царем-строителем, введшим культуру к персам; он научил их изготовлять оружие, шить одежды, разделил подданных на сословия, строил здания и корабли. Так протекли триста лет, в течение которых люди не знали смерти, не имели понятия о труде (sic)и повелевали дива-

* *См. перевод г. Эмина, стр. 72.*

ми, как рабами. Но счастье подействовало неблагоприятно на царя: он стал надменен и требовал себе поклонения. Тогда божественная благодать оставила его.

В это время в земле Тази (в Аравии) царствовал благочестивый царь Мердас, имевший сыном Дохака или Зохака, прозванного также Пейвераспом (владетелем 10.000 коней). Однажды к Зохаку явился Иблис (Ариман) и внушил ему желание овладеть престолом. В саду была выкопана глубокая яма, сверху покрытая соломой. Туда по неосторожности упал старик отец, и Дохак овладел престолом чрез отцеубийство. (Отметим здесь, что и Артавазд дурно относится к своему отцу и подвергает его проклятию. Быть может, это было одним из поводов к перенесению на Артавазда и других черт мифа о Дохаке). Иблис, приняв образ красивого юноши, вступил поваром на службу Зохака и стал кормить его мясом, а до того времени люди вкушали только растительную пищу. В награду за службу, Иблис просил позволения царя поцеловать его в плечи. От поцелуя духа тьмы на плечах царя выросло по черной змее. Таким образом, в легенде человек-царь постепенно возвращается к своему первообразу – змею. Зохак ищет средство отделаться от змей, велит их срезать, но они снова вырастают. Тогда явился Иблис в виде врача и советовал Зохаку кормить змей человеческим мозгом, чтобы их успокоить. Этим он думал обезлюдить мир.

Вследствие возмущения иранцы отложились от Джемшида и провозгласили царем Зохака. Джемшид бежит, скрывается в течение ста лет, наконец, попадается во власть Зохака, который велит распилить его надвое пилою. Зохак царствует 1000 лет, совершая бесчисленные злодейства: ежедневно приносятся в жертву его змеям два человека. Между тем из рода Джемшидова родится Феридун, будущий убийца Зохака. Отец его, Абтин, был убит Зохаком, но мать – Фиранек – спасает младенца в лесу, где его кормит чудесная корова Пурмаиэ. Затем мать с ребенком удаляется в Гиндустан к горе Альбурзу, и отдает сына на воспитание пустыннику. Вслед затем Зохак приходит в лес и убивает Пурмаиэ. На 16-м году Феридун сходит с Альбурза и спрашивает мать о своем отце. Фиранек рассказывает ему, что он происходит от царственного рода Тахмураса, что их преследует Зохак, убийца отца его Абтина. Феридун клянется отомстить Зохаку. Обстоятельства благоприятствуют его намерению. Семнадцать сыновей испаганского кузнеца Каве были съедены змеями Зохака; у Каве хотят отнять 18-го сына. Отец призывает народ к восстанию и вместо знамени прикрепляет к древку копья свой кожаный передник. Так произошло государственное знамя Ирана. Около Каве собираются многочисленные дружины и кузнец вызы-

вает Феридуна быть их предводителем. Феридун является вооруженным булавой с изображением коровьей головы (в воспоминание Пурмаиэ) и выступает против Зохака.* После ряда похождений, наконец, Феридун поражает Зохака булавой, но по приказанию ангела Сероша не убивает его, а везет к горе Демавенду. Здесь приковали Зохака к скале в глубокой пещере, где он время от времени выражает свое бешенство землетрясениями.**

В заключение приведем любопытное свидетельство путешественника Морьера о местных преданиях у Демавенда.*** «В городе Демавенде, у подошвы соименной ему горы, замечаются развалины, носящие название замка Зохакова, и 31-го августа бывает праздник в память низвержения тирана. В этот день все жители, как из города, так и всего Демавендского округа, собираются и предаются общему веселью; они разъезжают верхом на конях и лошаках; окрестность оглашается радостными криками, а вечером город и все дома освещаются. Местное предание говорит, что юноша решился убить Зохака, который жил у вершины Демавенда и ежедневно приносил по два человека на пожрание находившимся на его плечах змеям; в случае успеха предприятия, герой обещал зажечь огонь на ближайшей вершине. Умертвив Зохака, он на самом деле развел условленный огонь, в память чего и бывает ежегодное освещение... Равно существует поверье, что скованный Зохак живет в подземной горной пещере и причиняет землетрясения, часто случающиеся в этой стране».

Припоминая теперь все вышеприведенные азиатские сказания – черкесские, осетинские, грузинские, армянские и иранские – мы замечаем, что личность, за которою мы начали следить, как за великаном, прикованным божеством к скале, мало-помалу превращается в змея, а в божестве, приковавшем его, обнаруживается широко распространенный во всех народных сказаниях тип бога или богатыря змееборца. Таким образом, мы имеем возможность разбить все эти легенды на две группы: в первую войдут многочисленные легенды о змее, заключенном богом или богатырем под какой-нибудь горой; во вторую – легенды о великане, прикованном к скале в какой-нибудь горной пещере. Последовательное обращение древнего змея,

---

* *Услуга Каве была щедро вознаграждена Феридуном: он сделал его начальником части войска и его потомки составляют знатнейший род в Персии.*

** *Spiegel, Eran. Alterthumskunde, I, p. 530-549; Зиновьев, Эпические сказания Ирана, стр. 53 след.*

*** *Morier, Second journney, p. 357; приведено у Зиновьева, стр. 60.*

иранского Ажи-дахака (ведийского Ahi), в царя Аждахака и затем в царя Зохака наглядно показывает, что сказания первой группы древнее сказаний второй. Но в истории народных сказаний происходит редко такое явление, чтобы новый вид сказания вполне вытеснил прежний; напротив, обыкновенно прежний продолжает по местам существовать одновременно с новым и переходные формы часто не сохраняются. Так, у древних греков, развивших сказание о Прометее, сохранилось и сказание, которое мы отнесли к первой группе – сказание о Тифоне. Аналогия между последним и Прометеем была ясна и для Эсхила; в трагедии «Скованный Прометей» (стр. 347 и след.) он влагает в уста олицетворенного Океана, утешающего Прометея, Рассказ о Тифоне: «Я видел землерожденного Тифона, некогда жившего в Киликийских пещерах, и сжалился над воинственным чудовищем, стоглавым, подвергавшим насилию других; он воевал против богов, изрыгая смерть из страшных зевов; из глаз его сверкала горгонская молния и, казалось, он овладеет могуществом Зевса; но настигла его бдительная стрела Зевса, стремительная молния, изрыгающая пламя; громкие вопли выбила она из него; в самое сердце пораженный, опален он был молнией, и оглушенный громом утратил он силы. А ныне немощное, отверженное тело его лежит у морских теснин под подножием Этны; на вершине же кует расплавленную массу Гефест; но оттуда некогда вырвутся потоки огня, пожирая дикими челюстями обширные посевы плодовитой Сицилии...

Конечно, мы не станем рассматривать Прометея таким, каким его впоследствии сделала фантазия греческих поэтов-философов, то в этом благодетеле и заступнике человеческого рода трудно открыть змеиное происхождение. Но нужно вспомнить некоторые черты, сохранившиеся в культе и местных преданиях, и тогда это родство станет уже значительно яснее. Прометей принадлежит к породе титанов, этих врагов олимпийским богам, наравне с Бриаревсом, Атлантом и другими. Как Тифон – олицетворение земного огня, заключенного в недрах огнедышаших гор, так и Прометей носит эпитет огненосного бога (ὁ πυρφόρός ὑεός) и приносит огонь с неба на землю, хотя огонь, принесенный им, уже стал символом культуры, а не истребления, как стихийный огонь Тифона-Дахаки. В честь Прометея, древнего бога огня, в Афинах ежегодно устраиваются бега с зажженными факелами, причем победителем остается тот, кто первый со своим факелом достигает цели.*

---

* *Pausan. I, 30.*

Родство Прометея с Тифоном видно далее и в роли Гефеста при борьбе Зевса с тем и другим. Гефест, этот олимпийский кузнец, устроил свою кузницу над трупом Тифона; он же, по повелению Зевса, как это видно из начала трагедии Эсхила, приковывает Прометея к скале. Отметим азиатскую параллель Гефесту в личности ведийского Kávya uçanä, сопровождающего Индру в бою его с змеем Ahi и выковывающего ему Перун, и иранского, испаганского кузнеца Каве, поднявшего знамя восстания против Зохака. Память об этом кузнеце-змееборце (ср. русскую легенду о Кузьме и Демьяне и Борисе и Глебе) сохраняется в обрядовых ударах испаганских и армянских кузнецов по наковальне, с целью укрепить оковы скованного великана-змея. Эти удары раздаются не только на востоке, но и на западе в Германии, что свидетельствует о глубокой древности обряда. Так, в некоторых местностях в Тироле вечером накануне праздников кузнецы ударяют три раза по наковальне, чтобы прикрепить цепи Луцифера, который иначе может вырваться наружу и перевернуть мир. В других местах, например, в Вильдшёнау, место Луцифера заступает волк, сидящий на тройной железной цепи за девятью железными дверями. В Вальдкирхен, в нижней Баварии, последний оставляющий кузницу кузнец ударяет раз по наковальне, чтобы черт не мог перепилить своей цепи. Он пилит постоянно, так что ко дню св. Иакова (25 июля) цепь становится тонка, как нитка. Но в этот день, если исполняется обряд, цепь снова утолщается*. Перенесение роли древнего змея на диявола находим, по свидетельству Гана, и у албанцев. По их сказаниям, черт прикован огромною цепью к скале. Он гложет цепи в течение целого года, и к великой субботе звенья ее так тонки, как бобовые листья; но в Светлое воскресенье приходит Спаситель и приковывает диавола новою цепью.**

К переходному типу между змеем и человеком принадлежит скандинавский Локи, которого связь с древне-арийским змеем указана Маннгардтом,*** и сходство с греческим Прометеем развито Ганом. **** Подобно Тифону и Прометею, Локи, за смерть Бальдура, прикован Тором в пещере над тремя утесами. Над головою его боги прикрепили ядовитого змея, которого яд постоянно каплет узнику на лицо. Жена Локи Sigyn держит над капающим ядом таз, но когда он переполняется, то несколько капель падают на Локи, и он кор-

---

* *См. другие подробности у Mannhardt, Germanische Mythen, p. 87. .*

** *Aban. Studien, I, 156.*

*** *О. с., pp. 84 и след.*

**** *Sagwissenschafiliche Studien, pp. 140 и след.*

чится так сильно, что сотрясает всю землю. От этого происходят землетрясения.

Другую группу легенд, в которых змей заменен уже великаном, представляют, кроме греческого, сказания черкесское, осетинское, абхазское и грузинское об Амиране. К этой группе относится множество немецких сказаний о древних царях Карле Великом, Барбароссе, спящих глубоким сном в недрах какой-нибудь горы. Эти славные национальные короли, которым суждено проснуться в отдаленном будущем, когда мир переменится, и воспрянуть к новой деятельности. Так в Кифгэйзере до сих пор сидит Фридрих Барбаросса и будет сидеть там до страшного суда. Когда он выйдет, то повесит щит свой на сухое дерево, которое немедленно распустится и зазеленеет. Тогда наступят лучшие времена.

Как кабардинский эльборусский узник спрашивает своих сторожей: родятся ли еще ягнята и растет ли камыш на земле, так немецкий император, пробуждаясь по временам от сна, спрашивает: летают ли еще вороны вокруг горы? На утвердительный ответ он говорит: «Видно, еще мне спать сто лет!».*

В заключение возвращаемся к поставленному нами вопросу об отношении греческого Прометея к кавказскому, и ответ на этот вопрос вытекает сам собою из ряда рассмотренных родственных сказаний. Греки, подобно другим арийским народам, вынесли из Азии широко распространенный чуть ли не у всех народов миф о борьбе бога света с змеем, о победе первого над вторым и о заключении змея под гору. Последняя форма сказания развилась особенно у народов, знакомых с волканами. Затем у греков же были представления о нисшествии земного огня с неба, причем божество, принесшее людям огонь, в течение времени, при смене древних верований новыми и прежних богов новыми типами (Олимпийцами), становится, таким образом, соперником новому миродержцу Зевсу и переходит в разряд титанов, бунтовщиков, приравниваясь вследствие этого к древнему змею. Понятно, что этого древнего бога огня, при новом порядке вещей, должна постигнуть судьба древнего змея, и прежний миф наслоется на другое лицо. Как соперник Зевса, Прометей так же должен быть прикован к скале, как был некогда скован Тифон, соперник того же Зевса.

---

* *Grimm, Deutsche Sagen, 23, ср. № 28.*

Такова канва типа Прометея, хотя, конечно, эта канва еще не может объяснить нам всех художественных узоров, выведенных по ней артистическою и философскою мыслью греков. Работа грека покажется нам особенно высока, если мы сравним тип Прометея, как он изображен Эсхилом, с разными чудищами Востока – Зохаком, Амираном, Рокапи, Шидаром, Мхером, которые, несомненно, однако представляют его ближайшую родню. Греки перенесли место наказания своего героя на Кавказ. Но едва ли это объясняется азиатским происхождением Прометея. Нам кажется вероятнее, что географическая подробность, которой притом нет у Гезиода, явилась позднее, когда миф уже сложился, и объясняется тем, что вследствие сношений с Кавказом греки могли услышать там предания о прикованном к скале великане и увидеть в последнем своего Прометея. Мы знаем, например, что они же заставляли путешествовать своего Геракла по всем известным землям, едва только находили в туземных преданиях черты, напоминавшие им их национального полубога. Вспомним также, что армянское предание о прекрасном царе Аре попало в сочинения Плутона. Все это может подтвердить наше объяснение локализации Прометея на Кавказе.

Вс. Миллер[32]

Журн. «Министерства народного просвещения». СПб. 1883, №1. С. 100 – 116

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь

Без малого две тысячи лет тому назад, когда уже не стало на земле Великого Учителя, два Его ученика, св. апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, на браке коего, в Кане Галилейской, Господь претворил воду в вино, пришли просвещать Иверию[33]. Летописи грузинской церкви говорят об их проповеди в нашем крае следующее: «Блаженный Андрей оставил Сванетию, вместе с Симоном Кананитом отправился в Осетию и достиг города Фостафоры. Здесь апостолы, после долгой проповеди, обратили многих к вере Христовой. Оставив Осетию, апостолы пошли в Абхазию и достигли города Севасты (Сухума), где после неутомимой проповеди также обратили многих к вере Христовой. Апостол Андрей, оставив тут апостола Симона, с прочими для утверждения новообра-

щенных, отправился в землю Джакетов[34]. Царь Иверский Адеркий, услышав о распространении в его владениях христианства, воздвиг на христиан жестокое гонение, во время коего мученически пострадал св. апостол Симон Кананит со многими христианами. Могила св. апостола, показываемая в Абхазии близ Сухума[35] сделалась предметом глубокого почитания местных жителей даже до сего времени».

Итак, людская злоба, задушившая носителя Слова Божья, сменилась глубоким почитанием его могилы. А могила эта лежит в двадцати верстах от Сухума, на самом живописном месте, какое только мне пришлось видеть и без того в живописной Абхазии, как будто сама природа, пораженная людской несправедливостью, пожелала загладить вину своих сынов пред тем, кто, тая в сердце священный огонь, пришел издалека возвестить людям религию любви своего Великого Учителя. И природа в данном случае, как и всегда, оказалась великой мастерицею в своем деле. Где же мог найти лучшее успокоение безвременно погибший страдалец, как не на той живописной поляне, которая омывается волнами речки Псыртсхи[36], у того самого ущелья, откуда речка эта, вырываясь от сдавливающих ее скал, с любовью льет волны на гигантские, вон из земли торчащие, корни старого орешника, близ которого по преданию, погребен Кананит. Тут и невинное журчание ручья, и прохлада ущелья, и тихий, задумчивый ропот леса, покрывающего окрестные горы, которые, вдобавок, в январе месяце пестреют целым ковром полевых цветов. Справа же, сторожа могилу святого, высится грозный конусообразный гигант, гордо поднявшийся над всеми окрестными горами и только в виду «седого Кавказа», смиренно склоняющий голову на север. Высокий, стройный лес, теперь – увы! – лишенный листвы, обхватывает его со всех сторон до самой вершины, с высоты которого задумчиво смотрит полуразвалившийся замок какого-то хищника-феодала, уныло мечтая о прошлом величии. Но и этот лес, и этот замок, и эти горы, как будто все проникнуто каким-то смиренным благоговением. Не чуждо оно, по-видимому, и другому великому стражнику, как сказочное чудовище, разлегшемуся от самого монастыря далеко за пределами видимого горизонта. Словно творя молитву, усердно лижут его волны «врата обители святой» и не менее усердно везут они издалека новые и новые толпы смиренных богомольцев. Но кто знает тяжкие грехи этого усердного паломника, кто знаком с его буйным, неукротимым духом, тот вряд ли не усомнится, – отмолить ли старому грешнику свое греховное прошлое охватившим его теперь раскаянием. А грехи эти тяжки и смер-

тельны. Помнит смиренная речка Псыртсха, так усердно кормящая монастырскую братию свежею рыбою, помнят и эти леса, и эти горы, каждая былинка в окрестностях Ново-Афонского монастыря помнит и знает хорошо, как бунтовал их великий сосед, как вместо мирных пароходов Русского Общества пароходства и торговли, он слал к ним грозные броненосцы с людьми в фесках, и как выстрелы с этих чудовищ, испепеляли все кругом и, наводняя ужасом окрестность, возвещали смирно спящему апостолу любви о необыкновенной живучести старой, из века в век передаваемой истины, что homo homini lupus est... Даже старый замок на конусообразном гиганте, видавший виды на своем веку, говорят, не видывал ничего подобного!

Впрочем, он теперь мало что видит и замечает, как вековая старуха, равно забытая людьми и смертью, сидит он полудремля, окруженный своими же развалинами, на своем высоком сидении. И так как вид цветущей юности для сердца моего милее во стократ бесстрастного, стеклянного взгляда отживающей старости, я мысленно пропел «немому свидетелю веков минувших» «со святыми упокой» и весело вступил в монастырское подворье. Нас было человек пятнадцать, вместе с дамами, и потому меня немало интересовал вопрос о нашем ночлеге. Оказалось, что слухи о гостеприимстве ново-афонской братии нисколько не преувеличены. Тотчас же явившийся из церкви монах повел нас «в гостиницу», которая если и не блистала особою роскошью, то, по крайней мере, мало, чем уступала некоторым городским гостиницам. Там нам отвели особые помещения, как для дам, так и для мужчин, и потом пригласили в церковь на вечерню. По дороге туда мы имели возможность воочию убедиться, что монастырским гостеприимством равно могли быть довольны и наши лошади, заботами гостеприимных хозяев весьма удобно устроившихся в монастырской конюшне. Вообще «необстроившийся», как называют его монахи, монастырь поражает посетителя своим удобством и изяществом. Во всем виден глаз опытных и дельных хозяев, не упускающих самомалейшую мелочь без должного присмотра и попечения. Въезжая в монастырский двор с восточной стороны, вы видите пред собою маленький городок, который в целости и составляет так называемый Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. С правой стороны от вас весьма изящная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, с двумя громадными двухэтажными домами, из которых в одном помещается училище для мальчиков, а другом – сам отец игумен с братиею.

Слева строения для монастырских рабочих, а также конюшни, а немного подальше, на самом берегу моря, гостиница для приезжающих, где нам и отвели помещение. Параллельно же речке Псыртсхе, замыкая двор монастырский с западной стороны, тянется длинная одноэтажная каменная постройка – тоже помещение для приезжих богомольцев из простого люда, которых в день монастырского праздника, говорят, бывает видимо-невидимо. Большинство этих богомольцев – все русские, приезжающие издалека, кто на неделю, кто на две, а кто и на более продолжительный срок. Бывают и туземцы, к которым монастырь особенно благоволит, выказывая в отношении к ним чисто патриархальное гостеприимство. Так, например, мне рассказывали в Сухуме, что пароход Русского Общества, специально присланный монастырем, бесплатно забирал пассажиров и преимущественно туземцев, обильно угощая их в дороге на монастырский счет. Впрочем, даровое угощение практикуется и в самом монастыре, где с приезжающих не взыскивается ничего за содержание, если они сами не пожелают пожертвовать добровольно на монастырь.

Вообще, повторяю, вид монастыря производит весьма отрадное впечатление. Двор содержится с педантичною чистотою, дорожки словно аллеи какого-нибудь шикарного городского сада, обсажены деревьями и посыпаны песком, а маленькая, возвышенная площадь пред церковью Покрова Пресвятой Богородицы положительно выглядит каким-то сказочным садиком, увеселяющим глаз своею курчавою растительностью, над которою красиво возвышаются стройные, вечно-зеленые кипарисы. Все это помещается между морем с одной стороны и южным склоном горы по сию сторону Псыртсхи – с другой. Но гордость монастыря, предмет усердного паломничества богомольцев – это Симоно-Кананитская церковь, лежащая приблизительно в полуверсте от самого монастыря, у глубокого ущелья, служившего руслом р. Псыртсхи, почти у самой подошвы конусообразной горы с замком. Тут были развалины, неизвестно когда разрушенной Симоно-Кананитской церкви, верный снимок с которых, в том же виде, как застала их Ново-Афонская братия и теперь можно видеть в притворе возобновленного храма. «Посередине поляны, – говорит об этих развалинах известный паломник и любитель священных древностей Н. Муравьев, – стоит церковь небольшая, но почти совершенно уцелевшая, кроме обвалившегося купола; западный ее притвор завален камнями и зарос дикими растениями, как и самая вершина церкви, вход от южного притвора, над коим виден

еще полустертый лик Спасителя. Устройство храма греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горного места. Поразительна тонкость стен, складенных из римского кирпича, и высота стройных сводов, которые опираются на чрезвычайно легкие столбы; живопись уже стерлась, но на западной стене еще видны Успение Богоматери и два мученика».

Храм этот теперь, повторяю, возобновлен, с сохранением всего того, что можно и должно было сохранить. Так, например, на северо-восточной стороне имеется камень с надписью, снимок с которой я заметил и в гостинице для приезжающих.

Рядом с церковью, всего в нескольких шагах от нее, идет кипучая работа по сооружению монастырской мельницы, высокая и массивная плотина, для которой уже готова. Она, по словам нашего провожатого, стоит монастырю несколько тысяч рублей. Мы взобрались на нее по какой-то адской висячей лестнице и, таким образом, могли видеть просторный бассейн, предназначенный для разведения рыбы. Не удивляйтесь этому! Ново-Афонские монахи далеко не разделяют укоренившегося в известной среде мнения, что служение Богу несовместимо ни с каким другим занятием. Напротив, служа Богу, они в то же время буквально исполняют его волю и «в поте лица своего едят хлеб свой». Таково, по крайней мере, впечатление при виде всех этих, предполагаемых и уже осуществляемых, хозяйственных сооружений; при виде той кипучей деятельности, которой монахи предаются со страстным увлечением. Поля у них прекрасно обработаны, фруктовый сад, говорят, дает изрядный доход, имеется у них и собственный водочный завод, нет недостатка и в местном, довольно сносном, вине из собственных виноградников, а что касается чего-либо прочего, они, если не теперь, то со временем вас могут угостить прекрасным медом, ибо пчеловодством они занимаются, чуть ли не с исключительною любовью. Словом, физический труд у них – своего рода культ, которому они служат по мере сил и возможности, что, впрочем, и понятно, ибо 1.500 десятин земли, пожалованной правительством монастырю, стоят же того, чтобы не сидеть, сложа руки…

Но чего я не могу хвалить, это – да простят мне отцы святые! – их духовной школы для туземных мальчиков, из коих достойные должны занять впоследствии места священников и быть миссионерами. Я тут не о программе ее говорю, ибо ее-то я и не знаю, хотя, судя по довольно сбивчивым объяснениям г. учителя, она несколько соответствует программе нашего начального училища, – я хочу

лишь указать на те крайние антигигиенические условия, в которых держат детей. Во-первых, еда у них круглый год – постная; рыба да лобио, лобио и рыба, а, во-вторых, их спальни, куда мы проникли, далеко не свидетельствуют в пользу монастырской чистоплотности... Эти убийственные для детей условия уже успели подействовать на их хрупкий организм: дети выглядят не такими бодрыми, какими следовало бы быть в их возрасте. Может быть будущим миссионерам, по монастырскому взгляду, незачем думать о комфорте, но мы ведь говорим о существенно необходимом. Иначе здоровье детей может быть подорвано в корне, и тогда не будет ни священников, ни миссионеров и даже, перефразируя хлесткую фразу одной из монастырских брошюр, добавим с сокрушением, что « при таких условиях, несомненно, и просвещение края пойдет далеко не успешно».

Впрочем, судя по осторожности, с какою наш знакомый монах распространялся о школе, а также и по тем реформам, которые по его словам, предполагаются в ней, – неудовлетворительное состояние школы хорошо осознано и монастырскою братиею. Это дает нам повод надеяться, что все, что нужно и должно исправить, ждет лишь очереди для радикального изменения.

Теперь справедливость требует, чтобы мы сказали два слова о человеке, трудам и неусыпным заботам которого монастырь обязан своим основанием. Человек этот – иеромонах о. Арсений, ревностный и энергичный деятель, на которого «старцами афонскими возлагались и самые важные и трудные дела послушания». «Так, например, говорится в «Воспоминании монашествующей братии о последних годах и днях жизни о. Арсения», в 1875 г. на него возложено было старцами дело приискания в России, именно на Кавказе, места, где бы могла быть устроена обитель, как бы некая отрасль русского Пантелеймонова монастыря с тем же афонским иноческим уставом, с целью просвещения святою верою тамошних туземцев и обучения их различным полезным для них наукам. Таковое удобное для обители место и было найдено о. Арсением в Абхазии, близ Сухума – где стоит разрушенный храм во имя св. апостола Симона Кананита. Сей храм под устройство обители был благоволительно отдан его императорским высочеством, великим князем Михаилом Николаевичем, наместником Кавказским». Но вскоре о. Арсению пришлось приостановить начатые постройки по причине войны с Турцией, а братство разбрелось в разные стороны, – кто в более от-

даленные от берега Черного моря монастыри, а кто и на театр военных действий, в качестве санитаров. По окончании войны о. Арсений снова ревностно занялся возобновлением пострадавшей от нашествия турок обители и посреди тяжких и изнурительных забот по делам ее, скончался в Москве 17 ноября 1879 года.

Но возвратимся к нашему пребыванию в монастыре.

Если вы, читатель, когда-нибудь были в монастыре и, стало быть, хоть на время чувствовали себя в сообществе «живых мертвецов», – вам, по всей вероятности, должно быть знакомо чувство – не умею, как выразить, – не то смущения, не то благоговения, которое овладевает вами невольно. По крайней мере, я всегда испытывал это на себе. То же должно быть, испытывает человек, попавший в склеп или на поле сражения, когда ровно в полночь печальный, протяжный звон колоколов начал звать братию на заутреню и когда, одновременно с ним, стук в нашу дверь поднял нас на ноги, я долго, сидя на своей жесткой постели, не мог освободиться от этого чувства. Но вот мы одеваемся и спускаемся с лестницы, мертвая, могильная тишина, изредка прерываемая ударом колокола, царит в непроглядной тьме монастырского подворья, да, беспрепятственный и могучий, словно грозное рыкание тысячи львов, ропот моря смущает полнощное спокойствие мирной обители. И при тусклом мерцании мириады звезд на темно-бирюзовой синеве ясного безоблачного неба, глаз ваш различает там и сям какие-то черные тени, словно привидения, то вдруг появляющиеся, то снова пропадающие во мгле. Это монахи, крестясь и творя молитву, шествуют в церковь. Наконец, и вы входите туда же. Тысячами огней горит золоченый иконостас, освещая лики святых, а там у самой колонны, пред образом Божьей Матери, виднеется худая, истощенная, но в высшей степени симпатичная фигура седого игумена. За ним, вдоль обеих стен церкви, стоя у своих сидений, тянется длинная вереница монахов в черных клобуках. И стоят они, понурив голову, не обращая ни малейшего внимания на входящих в церковь, только изредка стан их выпрямляется, понуренные головы подымаются выше, и из скорбных уст вырывается печальный голос: «Господи, буди, мне, грешному!..». И чувство невольного смущения овладевает вами все больше и больше.

Но вот заутреня отошла, и мы выходим из церкви. Господи! Что за чудную картину представляет монастырская окрестность под белесоватым покровом начинающегося утра. Так, кажется, и окаменел

бы пред этою чудесною панорамою, если... если бы в монастыре допускалось восхищение природою. Снова над нами несется медленный, протяжный звонок, – то благовест с церкви Симона Кананита и мы снова по приглашению проводника-монаха, идем туда, на раннюю обедню. Когда отошла она и мы, усталые ночным бдением, молча спускались со склона горы, освещенной первыми лучами солнца, я признаться, только и мечтал, что о стакане чаю, в котором, по предложению, не могло нам отказать монастырское гостеприимство. Но вышло иначе! Отец Савва – дородный и краснощекий эконом – единственный тут человек, не утративший способность шутить и смеяться, – снова приглашает нас на «позднюю обедню» в церкви Покрова, и когда мы, ссылаясь на усталость, попробовали, было отказаться от этой новой чести, лицо его отуманилось такой искренней грустью, что нам без труда стало ясно,

«Что нами вызванный упрек
Был сокрушительно жесток!».

Но зато, какова же и была его радость, когда мы, по возвращении из церкви, очутились в его распоряжении. Угощению и просьбам, подслащенным шуточками, не предвиделось конца. Даже по окончании обеда мы не могли избежать его злокозненных ухищрений. Подкарауливая в узком коридоре, он без церемонии затаскивал каждого из нас в свою убогую конуру и, до зела, накачивал вином «собственного монастырского изделия, во здравие души и тела». Наконец, освободившись от него, мы снова выехали на дорогу, обратно в Сухум, и снова пред нами стала расстилаться знакомая картина. Снова лес с одной стороны и море – с другой, только волны последнего казались сердитее и грознее, бурно шумели они, заливая песчаный берег и ноги пугливых лошадей, быстрее и беспокойнее носились тучи несносных чаек над волнообразной поверхностью. Но тем громче и шумливее становились смех и песни молодежи, то и дело прерываемые то остроумными выходками подвыпивших кавалеров, то, как птичье щебетанье – сладкозвучными в устах женщин, звуками абхазского говора. И вплоть до самого Сухума все тот же шум морского прибоя, все тот же лес, пестреющий мириадами цветов и над всею этою картиною ослепительный блеск летнего солнца и дивная синева роскошного, чисто итальянского неба.

М.Хонели[37]

Газ. «Кавказ», 1883, №45

«Благословляю вас леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!», –

шепчут невольно ваши уста, когда с высоты пароходной палубы вы в первый раз окидываете взором, позлащенные первыми лучами солнца, очертанья Сухумского побережья. И в этом восклицании нет ничего удивительного! Не особенно широкая долина, на которой уютно расположился Сухум, замыкается с юга морем, с севера и востока – горами, которые, подымаясь все выше и выше, наконец, изменнически скрываются в облаках, словно оберегая девственную чистоту своих убеленных вершин от нескромных взоров любопытного туриста. Но менее стыдливая из них, как, например, Гума, с ее знаменитым гротом, гордо глядящая из-за скромной «Трапеции» у подножия которой живет теперь пишущий эти строки, – а равно вся эта многочисленная семья больших и малых гор, ревнивою толпою восторженных поклонников обступающая Сухум, все они, говорю я, щеголяют богатою, только абхазской почве свойственною, растительностью. Ну, а что касается до «голубых небес», – тифлисские Акакии Акакиевичи разных ведомств и наименований смело могли бы не краснеть за честь своих форменных околыш, если бы они знали и видели, как столь многократно воспетые голубые волны Черного моря тщетно спорят с бирюзовым небом Абхазии. Словом, тут восторг совершенно уместен; но, однако, и он должен иметь границы, ибо Сухумские фелюжники, как и все, впрочем, смертные, нисколько не обязаны сидеть, сложа руки, пока вам угодно будет предаваться созерцанию красот природы.

Памятуя это, я наскоро захватил свой «посох» да «бедную суму» с кое-какими безделушками, назло батумским церберам – говорю теперь об этом откровенно – вывезенным помимо их все освящающего чистилища, и с легким сердцем понесся на фелюге прямо к пристани.

Вообще Сухум всей своей внешностью ужасно напоминает мне неприступную восточную красавицу, неблагосклонность которой к своим обожателям также постоянна, как и настойчивость этих последних, видали ли вы когда-нибудь блестящую черноокую гурию, с улыбкою не то холодного равнодушия, не то чуть-чуть заметного самодовольствия, лениво внимающую хитросплетенной лести по-

клонников? Конечно, видали и даже, очень может быть, сами не раз утруждали собственную фантазию для изобретения сокрушительного комплимента, который разом мог бы, подобно свистящей бомбе, проложить брешь в какое ни на есть каменное сердце. Если это так, вы поймете «тоски упрямство, гнет печали», которые так долго смущают сердца поклонников Сухума. Потеряв счет столетиям, в продолжение которых эти курчавые горы теснятся вокруг владыки своего сердца, и не запомнит никто, с каких пор отдаленные громады разукрасились чалмой, чтобы, если не дородством, то хоть вычурностью одеяния пленить ее неумолимое сердце. Безуспешные также усилия Чай-Баша, днем и ночью, с редким постоянством, нашептывающего ей о муках своих родителей. Красавица упорно молчит, обернувшись к нам спиною, и ее не смущает даже угрюмый ропот окрестных лесов, справедливо возмущенных таким упрямством. Напрасно шумят великаны, тщетно качают они укоризненно головой, она упорно продолжает отворачиваться от них и кокетливо глядится в зеркальную гладь спокойного моря. Все это, впрочем, было до сих пор, т.е. недавнего времени, когда упорство красавицы обусловливалось ее невинностью. Но вот грянул гром, и случилось то, что обыкновенно случается, не во гнев им будет сказано! – с дочерями Евы, когда судьба, мстя за жестокость к другим, посылает им должное возмездие. Явился грубый Осман и вступил победителем в ее владения. Вместо бесполезных вздохов он прибег к более действительному средству.

«И пала ниц она, рыдая» у ног могучего пришельца. С тех пор; утратив присущее ей высокомерие, она стала вдвое прекраснее, в роли бессильной жертвы грубого произвола. По крайней мере, ее печальный вид возбуждает в вас невольное участие.

Кроме шуток, безотчетно грустное, гнетущее чувство овладевает вами при виде этих развалин, которыми усеян Сухум и по настоящее время. А что было тогда, когда от всего города уцелел лишь один дом, это – горская школа, какими-то судьбами одна избегнувшая всеобщей участи! Очевидцы не могут вспоминать об этом времени без невольного ужаса. Теперь же Сухум порядочно-таки обстроился. Большинство домов одноэтажные и маленькие, но выглядят в высшей степени малыми и уютными. Есть и двухэтажные, но их мало. Лучше всех это – здание женской прогимназии, что немало располагает в пользу сухумцев. Но что особенно хорошо в Сухуме – так это улицы. Мне, по крайней мере, привыкшему в эту зиму двадцать раз ломать шею в ухабах Кутаиса и столько же раз на дню проклинать пресловутый муниципалитет сего почтенного града, сухумские улицы показались чем-то вроде недостижимого идеала. Уж

не знаю я, что тому причиною: распорядительность ли начальства, песчаная ли почва, или, попросту безлюдность города, спасающая его от усиленных забот по этой части, но это факт. Притом все они широки и прямы, как стрела, что придает Сухуму вид маленького, но изящного европейского города. Но, опять-таки, повторяю, теперешний Сухум, по словам местных жителей, лишь жалкое подобие того, чем он был до войны. И всею этою минувшею, увы!, славою, а также и многим в настоящее время существующим, он, говорят, обязан покойному Гейману. Вообще воспоминание об этом генерале и по настоящее время живет в памяти сухумцев, и все о нем говорят с любовью и уважением. В нем, по общему мнению, счастливо сочетались все лучшие качества, необходимые хорошему администратору. Сообщительность и простота его в обращении с горожанами невольно подкупала сердца, а настойчивость и непреклонность его характера в достижении раз принятой цели, делала излишнею всякую попытку хотя бы пассивного сопротивления. Единственный же пункт, на котором он не мог сойтись с горожанами, и по поводу которого ему пришлось выказывать силу своего характера, это – стремление его обстроить город и вообще дать ему более благообразный вид. До него в Сухуме было всего два каменных дома, остальные были все деревянные, вроде потийских хлевоподобных клетушек. Не редкость было, говорят, встретить и плетеные избушки, т.е. абхазскую, просто-напросто, пацху...

Но зато, какую службу могла сослужить настойчивость покойного генерала сухумцам в это тяжелое время? Его страстная любовь к им же украшенному городу не позволила бы ему равнодушно глядеть на эти развалины, уже заросшие плющом и кустарником. Об этом твердят теперь, кстати и некстати, сухумцы, и с сокрушением вздыхают о тщетно ожидаемом вознаграждении за понесенные во время войны убытки. И есть, по правде говоря, о чем вздыхать! Уже сколько оценочных комиссий понаехало, оценивало и уезжало обратно, а дело все же не подвинулось ни на шаг. Что тому виною – Бог его знает, но только в счет понесенных убытков, пока выдано 30%, т. е. всего 30 к. на рубль. Поговаривают еще домохозяева о новой выдаче, но это, говорят, не будет раньше, как по уплате Турцией военной контрибуции, т.е. – острят пессимисты – после дождика в четверг.

Выселение абхазцев, так сильно отразившееся на уменьшении народонаселения в Абхазии, не могло, конечно, не отразиться и на внутренней жизни Сухума. Редко можно встретить город безлюднее теперешнего Сухума.

Гуляя по его улицам, вы чаще встретите буйволов и буйволят, чем людей. Нечего говорить, что и торговля потому в крайне бедственном положении, торговцы только по привычке сидят в Сухуме и совершенно довольны, если им удается сводить концы с концами. Да и от кого разжиться, когда кругом нет ни души, если не считать мелких чиновников.

Отсутствие абхазских аулов и деревень, окружавших прежде Сухум, дало о себе знать теперешним сухумцам и в другом отношении. Чтобы жить теперь в Сухуме, нужно быть состоятельным человеком и иметь полное хозяйство, ибо, иначе, приходится платить втридорога за все жизненные припасы. Прежде, все это в изобилии доставлялось абхазцами и жилось, если не припеваючи, то более, чем сносно. Теперь же, повторяю, кругом везде пусто, а если имеются кое-где болгарские поселения, то самим их обитателям есть нечего.

Война, как видите, сильно повлияла на внешний вид, так и на внутреннее благополучие Сухума. Она же лишила его и одной достопримечательности, составлявшей его гордость и украшение. Кому не случалось читать или слышать о Сухумском ботаническом саде с его редкими видами дорогих растений. Грустное впечатление производит теперь этот заброшенный сад, с заросшими аллеями, с еще неизгладившимися следами турецких безобразий. Наиболее дорогие и редкие деревья были срублены и уничтожены, все остальное было попорчено, насколько хватало турецкого уменья. С тех пор никто и не думал привести сад в прежнее состояние.

Он, если и не предоставлен самому себе, то все же заботы о нем не идут дальше поддержания того, что имеется теперь. Хинные деревья, маслины, чайные кусты, да, пожалуй, камфорное дерево – вот все, или почти все, что обращает на себя внимание наблюдателя в нем.

Более отрадное впечатление оставляет на себе так называемый сад Введенского, расположенный на восточном берегу Сухумской бухты, в трех верстах от города. Он и теперь содержится образцово и, благодаря многочисленным и разнообразным видам всевозможных цветов и растений, собранных тут воедино, – даже зимою представляется чем-то вроде цветущего рая. Если бы не печальная известность этого сада, как рассадника филоксеры, его можно было бы считать одною из наиболее замечательнейших достопримечательностей Сухума.

Если из всего вышесказанного о теперешнем положении Сухума вы составите себе понятие о безнадежности сухумцев, вы будете не правы, или только наполовину правы. Дело в том, что сухумцы, косясь на настоящее, убаюкивают себя мечтами о светлом будущем. Неосуществимость Потийского порта, в которую они твердо верят, назло инженерам и их патронам, а также оправдавшиеся слухи о проведении железной дороги к Новороссийску, поддерживают в них эфемерные, может быть, надежды на ожидающие Сухум лучшие времена. Они уже видят в мечтах Новороссийск, соединенным с Сухумом и, далее, Сухум с Кутаисом, а, также, не шутя, предполагают о возможности осуществления Сухумского порта. Насколько мечты эти соответствуют действительности, предоставляем судить каждому, но только со своей стороны считаем нужным добавить, что уверенность сухумцев во всем этом настолько велика, что они более чем скептически относятся к газетным известиям об ассигновании новых сумм на устройство Потийского порта.

Что же сказать больше о Сухуме? Упомянуть, что ли, о сухумском клубе, который, собственно говоря, тем только и замечателен, что он существует и увеселяет сердца сухумских барышень танцевальными вечерами, да, по временам, маскарадами. Даются в нем, впрочем, и любительские спектакли, но они нравятся только самим актерам, да, пожалуй, еще тем из зрителей, которых больше всего занимает в подобных вещах как «это актеры – чтоб им пусто было на том свете! – замуж девок выдают, да уху варят на сцене!» Но на безрыбье и рак рыба, говорят, – для Сухума и это хорошо.

М. Хонели

Газ. «Кавказ».
1883, №65

К вопросу о переселенцах

(По поводу корреспонденции
г. Молчанова в «Новом времени»)

...Оставим в стороне г. Молчанова с его выдумками и поговорим по поводу его последней корреспонденции из Сухума, – благо предмет сам по себе действительно интересен.

Г. Молчанов говорит о русских переселенцах в Абхазии и – нужно отдать ему справедливость – на этот раз, кроме ругани и инси-

нуаций, в письме его заключается и частичка правды. Незавидное положение русских переселенцев – факт слишком очевидный, чтобы отрицать его достоверность, хотя причина его кроется совсем не там, где это угодно предполагать г. Молчанову. Впрочем, оставим пока г. Молчанова и познакомим читателя с самым фактом, как рисует столичный корреспондент.

«Приходит, наконец, – говорит он, – русский переселенец на отведенное место. Оно или берег заросшего ручья в глубоком ущелье, или болотная долина среди высоких гор, или прибрежный песок. Дороги нет: где вплавь, где ползком. Ни хаты, ни готового бревна; кругом зверь и абхазец-вор. Некуда скотину загнать, нечем прикрыться от дождя, не у кого помощи попросить. Один сосед – лихорадка; заберет она, – а доктор по всей Сухумской области один на город, на господ и поселенцев. Дойти до него – неделя пути по бездорожью, позвать его – не может отлучиться. Фельдшера бы, но, увы, он назначен только для Цебельдинского округа (уезда), и то по настоянию попечителя, когда пол-округа вымерло, чуть ли не в один месяц. Хины бы – негде взять, одна аптека на всю область. Вот и вымирают переселенцы. Так, для примера, берем один из недавних годов:

	родил.	умер.
В с. Николаевском	13	18
с. Анастасьевском	19	24
с. Георгиевском	9	17
с. Александровск.	9	24
с. Марьинском	I	37 и т.д.

В общем итоге из пяти названных селений, состоящих из 548 душ, родилось 51, умерло 120, т.е. за один год население убавилось, без каких-либо эпидемий, почти на 13 проц., и потому по этому расчету может окончательно вымереть не далее как в один десяток лет. Впрочем, может быть, и гораздо раньше, так как молодое поколение, еще с молока зараженное лихорадкой, не растет, не крепнет, не полнеет и, не зная ни крови, ни молока на юных щеках, кажется на вид бессильным карлом».

Что правда – то правда! Больше ничего нельзя сказать про вышеприведенную часть молчановской корреспонденции. Печальная картина положения переселенцев, нарисованная им, составляет чуть ли не фотографический снимок действительности. На Кавказе это и до, и после молчановской корреспонденции, ни для кого не составляло, и не составляет тайны. Мы даже со своей стороны можем

предложить несколько данных, по которым не менее наглядно можно судить о безвыходном положении переселенцев. Вот вам ведомость гумистинских поселений, т.е. с июня 1879 года.

Год прибыли и убыли сем.	кол-во сем.	по какой причине Выселялись.
Абжаква		
1879 г.		
Прибыло	27	
Убыло	23	21 семейство выселилось за болезнью обратно в Германию; 2 сем. умерло.
1880 г.		
Прибыло	1	
Убыло	2	1 сем. в Германию вследствие болезни и 1 выслано в Бессарабскую губ. за неодобрительное поведение.
1881 г.		
Прибыло	-	
Убыло	1	За болезнью в Германию.
Дранды		
1879 г.		
Прибыло	58	
Убыло	42	39 сем. возвратилось назад в Кубанскую область; 3 сем.умерло.
1880 г.		
Прибыло	7	
Убыло	4	
1881 г.		
Прибыло	16	
Убыло	3	За болезнью в Кубанскую область.

Допуанты[38]		
1879 г.		
Прибыло	34	
Убыло	13	10 сем. возвратилось назад в Ставропольскую губ. вследствие болезни; 3 сем. умерло.
1880 г.		
Прибыло	7	
Убыло	8	3 сем. высел.: 1 – в Воронеж. губ., 1 – в Пензенскую губ. и 5 сем. умерло.
1881 г.		
Прибыло	17	
Убыло	8	7 сем. в Полт. губ. и 1 – в Кубанскую область вследст. болезни.
Гуммы		
1880 г.		
Прибыло	60	
Убыло	-	
1881 г.		
Прибыло	63	
Убыло	16	За болезнью обратно в Турцию (греки).
Акапы		
1880 г.		
Прибыло	195	
Убыло	16	За болезнью, в Турцию (греки).
1881 г.		
Прибыло	154	
Убыло	142	За болезнью, в Турцию (греки).
Мархаул		
1880 г.		
Прибыло	16	
Убыло	-	

Итак, значит, в Гумистинском участке всего, в продолжение трех лет, прибыло – 655, убыло – 278, из которых 235 по болезни. Следовательно, число возвратившихся по болезни составляет почти 15 процентов в год общего числа переселенцев. Принимая на вид условия, при которых приходится жить оставшимся и о которых совершенно верно свидетельствует сам г. Молчанов, т.е. изнурительная лихорадка, недостаточное питание, а вместе с тем абсолютное отсутствие даже слабой тени мало-мальски сносных гигиенических условий, не говоря уже о медицинской помощи, о которой и речи быть не может, – все это, повторяем, действительно, ясно и категорично говорит в пользу окончательного вымирания, и не далее как в близком будущем. Все это верно; но, спрашивается, кто тут виноват? Да кто же другой, как не местная администрация, отвечает г. Молчанов, которая, видите ли, русского переселенца почему-то не хочет «беречь как сокровище, лелеять, ласкать, наделять всеми благами втуне лежащей богатой природы», и которая всякие замечания на этот счет выслушивает со снисходительным удивлением, повторяя в ответ: «Да ведь околевает он здесь – чего же и тащить его сюда?».

Мы нарочно привели выше подробную ведомость о переселенцах Гумистинского участка, в числе которых, как видите, имеются и русские, и немцы, и армяне, и греки. По нашему мнению, ознакомившись с нею, пессимисты, вроде г. Молчанова должны признаться, что ни одна администрация или ее равнодушие и бездеятельность только могут быть виновны тут, но что существует другая, более важная причина, которая одинаково не различает русских, немцев, греков и армян. Чтобы еще наглядней подтвердить существование этой посторонней причины и отклонить от себя подозрение в пристрастном выборе данных для предвзятого освещения вопроса, мы приведем тут и ведомость о прибыли и убыли поселян в другом, именно Гудаутском, участке за время существования поселений.

Года и Национальности	Прибыло число	душ	Умерло обоего	Убыло обратно сем.	душ	Состоит налицо сем.	душ
1879 г.							
Русских	61	267	59	29	66	32	142
1880 г.	15	62	-	10	48	5	14
Армян	97	416	7	3	11	94	398

1881 г.								
Русских	23	101	25		18	58	5	68
Армян	56	187	25		1	4	55	158
Итого:								
Русских	99	430	84		57	172	42	174
Армян		153	603	32	4	15	149	556
ВСЕГО:	252	1033	116		61	187	191	730

Из этой таблички видно, что из 430 душ русских, поселившихся в Гудаутском участке, к концу третьего года осталось только 174 души. Остальные 256 – кто умерли, а кто воротились назад. Умерших – 64, что, опять-таки, нельзя признать за слишком высокий процент. Число умерших и выбывших из армян далеко не так значительно, во-первых, потому, что и переселились-то они годом позже русских и, во-вторых, по весьма понятным причинам, лучше последних могли приноровиться к местным условиям.

Одним словом, помимо легко устранимой причины г. Молчанову угодно приписывать неудачи переселенцев, т.е. помимо бездеятельности и равнодушия администрации, если даже они и существуют, должна быть другая, более сильная и трудно устранимая причина, обезопасить от которой переселенцев не во власти кого бы то ни было. Нам даже кажется, что квази – ученая фраза – «русское население области немыслимо по климатическим и этнографическим условиям ее», так сильно напугавшая г. Молчанова, что он даже не осмелился вникнуть в смысл ее, больше его пустых и ни на чем не основанных догадок объясняет все дело.

При всем том мы не станем тут говорить о ней. Это было бы ни для кого не интересно, потому что о ней-то именно у нас писано столько, что даже мелкие административные чиновники, как это можно видеть из слов г. Молчанова, и те даже, наконец, уразумели, в чем дело. В особенности теперь, когда сама жизнь целым рядом красноречивых и убедительнейших фактов подтвердила на практике справедливость вышеприведенной «ученой фразы», нам, простым смертным, только и приходится преклониться пред ней. Столичные корреспонденты имеют полное право третировать нас свысока, потому что это, во-первых, совершенно соответствует модному теперь разрешению всевозможных вопросов, а, во-вторых, и представляет к тому же легчайшие удобства. Не сообразуясь ни с чем, ни с какими

данными науки или практической жизни, просто открыв рот, налгал, присочинил – и вопрос решен. Как видите, и легко, и удобно. Это соображение, повторяем, должно быть, и руководило г. Молчановым; к той же корреспонденции которого о переселенцах, по недостатку места в сегодняшнем фельетоне, мы еще вернемся на днях.

М.Хонели

Газ. «Кавказ».
1883, №145

Абхазия, 10 октября

Именно здесь должен был быть, как говорят, райский сад: такую красивую, хваленую и природой отмеченную страну не встретите во всей вселенной. Каждый увидевший Абхазию так скажет. Но, к сожалению, здесь не найдешь райского народа. Абхазия, как подсказывает само название местности, принадлежала и принадлежит абхазам. Эта страна волею судьбы не раз бывала разгромлена и опустошена. Пришлые народы давали свои названия здешним местностям, но основное название ее никто не смог уничтожить. Абхазия – хорошо известная страна с древнейших времен. С явлением Иисуса Христа народу сюда для крещения прибыл Симон Кананит…

Во второй половине нынешнего столетия большинство абхазов переселились в Турцию. А в годы последней войны страна почти полностью опустела. Опустевшие земли абхазов раздали всем желающим. У этой страны, как у страны завета, прославленное было имя. Все, кто краем уха услышал, что в Абхазии раздают землю, поднялись и пришли сюда. В течение 5-6 лет на Абхазию нахлынули греки, русские, болгары, немцы, мегрелы, имеретинцы, армяне и др. Управление никому не отказало – всем предоставило место для жительства. Но горе такой жизни. За исключением греков, имеретинцев и мегрелов, остальные приехали зря. Те, кто не успел, спасаясь от здешней лихорадки, уехать обратно, вымерли от нее в течение двух-трех лет.

Правда, тот, кто услышит об этом, может удивленно воскликнуть, что это не райская страна, она, скорее, ад. Но запомните, что здесь хорошо приживаются опять же люди из наших мест – Кавказа

– имеретинцы, мегрелы и даже греки. Что касается немцев, болгар и представителей других народов, то им здесь невозможно жить.

Абхазия для кавказцев является любящей матерью, а для всего другого люда – мачехой и весьма злой мачехой…

Из-за того, что трудно искоренить вышеприведенные причины, не следует бросать в беде других переселенцев и поселять сюда лишь имеретинцев, мегрелов и греков, которые могут выдержать здешние условия жизни и станут полезными для управления.

Гамагмели[39]

Газ. «Дроеба».
1883, №216 (на груз. яз.)

Абхазия, 13 ноября

Самым примечательным на сегодняшний день в Абхазии является заселение здешних безлюдных мест. После последней войны главным распоряжением было не позволять абхазам селиться на землях между реками Кодор и Писирцха. Кроме них всем остальным давалось право на поселение; как и ранее сообщалось читателям «Дроеба», в страну нахлынули люди разных народов, но никто, кроме наших имеретинцев, мегрелов и греков, не смог освоиться на здешних землях. В настоящее время вокруг Сухума (созданы) семь-восемь мегрельских и три-четыре греческих села. Будучи христианами, с приходом и поселением, эти люди стали заботиться и об удовлетворении духовных потребностей и приступили к строительству церквей. Например, сегодня в селе Мерхеули, что в четырнадцати верстах от Сухума, у главной шоссейной дороги, на праздник освещения церкви приглашены представители города и протоиерей отец Д.Мачавариани… Кроме того, в ближайшем от Сухума селе Абжаква мегрелы за свой счет строят церковь из камня и извести… Говорят, якобы другим пришлым людям оказывают больше чести и помощи… Насколько это убедительно, – сказать трудно, знаем точно только то, что другим пришлым людям для первоначального устройства дают до пятнадцати червонцев…

Гамагмели

Газ. «Дроеба».
1883, №240 (на груз. яз.)

Корреспонденция

Набросились чужеземцы на Абхазию и во всю расхищают богатства страны, лес. Нет препятствия. Каждый что хочет, то забирает…

Гамагмели

Газ. «Дроеба».
1883, №262 (на груз. яз.)

Страшный долг
(Абхазская легенда)

В абхазском ауле, расположенном среди самой живописной горной местности, жила красивая девушка по имени Рити. Её страстно любил и настоятельно за ней сватался старшина аула, Гих-Урсан. Он был молод и красив, отличался храбростью и нравился Рити, но особенной любви она к нему не чувствовала.

Она была чересчур молода, только что вышла из детства; ей жилось хорошо и весело, она была довольна своей судьбой и о свадьбе не хотелось ещё думать – даже почему-то боялась этой мысли. Поэтому на предложение Гих-Урсана она отвечала ни да, ни нет, хотя нисколько не избегала его общества.

У Рити был брат почти одних лет с нею, немного постарше, которого она очень любила. Мальчик этот до сих пор ни разу не принимал участие ни в одном набеге своих одноаульцев и горел нетерпением хорошенько побиться с соседями-цебельдинцами, исконными врагами абхазцев.

Он получил от Гих-Урсана обещание, что в следующий набег непременно возьмут его.

И вот жители аула стали готовиться к набегу. Перед самым выступлением Гих-Урсан повторил своё предложение Рити.

– Вот я теперь иду в набег, – сказал он ей, – как знать, вернусь ли. Но обещай ты мне, что если вернусь подобру-поздорову, то согласишься быть моей женой. Твоё обещание придаёт мне удачу и счастье. Не будь такой холодной, милая Рити, – пожалей меня…. Говоря это, он – сильный и гордый старшина, казался таким жалким, его голос звучал так нежно, что Рити, наконец, тронулась его любовью, и у ней самой горячей забилось сердце.

Она ласково взглянула на него.

– Хорошо, я согласна, Гих-Урсан, – сказала она, – только с одним уговором: ты берешь в набег моего брата, и я очень боюсь за него... Так вот все и чудится, что не свидеться с ним больше... Обещай же мне, что станешь охранять его, что вернешь его невредимым. Если же ему судьба быть убитым, то принеси мне хоть его голову, чтобы я могла увидеть её в последний раз и похоронить в родном ауле.

– Клянусь тебе, Рити, исполнить твое желание! – ответил Гих-Урсан, – Ты сняла теперь большую тяжесть с моего сердца, и пусть хоть все цебельдинцы против меня выступят – я не боюсь их, я буду думать о тебе, о счастий, которое меня ожидает – и останусь победителем.

Выступили абхазцы из аула; но как они не были осторожны, а цебельдинцы все же вовремя узнали об их приближении, не дали застать себя врасплох, встретили врагов с оружием в руках. Произошла жаркая схватка, во время которой, та и другая сторона высказали много отваги. Горцы дрались как звери. Ряды абхазцев и цебельдинцев убывали с каждой минутой. Все место побоища было усеяно убитыми и тяжело ранеными.

Гих-Урсан, ни на шаг не отступая, дрался впереди всех абхазцев, в то же время стараясь защитить собою брата Рити, которого не отпускал от себя. Но вот и Гих-Урсан, сильно раненный в плечо, упал на груду трупов.

Не будучи в состоянии от изнеможения и раны, шевельнуть ни одним членом, он, как в тумане, видел, что один из врагов напал на брата Рити. Храбрый юноша отчаянно защищался; но все же был убит наповал. Убивший его цебельдинец быстро отрезал ему шашкой голову, спрятал в свой мешок и скрылся за выступом скалы.

Гих-Урсан испустил слабый стон и потерял сознание.

Когда он очнулся – ни своих, ни врагов уже не было, все было тихо; он лежал среди трупов. Первое, на чём остановился взгляд его – было обезглавленное тело брата Рити.

Гих-Урсан вспомнил все – тоска и ужас сдавили ему грудь...

Что я теперь буду делать!? – шептал он – как вернусь в аул, как покажусь на глаза Рити!? Я поклялся вернуть ей брата живым или хоть принести его голову... И не могу исполнить теперь этой клятвы. Стыд и позор на мне! Рити отвернется от меня с презрением, весь аул будет издеваться надо мною, дети станут показывать на меня пальцами и дразнить меня... Я – клятвопреступник!.. Рити!..

О, как я люблю её!

Он вспомнил все свои мечты, которые преследовали его даже в пылу битвы... Одно мне только теперь и остается, – стонал он, – покончить с собою! – И рука его инстинктивно потянулась к кинжалу, висевшему у него за поясом. Он уже вынимал кинжал из ножен – миг – и он нанёс бы себе смертельную рану, но вдруг чей-то голос прошептал над ним: – Стой! Оставь кинжал! Зачем понапрасну убивать себя?

Гих-Урсан в изумлении поднял голову и увидел, что над ним стоит высокий, стройный молодой цебельдинец с бледным лицом, с горящими, как уголь, глазами и страшной улыбкой.

Невольная дрожь пробежала по членам Гих-Урсана, а молодой цебельдинец продолжал: Несчастный, жалкий человек! Неужели думаешь ты, что нет уже на свете такой силы, которая бы вернула тебе твое счастье?!

– Нет такой силы! – отчаянно крикнул Гих-Урсан и снова схватился за кинжал.

– А горный дух? – сказал с каким-то нечеловеческим смехом незнакомец.

– Тебе стоит только призвать его – и он вмиг поможет тебе.

Выпало оружие из руки Гих-Урсана.

– Горный дух, – повторил он, – и, вспомнив слова песни, которой призывали горного духа, он слабым голосом, впадая в забытье и оцепенение, запел эту песню.

Вдруг ужасный хохот огласил долину и соседние горы. Незнакомец распахнул свою бурку – и Гих-Урсан увидел под нею мертвую голову брата Рити.

– Вот она! Бери её! – крикнул страшный цебельдинец.

Окровавленная голова упала на колени Гих-Урсана.

– Я исполнил твое желание... Я дал тебе то, что теперь для тебя всего дороже: но помни, что с этой минуты ты у меня в долгу. Десять лет я не стану напоминать тебе о твоем долге, но ровно через десять лет возьму у тебя то, что будет для тебя тогда дороже всего на свете! И с этими словами страшный цебельдинец исчез.

Гих-Урсан перевязал свою рану, спрятал окровавленную голову брата Рити в мешок, который для подобной цели имел при себе всякий горец, отправляющийся драться с врагами, и хоть с большим трудом, но все же добрался в родной аул.

Его встретило с радостью все население аула, так как немногие вернувшиеся из набега воины рассказали, что он вместе с братом

Рити, был убит в схватке. Но Гих-Урсан мало обращал внимания на этот прием – он поспешил в саклю Рити, где бедная девушка убивалась и плакала по своем любимом брате.

Увидев обезображенную голову юноши, она предалась еще большему отчаянию, и Гих-Урсану стоило много труда её успокоить и заставить примириться с мыслью о её тяжелой утрате.

Однако время и искусство Гих-Урсана взяли своё. Через несколько дней Рити перестала плакать и убиваться, а ещё через несколько дней начала с видимым удовольствием вслушиваться в страстные признания Гих-Урсана.

– Ты исполнил свою клятву, – говорила она, – и я должна сдержать своё обещание.

– Нет Рити, – отвечал ей Гих-Урсан, – я не хочу тебя неволить. Если ты идешь за меня только для того, чтобы сдержать обещание – я тебя от него освобождаю. Что мне проку в том, что ты будешь моею женою, если я стану сомневаться в любви твоей.

– Разве ты не видишь теперь, что я люблю тебя,- с тихой нежной улыбкой перебила его Рити, – теперь я совсем одинока, нет моего милого брата, теперь ты у меня один остался, так как же мне не любить тебя!

Гих-Урсан чувствовал себя очень счастливым, но его смущала мысль о том, что он скрывает от своей милой те обстоятельства, при которых он получил возможность выполнить данную ей клятву. Только все же он не решился ей признаться.

Скоро был назначен день их свадьбы. Весь аул принимал участие в этом торжественном событии. Гих-Урсан со своей молодой и красивой женой зажил на славу и, окружённый её любовью и всеобщим уважением, совсем даже позабыл о своей встрече с ужасным цебельдинцем и о сроке, который тот назначил ему для уплаты долга.

Прошло десять лет. Гих-Урсан по-прежнему жил счастливо и любовно со своею Рити, только для полного счастья им все же коечего недоставало. Не было у них детей, и они оба горячо желали иметь ребенка.

– Ах, если бы у нас родился сынок! – часто говаривал Гих-Урсан, глубоко вздыхая.

И вот, наконец, на десятом году супружества Рити, наконец, стала надеяться, что желание его будет исполнено. Но она, по-абхазскому обычаю тщательно скрывала от него это обстоятельство.

Раз ночью Гих-Урсан крепко спал. Рити почувствовала, что решительная минута настала. Она тихонько встала с постели, зажгла огонь, сняла со стены винтовку мужа и выстрелила в дверь сакли.

Гих-Урсан проснулся от выстрела, увидев жену с дымящейся винтовкой в руках, и понял, что означает этот издавна принятый обычаем выстрел. Он вскочил с радостным криком и, даже позабыв надеть шашку, кинулся за опытной старухой, которая должна была оказать помощь Рити.

Приведя старуху, он остался у входа в саклю и ждал с замиранием сердца. Минуты казались ему бесконечными.

Но вот дверь приоткрылась и показалась старуха.

Отвага или красота? – сделал он, едва владея собою, неизбежный в подобном случае вопрос.

– Отвага! – торжественно ответила старуха.

Это значило, что у него родился сын.

Гих-Урсан. как сумасшедший, кинулся в саклю.

Жена простирала к нему объятья, а рядом с нею барахтался крошечными ножками и ручонками, и задорно пищал здоровенький мальчик. Гих-Урсан чувствовал, что теперь он – счастливейший человек во всем свете.

Скоро Гих-Урсан и Рити, по-абхазскому обычаю, выбрали одного почтенного и зажиточного жителя соседнего аула в аталыки своему сыну.

Назначен был день передачи ребенка воспитателю. Обряд должен был совершиться с обычною в таких случаях торжественностью и церемонией.

Накануне дня передачи Гих-Урсан заснул счастливый и довольный в своей сакле. Сон его был крепок, но вдруг кто-то разбудил его. Он проснулся, и каков же был его ужас, когда при слабом мерцании начинающегося утра, он увидел перед собою знакомую фигуру горного духа, принимавшего вид цебельдинского воина.

– Десять лет прошло Гих-Урсан, – шепнул горный дух, сверкнув глазами, – завтра я получу от тебя долг мой!

Гих-Урсан от невольного ужаса впал в забытье. А когда очнулся, уже было совсем светло, и он, вспомнив случившееся с ним, не мог даже решить, было ли это наяву или во сне.

Он постарался отогнать от себя тяжелые мысли, постарался заглушить в себе тоскливое предчувствие, которое щемило его сердце.

Скоро явился аталык, собрались соседи. Рити с большим горем, которое однако же, она тщательно скрывала, повинуясь обычаям предков, простилась со своим ребенком.

Но вот в это самое мгновение на ярко-голубом небе обрисовалась черная точка. Точка эта росла, росла, приближалась, и уже ясно все могли различить гигантского орла, который кружился в воздухе. Орел быстро спустился над аталыком, взмахом крыла сшиб его с ног, схватил огромными когтями плачущего ребенка и, прежде чем, собравшиеся успели прийти в себя, исчез с ним в вышине. Ужас напал на всех. Рити в отчаянии ломала руки и обливалась слезами. Но один только Гих-Урсан понимал, что это значит. Он как безумный выбежал из аула в горы. Он решил, во что бы то ни стало, добыть своего сына, отнять его у горного духа.

Он скитался по горам несколько дней, питался дикими ягодами, утолял жажду у шумно бегущих источников. Он взбирался все выше и выше на такие крутизны, по которым ещё не ступала нога человека.

Долго его поиски были тщетны. Но вот он стал иногда явственно слышать где-то недалеко плач своего ребенка и дикий хохот горного духа.

Он останавливался, затаив дыхание, замирая от сердечной муки, чутко прислушиваясь. Тогда плач и хохот смолкали.

Всё было тихо кругом, только где-то внизу раздался выстрел охотника, только где-то сверху, над скалой, слышался взмах орлиных крыльев.

Но один раз детский плач и страшный хохот раздались так близко от Гих-Урсана, что он чуть не свалился с кручи в бурно бежавшую по дну пропасти реку. Он поднял глаза и увидел над собою, на самом краю выступа острой скалы, своего сына. Малютка перестал плакать. Озаренный ярким солнцем, он играл рассыпанными вокруг него цветами, а горный дух, склонившись над ним, напевал ему нежную колыбельную песню. Ветерок сдувал лепестки роз, которые кружились в воздухе и долетали до самого Гих-Урсана. Ветерок развевал пряди волос горного духа, обрамляющих его бледное лицо с невыносимо горящими глазами.

Гих-Урсан не мог вынести этого зрелища. Он испустил отчаянный стон и изо всех сил пополз наверх скалы, цепляясь за старые коренья. Но в эту минуту снова раздался дикий хохот. Гих-Урсан скатился вниз и остался недвижим, в полном усыплении.

На следующий день тоже самое. Горный дух давал несчастному отцу любоваться ребенком издали. Но каждый раз, когда Гих-Урсан,

старался приблизиться, то впадал в дремоту и засыпал заколдованным сном.

Наконец, Гих-Урсан убедился, что не может сладить с очарованием, что своими силами не добудет ребенка. Тогда он вспомнил о знаменитом джигите Шираре, который славился своей силой, бесстрашием и твердостью. Вспомнилось Гих-Урсану, что у него ещё есть шашка с крестообразным эфесом, взятая им от пленного гяура, который рассказал ему, что, по воле аллаха, шайтан, как увидит этот крест – тотчас же начинает терзаться, будто бы его огнём палят.

Нашёл Гих-Урсан джигита Ширара. рассказал ему о своем горе и просил у него помощи. Ширар согласился вступить в поединок с горным духом. Отправились они в горы и скоро услышали плач ребенка и сладкую колыбельную песню духа.

– Прощай, – сказал Ширар Гих-Урсану, – Оставайся здесь и жди меня. Дай мне твою шашку, увижу – правду ли сказал пленный гяур про то, что шайтан креста боится.

Сказал это Ширар и, подобно легкой серне, помчался вверх, перепрыгивая с утёса на утёс через пропасти. Он был уже близко к самой вершине скалы. Не раз чувствовал он, как слабость на него нападает, как сон начинает клонить его. Но он понимал, что это козни горного духа. Он думал о своей шашке, думал об отчаянии Гих-Урсана и отгонял от себя и слабость и сон. Он закутывал нос, голову башлыком, чтобы не слышать манящих, чарующих звуков колыбельной песни и поднимался всё выше и выше. Вот, вот он сейчас достигнет вершины скалы, с которой раздается песня и плач ребёнка!..

Но, что это? Пред ним в двух шагах от него, вдруг очутилась молодая абхазка, легкая и грациозная, как видение, прекрасная, как первая из жён Магометова рая, будто сотканная из легких предрассветных облаков и горного воздуха. Одежда её была так прозрачна, что через неё просвечивали роскошные формы. И Ширар мог бы сосчитать каждую розовую жилку на персях этой волшебной красавицы.

Не устоял джигит и жадным взором впился в дивное видение, и оставался неподвижен, готовый уже внезапно поддаться очарованию, но внезапно пришедшая мысль о шашке гяура снова заставила его очнуться.

Образ красавицы испарился в воздухе. Ширар кинулся вверх и в несколько отчаянных прыжков был на вершине скалы перед горным духом. Тот сверкнул глазами, схватил ребенка, и, выпрямившись в свой нечеловеческий рост, поднял малютку над бездной, будто собираясь его туда кинуть.

Ширар невольно остановился.

Тогда горный дух снова положил ребёнка на цветы.

Одно только мгновенье продолжалась нерешительность Ширара. Внизу, далеко под скалою, до его слуха донесся вопль Гих-Урсана и этот вопль придал ему решительность. Он отломил крестообразную рукоять от шашки .и с проклятиями бросился на духа, и изо всех сил бросил в него этой рукояткой. Дрогнула вся скала и пошатнулась. Горный дух застонал и низринулся в пропасть.

Ширар схватил ребенка и, крепко держа его, спустился со скалы к счастливому, не верящему своим глазам Гих-Урсану.

Абхазцы рассказывают, что и до сих пор из этой пропасти, в которую упал дух, и которая называется «пропасть больного демона», слышатся вопли и стоны…

В.Соловьев

Журн. «Нива»[40]*.*
1883, №4, С. 82 – 86

В нынешнем году поселили в Абхазию

Из Сухума сообщают: «В нынешнем году на государственных землях Абхазии поселили немцев, греков и мегрелов; многие из немцев не выжили вследствие сухумской лихорадки, многие возвратились на родину, а те, кто остался, этим летом неустанно трудились и непроходимые леса превратили в пашни. Кое-где в лесах обнаружены древние церкви и погребения, испещренные надписями. Было бы неуместно не уделить внимание этим останкам, тем более, что новым поселенцам нет до них дела, которые безжалостно рушат и валят их».

Газ. «Дроеба».
1884, №219 (на груз. яз.)

Внутренняя хроника

…За эти последние двадцать лет берег Черного моря на востоке и чуть ниже совершенно опустел от людей. Абхазы, абадзехи, шапсуги, кобулетцы, ачарцы[41] оставили могилы своих отцов и переселились в Турцию. Опустошены прекрасные плодородные леса и поля, ухоженные поселки и дачи превратились в непроходимые болоти-

стые места. Звери поселились в жилищах людей. Шум притих, прекратилось движение, жизнь, и некогда цветущий край назван мертвым берегом.

Газ. «Дроеба».
1885, №165 (на груз.яз.)

Абхазская женщина

...Перейдем теперь к предмету нашей статьи – к абхазской женщине. Весьма богатый материал по этому предмету дает нам автор «Этнографических писем», помещавшихся в газ. «Дроэба» за прошлый и настоящий годы. Мало где женщина пользуется таким уважением и такой самостоятельностью, как здесь. Абхазия постоянно переходила из рук одного народа в руки другого; но ни хитрость греков, ни деспотизм турок не могли поколебать высокого положения абхазской женщины. Кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка она всегда принимала участие в политической и общественной жизни своего народа. Не раз она своим вмешательством водворяла мир между двумя враждующими племенами. За то и каждая попытка, с чьей бы то ни было стороны, к уничтожению или ограничению прав женщины вызывала в Абхазии сильные и продолжительные волнения, всегда оканчивавшиеся успехом и победой женщины. Все сказанное нами относится к женщине привилегированного сословия. Она выполняет религиозные обряды, принимает участие в общественных делах, руководит ночными набегами, – одним словом, она вполне равноправна с мужчиной. Женщина же низшего сословия более ограничена в правах: семейная жизнь – вот круг ее деятельности. Так как характерные особенности типа абхазской женщины резче проявляются именно в женщине-аристократке, то мы проследим за последней, как в частной, так и общественной жизни.

Прежде всего, мы должны коснуться системы воспитания, которая представляет здесь весьма характерные особенности. Женщина привилегированного сословия сама не кормит и не воспитывает ребенка: последнего отдают кормилице, у которой он остается лет до 7 – 8, а подчас и до 10-ти. С этого возраста ребенок переходит уже в дом своих родителей. Но воспитание его считается уже оконченным, – он или она начинает жить самостоятельной жизнью. Мы не

будем здесь подробно рассматривать причины, породившие такой именно способ воспитания, заметим только, что он вызван чисто политическими соображениями.

Высший круг, становясь как бы в родственные отношения к низшему сословию, тесно сближается с последним; в свою очередь, низшее сословие приобретает в лице влиятельных особ надежных покровителей. Очень часто отдают детей на воспитание какому-нибудь соседнему племени, чтоб таким образом иметь в лице его верного союзника. Можно объяснить это влияние еще тем, что абхазская женщина сильно заботится о своей внешности, поэтому она старается избегать всего того, что может испортить цвет ее лица и вообще ускорить наступление старости.

Лишь только ребенок рождается, кормилица берет его к себе в дом. Интересы ребенка до того близко принимаются к сердцу, что во все время кормления грудью, которое продолжается иногда до 7-ми летнего возраста, кормилица не имеет сношений с мужем; последний свято соблюдает этот обет, так как в случае, если жена его очутится в интересном положении, им придется вернуть ребенка родителям прежде времени и порвать, таким образом, с ними связь. Кормилица прилагает все усилия к тому, чтобы питомица ее приближалась к идеалу совершенства. Этот идеал для женщины заключается в том, чтобы она умела пленять своей красотой, манерами, ловкостью в движениях. Затем, чтобы у нее были маленькие ножки, тонкая, стройная талия, черные, тонкие брови, высокий лоб, длинные густые волосы, прямой нос, нежный цвет лица, длинные, тонкие пальцы. Для достижения этого, кормилица потребляет различные средства; например, для того, чтобы у питомицы были маленькие ноги, ей надевают с самого дня рождения особые туфли, которые не позволяют ноге расти. Стройная талия достигается тем, что ребенку надевают узкое платье, стягивающее туловище не хуже европейского корсета. Кроме того, княжеская дочь должна уметь шить, вязать и вышивать. Необходимую составную часть воспитания составляет также обучение игре на инструментах. Молодые люди, без различия пола и состояния, обязательно должны уметь играть на чонгури (балалайка)[42] или чианури (нечто вроде альта)[43], а также петь. Обращается внимание и на то, чтобы молодые люди умели изысканно и цветисто говорить. Всю эту премудрость девочка изучает у кормилицы, в родительском же доме она совершенствуется. Здесь с нею живет обыкновенно ее молочная сестра, с которою она разделяет, несмотря на разницу в общественном их поло-

жении, все свои сокровенные мысли и которая, в свою очередь, посвящает ее в различные тайны женского кокетства. В отношении последнего абхазской женщине надо отдать пальму первенства пред женщинами других национальностей. Нигде искусство пленять сердца не доведено до такого совершенства, как здесь. Каждый шаг, каждое слово абхазской женщины рассчитано на кокетство. Она кокетничает перед мужем, сыном, братом, кокетничает перед чужими. Вот, не угодно ли послушать разговор, происходящий чуть ли не ежедневно между молодой княжной (лет 10-ти) и ее молочной сестрой:

– Дорогая Эсма-Ханум (так зовут княжну), ты хочешь быть прекраснее всех женщин?

– Да, я хочу, чтобы лицо мое было бело.

– Так послушай меня, радость ты моя! Вот что ты должна сделать: возьми живого серебра и крепкой водки, вскипяти хорошенько, дай отстояться, промой соленой водой, пока не получится чистый осадок. Помажь последним лицо, и оно будет у тебя бело. Если хочешь, чтобы кожа на твоем лице была нежна, ты должна взять зерен свежей, незрелой кукурузы, помять их, выжать сок и выставить последний на солнце. Получится крахмал, которым надо смазывать лицо на ночь. Для того, чтобы уничтожить веснушки и загар на лице, лучше всего употреблять дикую сливу, которую надо кипятить на воде и во время этого кипячения снимать пену, которая обладает свойствами кислоты; помажь этой пеной лицо и, будь уверена, что всякие веснушки и загар исчезнут с твоего лица.

– Благодарю тебя, моя дорогая! Но скажи, что мне делать, чтобы у меня были: высокий лоб, тонкие, черные брови и чтобы у меня не было на лице волосков и бородавок?

– Могу и в этом помочь: возьми для этого, и здесь следует целый ряд советов, которые мы не станем выписывать, так как из них можно было бы составить целую книгу и издать ее под заглавием: «Тайны дамского туалета», или же, по крайней мере, послать г. Герману Гоппе, для помещения в виде особого приложения к его известному сочинению «Хороший тон».

– А как мне быть, если мужчины узнают о том, что я проделываю все это?

– Не бойся, ненаглядная моя! Они тоже часто прибегают к различным средствам. В старости мужчины красят себе волосы, усы и бороду, Я сама все это видела и отлично знаю их секреты.

Таким образом, коварное, всюду проникающее и все подмечающее женское око находит оправдание своему кокетству в том, что и бородатая половина рода человеческого не чужда этой слабости. При самых трудных обстоятельствах жизни абхазская женщина является, прежде всего, женщиной; забота о том, чтобы нравиться у нее всегда на первом плане. Какое бы сильное горе у нее ни было, никогда муж не увидит ее неодетою; точно так же никогда не узнает он, что жена его в интересном положении. В последнем случае, заботы ее о внешности усиливаются. Если муж и догадается об истине, он ни за что не оскорбит чувств своей жены и до последней минуты не будет подавать виду, что ему все известно. Является ли в абхазское семейство гость – за обедом, по существующему обычаю, ему, как и всем остальным, дают мыть руки, при этом полотенце всегда держит самая красивая дочь хозяина: она хочет поразить гостя своими прелестями. Если он остается ночевать, она снимает с него сапоги и платье. Нередко в такие минуты гость делает хозяйской дочери предложение, но в такой утонченно-вежливой форме, что та и не подумает оскорбиться.

Абхазская девушка любит развлечения, и она не пропустит ни одного воскресенья, чтобы не пойти на поляну, где собираются молодые люди обоего пола, без различия состояния. Здесь царит полное веселье, звучный, беззаботный смех оглашает окрестность. Здесь происходит игра в мяч, танцы, пение. Никто так кокетливо не танцует, как абхазская девушка. В быстроте и легкости движений с нею могут сравниться разве только серна и газель. Танцуют обыкновенно попарно: мужчина и женщина. Последняя старается утомить первого, и если это ей удастся – что бывает нередко – ее прославляют в стихах и такая искусная танцовщица скоро находит себе жениха. По окончании танцев, молодые люди становятся вкруговую, причем каждая девушка имеет около себя по кавалеру. Здесь начинается хоровое пение и пляски, а также разговор в стихотворной форме, причем все присутствующие делятся на две партии и каждая из них старается перещеголять другую в остроумии и находчивости (этот род развлечения довольно распространен среди грузин; так, например, в Кахетии некоторые доходят до такого совершенства, что в состоянии несколько часов подряд говорить стихами).

Неправда ли, если сравнить абхазскую женщину хоть, например, с закавказской татаркой или армянкой (в Эриванской и Елисаветопольской губ.), то нас должна поразить резкая разница между ними

в отношении свободы, которою пользуются те и другие. В то время, как последние даже перед десятилетним мальчиком прячут свое лицо под покрывалом, первая смело и открыто является всюду, где есть мужчины. Даже больше: абхазская женщина умеет владеть оружием, так как мужья, отправляясь за добычей, оставляют дом на попечение своих жен, и эти последние обязаны защищать его в случае какого-нибудь нападения. Нередко женщина сопровождает мужа в ночных набегах, поэтому ее с малых лет приучают к верховой езде. В Абхазии часто можно встретить ночью женщину, у которой голова закутана в башлык; она одета в черкеску и вооружена с ног до головы. Она сидит на бешеной лошади и несется во всю прыть. Ее сопровождают лучшие всадники. Переехать вплавь реку, проехать без устали стоверстное расстояние, ограбить кого-нибудь, поджечь дом, взять кого-нибудь в плен и, в случае необходимости, вступить в рукопашный бой – все это составляет привычное ее занятие. Таким образом, мы видим в абхазской женщине оригинальное сочетание необыкновенной женственности с отвагой, энергией, удалью, ухарством, - качествами, которые мы привыкли считать присущими одним только мужчинам. Затем, тогда как осетинская женщина не может быть даже свидетельницей на суде (народном), так как показаниям ее не дается никакой веры, посмотрите, с каким почетом относятся абхазские судьи к женщине и с каким уменьем, с какою самоуверенностью отстаивает последняя правоту своего дела. Если мужа нет дома, а в суде назначен разбор дела, жена садится на лошадь, берет провожатых и отправляется на суд. Какой бы шум здесь ни происходил, при ее появлении водворяется мертвая тишина. Судьи почтительно преклоняют пред нею головы. Она начинает говорить. Говорит она чудесно. Начинает она с того, что хвалит судей, их честность, справедливость; потом высказывает сожаление, что муж ее не мог явиться, и просит разрешения защищать ей свое дело. Молчание судей служит ей утвердительным ответом. Она выпрямляется и начинает опять расточать во все стороны похвалы. Заметив, что она расположила в свою пользу судей (о женщины! Кто осмелится оспаривать у вас преимущество в знании человеческого сердца. Достаточно вспомнить из истории гречанку Фрину, ослепившую своими атурами преклонных старцев), она незаметно переходит к своему делу и с необыкновенной убедительностью излагает все доводы, говорящие в ее пользу. По окончании речи, она обращается к своим свидетелям и спрашивает:

– Не так ли я говорю, друзья?

– Да, да, – говорят хором свидетели, а за ними и все присутствующие.

– Вы изволите говорить правду, совершенную правду, – повторяет громко вся публика, затем дается слово противной стороне, но впечатление, произведенное первой речью на судей таково, что в большинстве случаев наша героиня выходит из суда победительницей.

Нам остается еще рассмотреть женщину, как жену. В условиях брака у данного народа всегда выказывается взгляд его на женщину. В Абхазии для вступления в брак, прежде всего, требуется взаимная любовь, – о принуждении здесь и речи нет. Молодые люди следуют привязанности сердца. Читатели, а в особенности читательницы легко угадают, каким условиям должен удовлетворять молодой человек, чтобы он мог понравиться абхазской девушке. Мало того, что ему надо быть головорезом, он должен быть умен, находчив, красноречив, в высшей степени вежлив и пр. Хотя жених обыкновенно похищает невесту и за ним устраивается погоня, но это – одна лишь кукольная комедия, так как родители невесты отлично знают, кто и когда должен похитить их дочь. Приезд жениха с дорогой добычей в дом составляет здесь целое событие; всё и все принимают праздничный вид; невесту осыпают подарками и окружают всевозможными заботами; помещение для неё заранее уже приготовлено. Среди абхазцев есть христиане и магометане; но как у тех, так и у других, никакого обряда, узаконящего брак, не совершается. Раз невеста вступила в дом жениха, она этим уже делается его женой. Когда православный священник уговаривает супругов, проживших много лет, совершить таинство брака по христианскому обычаю, он слышит в ответ: «Церковный брак будет только связывать нас. Теперь мы во всякое время можем разойтись, тогда же этого нельзя будет сделать. Ведь прожили же мы двадцать лет вместе, хотя не венчались в церкви?». С первого же дня молодая жена делается полновластным членом семьи. Она старается только заслужить всеобщую любовь: с почтением относится к родным своего мужа, делает распоряжения и сама работает по хозяйству, но так, чтобы ни один посторонний глаз не застал ее за работой. Она ложится позже, встает раньше всех. Она отличается чистоплотностью и аккуратностью. Кроме того, она является покровительницей и защитницей всех угнетенных; ее осаждают просьбами, и она не отказывает в своей помощи, с прислугой она ласкова донельзя. Ее часто посещает бывшая ее кормилица с детьми, дружественные отношения с которой сохра-

няются у нее в продолжении всей жизни. Мужа она окружает любовью и почтением. Но она не выносит высокомерия с его стороны. Если последнее переступает границы, она берет свое приданое и уходит в родительский дом или к кормилице и оттуда уже требует развода и обеспечения. Ей нечего бояться.... За нее вступается вся ее родня, все знакомые, и если муж не даст ей полного удовлетворения, ее сторонники мстят за нее, причем не брезгают ни убийством, ни поджогами, ни прочими видами преступлений. В таких случаях женщина прибегает также к народному суду. Она не боится клеветы, если бы такую навели на нее; она сумеет очистить себя от грязи, которою ее хотят запачкать. Свидетелями являются ее многочисленные сторонники. Суд с большим вниманием выслушивает стороны, и горе мужу, если он окажется неправ. Взгляните на суде на оскорбленную жену, на ее гордую, величественную осанку, на ее молниеносный взгляд. Речь ее льется серебристою струей. Из спокойной, любящей жены она превращается в олицетворение грозной Немезиды. В кармане у нее спрятаны нож, бритва, револьвер или другое какое-нибудь оружие, и не дай бог, если судьи не выслушают дело до конца. Она требует не милости, а справедливости; она сумеет подчиниться решению суда, если даже оно будет не в ее пользу. Повод к разводу может подать и жена, хотя и против своей воли, – это в том случае, если она бездетна. В таких случаях развод совершается без огласки и без неприятностей. В случае, если такая жена пожелает почему-либо остаться в дому мужа, ей позволяют это, но она должна уже уступить первенство своей преемнице, которая обыкновенно вскоре появляется. От жены не требуется, как у осетин, обязательное рождение одних мальчиков. Абхазцы с покорностью переносят волю судьбы, хотя и у них... мальчикам отдается предпочтение.

Можно еще сказать разве несколько слов о том, какова бывает абхазская женщина в несчастье, в случае, например, смерти близкого человека. Здесь в этом отношении мы видим то же, что у остальных восточных народов: женщина рвет на себе волосы, царапает себе до крови лицо, бьется головой о стену, причитает и рыдает не переставая. Все посетители делают почти то же самое.

Такова абхазская женщина в области действительности; но есть еще область, в которой женщина фигурирует у каждого народа, не вполне вышедшего из первобытного состояния, – мы говорим про суеверие. В этой сфере здесь встречается два типа женщин: ведьмы и русалки. Первыми считаются почти все дряхлые старухи, но в эту

категорию женщин попадают подчас и молодые представительницы прекрасного пола, если они проявляют качества далеко не прекрасные. Всякое несчастие, всякая эпидемия, эпизоотия и пр. приписываются обыкновенно этим существам. Прием для обнаружения ведьмы, употребляемый здесь, ничем не отличается от приема, практикуемого в тех же случаях другими народами: подозреваемую в сношениях с нечистой силой бросают в воду, и если она не пойдет ко дну, она этим явно выдает себя, и с нею расправляются тогда очень круто.

Русалка, в воображении абхазцев, более привлекательна, чем ведьма. Она обладает поразительной красотой, у нее роскошные, каштанового цвета волосы и чудные глаза. Но она не обладает такими губительными качествами, как русалки других национальностей, и более снисходительна, чем эти последние, к своим жертвам. Она всегда назначает срок сожительства с нею и если красавец, прельстивший ее сердце, не соглашается, она уменьшает этот срок до минимума. В продолжение этого срока она наделяет любимого человека всеми благами: делает его необыкновенно сильным, дает ему денег, лошадей и пр., так что все это время он катается, как сыр в масле; но как только назначенный срок минует, несчастный начинает худеть и испытывать всевозможные бедствия. Потому абхазцы избегают встреч с «водяными девами».

Из сказанного читатели могли видеть хорошие и дурные стороны абхазской женщины. Такова она была, по крайней мере, в весьма недавнее время. Теперь же, с проникновением в самые глухие дебри нашего края света цивилизации, тип этот стал изменяться, отчасти в хорошую сторону, но в то же время стал утрачивать некоторые симпатичные черты.

В.Ч[ернявский]

Газ. «Кавказ».
1885, №62

Пицундский храм
(в Абхазии)

Древний город Пифиут или Питиус, по-грузински Бичвинта, основан был греками еще до рождества Христова на северо-восточном берегу Черного моря, влево от реки Бзыби, на мысу, именуемом Пицунда. Он славился некогда обширною торговлею. Впоследствии этот город был назначен греческою царицею Евдокиею для изгнания и заточения в нем константинопольского вселенского патриарха

святителя Иоанна Златоустого. Об изгнании этом, в Четьи минеи, в 13-й день ноября, сказано так: «По сем прииде повеление от царицы да прогнан будет Иоанн в место пустонарицаемое Пифиунт, лежащее при брез Понтийского моря, в соседстве варваров буим». (Лист. 167 изд. «Киевской лавры» 1875 г.). Как этот город, так равно и вся черноморская береговая линия, в первые времена христианства процветали верою христовою. В позднейшее время наплыв татарской орды, прогнанной из России грозным мечом Иоанна III, заполонил кавказские и закавказские пределы и опустошал черноморские берега, превратив в развалины и города, и святые храмы, остатки которых и ныне во множестве встречаются в закавказских пределах. К числу таких храмов принадлежит и пицундский храм древнего города Питиуса, построенный в VI веке византийским императором Юстинианом II. По счастью, он почти весь уцелел, и его обветшалая медная кровля долго держалась; впоследствии последняя была ободрана горскими хищниками. Сильно заросший диким лесом, Пицундский храм стоял несколько столетий и не возобновлялся до позднейшего времени. Хотя еще в 1821 году покойный император Александр I поручал усмотрению генерала Ермолова возобновить Пицунду; но политическое положение Абхазии помешало осуществлению этой мысли. 0 том же думал и покойный император Николай Павлович; но, чего не успели сделать эти государи, то вышло на долю в бозе-почившего императора Александра II, Пицундский храм возобновлен по повелению его величества в наместничество Великого князя Михаила Николаевича и освящен преосвященным Гавриилом, епископом имеретинским, 28 сентября 1869 года.

Окрестности Пицундского храма пустынны. Десятка два хворостяных сакель в разбросанном виде, на расстоянии 6-ти верст от храма составляет единственное и самое ближайшее поселение. При таких местных условиях, очевидно, не мог составиться приход, а потому свято-Троицкая Сергиева лавра, вследствие предложения ей со стороны его высочества бывшего наместника кавказского, открыла в 1870 году в Пицунде монастырь. Архимандрит Феофил и пять человек братии, высланные из лавры, составляли весь пицундский монастырский штат.

В ноябре 1876 года, по случаю политических смут на Балканском полуострове, угрожавших войной, пицундские монахи оставили монастырь и, передав части святых мощей преподобного Сергия и святого великомученика Пантелеймона, церковную утварь и прочее имущество для хранения имеретинскому епархиальному начальству, выехали в Россию. В последовавшую затем русско-турецкую

войну, одновременно с сухумским погромом и разорением Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря, пострадал и пицундский храм от возмутившихся абхазцев, и принадлежавшие ему здания были разорены. В таком запустении храм оставался в продолжении последних 8-ми лет.

2-го марта текущего года его императорское величество соизволил утвердить положение святейшего синода о передаче пицундского храма Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю, для открытия в нем монашеского скита, который и должен оставаться в полной зависимости от означенного монастыря. Будущий скит наделен особою земельною дачею в количестве 455 десятин удобной земли и особенно лесною дачею в 100 десятин. В настоящее время исправление храма и церковных построек приводится к окончанию, и храм приготовляется к освящению на 3-е число будущего сентября месяца, которое будет совершено высокопреосвященнейшим Павлом, архиепископом карталинским и кахетинским, экзархом Грузии, если к прибытию его сюда не встретятся каких-либо непредвидимых препятствий. К этому великому празднику Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь приглашает для участия в торжестве благочестивых ревнителей христианского благочестия всех ближайших поселений для совокупной молитвы господу богу и его пречистой матери, чтобы в этом, столь важном и замечательном памятнике древнего христианства снова воскресить первобытное богослужение на все будущие нескончаемые времена, для прославления имени божия.

При этом, мы находим нужным присовокупить, что местное предание указывает на гробницу в приделе Пицундского храма, как на усыпальницу апостола Андрея, проповедовавшего веру христову в западной Грузии и в черноморских странах. Это мнение существовало и прежде, ибо в одной дарственной грамоте прошлого века Анисии Абашидзе читаем: «Мы сделались достоянием св. апостола Андрея, который был мучим в земле людоедов Анухарет и погребен в месте, называемом Бичвинта. Господь прославил его честное тело, и по его велению была тут построена церковь во имя божией матери, сделавшаяся потом кафедрою католикоса. 1731 года». (Записки любителей кавказской археологии 1875 г., лист 121).

И. Ч-ров

Газ. «Кавказ».
1885, №216

Верование абхазцев в «Анцва имзз»
(в кару Божью)

Между всеми другими суевериями, которых так много в среде абхазцев, без сомнения первое место по своему значению занимают два: 1) верование в «Анцва имзз» и 2) почитание кузницы.

В настоящее время мы намерены поговорить только о первом...

Вот заболел тяжко какой-нибудь член семейства. Состояние больного ни в физическом, ни в нравственно-умственном отношении не представляет для образованного человека ничего особенного, необыкновенного. Но абхазец на некоторые тяжкие болезни смотрит как на явления сверхъестественные, посланные разгневанным богом за его преступные деяния и грехи. Потому он своеобразно рисует болезнь... По мнению абхазца иной больной обнаруживает во время болезни силу, равную силам 5-ти 6-ти человек, так что такого больного не могут удержать в постели столько же лиц. Больной отличается также особою тяжестию; цвет его лица постоянно меняется. Но что особенно важно, это то, что «больной говорит не от себя, но от бога, это ясно для всякого даже недальновидного лица». Он (больной), по мнению абхазца, иногда с угрозою обращается к кому-нибудь из стоящих пред ним, после чего в доме последнего появляется такой же больной. Иногда больной, не умевший петь до заболевания, вовремя болезни начинает петь, как говорится ангельским голосом. Такие симптомы абхазцы обыкновенно приурочивают к болезням от кары божьей (Анцва имзз); родственники больного, заметив эти признаки в нем, немедленно обращаются к гадалке – старушке. Она, погадав на бобах, смело объявляет, что причина болезни Анцва имзз – кара божья, что больной или больная одержимы самим богом, божественный гнев, за такое-то дело карает человека и будто он, как раздраженный гость, находится в доме провинившегося, требуя удовлетворения. Это антропоморфическое представление о гневе божьем сложилось у абхазцев из следующего обычая. По обычаю абхазцев, займодавец, вовремя не получив удовлетворения от должника, приходит в дом последнего и остается там до тех пор, пока не получит своих денег.

Для удовлетворения разгневанного бога гадательница назначает совершить установленным порядком молитву и жертвоприношение, взяв одного козленка и ягненка (или чаще, когда больной особенно страдает, козла и барана) и, кроме того, обязаться хранить известный день недели свято, т.е. праздновать. Таким образом, посредст-

вом гадательницы, окончательно убеждаются родственники больного в том, что причиною болезни служит гнев божий (Анцва имзз). С этого времени дело становится родовым, фамильным: все члены той фамилии, к которой принадлежит больной или больная принимают участие в умилостивительной молитве и жертвоприношении. Ибо, по мнению абхазца, если бог гостит у одного члена фамилии, то он гостит у целой фамилии. Исполнение или неисполнение предложения гадалки в доброй воле каждого члена фамилии, уклониться от этого дела они не могут из опасения, чтобы и с ними не повторилось то же самое. Потому обыкновенно молятся и празднуют в назначенный день все однофамильцы вместе...

С этого времени во всей той фамилии, а в особенности в доме, где лежит больной, всякие признаки печали уничтожаются, ибо, понятно, где Бог, там нужно веселиться, а не печалиться. И в самом деле, со всех соседних дворов собираются юноши, мальчики, вообще лица мужского пола и начинают веселиться: плясать в самом доме, где больной и петь песню, составленную нарочито для этого случая, которую под величайшим страхом остерегаются петь в другое время. Не только в пении, как и в начале было замечено, но и во время пляски принимает участие сам больной...

Между тем идут приготовления, чтобы выполнить все указанное гадательницею. Временем, когда должно совершить молитву и жертвоприношение, назначается непременно воскресенье. Кроме двух чистых животных, из которых одно непременно баран, а другое козел, нужны 2 хлеба с сыром, 2 восковые свечи: I хлеб, одна свеча и баран для бога; I хлеб, одна свеча и козел для «Микамгариа» Михаил Гавриил. Сверх сего необходимы и несколько чуреков, приготовленных из кукурузной муки и варенных в молоке, известных под именем «ахважва»; один новый маленький чистый котёл и железный крючок*, на котором вешают его. Жертвенных животных еще не закланными и другие упомянутые вещи отправляют в назначенный воскресный день в какое-нибудь чистое место в лесу. Здесь жертвенные животные закалываются холостым юношею и варятся под открытым небом. Между тем там же втыкают в землю 4 сверху зазубренных шеста и на зубцах перекидывают 4 палки, на которые

---

* *Эти последние две вещи употребляются только в самый день молитвы, и ни в каких других случаях не употребляются, а хранятся чисто; котел называется чистым, божьим...*

кладут еще несколько тоненьких палочек, таким образом, получается нечто вроде столика, который покрывают сверху чистым миткалем.... На этот своеобразный стол кладут свечки, хлеба, вареные сердца животных. Там же неподалеку вешают вышеупомянутый котел. Когда таким образом все устроено, приводят больного и становят впереди описанного стола. Необходимо здесь же заметить, что лица женского пода никоим образом не могут являться к этому месту, а также приготовлять что-нибудь относящееся до этого праздника... Если больная женщина, то родственницы и подруги не могут стать возле нее и сопровождать ее... Если же почему-то оказывается необходимым прибытие женщины к этому месту, то она приходит спиною, не показывая лица.

Возле больного становятся в ряд представители от той фамилии, к которой принадлежит больной; между тем заблаговременно приглашенный старик (священник же не призывается, конечно) выступает вперед. В каждом селе есть 2 и более таких стариков, и их то приглашают в подобных случаях, или же роль старика выполняется старшим в фамилии. Этот молящийся старик берет правою рукою свечку, а другою сердце барана и начинает говорить: «Великий Боже, который наверху, молящийся сегодня, согласно указанию гадательницы, принес перед тобою хороших чистых животных, хлеба и т.д. (перечисляет лежащие пред ним продукты), умилостивись над нами, прости, если он чем-либо провинился пред Тобою; прошу с этого дня оставить его, выйти из него и освободить его, подобно узлу развязанному» и т.д. В конце молитвы старик проводит кругообразно свечку над головою больного. Затем зажигает её и приклеивает там и берет вторую свечку и говорит: «Микамгария. Михаил-Гавриил после Бога ты сильнее всего, и ты прости и т.д. – длится в том же порядке.

По окончании молитвенного обряда больной по выражению абхазца, приведенный на носилках, смелыми шагами отправляется домой. Но чаще он, заметим мы от себя, в скором после этого времени, иногда даже там в лесу оканчивает жизнь. Недели за две до написания этих строк в разных частях сел. Ткварчели болели два лица: их болезнь объяснили «Анцва имззом», и над ними было сделано все указанное.

Но оба в тот же день умерли! Наконец все собравшиеся (а их бывает немало, ибо из целого селения собираются лица мужского пола и хозяева принимают их с удовольствием) обедают там же в лесу под открытым небом. После обеда снова начинается веселье: круго-

вое с пляской пение той же самой соответствующей песни. Остатки от стола и шкуры убитых животных оставляются там же в лесу. Всякий прохожий мужчина, видя пищу, может есть ее. Посуду и вещи, какие имели в этот день, моют чисто начисто мужчины, чтобы женская рука не дотронулась до святыни и затем отправляются домой; с этого самого времени день, который обязались хранить (этим днем бывает какой угодно день недели) – празднуют навсегда, хранят свято, как «день Божий». Празднующий в этот день не работает, из дому не выносит и не дает ничего другому, несмотря ни на какие нужды, даже не делает (конечно, вся та фамилия) некоторых обыденных работ: не подметает дома, не точит орудий, не плачет, хотя бы покойник был в доме. Словом, они хранят этот день весьма строго и свято, наподобие еврейской субботы.*

Недостаточно установленным и указанным гадательницею образом совершить молитву и жертвоприношение только в один первый раз. Но необходимо повторять их ежегодно, ровно по прошествии года, при той же первоначальной обстановке и тем же образом.

Разница иногда бывает та, что некоторые в последнем случае, не закалывая никаких животных, довольствуются одною бескровною жертвою: хлебами, варенными в молоке чуреками (ахважва).

II.

Не одна болезнь служит причиной, по которой абхазец обязывается хранить день и совершать вышеописанные обряды. Второю столь же важною причиною этого является громовой удар. Случится, например, что гром ударит в дом, скот или в дерево, растущее в саду или во дворе абхазца, словом, на какую-нибудь вещь, принадлежащую ему, – абхазец это объясняет непосредственным действием Божества, наказанием, ниспосланным Богом на него за какое-то преступление и считает это явление предостережением от имеющего последовать большого наказания. Следовательно, человек обязан, думает абхазец, очистить себя, чтобы бог не карал его. Потому-то, как только последует удар грома на вещь, принадлежащую абхазцу, он, считая себя преступным перед Богом, немедля обращается к гадательнице и спрашивает: что за причина и как поступить? Гада-

---

* *Родители некоторых учеников вверенной мне школы не высылали в эти их праздничные дни детей в школу, и мне немало труда стоило убедить их, что учение не нарушает святости никакого «Божьего дня».*

тельница-старушка же решительно говорит, что это по вине Божьей, от гнева Божья, словом, причина явления – «Анцва имзз», и определяет, как он, потерпевший, должен молиться, какой день хранить, причем и повторяется та же описанная история…

Если спросить у абхазца, отчего он не работает в рабочий день, когда христианская вера повелевает работать в 6 дней, а проводит время в праздности, то он ответит вам, что он обязан хранить «день Божий».

– Как? По какому случаю?

Он красноречиво продолжает: «Была прекрасная майская погода, солнце светило ясно и грело во всей полноте, на небе не было ни одной тучи. Я пахал. Вдруг, как говорится, ни с того ни с сего небо понахмурилось, послышался раскат грома, гром ударил на яблоню, растущую в 10-ти шагах от меня. Сказали, что это от «Анцва имзза», и с тех пор храню день и ежегодно совершаю установленный молитвенный обряд»*.

Когда болезнь появляется вследствие «Анцва имзза», в таком доме, где до тех пор не хранили «Божьего дня», то гадательница указывает, что эта фамилия должна возобновить празднование «дня Божья», когда-то ею хранимого, но впоследствии забытого по каким-то обстоятельствам.

Если в доме, где хранят «день Божий», снова появляются весьма тяжкие больные, то гадательница, ссылаясь на то, что будто святость празднуемого дня чем-то нарушена, или же молитвенные обряды выполнены не прилично, назначает вторичную молитву, а для празднования – новый другой день. Таким образом, многие празднуют 2 дня в неделю.

Второй день для празднования назначается знахаркой и в том случае, когда удар грома последует вторично на вещь, принадлежащую кому-либо, который и до того времени уже праздновал один день для умиротворения гнева Божья.

---

* *В прошлом году неподалеку от школы оплакивали покойника. Голоса плачущих, рыдающих достигали школы, где я занимался.... Пополудни мне послышались звуки особой песни вместо плача. Оказалось, как объяснил заехавший абхазец, что там гром поразил двух волов. Так как в подобных случаях, как и выше показано, печалиться нельзя, то начали петь и при звуке песни подняли и сложили убитых волов на высоком месте, чтобы что-нибудь нечистое не прикоснулось их.*

В состав селений школьного района входит одно маленькое сел. Ешкет, в котором всего только около 40 дымов, из которых: фамилия Хурцулаа празднует как «день Бога» – I день,

2) Гармелия – I день,

3) Минджия – I день,

4) Когония – I день,

5) Джапария – I день,

6) Пачулия – I день,

7) Тамбей – I день,

8) Гония – 2 дня.

Другими словами, из 40 дымов 36 празднует, свободны только 4?!

Учитель Гупской школы М.Чарая[44]

Журн. «Пастырь».
1886, №1. С. 5 –7

Новооткрытый православный храм на Кавказе

В Сухумскому округе, в местности Цебельды, недалеко от села Ольгинского, в ущелье Адгилке, на горе называющейся по-абхазски адгие-пта (святое место) и фабкуа – цкиакуа (то есть: Отцы наши святые), в прошлом 1885 году, в апреле, Н.Ашиновым, с позволения начальства, были поселены из Полтавской губернии, из бывших запорожских казаков, до 60 домовладельцев. Поселенцы назвали свое поселение станицей Николаевскою, но сухумское начальство запретило им его так именовать, и назвало сельцо Полтавским. Эти-то крестьяне-переселенцы, расчищая лес для постройки своих домов, наткнулись в первых числах января сего года, в расстоянии от своего поселения на 200 сажен, на развалины каменных сооружений. Они обратили на это внимание, стали рыть, и что же, к их удивлению оказалось? – Древний православный храм, засыпанный землей и заросший лесом. Расчистив место, они открыли много церковной утвари. Храм этот каменный, длиной до 6 сажен, шириной более 2 сажен, имеет три отделения: алтарь, церковь и притвор; крыши нет, надо предполагать, был свод, который обрушился и уничтожил иконостас и образа, которые при раскопке найдены крестьянами; затем найдены огромные разбитые каменные плиты с вырезанными на них

надписями или украшениями; колонны означают место, где был иконостас, сделанный из плит и колонн; много найдено медных украшений, решеток, разных тарелок и кружков с фигурами, подсвечников; всего весом меди 4 пуда 20 фунт. Затем найден серебряный, весь чеканной работы, образ св. Екатерины, 5 вершков длины и 3 ½ ширины с шестью камнями; три красноватые, два зеленые и один бело-матовый; трудно без ювелира определить их стоимость; камни от 5 до 12 миллиметров величины, грубой отделки, но все видно, что они камни непростые: при пробе подпилок их не брал. Затем найдено много обломков серебра; как видно, на образах были серебряные оклады; всего весом серебра найдено более 2 фунт. Затем найдены два железные креста, один более 6 вершк., с серебряною ручкой, а другой около аршина; последний, вероятно, стоял на храме. Крестьяне, выбрав все эти вещи, начали рассказывать о своей находке. Об этом узнал сухумский протоиерей отец Мачавариани и послал для осмотра открытого храма местного благочинного. Последний прибыл 21 января в село Полтавское, осмотрел у крестьян медные и серебряные церковные веши, в том числе и серебряный образ, на котором вычеканено на грузинском языке: «Св. великомученица Екатерина», а потом отправился с крестьянами для осмотра храма. В нем оказалось, что иконостас был сделан из вышеописанных каменных плит и колонн с медными украшениями, престол сделан из цельного камня, величиной 6 четв., квадратный, со сторонами по 12 вершков, стоит на горном месте у самой стены. Жертвенник в левой стороне алтаря в углубление стены, алтарь имеет возвышение от пола церкви на три ступени. По обеим сторонам церкви сделаны каменные сиденья, под притвором склеп, там лежат на цельных камнях три скелета, а четвертый в сидячем положении, с правого бока храма, в склепе со сводом. К сожалению, крестьяне небрежно расчищали храм, навалили на склеп земли, свод провалился, и засыпал покойника; кругом храма местами видна каменная ограда; неподалеку от храма есть еще развалины; надо полагать, это был монастырь, который существовал в первые времена христианства. Судя по медным, серебряным и каменным работам, еще должны быть кельи и подвалы, которые засыпаны землей и заросли лесом. К сожалению и прискорбию русских крестьян, благочинный только что осмотрел найденные церковные вещи и не успел еще распорядиться прибрать их для хранения в ближайшем храме, который находится в двух верстах в греческом селении, как полицейский уездный начальник отобрал от крестьян эти старинные драго-

ценные церковные вещи в Сухуме. Куда они последуют, бог весть, а могли бы еще сделать раскопки и нашлись бы желающие возобновить этот храм, к тому же рядом русские новопоселенцы, которым пришлось бы в нем и богу помолиться, и у которых в настоящее время нет храма.

Спешу поделиться с редакцией «Московских ведомостей» этим сообщением, присланным мне с Кавказа, в полной уверенности, что на открытие древнего храма или целого монастыря будет обращено преосвященное внимание и сделаны будут подлежащими лицами соответствующие разведки с хранением церковной утвари древнего храма в руках более компетентных, нежели полицейские чиновники.

И. Дукмасов
10 февраля 1886 года,
С.-Петербург

Газ. «Московские ведомости»[45].
1886, №46

Сухум
(От нашего корреспондента)

Ещё в прошлом году, в 30 верстах от Сухума, в местности Цебельда, русскими поселенцами совершенно случайно найдена была развалина древнего храма. Хотя на этом месте решено было возвести новую церковь, но к расчистке развалины не приступали до последнего времени. На днях в Сухум пришёл один из поселенцев и заявил, что в развалине указанного выше храма найдены ценные образа, различные медные и серебряные украшения около 4 пудов и, кроме того, подземные склепы с цельными человеческими скелетами. Со стороны администрации и духовенства немедленно были приняты меры для доставки в Сухум найденного. Первое. Что обратило на себя общее внимание, это серебряный образ великомученицы Екатерины во весь рост, с церковно-грузинскою надписью сверху «святая Екатерина», а внизу «Святая Екатерина будь покровительницею Марии. Аминь». Верхняя сторона образа покрыта чистым золотом, отличающимся заметным блеском. На образе 5 камней, из коих один зелёного цвета, подходящий к изумрудному цвету, два похожи на сердолик, а остальные белого цвета. Такие же позолоченные небольшие образы Спасителя с евангелием, святого Георгия и святого Феодора доставлены вместе с образом святой Ека-

терины. На образе Спасителя не имеется надписи, а на образах св. Георгия и св. Феодора вокруг лика по-грузински написано «святой Георгий», «святой Феодор». Кроме того, доставлено много отдельных серебряных с позолотою листьев с надписями, но, к сожалению, за неимением времени, трудно было соединить эти листья и разобрать надписи. Так как администрация намерена послать все эти редкости в тифлисское археологическое общество, то, наверно, найдутся знатоки, которым легко будет прочесть надписи. Заслуживают внимания: медное кадило с медными цепями, стеклянная подставка для лампы, небольшие медные кружки с отверстиями посредине, медный таз и множество медных подставок и планок с различными узорами, похожими на ажурную работу. Больше всего поражают своим изяществом работы: медные грифы (у которых по 2 крыла, по две ноги и львиное лицо), грифы расположены вокруг совершенно гладкой пластинки из красной меди.

Русские поселенцы, а также очевидцы из Сухума, бывшие в развалине, утверждают, что там масса разных других редкостей. Между прочим, указывают на изящные колонны с надписями. Говорят, что храм имеет кругом подземный ход, несколько комнат, украшенных мозаиками и пр. Церковно-грузинские надписи на образах дают право полагать, что они были сделаны при грузинской царице Тамаре, ко времени которой относится процветание христианства в Абхазии, а самый храм, по своей архитектуре, должен быть отнесён ко времени императора Юстиниана. Таких храмов (в некоторых и теперь совершаются богослужения) чрезвычайно много в Абхазии; из них особенно замечательны: Пицундский, Лыхненский, Симоно-Кананитский, Драндский, Моквинский и Бедийский. Так как на берегу Сухума (древняя Диоскурия), а также в окрестностях его и во многих других местах находили и находят золотые и серебряные монеты, золотые чаши и множество различных древностей, то следовало бы какому-нибудь археологическому обществу обратить внимание на Абхазию и снабдить знающих людей средствами для производства раскопок. О пребывании здесь греков, римлян, венецианцев и генуэзцев каждый шаг свидетельствует, и коль скоро имеются памятники существования христианства и торговой промышленности древних классических народов, то грешно было бы оставить этот край без тщательного исследования, и разные древности отдавать людям, не имеющим о них никакого понятия. Надо полагать, известный натуралист г. Чернявский, постоянно проживающий в Сухуме даст дельные, точные и научные сведения о найден-

ном поселенцами храме, так как он уже выехал к месту, где находились все эти вышесказанные древности.

По моему мнению, следовало обратить внимание и на тот храм во имя священномученика Василиско, епископа Команского (IV века), который находится на реке Гумисте, в 12-ти верстах от Сухума и в котором были погребены в 404 г. мощи св. Иоанна Златоуста до перенесения в Константинополь в 437 году. По свидетельству учёного-грека археолога Константина Вриссиса, местом кончины св. Иоанна Златоуста был город Кумани, находившийся в нынешней Абхазии на реке Куме, приток реки Кумисты (по-абхазскому выговору Гумисты, приток её Гума, город Гум).

К.Мачавариани

Газ. «Новости и биржевая газета». СПб, 1886, №50

Монастырь Дранды в Абхазии

На западном берегу Чёрного моря, в Сухумском отделе Кутаисской губернии, как известно, в последнее время в запустевших древних православно-абхазских обителях стали водворяться русские афонские иноки. Кроме монастыря Ново-Афонского, Симоно-Кананитского и Пицундского, в 1883 году инокам этим правительством было разрешено возобновить ещё древнюю православную обитель Дранды, находящуюся на правом берегу реки Кодора, этой красы Абхазии, давно уже, в XIII или XIV веке, покинутую иноками.

Нельзя не порадоваться этому обстоятельству, тем более, что возобновляемая обитель, кроме миссионерских целей, в скором времени сослужит свою службу нашему отечеству и в политическом отношении, ибо никто и ничто не может содействовать [смягчению нравов] Абхазского края, в теперешнем его состоянии готового при каждом удобном случае наделать нашему правительству массу затруднений, как иноческие обители, всегда имеющие и проповедников слова божия, и учителей христианской нравственности, и людей, жизнью своей могущих влиять на полухристиан-полуязычников абхазцев. Нельзя не сочувствовать поселению иноков в Дрантах и потому, что они возобновляют один из древнейших памятни-

ков православного благочестия в Абхазии, которых так много и которые до сего времени находятся или в разрушенном или полуразрушенном виде. Возобновляемый теперь в монастыре Дранды храм имеет оригинальный вид. Это едва ли не один из самых древних храмов в нашем отечестве. Он построен чуть ли не во времена Юстиниана, из кирпичей необыкновенно больших размеров, какие встречаются лишь в древних греческих постройках Западной Грузии. Купол его снабжён восемнадцатью большими окнами. Ныне храм этот посвящается св. Николаю и уже почти совсем отделан афонскими келиотами на свои средства. Пишущему эти строки на днях случайно привелось видеть приезжавших в Москву двух из этих радетелей о древней обители, присланных сюда их почтенным отцом Варлаамом за иконостасом, который им заказан одному из московских мастеров иконостасного дела. Иноки эти просили меня заявить во всеобщее сведение, что как ни велико рвение их к делу приведения в благочестивый вид древнего храма Дранды и устройства обители, но за недостатком средств они далеко ещё не достигли цели и надеются на сочувствие своему поистине святому делу добрых людей. Пожертвования на благоустроение своей обители они просили пересылать на имя своего настоятеля отца Варлаама чрез город Сухум-Кале. Слово у афонских русских иноков не расходится с делом, чему доказательством, между прочим, может служить и благотворное влияние на жителей Абхазии братии недавно устроившегося Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря, который в числе многих других добрых дел успел устроить у себя школу для детей абхазских. Ввиду этого я счёл приятным долгом сообщить просьбу их во всеобщее сведение.

С. Соколов

Газ. «Московские ведомости».
1886, №59

Медикаменты и способы лечения, употребляемые народными врачами Абхазии и Самурзакани И.И.Шабловского

Жители Кавказа, в отношении медицинской помощи, поставлены еще в гораздо худшие условия, чем жители других местностей России. Отсутствие дорог и вследствие этого трудность сообщения, ма-

лочисленность врачей, наконец, малое доверие туземцев к служащим врачам большею частью не туземного происхождения, совершенно незнакомых с местным языком, заставляет жителей, особенно несостоятельных, обращаться за помощью к местным знахарям, которые поэтому имеют громадную практику, особенно хирургическую. Некоторые из местных врачей достигали такой известности, что им официально была разрешаема практика, и они назначались врачами в иррегулярные полки, состоящие из туземцев.

Таким образом, мы видим, что местные врачи и их лечение играют громадную роль в жизни туземцев, но изучением этого вопроса кавказские врачи пока занимались очень мало, с одной стороны, может быть, пренебрегая им и считая его нестоющим внимания, с другой стороны, может быть, потому, что туземные врачи обыкновенно держат свои способы лечения в тайне, передавая их устно только своим потомкам и, как все знахари вообще, относятся с большим недоверием и боязнью к образованным врачам.

Между тем вопрос этот интересен в двух отношениях: во-первых, изучая способы лечения народных врачей, мы знакомимся с тою степенью пользы или вреда, которые наносятся этими врачами; а во-вторых, в народной медицине мы должны видеть прародительницу нашей настоящей медицины, так как большинство наших, особенно наркотических, средств многие века были известны разным знахарям и в руках их стоили жизни не одной сотни их соотчичей, прежде чем попали в фармакологию.

Живя три года в Абхазии, я имел возможность сблизиться с местными врачами, с полною готовностью поделившимися со мною своими сведениями, которые и составят предмет настоящей статьи, представляемой в Императорское Кавказское Медицинское Общество для соискания Миримановской премии.

***

Литературные указания по занимающему нас вопросу очень немногочисленны.

В №№ 1 и 2 части XXIV Военно-Медицинского Журнала за 1834 г. напечатана статья д-ра Рейнгардта «О характере болезней в Грузии и об употреблении средств простонародных». В этой статье, имеющей преимущественно медико-топографический характер, мы встречаем наиболее указаний на чисто народные средства и рецепты гурийцев, имеретин и мингрельцев, употреблявшиеся во время Рейнгардта.

В статье Голицинского «Медико-топографические замечания об Имеретии, Мингрелии и Гурии» (Военно-Медицинский Журнал, часть XXIX, № 1, 1837 г.) находим очень мало указаний на народные средства и их применение у этих народов. В конце статьи приложен только список продающихся в лавках медикаментов, без обозначения способов их употребления.

В Кавказском календаре за 1857 год помещена статья г.Берзенова, посвященная подробному разбору рукописного грузинского лечебника под названием «Карабадим», который, по мнению г.Берзенова, до сих пор служит единственным сводом медицинских познаний для грузин. Карабадим, как рукопись объемистая, редкая, а потому и очень дорогая, при том написанная на грузинском языке, по всему вероятно, известна народным врачам Мингрелии, Гурии и Абхазии разве только по названию, так как они, происходя большею частью из крестьян, безграмотны, да кроме того и не понимают грузинского языка.

По мнению г. Берзенова, «собственно грузинской медицины нет и не бывало; искусство это перешло в Грузию с Востока в том самом виде, как оно там сложилось за несколько перед сим столетий. Составление Карабадима многие относят ко времени Софидов в XV веке и на грузинский язык он переведен с персидского; самое название врача «хаким» взято грузинами с персидского» (стр. 477). «Карабадим разделен на три части; в первой трактуется о врачебных действиях, во второй о пище, о разных вареньях и о шербетах (сиропах); в третьей о причинах и признаках всякого рода болезней и о соответствующих каждой из них лекарствах» (стр. 480). О лекарствах, советуемых Карабадимом, г. Берзенов говорит очень мало, но зато приводит массу заговоров, часто состоящих из набора совершенно непонятных слов, и молитв, советуемых Карабадимом от разных болезней. Лучшие главы Карабадима суть главы о горячках и об уходе за больными.

Первая часть статьи д-ра Пантюхина «О народной медицине туземцев Рионской долины» (Медицинский Сборник, издаваемый Императорским Кавказским Медицинским Обществом, 1869 г., №6) посвящена разбору Карабадима по упомянутой статье Берзенова; во второй половине он очень хорошо разбирает некоторые из более частых болезней и уход туземцев за такими больными, а также меры предосторожности, которые употребляются туземцами при заразных болезнях, но тоже очень мало говорит о лекарствах и способах лечения. В конце статьи, как и у Голицинского, приведен список

медикаментов, продающихся в лавках, без обозначения их употребления.

Кроме вышеупомянутых статей, при составлении настоящей работы я пользовался еще следующими источниками:

Описание фармакологических веществ, встречающихся в средней Азии. Магистра Пальма. Военно-Медицинский Журнал 1871 г. Часть CXII.

Материалы к изучению народной медицины в России. Н.В.Слюнина. СПб. 1882 г. Выпуск I.

При определении растений и их фармакологического употребления я руководствовался следующими атласами и сочинениями:

Dietrich Dav. Noth. Fr/ Flora universalis in colorirten Abbildungen. Iena. Fol. 1831-34. 25 т.

Plenck I.I. Icones plantarum medicinalium. Vienna.Fol. 1788-1795. 8т.

Iohannes Miller. Ill ustratio systematis sexualis Linnaei. Francoforti ad Moenum. Fol. 1804. 1 т.

Hager Hermann. Handbuch der pharmaceutischen Praxis. Berlin. 1876.

Дыбковский. Лекции фармакологии.

Alexander Dabian. Farmacya.

Народные врачи на Кавказе совершенно не окружают себя тою таинственностью, как наши русские деревенские колдуны, знахари и знахарки. Своим ремеслом, передаваемым большею частью из рода в род, от отца к сыну, они занимаются совершенно открыто, и так как вследствие племенной разрозненности, постоянных междоусобных войн, особенно конца прошлого столетия, ссор, драк и обычая кровомщения местными жителями постоянно чувствуется потребность в хирургической помощи, то местные врачи поэтому исключительно занимаются лечением ран, вывихов, переломов и других хирургических болезней. Значение их, как хирургов, еще усиливается между туземцами, вообще очень нервными и сильно боящимися операций, тем обстоятельством, что не имея вовсе понятия об анатомии, туземные врачи не производят никаких операций, а по неволе держатся самого строгого консервативного способа лечения, зачастую рискуя жизнью больного; но в случае его выздоровления они в глазах туземцев получают громадное преимущество, особенно ежели европейским врачом вначале была предложена больному операция.

Вера в их хирургические познания настолько сильна, что многие офицеры-туземцы, даже получившие среднее образование, раненые во время последней русско-турецкой войны, выписывались из военных госпиталей и отправлялись на лечение к своим хакимам.

Лечением внутренних болезней туземные врачи почти не занимаются и вовсе с ними незнакомы, что легко объясняется одним, в высшей степени странным, по повсеместно распространенным обычаем, состоящим в следующем: как только кто-нибудь в семье заболеет какою-нибудь внутреннею болезнью, сейчас зовут ворожею, обыкновенно старуху, которых во всяком селении по нескольку; ворожея берет 40 лобий (фасоль) красных и одну черную. Черная фасоль подносится к губам, и над нею шепчется причина гадания, а 40 красных раскладываются кругом черной кучками по одной, 2, 3 и т.д.; раскладывание такое повторяется по нескольку раз, при чем ворожея приговаривает: «от Бога, архангела, образа, жены (или мужа), от врага (при чем называется его имя)»; на каком слове при последней раскладке лобии не станет, от этого и произошла болезнь. Если болезнь произошла от Бога, имени которого самурзаканцы и абхазцы не произносят, а называют высшим существом, то приносится в жертву бык или баран. Когда от архангела, то козленок. Для совершения этого жертвоприношения приглашается старик, род жреца. Больной вместе с родственниками и знакомыми отправляется в лес; здесь строится наскоро шалаш из четырех жердей, покрытых на верху кусками бязи (дешевая бумажная ткань). Больной посередине шалаша становится на колени, а старик, стоя над ним, молит высшее существо о ниспослании больному здоровья, при чем обещает, что в случае смерти больного, родственники его ни оплакивать, ни справлять по нем поминок не будут, а вечно будут носить белый траур и один день в неделю праздновать – обыкновенно пятницу.

Насколько распространен этой обычай в Абхазии и Самурзакане, можно судить по тому, что почти половина жителей ходит не в черном, а в белом трауре и празднует по пятницам. Во время молитвы приносимое в жертву животное зарезывается и зажаривается, а кожа, вместе с головою и рогами, прибивается к ближайшему дереву. Приносимое в жертву животное должно быть съедено присутствующими тут же на месте. Если случаются прохожие, то и они приглашаются на угощение; женщины совершенно исключаются из этих сборищ. Что не съедено, оставляется на месте, а бязь с палатки отдается старику. Если болезнь произошла от образа, обыкновенно

св. Георгия Илорского, то приносится ему жертва деньгами, скотом или, особенно прежде, железными стрелами и луками. По понятию абхазцев и самурзаканцев, ангелы воруют эти стрелы и убивают ими грешников, отчего бывает гром и молния. Если болезнь произошла от личного врага больного, то родственники больного отправляются к нему и просят его помириться. В случае примирения, обыкновенно наступает общее угощение. Тот, кто приносит жертву Богу, архангелу или образу, никаких лекарств принимать уже не может.

С этим обычаем мне самому приходилось нередко сталкиваться, и даваемые мною лекарства хотя и брались при мне из приличия, но после моего ухода тотчас же выбрасывались вон.

Обычай этот ведет свое начало, очевидно, с глубокой древности. В сочинении Цампи*, католического миссионера, проповедавшего в Мингрелии в половине XVII столетия, находим указание, что лечением занимались священники, и что вся суть его состояла в том, чтобы при таинственной обстановке узнать, какой святой сердит на больного. Д-р Пантюхов (1. С. стр. 9) говорит: «Большою славою пользуются в Грузии в настоящее время знахари, предсказывающие будущее и гадающие. Их немного, и вся суть их ворожбы заключается в том, что болезнь наслана на человека прогневанным им святым, и затем требуется узнать, где находится этот святой, и что нужно для его умилостивления».

Сведения о местном лечении мною собраны от двух самурзаканцев: Цацуа и Чхапелия, абхазки Кеут, мингрелки Арнания и абхазца Реджеб-Тамог-ипа. Первые трое вовсе не занимаются лечением сифилиса и венерических болезней, которые они называют русскими болезнями, Арнания преимущественно занимается лечением венерических и сифилитических болезней, а Реджеб-Тамог-Ипа лечит только душевные болезни.

Для более легкого ознакомления, как с лекарствами, так и со способами лечения, я разделяю следующую часть статьи на две главы. В первой будут рассмотрены медикаменты, причем будет обращено внимание на то, были ли они употребляемы в медицине или нет, так как большинство лекарств, употребляемых местными врачами, как будет видно из последующего изложения, употреблялось, а некоторые и до сих пор еще употребляются в тех же случаях европейскими врачами; во второй главе будут рассмотрены болезни и способы их лечения.

---

* *Relation de la Colchide ou Mingrelie par Ioseph Marie Zampi в Recueil de voyage au Nord, t. VII.*

ГЛАВА I

1) Лекарства растительного, животного и ископаемого царств местного происхождения

А. Лекарства растительного царства

Сем. Лютиковые. Ranunculaceae

1) *Ranunculus acris L.* Лютик или жабник острый; баиа (мингр., абх.). Небольшое растение с желтыми цветами, растущее на лугах, пастбищах и полях, цветет от весны до осени. Запаху нет, вкус острый, разъедающий, вызывающий слюнотечение, а при долгом жевании воспаление и изъязвление языка. Принятый внутрь вызывает смертельное воспаление пищеварительных путей. Приложенный к коже вызывает сильные боли, красноту, водянистый пузырь, впоследствии наполняющийся гноем и дающий трудно заживающую язву (язвы на ногах у нищих).

По Plenck'у употреблялся прежде взамен мушки, а иногда предпочитался ей, так как не действует на почки и мочевой пузырь, при односторонней головной боли, подагре, ломоте в бедрах и хронических болезнях суставов. Прикладывался также к ручной кисти для излечения упорных лихорадок.

Местными врачами употребляется только при односторонних головных болях в виде небольшой мушки, приготовленной из свежей истолченной травы, которая прикладывается ко лбу с больной стороны головы.

2) *Ranunculus sceleratus.* Джогоришбаиа, катушбаиа (мингр., абх.). небольшое растение с желтыми цветами, растущее во рвах и болотах. Запах, при растирании растения между пальцами, скоропроходящий острый, вызывающий резь в глазах и носу, чихание и слезотечение; остальные свойства, как и предыдущего вида. По Plenck'у прикладывался к большому пальцу руки в виде мушки для излечения упорных лихорадок.

Местными врачами смесь из свежих толченых листьев Ranunculus acris et sceleratus употребляется вместо мушки при хронических страданиях суставов, ревматизме и головных болях (в этом случае в виде мушки на затылок).

Ядовитые и острые свойства обоих видов Ranunculus уничтожаются сушением.

3) *Clematis.* Ломонос. Ката-барда, цица-барда (груз.). Шхураги (мингр.). Аалымш (абх.). Употребляются безразлично оба вида, рас-

тущие на берегу Черного моря, т.е., Clematis erecta L. и C. Vitalba L. Вьющееся, многолетнее растение, растущее около заборов и по опушке леса. Запах слабый, вкус при жевании острый, режущий, вызывающий воспаление рта.

По Plenck'у действие Clematis erecta разрешающее, очищающее, отчасти мочегонное и потогонное. Снаружи в виде присыпки уничтожает дикое мясо и особенно употреблялся при обильно гранулирующих и раковых язвах. Внутрь употреблялся при сифилитических страданиях костей, раковых язвах, головных болях, меланхолии и хроническом зуде.

У местных врачей стебель Clematis входит в состав кровоочистительного сбора, употребляемого при лечении геморроя.

4) *Periploca graeca L.* Сем. Asclepiadeae. Обвойник обыкновенный. Вьющийся кустарник с голыми ветвями, принадлежащий к числу лиан, делающих совершенно непроходимыми сырые, низменные места леса Черноморского побережья, и по виду немного похожий на Clematis, очень часто употребляется местными врачами вместо последняго.

5) *Helleborus viridis L.* Морозник. Аджикхва (абх.). Харидзира (груз.). Многолетнее растение с большими, грязно-красными цветами, растущее в лесах. Цветет в январе и феврале. Запах свежего корня острый, противный; вкус горький, жгучий и острый. При сушении теряет свой запах и остроту.

В медицине употребляется H. viridis L. и H. niger L. как drastikum, потогонное, месячегонное и чихательное средство; преимущественно при душевных болезнях, водянке, задержании месячных и хронических накожных болезнях. Главные составные части: два глюкозида геллебореин и геллеборин (Plenck, Hager, Дыбковский).

У местных врачей входит в состав сборов против кускари; в отварах его купают больных при кори, а из корней делают заволоки на груди у лошадей, когда они с зимы плохо поправляются.

Сем. Крестоцветные. Cruciferaeae

6) *Cochlearia officinalis.* Ложечная трава. Небольшое растеньице, растущее на берегу моря. Запах свежего растения редечный, вкус горько-острый, жгучий. Главные действующие части сернистый и раданистый аллил (Дыбковский). В медицине употребляется как противоцинготное средство.

У местных врачей входит в состав сборов от кускари и геморроя.

7) *Sinapis juncea.* Сарентская горчица. Абаджа (абх.). Небольшое растеньице, разводимое ради семян, дающих масло, а также употребляемых для приготовления горчицы.

Семена ее, превращенные в порошок и смешанные с водою и яичным желтком, прикладываются к опухолям и ушибам как отвлекающее и разрешающее средство.

Сем. Леновые. Linae

8) *Linus usitatissimum L.* Лен. Семена его употребляются для припарок, а также входят в состав микстур от триппера и сифилиса.

Сем. Бальзаминовые. Balsamineae

9) *Impaliens Balsamine.* Бальзамин садовый. Ина (груз., абх., минг., вероятнее всего, персидское название). Нежное, травянистое, весьма сочное растение, разводимое в садах как украшение, служит для приготовления краски, носящей тоже название «ина» и привозимой обыкновенно из Персии. Краска эта употребляется персами и татарами для окрашивания волос и ногтей в красный цвет. Продажная ина имеет вид порошка грязно-зеленого цвета и состоит из превращенных в порошок бальзаминов, зерен незрелого винограда и небольшого количества квасцов. Две части ины и одна часть басмы (о которой ниже) окрашивают волосы в каштановый цвет. Для того, чтобы окрасить волоса или ногти, ина разводится водой, в виде полужидкой кашицы, и этою кашицей на ночь намазываются волоса; к утру они делаются красными. Краска эта держится довольно долго. Ина входит в состав микстуры, даваемой внутрь при триппере.

Сем. Молочайные. Euphorbiaceae

10) *Euphorbia palustris.* Молочай. Абсы (абх.), удабашур (минг.). небольшое, везде растущее растение, при поранении выделяющее белый, млечный сок. Запаха нет, вкус острый, горький; принятое внутрь вызывает рвоту, кровавый понос, жжение в желудке и пищеводе, позыв на мочу, жажду, холодный пот, обморок и смерть. Снаружи действует как сильное раздражающее и вызывающее воспаление средство.

По Plenck'у употреблялось изредка внутрь при брюшной водянке и снаружи, в виде тинктуры или присыпки, при омертвении костей и костоедов для скорейшего отделения омертвевших частей.

В Абхазии употребляется против глазу, внутрь – в виде настойки и снаружи – в виде обмываний, а также как рвотное – в виде порошка.

11) *Ricinus communis.* Клещевица. Разводится в садах как украшающее растение и достигает 7-8 ф. высоты. Из семян его приготовляется ol. Ricini. Местные врачи употребляют поджаренные семена его как слабительное.

Сем. Розовидные. Rosaceae

12) *Rubus fruligosus.* Ежевика. Макгвали (груз., имер., гур.). Мукги, дургени (мингр.). Амахыр (абх.) сильно колючий кустарник, растущий на опушке леса; ягода черная, водянистая, почти без запаха, но довольно вкусная.

По Plenck'у свежие листья, истолченные и приложенные в виде припарки к ногтоеду, уменьшают боль и вызывают хорошее нагноение.

Местные врачи употребляют порошок сушеных листьев ежевики для присыпки ран.

13) *Potentila reptans.* Могучник. Аб(h)эцвишь (абх.). Многолетнее растение с желтыми цветами, растущее по окраинам дорог. Запах свежего корня слабый, вкус вяжущий; раствор железного купороса окрашивает его в черный цвет.

По Plenck'у имеет вяжущее действие и употреблялся при перемежающейся лихорадке, простом и кровавом поносе и как полоскание при воспалении горла.

Местные врачи дают его внутрь, в виде настойки, при болях в животе, барбации и выпадении прямой кишки.

14) *Geum urbanum.* Гравилат. Абут (абх.). Многолетнее растение, растущее на опушках леса и в тенистых местах. Свежий корень имеет запах гвоздики, сушеный почти теряет его; вкус похож на запах, но едко-горький; воду и спирт окрашивает в темно-красный цвет.

Действие по Plenck'у укрепляющее, противолихорадочное, антисептическое, мешающее окислению. Употреблялось при перемежающейся лихорадке, хроническом поносе, болях, кровотечениях из матки, хроническом трипере, кашле и истерике.

Местными врачами употребляется только снаружи, в виде присыпки, при лечении ран.

15) *Agrimonia Euratorium.* Ренник. Многолетнее растение, растущее на лугах и по окраинам дорог. Запах слабый, пряный; вкус не-

много пряный, слабо-вяжущий, горьковатый. Действие по Plecnk'у стягивающее, укрепляющее, залечивающее раны. Употреблялся внутрь, в виде чая, при болезнях печени, ревматизме и накожных болезнях. Снаружи, в виде полоскания, при болях в горле и, в виде примочки, при отечной опухоли женских наружных половых частей.

Местные врачи дают его внутрь при болезни «куаб».

Сем. Тыквенные. Cucurbitaceae

16) *Cucurbita lagenaria L.* Тыква фигурная. В Абхазии разводится несколько видов этого растения, различающихся величиною и формою своих плодов. Высушенные плоды их употребляются вместо ковшиков и бутылок, а также как кровососные банки.

Сем. Зонтичные. Umbelliferae

17) *Sanicula europaea.* Сацерельб(h)е (абх., сацерели – ногтоеда, б(h)е – листья). Небольшое растеньице, растущее в лесах, цветет в апреле и мае. Запаха нет, вкус солено-горький, резкий, сильнее в высушенном, чем в свежем виде.

Составные части по Hager'у: железо, дубильное вещество, горькое вещество и острая смола. По Plenck'у действие его вяжущее, излечивающее раны. Употреблялось при внутренних кровотечениях, гнойных распадах, чахотке, опухолях и ушибах, снаружи и внутрь, в виде чая. Корень и листья этого растения, сваренные с вином, употреблялись, в виде припарки, при пупочных грыжах вместе с соответствующей повязкой.

У местных врачей употребление Sanicula europaea также весьма обширно, целебность его высоко ценится, а потому оно входит в состав почти всех сложных лекарств. Как показывает само абхазское название растения, оно употребляется преимущественно в виде припарки или мази при ногтоеде и ушибах; порошком сушеных листьев присыпают раны, а настой дают при кускари и кашле.

18) *Apium gravcolens.* Сельдерей. Сона (мингр., абх.). разводится в огородах как овощ. Листья его входят в состав лекарства от цинги.

19) *Foeniculum vilgare.* Укроп обыкновенный. Разводится тоже в огородах как овощ. Семена его, настоенные в виде чая, употребляются как мочегонное средство при задержании мочи.

20) *Hepacleum pubescens.* Борщевик пушистый. Джимурами (мингр.), абриквацва (абх.). Мощное, двухлетнее, травянистое растение, достигающее до сажени в высоту. Стебель его трубчатый,

бороздчатый, усажен острыми волосками. На конце стебля и ветвей находятся большие, плоские зонтики из белых цветочков. Все части растения издают сильный, неприятный запах. Вкус, когда наружная корка со стебля не удалена, горький, острый, жгучий; внутренняя часть стебля сладковата, а потому в некоторых местностях Сибири и Литвы стебли Heracleum употребляются в пищу.

Сушеными листьями этого растения, превращенными в порошок, местные врачи присыпают раны. Свежий, истолченный и сваренный с вином корень употребляется в виде припарки при кускари и опухоли паховых желез.

Местными врачами употребляются, как лекарство, еще три вида семейства Umbelliferae, но, так как от этих растений мне были доставлены только листья, и то сильно измятые, то ботаническое название их не могло быть определено.

Сем. Аралевые. Araliaceae

21) *Hedera Helix.* Плющ. Ашчибр(h)э, амвч, акарма (абх.), суро (мингр., имер.). Запах растертых листьев слегка смолистый, ароматический; вкус горький, острый, тошнотворный. По Plenck'у действие листьев укрепляющее и разрешающее. Порошок листьев употребляется против детской сухотки, смола давалась внутрь при задержании месячных, из древесины приготовлялись шарики для фонтанели и стаканы для вина, свежими листьями покрывались фонтанельные ранки.

Местными врачами употребляется настойка листьев, в виде чая, как месячегонное средство, а также свежевыжатый сок плюща и чеснока втягивается в ноздри при застарелых головных болях.

Сем. Масличные. Oleaceae

22) *Ligustrum vulgare L.* Бирючина. Квидо (имер., груз.), аджмадзир (абх.). Весьма распространенный кустарник, растущий по опушкам леса, с белыми, метельчатыми цветами и черными ягодами. Запаха нет, вкус немного вяжущий, неприятный, горьковатый. Действие по Plenck'у слегка вяжущее, залечивающее раны, мешающее гниению. Употреблялась, в виде полоскания, при жабе, цинге, зубных болях и других болезнях полости рта.

Местные врачи заставляют жевать свежие листья бирючины или приготавливают из них полоскание для рта при цинге.

Сем. Горечавковые. Gentianeae

23) *Euythraea Centaurium.* Золототысячник. Красняк. Небольшое, двулетнее растение, растущее на сухих, солнечных склонах, с небольшими красными цветками, собранными на верхушке растения, в виде полузонтика. Цветет в мае и июне. Запах едва заметный, вкус очень горький, противный. Действие, укрепляющее желудок и противолихорадочное. Употреблялось по Pleck'у при перемежающихся лихорадках, слабости желудка, желтухе, кахексии, малокровии, белях, а также при водянках после перемежающихся лихорадок.

Местные врачи употребляют водную настойку золототысячника при перемежающейся лихорадке.

Сем. Первоцветовые. Primulaceae

24) *Primula acaulis Jacoq.* Пирисула (груз.), абулра (абх.). Прелестное растеньице, растущее в лесах и цветущее в марте и апреле голубыми цветами. Запах очень слабый, медовый; вкус приятный, напоминающий салат. По Plenck'у в медицине употреблялись европейские виды Primulae, как слегка вяжущее, укрепляющее нервы, освежающее и успокаивающее боль средство, в виде настойки, при ревматизме, болях в глотке и головных, при параличе лица и половины тела. Свежевыжатый сок, смешанный с молоком, втягивался в ноздри для излечения застарелых головных болей.

У местных врачей сушеный листья Primulae, превращенные в порошок, служат для присыпки ран и пораженных рожею мест. Свежее растение входит в состав мази, употребляемой при лечении костоеды, а также микстуры, даваемой при роже.

25) Cyclamen curopaeum. Дряква. Корчиота (груз.), шинцхулуц (абх.), ткварчелиа, кацхуркаки (самур.). Многолетнее растение, в обилии растущее по берегу моря между кустами, цветет в январе, феврале и марте красивыми розовыми цветами. Имеет круглый, сжатый сверху клубень, покрытый черною, плотною кожицей, который и употребляется в медицине. Запаха никакого; вкус острый, режущий, горьковатый, неприятный.

По Plenck'у свежий корень, принятый внутрь, действует, как сильное слабительное; свежий сок действует даже тогда, когда им смазана нижняя часть живота, в этом случае он даже может вызвать преждевременные роды. Свиньи едят корневище без всякого вреда для себя, варение и печение уничтожает острые и едкие свойства корневища. Внутрь, вследствие своей остроты, не употреблялось, а

свежевыжатый сок его входил в состав сложной мази под названием Schveinbrodtsalbe, которою намазывали низ живота, чтобы вызвать послабление, месячные, изгнать глистов и уменьшить брюшную водянку. Свежим соком помазывали область печени и селезенки, чтобы вызвать уменьшение «завалов» этих органов.

Местные врачи дают это растение внутрь, как слабительное, лошадям при запоре у них мочи и кала (Циркия). Снаружи водная настойка свежего корня употребляется, как спринцевание, при хронической течи из ушей, а также втягивается в нос горячий сок корневища при упорных головных болях.

Пантюхов (l.c.) говорит, что в Мингрелии Cyclamen дается людям внутрь, как рвотное и слабительное.

Сем. Пасленовые. Solaneae

26) *Datura Stramonium.* Дурман. Ленцон(h)а (груз.), акуку (абх.). Сорная трава, растущая около заборов на мусоре. Цветет белыми цветами. Запах неприятный, одуряющий, наркотический; вкус неприятный, горький. Семена содержат алкалоид датурин, идентичный с атропином – кристаллическое тело без запаха и вкуса, нейтральной реакции – страмонин и жирное масло. В медицине употребляется при кашле, судорожном удушье и душевных болезнях с характером экзальтации, а также снаружи в мягчительных припарках (Дыбковский).

Местные врачи хорошо знакомы с ядовитыми свойствами дурмана и потому употребляют его очень осторожно и то только внутрь при воспалении подреберной плевы, воспалении легких и сильном кашле. Доза для взрослого: щепотка порошка семян раз в два дня, для детей в тот же промежуток один прием порошка на кончике ножа.

27) *Physalis Alkekengi.* Можжуха, песьи вишни. Атуцбр(h)э (абх.). Отличается вздутою, красного цвета чашечкою, окружающею съедобную ягоду, с сладко-горьким вкусом. Чашечка сама очень горька.

По Hager'у ягоды Phys. Alkekengi имеют мочегонное свойство и с давних пор употребляются при страданиях почек, мочевого пузыря, мочеточников, при каменной болезни, ревматизме, желтухе и водянках.

Местными врачами все растение, в виде настойки, употребляется при лечении барбации.

28) *Airopa Belladonna.* Сонная трава. Растет в лесах Главного Кавказского хребта и его отрогов, цветет все лето, начиная с мая.

Главная составная часть алкалоид атропин. В медицине употребляется внутрь при спазмодических болезнях желудка, кишек, дыхательных органов и сердца (коклюш, angina pektoris, asthma), при судорожных болезнях сфинктеров, невралгиях, эпилепсии и при душевных болезнях, особенно при мании (Дыбковский).

Водная настойка свежего корня этого растения (ёiii на *ɾi* воды) употребляется местными врачами при лечении душевных болезней, причем им хорошо известны сильно ядовитые свойства растения.

Сем. Бурачниковые. Boragineae

29) *Pulmonaria officinalis L.* Медуница, легочная трава. Чходшичири-цамали (самур.). Небольшое многолетнее растение. Запаха нет; вкус слизистый, травянистый, слабый. По Plenck'у имеет действие вяжущее, залечивающее раны. Употреблялась при чахотке, охриплости и кровавой мокроте.

Местными врачами употребляется, как болеутоляющее и разрешающее средство; в виде настоя, и снаружи, в виде горячей мази, при карбункулах. Некоторые употребляют настойку Pulmonaria для производства выкидыша.

Сем. Заразиховые. Orobancheae

30) *Lathrasa Squamaria.* Петров крест. Агвицир (абх.), недзышджинджиш-цамали (самур.). Тунеядное растение с длинным корневищем, покрытым многими белыми, мясистыми, толстыми чешуйками, прикрепляющееся своими корневыми мочками к корням орешника. Цветет в апреле, цветоносная ось поднимается над землею, цветки красные, расположенные кистью. Запаха нет, вкус слегка горьковатый, в медицине не употреблялось.

Местные врачи употребляют это растение, в виде винного отвара, при катуджуори и в сложном сборе против геморроя.

Сем. Норичниковые. Scrophularineae

31) Scrophularia nodosa. Поричник. А(h)ер (абх.). Растение вышиною в 2-3 ф. с красновато-коричневыми цветами в верхушечной метелке, растущее по берегам рек, во рвах и влажных местах. Запах неприятный, вкус неприятный, горький и острый. Действие по Plenck'у разрешающее и утоляющее боли. Употреблялось внутрь при золотухе, зобе, для разрешения болезненных, но невоспаленных опухолей и особенно при геморрое.

Местными врачами дается внутрь при ревматизме, крапивной лихорадке и геморрое, чаще всего в смеси с другими растениями. Иногда также дается, как слабительное.

32) *Verbascum Thapsus.* Коровяк, царский скипетр. Отошия (груз.), дзаргуан (мингр.). Запах слабый, приятный. Вкус травянистый, слегка горьковатый. Семена употребляются для одурения рыб. По Plenck[ ] действие цветов и листьев мягчительное, болеутоляющее. Декокт и настойка употреблялись при простом, и кровавом поносе, кашле, колотье в боку, задержании мочи, а также снаружи в припарках – как болеутоляющее средство.

У местных врачей входит в состав сборов против барбации, кускари и геморроя.

33) *Digilalis ferruginosa.* Абзвия (абх.). Мощное, многолетнее, травянистое растение, достигающее 4-6 ф. вышины, растет преимущественно на сухих, песчаных местностях. Цветет в августе.

Этот вид в медицине не употреблялся.

Водная настойка его дается местными врачами внутрь при чуме рогатого скота; кроме того, D. Ferruginosa входит в состав сложной настойки, употребляемой при болях живота.

Сем. Губоцветные. Labiatae

34) *Betonika offlïcinalis.* Буквица. Шалфей полевой. Многолетнее растение, растущее в тенистых, сухих местах, цветет в мае красными, верхушечными цветами, собранными в виде колоса. Запах немного неприятный, пряный; вкус солоновато-горьковатый. Действие цветов и листьев по Plenck'у слабоукрепляющее. Корень действует тошнотворно и рвотно. Употребляется как противонервное и отхаркивающее средство.

Местными врачами употребляется снаружи при костоеде, цинге и ангине, внутрь дается при геморрое и как мочегонное средство.

Сем. Подорожниковые. Plantagineae

35) Plantago lanceolata. Подорожник. Огу(h)рия (абх.), маджаргвалаиа (мингр., груз., самур.). везде растущее растение, особенно по окраинам дорог. Запаха нет, вкус немного вяжущий. По Plenck'у свежевыжатый сок с медом давался при лихорадке и грудных болезнях, истолченные же свежие листья прикладывались на раны для их излечения. Местные врачи употребляют безразлично все три вида подорожника: P. Major, minor et lanceolata или в свежем виде для

прикладывания на раны, или же раны присыпаются порошком из сушеных листьев.

Сем. Жимолостные. Lonicereae

36) *Sambukus Ebulus.* Травянистая или вонючая бузина. Анцли (груз.), иптчири (мингр.). Запах свежих листьев вонючий; вкус сначала сладковатый, потом сильно горький и очень противный; ягода черная, без запаха, сладко-горького вкуса; употребляется в Имеретии и Мингрелии для подкраски вин, чем сильно портится их вкус.

По Plenck'у корень действует слабительно, тошнотворно и мочегонно, листья – разрешающим образом, цветы – потогонно. Декокт из корня употреблялся против водянки, а варенные в вине листья, в виде припарки, при опухолях суставов. Местные врачи употребляют водную настойку корня против водобоязни.

Сем. Сложноцветные. Compositae

37) *Leontodon Taraxacum L.* Одуванчик. Папас-куда (мингр.), ахончхоли (абх.). Везде растущее растение, цветет раннею весною желтыми цветами. Листья и цветы содержат млечный сок. Запаха нет; вкус горький, противный. В медицине употреблялся свежевыжатый сок Leontodon Taraxacum, как разрешающее, тоническое и кровоочистительное средство.

В Абхазии высушенными и превращенными в порошок листьями этого растения присыпают раны.

38) *Matrigaria Chamomilla.* Ромашка обыкновенная. К(h)амепиа (мингр.). Обильно растущее между посевами растение с цветочными головками, состоящими из белых, крайних, язычковых цветочков на голом, внутри пустом, коническом ложе. Запах ароматичный; вкус ароматичный, горький. В медицине употребляется, как противосудорожное и месячегонное средство. Настоями ее промывали и перевязывали раны.

В Абхазии употребляется против цинги и как месячегонное средство.

39) *Artemisia Absinthium.* Полынь. Запах наркотический, неприятный; вкус острый, сильно горький. Составныя части: эфирное масло и кристаллическое горькое вещество absynthiin. Корень Artemisiae vullgaris, вида родственного A. Absinthium, употреблялся в медицине, как средство, вызывающее сокращение матки, усиливающее действие кишечника, а также считался хорошим средством против падучей болезни (Дыбковский).

Hebra Artemisiae Absinthium употребляется местными врачами, как средство, вызывающее сокращения матки и усиливающее потуги.

40) *Unula Helenium.* Девясил. Часто разводится в садах, цветет в июле желтыми цветами. Запах слабый, ароматический; вкус листьев слизистый, горьковатый. Составные части корня: инулин – особый вид крахмала, и гелецин – твердое эфирное масло, похожее на камфору и имеющее возбуждающее действие, особенно на дыхательные органы. Употребляется как мягчительное средство при катарах и бленнорее дыхательных путей и как stomachicum, в форме отвара, а снаружи – против чесотки (Дыбковский).

У местных врачей корень его входит в состав сборов от кускари и буасилискареби, а также употребляется в виде отвара внутрь и, в виде мази с салом, снаружи при чесотке.

41) *Eupatorium cannabinum.* Конопельник. Растет по сырым местам, формою листьев и общим видом напоминает коноплю. Запаха нет; вкус слегка вяжущий, горьковатый. В медицине не употреблялся.

У местных врачей входит в состав сборов от кари-барбации, буасилискареби и барбации, а также употребляется некоторыми как абортивное средство.

42) *Tussilago Earfara.* Мать и мачеха, белокопытник. Цветы являются раньше листьев, зеленых сверху и покрытых белым пухом снизу. Запаха нет; вкус горький; составные части: горькое вещество и слизь. В медицине употребляется, как tonicum и мягчительное, преимущественно при хронических, изнурительных болезнях для поправления питания (Дыбковский).

У местных врачей входит в состав сборов от кускари и буасилискареби.

Сем. Кирказоновые. Aristolochieae

43) *Aristolochia rotunda.* Зиндквили (мингр., груз.). Небольшое растеньице, растущее на сухой, песчаной почве. Цветок имеет вид трубки зеленого цвета; клубень величиною с грецкий орех, желтовато-бурого цвета, почти круглой формы, имеет своеобразный, неприятный запах и острый, противный, сладковато-горький вкус. По Hager'у считался кровоочистительным, месячегонным и ускоряющим выделение последа средством. Иногда употреблялся против лихорадки.

Местные врачи порошком клубня присыпают раны и пораженные рожею места, а также дают внутрь при болях живота.

Сем. Маревые. Chenopodeae

44) *Chenopodium Bonus Henricus.* Лебеда. Ахвесерцва (абх.). Многолетнее растение, растущее преимущественно на мусоре и около заборов. Запаха нет; вкус слизистый, слегка солоноватый; в Англии употребляется вместо шпината. По Plenck'у в медицине употреблялось только снаружи. Свежие листья прикладывались на раны и опухоли для их очищения и уничтожения острых, испорченных соков. Действуют также хорошо при паршах и чесотке, а припарка из свежих листьев употреблялась как болеутоляющее средство при подагре и геморрое.

Местными врачами употребляется при лечении ангины и в сложном сборе, даваемом внутрь, при болях живота.

Сем. Коноплевые. Cannabineae

45) *Cannabis sativa.* Конопля. Культурное растение, разводимое ради семян и волокна.

Местные врачи употребляют senima cannabis в микстурах при триппере и снаружи при катаплазмах.

46) *Humulus Lupulus L.* Хмель. П(h)шало (мингр.). Многолетнее, вьющееся растение, растущее на сырых местах и по опушкам леса. Разводится ради своих шишкообразных плодов, содержащих горькое вытяжное вещество – лупулин, ароматическое масло и смолистое вещество. В технике употребляется для приготовления пива. Запах своеобразный, пряный и смолистый; вкус пряный, горький. В медицине хмель употребляется, как stomachikum, antiscrophulosum и antiscorbutigum, а также снаружи в наркотических припарках. Лупулин дается внутрь для уничтожения возбуждения в половой сфере (Hager).

Местные врачи дают отвар всего растения при сифилисе.

Сем. Крапивные. Urticaceae

47) *Urtica dioica.* Крапива двудомная. Ахвац (абх.), тчутчеле (мингр.). Многолетнее, травянистое растение, листья которого на верхней стороне покрыты жгучими волосками. В медицине не употреблялось.

Местными врачами употребляется отвар крапивы внутрь при триппере, а вареными горячими листьями этого растения обкладывается член, когда он сильно опухает при триппере.

Сем. Ильмовые. Ulmaceae

48) *Ulmus campestris.* Вязь или ильм полевой. Аджагваджеса, ахец (абх.), т(h)еламуши, т(h)еладуши (груз., имер.). Дерево, достигающее 80-100 ф. высоты. Запаха нет; вкус ветвей и листьев горьковатый, слизистый.

По Plenck'у при растирании коры и листьев с водою получается слизь, очень полезная при ожогах, ранах и опухолях. Настойка листьев и коры с холодною водою действует как слабительное. Отвары, употребляемые снаружи, действуют хорошо при хронических накожных болезнях, белях, золотухе, раке, трещинах кожи, чесотке и паршах.

Местные врачи из крепких отваров листьев ильма делают местные ванны для конечностей при переломах после снятия неподвижной повязки. Этот же отвар употребляется для растирания болезненных мест при кори.

Сем. Нарциссовые. Amaryllideae

49) *Leucoïum vernum.* Левкой весенний. Алахвагаджа (абх.). небольшое луковичное растение, растущее на сырых, низменных лугах, цветет белыми цветками в марте и апреле.

Луковицы его употребляются местными врачами, как отрава для собак.

Сем. Dioscoreae

50) *Tamus comminus L.* Дзырхуху (самур.). Нежное, вьющееся растение с красными ягодами и сердцевидными листьями. Корневище его, длиною в 2-3 ф. и толщиною в большой палец, в свежем состоянии сочно, мучнисто, без запаха, немного горьковато и после жевания оставляет во рту резкий, жгучий вкус. Корневище тропических видов диоскорей, называемое ямс или игпомс, при варении и жарении теряет свою горечь и остроту и употребляется жителями тропических стран в пищу. В медицине не употреблялось.

Местные врачи свежее корневище Tamus изрезывают поперечно на тонкие кружочки, сушат, превращают в порошок и в таком виде употребляют для присыпки нечистых, дурно гноящихся и гангренозных язв и ран.

Сем. Лилейные. Liliaceae

51) *Allium Porrum.* Лук-порей. Праса (груз.). Разводится в огородах, как овощ.

Употребляется местными врачами в мази, прикладываемой на нарывы после заноз.

52) *Allium ursinum.* Черемша. Цветет белыми цветочками раннею весною. Давно известно, как противоцинготное средство. Грузины считают ее лакомым блюдом и приготовляют отваренные луковицы с уксусом и маслом, как салат.

Местные жители в пищу ее не употребляют, а свежими листьями ее, сухими или смоченными уксусом, перевязывают раны и ожоги.

Сем. Ландышные. Smilaceae

53) *Ruscus aculeatus L.* Иглица. Акуц (абх.), бартцкваниа (мингр.). Небольшое, многолетнее, полукустарное растение с жесткими, колючими, иглистыми листоветочками, растущее на песчаной почве по берегу моря. Запаха нет. Вкус листьев и корня сильно горький. В медицине не употреблялось.

У местных врачей входит в состав сборов против кускари и геморроя, а иногда употребляется, как абортивное средство.

Сем. Зимовниковые. Colchicaceae

54) *Colchicum autumnale L.* Безвременник. Луковичное растение, беднорозовые цветки которого развиваются поздно летом или осенью, когда растение не покрыто еще листьями, которые появляются лишь следующею весною вместе с находящимися между ними вздутыми коробочками. Запаха нет. Вкус луковицы острый, щиплющий, долго остающийся. Главная составная часть семян и луковицы глюкозид – кольхицин. Принятый внутрь более всего поражает пищеварительные органы, вызывая в них явления острого gastro-enteritis с тошнотою, рвотою и кровавым поносом. Употребляется как мочегонное, при водянках, подагре и ревматических страданиях сочленений (Дыбковский).

Местные врачи порошком луковицы присыпают сильно гноящиеся и нечистые раны, чтобы вызвать в них доброкачественное нагноение.

Сем. Phytolacceae

55) *Phytolacca decandra L.* Лаконос. Жирная трава. Джами(h)азиа (мингр.), суканабалахи (груз.). Многолетнее растение, растущее на

мусорных кучах. Запаха нет. Свежие листья напоминают вкусом салат и употребляются солдатами и местными жителями для приготовления зеленых щей. Ягодами подкрашиваются вина.

По Plenck'у свежевыжатый сок старого растения, сгущенный на солнце, употреблялся для перевязки раковых язв и давался внутрь по 1-2 столовых ложки при этой же болезни. Сок корня действует как слабительное.

Местные врачи употребляют корень лаконоса при лечении кускари и водобоязни.

Сем. Злаки. Gramineae

56) *Zea Mays.* Кукуруза. Разводится как хлебное растение.

Поджаренные семена кукурузы, смешанные с медом, даются местными врачами внутрь против поноса.

57) *Sorgus vulgare.* Гоми. Возделывается также как хлебное растение. Семена его, варенные с вином, употребляются в виде припарки, для ускорения нагноения или разрешения воспалительных опухолей.

Сем. Ремнецветные. Loranthaceae

58) *Viscum album.* Омёла. П(h)ит(h)ри (груз., гур.), П(h)ут(h)ри (имер.). Ацыстывра (абх.). Чужеядное растение, растущее на плодовых деревьях. Запаха нет. Вкус горький, противный. По Hager'у употреблялось, как противосудорожное средство, при судорогах и эпилепсии.

Местными врачами листья, заваренные в виде чая, даются против кашля или высушенные и смешанные с квасцами курятся в трубке против той же болезни.

Сем. Тисовые. Taxineae

59) *Taxus baccata.* Тис ягодный. Ут(h)ховари, саджи, штахси (груз.). Урт(h)хмела (имер.). Аа (абх.). Дерево, достигающее 40 ф. высоты, с прекрасной, твердой, красноватой древесиной.

Листья и плоды его употребляются, как отрава для собак и мышей.

***

Для составления мазей местными врачами употребляются следующие растительные масла:

60) ореховое, 61) деревянное, 62) прованское и 63) масло из семян алычи (Prunus divaricata Led.).*

В. Лекарства животного царства

Для составления мазей употребляются следующие жиры животного происхождения: 64) бычачье, 65) курдючное, 66) свиное сало и 67) яичное масло, приготовляемое поджариваем на сковороде круто сваренных желтков.

68) *Сухожилия из ног дикой козы* (Cervus Capreolus) хорошо высушенные и расщипанные на мелкие кусочки, вкладываются в раны для остановки кровотечения и скорейшего их заживления.

69) *Сушеный половой член оленя благородного* (Cervus Elaphus) входит в состав микстуры от сифилиса и называется по мингрельски «премис асо» (премис – олень, асо – половой член).

70) *Рог бычачий* входит в состав микстуры от рожи.

71) *Emys lutaria.* Черепаха болотная. Ку (мингр., абх., самур.). Истолченная целиком прикладывается на опухоли при кускари, в виде припарки. Яйца ее также входят в состав различных мазей и припарок.

С. Лекарства ископаемого царства

72) *Рог змеи.* По словам Цацуа, доставившего мне это лекарство, змея, от которой получен этот рог, встречается, но очень редко, в горном хребте около м. Окума и р. Ингура. На голове у нее два рога; левый рог обыкновенно составляет сильный яд, правый рог употребляется как противоядие против всех ядов. Но не всякий рог имеет одинаковую силу, а потому нужно перед употреблением испробовать на собаке или кошке, для чего он натирается на камне или наскабливается ножом, смешивается с водою и дается собаке или кошке; если собака околела, то рог, значит, ядовит, если нет, то его можно употреблять, как противоядие. Один рог служит противоядием другому. Вера в силу этих рогов, как универсального противоядия, сильно распространена между абхазцами. Один из местных князей показывал мне такой рог, сильно истертый с одного конца, принадлежащий будто-бы жене последнего владетельного князя Абхазии, Михаила и спасший жизнь многим отравленным. Рог этот

** Диагностика растений проверена проф. Бекетовым и, кроме того, лично мною по живым экземплярам и гербариям С.-Петербургского Императорского Ботанического Сада..*

длиною до 3-х сантиметров, имеет форму трехгранной пирамиды, узкой, но высокой, с двумя острыми гранями и третьей полукруглой, слабо выраженной, так что одна сторона его плоская, а другая выпуклая; основание треугольной формы, слегка углублено и имеет острые, неровные края. Весь рог слегка изогнут по своей длине, серо-пепельного цвета, покрыт блестящею, твердою эмалью и, по определению академика Штрауха, оказался зубом ископаемой акулы. Зубы эти весьма часто попадаются в меловых и известковых формациях вместе с белемнитами, которые Цацуа употребляет при лечении рожи, и добываются им, вероятно, из известковых гор, окружающих Окум.

73) *Железная свинцовая руда.*

74) *Бурая стеклянная голова* (мунция, мингр.) – разновидность бурого железняка и

75) *Кремнистый глинистый сланец* (лидит или пробирный камень) употребляются при лечении рожи. Бурая стеклянная голова, кроме того, входит в состав микстуры от сифилиса. (Все три минерала определены проф. Иностранцевым).

76) *Железная окалина* – ркинацинда (мингр.) – есть окись железа, отскакивающая от раскаленного железа при ковке. Собирается в кузницах и дается внутрь при малокровии, особенно после сифилиса.

2) Лекарства, приобретаемые в аптеках и лавках

77) *Aloë.* Сабур. Сабри (мингр.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

78) *Alumen crudum.* Квасцы. Шамби (груз.); чвили шамби – жженые квасцы. Входят в состав почти всех порошков, употребляемых для присыпки ран, а также употребляются при лечении цинги, ангины, сифилиса и трипера.

79) *Ammonium chloratum.* Нашатырь. Нишадур (груз.), мишандули (мингр.). Употребляется в микстурах при триппере, в виде вдуваний при ангине, а также дается вместе с цитварным семенем против круглых глистов.

80) *Arsenicum album* употребляется для присыпки ран при мокреце у лошадей.

81) *Arsenikum sulfuralum citrinum* (Auripigment) и

82) *Arsenikum sulfuralum rubrum* (Realgar) употребляются только снаружи при лечении чесотки.

83) *Areca Catechu.* Плод Ост-Индской пальмы того же названия. Орех, величиною в обыкновенный каштан, в виде полушара, снаружи, подобно мускатному ореху, покрыт зубчатыми возвышениями; на плоской стороне в середине находится углубление. Внутри состоит из ароматической, смолистой, бурой массы, экстракт которой, известный в продаже под названием Catechu, состоит из дубильной и катехиновой кислот, камеди, слизи и солей и считается одним из лучших вяжущих средств, особенно при поносах и дизентерии.

В Вест-Индии куски этих семян входят в состав бетеля, употребляемого для жевания вместо табаку.

У местных врачей входит в состав микстуры от рожи.

84) *Bonus Armena.* Цители-цамали (груз. цители – красный, цамали – лекарство). Глинистый силикат, содержащий окись железа. Минерал красного цвета, твердый, с раковистым изломом, очень напоминающий своим видом плохо обожженный кирпич; к влажному языку липнет, в воде распадается и превращается в кашицеобразную массу. Употребляется прежде снаружи и внутрь, как высушивающее, кровоостанавливающее и вяжущее средство (Hager).

У местных жителей в большом употреблении: им присыпают раны, смешивая его с водою или деревянным маслом, смазывают рожистые места и ушибы, а также дают внутрь в микстурах при сифилисе и, в виде спринцевания, при триппере.

85) *Camphora.* Канури (мингр.). Употребляется в микстурах при роже.

86) *Caryophylli.* Гвоздика. Ми(h)аки (груз.). Употребляется как пряность и входит в состав микстуры от сифилиса.

87) *Chinimum sulfuricum* употребляется против лихорадки, но редко покупается в аптеках, а, ради дешевизны, обыкновенно в лавках, где вместо хины дают cinchonmum sulfuricum.

88) *Cortex Cinnamomi.* Корица. Даричини (груз.). Употребляется как пряность, а также входит в состав микстуры от сифилиса.

89) *Cuprus oxydatum nigrum.* Окись меди, медная окалина. Лахустаки (груз., мингр.). Продается в лавках в виде сплавленных, тяжеловесных пластинок черного цвета с металлическим блеском и раковистым изломом, слегка отливающим красноватым цветом. Вместе с чернильными орешками служит для приготовления черной краски, называемой «басма», которая употребляется для окраски тканей, а иногда для окраски волос, особенно бровей у женщин.

90) *Cuprus sulfuricum.* Шабиамани (мингр.). Внутрь дается в микстурах при сифилисе и водобоязни. Снаружи употребляется в

спринцеваниях при триппере, в виде присыпки при лечении ран и в мазях, употребляемых при лечении различных сифилитических изъявлений.

91) *Ferrum cyanatum.* Берлинская лазурь. Лила (груз.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

92) *Folia Sennae.* Синамаки (груз.). Заваривается как чай и дается для вызова послаблений на низ.

93) *Fructus Anisi stellali* употребляется в микстурах против сифилиса.

94) *Fructus Cardamoni* входит в состав микстур от сифилиса.

95) *Fructus Terminuliae Chebulae Retz.* Мумули дшавози (мингр.). Ост-Индское растение из сем. Combretaceae. Плод похож формою на сушеную сливу, темно-бурого цвета, наружный слой режется легко, внутренний трудно. Действует как слабительное (Слюнин).

У местных врачей входит в состав микстуры от сифилиса.

96) *Callae Turcieae.* Чернильные орешки. Гунда (мингр.). Входят в состав микстуры от сифилиса. Снаружи употребляются при цинге и как кровоостанавливающее средство. Служат также для приготовления черной краски, называемой «басма». Басма приготовляется следующим образом: самые лучшие чернильные орешки поджариваются на сковороде с маслом до тех пор, пока не потемнеют и не полопаются. От степени поджаривания зависит цвет краски; чем более они поджарены, тем темнее краска. Поджаренные орешки выбрасываются на бумагу, обсушиваются от масла, превращаются в порошок, смешиваются с небольшим количеством поваренной соли и cuprus oxydatum nigrum, и краска готова.

97) *Gummi-Resina Calbanum.* Калмана, кальбана (мингр.) входит в состав микстур от сифилиса и рожи.

98) *Lig santali rumbum.* Цители сандали (мингр.). От Ост-Индского дерева Pterocarpus santalinus, сем. Papilionaceae. Употреблялось прежде в медицине, как легкое вяжущее средство, при кровавом поносе, поносе и рвоте и для окраски мазей (Hager).

У местных врачей входит в состав микстур от рожи и сифилиса.

99) *Ling antali Salbum.* Тетри сандали. От Ост-Индского растения Santalum album, сем. Santalaceae. Употреблялось прежде в медицине, как возбуждающее и потогонное средство (Hager).

100) *Ling. Diospurus Ebenum.* Черное дерево, употребляемое для столярных и токарных работ.

У местных врачей входит в состав микстуры от рожи.

101) *Lithargyrum.* Plumbum oxidalum. Окись свинца. Мурдасаки (мингр.). Дается внутрь в микстурах при сифилисе и роже, снаружи употребляется в мазях при роже.

102) *Magnesia sulfurika* употребляется как слабительное.

103) *Natrum nitrikum.* Селитра. Гварджила (мингр.). Дается в микстурах при трипере и сифилисе.

104) *Natrum sulfurikum* употребляется как слабительное.

105) *Nuces moschatae.* Мускатный орех. Дадули джавази (мингр.). Употребляется в микстурах при сифилисе, роже и цинге.

106) *Ol. Ricini* употребляется, как слабительное.

107) *Olibanum.* Ладон. Тетри сакмевели (груз.). Входит в состав пластыря для лечения ран и лекарства от цинги.

108) *Ossa Sepiae.* Згюислети (мингр.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

109) *Piper nigrum.* Черный перец. Входит в состав лекарства от малокровия и ангины.

110) *Piper longum.* Дарис пирпили (мингр.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

111) *Piper Cubeba.* Тоже.

112) *Radix Rhei.* Реванди (мингр.). Тоже.

113) *Rhiz. Zingiberus.* Тетри котчи (мингр.). Тоже.

114) *Rhiz. Curcumae.* Квители котчи (мингр.). Входит в состав почти всех мазей, употребляемых для лечения ран, а также дается внутрь в микстурах при сифилисе.

115) *Rhiz. Acori Calami* дается внутрь в микстуре при роже.

116) *Resina Dammarae.* Данамастаки (мингр.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

117) *Santoninum.* Употребляется как противоглистное средство. Доза для взрослого – на кончике ножа.

118) *Semen Amygdali dulcis* входит в состав микстуры от триппера.

119) *Semina Cinae.* Хоросани (груз.). Вместе с нашатырем дается как противоглистное средство.

120) *Succus Liguiritiae in baccul.* Татлиби (груз.). Дают внутрь от кашля и в микстурах при сифилисе.

121) *Sulfur crudum.* Цунцуба (груз.), гогильди цурцуна (мингр.). Употребляется внутрь при сифилисе, для подкуриваний при душевных болезнях и в мазях при лечении чесотки.

122) *Tubipora musika*. Полип из сем. Alcyonaria, часто употребляемый в аптеках вместо дорогого Corallium rubrum для составления зубных порошков.

У местных врачей входит в состав микстуры от рожи.

123) *Тандурхартая или Шандаль* (мингр.). Небольшие конусы, похожие формою на курительные свечки, плотной консистенции, грязно-зеленого цвета; при качественном анализе оказались состоящими из железа, окиси алюминия, песку и берлинской лазури.

124) Такие же конусы, сверху окрашенные в красный цвет, внутри желтовато-бурого цвета; при качественном анализе оказались состоящими из железа, окиси алюминия и окиси свинца.

Оба вида тандурхартая, зеленый и бурый, входят в состав микстуры от сифилиса, а также употребляются для присыпки сифилитических язв. Бурый тандурхартая входит в состав микстуры от рожи.

125) *Красный сургуч*. Лаки (груз.). Входит в состав микстуры от сифилиса.

126) *Cypraca Asellus L.* Небольшая раковинка из сем. Cypraeae; превращенная в мелкий порошок употребляется для вдувания в уши при лечении аденита.

В заключение этого краткого описания важнейших лекарств, употребляемых местными врачами, считаю необходимым сказать несколько слов о приготовлении сложных лекарств. Все вообще местные лекарственные растения, за исключением тех, которые служат для присыпки ран, употребляются в дело всегда в свежем состоянии и в большинстве случаев целиком, т.е. с корнем, листьями и цветами. Чтобы вода, вино или спирт при настаивании извлекали составные части растения, для этого оно перед настаиванием раздробляется. За неимением в Абхазии ступок, вовсе неизвестных местным жителям, чтобы раздробить растение, оно завертывается в тряпочку, по которой ударяют камнем. Настойки перед употреблением процеживаются через бязь. Вещества твердые, как-то: сухие корни, дерево и камни или скоблятся ножом, или превращаются в порошок трением о камень или черепок цветочного горшка. Доза для сильно действующих лекарств щепотка или на кончике ножа, менее сильно действующие лекарства употребляются на глазомер или поштучно: одну, две штуки на бутылку вина, горсть или смотря по обстоятельствам.

Покончив с лекарствами, перейдем к лечению

ГЛАВА II
Болезни и способы их лечения
Хирургические и наружные болезни

Приступая к изложению учения о болезнях и их излечении, я должен заметить, что об анатомии человека местные врачи составляют себе понятие, только потроша зарезанных ими баранов и коров, а потому сведения их в этом отношении в высшей степени скудны. О сосудах они ровно никакого понятия не имеют; даже лучший из восточных врачей, славившийся по всему черноморскому побережью, Турманидзе, как мне пришлось убедиться лично, не знал различия между артериальным и венозным кровотечением и лечил раны по тому же способу, как будет описано ниже.

Остановка кровотечений. Кровотечения Цацуа останавливает следующим образом: хорошо промытая рана выполняется порошком, состоящим из 2 частей сушеных чернильных орешков и 1 части сосновой смолы, сверху накладывается чистая греческая губка, и все вместе туго забинтовывается; повязка снимается на третий день.

Чхапелия и Кеут засыпают рану порошком свежей человеческой крови, которая обыкновенно собирается у самого раненого, тут же высушивается на сковороде и превращается в порошок. Далее поступают таким же образом, как и Цацуа. Если, по снятии повязки на 3 день, кровотечение снова возобновляется, то полость раны выполняется разодранными на мелкие кусочки сухожилиями из ног дикой козы.

После этого кровотечение редко появляется, и рана быстро заживает.

Лечение ран. Для исследования огнестрельных ран и извлечения из них пуль и костных осколков у Цацуа и Чхапелия имеются обыкновенные, небольшие лекарские наборы. Кеут для этой цели пользуется зондом, длиною в 18 сант., один конец которого оканчивается шариком, а другой двумя небольшими крючечками и щипцами с перекрещивающимися ветвями, захватывающие концы которых слегка загнуты и заострены, а из концов рукоятки один загнут слегка внутрь, в другой кнаружи, в виде крючка, для того, чтобы дать сильнейший упор захватывающей руке. Сначала рана исследуется пуговчатым концом зонда, и если в ней открывается присутствие пули или костных осколков, то зонд поворачивается крючковатым концом, и этими крючечками стараются захватить и извлечь посторонний предмет; если это не удается, то пробуют удалить посторон-

нее тело щипцами; ежели же это тело засело так крепко, что его удалить нельзя, то оно оставляется на месте, и ждут, пока оно выйдет вместе с гноем.

Пулевые каналы редко расширяются кровавым путем, для чего Цацуа и Чхапелия употребляют обыкновенный перочинный нож. Кеут вместо кровавого расширения употребляет постепенное расширение раны турундами, смазанными следующей мазью:

Rp. Прованского масла,
Орехового масла,
Масла из семян лычи,
Курдючного сала,
Коровьего сала,
Вареного вкрутую желтка, поровну.

Всем врачам известно, что пуля может зарасти в ране, а потом опуститься вниз по оси члена и поместиться подкожно, причем доступ к ней делается легким, и она удобно может быть извлечена, что часто производят Цацуа и Чхапелия. Раны сердца считаются, безусловно, смертельными, раны брюшной полости почти безнадежными, а проникающие раны груди очень тяжелыми.

Для этих случаев, а также для ран глаз и лица, Цацуа употребляет мазь, состоящую из равных частей деревянного масла, желтого воску и белого турецкого мыла, прикладываемую к ране на корнии. Для перевязки обыкновенных ран, сложных переломов и ушибов, Цацуа употребляет мазь, состоящую из равных частей деревянного масла и коровьего сала и небольшого количества порошка куркумы. Мазь эта приготовляется ex tempore, причем все составные ее части перемешиваются на листе бумаги и сплавляются на свечке. Когда рана совершенно очистилась, то она на ночь присыпается порошком Geum urbanum с добавлением небольшого количества квасцов, а сверху этой присыпки прикладывается коровье сало. Если на ране появится дикое мясо, черви, или отделение сделается жидким и ихорозным, то она посыпается мелким порошком корня Colchicum autumnale. Порошок этот, по мнению Цацуа, очень едок и ядовит, а потому с употреблением его нужно быть очень осторожным. Как только рана очистилась, то приступают к прежней перевязке. Узкие фистулезные ходы Цацуа расширяет турундами, смазанными мазью или посыпанными порошком Colchicum autumnale.

Чхапелия лечит раны следующим образом: свеже промытая рана днем перевязывается спуском, состоящим из бараньеего сала и воска, а на ночь посыпается мелким порошком корневища Tamus com-

munis. Присыпка эта очень едка, а потому ее нужно употреблять недолго и присыпать рану понемногу, иначе вокруг нее развивается экзема и даже воспаление; когда же рана совершенно очистилась, то она на ночь присыпается порошком листьев ежевики.

При обыкновенных ранениях Кеут довольствуется простою присыпкою ран порошком, состоящим из сушеных листьев Primula acaulis, Leontodon Taraxacum, Potentilla reptans и Plantago lanceolata с добавлением небольшого количества квасцов. При появлении на ране дикого мяса, количество квасцов в присыпке увеличивают или перевязывают рану мазью, состоящею из свиного сала или cuprum sulfurieum. Когда из раны торчат осколки кости, развивается сильно дикое мясо, или отделение делается жидким и ихорозным, то рана присыпается порошком особенного корня до тех пор, пока не очистится. Растение, от которого происходит этот корень, мне, к сожалению, не удалось определить, да и сама Кеут никогда его не видала, а покупает корень у пастухов, пасущих свои стада на горах.

Кроме вышеописанных способов лечения ран, у абхазцев, как племени родственного со многими горцами, практикуется общий всем горским племенам Кавказа способ лечения ран, состоящий в том, что свежая рана тотчас же покрывается теплою кожею убитого барана, внутреннею поверхностью к ране, и наглухо зашивается. Такая повязка держится на ране до 5 дней, а потом снимается. Небольшие раны заживают при такой повязке первым натяжением, большие быстро очищаются и тогда легко заживают под обыкновенной перевязкой из бараньего сала. (Такой же способ лечения описан у Рейнгардта, 1. с. стр. 310).

Часто раны покрываются просто свежими, цельными или толчеными листьями ореха, девясила, подорожника, черемши и других растений, иногда предварительно смоченными уксусом.

Нина Арнания при лечении ран употребляет пластырь, состоящий из равных частей ладону и воску, который прикладывается к ране на тряпочке.

Когда раненый, вследствие значительной потери крови, обильного нагноения или присоединения к ране рожи, сильно ослабел, то Цацуа дает ему следующую микстуру:

Rp. Коровий рог,
Tubipora musika,
Ling. Santali album,
Lig. Santali rubrum,
Lig. Diospyrus Ebenum,

Rhiz. Cureumae,
Rhiz. Calami aromatici,
Nuc moschatae,
Areca Catechu,
Белемнит,
Lythargyrum,
Тандурхартая бурая,
Camphora,
Cummi-resina Galbanum.

Все эти вещества натираются на черепке от цветочного горшка с вином до тех пор, пока вино не потеряет свой вкус. Микстура эта дается больному утром и вечером по винному стакану. Это же лекарство дается маленькими глотками при сильной катаральной ангине, при гиперемии conjunetivae при легком катаре глаз – утром и вечером по винному стакану, и, кроме того, два раза в сутки промываются больные глаза этою же микстурою.

При роже у раненого Чхапелия дает ему настойку из одного, превращенного в порошок, клубня Aristolochiae rotundae на 4 бутылки воды. Настойка дается больному небольшими глотками, предварительно подогретая и взболтанная. Пораженные же рожею места присыпаются порошком клубня Aristolochiae rotundae.

Простые и осложненные переломы Цацуа лечит следующим образом. Если на месте перелома есть опухоль, то сначала на это место прикладывается припарка до исчезновения опухоли, потом перелом вправляется, вся конечность густо смазывается мазью, состоящею из равных частей деревянного мала и коровьего сала и небольшого количества порошка куркумы, забинтовывается сверху донизу бинтом, смазанным тестом из пшеничной муки, а потом бязевым бинтом, намоченным в раскаленном воске. Сверху бинтов повязка укрепляется четырьмя деревянными лубками. Ежели перелом был осложненный, то в наложенной повязке делается отверстие на месте раны, которая лечится по обыкновенным правилам.

Чхапелия при переломах не употребляет бинтование, а после вправления покрывает место перелома толстым компрессом, смазанным тестом, а сверху него лубки. В первое время конечность сильно опухает, но опухоль опадает к 15 дню, и повязку нужно наложить новую.

Когда перелом совершенно сросся, то приготовляют крепкий отвар из листьев Ulmus campestris и этим отваром всякий день обмывают конечность. При осложненных переломах такая же повязка, но

на месте раны делается окошко. Кеут вправляет перелом, смазывает конечность густым пшеничным тестом и сверх этого бинтует бязевым бинтом, смоченным в растопленном воске. Сверху бинтов накладываются лубки.

Чаще всего мне случалось видеть при переломах простое бинтование без всяких смазываний; сверх бинтов обыкновенно наложены лубки, но так как подстилка из бинтов бывает очень тонка, а лубки стянуты сильно, то часто случается, что концы их глубоко заедаются в ткани и производят на этих местах пролежни.

Вообще же переломы бывают вправлены хорошо, и после заживления редко остаются обезображивания члена, в виде искривлений или объемистых костных мозолей.

Диеты раненым особенной не назначают, советуют обыкновенно пищу полегче, напр. суп из курицы, но зато совершенно воспрещается мед, который, по мнению местных врачей, вообще очень вреден при всех болезнях. Вино иногда дается понемногу, водка никогда, да и сами абхазцы пьют ее очень редко.

Кровопускания производятся в Абхазии и Самурзакани очень часто. Цацуа и Чхапелия для этой цели пользуются обыкновенным ланцетом, Кеут и большинство остальных врачей употребляют особенный инструмент, напоминающий своею формою лезвие шпинера и состоящий из узкой, железной пластинки, заканчивающейся режущим острием в виде топорика, загнутым к пластинке под прямым углом. Инструмент берется левою рукою, острие приставляется к сосуду, и правой рукой производится щелчок по пластинке около изгиба, от чего сосуд обыкновенно прорубается поперечно, вследствие чего бывают очень упорные кровотечения, особенно при кровопусканиях из ramus anter. art. temporalis – самое любимое место у местных врачей.

Чхапелия производит кровопускания редко, большею частью при ушибах и у привычных к кровопусканиям людей, ланцетом из v. mediana basilica.

Кеут и Цацуа производят их очень часто: при хриплости голоса и боли в горле – под языком из v. anina двумя уколами ланцета; при общей слабости и сильной головной боли – из вен на середине лба, если при этом боль распространяется и на глаза, то кровопускание делается или на одном, или на обоих висках из ramus anter. art. temporalis (чаще всего); при ушибах и ревматических болях в руках – из v. mediana basilica, а при таких же состояниях в ногах – позади наружной лодыжки из v. saphena post. s. minor.

Кровотечение после кровопускания останавливается прижатием, и никакой особенной повязки не накладывается.

Пиявки употребляются весьма часто и обыкновенно приставляются к больному месту; чтобы усилить кровотечение после пиявок, к этому месту прикладываются горячие компрессы.

Банки чаще всего употребляются при болях головы (на затылке), кашле, колотье в груди и завалах селезенки. Насечки делаются обыкновенным, остроконечным ножом, кончик которого приставляется к коже, а по обуху ударяют палочкой, или же банки приставляются после пиявок. Вместо банок употребляются обыкновенные стаканы, но чаще всего небольшие, высушенные фигурные тыквы.

Фонтанель употребляется чаще всего при парезах, параличах, ревматических страданиях и завалах селезенки. Открывается она следующим образом: на наружной стороне предплечья или на наружной стороне голени, пальца на три ниже коленного сустава, а иногда и на внутренней поверхности голени – последний способ употребляется теми, которым часто проходится ездить верхом, чтобы при встрече с другим всадником, особенно во время скачек, не повредить раны – прикладывается мушка, величиною в 5 к. сер., или просто производится ожог пламенем свечи. Образующийся пузырь прорезывается, в ранку вкладывается горошина из воску, а сверху тряпочка с маслом.

Перевязка производится два раза в сутки, причем горошина всякий раз обмывается водою. Носится фонтанель неопределенное время, т.е., до исчезновения болезненных симптомов, против которых она употреблялась. Открывание фонтанелей особенно распространено между греками и турками.

Оспопрививание. Большинство самурзаканцев имеет прививную оспу, которую они прививают себе в Зугдидах и Поти, абхазцы же сильно боятся прививки и только в прошлом году начали себе прививать оспу и то немногие, вследствие моих усиленных настояний и в виду появления натуральной оспы в Самурзакани, а потому врачи их не имеют никакого понятия об оспопрививании.

□ обучил оспопрививанию Цацуа и Чхапелия, которым они теперь с успехом и занимаются.

Оспопрививателя, мингрельца Дженагония, я видел в Самурзакани, и так как способ его прививки и особенно сохранения лимфы несколько отличается от общепринятого, то нахожу необходимым сказать несколько слов по этому поводу. Лимфу он хранит на костяных копьевидных палочках, напоминающих своею формою нако-

нечник стрелы, длиною в дюйм, конец которых покрыт засохшею лимфою. Сделав копьеобразным ланцетом несколько параллельных царапин на предплечий, оспопрививатель плюет себе на ладонь, размачивает в этой слюне кончик палочки, покрытый лимфой, и затем впирает ее в сделанные царапины. Оспины обычно получаются громадными вследствие того, что царапины делаются длинные и близко одна от другой.

Вскрытие нарывов и гнойных затеков никогда искусственно не производится, но только стараются ускорить нагноение и добиться скорейшего естественного вскрытия различными припарками.

Цацуа мне говорил, что он несколько раз производил вылущение небольших подвижных опухолей, вероятно, атером, но это мне кажется сомнительным, так как вообще все местные врачи прибегают к ножу разве только в самом крайнем случае.

Сибирская язва и карбункул смешиваются в одно понятие и называются общим именем чхоуши чири (мингр., дословно – коровья болезнь). Когда у больного при этом существует сильный жар и лихорадка, то ему дают по 4 рюмки в день настойки, состоящей из 2-х свежих корней Pulmonaria officinalis, настоенных бутылкою холодной воды, на опухоль же прикладывается мазь, состоящая из этого-же растения, истолченного вместе с листьями и поджаренного с свиным салом, такая горячая, как только может вынести больной, и меняется, как можно чаще. После приложения мази боль обыкновенно скоро утихает, опухоль переходит в нагноение, вскрывается и быстро заживает, причем до конца заживления употребляется эта же мазь (Цацуа).

Ногтоеда. Сацерели (мингр., абх). При лечении этой болезни употребляется мазь, состоящая из свежего растения Sanicula europaea, истолченного вместе с корнем и листьями, свиного сала и небольшого количества квасцов, которая накладывается на больное место настолько горячей, насколько может вынести больной. Если нагноения еще нет, то ногтоеда при этом лечении в большинстве случаев разрешается, если же нагноение уже существует, процесс распространился на ладонь, образовались затеки, омертвения сухожилий или фаланг, то одной предыдущей мази недостаточно, а нужно делать для конечности паровые ванны из этого же растения, для чего берется котелок, наполняется свежею Sanicula europaea и водою и кипятится. Как только вода начинает сильно кипеть, над котелком помещается больная конечность и сверху прикрывается буркой. Такие паровые ванны нужно делать по нескольку раз в день,

когда же ванна не делается, то конечность перевязывается или прежнею мазью, или обкладывается, в виде припарки, горячею вареною Sanicula europaea (Цацуа).

Часто при ногтоеде употребляется следующее лекарство: луб, соскобленный с тонких ветвей пирамидального тополя, варится вместе с мелким порошком брусковой серы и чернилами (чернила безразлично берутся всякие); полученная, таким образом, густая масса на тряпочке прикладывается к больному пальцу, а сверху накладывается еще припарка из льняного семени (Чачава).

Когда в руку или ногу попадет заноза, которую извлечь нельзя, и появится опухоль, то, чтобы ускорить нагноение, Арнания к больному месту прикладывает горячую мазь, состоящую из нескольких истолченных луковиц луку-порею, черемши и свиного сала.

Костоеда. Мчамели (груз.), чхумури (мингр.). Лечится мазью, состоящею из свежей истолченной Primula acaulis, квасцов и свиного сала, которая накладывается на рану горячею. Под влиянием этой мази грибовидные грануляции исчезают, кусочки кости быстро отделяются, и происходит заживление (Цацуа).

Кеут при лечении костоеды употребляет пилюли, состоящие из различных трав и черного хлеба, которые бросаются на огонь, и над дымом их держится больное место. Иногда также присыпают ранки порошком из сушеных листьев Betonika officenalis.

Ожог. При этом рана присыпается или порошком сушеных листьев Primula acaulis, или перевязывается свежими листьями этогоже растения, смоченного в уксусе (Цацуа).

Рожа. Сакмарцуло (самур.). Цителисакмацвило (груз.). Лечится мазью, состоящею из Lithargyrum и свиного сала или деревянного масла, иногда с добавлением уксуса (Чачава).

Чхапелия при роже дает настойку, состоящую из 2-х корней Primula acaulis, 2-х корней Sanicula europaea и стакана холодной воды, которая настаивается в продолжении 20 минут и дается выпить взрослому больному в три приема в продолжении суток, а ребенку в продолжении двух суток.

Кеут употребляет такую же настойку из одной Sanicula europaea, но чаще приготовляет следующую микстуру: на плоском куске лидита, в котором уже от долгого употребления образовалось небольшое углубление, натираются вместе с водою: желтая свинцовая руда, бурая стеклянная голова, круглый, в виде хорошо отшлифованнаго шарика, кусок лидита и какое-то корневище, определить кото-

рое мне не удалось; полученная окрашенная жидкость разводится водою и дается больному 3-5 раз в сутки по ½ стакана.

Чаще всего в общежитии рожистые места смазываются Bolus Armena, растертою с водою или маслом в виде полужидкой мази.

Грыжа. Тиакари (мингр.). При этой болезни Кеут дает внутрь скорлупу крабба, натертую с водою и стручковым перцем.

Цинга. Сураванди (самур.). При лечении цинги Цацуа употребляет полоскание, состоящее из нескольких штук Betonika officinalis, настоянных в стакане спирта, которым полощут рот раз 6 в сутки.

Чхапелия заставляет своих больных жевать листья Ligustrum vulgare, или из этих же листьев приготовляет настойку, которою больные полощут себе рот несколько раз в сутки.

Арнания при цинге употребляет следующее лечение:

Rp. Обыкновенной ромашки,
Ольховых листьев,
Листьев сельдерея, поровну, около $O^{ёi}$,
Квасцов ёii

Все растения, свежие, толкутся вместе с квасцами, и полученною зеленою массою натираются десна на ночь.

Или: Rp. Чернильных орехов 5 штук,
Мускатных орехов 2 штуки,
Ладону,
Жженых квасцов по ёii

Все вместе превращается в порошок, которым смазываются десна на ночь.

Выпадение прямой кишки у детей Цацуа лечит настойкою, состоящею из 6 корней Potentilla reptans на бутылку воды. Настойка дается утром и вечером по рюмке.

Ангина. Орпина (минг., дословно – два языка). При сильной ангине, с воспалением миндалевидных желез и отечною опухолью язычка, Кеут употребляет следующее лечение: мелко истолченный корень Chenopodium Bonus Henricus варится с вином, и этот отвар дается больному утром и вечером по стакану, или же ему, посредством обрезанного гусиного пера, вдувается в горло порошок, состоящий из Betonika officinalis и квасцов.

Арнания в этом случае вдувает в горло, посредством бумажной трубки, 3-4 раза в сутки, порошок, состоящий из равных частей нашатыря и черного перцу.

Зубная боль. При этом Арнания дает следующее полоскание:

Rp. Гвоздики,

Квасцов по горсти,
Уксусу 1 бутылку,
Небольшой кусок восковой свечи.

Все это варится вместе до остатка в ½ бутылки и потом процеживается.

Чесотка. Хварца (мингр.), апхтра (абх.). Цацуа чесотку лечит следующим образом: тонко наскобленный корень Inula Helenium варится с вином, и этот отвар дается больному утром и вечером по ½ стакана. Оставшийся от варения декокта корень растирается с серой и горячим бычачьим салом, и этою мазью натирается больной, посаженный в теплой комнате против огня. Если это лечение не помогает, то берется аурипигмента и реальгара по кусочку в ½ кукурузного зерна, превращается в порошок и варится со стаканом уксуса; когда отвар отстоится, то руку мочат в верхнем, светлом слое жидкости, и все тело больного растирается ею в продолжении ½ часа, пока кожу больного не начнет сильно жечь; тогда помещают его в горячую ванну на ½ часа и вслед за ванной укладывают в кровать, хорошенько укутывают и заставляют потеть несколько часов. Такое смазывание достаточно произвести один раз.

Кеут при лечении чесотки употребляет мазь, состоящую из толченой серы, квасцов и коровьего сала, которою больной натирается летом на солнце, а зимой перед огнем.

Парши очень распространены между местными жителями и никогда не лечатся. Вначале иногда, чтобы остановить развитие болезни, делаются кровопускания.

Глазные болезни. При сильном конъюнктивите с нагноением, трахоме и даже при выворотe век, Цацуа смазывает conjunct. кусочком топленых квасцов, который он получил от какого-то перса, и затем промывает глаз холодною водою. Никаких глазных операций местные врачи не делают.

Ушные болезни. При скоплении серы в слуховом проходе, притуплении слуха, шуме и болях в ушах, вследствие страдания евстахиевой трубы или среднего уха, для улучшения слуха больного, употребляется следующее оригинальное лечение: трубка, свернутая из бумаги, плотно вставляется в слуховой проход, и выстоящий ее конец зажигается. Вследствие горения, воздух в слуховом проходе и трубке разряжается, и, таким образом, горящая трубка действует как насос и, действительно, может вытянуть из уха серу, но в то же время и разорвать барабанную перепонку, особенно ежели она патологически размягчена. Я видел мальчика 10 лет, которому вследствие

катарра среднего уха, была произведена вышеописанная операция, но трубка была потушена поздно, вследствие чего мальчик получил обширную ожогу всей ушной раковины и наружного слухового прохода, кажется, что его лечил Арнания.

При хронической течи из ушей употребляется спринцевание из отвара Cyclamen europaeum.

Ломота. Кареби или кари (мингр., абх.; дословно – кари значит ветер, а кареби – ветры, следовательно нужно предполагать, что всякую ломоту считают происходящею от ветра, т.е. простуды). Под понятием кари местные врачи смешивают массу различных болезней, при которых главным симптомом является ломота или боль в конечностях. При лечении кари Цацуа дает декокт, состоящий из горсти Serophularia nodosa и бутылки вина или водки, утром и вечером по винному стакану.

Чхапелия дает тоже декокт, состоящий Eupatorium cannabinum и бутылки вина, утром и вечером по винному стакану, или делает больному горячие ванны из отвара Helleborus lividus.

Кеут растирает больные места отваром из листьев Ulmus campestris или пускает под одеяло лежащего в кровати больного пары из горшка, в котором парятся листья Laurus nobilis.

Кускари (ку – черепаха, кари – ветер) понятие тоже в высшей степени неопределенное, под которым смешивается масса различнейших заболеваний, исходом которых бывают нарывы, напоминающие своею формою черепаху.

По понятию местных врачей, при кускари можно различить три периода: первый период выражается неопределенными, летучими болями в различных частях тела, часто меняющими свое место. Иногда болезнь начинается потрясающим ознобом, но большею частью лихорадка бывает умеренная, или же совершенно отсутствует. Во втором периоде образуется твердая, горячая, болезненная опухоль, месторасположение которой бывает различно, иногда она образуется в грудях (у женщин), иногда на спине, в паху или на руках и ногах; в третьем периоде опухоль или разрешается или переходит в нагноение. Целесообразным лечением болезнь может быть остановлена во всяком периоде.

Цацуа при этой болезни дает спиртную настойку или винный декокт следующего состава:

Rp. Unula Helenium,
Tussilago Farfara,
Ruscus aculeatus,

Cochlearia officinalis по горсти,

Спирту 1 штоф.

Утром и вечером по винному стакану.

Если же затвердение уже образовалось и не разрешается, то на опухоль прикладывается припарка, состоящая из свежей, толченой Cochlearia officinalis.

Чхапелия в начале болезни дает настойку, состоящую из 10 корней Sanigula europaea, 1 корня Verbascum Thapsus и бутылки крепкого вина, утром и вечером по винному стакану. Если же начинает образовываться нарыв, то берется один корень Heracleum pubescens, толчется, варится с вином и горячий прикладывается на опухоль, в виде припарки. Когда нарыв созреет и вскроется, то он ничем не перевязывается, а только промывается чистой водой. Остающееся после заживления нарыва затвердение для скорейшего разрешения смазывается смесью, состоящею из порошка корня Aristolochiae rotundae и воды.

Кеут в начале болезни дает декокт следующего состава:

Rp. Rad. Phytolaccae decandrae,

Rad. Hellebori lividi ana ëii

Vini rubri ëii

По ½ стакана утром.

Когда начинается образовываться нарыв, то берут болотную черепаху, толкут ее в массу, в которую добавляют один желток яйца той же черепахи, и эту массу накладывают на опухоль, в виде припарки. Это самый распространенный способ лечения; может быть, от этого происходит и название болезни. Когда нарыв прорвется, то его промывают и припарку из черепахи заменяют горячей припаркой из Viola epipsila, вареной в молоке. Аналогичный этому способ лечения находим у Рейнгардта (1.с.стр. 310). Он говорит, что при карбункуле, «когда веред лопнул, кладут на оный разрезанную пополам и сахаром посыпанную лягушку, дабы (как они утверждают) карбункулу воспрепятствовать глубоко распространять корни свои. По снятии сего, они перевязывают язву мазью из листьев мальвы, огородного проскурняка, тыквы и яичного белка».

Геморрой. Буасилискареби (мингр.). При этом Цацуа дает следующую настойку:

Rp. Ruscus aculeatus,

Lathraea Squamaria,

Eupatorium cannabinum,

Inula Helenium,

Betonia officinalis,
Schophularia nodosa,
Tussilago Farfara,
Cochlearia officinalis,
Clematis или Periploca graeca,
Verbascum Thapsus.

Всех трав вместе берется около фунта, настаивается штофом спирта и дается больному утром и вечером по винному стакану.

Катутджуари. Этим именем Цацуа называет распространенное заболевание лимфатических узлов, при чем железы эти опухают и частью разрешаются, частью же переходят в нагноение. При этом больному дается декокт, состоящий из нескольких штук Lathraea Squamaria и одной бутылки вина, утром и вечером по рюмке или же ему через камышинку, по вторникам, четвергам и субботам вдувается в оба уха мелкий порошок из раковинки Cyrraea Asellus. Такими вдуваниями желают добиться общего лечения. Если железы нагнаиваются, то их ничем не перевязывают, а только промывают чистою водою.

Кари барбация. Крапивная лихорадка, которая, по мнению местных врачей, если ее запустить, может перейти в кускари или даже буасилискареби; лечится отваром, состоящим из Eupatorium cannabinum и Schophularia nodosa (всего около фунта на штоф вина). Отвар дается больному утром и вечером по винному стакану.

Барбация. Этим именем туземцы окрещивают безразлично все сыпи, за исключением кари-барбаци и чесотки. Чаще всего под этим названием мне случалось видеть различные сифилитические высыпи, а иногда экзему. При лечении барбация Цацуа употребляет настойку из одного цельного растения Eupatorium cannabinum на бутылку вина, утром и вечером по винному стакану. Кеут употребляет винный декокт из Potentilla reptans, Verbascum Thapsus и Physalis Alkekengi, утром и вечером по рюмке.

Акушерство и женские болезни

При задержании последа в матке Цацуа дает настойку из 2-3 мелко истолченных корней, кажется, Melissa officinalis, размешанных в стакане воды. Ежели послед задержан не более суток, то достаточно одного стакана, если же послед пробыл в матке двое или трое суток, то нужно дать 2-3 и Artemisiac Absinthium более стаканов. Это же средство дается и роженицам для усиления потуг.

Кеут, при существующих уже схватках, для усиления потуг дает винный отвар из горсти Artemisiae Absinthium на два стакана вина, по ¼ стакана через ½ часа. Оба вышеупомянутые средства выкидыша не производят.

Для производства выкидыша Кеут употребляет винный отвар Eupatorium cannabinum (4 цельных растения на бутылку), или Pulnomaria officinalis (4 корня на бутылку), или Ruscus aculeatus (4 корня на бутылку), утром и вечером по стакану. Если эти отвары давать девушкам, то зачатие не происходит.

При задержании месячных дается отвар из листьев Hedera Helix, в виде чая.

Никаких акушерских или гинекологических операций местные врачи не производят.

Внутренние болезни

Pneumonia crouposa. Гвацухи (самур.). Болезнь весьма частая, а потому и хорошо известная местным врачам, но они предполагают, что это есть болезнь печени, из которой и происходит кровь, выхаркиваемая с мокротою. Цацуа дает больным крупозной пневмонией порошок из грубо измельченных зерен Datura Stramonium, взрослому по щепотке, детям на кончике ножа, через два дня на третий. После приема лекарства у больного сильно начинает сохнуть во рту, а потому ему нужно чаще давать воду маленькими глотками, боль в боку делается меньше и мокрота отделяется легче. Как при всех вообще болезнях, так в особенности при pneumonia crouposa, нужно избегать употребления меду, который очень вреден.

Хронический кашель. – Хуале (самур.) – с общим упадком сил и бледностью лица, лечится отваром из горсти Sanicula europaea, вместе с корнями, на штоф вина. Отвар дается больному утром и вечером по рюмке, или больным дают настой из Viscum album, в виде чая. Иногда Viscum album употребляется не в виде чая, но высушенные листья этого растения, смешанные с квасцами, курятся в трубке.

Болезни живота. При болях и рези в животе Цацуа дает больному полдрахмы порошка корня Aristolochiae rotundae с водою или ставит на живот сухие банки.

Когда у больного после лобии, гоми или капусты бывают боли под ложечкой и вздутие живота, то ему дается отвар из горсти Marrubium spinosum и полунца льняного семени на кувшин вина, в продолжении 15 дней утром и вечером по стакану.

Кеут при болях живота без поноса и запора дает больному настойку из Schophularia nodosa Chenopodium Bonus Henricus, Potentilla reptans и Digitalis ferruginosa (около 8bi трав на штоф воды), утром и вечером по рюмке. При простых же поносах, без крови, дает кашицу из жженой кукурузы и меда.

Перемежающаяся лихорадка. При лихорадке, прежде всего, дают больному слабительное из ol. Ricini, Natrum sulfuricum или Magnesia sulfurica, а потом хину, которую покупают золотниками в лавках, но когда нет хинина, то Цацуа употребляет следующее средство: горячее, облупленное яйцо, сваренное всмятку, кладется в стакан спирту, который завязывается кожею. На другой день утром больной должен съесть все это яйцо.

Чхапелия при лихорадке дает водную настойку Chironiae Centauri (горсть травы на штоф воды) утром и вечером по рюмке, или рюмку перед пароксизмом.

Завалы селезенки лечатся мушками, банками, пиявками и фонтанелью. Лечение это, очевидно, заимствовано от европейских врачей, так как Рейнгардт (1.с.стр. 116) употреблял тоже лечение.

Головные боли, особенно односторонние, лечатся кровопусканием из одного или обоих висков, или из середины лба, или ко лбу с больной стороны прикладывается наперсток, наполненный свежее истолченным Ranunculus acris и держится до тех пор, пока не образуется пузырь.

Другие берут большой, свежий клубень Cyclamen. europaei, вырезывают его в виде чашечки и ставят на огонь. Когда клубень согреется, то на дне чашечки скопляется немного соку, который втягивается в ноздрю с больной стороны.

Кеут в этих случаях дает втягивать в ноздрю с больной стороны свеже выжатый сок из чесноку и плюща.

Собачье бешенство. Алаапкра (абх. ала – собаки; апкра – бешенство), аляджогорю (мингр. аля – бешенство, джогори – собака). Для лечения его, Кеут берет на бутылку воды унца два корня Phyxolaccae decandrae, столько же корня Sambuci Ebuli, немного cupri sulfurici и мелко истолченного стекла от стакана и дает больному утром и вечером по стакану этой смеси. Лечение только тогда действительно, когда начато не позже 16 дней после укушения.

Цацуа употребляет подобную же настойку из Phyxolaccae decandrae и корня дыни, но без добавления cupri sulfur. и стекла.

Лечение от сглазу. Когда человека сглазили, что выражается общим недомоганием, слабостью, бледностью и потерею аппетита, то

Кеут употребляет следующее лечение: несколько корней Euphorbiae palustris толкутся и варятся с 7 бутылками воды. Полученным отваром умывают лицо и руки раз 6 в сутки и, кроме того, принимают его внутрь по рюмке, утром и вечером. Ежели больного от этого отвара тошнит, рвет или с ним делается обморок, то, как противоядие, дается молоко и доза лекарства уменьшается.

Душевные болезни

Специалистов, занимающихся лечением этих болезней очень немного; мне попался один из них Реджеб Тамоч-Ипа, имевший свидетельство, одного из Окружных Начальников бывшего Сухумского Отдела, на право свободной практики и пожелавший, чтобы я, с своей стороны, подтвердил за ним это право. Лечению душевных болезней он обучался в Турции. По его понятию все душевные болезни можно разделить на две формы: тихую и буйную. При тихой форме страдает мозг, а потому она неизлечима, при буйной – мозг здоров и потому она излечима.

Лечение начинается следующим образом: больному на шею вешается записочка, на которой, по-турецки, написан заговор, а затем он отчитывается, тоже по-турецки. Это, по словам самого лекаря, совершенно бесполезно для больного, но делается для виду, чтобы возбудить в окружающих более доверия к лечению. В тот же день начинают давать больному, утром и вечером, по чайной ложке, или одну столовую ложку в сутки, настойки, состоящей приблизительно, из драхм трех истолченного, свежего корня Atropae Belladonae и стакана воды. Лекарство сильно ядовито, а потому без нужды дозу увеличивать нельзя. Вечером того же дня больному делается подкуривание следующим образом: его садят на скамейку, под которой стоит жаровня с горячими угольями, и закутывают всего, с головою, буркой. На раскаленные угли жаровни бросают, приблизительно, ½ драхмы брусковой серы и волоса от разнообразнейших животных, какие только могут быть в данном случае добыты. Лекарство дают и делают подкуривания в продолжении 7 дней.

К концу этого срока, больной часто совершенно поправляется; ежели же перемены не замечается, то больному, кроме прежнего лечения, делаются еще холодные души следующим образом: раздетый больной становится по колена в воду и на темя, предварительно обритой головы, выливается тонкой струей 5 кувшинов воды, по ½ ведра каждый; в последующие дни количество выливаемой на голову воды каждый день увеличивают одним кувшином, пока не дой-

дут до 21 кувшина. После всякого душа больного немедленно укладывают в постель и сильно укутывают. Реджеб уверяет, что в его практике не было ни одного неудачного случая, все пациенты его выздоровели; ежели же это лечение не помогает, то больные обыкновенно, на 10 день от его начала, умирают.

В 1873 году мне пришлось свидетельствовать одного крестьянина Кодорского участка, полуидиота, которого братья вздумали лечить от душевной болезни. Барахтаясь, во время подкуривания, он попал правой рукой на жаровню и совершенно ожог себе все пальцы. Вероятно, его лечил Реджеб.

Венерические болезни

Лечением их по преимуществу занимаются женщины. В противоположность местным врачам, открыто практикующим, они, по большей части, скрывают свою профессию, принимают к себе пациентов только по рекомендации и берут с них обещание, без нужды никому не открывать их профессии, а потому, как отыскать их, так и добиться от них признания в высшей степени трудно. Мне удалось, в Очемчирах, познакомиться с одной из таких лекарок, Ниной Арнания, которая мне и сообщила нижеследующие рецепты и их употребление. Она грамотная, все рецепты написаны у нее по-грузински и дома имеется полная аптека всех необходимых ей средств, в особенном, приспособленном для этой цели ящике. Как видно будет из последующего изложения, она вовсе не имеет никакого понятия как о венерических, так равно и сифилитических заболеваниях, но так как к шарлатанам, подобным ей, местные жители обращаются гораздо охотнее, чем к врачам, то и понятен тот громадный вред, которые подобные шарлатаны наносят местному населению; к сожалению, статьи русского Законоположения настолько милостивы к ним, что преследование их судом делается совершенно, или почти что, невозможным.

Из расспросов больных, лечившихся у подобных шарлатанов, можно прийти к заключению, что большинство их лечат декоктом, может быть в роде декокта Цитмана, а также подкуриваниями, для чего обыкновенно употребляется киноварь; кроме того употребляют массу различных мазей, присыпок, порошков и шпринцеваний.

У Рейнгарда (1 с. стр. 314) помещены следующие местные рецепты от сифилиса, которые, по всему вероятию, в ходу и по настоящее время.

Rp. Passularum Gorynthii ëoiii
Sacchari ëoiv
Coque ad consistent. mellaginis, adde

Pulv. rad. Ghinae nodosae q.s.
ut fiat massa, e qua formant.
bacillae magnitudinis ungis avell.
cansper. pul. rad. chinae
nodosae, s. ter de die.;

Некоторые прибавляют ко всякому комку 1/3 gr. сулемы.

Rp. cinnabaris factitiae ëii
Mercuri vivi ëi
F. amalgama, adde
S. lausaniae inermis ëi
G. oliboni ëi
Ag. gomminus g.s.ut.f. trochisci
ad suftitum.

Покрытый с головой теплым одеялом больной должен раздувать брошенную на горячие угли свечечку и, по окончании такого окуривания, лечь на постель и хорошо покрыться, чтобы пропотеть. Эти окуривания и пилюли повторяются три дня с ряду, после чего, обыкновенно, является слюнотечение; все эти три дня больному дается в пищу жирный плав, а для питья – отвар сарсапарели. Декокт сарсапарели пьют 40 дней, т.е. во все продолжение лечения, причем температура комнаты должна быть повышена.

Сифилис анташак (мингр.) аташак (груз.) по мнению Арнания бывает легкий – дадулланташак и тяжелый – мумуланташак*; это деление относится только к последующим явлениям сифилиса и ничуть не означает мягкого и твердого шанкра, между которыми, по ее понятию, разницы нет. Первично, сифилис является в виде язвы на половом члене, но потом бывают язвы по всему телу; очевидно, что триппер, (сусупати груз. и мингр.) ею, тоже, отчасти, причисляется к сифилитическим болезням, так как она и при сифилисе и при триппере дает внутрь одну и туже микстуру.

При лечении триппера даются внутрь следующие две микстуры.

№1 Rp. Amugdal. dul.
S. lini,
S. Cannabis aa по горсти,
Natri nitrici маленькая горсть
Ag. Communis 8biv
M.f.emulsio.

---

* *Дадули – курица или вообще самка; мумули – петух или вообще самец.*

№2 Rp. Ol. Cannabis 8bi
Spiriti vini rectif 8bi
M.f. mixtura.

Утром дается сначала рюмка №1, а через час рюмка №2; тоже – вечером.

Если эта микстура не помогает, то дается следующая:

Rp. Ины 8bi ¼,
Нашатыря 8bi ¼,
Крапивы 2 горсти,
Воды 4 бутылки.

Все варится до остатка, в 3 или 2 бутылки, и дается утром и вечером по большой рюмке.

Оставшаяся от варения декокта крапива, горячею, в виде припарки, накладывается на член, если он опух.

Rp. Ag. communis ëo[vi],
Cupri sulfur,
Boli armenae aa на кончике ножа.
M.D.S. Шприцевание.

Шприцевание это употребляется как при сифилисе, так и при триппере. При триппере им шприцуют (маленьким гуттаперчевым балоном с костяным наконечником) три раза в сутки уретру и задний проход, а при сифилисе только задний проход, ежели в нем, при испражнении, ощущается боль и жжение.

Лечение сифилиса и хронического триппера начинается назначением больному декокта, из 4 горстей Humuli lupuli и 2-х бутылок воды, по 3 стакана в сутки. Вареный хмель горячим накладывается на сифилитические язвы и высыпи, в виде припарки.

Ежели это лечение не помогает, то дается следующая микстура:

Rp. Boli armenae,
G. res. Galbani,
Ferri cyanati,
Lig. santali albi,
Lig. santali rubri,
Piper, longi,
Piper cubebae,
Res. Dammarae,
Rad. Rhei,
Oss. Sepiae,
Cort. cinnamomi,
Caryophylli,

Aloës,
Natri nitrici,
Semen. cannabis,
Semen. lini,
Sulfur. venal.
Succ. liquirit. baccul,
Nuc. moschat. 1 штука.
Fruct. Terminaliae chebulae 2 штуки,
Cupri sulfur. ¼ чайной ложки,
Riz. Zingiberis,
Riz. Curcumae,
Сушенного penis оленя,
Бурой стеклянной головы,
Обыкновенного красного сургуча,
Тандурхатая зеленого,
Тандурхатая бурого.

При тяжелой, запущенной форме сифилиса, берется всего (за исключением тех веществ, доза которых обозначена выше) по 5 золотников; aloës 15 золотников; бурой стеклянной головы, сандалу, сургуча и оленьего penis'a натирается на камне понемногу. При более легкой форме берется всего по 3 золотника, а aloës 10 золотников; все это превращается в мелкий порошок (будет всего около глубокой тарелки) настаивается бутылкою 90% спирта, при постоянном взбалтывании, в продолжении суток и потом, для отделения более крупных частей, процеживается сквозь чайное ситко.

Лекарство принимается утром натощак, за час перед обедом и на ночь по маленькой рюмке, причем всякий раз взбалтывается и закусывается чесноком, чтобы уничтожить неприятный вкус во рту. Принимая лекарство, три дня едят самую вредную пищу, как-то: свинину, колбасу, соленую рыбу и пр., чтобы ускорить появление наружной сыпи. Если болезнь свежая, то достаточно 2-х бутылок; при запущенной болезни лечение должно продолжаться месяца три.

Кроме вышеописанной микстуры, иногда еще употребляется следующая:

Rp. Succi liquritae in bac,
Sulfur. venal.
Cupri sulfur. usti ¼ чайной лошки,
Piper. longi,
Piper. nigri,

Sem. gardamonii,
Gallae turcicae,
Fruct. Anisi stellati,
Rad. Zingiberis,
Lig. santali rubri,
Тандурхартая зеленого,
Тандурхартая бурого,
– бурого аа ёiii.

Все превращается в порошок, варится со штофом водки, процеживается через чайное ситко и дается при сифилисе утром и вечером по рюмке, предварительно взболтав микстуру. При лечении первичной язвы на члене, употребляется мазь, состоящая из жженого медного купороса, boli armenae и свиного сала. Когда язвочка совершенно очистится, то она перевязывается тряпочкой, намоченной в яичном масле.

При лечении шанкерных язв употребляется также Ag. Phagedenica nigra et flava, покупаемая в аптеках.

Язвы, при глубоких сифилидах, покрываются тряпочками, посыпанными жженым медным купоросом и boli armenanf.

Для разрешения или ускорения нагноения в паховых бубонах к ним прикладываются горячие припарки, состоящие из толченого свежего корня Heraclei pubescens, вареного с молоком.

При задержании мочи больному, уложенному в кровать и хорошенько укутанному, дается стакана 3 горячего чаю из семян укропа. При малокровии, развившемся вследствие сифилиса или других заболеваний, дается следующая кашка:

Rp. Железной окалины,
Серы,
Куркумы,
Черного перцу по – чайной ложке,
Меду – 1 стакан.

Хорошенько перемешать и принимать по чайной ложке утром и вечером.

Болезни животных

Циркия (самурзак.) бывает у лошадей и выражается запором мочи, кала, вздутием живота и, в большинстве случаев, кончается смертью. При этой болезни Цацуа дает следующее лекарство: три клубня Cyclamenis europae толкутся вместе с листьями и цветами и

разводятся 1 стаканом воды. Смотря по силе болезни животному дается 2-3 и более таких приемов, чтобы вызвать послабление.

Чуму рогатого скота Кеут лечит отваром, состоящим из одного цельного растения Digifalis ferruginosae, сваренного с 3 бутылками воды, который дается больному животному утром и вечером по ½ стакана.

Куаб – заушница – часто бывает у свиней и выражается опухолью шеи. При лечении этой болезни, 7-8 цельных растений Agrimonii Eupatorii толкутся, разводятся ведром воды и этою смесью обливается кукуруза, даваемая свиньям (Цацуа).

Заговоры от различных болезней

Говоря о местном лечении нельзя пройти молчанием и различные заговоры, которые также в большом ходу между жителями; мне удалось узнать некоторые из них, которые и привожу здесь:

Заговоры от собачьего бешенства

«Бирет милахи стапирвиллахи ребева куфеп, ассасан бассасан бестам мимариум куляфу ребева куфеп».

Заговор от сглазу

«Елимха мекслуна мислуна мариуш барнум содарнум олла холла квата илла биллахи алим аживим». Оба заговора будто-бы употреблялись бывшим владетельным князем Абхазии, Михаилом. При произношении их в рот набирается вода, и заговор мысленно повторяется 7 раз, над стаканом воды. По окончании заговаривания, вода из рта выливается в этот стакан и разводится еще 2 стаканами воды. Больному человеку или животному вода эта дается по рюмке утром и вечером. Для излечения достаточно одной бутылки (сообщил урядник Николай Урушадзе).

Заговор против сибирской язвы

На мингрельском языке:

Бака-сака, окотидо, михвамиле, геше-куни до калеринэ, лари, уча, геджиши, кундид морцику, уга, чхоуши, бжат, горбону до гоштале.

Назв. болезни; стреляй попади в цель, выручи и поставь возле себя, а то черной свиньи испражнением замараю, черной коровы молоком вымою и отпущу.

Заговор от укушения скорпиона

Больному сначала дается свеже-выжатый сок из листьев груши и лесного ореха, выжимки листьев прикладываются на ранку и произносится следующий заговор по-грузински:

Схули, миргия, мичамия, схули миуранц?

Заговор от укушения змеи

Заговаривающий своею рукою сильно сжимает укушенное место и произносит следующий заговор из непонятных слов: *«Госрица гверицемулица поринотинаса патанаса эйшасиримиса эйшас рукупитиниса»*. (Последние три заговора сообщил Арнания).

Журн. «Медицинский сборник...»[46]. *1886, №41. С.1 – 67*

Город Сухум

(Восточный берег Чёрного моря)

(Корреспондент «Гражданина»)

Много писали о заселении восточного берега Чёрного моря казаками, но все эти писания канули в вечность, и проект об основании здесь казацких станиц, должно быть, оставлен.

Но не то говорили противники заселения.

«На что, – говорили они, – нам казаки, когда к нам прибывают армяне, немцы, эстонцы, греки, мингрельцы, болгары, молдаване, и при их помощи мы сумеем удержать абхазцев в повиновении, а на случай войны – уничтожить всякие народные волнения».

Минувшая русско-турецкая война воочию доказала нам, что плохая надежда на тех колонистов, без оглядки бежавших из Абхазии и позорно бросавших на произвол судьбы свои дома, имущества и, наконец, собственные семьи. Так ли поступили бы казаки при защите своих станиц? – Не думаю.

Мы не будем особенно утомлять читателей прошлой историею Сухума и Абхазии, где процветали сначала греческие и римские колонии, а потом генуэзские и венецианские, но напомним только, что гавань нынешнего Сухума беспрестанно оживлялась судами, прибывавшими из дальних пунктов.

Дайте железную дорогу Сухуму и Абхазии, устройте порт – и Сухум станет первым городом на всём восточном берегу Чёрного

моря. Роскошь природы здесь изумительна, но, к сожалению, Сухумский Ботанический сад, когда-то славившийся на всём Кавказе, еле-еле продолжает своё прозябание.

Отсутствие такого элемента среди населения, который держал бы абхазцев в страхе, – слишком дает себя чувствовать, ни местный сухумский батальон, ни пограничная стража, ни перечисленные выше колонисты не в состоянии прочно охранять спокойствие и безопасность местных жителей.

Достаточно указать на недавнее (15 сентября) убийство – в 20 верстах от Сухума – генерал-майора Завадского, 2-х его людей и одного торговца.

Разбойники, совершившие убийство генерала Завадского, не коренные жители Абхазии, а приезжие из Турции, и безнаказанно по сие время разъезжают по Гудаутскому участку, и делают поборы с мирных жителей. Дано приказание поймать их, и чуть ли не снаряжено для поимки около 300 человек абхазцев и мингрельцев. Но едва ли удастся им захватить разбойников живьём, потому что: во-первых, существует антагонизм между распорядителями поимки преступников; во-вторых, убийцы не имеют определённого места жительства и носятся вихрем по разным селениям; в-третьих, абхазцы сами никогда не решаться поймать убийц, боясь ужасного мщения со стороны их родственников, и, в-четвёртых, наконец, эти убийцы обладают дьявольским нахальством и злорадно смеются над распоряжением об их поимке.

Было постановлено не заселять абхазцами всё то пространство, которое заключено между рекой Кодор и селением Ац[47], потому что на этом пространстве расположены Ново-Афонский монастырь, Сухум-Драндский монастырь и перечисленные выше колонисты. Между тем оказывается, что абхазцы жили и живут около этого места, где был убит покойный Завадский, даже один из них состоит в родстве с одним из убийц, а, следовательно, они принимали их, оказывали гостеприимство и оказывали помощь при расхищении имущества убитых. Иначе и не могло быть. Вот зло, которое надо искоренить также и выгнать этих абхазцев, которые ещё до войны возмущали спокойствие жителей, во время же войны принимали участие в неприятельских действиях против нас.

Сделано распоряжение обязать выдающихся в Гудаутском участке почётных лиц абхазцев (их всего трое, и каждому по 70 лет), чтобы они доставили преступников пойманными. Но поможет ли эта мера? Где им разъезжать и догонять быстрокрылых убийц. По-

моему, вызвать сотню казаков или даже 50 человек, и, будьте уверены, что они или поймают этих преступников, или убьют их наповал. Гроза горцев – казаки.

Чтобы достигнуть общественной безопасности и прочного спокойствия в Сухуме и его окрестностях, как и по всей Абхазии, необходимо следовать программе бывших наместников кавказских – Воронцова, Барятинского, которые для усмирения горцев признавали за лучшее устраивать казацкие поселения. Не казакам ли обязаны мы спокойствием горцев в Кубанской области?

В доброе старое время на всём восточном берегу Чёрного моря были расположены азовские казаки, которые наводили страх и ужас не только на горцев, но и на турок, являвшихся сюда для распространения славы турецкого султана, пророка их Магомета и для пополнения турецких гаремов черноокими абхазскими и черкесскими красавицами.

Да, пора принять меры к спокойствию Сухума и Абхазии, потому что сюда едут капиталисты, сюда приезжают больные для пользования климатом, здесь раскинуты сады и дачи, где зимой и летом цветут розы, и здесь же прекрасные купанья и чистое безоблачное небо.

В настоящее время можно дешово приобрести прекраснейшие участки земли, расположенные по Абхазской береговой линии, и богатые естественными своими произведениями.

Газ. «Гражданин»[48]*.*
1887, №19

Корреспонденция

...Если кто из переселенцев в данное время хорошо и устроился, то лучше всех в Абхазии устроились переселенцы из Рачи, Имеретии и Мегрелии. Мы часто получали и получаем и сейчас хорошие известия. Остальные жители так и не могли привыкнуть к климату Абхазии и приспособиться к этой земле, как рачинцы, имеретинцы и мегрелы. Это и не удивительно, так как земля Абхазии подобна земле Имеретии и Мегрелии...

Газ. «Иверия».
1887, №144 (на груз. яз.)

Абхазия и абхазы
(Этнографическое описание)

Мы хотим по возможности описать действительную и истинную жизнь Абхазии; это нелегко. По причине географического положения Абхазии жизнь абхазского племени сегодня не та, какой была десять лет назад. Уже не говоря о том, что во время последней войны часть абхазов вынуждена была переселиться в Турцию, откуда и половина их не вернулась. Некоторые рассеялись по разным сторонам. Поэтому абхазская нация настолько уменьшилась по численности, что сегодня она не составляет и четверти того, что было когда-то. Раз по воле судьбы народ уменьшился, выселился кто куда, рассеялся в разные стороны, то у абхазов свои нравы, привычки, вера и в целом уклад и обычаи изменились и исчезли постепенно.

Если учесть также самоотверженные действия сегодняшних священников, их деятельность по распространению и пропаганде учения Христа среди абхазов, и к этому добавите влияние так называемой цивилизации и просвещения вообще, легко догадаться, что в Абхазии если не сегодня, то завтра многого не увидим из того, что видели когда-то...

Абхаз – среднего роста, худощавый, смуглый, черноволосый, чернобровый, черноглазый, выражение глаз немного дикое и печальное... Природой довольно богато одарен способностью и красотой.

Абхаз – вспыльчивый, быстрый, горячий, горячего нрава, самолюбивый, малейшее, что покажется ему бесчестным, может вызвать гнев его и без того вспыльчивого и горячего духа; он грациозный и проворный как газель...Абхаз не перед кем не склонил голову и никому не показал спину в древности...

Абхаз до самозабвения любит свою действительно прекрасную страну и, как сказал поэт, готов заявить: «Не поменяю я свою родину на рай чужой страны».

По понятию абхаза, лучше чем Апсны нету страны в мире. «Боже, сохрани Апсны» – постоянно звучит в устах абхаза и в радости и в горе...

Свою родину абхазы называют Апсны. Название состоит, на мой взгляд, из следующих слов: апсуа – «абхаз» и ан – «мать»; апсуа ан – Апсны, мать – родина абхаза. Абхазия...

П.Чарая[49]

Газ. «Иверия».
1888, №№165, 167 (на груз. яз.)

Сухум

Это – маленький, белый чистенький городок, полукругом расположенный по берегам изящной бухты. Со стороны материка он защищен непрерывной цепью гор, некогда покрытых кудрявым лесом, а теперь совершенно оголённых. За краткостью времени моего пребывания, я не успел подробно ознакомиться со скорбными летописями этого многократно страдавшего от иноземных вторжений города, но печальные руины, почти повсеместно разбросанные по городу, красноречиво свидетельствуют о той тяжелой участи, какая выпала на его долю. Пускать стрелы негодования по адресу турецкого варварства, как это обязательно принято у газетных писателей и составителей официальных докладов о Сухуме, по-моему, и нецелесообразно, и несправедливо. Признанный всеми факт, что турецкий десант почти без выстрела занял город. Смешно было бы требовать от неприятеля, чтоб он не разрушал, а занялся бы штукатуркой стен и вставкой выбитых стекол в окнах. Если соотечественники Лессинга и Гёте беспощадно предавали всё огню и мечу в такой цивилизованной стране, как Франция, то последователям Магомета и Бог велел, при благоприятных случаях, проявлять свои разрушительные способности. Лично я удивляюсь не турецкому варварству, а чисто американской энергии местных жителей, сумевших в такое короткое время, на прахе и пепелище старого, создать город почти в прежнем его виде. Настойчивость и энергия сухумских старожилов тем более ощутительны, что не первый раз Сухум, подобно фениксу, возрождается из пепла. «После ухода турок, – рассказывал мне один старожил, – здесь ничего не было, кроме груд развалин и до десяти тысячи трупов домашних животных, отравлявших воздух почти всего побережья Чёрного моря». Оказывается, что ради того, чтобы воспользоваться шкурами, турки перерезали страшное количество домашнего скота, принадлежащего сухумцам и вообще абхазцам. Бедным сухумцам пришлось не только расчищать свои насиженные места от груд развалин, но и взять на себя массу труда и расходов по очистке разрушенного города от разлагавшихся трупов животных, а отчасти и людей. Если укрепление Сухума по каким-нибудь соображениям признается невозможным, то в видах уменьшения бедствия сухумцев от будущей войны следовало бы соединить этот город железной дорогой с потийской ветвью закавказской дороги. Ближайший пункт, на котором может состояться это соединение – ст. Ново-Сенаки. Эта железная дорога составляет предмет

мечтаний населения Мингрелии, Самурзакани и Абхазии. О настоятельности и необходимости такого пути красноречивее всего свидетельствует та готовность, которую единодушно выразили все землевладельцы, начиная от Ново-Сенаки до Сухума, – отпустить безвозмездно и лес, и землю для полотна и сооружений будущей железнодорожной ветви.

В настоящем своём виде, говорю я, Сухум жалкий, едва вылезающий из груд развалин город, разрешение вопроса о будущности которого находится в прямой зависимости от правильной постановки и разрешения вопроса о колонизации края. К сожалению, некоторые публицисты, одержимые скверным духом политиканства, рассматривали его не с точки зрения культурной пригодности и наличных способностей приспособляться к условиям данной местности кандидатов на поселение, а руководствовались уставом о предубеждении и пресечении преступлений. Непрошеным услугам этих юродствующих «патриотов» из разных вольнопрактикующих публицистов мы обязаны, что в простой и как божий ясный вопрос внесено столько вздора и чепухи, что без ариадниной нити в руках невозможно выбраться из этого лабиринта. Благодаря этому в колонизационном вопросе царит полное шатанье мысли, вполне обуславливающее невозможность выработки сколько-нибудь правильной системы. Если послушать этих оригинальных людей, то лучшую систему заселения берега Чёрного моря представляло бы устройство аракчеевских фаланстерий, или образование новой Запорожской Сечи из какой-нибудь «дикой вольницы», которую мигом наберёт лжевольный казак Ашинов, чтоб она, подобно дружине Олега, на утлых ладьях спускалась до самых стен Царьграда и там тревожила и без того неспокойный сон падишаха. Пока занимались отыскиванием редких качеств души, какими должен обладать будущий поселенец черноморского побережья...

Издалека, подобно сотням беглецов, привалили сюда разные эстонцы, болгары, анатолийские греки и всякий сброд, ни в экономическом, ни в политическом отношениях не составляющий никакой положительной величины. Печальная история переселения сюда эстонцев отчасти известна читателям «Нового обозрения». Посредством газетных реклам их сбил с пути некий Рецольд, подвизавшийся в Тифлисе на педагогическом поприще. Охватила ли его патриотическая мысль образования новой Эстляндии на Кавказе, или он руководствовался низменным расчётом гешефта, - трудно сказать, хотя в этом последнем уличал его другой соотечественник, но не

подлежит никакому сомнению, что легкомысленных эстов он прямо толкнул в пропасть. Для них, равно как и для болгар и других, Абхазия буквально оказалась собачьей пещерой, в которой они вымерли и вымирают.

Печальная участь, постигшая первую партию переселенцев, приостановила дальнейший приток переселенцев из культурного(?) отечества Рецольда, болгар и проч., и всякую новую попытку их сородичей к поселению на черноморском побережье нужно воспретить во имя человеколюбия. В Сухуме и его окрестностях я встречал много мужчин и женщин и был поражён жалким, страдальческим видом этих жертв собственного легкомыслия. Положим, эстонцы и на родине не отличаются особенно крепостью организма и красотой, но между эстонцем и болгарином, скажем так, в естественном виде и абхазским поселенцем – гораздо больше разницы, чем какая обыкновенно бывает, ну, хоть, в клетке какого-нибудь зверинца. Ещё совершенно молодые женщины напоминают ведьм из «вальпургиевой ночи», а мужчины до того высохли и пожелтели, точно их в течение многих лет исключительно кормили лимонной коркой и поили уксусом. Рассчитывать на то, что из нынешних поселенцев, по крайней мере, уцелеет 3%, которые когда-нибудь дадут поколение, вполне приспособившееся к условиям местности, – значит говорить явный абсурд. Какое поколение могут дать вот эти, еле движущиеся фигуры, в которых иссяк всякий источник жизненной силы? Наконец, зачем смотреть на Абхазию, как на какую-то антропологическую лабораторию, в которой необходимо производить эти жестокие эксперименты? Почва же этой местности страдает от чрезмерного плодородия и ни в каких удобрениях из костей эстов и болгар не нуждается. С другой стороны, неумелость и культурная беспомощность новых поселенцев в этой роскошной стране возбуждает жалость в окружающих мингрельцах. Чтобы сорвать две кисти винограда, они беспощадно срубали вековые орехи, и от вандализма этих «культуртрегеров» погибли роскошные ореховые рощи. Это ли не варварство? В подобных вопросах, равно как и во всех вопросах внутренней политики, никогда не следует забывать мудрого правила, выраженного в одной грузинской поговорке, что местного зайца могут изловить только местные же борзые. К ним я и перейду в следующий раз.

Давид Сослани[50]

Газ. «Новое обозрение»[51]*.*
1888, №1675

Абхазские вина

Надо полагать, что абхазцы не особенно строго следили за точным выполнением магометанского устава, запрещающего всем правоверным пить вино, если они пред всеми другими сельскохозяйственными отраслями давали преимущество виноделию. Садоводство и, в особенности, виноделие процветали здесь при бывшем начальнике Абхазской береговой линии, генерал-лейтенанте Раевском, снабжавшем абхазцев из своего образцового имения, находившегося в Крыму, разного сорта виноградными лозами. Многоуважаемый Раевский отпускал также немало декоративных, плодовых деревьев и даже тропических растений. Благодаря Раевскому и приглашенному им доктору Багриновскому, в Сухуме, Бомборах, Пицунде и Гаграх были устроены 4-е ботанических сада. Ещё не так давно Сухумский Ботанический сад славился на всем Закавказье, но теперь он доживает последние годы своего существования и, надо думать, что в скором будущем, если на него не будет обращено должного внимания, о нем останется только воспоминание, как и об остальных 3 садах. Если в одном только Гудаутском участке можно встретить теперь более 30-и различных сортов винограда, то во всей Абхазии наверно найдется вдвое больше. К сожалению, частое вторжение неприятеля и частные народные смуты были причиною того, что абхазцы стали мало обращать внимания на сорта своего винограда и всю свою деятельность перенесли на виноград – изабеллу, который в ближайшем будущем покроет всю Абхазию. В настоящее время из славившихся виноградных лоз получается вино в весьма ограниченном количестве. В некоторых местностях абхазские вина не уступали бы лучшим кавказским и даже заграничным винам, но разного рода эксплуататоры портят местные вина промешиванием к ним воды и несвоевременным сбором винограда. В старое, блаженное время сбор винограда производился в ноябре и даже в декабре месяце, а теперь сбор его производят нередко даже в сентябре.

В настоящее время садоводством и виноделием специально занимаются только жители Сухума. Правда и тут изабелла играет главную роль, но есть несколько виноградарей, которые стремятся к разведению других сортов винограда. Насколько дача полковника Введенского поражает разнообразием декоративных и фруктовых растений и, в особенности, дивных роз и душистых цветов, настолько дача полковника Никитина замечательна изобилием рода винограда. Г. Никитин раньше всех понял, что вино одно из верных доходных статей и потому раньше других устроил прекрасный винный погреб. В этом погребе мы можем получить прекрасные местные и

заграничные вина от 2-х до 16 руб. за ведро. Между другими винами у него вы найдете и кипрское.

Что заставило меня говорить об абхазских винах? Во-первых желание, чтобы люди, интересующиеся виноделием, узнали, какие сорта винограда растут в Абхазии, а во-вторых, одно чудо, которое мне пришлось видеть в Самурзаканском участке. В этом участке, именно в селении Бедия, осматривая древний знаменитый Бедийский храм, один из местных князей заставил меня обратить внимание на одну старинную каменную церковь, покрытую сетями одной только виноградной лозы. Что же оказывается? Виноградная лоза эта цветет в феврале или в марте, а в конце апреля или в начала мая дает совершенно зрелые плоды. Замечательны еще эти плоды и тем, что они никогда не осыпаются на землю и не гниют. Жаль, что такою благодатью божью пользуются пастухи да деревенские мальчишки, но никто не заботится о размножении такого сорта винограда.

Теперь перехожу к перечислению разных сортов абхазского винограда, оговариваясь ранее, что все сорта пускаются на деревья (маглари). Если абхазцы не разводили и не разводят виноград кустами, то это надо объяснить желанием населения оградить свое добро от влияния свежей, сырой почвы, от которой кустарные виноградны сильно страдают. Пущенный на деревья виноград, во-первых, избавлен от сырости, а, во-вторых, постоянно согревается и освещается животворными лучами южного солнца.

1). Амлаху – в Гудаутском участке, в поселке Акваскемба, Звандрипшской общины, темнорозовый, рост на деревьях сильный, плодовит, ягода с легким ароматом, на вкус не особенно приятный, темнокожий, созревает в ноябре, употребляется на вино, крепкое и сильно действующее на голову. Абхазцы говорят, что виноград амлаху вывезен из имения грузинских князей Амилахваровых. Молодое вино амлаху отзывается немного горечью, но спустя 5 или 6 лет оно получает ужасающую силу, разрывает плотно закупоренные бутылки и льется пеною.

2). Ачкик – в этом же участке и в том же поселке, темнее, чем амлаху. Пользуются ягодою, на вино не идёт, ягоды продолговатые.

3). Каджиж – в Гудаутском участке, в поселке Абгара Дурипшской общины,- чёрный, рост сильный, плодовит, приятного вкуса, созревает в октябре и ноябре месяцах, употребляется ягодою и на вино лучшего сорта. Название свое получил от абхазца Качича, который приобрел его первый раз от начальника Бомборского отдела, получившего виноградные лозы от генерала Раевского для насаждения в Бомборах (в 2-х верстах от м. Гудаут), а так как абхазцы поза-

были специальное название этого сорта, то назвали его именем упомянутого выше абхазца, которого звали Качич.

4). Агбижь – в том же участке, селения Куланурхва, черный, как смола, толстокожий, с сильным ростом, крупные ягоды, созревает очень поздно, ягода приятного вкуса, вино его по качеству не уступает амлаху, пьется безнаказанно, с приятным ароматом, часто употребляется для окраски других сортов вина. Агба – значит пароход, и потому абхазцы говорят, что виноград этот привезен пароходом, т.е. не местный сорт, а привозной.

5). Атнижь – в том же участке, в селениях Джирхва и Куланурхва, черный, тонкокожий, с крупными ягодами, созревает поздно, употребляется ягодами и в особенности вином. Служит также для окраски других сортов вина. Атнижь – значит полный виноград, т.е. дающий крупные ягоды.

6). Атиркуж – во многих селениях того же участка, белый, толстокожий, крупные ягоды, созревает в обыкновенное время, идёт и на вино, хотя в очень малом количестве. Атирк – значит турецкий. Надо полагать, что виноград этот привезен из Турции.

7). Ажиш-гама – в том же участке, в селении Дурипш, белый, с мелкой ягодою, созревает в обыкновенное время, на вина теперь не идёт. Ажиш-гама – значит виноград белонежный. Этот сорт вырождается.

8). Авасир-хважиш – в том же участке, в селении Дурипш и в других местах, белый, рост умеренный, приятного вкуса, с ароматом, созревает поздно, идет на ягоды и на вино. Есть место, принадлежащее князьям Иналиповым, которое носит название «Васа», следовательно, Авасир-хважиш – в переводе будет означен: виноград, растущий на горе Васа. Дальнейшее распространение шло обычным порядком.

9). Абистаж – в том же участке, в селении Апцхва, белый, умеренный рост, созревает поздно, ягода очень мелкозернистая, на вино редко употребляется, с приятным ароматом.

10). Акабил – в том же участке, в селении Апцхави, черный, средний рост, созревает в обычное время, мелкозернистая ягода, получается очень хорошее вино с приятным ароматом.

11). Амихванчкир – в Адзюбжа, Гумистинского участка, темнорозовый, сильный рост, приятного вкуса, с ароматом, дает превосходное вино, ягоды крупные, созревает поздно, не гниет на дереве, держится пока с успехом.

12). Агриж – в Гудаутском участке, в селении Псырцха, поблизости Ново-Афонского монастыря, средний рост, мелкозернистый, черный, толстокожий, идет на ягоды, вино меньше употребляется.

Агирва – значит мингрелец, агриж поэтому называется мингрельским виноградом.

13). Акамшвтал – в Гудаутском участке, в селениях Куланурхва, Ануква[18], Ац, рост сильный, ягоды крупные, белый, дает лучшее вино с прелестным ароматом; ягоды напоминают сорт александрийского муската. Созревает поздно, не гниет, не подвержен порче от какой-либо резкой перемены времени года.

14). Хуналиж – в Гудаутском участке, в селении Джирхва, белый, рост умеренный, тонкокожий, ягоды не крупные, дает хорошее вино. Название свое получил от имени женщины, которую звали Хуна.

15). Аешваб – в Гудаутском участке, в селении Звандрипш, черный, тонкокожий, ягоды крупные, дает превосходное вино, вывезен из Джигеты.

16). Ацсиж – дикий (или, как называют, птичий) виноград повсюду распространен.

17). Аосиж – в Гудаутском участке, в селении Лыхнах, белый, тонкокожий, рост умеренный, мелкие ягоды, употребляется на вино, очень приятного аромата и сладкого вкуса, созревает поздно.

18). Хутуниж – в том же участке и селении. Любимый сорт бывшего владетеля Абхазии, которому подавался на стол. Белый, тонкокожий, крупные ягоды, рост сильный, поздний, приятного аромата и вкуса. Хутуниж означает виноград Хут – имя человека.

19). Абаажиш – в том же участке и в селениях: Лыхнах и Дурипше, белый, ягоды средние, употребляется на вино, хотя теперь очень редко. В переводе означает виноград гнилой крепости.

20). Агижш – в том же участке, в селении Лыхнах, белый, ягоды средние, рост умеренный, на вино употребляется очень мало, созревает в обыкновенное абхазское время, т.е. в ноябре или декабре месяцах. В переводе Агижш означает – зимний виноград.

21). Ажцгоу – в том же селении, черный, крупные продолговатые ягоды, рост умеренный, толстокожий, мало идет на вино, созревает поздно. Ажцгоу в переводе значит – длинные ягоды.

22). Папини-вачи – в Гудаутском участке, в селении Лыхнах, и в Гумистинском участке, в селении Абжаква – недалеко от Сухума, черный, сильный рост, толстокожий, крупные ягоды, дает превосходное вино, созревает в октябре и ноябре, не гниет, изменения времен года не действуют.

23 и 24). Адзирпара и Ацимлиж – в Гудаутском участке, в селениях Анухви, Колдахвари, Псырцха, черный, ягоды средние, рост умеренный, употребляется на вино в ограниченном количестве.

25, 26 и 27). Акуб, Ажгара и Агардан – в том же участке, в селениях Анухва, Джирхва, Псырцха, Звандрипш, черные, тонкокожие,

ягоды умеренные, за исключением Агардан – ягоды его продолговатые, употребляются на вино, хотя в ограниченном количестве.

28). Амишвкиачижш – в том же участке, селении Лыхны, черный, умеренный рост, с умеренными ягодами, поздний, идет на вино невысокого качества. В переводе означает – виноград короткого медведя.

29). Ажия – в Гудаутском участке, в селении Дурипше, красный, умеренный рост, с умеренными ягодами, поздний, идет на вино невысокого качества. В переводе означает – виноград с дерева.

30). Ацхаж – в том же участке и в том же селении, красный, средний рост, мелкие ягоды, поздний, идет на ароматное и сладкое вино, в переводе означает – виноград медовый.

Наконец, в Кодорском участке Джгердинское и Отарское вина чуть ли не признаются первыми винами во всей Абхазии. Первое из них янтарного цвета, а второе темно-розовое. Оба сорта тонкокожие, крупные ягоды, сильный рост, созревают очень поздно и отличаются дивным своим ароматом.

Виноградных болезней в Абхазии сравнительно мало. Если бы абхазцы или новые эксплуататоры (из мингрельцев, больше всего) заботились бы об удобрении почвы вокруг виноградных лоз, об очистке их и об уменьшении листьев на деревьях, мешающих проникновению солнечных лучей, то абхазские вина завоевали бы себе видное место между кавказскими винами.

К.Мачавариани

Газ. «Кутаисские губернские ведомости» [52].
1888, №124

О торговле невольниками на Чёрном море

(Исторический очерк)

Один из учёных на VI археологическом съезде в Одессе в 1884 году пытался установить мнение, что имя «Чёрного моря» будто бы дано было этому водоёму вследствие существовавшего в глубокой древности в Малой Азии обыкновения придавать сторонам света эпитеты: зелёного – востоку, красного – югу, белого – западу и чёрного (куш) – северу, а так как Чёрное море находилось на севере

относительно первобытных обитателей означенной срединной земли, то оно от этого – куш и получило будто бы своё название.

Как бы не занятно подобное сближение, но оно не может удержаться в науке уже потому, что имя «Чёрного» у этого моря новейшее, не далее эпохи падения Римской империи и появления на сцене истории новых народов, ныне современных, предками которых оно и переименовано таким образом из Понта эвксинского (т.е. моря гостеприимного), очевидно, не без причины.* Замечательно, что рядом с именем Чёрного существовали и другие названия этого моря, как-то: русского, сурожского, хазарского (у некоторых арабских авторов, связывавших его при посредстве меотийских болот с Каспийским, – т.е. хазарским по преимуществу) и даже весьма вероятно варяжского (таковым именем называлось понятие, выражаемое словом Океан или Окружающее море у арабов, древних греков и могло быть у нас; по крайней мере, на карте П.Весконте 1318 г. залив Акмечеть в Крыму, севернее Евпатории, назван варяжским (varango limena), но, однако, имя «черного» возобладало над всеми другими именами, у всех соседних разноязычных народов, называющих его, каждый по своему, – Чёрным же.

Названо оно так, очевидно, не вследствие случающихся на нём бурь, потому что, по справкам, оно не бурливее других морей, например, Балтийского и Каспийского, и притом на нём, если следовать не по портам, а поперёк или на «перевал» моря, то не трудно ускользнуть от опасного волнения, если, например, подняться с ко-

---

** Древние делили Чёрное море на две части – западную и восточную и, плавая без компаса только лишь вдоль берегов, переезжая это море поперёк, в его суженой части между выдававшимся к северу берегом Малой Азии, вблизи Синопа и Крымом, где с корабля разом видны оба берега (Страбон, 11,5,22). Отсюда всего вероятнее думать, что первоначальные наименования этого моря – эвксинское (гостеприимное) и аксинское (негостеприимное) сперва могли существовать и единовременно: первое для западной половины этого моря, по берегам которой процветали фракийские колонии греков, и второе для восточной, по берегам которой «скифы приносили в жертву чужестранцев, питались их мясом и употребляли черепа вместо чаш» и лишь впоследствии, после основания понтийцами колоний и по берегам этой восточной части, древние греки имя «эвксинского» могли распространить на всё море (ib. VII, 3,6).*

раблём к тому берегу, с которого дует ветер, например, к малоазийскому, если дует SW или кавказскому, если случится NO и т.п.

Эти благоприятные физические условия моря заставляют считать его самым неповинным в своём зловещем названии и побуждают нас обратиться со своими розысками к другим источникам. Присматриваясь к характеристике говоров соседних народов, мы находим, что, например, у русских существовали три понятия: Белый царь, белопашцы, обелённый, белая челядь (т.е. рабыни) и чёрный народ, чернь; в старину же были Белобог и Чернобог. Все тюркские народы называют русского царя Ак-падишах, у кочевников высшее и низшее сословия именуются белой и черной костью. Некоторые народы Средней Азии называются: платящие подати – поколением чёрного барана, а не платящие – белого барана.

Во всех определениях словом белый обозначается понятие более или менее свободного, радостного, а словом чёрный – понятие несвободного, злополучного.

Применяя этот вывод к воде, мы находим Белое и Чёрное моря, Белое озеро, Ак-денгиз и Кара-денгиз, Белобережье и множество Белых и Чёрных речек, Ак-су и Кара-су.

Имея в виду вышеозначенное определение чёрного как несвободного, злополучного, мы, не задумываясь, усматриваем его и в наименовании «Чёрного» моря.

Во-первых, это море фактически может быть заперто как для того или другого его прибрежного народа, так и для всякого вне лежащего мореходнического, заперто тем народом или государством, которое будет владеть Босфором и Дарданеллами. Конечно, каждый сильный народ будет добиваться для себя свободного хода сквозь эти проливы, но это не исключает той мысли, что эти проливы как могли запираться в старину, так будут находиться всегда в возможности повторения подобного деяния и в будущем.

Пресловутая троянская война, конечно, не велась единственно за прекрасную Елену, как думала еще недавно простодушная, не просветлённая критикой история. Она, очевидно, велась за свободу прохода на кораблях в Чёрном море к берегам обширного скифо-кавказского мира. В этом удостоверяет нас то, что, по всем сказаниям древности, эта война случилась после похода аргонавтов на Колхиду. Троянцы, после этой добычливой экспедиции, весьма естественно могли желать наложения пошлин или своего участия в выгодах открытых греками сношений и, как жительствовавшие прямо на берегах Дарданелльского пролива, или полную возможность настаивать на заявленном праве, а греки, конечно, могли не согла-

шаться на подобный делёж, и вот, – война! А прекрасная Елена, конечно, могла представиться не более, как только отводящим глаз предлогом.

Война с греками Ксеркса и Дария и поход последнего в Скифию, вспомоществуемые сперва финикийцами, а потом малоазийскими греками, могли иметь одной из главных причин также установление свободного прохода в Чёрное море и господство на этом водоёме. С этим заключением будет согласоваться составление при Дарии первой описи Чёрного моря (перипл Скилакса), и основанием Дарием в земле будинов знаменитого четвероугольника крепостей, который, видимо, надлежит усматривать на Керченском полуострове, где этот четвероугольник приписывается учёными босфорским царям, тогда как последние могли быть не более как возобновителями укреплений, а не первыми авторами их. Тогда с этим приурочиванием будет согласовываться и предварительная перед походом посылка с флотом в Скифию сатрапа Каппадакии Ариярамна, откуда он вывел большое число пленных и в том числе брата царя Скифарха – поход, направленный, согласно догадке другого учёного Ф.К.Бруна, скорее к Керченскому проливу, чем к другому побережью Скифии.

Во время войн Александра Великого с Персией колхидяне являются одними из немногих союзников великого царя, а потому владение Босфором, как связующим путём, прочно помещалось в руках македонян. При его преемниках понтийские цари овладевают киммерийским Босфором – Керчью, и вместе с завоеванием римлянами Фракии и всей Малой Азии передают им во власть и владение в Крыму – Пантикапею.

Во времена римлян флот из 40 судов постоянно крейсировал по Чёрному морю для защиты торговли.

Но истинное значение черноморских проливов было оценено только Константином Великим, когда этот император перенёс на берега византийского Босфора столицу греко-римского мира. К этому избранию, может быть, побудила его Пантикапея, бывшая столица греко-скифского мира также на берегах киммерийского Босфора. Но, во всяком случае, с этой минуты Чёрное море оказывается фактически запертым или произвольно открываемым по согласию владетелей Царьграда.

Так, в истории мы читаем, что, по договору византийского императора Эммануила с генуэзцами в 1180 году, генуэзцам позволялось торговать всюду, исключая Россию и Азовских портов*.

---

* *Шостак. Ист. черном. торгов. в сред. веках, ч.1. изд 1850 г., стр. 42.*

В последующих трактатах с итальянскими республиками итальянцам запрещалась непосредственная торговля с Россией и татарами: им не дозволялось плавание по Чёрному морю далее устьев Дуная и Трапезунда без именного разрешения императора* – воспрещение, за которым, впрочем, и следить было трудно.

Когда же императоры запретили русским въезд в Царьград, думая этим обеспечить свою складочную торговлю, то итальянские купцы ездили навстречу русским до устья Дуная, часто даже по этой реке поднимались до Киева. Между иностранными гостями, торговавшими в Киеве в XII веке, Карамзин (т. III, гл. 3) упоминает и о венецианцах.

Для Египта в XIII веке пропуск в Чёрное море открывался за особые подарки**. Что же говорить о временах более близких к нам, когда всё международное значение Турции стало выражаться, главным образом, в том, что эта наследница Византии оказывается сидящею на проливах, смыкающих Чёрное море со Средиземным. Ведь это особенное счастье России явилось в безмерности её пределов, при которых будущее развитие сухопутных путей исключает настоятельную надобность в приобретении путей морских, так как, очевидно, что если только со временем явятся железные дороги всюду окрест нас, например, от Тифлиса, через Карс к Иерусалиму и лежащему за ним Акабскому заливу Красного моря, затем от Закавказья через Персию к Персидскому заливу Индийского океана, из Закаспийского края в самую Индию, и, наконец, из внутренней России к Амуру, с ветвью к Пекину, то, очевидно, значение Босфора для нас, как пока единственно-выгодного торгового пути, отодвинется на второй план. Но в древности русский народ не был так велик, другие соседние с Чёрным морем народы также, а потому для предков наших и для многих соседей их открытие или закрытие пути по Чёрному морю имело непосредственный, жизненный интерес, вследствие чего они, видя это море несвободным для беспрепятственного плавания, иначе и не могли его назвать, как морем Чёрным.

Но к этим естественным причинам прибавлялись и другие, усугублявшие это зловещее название, которые мы и рассмотрим.

Удостоверительно в истории мы узнаём, что здесь весьма с глубокой древности производилась торговля невольниками. Конечно, человеческое рабство, согласно исследованиям Шатобриана, современно началу человеческой цивилизации и было повсеместно, а,

---

*Ib., стр. 44.

**Георгий Пахимер, перевод 1862 г., стр. 162 – 163

следовательно, охватывало и скифо-кавказский мир. Пророк Иезекииль, перечисляя нации, торговавшие со столицей Финикии – Тиром, говорит последнему: «Жители Ионии, Тувала и Мешеха торговали с тобою, продавая тебе души человеческие и медные сосуды» (гл.27, 13). Учёные единогласно подразумевают под именами «Тувала» и «Мешеха», Закавказье, где рудники меди и обилие медных сосудов составляют характеристическую черту страны и ныне. Но торговля невольниками, конечно, развивалась в здешних странах с появлением на берегах Чёрного моря греческих колоний, и сознание этого распространено было и в древности. Например, Страбон пишет, что от троянской войны одинаково потерпели, как побеждённые, так и победители. Домашнее достояние последних погибло от долговременного отсутствия, а на долю каждого досталась лишь незначительная добыча. Таким образом, говорит он, лица, оставшиеся в живых, вышедшие из опасностей, как неприятели, так и эллины обратились к морским разбоям; первые доведены до этого разорением, а вторые стыдом, так как каждый из них рассуждал: стыдно быть так долго в отсутствии и возвратиться домой с пустыми руками*. Вот начало торговли невольниками, как промыслом. Всякое установление человеческое может держаться только тогда, когда есть способствующие к тому обстоятельства. Обстоятельствами, способствовавшими к развитию торговли невольниками на Чёрном море были: с одной стороны, крепостнические государства древнего мира, требовавшие множество рабов, а с другой – грабительские наклонности самих прибрежных жителей рассматриваемого нами водоёма.

Рабство в самых обширных размерах составляло основание государственного права древней Греции и Рима. Например, в Греции во времена Димитрия Фалерейского, в Аттике на одного свободного приходилось 20 человек рабов, а из 400.000 жителей Афин было только 21.000 свободных граждан. Во времена Сенеки кто-то предложил в римском сенате о различении рабов от свободных одеждою, и предложение это, как опасность, было отвергнуто: до этого боялись показать воочию преобладающую численность рабов**. Без рабов не обходился ни грек, ни римлянин даже в незначительных селениях, не говоря о городских центрах. Рабы служили исполнителями по всем родам человеческих потребностей своих господ, а

**См. Страбон, III, гл.2, § 13; I, гл.3, § 2; гл.2, § 32; Илиада, II, 289.*

*** См. А.Редникова. Невольничество у древних римлян. Отеч. Зап. 1857 г. кн.X, стр. 635 и др.*

впоследствии и по всем родам человеческой деятельности в государстве. Восстания рабов неоднократно потрясали самоё могущество империи. Зато от рабства же и последствии его и пали и древние Греция и Рим. В Рим свозились рабы со всех окраин, начиная от Испании, Ливийских пустынь, Колхиды и Дуная, но едва ли не главным поставщиком их являлось наше Чёрное море.

Здесь опять, вслед за войнами с понтийскими царями Митридатом и его преемниками, развилось местное морское разбойничество, о котором сохранились известия древних. Тацит (истор.III, 47) и Страбон (XI, гл. 2, §12) в подробности описывают суда понтийских и кавказских пиратов, именовавшиеся греками камарами – имя, в котором, быть может, сохранилось отзвучие Кимер, Кимерян, Кимерийский Босфор – и которые удобно выдерживали морское волнение, и, имея две кормы, одинаково способны были и к наступлению и к отступлению, а при этом удобно вытаскивались на берег. Об охранном крейсерстве римлян мы уже упомянули.

Кроме того, об этих местностях повествуется: Геродот (кн. III, 97) рассказывает, что обитатели Колхиды и соседние с ними жители Кавказа не платили определенной дани персидскому царю, но сами между собою условились посылать ему через каждые 5 лет в дар 100 мальчиков и 100 девочек, что ведётся ещё и в настоящее время, замечает Геродот.

Абазги претерпевали, пишет историк VI века Прокопий Кесарийский*, невыносимое притеснение от великой жадности своих властителей. Оба царя их, заметив красивого и хорошо сложенного мальчика, тотчас же отнимали его от родителей и потом, оскопив, продавали по выгодной цене в римскую империю. Отцов же немедленно предавали смерти, дабы император, услышав жалобы которого-нибудь из них, не наказал за оскорбление, нанесенное сыновьям и дабы не иметь возле себя людей подозрительных.

Таким образом, статность сыновей была для них несчастием, и они бедственно погибали по причине роковой красоты детей своих. Большая часть евнухов у римлян, замечает Прокопий, и даже при императорском дворе, родом абазги.

Этот же историк в «Описании персидской войны» (II, 28) говорит, что лазы за пшеницу, хлеб и другие произведения платили византийцам кожами, невольниками и пр.

Соображая эти факты – дань людьми кавказцев персидским царям и продажу абхазскими царями собственных подданных – из-

* См.: De bello goth y Stritter, Memor.Popul. IV, 179.

вестный учёный П.К.Услар в «Древнейших сказаниях о Кавказе» (изд. 1881 г., стр. 128 – 130) выводит, что торг людьми не сам собою развивался на Кавказском берегу Чёрного моря, а под влиянием чужестранцев, находивших все свои выгоды в этой торговле, всячески поддерживающих её и успевших разными приманками подавить всякое нравственное чувство в туземцах: покупщики подготовили достойных себе продавцов.

Особенно развилось пиратство на Чёрном море ко времени появления на сцене истории России. В эпических воспоминаниях современных абхазцев и гурийцев сохранились следы указаний на морские набеги этих народов, предпринимавшиеся на судах на те или другие черноморские прибрежья. Собственно, с известий о морских набегах Руси на берега Каспийского и Чёрного морей, о которых повествуют арабские и византийские летописцы, и начинается история нашего отечества. Но эти набеги, очевидно, происходили в виде отпора и возмездия мусульманам за насильства, чинимые в пределах жительства наших предков. В этом удостоверяют стремления урегулировать производившуюся торговлю в договорах Олега и Игоря. Кстати заметить, что в числе этих известий затесалось одно о нападении руссов на Андалузию во времена Олега. Наши учёные под именем этой Андалузии разумеют современную провинцию с этим прозванием в Испании, но, к сожалению, они ещё недостаточно изучили Анатолию, которая также именовалась персинами и арабами Ондулус или Андулус и где, в соседстве долины р. Чороха (Чарега в былинах русских богатырей), они нашли бы все урочища, упоминаемые географом Масуди в передаче «андалусского набега руссов»; напр. именем «Куртуба» и ныне называется несколько гор около Чороха, деревня Ишпилят (Ишпилия – якобы «Испания» по мнению наших комментаторов – sic!) и ныне имеется около Испира и т.д., словом, это известие ни более ни менее, как арабское подтверждение византийских историков, что руссы при Олеге не только нападали на Константинополь, но разграбили жестоко и всё побережье Малой Азии.

Хотя византийцам и удалось сохранить гегемонию на Чёрном море и отразить нападение Святослава и Ярослава Великого, но они понимали будущий рост народившегося гигантского младенца – Первоначальной Руси, и усердно искали по сторонам пособников в задержании этого роста и, по образцу своих предков, вызвавших в V веке из Средней Азии турок (известное посольство Зимарха) для нападения на Персию, они наняли печенегов на Святослава, строили

в земле хазар крепости против руссов (Саркел), входили с хазарскими каганами в родственные связи, и не брезговали даже отравой наших тмутараканских князей. По всей вероятности, они же науськивали на Русь и половцев, так как от последних покупали захваченных русских пленных.

Бесшабашный разгул начался и в невольничьей торговле на Чёрном море, вслед за падением Тмутаракани. Половцы, точно маятник, из года в год стали делать вторжение на Русь и выводить пленных тысячами и десятками тысяч. Нельзя и ныне не возмущаться от души, читая в летописях про этот период нашей истории, как толпы народа, голые, босоногие, с исколотыми терном ногами, бродя по чужим странам, со слезами признавали друг друга «я вот из такого-то города», а «я из такого-то селения», как они были расточаемы по разным странам (см. Лаврентьевская летопись под 1093-1094 гг.), как половский хан Кончак разорил все берега Сулы «ходя пеший и нося котёл за плечами» (Ипат. Лет. Под 1201 г.), и как горестно восклицает певец Слова о Полку Игореве: «Се у Риме кричат под саблями половецкими...». Ещё в 1881 году, в исследованиях своих о начале Руси, мы имели случай предложить догадку, что здесь под словами Рим разумеется загадочная скала около Кисловодска, с высеченными в ней лестничными входами и 42 бутылковидными цистернами, известная Рим-гора, где всего вероятнее была половецкая тюрьма, в которой содержались наши пленники. Теперь мы бы взяли даже на себя ещё большую смелость предложить вопрос: не здесь ли надо видеть ту une fabrique d´eunuques, которая усматривается в торговых договорах испанских калифов с Verdun´ом и у географа Мукадаси и которую думают, неведомо почему, видеть во французском городишке Вердюне, а не в Вардане, как называлась также современными арабами р. Кубань и при-Кубанская страна. Ведь здесь мы видели, что сами абхазские цари, по Прокопию, дозволяли кастрацию мальчиков.

Разгул невольничества на Чёрном море ещё более усилился с XII ст. с заменой на сухопутье половцев татарами, а на море – греков генуэзцами и другими итальянцами. Достаточно перечислить только народы, которые являлись сюда за верной и должно быть легкой добычей над невооруженным народом: амальфитяне, венецианцы, генуэзцы, прежние греки; к этому прибавьте особое эмирство в Синопе, которое исключительно существовало пиратством и в степях России грабительских кочевников татар. Генуэзцы, как сообщает современник Иосафат Барбарго, стали предпринимать пиратские

набеги даже на Каспийское море, при помощи явного покровительства татар и удобного новонайденного пути туда по Дону и Волге. Спрашивается: как же иначе при таком положении и назвать наше злополучное море, как не Чёрным же?

Но тут, когда Россия, по-видимому, пала вроде бы совершенно, когда центр государства с юга далеко был отодвинут к северу, тутто и стали проявляться признаки спасенья. Прежде всего, восстало то, что всегда считалось на Руси безответным – сам народ: он образовал казачество от Днестра и до мордовских земель при Волге. Начало казачества относится прямо ко временам татарского нашествия. Путешественник Рубруквис или Рубрук, ехавший через южнорусские степи к Батыю, пишет, что уже в то время он не мог следовать по ночам, потому что выдававшийся ему татарский конвой опасался нападения русских, скрывающихся по балкам и всевозможным закрытиям, и которые, имея по два коня, отбиваемых у татар же, быстро, как туча, нападали на небольшие партии и одиночных людей, и также бесследно исчезали.

Затем появление запорожских и донских чаек на Чёрном море, чаек, устраивавшихся совершенно по типу камаров, описанных Тацитом и Страбоном, произошло точно руководимое высшею волею и глубокою проницательностью. Если сухопутные нападения казачества представляли собой вид отражения силы силою, то морские направлены были прямо против коренного яда, появившегося на Чёрном море со времён троянской войны – против торговли невольниками.

Замечательно, что коренные монголы, даже подчинившие себе Китай, по преимуществу устанавливали своё господство над разными странами и народами, но не занимались торговлею невольниками, как коммерческим предприятием. По крайней мере, мы, примыкая к Монголии всею южною границею обширной Сибири, ничего не знаем про подобную торговлю, известия о которой исключительно относятся до пространства, начиная со средней Азии и до границ бывшей Молдавии. Словом, торговлей этой занимались мелкие народишки, не смогшие вырасти в значительные политические единицы. Видно и в природе человека: хищнические натуры, так же как и мире животных, создаются в меньшинстве.

Интересно различное отношение Европы и России к факту взятия Константинополя турками. В то время, когда европейские государства ахнули и стали пересылаться посольствами друг с другом и с Персией и Египтом, чтобы сообща думать о народившейся силе и

дружно предпринять общие меры к её отражению, одна Россия в лице Иоанна III не только не струхнула, но вскоре за этим событием, через особого посла, потребовала от турецкого султана повеления крымскому хану о прекращении хищнических нападений крымских татар на Москву, Польшу и Молдавию, и в высшей степени любопытен ответ Махмет Гирея на это требование в 1522 году: «Не велишь мне пойти на московского и волохоского государей, ино мне чем быти сыту и одету».* Этими словами крымские татары произнесли роковой приговор над собою и их вечными союзниками и сподвижниками – кавказскими горцами, которые также не приняли гуманного и даже сентиментального проекта Дюка де Ришелье и генуэзца Скасси, приводившийся в исполнение в 20-х годах нынешнего столетия, чтобы прекратить на Западном Кавказе торговлю людьми и приучить горцев к ... мирной торговле, о чём подробно изложено в путешествии Дюбоа де Монпере.

Историю новейшего, вторичного приближения сплотившейся и расширившейся русской державы к берегам Чёрного моря и на Кавказ мы излагать не будем: она достаточно известна.

Таким образом, окинув взором всю тысячелетнюю историю нашего отечества, и приняв во внимание роковую историю черноморской торговли со времён появления аргонавтов, мы устанавливаем такие выводы:

1) Никому, как единственно России, человечество не обязано в прекращении торга невольниками на Чёрном море, а, следовательно, и на Кавказе и в Средней Азии.

2) В условиях этого позорного для человека промысла кроятся существенные причины сплочения первоначальных племён наших предков в правильное государство или секрет появления России на сцене истории.

3) Чёрное море – не столь малое, чтобы древние государства могли охватить его со всех сторон своими владениями, и не столь великое, как океан, чтобы размерами своими усугубить размер предпринимаемого торгового риска, по своим условиям должно принадлежать неизбежно одной державе, иначе же история не представляет никакого примера прочной гарантии к установлению на нём раз и навсегда непоколебимых законных оснований к развитию цивилизации на его берегах.

---

* *См. Истор. и дипломат. Собрание дел, происходивших между россейск. Вел. Кн. И крымскими царями, Малиновского 1793 г., в зап. одес. общ. ист. и древн. 1867 г., стр. 233.*

4) Стремление австрийцев к Царьграду не только нарушает один из самых важных жизненных интересов России, но становится в разрез со всем смыслом русской истории на юге нашего отечества со времён Олега и Игоря.

Ю.П.

Газ. «Кавказ».
1888, №292

Несколько слов о долине р. Бзыби – Псху

Во время геодезических работ в нагорных частях Сухумского округа нашими топографами открыт в 1887 г. удобный перевал из долины верхней Бзыби в верхне-лабинскую котловину Заадан – Аллаштраху, который ведет к целой группе минеральных вод в этой альпийской области, весьма разнообразных по составу: железных, щелочных, вроде знаменитой ессентукской в Пятигорске в др. Воды эти называются по-абхазски – ацвапш.

Около вод следы разных приспособлений, устроенных некогда князьями Маршани, владельцами окрестных нагорных пастбищ, выселившимися отчасти в Турцию, а отчасти в Кубанскую область к абазинцам Баталпашинского уезда, не только для пользования людей, но и для пойла скота. Князья Маршани всегда взимали пошлину натурою с овец, пригонявшихся на их пастбища горцами Кубанской области.

Всё это побуждает думать, что перевал Аллаштраху, вероятно, один из самых лучших в этой, ныне пустынной нагорной местности, доступ и эксплуатирование которой вообще заторможены необходимостью прокладки к ней дороги через второстепенные, но высокие отроги, отделяющие её от морского берега.

Со временем наша постепенно развивающаяся на Кавказе сыродельная промышленность, несомненно, облюбует эти ценные нагорные пастбища, каких, по обширности, не имеет и Швейцария, столь прославившаяся своим молочным хозяйством и продуктами его.

Минувшие попытки наши заселить верхнюю долину р. Бзыби потерпели полную неудачу. Сперва они были задуманы в виде полувоенного заселения. В долине р.Бзыби, в урочище Псху несколько лет имел свою штаб-квартиру бывший 3-й линейный батальон, так

как предполагалось, что вблизи штаб-квартиры водворятся отставные нижние чины, как это было повсеместно на Кавказе в более удобоступных местах. Но Псху отделялось от Сухума хребтом, отрогом Главного Кавказского, столь высоким, что перевал к нему Ачапчара достигал высоты в 9000 фут. Прокладка инженерами путей сообщения дороги от Сухума в Псху была малоудачна в этой глухой стране, – дорога была вечно непроездной, так что местные подрядчики за доставку на вьюках одной четверти провианта всего на расстояние 90 верст, брали от 2-х до 6-ти рублей. В самом урочище Псху жизнь была бедственная: за всякой мелочью и за почтой надо было посылать пеших солдат, а на зимние 2-3 месяца и всякое сообщение между этими пунктами прерывалось. Довольно сказать, что бывший начальник местных войск, генерал Оглобжио, после инспектирования батальона в 1873 году, просил о немедленном выводе батальона из Псху, «из жалости к русскому солдату».

Вскоре затем невдалеке от Псху был водворён посёлок из турецких греков – Мариинский, живший до того в долине Чороха. Но во время минувшей войны 1877 года посёлок этот был захвачен в плен возмутившимися абхазцами и передан пленниками туркам. По окончании войны и возвращении из Турции эти несчастные греки были водворены на месте бывшего абхазского селения Акапа, в 18-ти верстах от Сухума.

Ныне вся нагорная котловина Псху безлюдна, и только попытка князя Туманова и К° взять в свою эксплуатацию долину р. Бзыби выяснила дальнейшими исследованиями г. Бернацкого, что эта долина в особенности богата кавказским пальмовым деревом (самшит).

Из всего нам известного о доступах в Псху надо заключать, что удобнейшее направление в него дороги лежит не по направлению от Сухума, а по направлению от Гудаут, по долине Апсты, на приток р. Бзыби – Решаву. Этот путь указывал старожил Сухумского края г. Сандецкий и по нему же, вероятно, совершила свой набег партия возмутившихся абхазцев.

Газ. «Кавказ».
1888, №331

Религиозное состояние Абхазии

В период греческого и, в особенности, римского владычества, религия обитателей восточного берега Черного моря представляла

смесь дикого язычества туземцев с развращенно-утонченным и грубым язычеством греков и римлян, загнанных туда ссылкою или торговою корыстью. Истинное богопознание кое-как держалось у евреев, рассеянных по Понтийскому царству, а, следовательно, и по древней великой Диоскурии* (нынешний город Сухум) с прилегающими к ней местностями, что подтверждается книгой пророка Исаии, деяниями апостольскими и свидетельством Моисея Хоренского, но при общем развращении нравов истинное богопознание среди горстки сынов царства израильского мало-помалу погашалось окружавшею греховною жизнью. Это подало мысль многим думать, что, во-1-х, будто здесь на побережье Чёрного моря находили место все заблуждения и суеверия разнообразного язычества; во 2-х, что помимо Греции и Рима – Сирия, Малая Азия, Персия и даже Египет выбрасывали в Понтийские области умственную и нравственную порчу своих народов; в 3-х, что когда в Греции и Риме утонченное безбожество, лукавство, корыстолюбие и распутство получили свое гражданство и, переносясь сюда, соединились с дикими страстями туземцев, то будто последние перещеголяли своих учителей и наставников и дошли до полного нравственного разложения; в 4-х, что капища и алтари воздвигались повсюду и в честь ложных богов приносились разного рода жертвы, возмущавшие сердце.

В доказательство всего этого приводились свидетельства древних греческих писателей и поэтов, которые, указывая на зверства, совершаемые горцами, на миф о Понтийской Гераклее**, об адской

---

* *Великая Диоскурия была главным городом сначала греческих, а потом римских колоний, раскинутых по восточному берегу Чёрного моря. Разновременно этот город носил следующие названия: 1) Диоскурия, 2) Диоскуриада, 3) Севастополь, 4) Севастополис, 5) Сатирополис, 6) Себаст, 7) Цхум, 8) Цхом, 9) Аиа, 10) Аку, 11) Сухум. (Страбон, Скирос Кариандетский, Клавдий Пталомий, Аппион, Аммион Марцелин, Арриан, Прокопий Хорас Пергамский, Моисей Хоренский, патриарх Досифей, Ив. Шопен, Гиббон, Брун, Броссе, Дюбуа, Селезнёв, Берже, царевич Вахтанг, Муравьёв Апостол и др.).*

***Понтийская Гераклея находилась около устья реки Ингур (древний Ахерон ?). Между Сухумом и уст. Ингури около 105 верст, - не мудрено, если древние народы называли Ингур Адскою рекою, а устье – Адскою пещерою, так как убийственные понтийские болота примыкали к этой реке и окружавшая местность славилась ядовитыми растениями. По настоящее время в этой местности свирепствует лихорадка, а о болотах и девственных лесах нечего и говорить. По Геродоту, Ахерон – река Салагир, в Крыму, впадавшая в Гнилое море. Их ад близ устьев Тана-иса (реки теней предков).*

реке Ахероне, пещере, имевшей дверь в ад, из которой мощный Геркулес извлек Цербера. Борьба Геркулеса с жестокими обитателями этого края, по мнению тех же поэтов и позднейших писателей, будто также свидетельствует о желаниях греческих героев смягчить дикие нравы горцев и освободить их от жестоких тиранов.

Быть может в греческой мифологии и в свидетельствах древних писателей много правды, но да не подумает читатель, чтобы горцы за все время своего существования, вплоть до рождества христова, обреталась беспрерывно в состоянии нравственной испорченности; наоборот, были периоды, когда многие стороны их жизни заслуживали внимания, как и жизнь других народов, уважавших законы гражданские, и законы нравственные. К сожалению, при каждом стремлении их к улучшению неожиданная волна, прибывшая из других стран, уничтожала попытки и вновь направляла горцев к их прежней дикой жизни. Эти волны прибывали часто, и немудрено, если горцы при столкновении с чужеземцами, в обеспечение своей независимости беспощадно проявляли против них разного рода жестокости, пока, наконец, свет христианства воссиял и в странах Понта.

Но, прежде чем, перейти к сказанию о духовном возрождении, посредством евангелической проповеди, колхидцев, а, следовательно, и горцев, населявших восточный берег Чёрного моря, я позволю себе указать на некоторые остатки язычества, которые до сих пор сохранились между горскими племенами. Остатки эти во многом тождественные с остатками языческой религии, которые и теперь можно видеть между племенами всех стран света. Замечу, однако, что совершение языческих обрядов у горцев происходило и происходит вовсе не в той грубой и жестокой форме, какую мы видим у разных диких народов; по крайней мере, в этом отношении абхазцы* и черкесы стояли выше всех дикарей.

Подтвердим это мнение фактами.

Замечательно то обстоятельство, что абхазцы всегда верили в единое верховное существо, одаренное всеми качествами, которыми по нашим представлениям одарен бог, приписывая этому существу

---

* *По свидетельству поименованных выше писателей, а также Завадского, Краснопольского и царевича грузин Вахушта, абхазцы носили разновременно следующие названия: 1) Ап-асы, 2) Ава-г-асы, 3) Абасы, 4) Агу-асы (огненные осы), 5) Ап-ч-асы, 6) Абасги, 7) Абазы, 8) Абзне, 9) Абхазы, 10) Апсуа, 11) Апсн, 12) Кушга зин, 13) Тапанты, 14) Апсилы. (Абхазцы уверяют, что они – выходцы из Абиссинии).*

самое мелочное вмешательство в дела людей и жестокое преследование и немедленное карание всех человеческих слабостей. Отсюда надо думать, что абхазцы под влиянием сынов царства израильского, разбросанных по греческим и римским колониям*, более имели представление о ветхозаветном Иегове, жестоко каравшем народ за их пороки. В молитвах своих, читающихся при жертвоприношениях и других религиозных обрядах, абхазцы, взывая к Богу, говорят также: «Ах-дау», что значит «господи, владыка, великий» или же «Ах-дау зилипха-ххаури», что значит «боже великий, милосердный, многомилостивый». Следовательно, приписывая верховному существу разные качества жестокости, вместе с тем верят и в его милосердие и эта вера, по всей вероятности, внушена христианским учением.

Абхазская мифология дает верховному существу в помощь множество других божеств, созданных богом, по их понятиям прежде человека и всей вселенной. К этим божествам они обращаются как к посредникам между людьми и Богом. Посредники эти состоят в повиновении у верховного существа, который посылает их к людям, если нужно кого-либо наказать или на кого-нибудь ниспослать свою милость. По примеру всех народов, находившихся в младенческом своем развитии, абхазцы нашли нужным создать в своем детском воображении множество второстепенных божеств, определяя каждому специальное назначение. Всякое атмосферное явление, всякая опасность, угрожавшая человеку и его достоянию, всякий труд, обеспечивающий существование человека, имели отдельных покровителей. Божества эти не имели никаких изображений и до сих пор неизвестны какие-либо изображения, свидетельствующие об облечении какого-либо божества в осязательную форму.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №11

**По сказанию евангелиста Луки, иудеи, жители, стран Понта (Деян.2.5), пришедшие на праздник иерусалимский, были свидетелями св. духа на апостолов и апостол Петр обратил около 3 тысяч (Дечн.ап.ч.41). Новообращенные могли возвести соотечественникам виденное и слышанное. Вот начало христианства с 1-го же века в Понтийской стране. Гонимые христиане и новообращенные евреи распространяли христианство в странах Понта и не упускали из вида цветущего города «Диоскурия». Салманасар Ассийриский, царь в 7 веке до р.х. поселил евреев на реке Го-зан (Черное море) – Ив. Шопен. – Кавказ, стр. 201.*

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Полковник А.Н.Введенский в своей брошюре под названием: «О религиозных верованиях абхазцев», сделал прекрасное описание главных божеств абхазцев и совершаемых в честь их молениях*, а потому для полной картины настоящей моей статьи считаю нужным учинить выписку из этой брошюры, хотя заранее предупреждаю читателя, что ни г.Введенский, ни полковник Званбай, также занимавшийся составлением описаний верования абхазцев, ни единым словом не коснулись верований самурзаканцев. В нравах и обычаях абхазцы и самурзаканцы ничуть не отличаются друг от друга, но в названии божеств и в веровании есть значительная разница.

У абхазцев на первом плане стоит покровительница посевов – Джаджи. Ей совершаются моления два раза в год; в марте – при открытии весны, и в ноябре после уборки кукурузы. При молениях не бывает особенного торжества, а напротив – все происходит тихо – в каждом семействе отдельно. Кушанья в день моленья приготовляются постные из хлеба и плодов, возделываемых в хозяйстве. Молится хозяин дома и благодарит Джаджу за урожай, или же просит неурожай одного года вознаградить урожаем будущего.

Аетар – покровитель домашнего скота и хуторского хозяйства. Моление происходит в субботу. Жертвоприношения состоят из молочных продуктов или из теленка, вспоенного молоком, смотря по средствам. В пищу употребляют кашу, сваренную жидко на молоке новотельной коровы. По понятиям абхазцев нельзя продавать молока отелившейся коровы до тех пор, пока не будет принесена жертва Аетару, так как употребление в пищу молока раньше этого – влечет за собою бесплодие коровы. Кругом котла или чашки, наполненной пищею, становятся все пастухи, и старший из них по летам, взяв восковую свечу, читает молитву, в которой просит Аетара о размножении стада и о защите их от хищных зверей, затем бросает три ложки кашицы на поставленную вблизи жаровню с угольями, а ос-

---

* *Описание некоторых божеств взято г. Введенским из записок полковника Званбай (родом абхазец), проверенных и дополненных им же, Введенским, показаниями жителей. Но, надо полагать, что показания эти отбирались только у абхазцев, показания же самурзаканцев не вошли в брошюру.*

тальную кашу съедают присутствующие, Если молитва совершается с принесением в жертву теленка, то куски с мяса его также бросаются на раскаленные уголья.

Ажвепшаа – бог лесов и всех диких зверей. Ему приносят жертву охотники в половине или в конце декабря, – пред отправлением на охоту. Составив складчину, покупают козла или барана и, когда он зажарен, старый охотник молится, прося об удаче во время охоты, бросая частицы жаренного мяса на уголья.

Дзыз-лан – покровительница вод. Ей молятся только одни женщины, причем молящаяся должна отличаться честною и хорошею жизнью. Чаще всего молятся этой богине женщины, только что вышедшие замуж, а также женщины недавно родившие, так как ни в том, ни в другом случае не могут идти они за водою, не боясь нападения наяд. В жертву приносят курицу и пшеничный пирог с сыром. Съедают их женщины, а мужчина, даже случайно присутствовавший при этой молитве, наказывается болезнью. Старухи, знающие эту молитву, изучают также некоторые правила акушерства, и пользуются богатыми подарками.

Джикер-Салат-ах-ду – направляющий мысли человека. Этому божеству молятся раз в год мужчины и женщины. Моления и жертвоприношения происходят под открытым небом, Выбирают между цыплятами курочку и надрезывают гребешок. После этого курочка считается священною и не может быть употреблена в пищу. Когда цыпленок подрастет, его режут и варят без соли и перцу, прибавляют четыре маленьких четырехугольных хлебца из пшеничной муки и все эти яства складываются в чашку. Молящийся берет жертву и черепок с угольями, выходит из дому так, чтобы его никто не видел, и, бросив ладан на уголья, обращается к Джикер-Салату со следующей молитвой: «Джикер-Салат-ах-ду! Ты, который управляешь разумом человеческим, просвети мой ум светом твоим, остереги меня от всех необдуманных поступков и научи меня жить со всеми в согласии». После этого молящийся бросает кусочек хлеба и курицы на уголья, с остальной жертвой возвращается в дом и предлагает своему семейству и гостям закусить. Если молившийся дурного характера, то никто, ни из посторонних, ни из близких не прикасается к жертве.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №12

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Шещ – покровитель кузнечного и слесарного дела. Моления ему происходят накануне нового года. Хозяин режет телёнка или барана, а жена его по одному петуху на каждого члена семейства и приготовляет пирог из пшеничной муки со свежим творогом. Печёнка и сердце всех зарезанных животных жарятся отдельно, причём вместо вертела употребляется палочка из свежей ветки ольхи. После этого приносят их в кузницу, хозяин складывает все свои инструменты на наковальне; вблизи её ставят жаровню с угольями и всё семейство его располагается на коленях кругом наковальни. Сняв башлык и пояс, в знак обращения к божеству с открытым сердцем и мыслями, кузнец зажигает восковую свечу, бросает ладан на уголья жаровни и читает молитву, прося о ниспослании здоровья, долголетия, и чтобы все орудия, которые делаются из железа, послужили в пользу. После этого хозяин отрезает маленькие кусочки пирога и потрохов, сжаренных на ореховом вертеле и бросает их на жаровню. Затем хозяин раздает по кусочку мяса и пирога каждому члену семейства, которые, съев их, запивают тремя глотками вина, специально предназначенного для этой цели во время уборки урожая, и хранящегося в кузнице. К этому вину не может прикасаться никто: ни хозяин, ни из посторонних.

По понятию абхазцев, божество, имя которого было призвано ложно, немедленно наказывает провинившегося способами, входящими в круг его специальности. Так, призвавший ложно имя Афы, распоряжающегося грозою, не может быть наказан через посредство огнестрельного и холодного оружия, так как все орудия составляют специальность божества Шещ, которому чаще всего приносят присягу. Присяга бывает двух родов: в кузнице и под открытым небом.

В первом случае кузнец, положив на наковальню молот, становится тут же, сложив руки на груди; присягающий становится по другую сторону наковальни, против кузнеца, а тот, по делу которого приносится присяга, становится в стороне. Присягающий, взяв молот в руки, говорит: «Если я виноват в том, в чем меня обвиняют, то пусть Шещ разобьет мне мою голову на наковальне». После этих слов ударяет три раза молотом по наковальне и присяга кончена.

Во втором случае, вбивают две палки на некотором расстоянии одна от другой и на них вешают заряженные оружия; присягающий становится между двумя дулями ружей (присутствующие остаются

в стороне) и говорит: «Если я сказал ложь, то пусть Шещ пронзит мою голову пулями из этих ружей», а после этих слов три раза проходит между ружьями.

Принесший ложную присягу, при первой болезни, сопряженной с головной болью, (исключая серябряков, которые за ложную присягу наказываются ломотою и искривлением членов), снаряжает родственников к ворожее – узнать причину болезни. Ворожея, знающая обыкновенно от кузнеца обо всех принимающих присягу, раскидывает зерна лобии, или смотрит на звезды и указывает на причину, - именно на ложную присягу, принятую больным. Сейчас же идут родственники к тому лицу, против которого принята больным ложная присяга и подарками склоняют на прощение, обещаясь за все удовлетворить его. Больной по выздоровлении и удовлетворении обиженного, отправляется вместе с ним, кладет 2 руб. и обращается к Шещ, благодаря за выздоровление. Принесенные им баран, хлеб и вино передаются кузнецу, от которого после молитвы получают кусочек сердца и печенки от барана, которым угощает семью и родственников. Ворожея и кузнец никогда не остаются без дела и без вознаграждения.

Аф[53] – бог и повелитель грома, молнии и всех атмосферических явлений. Моления эти совершаются самым торжественным образом. В день, назначенный для молитвы, что бывает летом при отгоне стада в горы и при возвращении его оттуда осенью, пастухи селения разделяются на группы и каждая выбирает какое-либо живописное место в лесу, около ручья или реки, потом режут баранов и старший из пастухов, долженствующих отправиться в горы, обращается к Афу, моля его сохранить, как их самих, так и стадо их от громовых ударов. Женщинам и детям строго воспрещается присутствовать при этих молениях.

Во время продолжительной засухи жители совершают моления Афу. Все приглашенные должны принести с собою гоми, хлеб, непременно пресный, свежий сыр и кувшинчик вина. После этого почетный старик берет веревку, надетую на рога лучшего быка и, сняв шапку, читает следующую молитву: «О, Аф, повелитель грома, молнии и дождя! Сжалься над твоим бедным народом. Наши посевы засохли, трава выгорела, скот издыхает без корма и потому нам угрожает голодная смерть. Повели собраться дождевым тучам, повели загреметь грому, засверкать молнии и пошли дождь для погибающего народа». После этого жертва закалывается, мясо ее варится и начинают пировать при пении хвалебного гимна в честь Афа. Гим-

ны эти поются и при грозе, прося Аф – послать хорошую погоду. На пирах обыкновенно один из стариков обращается к присутствующим с речью, в которой напоминает, что все, чем они пользуются в настоящую минуту, есть благодать, данная Афом и предлагает возблагодарить его; тогда один из присутствующих начинает прославлять бога: «Анца дуква зилипха ххаура! Который с молнией с неба нисходишь, и с громом на небо возносишься, которому известно число звезд на небе и число песку на дне морском» и т.д и оканчивает воззвание словами: «Ах-дау»; все присутствующие, разделенные на две группы, поочередно повторяют каждый куплет гимна и непременно по три раза.

В случае, когда домашняя скотина убита молниею, необходимо принесение жертвы в честь Афы, – в противном случае, если он не будет умилостивлен жертвою, надо ожидать вторичного его посещения. Хозяин собирает целое селение, без разбора пола и возраста. На месте, где убито животное, устраивается вышка, сажен полутора вышиною, чтобы хищные животные не могли до нее добраться. Все присутствующие окружают убитое животное, берут друг друга за руки и, приплясывая, поют; одна половина запевает «Воетла», другая отвечает: «Чаупар». При пляске и пении поднимают животное на вышку и оставляют его там на съедение хищным птицам. Затем хозяин убивает быка, благодарит Афа за посещение, но просит вместе с тем, чтоб более не посещать его. Потом едят мясо с кушаньями, принесенными из дому, как-то: хлеб, сыр, вина, и пируют целый день. День, в который скотина убита молниею, считается памятный в семье, и ни глава семейства, ни дети его во всю свою жизнь в этот день никому и ничего не дадут, говоря, что в этот день они ожидают посещения Афа.

С человеком, убитым молниею, совершается тот же самый обряд, причем во время пляски около трупа воспрещается плакать, в противном случае виновных ожидает поражение громовым ударом. Тело убитого кладут в гроб и ставят на вышку до тех пор, пока не останутся от трупа одни кости, - тогда гроб снимают и хоронят, совершив над ним обыкновенный погребальный обряд и установленные обычаем поминки.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №13

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Эйриг-аацных – покровитель воровства, грабежей и разбоев. Моление этому богу производится только лицами, исключительно занимающимися покровительствуемой им профессией, и всегда в одном месте, именно в окрестностях селения Ац, на горе между рекой Апстой и ручьем Дохури. В жертву Эйриг-аацных приносятся четыре конических хлеба, над которыми читается молитва, испрашивающая благословение предприятию и дается обещание – в случае успеха пожертвовать что-нибудь богу. Благодарственная жертва состоит из какой-нибудь украденной вещи, а если предмет воровства лошадь или рогатый скот, то из пряди волос животного, и все это вешается на деревьях в окрестностях того места, где предполагается местопребывание Эйриг-аацных.

Но сильнейшим из всех святых считается Аныбс-ныха – Дудрюпш, местопребывание его на горе Дудрюпш[54] – в селение Ачандара и всякий осмелившийся подняться туда немедленно наказывается слепотою, поэтому молитва и жертвоприношения ему совершаются у подножия горы. Исключительной профессии Аныбс-ныха никакой не имеет, но считается выше и могущественнее всех божеств. Порядок моления и жертвоприношения ему те же самые, как и Шещу, с тою только разницею, что при принесении присяги говорится вместо «пусть разобьет мою голову на наковальне» – «пусть Аныбс-ныха пошлет мне слепоту и всякую болезнь». Абхазцы-язычники и абхазцы-христиане по настоящее время с особенным уважением относятся к священной горе Дудрюпш и к Илорской церкви во имя св. Георгия. Если виноват абхазец, то он никогда не пойдет принять присягу ни к одному из указанных священных мест. В 1870 году один из землемеров взобрался на гору Дудрюпш для съемки плана и, получив сильнейшую простуду, умер через несколько дней. Абхазцы же такую скоропостижную смерть приписали божеству, восседавшему на священной горе, которое всех наказывает смертью за дерзкое поднятие на гору. Во всех спорных делах – в уголовных и гражданских, по народному обычаю абхазцы и самурзаканцы оканчивали дела принятием присяги в Дудрюпш или в церкви св. Георгия. Перед принятием присяги или пред принесением жертвоприношения абхазцы должны покупать на это разрешение у фамилии «Чичба», под надзором которых находится местопребывание

Аныбс-ныха и у фамилии «Мерчули», владеющей церковью св. Георгия в селении Илори. Те и другие получают отличные доходы и живут припеваючи.

Теперь перейдем к божествам, чтимым самурзаканцами, составляющими родственное племя с абхазцами.

Жини* – высший. Этому божеству молятся в то время, когда симптомы болезни связаны с сильным бредом или припадками бешеного состояния больного. Призывается один из почётных стариков, который, безусловно, должен знать абхазский язык. Для жертвоприношения выбирается козленок и барашек (самец) белой масти. Если больной не слишком удручен болезнью, то идет пешком к назначенному для моления месту, в противном случае его несут на носилках. При молитве воспрещается присутствовать женскому полу. На выбранном месте ставят четыре столба, на которых горизонтально кладут четыре балки, потом режут козленка и барашка, и, сварив их в котле, приглашают упомянутое выше почетное лицо для молитвы. Последний возносит очи к небесам и просит о ниспослании больному полного выздоровления. Мясо съедается на месте, а столбы с балками, котел и шкуры с козленка и барашка оставляются на месте, и никто ни из родственников, ни из посторонних лиц не смеет прикоснуться к ним.

До выздоровления больного родственники его и посетители поют песни, играют на балалайке, а комнату, где лежит больной, обклеивают белым коленкором или белой бязью. Строго воспрещается подходить к больному в какой-либо одежде, кроме белой. Около того места, где разводится огонь, ставят стол с белой скатертью, а в углу комнаты во все время болезни висит козье мясо.

Галениши – хранитель от дурного глаза. Этому божеству молятся в трех случаях. В первом случае, – когда родильница благополучно разрешается от родов, во втором – когда невеста переселяется на жительство в дом своего жениха, и в последнем случае, когда по заверению ворожеи, нечистая сила или нечистый глаз испортил или сглазил кого-нибудь. Все моления происходят под открытым небом. Родильница, по выздоровлению варит в молоке до 40 штук шариков из пшеничного или кукурузного хлеба, смотря по состоянию, потом

** Древние азиатские племена Жины поклонялись первой исследованной ими планете – луне (Ив. Шопен, с. 3).*

она отправляется в сопровождении одной почетной старухи к берегу ближайшей речки и, став на колени, просит старушку помолиться за нее. Старушка ломает с соседнего дерева несколько веток с листьями и, связав их в виде веера, обвивает свою пациентку, приговаривая о сохранении здоровья ей и новорожденному или новорожденной. Затем бросает ветки в реку и велит родильнице идти домой, не оборачиваясь назад.

Спустя 15 дней после переселения невесты в дом жениха, совершается опять-таки почтенною старушкою, такое моление, какое описано выше, прося о ниспослании невесте счастливой и мирной жизни.

Если же нечистая сила испортила кого-нибудь, или же кто кого сглазил, то по совету ворожеи ведут больного на указанное ею место и в молениях своих просят о даровании больному, или больной скорого выздоровления, но при этом строго соблюдается, чтобы для больных, принадлежащих к мужскому полу, резали козла и барана, а для лиц, принадлежащих к женскому полу, резали овечку и козочку.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №14

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Гекуло – моления в честь этого божества совершаются по вторникам, четвергам и субботам, в тех случаях, когда дети впоследствии простуды, захваченной в вечернее время около речек, под открытым небом, чувствуют себя больными: вялыми, изнуренными и с наклонностью ко сну. По совету той же ворожеи приглашается старушка, которая, набрав воду из речки в какую-либо посуду, вешает ее над очагом (место, где разводится огонь). Затем берет золу и, рассыпая ее по направлению к дверям, молится, чтобы болезнь улетучилась в далекое пространство. Операцию эту производят три раза, а потом велят, чтобы после заката солнца не оставляли детей на дворе.

При нападении леших, которых представляют в образе голых детей, разъезжающих на лошадях, большею частию по ночам, или при приближении нечистой силы, заставляющей человека сбиться с дороги, не произносят никакой молитвы, а моментально снимают черкеску и надевают ее наизнанку. Если это не поможет, то снимают всю одежду, в том числе и белье, и, опять-таки, надевают наизнанку, после этого, безусловно, открывается потерянная дорога.

Очкадуре – кузница. Моления в кузнице совершенно одинаково происходят как у самурзаканцев, так и у абхазцев, и с теми же материальными выгодами для кузнеца и ворожеи; можно добавить к этому только, что больной по выздоровлении обязан прослужить в кузнице от одного до трех месяцев, и что самурзаканские кузнецы при молении обращаются к какому-то Соломону. Это обращение не перешло ли от сынов израилевых или от древних кузнецов халибов, населявших Абхазию в древние времена?

Напра – Молитва этому божеству ежегодно обязательна для каждого семейства; глава семьи берет два пшеничных пирога с сыром, идет в кукурузник и, становясь по направлению к западу, молится и просит о даровании урожая, причем достает вино из кувшина, заранее назначенного для этой молитвы, и потом предлагает всем членам семьи пить и закусить. Если же глава семьи пропустит эту молитву по каким-нибудь обстоятельствам, даже независящим от него, то моментально заболевает, а потому, чтобы умилостивить разгневанное божество, то по совету ворожей приносят в жертву не остриженного барашка.

Адгилиши-хвама – божество очага. При заболевании молодой невестки или ее сына, домочадцы сей час решают на домашнем совете, что болезнь прислана за неисполнение установленной молитвы над очагом. Почему старшая из женщин приготовляет громадных размеров кукурузный пирог о сыром и обращаясь к очагу, просит пощадить больных и не причинять им никакого зла. Это моление совершается ежегодно по одному разу.

Чечетоба – накануне Успения, (14 августа) собираются парни и девушки, и идут к месту пересечения трех дорог. На этом месте разводят большой костер и вокруг него танцуют и поют песни, а затем, по мере уменьшения пламени, перепрыгивают через костер. Эти танцы и песни продолжаются до 12 часов ночи. После этого по правую сторону костра парни кладут трубку, кисет и топор, а по левую девушки кладут зеркало, гребешок, балалайку, белила и румяна. Затем все бегут и скрываются в соседнем лесу, располагаясь так, что-

бы им был виден огонь. По их понятиям после 12 часов должна явиться ведьма из Мингрелии (мингрельским ведьмам отводят место на горе Табакона, находящейся недалеко от знаменитого Мартвильского монастыря – бывшая резиденция мингрельских Чкондидели – епископов), или же сама смерть в образе человека. Если же скрывающиеся в лесу замечают, что к огню приближается ведьма, которая пляшет, скачет и стремится согреться около костра, то выскакивают из засады, и с шумом и криком прогоняют ее, а если же подходит сама смерть, – то молчат и с замиранием сердца следят к чьей вещи дотронется она. Осмотревшись кругом, смерть садится около огня, понурив голову, и устремляя свои взоры на разложенные вещи, берет одну из них, держит ее в руке, вздыхает несколько раз, и потом, положивши на место, медленно удаляется; спустя немного времени ожидающие в лесу с трепетом подходят к костру и начинают тихо, скромно проливать слезы за участь того лица, вещь которого была поднята смертью, так как в том году неминуемо ожидает его смерть.

Урепи до чакепиши хвама – моления о сохранении размножения жеребцов и кобылиц. Является пастух, который смотрит за табуном кобылиц и приносит в заранее назначенный дом вино, капусту, мякиш пшеничного хлеба и лобио (фасоль). Из мякиша он приготовляет множество фигур, походящих на жеребят, кобылиц и на жеребцов. Затем все эти фигуры бросает в чашку, наполненную вином, и небольшие куски засохшего навоза. В своей молитве обращается к всевышнему и просит об обогащении присутствующих числом лошадей. Присутствующие, не исключая женщин, по очереди подходят к чашке и, став на колени, руки держат назад, а губами стараются схватить одну из фигурок, плавающих в вине. Если кому удастся схватить фигуру кобылицы, тот будет обогащен целым в текущем году табуном кобылиц, если жеребца – то будет идти размножение жеребцов и т.д., но тот, кто схватит лошадиный навоз, пусть не ожидает никакой прибыли.

Есть еще обряд, который совершается без всякой молитвы. Этот обряд совершает молодежь, когда желает узнать суженую или суженого. Рано вечером пекут пшеничные или кукурузные лепешки, с таким количеством соли, чтобы невольно вызвать страшную жажду. После принятия нескольких лепешек идут спать. Сон ужасно беспокойный, – если девушке явится парень с водою, то это значит, в том же году она выйдет за него замуж, а если парню подает девушка воду, то он женится.

Во время засухи собирается целое селение и на берегу реки вбивают палки крестообразно, надевают на них башлык и женское платье – это изображает мужчину и женщину, обращающихся к богу с просьбой о ниспослании дождя, – потом пляшут, поют песни и под конец с шумом бросаются в реку, полагая, что эволюция способствует к поднятию паров и сгущению их в капли дождя.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №16

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Оспа-брюнетка и оспа-блондинка: под именем оспы подразумевают мужчину и женщину, из которых мужчина – брюнет, а женщина – блондинка. Обе они облечены безграничною и всемогущею властью над людьми. Если заболевает кто-нибудь черною оспою, то говорит: «Мы осчастливлены посещением господина оспы», а если белою, то говорят: «Нас осчастливила своим внимание госпожа оспа». Во время болезни около больного или больной стоит стол, на котором лежит сахар, яблоко и разные сласти, а в углу висит козлятина и балалайка. По временам играют на балалайке и тихим голосом поют разные песни. Безусловно, воспрещено разводить огонь в комнате больного, а также вносить кипяченую воду, либо свинину. Пищу готовят в собственном доме, а для освещения – днем и ночью в комнатах горят восковые свечи. Посетителей пускают со следующей церемониею: сначала каждый обязан три раза поклониться больному или больной до самой земли, потом улыбнуться и сказать: «Наш дорогой и великий барин (или барыня)! Как поживаете, как здоровье Ваше? Очень и очень рад, что вы изволили посетить нас. Надеемся, что Вы останетесь довольны нашим гостеприимством и не взыщите, если не сможем достойно угодить Вам».

На случай смерти больного ни родственники, ни посторонние не смеют оплакивать его и, даже втихомолку, выражать свою скорбь, – иначе оспа моментально перейдет к виновному или виновнице.

Ткабобуа и Кучха – обряд принятия счастливца. Накануне нового года собираются все члены семейств, отсчитывают крупные орехи по числу душ, как своей семьи, так и семьи родственников и знако-

мых своих и разбивают эти орехи по очереди. Если окажутся пустые орехи, то умирают все те, для которых они предназначались судьбою, а если все полные – то ожидает всех здоровье. На другой же день ночью эти же лица приготовляют размазню из кукурузной муки, а потом один из них, взобравшись на стол, обрызгивает стены дома этою размазнею. Те шарики, которые целиком пристают к стенам, означают в том году большой урожай кур и те, которые распадаются на мельчайшие частицы – указывают на неурожай цыплят. После этого разом подходят к чашке, наполненной размазнею и начинают друг друга мазать. Мажут также и гостей, нечаянно явившихся к ним без разбора пола и сословия. На третий день выбирают человека, у которого счастливая нога. Если в семействе нет такого счастливца, то приглашают из другого семейства. Этот счастливец берет кувшин воды и отправляется к ближайшему соседу на ночлег. До его возвращения назад никто из выбиравших его не имеет права выходить из своего дома. Подойдя к дверям, счастливец кричит:

– Отворите двери!

– Что несешь? – спрашивают его из комнаты.

– Несу милость и добро всевышнего!

Эта церемония продолжается три раза, а потом отворяют двери и входит счастливец, обрызгивает все комнаты водою, приговаривая: «Сему дому милость всевышнего». Таким же образом обходит он конюшню, амбар, винный погреб и все здания, а под конец садится за общим столом. Выходить из дому до самого вечера воспрещено, так как от этого выхода, по их мнению, домашние птицы могут одичать, а люди с ума сходить.

В день крещения господня запасаются плющами и ветками орешников и ходят с этими украшениями. Потом собирают ветки с винных ягод и кладут посредине очага. Концы веток с одной стороны держат девушки, а с противоположной – молодые парни. После того, как перегорит средняя часть, с оставшимися концами выбегают из разных дверей и опрометью мчатся до тех пор, пока не изменят им ноги, – пресмыкающиеся, в особенности змеи, не переступят дальше этого места, где пришлось бегущим перевести дыхание. Назад также бегут с той же скоростью, и кто раньше добежит до очага – его или ее ожидает в награду огромный кусок сырного пирога из кукурузной муки.

Во время пробы молодого вина прежде благодарят всевышнего, а потом обращаются к соседям со следующими речами:

«Чучелия, мамулия,

Скани мамали пурцелия,
Чкими мамули харлилия!»

Все это в переводе означает пожелание, чтобы виноградники соседей приносили одни голые листья, а собственный виноградник давал побольше виноградных кистей.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №20

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Алерти; моление происходит в августе и, надо полагать, что оно введено после принятия абхазцами христианства, так как в Мингрелии по настоящее время есть образ, который носит название «Алерти». При молении режут петуха, приготовляют два сырных пирога, зажигают восковые свечи и произносят следующие слова:

«Алерти скани тибини
Алиани, чалиани шорише гаарти,
Саморзгвебудо хус ей калаауни».

Это означает просьбу, чтобы Алерти послал свою милость, чтобы он сопутствовал по правой стороне плеча и давал победу моляще-муся.

Именем всевышнего, призывая и других божеств, происходит проклятие над теми недоброжелателями, которые из каких-либо личных интересов или из чувства мщения лишают кого-либо супружеской деятельности, причем после неоднократных проклятий и угроз нередко молодой человек, которому не посчастливилось в супружестве, всенародно заявляет, что боги помогли, и он пришел в прежнее состояние.

Абхазцы и самурзаканцы глубоко верят в загробную жизнь. По их понятиям душа умерших никогда не покидает своих родственников, оставшихся в живых, к которым часто является с разными просьбами и требованиями. Поэтому всегда оставляется свободное место около стола для невидимо присутствующей души покойного. Над могилой же его по праздничным дням кладут хлеб, фрукты и вино, а в стороне вешают полотенце для умывания и вытирания рук.

Чтобы утопленнику возвратить душу, перекидывают через реку шелковый шнурок, к которому посередине привязывают продолговатый кожаный мешок. На правом берегу стоят мужчины, а на левом – женщины. По данному сигналу начинаются танцы, игра на балалайках и песни о том, чтобы душа утопленника вошла в привязанный мешок; так как этот мешок полуоткрыт, то немудрено, если в него входит воздух и увеличивается объем, – заметив это, моментально снимают мешок со шнура, уверяя друг друга, что душа уже вошла в него, потом берут и выдавливают на могиле утопленника, поздравляя друг друга, что тело соединилось с душой, и последняя болше не будет страдать.

Торопясь ввести читателя в христианский мир, я пока оставлю языческие верования абхазцев.

Вновь повторяю, что по сказанию евангелиста Луки*, многие из обитавших в Понтийской стране были свидетелями распятия Христа и сошествия св. Духа на апостолов, отчего последние стали говорить на разных языках, и в тот же день апостол Петр обратил около 3-х тысяч человек**. Поэтому немудрено, если многие из новообратившихся после своего крещения удалились из Иерусалима и возвестили своим соотечественникам, жившим на Понтийской земле, о виденном и о слышанном. Как только семена христианства проникли в Понт, то, без сомнения, светом христианства могли озариться диоскурийцы и большая часть горских племен, живущих на восточном берегу Черного моря.

Был ли апостол Петр в Понтийской стране? Да, он посещал эту страну два раза, посещал и город Диоскурию, и писал соборные послания христианским переселенцам Понта.*** В первое свое путешествие апостол Петр из Валании отправился к Эквсинскому Понту (к Черному морю или гостеприимному морю), был в Синопе понтийском, в Амасии – центре Понтийской области. Петр сначала проповедовал между иудеями, а после видения плащаницы и крещения Корнелия, между римлянами и туземцами. Диоскурия (нынешний Сухум), находясь в 250 верстах от Трапезунда и представляя из себя центр сбора многих торговых народов, а также и горцев, легко могла привлечь внимание апостола Петра, тем более, что со-

---

* *Деян. Апост. 2, 10.*

** *Деян. Апост. 2, 41.*

*** *Чите и Минея 29 июня. Первое соборное послание Петра, ч. 1. Деяние апостолов ч. X, X1, стр. 5. По сказанию древних писателей в Диоскурии жили до 300 разных племен (Страбон, Плиний, Арриан, Степан Византийский и др.).*

борные послания Петром писались к римлянам, занимавшим Понтийские провинции, а так как, по бесспорному свидетельству классических писателей, в Диоскурии процветали римские колонии, и в 4-х верстах от Сухума стоял римский когорт, то горцы легко должны познакомиться с учением Христа. Между кавказскими горцами в Понтийской области христианство распространялось теми лицами, которые терпели разные мучения и гонения со стороны римских императоров, и которыми они и ссылались как в наказание в дальний Понт, или же сами выбирали убежища в неприступных понтийских трущобах.*

Апостол Павел, рожденный в Тарсе Киликийском, вместе с учеником своим Варнавой проповедовал также в Понтийской области между язычниками христианство и укреплял в вере обращенных.

Апостол Андрей, пройдя Новокессарию, Самосаты, Аланы, Абазги, Зикки** (Джиги), Босфорины, Понт, Скифию, Сигнеты, Херсонес, доходит до Киева. Андрею сопутствовал Симон Канонит, могила которого находится в Абхазии. Как Андрея, так и Симона Каннанита абхазцы в настоящее время знают по преданию и указывают могилу последнего в селении Псырцха – древняя Анакопия или Никопсия, в нынешнем Ново-Афонском монастыре.***

По свидетельству Оригена, Ипполита и св. Дорофея – Епископа Тирского, апостол Андрей достиг Севастополя Великого (Диоскурии). Епифаний – Епископ Кипрский, также утверждает, что Андрей проповедовал Евангелие в Севастополе абазгам (абхазцам). Архиепископ Евхерий и Исидор Испалийский говорят, что Андрей получил в удел Скифию и Абхазию.****

---

* *История Рима и его поселения, Нибура.*

** *Аланы, абазги, зикки, джики и множество других племен жили в соседстве с Диоскурией, а абазги и абхазцы составляли одно племя.*

*** *Подробное описание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря сделано членом Московского Археологического общества архимандритом Леонидом. В книге Леонида много фотографических рисунков с древних монастырей с различными надписями на греческом яз. Разновременно это место носило следующие названия: 1). Анакопия, 2). Никопсия, 3). Никофия, 4). Никополь, 5). Никопсист, 6). Фанакопия, 7). Псирцха и 8) современный Новый Афон. Недалеко там есть селение Анухва, где жили в древности Анухареты.*

**** *Кроме греческой Ахаии была и другая Ахая, лежавшая на восточном берегу Черного моря близ Скифии, где жили шапсуги, принадлежавшие к черкесскому племени.*

Вообще о проповеди евангелистического учения апостолом Андреем и Симоном Канонитом в Абхазии чрезвычайно много свидетельств (Ориген, Ипполит, Дорофей – Епископ Тирский и др.).

Понт посещали также св. Варфоломей, св. Филипп, сестра его Мариана, св. Июда, Фаддей Левий, святой Яков, брат господень св. Иоанн Богослов.* с св. Прохором, св. Фадей – ученик Иоанна Предтечи, св. Енафрас – сопутник апостола Павла, св. Крискент, св. Крист, Филолог, св. Логгин и др.

Конечно, на первое время христианство не могло укрепиться, но важно было то, что оно имело множество последователей и, кроме того, постепенно почва очищалась для смягчения нравов горцев и их обращения в христианство. Как дело шло до Юстиниана великого или до Прокопия, – подобных сведений мы не имеем, но для нас важно пребывание в этом крае вышепоименованных апостолов и достойнейших их последователей.

Правда, поборники христианства претерпевали страшные мучения, самую смерть, претерпевали гонения со стороны языческих философов, в позднейшие времена и от магометан, ровно как и от жестоких правителей. Были моменты, когда казалось, что вот-вот христианство исчезнет с лица земли, но брошенные верными руками семена христианства снова выросли, и замечательно то, что на костях мучеников воздвигались здешние храмы, до сих пор сохранившиеся, а в памяти народа хранятся имена проповедников евангелического учения.

Что св. Иоанн Златоуст посещал Диоскурию, в этом нет сомнения, так как стражи, ведшие его из Трапезунда, должны были побывать сначала в Диоскурии, а потом продолжать свой путь по направлению к Пицунде. Но Великому святителю не суждено было видеть назначенное ему место для заточения** – он умер в дороге.

Евсений (кн. 4, 5, 7, 12, стр. 23, 32, 53), Епифаний (в книге da ensura et ponderep), Вильгельм Тигюрин, Никифор Калист (кн. 4, стр. 17), Руфин (кн. 2), Сезомен (кн. 3, гл. 13), Винцентий (2, кн. Seculi), Феодорит (кн.2), Вильгельм Штуке на перипл Арриана (ст. 56), Хаикондил (кн. 9), Пильгельм Схома (ст. 35), Лукиан (историк Лу-

---

* *Евсений кн. 3, ст. 1. Об этом же у Птолемения (Селезнев – Руководство к познанию Кавказа).*

** *Почтенный археолог архимандрит Леонид, хотя и утверждает, что св. Иоанн Златоуст скончался в городе Комане (в 12 верстах от Сухума есть древний храм на р. Гума), но вопрос этот должен остаться спорным, так как в Малой Азии еще был город Коман. Сходство имен часто заставляет нас делать крупную ошибку.*

киана Псевдомонта) и много других красноречиво подтверждают о существовании Понтийских епископов (первым Понтийским епископом был Фотий), о процветании Понтийских церквей, ровно как о гонении понтийских христиан и о мученической их жизни. (Стратофил – епископ пицундский-питиусский, присутствовал на I Никейском соборе. См. книгу Платона Иоселиани).

Надо указать еще на важное обстоятельство, именно на то, что главный страж смерти и воскресения Спасителя – сотник Логгин*, видя лично чудеса Спасителя: землетрясение, солнечное затмение, отверстые гробы, восставших мертвых, распадающиеся камни, уверовал в Христа и, несмотря на разные подкупы и козни со стороны иудейского сонмища, принял крещение, отправился в селение отца в Каппадокию, а оттуда проповедовал учение Христа по всему Понту. Следовательно, Логгин был первым понтийским апостолом.

Люди нашего критического 19 века все-таки скажут: «Этого мало, что в Понтийской области процветало христианство, процветали храмы и церкви, и проповедниками евангельской истины** являлись епископы, архиепископы и каталикосы. Нет, нам дайте доказательства, что именно в Абхазии были епископства и христианские храмы».

Первая цель моя доказать, что Диоскурию осчастливили своим посещением апостолы и достойные их ученики, мною достигнута, а для достижения второй цели буду продолжать свой рассказ.

В журнале «Министерства Народного Просвещения» (1883, ч. 20, с. 399 – 439) описаны путешествия профессора Нордмана по Закавказскому краю. В этих путешествиях перечислены разные древности Абхазии, с которыми я и хочу ознакомить читателя.

1). В деревне Апцхва принадлежит князю Маргани*** каменный храм без купола, длин. 23, а ширин. 10 аршин.

2). В укреплениях Пицунды – большой храм с куполом.

3). Недалеко от него к западу – храм без купола, длин. 7, шириной аршина.

---

* *По сказанию Четьи Минеи (16 октября) сотник Логгин, находясь при страстях господних, решился первый умершему Спасителю пронзить ребро копьем. О нем же евангелист Матфей пишет следующее: «Сотник и иже с ним стерегущий Иисуса видевши трус и бывшая, убоящеся зело, глаголище: «Во истину Божий Сын бе сей».*

** *Два каппадокийских уроженца Василий и Григорий Назианзин умерщвляли свою плоть в пустынях Понта (Гиббон Эдуард – книга III).*

*** *Должно быть Маршани, а не Маргани, так, фамилия Маргани принадлежит к дворянскому сословию, а фамилия Маршани – к княжескому.*

4 и 5). Вблизи, к северу – развалины двух храмов.

6). В одну четверть версты от Пицунды – древнейшие пространные стены, в виде параллелограмма.

7). К югу от Пицунды на 8 минут езды – развалившийся каменный храм без купола.

8). К северу Соуксу – каменный большой монастырь с куполом и оградой.*

9). Недалеко от Соуксу, около потока Пшандры – развалины храма.

10). В двух верстах от Пицунды к Бомборам, недалеко от древнего водопровода, Нордман срисовал 3 каменные конические строения не выше 1 саж., с 2-мя отверстиями одно против другого.

11). На расстоянии около 5 верст от устья реки Мчиш, по берегу к Пицундскому монастырю, – в скале развалины, занимающие большое пространство.

12). В селении Адзыбши (вероятно Адзюбжа), в имении дворян Маргани, храм без купола, не совсем развалившийся.

13). Недалеко от Сухум – Кале, между рекою Баслатою и Келасурами, близ морского берега – храм без купола с оградою, дл. 9 арш., шир. 5.

14). Недалеко от Бомборской прибрежной крепостцы – каменный храм, подобный вышеуказанному.

15). В дороге от Пицунды к Сухуму, при впадении реки Псырдх в море – развалины** стен, и дальше, на горе – две большие башни: Анакопи, Никопсис, Гиите.

16). По той же дороге, ближе к Сухуму, при р. Гумизде.[55]

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №21

---

* *В Соуксу или в селении Лыхнах, до сих пор стоит указанный монастырь, хотя теперь числится не монастырем, приходскою церквою и до сих пор идет богослужение православное. Надписи Соуксского, Пицундского, Моквского и Бедийского означены в трудах члена Кавказского Археологического Общества Д. З. Бакрадзе, а также в трудах Н. Помяловского.*

** *В этом месте воздвигнут монахами Старого Афона – Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь и возобнавлен ими же недалеко от этого монастыря один древний храм, где покоились кости Симона Кананита (в 23-х верстах от Сухума).*

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

17). Недалеко от селения Джабалырхва (правильнее – Чабалурхва), при реке Мичище, развалины стен, в которых приметны окна.

18). На месте Цкабин великолепный монастырь с куполом*.

19). Недалеко от Цкабин или Дранд – другой храм без купола, длиною десять с половиной, шириной – шесть с половиной аршин.

20). В селении Атара развалины древнего монастыря на возвышенности.

21). Около селения Челоу[56], в лощине – развалившийся храм длиною 8, шириною – 6 аршин.

22). Близ реки Мокв, храм без купола, длиной 8 с половиной, шириною 4 арш.

23). В селении Гупа – на земле покойного кн. Омара Маршани, большой каменный храм без купола, длиной пять с половиной, шириной 4 аршина.

24). На расстоянии получасовой езды от села Гуп, на возвышенности – развалины храма длиною 5, шириною 4 аршина.

25). В сел. Эшкет – храм без купола, длин. 7, шир. 4 арш.

26). От села Падгу, в имении кн. Дзяпш-ипа, на расстоянии 25-минутной езды, на возвышенности – храм без купола, дл. 8, шир. 6 аршин.

27). На полтора часа езды от сел Кутаулы[57], близ реки Мокв и Моркулы[58], на возвышенности большой монастырь с куполом без престола,** длиною в 23 арш., а шир. в 22. Престол длин. в 8, шириной в 7 с половиной аршин, следовательно, немногим меньше Пицундского. Пол в этом прекрасном храме выложен разноцветным мрамором мозаичной работы. Около этого монастыря есть приметы других развалин.

28). На 10 минут езды от Кутаул (вернее – Квитаул) – развалившийся каменный храм.

29). На двух с лишним часа езды от Моквинского монастыря, близ Гализги, на урочище Болуквы – уцелевший храм с живописью.

---

* *Этот монастырь называется иначе Драндским (в 17 верст от Сухума) и также возобновлен монахами и того же Старого Афона.*

** *Давно возобновлен и обращен в приходскую церковь, в которой идет богослужение с 60-х годов. В этой церкви погребен последний владетель Абхазии – кн. Михаил Шервашидзе.*

30). На 4 с половиной часа езды от того же места – храм без купола.

31). В селении Тамыш – храм развалившийся, без купола.

32). Близ Кутаула (Квитоула) на месте, называемом Лябра (вернее – Лабра) – каменный, развалившийся храм.

33). От Моквинского монастыря на 10 минут езды, на возвышенном месте – храм без купола, длин. в 8, шир. в 6 аршин.

34). От Моквского же монастыря на 1 час езды – храм без купола, построенный на равнине, длин. в 7, шир. в 6 аршин.

35). В сел. Гвады, на холме – храм без купола, длин. 9, шир. 5 аршин.

36). На полчаса езды от сел Гвады – храм без купола, длин. 9, шир. 5 аршин.

37). На 2 часа езды от Кутоул (Квитоул), около реки Цхенисцхали (древ. Ippas), на высокой горе – храм без купола, длин. 10, шир. 5 арш., около него видны другие развалины.

38). В сел. Келасури (св. Георгия*)– обширные развалины, о которых выше упомянуто.

39). На мысе Оскурии видны следы развалины древнего города Dioscurios или Севастополя.**

40). В укреплении Гагры – храм без купола, служащий вместо магазина.

41). В сел. Анаклия, на Ингуре, пограничной реки Мингрелии, крепостца и башня.

42). На скале в полчаса езды от сел Отары, видны многие развалины строений и приметны следы окон. Из под этой скалы вытекает река Мичиш.

43). В сел. Илори*** – развалины храма, стен и пр.

Из этого списка можно составить себе понятие о изобилии храмов, разбросанных на таком небольшом пространстве, какое занято Абхазиею и Самурзаканью, составляющими один небольшой Сухумский округ.

Председательницею Московского императорского археологического общества графинею Уваровой были осмотрены в 1886 году до 27 храмов, расположенных на восточном берегу Черного моря. Но

---

* *Не ошибка ли, так как в Келасурах не было церкви св. Георгия.*

** *Большая часть классических писателей, равно и новейшие исследователи склонны утверждать, что Dioscurios находился там, где теперь город Сухум, а Севастополис составляет предместие и находился в Келасурах в 4-х верстах от Сухума*

*** *Давно возобновлен Илорский храм и совершается богослужение*

много и много храмов осталось еще неисследованными. Эти храмы большею частью расположены на труднодоступных местах Абхазии и Самурзакани. В окрестностях Сухума было найдено до 8 древних храмов, и все осмотрены были почтенною графинею. Равно осмотрены были и цебельдинские древности.* Образа с позолотою и с надписями, изображения разных святых, а также и светских лиц со многими украшениями мною были описаны в газетах «Кавказ» и «Новости», а потому считаю лишним говорить о них.

Так как графиня Уварова сделала подробное описание храмов и распорядилась фотографировать их, то, надо полагать, что читатели найдут все сведения в ее трудах.

Почему в список древностей, составленный профессором Нордманом, не вошел знаменитый Бедийский храм, я не могу себе объяснить. По размерам своим Бедийский храм не уступал Пицундскому, Лыхненскому, Драндскому и Моквинскому монастырям. Надо полагать, что еще много и много лет пройдет, пока нашим археологам удастся собрать все сведения обо всех храмах, находящихся в Абхазии.

Я позволю себе указать на те храмы, кои были найдены мною и не вошли в список древностей, составленный разными изыскателями. Все они находятся в Абхазии и Самурзакани.

1). В поселке Гумириш, входящем в состав густонаселенного села Окум, стоят развалины древнего храма.

2). В селе Царче – Мухурской общины, стоят громаднейших размеров развалины какого-то древнего монастыря со многими приделами. На стенах, до сих пор, видны следы живописи.

3). В селениях Речхи, Цхири и Дихазурга – по два и по три развалины древних храмов.

4). На берегу реки Ингур**, против старой крепости Рухи, на самом живописном месте красуются развалины храма.

---

* *Цебельда лежит в 30 верстах от Сухума; дорога к ней шоссейная. Вся Цебельда с окрестностями славится лучшим климатом во всей Абхазии, представляет ту длинную и очаровательную панораму, которую только можно встретить в Швейцарии или по бассейнам грандиозных американских рек.*

** *Река Ингур впадает в Черное море. Черное море разновременно носило следующие названия: 1) Понт Аксенос, 2) Понт Эксинский или Эксенос, 3) Сперское море, 4) Понтийское море, 5) Хазарское, 6) Океан греков (Оссания), 7) Константинопольское море, 8) Газан, 9) Кара Денгиз, 10) Мечмоич, 11) Колхидское, 12) Русское море (Ив. Шопен, Гиббон, Плиний и т.д.).*

5). В селениях Саберио, Чхортоли – несколько развалин древних храмов. Местами встречаются церковные надписи и живопись.

Члены Тифлисского археологического общества Д.З.Бакрадзе и Московского археологического общества Архимандрит Леонид немало описаний дали по древним храмам, имеющимся в Абхазии и Самурзакани, а потому печатные их брошюры об этих древностях рекомендую читателям для более ясного представления о древностях восточного берега Черного моря, хотя почтенными учеными занесены в свои труды не все храмы.

Резиденциями абхазских епископов служили следующие монастыри: 1) Бедийский, 2) Илорский, 3) Моквинский,* 4) Драндский, 5) Севастопольский или Цхумский, 6) Гумисский, 7) Никопских три, 8) Соукский, 9) Еллагский, 10) Мичдышский, 11) Пицундский, 12) Гагрский. Потому не удивительно, если до сих пор сохранилось множество каменных церквей по милости этих монастырей. В состав каждого епископства, по всей вероятности, кроме монастыря, входило немало других церквей. Резиденциею абхазских католикосов считался Пицундский монастырь.

Из абхазских католикосов были замечательны следующие: 1) Арсений, 2) Иоаким, 3) Малахия, 4) Евдемон, 5) Евфимий, 6) Малахия II, 7) Максим, 8) Григорий, 9) Захарий, 10) Симеон II) Евдемон, 12) Давид, 13) Григорий II, 14) Герман, 15) Николай, 16) Иосиф, 17) Максим II. Последний католикос скончался в Киево-Печерской лавре в 1796 г. (30 мая).**

Приведем имена и абхазских царей: 1) Анос, 2) Гозар, 3) Иустиниан, 4) Филиктос, 5) Капаруки, 6) Дмитрий, 7) Феодосий, 8) Константин I, 9) Феодор, 10) Константин II, 11) его брат Лев, 12) Феодор II, 13) его брат Дмитрий, 14) Георгий, 15) сын Дмитрия Баграт, 16) Баграт II, 17) Георгий II, 18) Лев II, 19) Дмитрий III, 20) Феодосий слепой, 21) двоюродный брат его Анторнас, 22) Баграт III, 23) Давид III.

---

* *Из путешествия Иерусалимского патриарха Досифея (1659, 1660 и 1677 г.) по Понту Эвксинскому (морю гостеприимному – Черному) читателю легко познакомиться с моквинским и другими монастырями, процветавшими в Абхазии, Мингрелии, Имеретии и Гурии. Это путешествие приведено в прекрасных трудах Селезнева, ч. I (есть II и III).*

** *Краткая история грузинской церкви кандидата Платона Иоселиани. В книгах Селезнева и г. Иоселиани читатель найдет много и много интересных и ценных сведений относительно христианства и памятников различных не только по Абхазии, но и по всему Закавказью с ссылками на древних писателей.*

Таким образом, с Понтийской Гераклеи, начинающейся с Ахеронского мыса до Гагринского мыса,* (на пространстве более 190 верст по береговой линии) христианство процветало и уцелевшие развалины храмов и монастырей свидетельствуют об этом процветании. Грандиозные храмы в разных частях Абхазии, на расстоянии 50, 70 и даже 80 верст от моря вглубь страны говорят также о том, что христианством озарены были и горцы. Но, увы, этот роскошный уголок не мог укрыться от турецкого владычества и, начиная с 1578 по 1771 год, магометанство стало постепенно вытеснять христианское учение; к счастью, горцы никогда не придерживались строго магометанских законов, и их скорее можно было назвать христианско-магометано-язычниками, чем каким-либо одним из этих имен. Введением турецкого владычества закрылись храмы, закрылись монастыри, колокольный звон стал реже призывать к молитве уцелевших христиан.

Однако всевышний не забывал бедных обитателей восточного берега Черного моря и всего важнее то, что абхазцы и самурзаканцы до последнего времени, т.е. до введения русского правления в этом крае, сохранили память о христианстве, удержали многие христианские обряды и всегда с благоговением относились ко всем памятникам христианства. Уцелели следующие монастыри: Пицундский**, Лыхненский и Моквинский, в которых почти беспрерывно совершались богослужения; жители селений около этих монастырей не переходили в магометанство и с усердием чтили религию своих предков.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №22

---

* *Этот мыс получил свое название от реки Ахерона или Боа (река Ингур – Cingamis Arrian). Здесь же была знаменитая Ахеронская пещера, откуда, как я сказал выше, Геркулес извлек Цербера.*

** *Пицунда носила разновременно следующие названия: 1) Питиус, 2) Питиунт, 3) Пициунт, 4) Бичвинта, 5) Питиунд и 6) Питий. (Готы на плавучих баркасах напали на «Питий», но офицер высшего ранга Сукцессион отразил нападение. Когда сменил этого офицера Вилерион, то готы разрушили… Зосим кн. 1, ст. 30, Гиббон стр. 346, ч. 1.).*

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Мы сказали, что учение Христа нашло почву в этом крае с первого же века, а при греческом императоре Юстиниане оно дошло до желаемого состояния. Знаменитые здешние храмы все принадлежат к эпохе царствования этого императора. Если же в последствии стало ослабевать христианство, то при грузинской царице Тамаре оно вновь достигло своего величия. Поэтому нетрудно объяснить, – почему в разных развалинах храма находят теперь образа и прочую утварь с надписями греческими и церковно-грузинскими, а в ряду с ними разбросаны разные украшения из язычекого мира. Мне кажется, что это можно объяснить тем, что строители храмов для украшения часто придерживались языческой архитектуры.

Теперь укажем на некоторые остатки процветания христианства в Абхазии, которые найдены в разных местностях Абхазии и к которым абхазцы и самурзаканцы относятся с большим благоговением.

Немногим не доходя до вершины упомянутой выше горы «Дудрипш», лежит большой камень под дубом, в котором врезан образ божьей матеры и Николая чудотворца. Монеты и другие вещи, которые приносятся присягающими, остаются без прикосновения и, боже сохрани, кому либо покуситься на них.

В сел. Ац найдена археологом Сизовым каменная плита с церковно-грузинскою надписью.

В Ново-Афонском монастыре и в окрестностях его найдено монахами несколько каменных плит с греческою надписью.

В Полтавском селении (в Цебельде) казаками, приведенными вольным казаком Ашиновым, найдено множество образов, каменных плит с разными изображениями и надписями. На даче у бывшего редактора газеты «Кавказ Воронова (там же в Цебельде), также найдены подобные древности.

В Драндском монастыре и в селении Акваске найдены такие же изображения с надписями. В Пицундском храме, помимо образов, найдены евангелие, с изображением евангелиста св. Марка.

В селении Хват[59], при выборе места для церкви найден золотой крест с 14 драгоценными камнями. В настоящее время крест этот привлекает заслуживающие внимания многих любителей древности.

В селениях Лихны, Пицунде и Илоре каждое семейство признавало покровительство божьей матери и св. Георгия.

Новый год (каланда – у самурзаканцев), пасха и успение признавались как абхазцами, так и самурзаканцами за большие праздники и, кроме того, в эти дни абхазцы совершали молитву, под названием «гунихва» (сердечная молитва). В этой молитве глава семейства обращается к самому богу отцу и просит избавить его от сердечной болезни.

Во многих обрядах абхазцы признавали господа, владыку, была и есть еще одна молитва, в которой признавался сын владыки, именно:

Во время сильной засухи собирались все девушки селения, в лучших своих нарядах, недалеко от реки. Разделившись на три партии они приступали к работе, состоящей из приготовления плота из ветвей, куклы в одежде женщины и в настилке плота соломой. Когда все приготовления оканчивались, приводили осла и покрывали его белою простынею, сажали на него куклу; одна из девушек брала за повод осла, а другие две поддерживали куклу, направлялись к тому месту, где устроен был плот. Остальные девушки, разделившись на две партии, шли по обеим сторонам процесии, распевали: «Дзыва, дзыва, дзари! Ква ква мыкрылд апш Ах-ипа дадшивалт дзы хучик, дзы хучик!», что значит в переводе: «Воды, воды достать! Достать воды дождевой – маргаритку красную, сын владыки, жаждем! – немножко воды, немножко воды!». Приведши осла к реке, снимали с него куклу, сажали его на плот, зажигали солому, пускали плот по течению воды. Затем стараются вогнать осла в воду для чего приходилось употреблять немало усилий. Осел, решившись, наконец, отделаться, бросается в воду и, выбравшись на противоположный берег начинает кричать, что считается самым верным предзнаменованием скорого дождя. Если же осел не закричит, то на другой или на третий день повторяется та же история.

Странно, что абхазцы не имея понятия о спасителе, всегда относились и относятся с большим уважением и почтением к кресту.

В административном порядке Сухумский округ делится на четыре участка: Самурзаканский, Кодорский, Гумистинский и Гудаутский. В трех последних участках живут абхазцы и говорят на абхазском языке, а в Самурзаканском живут самурзаканцы, но ввиду соседства с ними Мингрелии, говорят мингрельским языком, и лишь в трех селениях употребляется абхазский язык.

Можно смело сказать, что три четверти абхазцев принадлежали к языческо-магометанской религии, а одна четверть к христианской.

В Самурзакане хотя жители были христианами, но они более походили на язычников, чем на христиан. Надо отдать справедливость мингрельским княжнам и дворянкам, которые выходя за самурзаканских князей и дворян, твердо держались своей христианской веры и во многом способствовали к смягчению дикого нрава своих князей и дворян. Обычай у чистокровных абхазских князей и дворян воспитывать самого меньшего сына в правилах христианства, также способствовал к поддержанию христианского духа.

До прочного водворения русского управления в Абхазии назначаемые нашим правительством абхазские епископы* не в силах были развернуться и озарить население светом христианского учения, потому что турки имели большое влияние на абхазцев, да, кроме того, абхазцы и вообще все горцы, думали, что принятие христианства лишит их той вольности, которой они пользовались вплоть до 1864 года, каковой год и считается началом прочного водворения русского управления в этом крае.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №24

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Когда Абхазия и Самурзакань управлялись владетелем фамилии Шервашидзе, то самурзаканцы постоянно домогались отдельного самостоятельного управления – не завися ни от абхазских владетелей, ни от мингрельских (из рода Дадиановых), заявлявших свои права на Самурзакань. Наконец, в 1841 году самурзаканцы, согласно их заявлению, по высочайшему повелению были приняты в русское подданство, с подчинением в административном отношении отдельному приставу, а в церковном – прямо экзарху Грузии.

В 1850 году распоряжением его высокопреосвященства экзарха Грузии Исидора (ныне митрополита С.Петербургского и Новгород-

* *Абхазскими епископами были Герман, Геронтий и Александр. Последний и теперь жив и числится епископом при экзархе Грузии.*

ского) самурзаканским благочинным был назначен священник Давид Мачавариани.

Кавказская церковная иерархия никогда и никогда не забудет благих мероприятий митрополита Исидора на поприще прежнего его служения в звании экзарха Грузии. Об его деятельности на Кавказе не нам говорить, потому что со временем найдутся люди, которые сумеют добросовестно оценить всю плодотворную его деятельность на пользу нашей православной веры. Митрополит Исидор был не только великим церковным иерархом, но и великим администратором. Я только коснусь тех мер, которые он признавал полезными для утверждения самурзаканцев в православной вере, при соблюдении в то же время русских интересов: так, например, он заботился, чтобы поддерживать миролюбивые отношения с административными лицами, награждая последних за действительно оказанные содействия духовенству; постепенно, без резких переходов вводить население в область православия и доблестной гражданской жизни, уважая в то же время его нравы, обычаи и даже суеверия; поощрять церковно-служителей разными наградами, приглашая постепенно более достойнейших священников, но не оставляя без поддержки и тех, которые по различным обстоятельствам не могли далее оставаться на своих постах; усилить проповедь на родном языке, переводить церковно-богослужебные книги на том же родном языке, и делом и словом распространять грамоту.

Были ли достигнуты в Самурзакани эти высокие цели или нет, мы можем узнать из дальнейшего нашего описания.

Прибыв к месту служения, благочинный Мачавариани нашел в Самурзакани всего 7 священников и 6 ветхих деревянных церквей, не снабженных ни священническими облачениями, ни богослужебными книгами, ни утварью. Положение священников было самое безотрадное, а религиозно-нравственное состояние самурзаканских жителей не менее ужасное. Среди белого дня происходили грабежи, поджоги, воровство, убийства и преобладание во всем кулачного права. Народ скорее походил на дикарей Африки и Австралии, не признававших ни законов, ни властей. Несмотря на энергичные меры самурзаканских приставов, редкие преступники несли ответственность за свои преступления, так как они свободно уходили вглубь Абхазии, не входившей тогда в состав русского управления.

Несчастные священники не имели никакого влияния на народ: сила и массы подавляли их. О жалованьи их и помину не было. Тур-

ки же приобрели влияние на абхазцев и отчасти и на самурзаканцев не в силу своего умственного или нравственного превосходства, а в силу торговых своих операций. Горцам надо было иметь мануфактурные и галантерейные товары. Пользуясь нуждой сухумцев, турки шныряли из угла в угол, проповедовали о величии турецкого султана, нисколько не стесняя народ навязыванием какого-либо мусульманского обряда. На каждом шагу можно было видеть турецкие лавки, турецких доморощенных медиков и безграмотных турецких мулл. За кусок хлеба, за увеличение торговой своей операции они готовы были давать населению всевозможные поблажки и не стеснять их ни в чем. Политика эта удалась, и горцы всегда относились к туркам с особенною симпатиею, воображая, что свобода и сословно-поземельные их права никогда не будут тронуты турецким правительством, державшим горцев в прежнем младенческом состоянии.

Переходя к обозрению православной миссионерской деятельности, я должен сказать, что утверждению самурзаканцев в православии много содействовало стечение благоприятных обстоятельств и благоразумные меры русского управления, обеспечившие успех благочинному Мачавариани. Оно и понятно: миссионерская деятельность тогда только может принести существенную пользу, когда административные лица сочувственно относятся к святой обязанности миссионеров и поддерживают их во всех мерах, вводимых для поднятия умственного и нравственного состояния всего населения.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №26

Религиозное состояние Абхазии
(продолжение)

Богу было угодно снова благословить самурзаканцев и озарить их светом евангельского учения и, благодаря тому, что православие пустило глубокие корни среди самурзаканцев, в короткое время во многих селениях стал раздаваться звон колоколов, и население путем опыта познало, что мирная жизнь и заповеди Христа более спо-

собствуют их счастливой жизни, чем ежедневные грабежи, убийства и проповеди безграмотных турецких мулл, больше всего преследовавших свои собственные, а не народные интересы. Наконец, представители администрации, к которым принадлежали майор Давидов, полковник Иванов, князь Абашидзе, майор Щелкачев и проч., действовали так благоразумно, так энергично, что благодаря именно их помощи миссионеры самурзаканские успели утвердить население в православной христианской вере.

18 лет достаточно было, чтобы самурзаканцы сделались истинными последователями православной христианской веры, выражая эту преданность в посещениях церкви, в принятии слов и проповедей своих пастырей и проч.

Нельзя не сказать о том, что никакие политические перевороты не могли заставить самурзаканцев отказаться от веры православной и от верноподданства России. На быстрый гражданский рост самурзаканцев имели громадное и благотворное влияние административная деятельность таких лиц, как: князь Гагарин, князь Г.Р.Эристов, генерал Колюбакин и другие.

В бывшую Крымскую войну главнокомандующий турецкою армиею Омер-паша наполнил Самурзакань турецкими войсками, а в минувшую русско-турецкую войну турки стояли на границе Самурзакани. Всякий раз турки сулили жителям богатства и почести, если они сдадутся и признают власть султана. Было несколько народных волнений в самой Абхазии, но жители Самурзакани проливали кровь за русское правительство, и ни один из них не сделался изменником. Чины, ордена, пенсии и знамя высочайше им пожалованное, свидетельствуют о преданности их русскому престолу.

В Самурзакани по сие время посты и праздничные дни соблюдаются, духовные требы и св. таинства исполняются.

Что самурзаканцы действительно утверждены в правилах христианской религии, достаточно указать в числе многих на один пример: когда бывший начальник Сухумского отдела, покойный генерал-лейтенант Гейман, после объявления абхазцам и самурзаканцам об освобождении крестьян от помещичьей зависимости, пригласил весь народ ко всеобщему столу, то самурзаканцы отказались от этого стола, говоря, что в великом посту не могут осквернить себя скоромным блюдом.

Самурзаканцы проникнуты уже сознанием пользы и необходимости давать своим детям образование. Благочинным Мачавариани открыто было 5 школ: в Окуме, Бедии, Дихазурге, Гудаве и Сабе-

рии. В одной окумской школе было 70 мальчиков, которые обучались под навесом, или, лучше сказать, под открытым небом, не разбирая времени года. Босоногие и оборванные мальчишки ходили учиться за 2-4 версты, и родители с радостью посылали своих детей, чтобы научить их чему-нибудь. Посылали детей в окумскую доморощенную школу даже из Мингрелии. Жажда учения была так сильна, что из означенной Мингрелии являлись взрослые, от 18 до 20 лет. Внимая такому усердию учащихся, правительство эту школу вместе с другими школами передало в ведение общества восстановления православного христианства на Кавказе. Об этих школах и об рвении учащихся к образованию свидетельствуют бывшие инспектора, назначаемые обществом, г.г. Гогоберидзе, Бакрадзе, Геевский, Стрелецкий и др. В Окуме и Дихазурге до сих пор существуют школы, а в Бедии, Гудаве и Саберии давно закрыты.

Было бы предосудительно утверждать, что самурзаканские священники достаточно образованы. За весьма немногими исключениями, священники обучались на грузинском языке в разных монастырях, умеют читать, писать, нести все требы и на наречии самурзаканском (т.е. на языке своих прихожан), говорят пастырские поучения из Евангелия и из других священных писаний; философских и богословских сведений они не имеют, но их язык близок к народному сердцу, народной душе, они хорошо знакомы с нравами, обычаями, характером народа и это близкое родство души и сердца делает их уважаемыми лицами среди населения.

Конечно, семья не без урода, и нельзя сказать, чтобы все священники отличались одинаковыми познаниями, способностями и нравственными качествами. Скажу более, время требует, чтобы некоторым из них дана была отставка, но зато редко где можно было видеть таких миссионеров, которые бы терпели столько жизненных неудобств, сколько терпят вообще священники этой епархии, и в особенности священники в Абхазии. Разбросанность населения, лихорадочный климат, ограниченное содержание (по триста, по двести руб. в год), постоянная езда по ущельям и трущобам делает их нравственными мучениками, и зачастую лишают их необходимой для службы энергии.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №27

Религиозное состояние Абхазии
(Продолжение)

Как я сказал выше, христианство в Абхазии начинало пускать корни постепенно. В Пицунде, Илори и Лыхнах почти беспрерывно шло христианское служение. Третья часть населения, живущая близ Моквинского собора, тоже придерживалась христианства.* Остальное абхазское население принадлежало к языческой религии. Если окрестные жители Сухума, в числе 4-х селений называли себя магометанами и поверхностно выполняли кое-какие магометанские обряды, то это, благодаря влиянию турок, проживавших в Сухуме и имевших торговые с ним сношения, или же влияния нескольких лиц, удаленных из Кубанской области за разные проступки и нашедших гнездо в Абхазии.

Зная о существовании в Абхазии древних памятников христианства и имея в виду, что представители магометанской религии (из коренных абхазцев) принадлежат не только к мужскому полу, но и к женскому, и что нередко за ничтожное награждение эти представители, называемые муллами, всегда готовы были терзать своих собратий и грабить население, что алчность их, при отсутствии всякого знания, обнаруживалась слишком ясно, отец Мачавариани направился в должности старшего благочинного в самую глубь Абхазии.

Посетив несколько деревень, отец Мачавариани прибыл в селение Ачандара и предстал пред лицом 2-х тысячной толпы. Честь, отданная ему и сопровождавшему его духовенству местной администрацией, подсказала собравшейся толпе, что к ней явились лица, уважаемые русским правительством.

Толпа стояла в немом молчании и лишь по временам выражала нетерпение, постукивая большими палками. Абхазцы думали, что старший благочинный с первых же слов начнет говорить им о религии, но каково было их удивление, когда духовный православный пастырь обратился к ним со следующими словами:

– Дети мои! Имею право так называть вас, потому что, во-первых, я стар, а, во-вторых, в течении 18 лет братья и други ваши, самурзаканцы, обращались со мной, как дети к отцу. Правительству угодно было назначить меня в город Сухум, но я счел своею обязанностью приехать к вам и заявить радость по новому назначению меня в местность, где так развито гостеприимство. Будете в Сухуме,

---

* *Кроме того было еще в 8 приходах 8 деревянных церквей, и прихожане исповедовали также христианскую веру.*

милости прошу жаловать ко мне и, будьте уверены, что я готов служить вам, чем только в состоянии.

– Так вы только приехали, чтобы познакомиться с нами? – спросил один из представителей толпы.

– Именно для этой цели я явился к вам, а теперь, позвольте попрощаться с вами, пожелав всего лучшего, и ехать дальше.

– Нет, нет, – загремели сотни голосов, – мы вас не пустим. Вы должны отведать у нас хлеб и соль и потом уехать. Иначе мы не позволим вам шагу сделать, – если только вы относитесь к нам с чувством отца.

Никто не подозревал, что в толпе стоят более 24 мулл и слушают слова христианского проповедника, обращенные к народу. На другой день утром явились к проповеднику выборные лица из князей, дворян и из простого сословия с просьбою поговорить о религии с их муллами. На такое предложение был дан ответ в первоначальной форме, что цель приезда его не в этом состоит, но в конце концов пришлось согласиться, потому что видно было наступление толпы. При знакомстве с муллами старший благочинный попросил последних сесть около себя, так как по своему положению они пользуются одинаковыми с ним правами, но муллы отказались, уверяя, что, по обычаю, в присутствии гостей нельзя сидеть хозяевам.

На вопрос: умеют ли они читать, писать по-турецки или на каком-либо другом языке, видели ли они коран, знают ли толкование его и какими основными правилами руководствуются для привития народу религиозно-нравственных понятий, – все муллы поголовно заявили, что они нигде не получали никакого образования, корана никогда не видели, и если знают несколько слов по-турецки, то этому обучали их турки, торговавшие в Сухум-кале и Келасурах.

После такого ответа отец Мачавариани обратился к представителям и к окружавшей толпе с вопросом: может ли слепой указывать дорогу другому слепому? Затем стал постепенно приводить примеры из прошлой и из настоящей их жизни, касаясь незаметно для слушателей христианской религии, и под конец, видя общее внимание, перешел к настоящей проповеди слова божьего.

После этой проповеди жители многолюдного селения Ачандара почти поголовно заявили желание принять православие, и на 3-ий день после знакомства их с первыми правилами христианства приняли крещение 750 душ.

После этого началось открытие приходов и постройка церквей. В течении короткого времени было открыто 23 прихода. Замечатель-

но, что повсюду находили остатки древнего христианства в Абхазии. В сел. Хвап, когда все поголовно приняли христианство и когда стали расчищать место для церкви, нашли сами же абхазцы золотой массивный крест, украшенный драгоценными камнями. Крест этот, поднесенный его высочеству великому князю Михаилу Николаевичу, по приказанию августейшего наместника хранится для церкви, которую предположено выстроить на месте нахождения креста, и самую церковь назвать Крестовоздвиженскою.

К. Мачавариани

Газ. «Кутаисские ведомости».
1889, №28

Религиозное состояние Абхазии
(Окончание)

С 1869 по 1885 год обращено в православие более 20.000 абхазцев. Из бесспорных исторических документов, представленных и хранящихся в канцелярии общества восстановления православного христианства на Кавказе, можно ясно убедиться, сколько именно было ежегодно принимавших крещение. Его преосвященство епископ Имеретии – Гавриил, при своих ежегодных обозрениях Абхазской епархии и обращении абхазцев в православие лично убеждался, что абхазцы добровольно принимают крещение, – на них действовали не силой, не угрозами, а пастырским словом.

Несмотря на многие неблагоприятные условия, дело христианства все-таки шло успешно. Во всех церквах шло богослужение, население посещало церковь и с замечательным доверием относилось к духовенству. Правда, жизнь священнослужителей была самая горькая и плачевная, но Бог им давал терпение, силу и энергию. Отсутствие удобных помещений, разъезды днем и ночью, переправы через бурные реки, несвоевременное получение ограниченного содержания, отсутствие дорог, медицинских пособий – все это надрывало здоровье многих, уносило их, т.е. миссионеров, преждевременно в могилу, но они не унывали и смерть их жен и детей не могла ослабить их труд.

Люди, не знакомые с ходом здешней жизни, не раз возвышали голос, говоря, что во время русско-турецкой войны духовенство бросило свои паствы и это имело пагубное влияние на абхазское население, принявшее турецкое войско, турецкое управление. Но эти же люди не наводили справок о том, что после отступления рус-

ского отряда из Сухума и из Абхазии, абхазцы были оставлены на произвол судьбы. Ведь после отступления русского отряда священники выехали из Абхазии и, может быть, они остались бы, если бы не убили турки одного русского священника и двух старост, если бы не взяли в плен двух священников. Только желание спасти церковную утварь понудило их выехать, а один из деятельнейших миссионеров, покойный иеромонах Виссарион, все время оставался во время минувшей войны в Абхазии.

Обширная моя статья, напечатанная в газете «Голос» (№198 и 199) за 1878 г. под заглавием «Смуты в Абхазии», каждому скажет, как кто действовал, скольким гонениям и насилиям подвергались со стороны турок те абхазцы, которые не хотели принять сторону их и переселиться в Турцию. Массу абхазских трупов находили связанными и убитыми рукою турок. Тем не менее больше половины абхазцев остались в Абхазии, а остальные были убиты или уведены силою в Турцию, но уведенные заявляли и на турецкой территории, что они христиане, держались этой веры и вследствие этого с высочайшего разрешения большая часть их возвращена в Абхазию.

После войны, т.е. с 1878 года, вновь явились священники, и вновь приступлено было к возобновлению и постройке новых церквей, равно как и к утверждению принявших православие и к обращению языческой части населения.

В настоящее время в Самурзакани и Абхазии до 60 приходов и 60 каменных и деревянных церквей, 3 благочинных, 60 священников, 5 диаконов, 60 псаломщиков и около 60.000 православных обоего пола. Достаточны ли эти приходы на такое население, – пусть сам читатель судит об этом.

К.Мачавариани

Газ. «Кутаиские ведомости».
1889, №29

Из Очемчир

После поимки Чхолария, Маргания и других героев Гиндз-Эцерского разбоя (убийства и ограбления директора Бельгийской компании по эксплуатации лесов, Филиппа) настала совершенная тишина. Административные меры, принятые по этому делу, должны были обеспечить общественное спокойствие на довольно продолжительное время; кстати, этому довольно громкому делу предшест-

вовали поимка абреков Кадир Бея, Маршания и Гвиндолия и смерть третьего абрека – Бадра Маршания; благодаря такому стечению обстоятельств, в Кодорском и Самурзаканском участке ныне царствует совершенное спокойствие. Очевидное дело, что при случае соединения в одну группу старых, опытных абреков с героями Гиндз-Эцерского разбоя, у нас в Абхазии была бы довольно сильно организованная шайка, борьба с которой потребовала бы много времени, сил, энергии и жертв, что могло пагубно отразиться на интересах местного населения. При преследовании Чхолария, Маргания, Гугунава и Туро, местной администрации оказал большую услугу паровой катер Бельгийской компании, на котором начальник Кодорского участка с командою солдат крейсировал между Кодорским мысом и Анаклиею (более 60 верст) и тем лишил беглецов возможности бежать морем в Турцию; убийцы вынуждены были направиться в горы, последствием чего был уже известный финал их «военной» экспедиции; не будь этого катера, убийцы могли бы ускользнуть... Одно из существенных неудобств в м.Очемчири отсутствие арестантского помещения – сильно тормозит судебно-следственную деятельность. Старое помещение пришло в совершенную ветхость, а нового пока нет. О нуждах нашего местечка начинают возникать вопросы за вопросами. 23 сего июня приезжал сюда из Сухума инженер, командированный, как говорят, для нивелировки местечка и составления сметы, необходимой для осушки болот. В числе нужд местечка первое место занимает вопрос о водопроводе. История этого водопровода напоминает историю двух братьев, пожелавших устроить водяную мельницу на горе, не имевшей никакой воды. В начале 1886 года очемчирское общество, ввиду неимения в местечке хорошей воды, возбудило ходатайство о разрешении устроить у себя водопровод. К нашему сожалению, лица, обязанные быть руководителями общества и участниками в хозяйственных делах его, ограничились в то время лаконическим разрешением, вследствие чего местечко, не имеющее технических сведений, ни анализа воды, для принципиального разрешения вопроса, заключило контракт с каким-то «строителем водопроводов», не знакомым не то что с водопроводною техникою, но даже с обыкновенною сельскою грамотою, причем уплатили ему три тысячи руб., с обязательством внести остальные две тысячи по частям. Контрагент, видимо, выполнил условие, так как все деньги уже получил, но местечко все же продолжает довольствоваться колодезною водою, весьма вредною для

здоровья. По условию, контрагент последнюю тысячу должен был получить по сдаче водопровода обществу и по освидетельствованию комиссиею, но уже целый год минул, как деньги уплачены сполна, а водопровод еще не сдан; и самая возможность его устройства весьма сомнительна.

К.М.[60]

Газ. «Кутаисские губернские новости». 1889, №127

Кавказская жизнь

Из Сухума нам пишут: «В селении Тамуши[61], Кодорского участка Сухумского округа, недавно разыгралась ужасная драма. У одной вдовы-крестьянки преклонных лет было два сына. Из них младший заболел какой-то болезнью и умер скоропостижно. Спустя немного времени заболел серьезно и старший брат. Соседи посоветовали этому больному обратиться к деревенской ворожее и узнать от нее причину смерти своего брата и собственно своего заболевания. Ворожея, получив приличное вознаграждение, указала на мать этих братьев, как на виновницу скоропостижной смерти одного из них и заболевания другого, причем настаивала на том, чтобы такую мать-ведьму «вывели» пред народом и заставили ее или покаяться во грехах всегласно, или же, чтобы она согласилась на наложение «раскаленного тавра».

Больной сын, узнав о таком обвинении своей матери, позволил соседям собраться в один вечер у него и произвести над несчастною старухой обряд варварского истязания. После ужина, приготовленного старушкой, соседи развели около больного громадный костер и все разом обратились к несчастной матери больного, начав ее убеждать или сознаться в грехах своих, или же добровольно отдать себя на сожжение. Старуха так страшно испугалась, что сразу потеряла способность говорить. Сочтя ее молчание за знак сознания в своих грехах, соседи положили старуху на постель, и стали прикладывать к разным частям тела сначала раскаленный утюг, а потом раскаленную медную посуду (тунги). Видя, что несчастная жертва все-таки молчит упорно, они подняли ее, привязали горизонтально в длину всего тела к длинному шесту и затем, взяв в руки противоположные концы шеста, стали, точно на вертеле, поджаривать старуху над костром. Только ужасные стоны да треск кожи в разных частях тела

нарушали тишину. Наконец, когда один бок у старухи так выгорел, что образовалось отверстие, она только лишь крикнула, и тут же отдала Богу душу. Мучители – варвары не ожидали подобного быстрого исхода зверского их обряда, а потому, не давая никому знать, рано утром вырыли могилу, принесли покойницу на носилках и на скорую руку предали земле. На вопрос священника и других лиц виновные ответили, что, боясь эпидемической болезни, от которой якобы умерла старуха, умер ее младший сын, они поторопились предать тело покойницы земле.

Но одна из дальних родственниц покойной, зная понаслышке, что собираются произвести обряд прикладывания тавра над ее родственницею, и, узнав об ее смерти, подняла страшный крик и заявила собравшемуся народу, что несчастную старуху заживо сожгли. Старшина немедленно донес об этом начальнику участка. Виновные в свое оправдание заявили, что старуха сама упала на костер и обожглась так сильно, что умерла немедленно.

В настоящее время на место катастрофы командированы следователь и доктор; последний констатировал тот факт, что старуха умерла от страшных ожогов.

Пора, наконец, обратить внимание на этих ворожеек, действительно настоящих губительниц абхазского населения, которые, во-первых, сами грабят других, а, во-вторых, – подводят разных лиц на разные преступления.

Газ. «Кавказ».
1889, №103

Самурзакань, 12 июля

Медицинской помощи у нас совсем нет, а, между тем, по всей Самурзакани и Абхазии вот уже не один месяц как свирепствует оспа.

Виновниками в этом случае являются прямо местные оспопрививатели. Они стали прививать здоровым людям натуральную оспу от больных и таким образом распространили заразу. Такие случаи были в селениях Дихазурге, Гали и других местах. В сел. Гали одни случай наделал много шуму среди местного населения. Туда приехал из села Окум оспопрививатель Бечу Цацуа и предложил крестьянину Петру Квеквескири привить ему оспу. Тот слышал из рассказов про Цацуа, что редкий случай у него бывает без смертельного исхода, и стал, поэтому отказываться. Но Цацуа, пользуясь

суеверием горцев, объявил себя «начальником над оспою» и «от имени оспы» стал проклинать Квеквескери на тот случай, если он не согласится совсем на прививку оспы. Квеквескери не выдержал этих проклятий и сдался; оспа была ему привита, а на третий день он от нее умер, что произвело потрясающее впечатление на местных жителей. Суеверное почитание оспы сильно распространено между последними, – они смерть от оспы принимают за кару свыше, и потому молчат, все терпят и даже не ропщут на Цацуа. Оспа, по их поверью, это – патени (по-грузински батонеби) – фантомы, которые ходят по земле и, обсуждая поступки людей, выбирают из них тех, кому болеть, и кому нет. Само почитание заключается в том, что в доме, где появилась оспа. должно быть веселье, мир и тишина, и, чтобы не разгневать оспу – фантомов, никто не должен произносить бранных слов, или говорить друг другу что-либо неприятное. Всякий гнев, ссора или «противление злу» раздражает духов оспы, и там, где есть больные, нужно всего этого избегать в угоду фантомам.

Если у нас нет врачей, то, вдобавок к этому, нет совсем и дорог. От селения Очемчир до реки Ингури в настоящее время все мосты настолько испорчены, что даже верхом на лошади по ним нет возможности проехать. Одно время думали, что для проезда нового губернатора они будут исправлены, и все стали этому радоваться, но он дальше Очемчир не поехал, воротился назад, и мосты остались в том же положении, если не пришли еще в худшее.

В конце прошлого июля в сел. Сабери была привезена из сел. Кулискари, Зугдидского уезда, всеми почитаемая мингрельская икона «Алерти». Над нею присягали 84 человека депутатов и многие другие. Давалась всеми заподозренными очистительная присяга в том, что они не воровали. По поводу украденной лошади у Кора Чхотуа принял присягу известный своей честностью депутат Дзокия Табагуа, как за себя, так и за своего брата – дезертира, который и теперь в бегах. Составили обычный в этих случаях присяжный лист и все шло как нельзя лучше, но крестьянин Кватати Микия спрятал этот лист и стал кричать, что Табагуа не вправе принимать очистительную присягу за своего брата, солдата-дезертира. Немного погодя заговорили, что присяжный лист исчез по воле иконы, и на этом основании требовали от Табагуа, чтобы он, как виновный, заплатил за лошадь Чхотуа.

Газ. «Новое обозрение».
1891, №2605

В ожидании проверки или пополнения.
Беглые заметки по Кавказскому краю

III
Страна пещер

Такой страной мы называем Абхазию, или нынешний Сухумский округ, потому что масса пещер в ней так велика, что это обстоятельство можно принять за один из ее характеристических признаков. По крайней мере, нам известны следующие, считая от северо-запада: около уроч. Гагры, именуемые пещерами св. Ипатия, епископа гагринского; около ур. Пицунда, вблизи устья р. Бзыби, за нагорной сосновой рощей, по-абхазски: Мдырл-лаг-апе (буквально: глупая ее пещера, т.е. пещера глупой женщины); у верховья реки Мчища, чудно вытекающей из горы и считаемой некоторыми подземным рукавом р. Бзыби; вблизи Сухума, в 8 верстах, известная сухумская сталактитовая пещера; в Цебельде, в скале Каначхир, составляющей отрог хребта Бал, и, наконец, громадная сталактитовая же пещера на левой стороне Кодора, вблизи села Челоу[62], уподобляемая некоторыми, по ее значительному размеру, известной мамонтовой пещере в Америке, в Кентоки. Все эти пещеры были обитаемы человеком, о чем свидетельствуют более или менее интересные предания о них, хранящиеся у окрестных жителей. Но между тем, вышеприведенные пещеры далеко не все. Их, наверное, набралось бы в 10 раз больше, если б нашлись неутомимые исследователи, которые задали бы себе задачу осмотреть их и исследовать. Например, основательные данные утверждают, что все плоскогорье, возвышающееся между р. Гумистой, что около Сухума, и р. Кодором, состоящее из известковых гор цементного образования, очевидно, ноздревато, как швейцарский сыр. В этом нас удостоверяют такие данные: против верховья р. Басла или Беслетки, на которой стоит Сухум, в горный хребет, отделяющий долину этой речки от соседней реки Келасуры, видны пещерообразные естественные тоннели, сквозь которые в некоторые старые годы р. Келасура во время половодья, по словам абхазцев, переливала избыток своих вод в речку Баслу. Затем, между с. Ольгинским и бывшим укреплением Цебельдинским даже на 5-ти верстной карте показана речка, которой неизвестно ни начало, ни конец, потому что первое вытекает из горы, а второе скрывается в гору Апианча. Но еще интереснее показанная на той же карте текущей, будто бы, всплошь от вершины и до моря, речка Мачара или Маджарка, как ее чаще называют в Су-

хуме и на месте. Она представляет, кажется, единственный у нас пример реки, текущей многоэтажно, если нарисовать схематически разрез ее течения в виде профиля, а именно: эта река, начиная от водопада Барьял около селения Ольгинского, по-видимому, образовала себе в известковых скалах, поросших лесом, глубокий и широкий, в виде ущелья, поток общего течения, но вода ее, прошедши всего с версту пространства по дну этого ущелья, скрывается под гору, очевидно, в направлении на юго-запад к реке Келасуре, и далее вышеозначенного лотка Маджарского ущелья взору нашему представляется ложе совершенно сухим, не имеющим ни капли воды, а просто сложенным из нагроможденных друг на друга известковых плит и гальки, белый цвет которых местами чересчур резок для глаз. Спустя версты две подобного сухого ложа вы видите впадающую в означенный лоток или ущелье слева речку, текущую с горы Апианча. Речка эта также течет по дну лотка, по-видимому, как обыкновенная горная речка, но, протекши также около версты, она опять скрывается под гору, как и означенная выше первая Маджарка или Барьял, и опять ложе лотка, к вашему удивлению, является сухим и каменистым. Затем, спустя некоторое пространство, в означенный лоток впадает с той же горы Апианча третья речка, ввиде малозначительного потока, направляющегося уже к морю, которого и достигает. Судя по количеству воды этой последней речки, несущей немало листьев и растительных остатков, по-видимому, в ней надо усматривать ту речку, которая, протекая без начала и конца между урочищами Ольгинским и Цебельдинским, скрывается под гору Апианча. Сворачивание же вышеозначенных потоков Барьяла и первого притока с Апианчи в сторону, как мы думаем, под гору, к реке Келасуре, удостоверяется тем, что иначе река Маджарка, если бы являлась в низовьи собирательницей всех трех речек вместе, была бы порядочной величины речкой, а не жалкой реченькой. Если только это предположение оправдается, тогда и на соседний с Сухумом келасурский отрог Главного Кавказского хребта надо смотреть как на пустотело-ноздреватый (вспомните вышеозначенные тоннели), и проверить это было бы в высшей степени интересно для науки. Вход же во внутренность этого отрога, вблизи моря, заметен простым глазом со стороны р. Келасуры под самыми развалинами келасурского акрополя. Не забудем, что в соседстве этих развалин, совпадающих с месторасположением столицы Колхиды – Диоскурии, могильники этого значительного городского населения еще не найдены и они, по всей вероятности, скрываются в

недрах того же хребта, на котором начинается стена, тянущаяся на 60 верст на восток к реке Кодору и отмежевавшая территорию диоскурийских владений или «Диоскуриаду» от народов «бали» и «сварни» Плиния-старшего.

Исследовать же вышеозначенную реку Мачару или Маджарку также весьма удобно: дорога от Сухума в сел. Ольгинское шоссированная проложена, между прочим, как раз по круче означенного лотка или Маджарского ущелья, и вы, не слезая с своих дрог (другого экипажа в Сухуме не держат; дроги, впрочем, все рессорны), можете любоваться означенным появлением и скрытием рек. И стоить вам будет наем дрог на сутки, за 23 версты, в Ольгинское и обратно в Сухум, около 5-6 рублей. Но, конечно, для обстоятельного обследования этого явления этого недостаточно: необходимы веревки, крепкие ноги, руки и сапоги, сухая провизия и оружие, может быть кирка и лопатка и, вообще, небольшая, но обстоятельно продуманная экспедиция из 3-4 человек решительных и предприимчивых товарищей.

Ю.П.

Газ. «Кавказ».
1891, №165

Кавказская жизнь

Из Сухума нам пишут: «У нас учрежден епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая, члены которого проявляют на пользу столь благому делу самую обширную деятельность. Один из этих членов отправился в Гудаутский участок, где, по его просьбе, заведующий участком г. Камсаракан собрал сход всего населения в м. Гудаут, причем жители все без исключения изъявили желание принять посильное участие в деле помощи пострадавшему населению империи и, за неимением денежных средств вообще у местного населения, постановили собрать и пожертвовать с каждого дыма крестьян по одному пуду, а с каждого дыма дворян и князей по пяти пудов кукурузы и свыше, по состоянию, с обязательством доставить к 15-му сего декабря в м.Гудауты в распоряжение заведующего участком.

Затем, с той же целью член комиссии приехал в Кодорский участок. На общем сходе населения этого участка в селении Моквы он,

в присутствии местного участкового начальника г.Горчакова убедил всех абхазцев принять участие в деле помощи пострадавшему от неурожая населению; жители отнеслись к этому благому делу с таким же сердечным сочувствием, как и их земляки в Гудаутском участке, и постановили также вследствие отсутствия у большинства жителей денежных средств, пожертвовать кукурузу с каждого дыма крестьян по два пуда, а с дыма дворян и князей по пяти пудов и свыше, по состоянию и всю кукурузу собрать в м.Очемчиры к 15-му декабря в распоряжение начальника участка.

Один из принадлежавших к жителям Кодорского участка, князь Георгий Шервашидзе, пожертвовал сто пудов кукурузы, которая доставлена в Очемчиры.

Газ. «Кавказ».
1891, №330

Поездка в Цебельду
(Путевые заметки и впечатления)

В 11 часов ночи пароход наш остановился на сухумском рейде, довольно далеко от берега. Пристани, к которой могли бы причаливать пароходы, не имеется. Нагружаются и выгружаются пароходы на каюки, точно дельфины, снующие вокруг судна, в ожидании очереди подойти под трап. Нечего говорить, что такой способ нагрузки и выгрузки представляет громадные неудобства, как для пассажиров, так и для грузоотправителей. Неудобства эти, от которых больше всего страдают, конечно, сами сухумцы, объясняются мелководьем бухты. Не знаю, можно ли устранить эти неудобства, но сухумцы, кажется, пока мало об этом заботятся и утешают себя тем, что со временем (надо полагать в очень отдаленном будущем) бухта углубится стараниями самой природы, без всяких дорого стоящих инженерных мероприятий. Замечено, что берег бухты все более и более уступает место жадной всепоглощающей стихии. Явление это, подмеченное даже простыми наблюдениями местных старожилов, подтверждается, как мне говорили и серьезными исследованиями. Так, один ученый-водолаз, опустившись на дно бухты, утверждает, что там уцелели явные следы солидных каменных сооружений, свидетельствующие, что бывший когда-то берег, а теперь – дно бухты, был застроен и служил местом расположения древней-

шего и значительного приморского города. Но постепенное поднятие уровня моря у восточных берегов его давно уже скрыло под водою, памятника отдаленной эпохи колонизации этого побережья венецианцами, византийцами, быть может, еще более древними народами.

Дальнейшие изыскания морского дна в бухте, по всей вероятности, разъяснят, почему ни в нынешнем Сухуме, ни в окрестностях его, по всему берегу бухты, не сохранилось ни одного памятника древних построек, тогда как в некотором отдалении от берега и города, в горах, следы их разбросаны в большом числе.

Сухум с Абхазией, или вернее, Абхазия с Сухумом были включены в пределы Российской империи в 1809 году, когда владетель Абхазии, Сафар-бей Шервашидзе, – потеряв надежду прекратить давно существовавшие между членами владетельного дома раздоры и не доверяя более беспристрастному вмешательству турецкого правительства, которое могло бы водворить прочный порядок в стране, по совету соседей своих, князей Дадианов Мингрельских, обратился к императору Александру I с просьбой принять Абхазию в подданство России. Последствием этой просьбы было занятие Сухума русскими войсками в 1810 году. С этого времени Сухум фактически считается русским городом.

Такое приобретение, по-видимому, без труда и хлопот доставшееся, однако стоило России слишком дорого. Немало было потрачено денег как на неизбежные в таких случаях ренты, подарки, пособия влиятельным в крае людям, так и на дорого стоившее содержание войск. Но еще больше заплатила Россия за Сухум человеческими жертвами. Не говоря уже о потоках крови, пролитой русскими войсками, то защищавшими, то вновь отбивавшими у осилившего врага это приобретение, – в низменных долинах Абхазского побережья, непривычные к климатическим условиям солдатики наши безответно сотнями гибли от царившего там, особенно в Сухуме, страшного бича – болотной лихорадки.

В продолжение 80-летней жизни своей под покровительством нашего правительства Сухум не раз переходил из власти русских в руки турок и непокорных горцев, и каждый раз подвергался неизбежным последствиям войны – разрушению и опустошению. Несмотря на такие, более чем неблагоприятные условия, он все-таки живет и, если не развился до степени большого приморского города, все же отстоял свою самостоятельность, и в данное время, не ожидая скорых благ, выглядит веселеньким и красивым городком, при-

влекающим ежегодно, на зимние месяцы, немало грудных больных для пользования мягким, теплым климатом.

Как ни странно кажется, что в город, пользовавшийся, да и поныне не освободившийся от репутации рассадника злокачественных лихорадок, приезжают лечиться «климатом», но это – факт. Достаточные люди, преимущественно из России, не перестают не только наезжать сюда для лечения, но и строиться на отводимых администрацией, так называемых, санитарных участках в окрестностях города. Объяснение этой странности надо отнести к оздоровлению местности, благодаря неустанным попечениям и заботам местного начальства. Старожилы говорят, что в гигиеническом отношении за последние 10-15 лет Сухум узнать нельзя. Канализация и осушение болот, изобилующих к северу от города, в долине, лишенной природного стока в море, сделали свое дело и без сомнения в скором будущем совершенно освободят этот прелестный уголок от ужасного зла, много вредившего и развитию города. Сухум привольно, широко раскинулся по берегу моря, в глубине бухты. После покорения Западного Кавказа и подавления последнего восстания в Абхазии, когда сухумцев перестали тревожить набеги и нападения беспокойных и непокорных горцев, выселенных в Турцию в 1867 году, Сухум начал быстро обстраиваться и приводиться стараниями генерала Геймана к виду вполне благоустроенного города. Появились хорошие постройки, пробились широкие, шоссированные улицы, которые обсаживались редкими в Закавказье деревьями. Вдоль красивых беленьких домиков потянулись бульвары из тенистых, развесистых лип, красавцев-платанов, бегоний и павлоний, прелестных мимоз и магнолий, или стройных, высоких белых кленов и конусообразных кипарисов. Разных оттенков зелень этих восхитительных деревьев с мелькавшими сквозь густую листву домиками придавала городу очаровательный, заманчивый вид. И вот среди кипучей деятельности сухумцев сделать свой уголок земным раем, над ними разразилась страшная гроза, вмиг уничтожившая все планы их многолетних, усиленных трудов. В последнюю войну нашу с турками, в 1877 году, город был взят неприятелем и с непонятным для цивилизованного человека озлоблением уничтожен, буквально уничтожен до основания. Когда несчастные жители, после изгнания варваров вернулись на свои родные места, они увидели груды развалин и пепла. С тех пор прошло без малого полтора десятка лет, а следы разрушения и теперь, да, вероятно, и долго еще будут служить красноречивыми памятниками беспощадного зверства и бессильной злобы

«друзей гуманных сынов Альбиона»! От роскошных бульваров уцелели лишь немногие деревья, долго оплакивавшие своих безвременно погибших дорогих товарищей, да глубокие канавы, коими окаймлялись широкие, шоссированные улицы. Целые кварталы развалин, поросших мхом, папоротником и сорными травами, или пустырей, очищенных от камня и мусора и покрытых зеленым ковром роскошной травы, ожидают еще очереди, снова застроиться и перестать изображать из себя среди города выгоны для пастьбы скота.

Сухумцы, не без основания однако, надеяться, что, ввиду улучшения климатических условий и ежегодно увеличивающегося наплыва приезжающих «на курсы», вследствие более и более приобретаемого городом значения зимней санитарной станции, Сухум скоро снова отстроится, нарядно оденется зеленью уже теперь засаживаемых по улицам мимоз, магнолий, платанов, эвкалиптусов и пр. А упование сухумцев на осуществление проекта – соединить Новороссийск с закавказскою железною дорогою рельсовым путем – и проведение грунтовых дорог, которые откроют доступ вглубь страны, бесспорно богатой своими естественными произведениями, не лишают их надежды, что родной город приобретет значение и торгового центра. В настоящее время, благодаря энергии и заботам местной администрации, город вступил в первую фазу своего будущего благоденствия и понемногу меняет уже физиономию. Строящееся же шоссе, без сомнения, даст городу возможность сделать еще один и сразу большой шаг к развитию его.

Из достопримечательностей Сухума обращает к себе внимание, как действительная редкость в своем роде, сад «Флора», принадлежащий, в бытность мою там, отставному генералу Введенскому, недавно приобретенный его императорским Высочеством Великим князем Сергеем Михайловичем и переименованный в «Синоп». Едва ли найдется в России ботанический сад, который мог бы поспорить с бывшей «Флорой» – теперешним «Синопом» таким многочисленным собранием самых разнообразных растений, считающих своею родиною все полосы не только старого, но и нового света. Гуляя по этому саду, занимающему девять десятин прекрасно разработанной земли у подножья лесистого гребня прибрежных гор, на юг от города, вы как бы совершаете кругосветное путешествие. Тут собрана коллекция со всего света; причем одно-классные породы, встречающие в разных странах, искусно подобраны и рассажены группами. Такая классификация дает возможность осматривающему делать сравнения и удивляться природе, разнообразящей одно

и тоже растение до неузнаваемости, в то же время воочию убедиться, что по климатическим условиям и по условию почвы нашего благоприятного края, даже без особого, исключительного труда, в нем могут разводиться и культивироваться растения самых отдаленных и тропических стран, растения, за пользования плодами которых, или изделиями из которых мы вывозим за границу кучи золота. Чайные, оливковые, хлопковые, хлебные, хинные, пробковые, восковые, рожковые, клубничные и множество других деревьев, знакомых нам лишь по названиям и описаниям, растут, цветут, дают плоды в саду «Синоп» не под каким-нибудь чрезвычайным надзором, уходом, требующим больших забот и трат, – нет, а просто в грунте, под открытым небом, рядом с нашими каштанами, орехами, персиками, виноградом и даже рядом с северными кедрами, соснами – кто бы поверил – березами. Это ли не рай, это ли не богатство?

Но для любителя или специалиста бывшая «Флора» представляет еще более интереса по громадному собранию растений орнаментальных, как грунтовых, так и тепличных. Разнообразные виды хвои, кипарисов, туй – европейских, американских, австралийских – роскошные деревья белого клена, мимоз, павлоний, акаций из Вандименовой земли, платанов, бегоний и пр. и пр., щеголяя друг перед другом своими красотами, чередуясь с высаженными в грунт или вынесенными под открытое небо многочисленными разновидностями пальм (из них финиковая дает даже плоды!), целые рощи лимонных и апельсиновых деревьев, необычные камелии, доведенные до роста порядочного дерева, великаны кактусы, под развесистыми, более чем саженными листьями которых человек кажется карликом, пестреющий на открытых местах узорчатый ковер цветов и декоративных трав всевозможных цветов и оттенков, распространяющий в воздухе нежный аромат, – все это производит на зрителя чарующее, неотразимое впечатление, отрывает от действительности и невольно переносит в мир фантазий и мечтаний!

Польза разведения таких образцовых садов несомненна, а выгода говорит сама за себя: по словам бывшего хозяина сада г.Введенского, ежегодное содержание сада с выпискою на подновление и пополнение израсходованных экземпляров растений до 2,5-3 тыс. руб., валового-де дохода, главным образом, от продажи растений, он получал свыше 5 т. руб.

Сад этот приобрел уже настолько громкую известность, что редкий из пассажиров проходящих пароходов не воспользуется не-

сколько часовою остановкою в Сухуме, чтобы посмотреть эту редкость.

Зато ничто более не останавливает внимания в Сухуме, если, конечно, Сухум не был целью путешествия, и потому такой случайный посетитель, крепко помня недобрую славу города, спешит поскорее покинуть его. А так как я был именно в роли «проезжающего», то, осмотрев «Флору» и наскоро разыскав верховую лошадь с проводником, в тот же день распрощался с Сухумом и двинулся далее в Цебельду.

Дорога, по которой мы выехали из города, служит сначала общим путем сообщения Сухума с Цебельдою и с Мингрелиею. Но потом, у устья реки Маджарки, она разветвляется: одна ветвь сворачивает в ущелье этой реки, углубляясь в горы, а другая, – перескочив через Маджарку по деревянному мосту, тянется в том же направлении, по берегу моря, к Драндам и, не доходя несколько верст до р. Кодора, обрывается, не представляя никакого конечного пункта. Обе ветви этой дороги шоссе запущены.

С левой стороны, если ехать от Сухума, эта дорога окаймлена на протяжении 4-5 верст беспрерывным рядом дач и садов, обсаженных вместо изгороди цветущими розами, олеандрами. Здесь, как в более сухой и здоровой местности, сухумцы укрываются от зноя и лихорадок жарких летних месяцев. Направо – чистые зеленые поляны сменяются кущами кустарника или перелеска, сквозь листву которого синеет безбрежная даль моря. Изредка до слуха доносится гул прибоя; в пенистых волнах которого полощутся склоненные ветви дерев, внимая неумолкаемой, то нежной, как лепет ребенка, то грозной и могучей песне о былом Понта Эвксинского.

«Флорой» сады искусственные заканчиваются, и узкая прибрежная долина превращается в сплошной природный сад. Прекрасно укатанная в этом месте дорога разрезывает его, как бы длинной, прямой аллеей. Тень, прохлада, аромат, кругом ласкающая глаз зелень, не осенняя – увядающая и желтеющая (поездку свою я совершал в конце сентября), а свежая, ярко-зеленая, точно весенняя, искупали крайние неудобства путешествия на мерзейшей чарводарской лошаденке, в обществе бессловесного проводника-туземца, совершенно равнодушного к расстилавшимся перед ним красотам природы и предоставившего мне полную свободу, сколько угодно, восхищаться видами и упиваться ароматами морского и лесного воздуха в одно и то же время.

Проехав в немом восторге еще около 2-3 верст (в восторге был, конечно, только один я), мы неожиданно очутились на берегу довольно широкой реки Келасури. Прозрачные, как хрусталь, воды реки темной, с металлическим оттенком, полосой вливаются далеко в море, осиливая своим напором встречные валы морского прибоя.

Во время моего проезда река эта не представляла никаких затруднений для брода. Но большие камни-кругляки, во множестве покрывающие русло реки, застрявшие корчаги, а иногда и целые громадные деревья с корнями, облепленные травою и мелким кустарником, очевидно, вырванные где-то у берега с глыбами земли, ясно говорят о характере реки в период дождей и таяния снегов в горах – в истоках ее. Еще более наглядным доказательством свирепости реки-потока служили бренные остатки большого деревянного моста на сваях, разрушенного до основания и унесенного в море во время весенних дождей того года.

В настоящее время на том же месте возведен новый, деревянный же мост; кажется, что при повторении наводнения 1888 года с ним случится то же, так как главное русло реки приняло самое невыгодное для прочности моста направление: вся масса воды устремилась к левому берегу и, постепенно подмывая устои моста у самого основания, угрожает ему новым разрушением. А между тем, прочный и постоянный мост здесь, безусловно, необходим, так как он лежит на единственном береговом пути, соединяющим Сухум, Сухумский округ и всю береговую часть восточного побережья не только с Цебельдою, но, главное, – с Мингрелиею и Кутаисом. Вдоль этого же пути проведен и англо-индийский телеграф, только с конца шестидесятых годов соединивший Сухум с остальным миром.

За рекой Келасури поляны-луга с разбросанными по ним вековыми орехами, яблонями, алычой, грушами, инжиром, перевитыми лозами винограда, попадаются чаще. А виднеющиеся на полянах стога сена, возле них русские воловьи подводы и мелькающие белые рубахи солдатиков, то копающихся у громадных стогов и погруженных подвод, то сбивающих и смакующих свежие, молочные орехи – свидетельствуют, что эти привольные места служат покосами сухумскому батальону; единственной воинской части, расположенной ныне в Сухуме, когда-то, не так еще давно, бывшем исключительно военным городом.

Несколько далее узкая полоса береговой равнины совершенно заграждается толстой каменной стеной, спускающейся с гор и упирающейся прямо в море. Стена эта, надо полагать, принадлежит той

глубокой старине, к которой археологи относят большинство памятников древности, во множестве разбросанных по всему восточному побережью Черного моря и доказывающих, что этот приморский край, ныне почти пустой, в отдаленнейшее время, был заселен колониями предприимчивых, высоко культурных народов.

Расположение стены (она проникает далеко в глубь гор, по хребту левого берега р.Келасури, которая и поныне составляет северо-западную границу Цебельды) дает повод думать, что она служила колонистам оплотом от вторжений и набегов на их богатые колонии аборигенов, населявших Цебельду и Далы и до последних своих дней сохранявших славу хищников-разбойников. О древности стены, как и всех вообще встречаемых там памятниках, свидетельствует также и необычная в наше время прочность цементных соединений строительного материала. Мне приходилось видеть, что при разрушении одной такой постройки под ударами ломов чаще разбивались, чем отделялись друг от друга, камни, соединенные толстым слоем затвердевшего цемента.

Стеной этой, как готовым и довольно солидным укреплением, пользовались в очень недавнее сравнительно время и наши и турецкие войска.

Для дороги в ней пробита широкая брешь в том месте, где, повидимому, и в древности были ворота, так как в стороне моря, тут же невдалеке, видны развалины сторожевой башни.

Еще версты 3-4 дорога идет в том же направлении – между лесистым хребтом и морем – а затем немного не доходя до р. Маджары, как я уже сказал, разветвляется.

Мой путь лежал по той ветви, которая, огибая угол, соединения прибрежных гор с хребтом, составляющим правый берег долины р. Маджарки, круто поворачивает налево – в Цебельду.

В устье своем долина р. Маджарки довольно широка; по мере углубления ее в горы, она становится все уже, образующие ее хребты гор все более и более сдвигаются и в истоках эта очаровательная долина превращается в узкую скалистую теснину.

С обоих сторон в долину впадает много глубоких ущелий, покрытых, как и все окрестные возвышенности, лиственным лесом, местами поредевшим от вырубки и очистки под посевы. Но в общем расчищенных мест так мало, что они почти не оставляют впечатления, и окрестность кажется сплошь покрытою густым, рослым лесом.

Пахотные поля, встречавшиеся по обе стороны реки и на возвышенных плоскостях примыкающих гор, обрабатываются исключительно под кукурузу туземцами, которых, если они не в поле – на работе, вы не увидите.

Живут они в этом бору поселками в один или в несколько дворов (больше трех вместе я не встречал), совершенно скрытых в темной чаще. Деревень, как принято понимать, здесь не существует. Так, на карте, верстах в 16-17 от Сухума, на левом берегу р.Маджарки, показана деревня Мархасля, но я проехал все ущелье и никакого селения не встретил. Мне и в голову не пришло, что десятка полтора отдельных хуторов, виднеющихся сквозь густую листву леса по обе стороны дороги и разбросанные чуть ли не на полуверстном расстоянии друг от друга, и такая же одинокая, но на голом бугре стоящая, церковка – составляют целое село! Ни стада рогатой скотины, ни табуны лошадей или даже ослов, ни домашней птицы, прежде всего дающих знать о близости общественного человеческого жилья, ни каких-либо других признаков, бросающихся в глаза при приближении к деревне – здесь и в помине нет. Каждый хозяин живет независимо на своем хуторе как медведь в берлоге. Общих интересов – никаких. Возле каждого домика – хутора, кроме маленького и непременно кукурузного поля, имеется еще тщательно расчищенное и иногда огороженное частоколом местечко, которое и служит хуторянину выгоном для одной и редко когда двух-трех чахлых лошадок, пары волов, с виду похожих скорее на телят, чем на рабочую скотину и нескольких серых свиней, чрезвычайно низкорослых, с очень маленьким приплодом и обязательно с особыми, сравнительно громадными трехугольными ярмами на шеях. Эти ярма, остроумно придуманные, лишают животное возможности заходить в чащу и обеспечивают хозяина от пропажи дорогого ценимого им достояния.

Недалеко за церковью дорога переходит на правый берег Маджарки и, незаметно поднимаясь на гору, огибает скалистый отрог кряжа Чижауш и входит в узкое, скалистое ущелье, из которого Маджарка, бурля и пенясь, пробивается на простор.

Высеченный в скале этого ущелья участок дороги тянется версты на три и заканчивается на узкой седловине, точно каменным мостом, соединяющий скалистый отрог Чижауша с возвышенностями плоскогорной Цебельды. Эта узкая седловина-мост, на котором с трудом могут разъехаться два экипажа, к западу спадает отвесными, голыми, скалистыми уступами в глубокий овраг, на дне которого и

зарождается р. Маджарка. На восток же обрыв далеко не так крут и замаскирован густою порослью кустарника. Этот обрыв спускается в овраг, по которому в противоположную Маджарке сторону течет другой горный ручей – Бариал. Отсюда же открывается вид на обширную покатую к востоку лощину, на которой живописно раскинулось село Ольгинское. До него от Сухума считается 25 верст.

Эти 25 верст, сделанные на плохой, беспокойной лошади, не оставили во мне и следа физической усталости – мне некогда было останавливать свое внимание на неудобство путешествия: я весь был поглощен созерцанием красот природы.

Сначала – чудная панорама на море, с одной стороны, и на лесистые прибрежные горы, с другой, потом не менее красивые пейзажи по всей долине р. Маджарки с роскошным лиственным лесом с мелькающими среди зелени желтыми кукурузными полями, серенькими домиками-хуторами, с извивающеюся, как змея, и сверкающею на солнце стальным блеском Маджаркою – ставит путника в положение восхищенного зрителя, автоматически подвигающегося дальше и дальше, переносящего взор с одной картины на другую, как на бесконечно большой картинной выставке. А лесной пропитанный ароматом воздух, нежащая прохлада под сенью стройных, величественных буков и кленов, раздающиеся то там, то сям, и переливающиеся гулким эхом по ущелью гиканья невидимых пахарей или ауканья женских и детских голосов – придают картинам жизнь, разнообразят впечатление, ни на минуту не ослабляя его.

При въезде в скалистое ущелье р. Маджарки картина меняется – мягкий, ласкающий колорит нежных красок долины, как бы насильно вытесняется отсюда невидимою рукою, желающей придать этим безмолвным, грозным скалам с зияющими пропастями, более подобающий им мрачный, дикий оттенок. Но могучую, поразительную растительную силу здесь не так легко одолеть! И высящиеся вдоль ущелья громады, далеко не имеют того подавляюще сурового характера, которым отличаются горы Дагестана. Налево – скала, изредка покрытая осиротевшими дубами (товарищи их успели уже попасть под нещадный топор промышленника и в образе клепок для пивных и винных бочек переселиться даже во Францию!), направо – глубокий овраг, на дне которого, то с шумом и брызгами спадает с уступа на уступ прозрачная родниковая вода, то, попав в расселины и впадины, плавно разливается маленькими озерками, отражая на своей зеркальной поверхности сковавшие ее береговые утесы и голубое безоблачное небо. Но по ту сторону потока круто вздымаются

скалы в основании голые, а выше одетые роскошным зеленым покровом. Несколько далее эти скалы неожиданно разрываются узкою расселиною, из темной глубокой пасти которой выбрасывается на простор сноп воды, образующий невысокий, но чрезвычайно красивый водопад, играющий на солнце мириадами алмазных брызг. Придорожная скала становится отвесной, и дорога высечена в ней коридором, открытым в сторону обрыва. Но эта открытая часть, как бы для смягчения впечатления, украшена живою балюстрадою, колоннадами висячих, темно-зеленых столбов из перевитых между собою плюща и других ползучих растений. На краю обрыва и по крутым скатам его ютятся, цепляясь за камни и выступы скал, самшитовые деревца и кусты.

Здесь впервые я увидел кавказскую пальму, до которой иностранцы большие охотники: по всей плоскогорной Цебельде, где только водилась пальма, они скупили и вырубили ее сплошь, оставив самые молодые и тонкие деревца, надолго непригодные ни для никаких поделок.

Я позволю сделать себе маленькое отступление и сказать несколько слов о месте рождения и способе добывания этого ценного дерева.

Во время пребывания своего в Цебельде я имел возможность близко видеть, с какими затруднениями сопряжены вырубка и вывоз пальмы из мест ее произрастания. Только исключительная ценность дерева да жажда наживы могут объяснить тот риск, которому подвергается промышленник и его агенты при добывании пальмы.

Для того, чтобы вынести или вывезти из пропасти вырубленные деревья, нередко прибегают к устройству дорог и тропинок по способу, который практиковался, да и теперь еще практикуется в трущобах Дагестана, а именно: в отвесные скалистые стены оврага вбиваются дубовые жерди, толщиною вершка 1,5-2 и на эти жерди кладется настилка – в Дагестане за недостатком леса, из каменных плит, а в Цебельде, как мне приходилось видеть, из плетенок и хвороста. Дешево и просто, но! Это «но» в расчет не принимается. Не только когда едешь, но когда идешь по такой «живой», висячей дороге, качающейся над тяжестью каждого шага над бездною, которая зияет с боку, сквозит в щели плетня – дух захватывает! А тут должны проходить люди, а иногда лошади и ослы, навьюченные тяжелою ношею – брусьями пальмы.

Чтобы удовлетворить мое любопытство – повидать пальмовый лес вблизи и побывать в нем – мне доставили случай, с помощью

испытанного в деле добывания пальмы проводника, проникнуть в одну из таких трущоб, где помимо опасности сорваться и разбиться вдребезги, я рисковал встретиться с неоспоримым хозяином, постоянным обитателем этих дебрей – медведем.

Теснина, в которую мы спустились, цеплялась за кусты и корни, поддерживая и подсаживая друг друга, представляла собой чрезвычайно узкое и глубокое ущелье, окаймленное отвесными скалами, наверху увенчанными нагнувшимися над пропастью развесистыми дубами. Эти великаны своею темною, густою листвою совершенно преграждали доступ к нам солнечным лучей, как бы охраняя мертвую, вечно мрачную бездну от вторжения все оживлявшего солнечного света. Действительно, в глубине ущелья царят постоянные сумерки! Под ногами, с боков, над головой – все камень и камень. Дно ущелья, усеянное желудями, яблоками, орехами, осыпавшимися сверху, местами гладко как паркет, местами же обрывами и уступами опускается все ниже, углубляясь в недра земли все глубже и глубже. По этим уступам спадает красивыми каскадами холодная, прозрачная вода, которая выбивается природными фонтанами из расселины скалы, наполняя ущелье несмолкаемым, таинственным шумом. Воздух пропитан тяжелым, специфическим запахом самшита. Темно, сыро, подавляюще дико, неприступно – жутко! И вот тутто настоящий рассадник пальмы – пальмовый лес! Но лес лишь по названью. На вид – чахлые, низкорослые, кривые, покрытые мхом, грибками и плесенью – точно ржавчиною, деревья в страшном беспорядке разбросаны по дну ущелья и по скалистым берегам его. Ветки самшита, унизанные мелкими, продолговатыми листиками темно-зеленого цвета, почти не отличающимися от листьев мирты, своим расположением на стволе придают дереву сходство с елью. Как растут эти деревца, где, в чем находят они себе питание – я решительно недоумеваю. Почвы, собственно земли, если не считать мелких каменных осыпей, прикрытых слоем сгнивших листьев, плодов и валежника здесь и признаков нет. На голом камне, точно прилепленное, стоит такое деревцо и видимо растет и живет здоровою жизнью: немалого труда стоило нам подрубить у корня одно дерево, которое и хотел взять с собою в воспоминание об этой трудной прогулке. Насколько ценно это дерево, можно судить из того, что на месте, так сказать, за одно право вырубки, промышленники платили от 35 до 60 копеек за пуд дерева, смотря по толщине дерева.

Заезжать в с. Ольгинское мне не нужно было, а потому, оставив дорогу, тотчас от седловины, мы повернули направо, на едва заметную в густой поросли высокого кустарника тропинку, извивавшуюся по крутому косогору. Когда, вскарабкавшись по ней на бугор, плоская вершина которого расчищена частью под кукурузное поле, а частью под роскошный покосный луг, моим глазам открылась новая восхитительная панорама. Прямо за оврагом – несколько построек, живописно разбросанных среди зелени деревьев, а за ними, сливаясь с багровым небом, лесистый хребет Апианче; направо – только что покинутое нами дикое ущелье р.Маджарки; сзади – глубокая лощина, на склоне которой, у подножия краснеющей от папоротника горы Ахупач, раскинулось с. Ольгинское; и, наконец, налево – все плоскогорье Цебельды с бесчисленными холмами, долинами, оврагами; вдали виднеются зеленые горы Дальского ущелья, а еще дальше, на фоне лилово-голубого неба – горы-великаны с седыми, снежными вершинами Главного Кавказского хребта. Даль эта, в которую хочет проникнуть глаз ненасытного зрителя, подернулась дымкою, стыдливо прикрывая прозрачным флером свою чудную девственную красоту от нескромных взглядов.

Но долго любоваться этой панорамой я был уже не в силах; масса полученных за дорогу впечатлений притомила мои нервы. К тому же я горел нетерпением добраться до виднеющейся за оврагом усадьбы, где ждала меня радость встречи с близкими мне людьми. Здесь я предполагал сделать несколько дневной привал и затем уже продолжать путь в совершенно дикое и безлюдное ущелье р. Кодор.

Плоскогорье северо-западной Цебельды представляет собою возвышенную и довольно обширную продолговатую долину, окаймленную: с юго-запада, со стороны моря, горным хребтом Апианче, с северо-востока – рекою Амткелкою и ветвью амткельских высот – кряжем Агыш; к юго-востоку – долина суживается и спадает крутым и высоким обрывом в реку Кодор, а на северо-западе она замыкается другой ветвью амткельских высот – скалистым отрогом Чижоуш.

Долина эта на всем пространстве, около 20-ти верст в длину и от 5-ти до 8-ми в ширину, перерезана множеством оврагов продольных и поперечных, образующих то высокие, то низкие поляны, частью поросшие перелеском или крупным кустарником, частью – уже расчищенные под пахоты, сады, пастбища и покосы.

Все плоскогорье, за исключением участков, отведенных селению Ольгинское и нескольким русским переселенческим поселкам, со-

ставляет собственность частных землевладельцев, получивших здесь высочайше пожалованные наделы еще в семидесятых годах.

Ввиду крайне неблагоприятных условий для ведения сельского хозяйства в пожалованных имениях в это время, когда и эта ближайшая к Сухуму часть Цебельды, представляла собою дикую и безлюдную страну, в которую с трудом можно было пробраться и верхом, некоторые владельцы, менее дальновидные, поспешили сбыть свои бездоходные тогда участки, вероятно, рассуждая, что «лучше синицу в руки, чем журавль в небе».

Люди же предприимчивые, предварительно ознакомившиеся с местностью, климатом, производительностью почвы, вполне воспользовались случаем выгодно приобрести эти участки. Они предвидели, что такой богатый край, лишь временно забытый и притом лежащий на пути соединения Сухумского побережья с Кубанскою областью,* не останется без хороших дорог, а потому, не останавливаясь перед затратами, ввиду будущих доходов, энергично принялись за дело. К сожалению таких пионеров-культуртрегеров сравнительно очень мало. Первое место между ними, бесспорно, принадлежит г. Р. Произведенные им опыты в разных отраслях сельского хозяйства дали вполне благоприятные результаты. На громадной площади разведен обширный сад с питомником, ежегодно пополняемым выписными сортовыми деревцами. Заведена образцовая пасека, за которою смотрит специалист; разводится рогатый скот усовершенствованных пород. Но наибольший успех, как мне гово-

---

* *Предположение – соединить берег Черного моря с Кубанской областью прямым сообщением через Главный Кавказский хребет для военных целей – возникло сравнительно очень давно. Еще в начале 50-х годов, специально назначенная экспедиция под руководством офицеров корпуса топографов исследовала ущелья рек: Маджары, Амткелки, Кодора и Чхалты для отыскания наиболее удобного направления дороги через главный хребет. Но исследования эти, по-видимому, не имели в то время положительных результатов, так как для проложения дороги было избрано другое напрвление – по ущелью р. Псху, и в 1868 году приступлено к работам, но уже в 1872 эти работы были прекращены, вероятно, вследствие встреченных на пути препятствий. И тогда только первоначально предположенное направление, с некоторыми изменениями, было окончательно принято, а в 1876 году начаты и сами работы так называемой военной тропы, которая при мне была доведена почти до самого перевала. Часть этой тропы, от Сухума до с. Ольгинское, разделана уже в сносное шоссе.*

рили, г.Р., по профессии – табачный фабрикант, будет иметь в разведении плантаций американского табаку для сигар; первый опыт дал блестящие результаты.

Итак, начало сделано, пример подан!

Не подлежит сомнению, что вскоре явятся подражатели, быть может, – конкуренты, а тогда промышленно-экономическое положение Цебельды можно считать вполне обеспеченным, тем более, что за спиною этой ближайшей Цебельды стоит непочатый край естественных богатств целого Дальского ущелья.

Пока же только весьма немногие цебельдинские помещики, сами или через посредство арендаторов, исподволь подготавливают почву к будущему своему благоденствию, понемногу испытывая то одну, то другую отрасль хозяйства; причем редко кто выходит за пределы удовлетворения потребностям деревенской жизни и покрытия расходов по имению. Время доходов с цебельдинских имений еще не пришло.

Большинство же землевладельцев тяготятся своими землями: одни – по неимению денег для первоначального устройства имений, другие – вследствие полного неумения вести хозяйство вообще и приспособиться к местным условиям в особенности, наконец, третьи – по непонятной беспечности совершенной бездеятельности. А между тем, все эти отсутствующие у цебельдинских помещиков элементы для успеха дела необходимы там более чем где-либо. Земля прекрасная, растительность и урожаи поразительные. Но, чтобы подготовить эту землю, чтобы получить урожаи, надо выдержать тяжелую борьбу и с самою природою и с теми обстоятельствами, в которых находится край, только что начинающий свою жизнь.

Наибольших усилий требует борьба с природою, с бичом местных сельских хозяев – кустарником и, в особенности, папоротник.

С характером цебельдинских кустарников я имел случай близко познакомиться. В одну из бесчисленных прогулок по окрестностям я хотел осмотреть развалины древней церкви незадолго до меня посещенной графиней Уваровой, которая производила там раскопки. Не знаю, удалось ли почтенной изыскательнице добыть что-либо интересное из-под оставленной ею груды камней и мусора, но до нее рабочие, бравшие камни для построек, нашли в руинах, по словам одних, золотой, по словам других, медный, очень древний престольный крест. Развалины эти лежат на холме, отделяемом от усадьбы лишь неглубоким оврагом, сплошь поросшим кустарником, на вид легко проходимым. На беду мою я принял кабанью тропинку

за настоящую. Сначала я шел довольно свободно; но мало – помалу движение становилось все труднее, и труднее. Кусты и деревья переплетались самыми разнообразными вьющимися растениями, образуя как бы сетчатую стену спереди и сзади и почти сплошной свод сверху. Чтобы продвинуться вперед, приходилось то пробивать палкою узкий проход, то ползти, буквально расстилаясь по земле. Ноги путались в лианах, как в тенетах, измучил меня вьющийся шиповник, ежевика и еще какой-то колючий плющ. Не теряя, однако, надежды скоро выбраться из этой заросли, я продолжал пробиваться, пока не пришел в полное изнеможение и не признал физически невозможным двинуться ни взад, ни вперед. Не случись это так близко от усадьбы, что крики мои о помощи были скоро услышаны, я должен был бы считать себя, безусловно, погибшим. Не только платье и обувь были изорваны в клочки, но и тело все исцарапано и покрыто кровью.

Понятно, вырубка таких зарослей – кустарников требует чрезвычайно трудной и тщательной работы, в особенности при выкорчевывании корней. Если последнее сделано успешно и не особенно старательно, то, при тамошней необычайной растительной силе, уже через год затраченный труд и время надо считать потерянными. На месте вырубленной чащи появляется новый враг, с которым приходится считаться чуть ли еще не больше, – это местный папоротник. Растение это имеет высокий стебель, вершина которого одета длинными, широкими, точно ажурными листьями. Растет папоротник необыкновенно быстро и густо. По мере вырастания листья переплетаются и образуют сплошной навес, не пропускающий солнечных лучей, отчего почва всегда остается влажною, хорошо питающей растение. Для уничтожения папоротника в Цебельде практикуется два способа: выжигание и скашивание. Первый способ, вероятно, занесенный сюда поселенцами, хотя и полезен также для самой почвы, но так как он применим только в засухи, то должен считаться нежелательным, ввиду небезопасности его для лесов. Второй же способ, исстари практиковавшийся абхазцами, правда, требующий большой затраты труда и времени, гораздо предпочтительнее еще и потому, что молодой папоротник*, смоченный раствором соли, представляет собой прекрасный корм для скота и особенно лошадей.

---

* *Для полного искоренения папоротник скашивается несколько раз весною, когда только что появятся молодые побеги.*

Но затем, если и этот враг побежден, на месте непроходимых дебрей появятся богатейшие пахоты, сады, огороды, луга с необыкновенными урожаями, которые сторицею вознаградят земледельца.

Из нынешних обстоятельств, которые тормозят развитие Цебельды в сельскохозяйственном отношении, на первом месте стоит незаселенность края, отсутствие рабочих рук.

На значительной площади плоскогорной Цебельды имеется только одно греческое село Ольгинское и один малороссийский поселок Полтавка. Вне этой площади, за р.Амткелкой, в горах, расположено еще одно греческое селение – Георгиевское, а к стороне моря, за хребтом Апианче – русские селения: Евгентьевское, Черниговка, Владимировка и мингрельское – Анастасьевка и др., но эти, наиболее значительные селения, а также поселки в долине р.Маджарки, настолько прикреплены к своей земле, еще нуждающейся в усиленном обрабатывании, что выделить от себя рабочих на заработки в плоскогорную Цебельду не могут, а потому их и нельзя принять в расчет, как рабочую силу. Остаются, следовательно, сел. Ольгинское с 30-ю семьями (приблизительно), да Полтавка, имеющая также около 30-ти дворов. Но греки, по преимуществу мастеровые, совсем плохие земледельцы, и к тому же, в самое страдное время они почти поголовно оставляют селение и уходят на заработки – на постройки. Свободных же для найма поселенцев из Полтавки, а частью из Черниговки, остается немного. Да и эти немногие, пользуясь случаем, ценят свой труд так высоко, что принимать их услугу могут лишь весьма немногие помещики. Притом, эти поселенцы хорошие работники только как пахари и косцы – в садах, огородах, пасеках они не годятся.

Заходят сюда на заработки также и мингрельцы, но этот безземельный, избалованный, ленивый, да еще и вороватый работник неохотно принимается землевладельцами даже за сравнительно дешевую плату.

Полтавцы поселились в Цебельде в 1884 году. Пришло довольно много, а осталось, как я уже сказал, около 30 семейств. Непривычная, трудная работа в гористой местности, где каждую пядь удобной земли надо сначала отвоевать у леса, у кустарника, у папоротника, страшная болезненность, развившаяся между ними на первых порах от новизны климата, и от чрезмерных лишений, – в первые же года разогнали бедных хохлов; не удержали их здесь и значительные наделы (по 10 десятин на хозяина) с богатыми, нетронутыми лесами и даже с пальмою. Больше половины переселившихся бежало мыкать

горе; немало их сложили и кости, не дождавшись светлых дней. А эти дни для уцелевших и оставшихся здесь, кажется, наступают. За несколько лет тяжелой, полной лишений и адского труда жизни, эти немногие успели акклиматизироваться, свыкнуться с характером местности, освоиться с особенностями местной обработки земли, отрешиться от своей «хохлатской» лени, обстроиться и обзавестись хозяйством, а некоторые – даже и сбывают излишек урожаев. Взрослым помогают и дети: мальчики нанимаются в пастухи, девочки от 12-ти до 18-ти лет имеют постоянный заработок на табачной плантации г. Рейнгарта.

Черниговцы поселились несколько позднее, и сказать что-либо об их новом житье я затрудняюсь, но думаю, что, имея в полтавцах-удачниках хороший пример, они, вероятно, останутся и заживут со временем припеваючи в этом благодатном крае, так мало похожем на покинутые родные, но далеко уже не привольные степи.

До настоящего времени успешному развитию края много вредило также и отсутствие дорог. Усадьбы помещиков сообщались между собой тропинками, протоптанными диким зверьем или скотиною, а о вывозе в Сухум излишков сельских произведений несколько лет тому назад никто помышлять не мог вследствие бездорожья. Теперь это препятствие до некоторой степени устранено с проведением сносной дороги из Сухума в Цебельду и через Цебельду, что сразу и значительно подняло ценность земельных участков.

Ценность эта возвысилась бы еще более, если бы нашлись солидные (денежные) арендаторы, или же крупные гуртовщики, которые бы скупали местные произведения и транспортировали их в торговые центры.

До сих пор только кукуруза и лес имеют сбыт через посредство скупщиков и агентов, по преимуществу – иностранных предпринимателей: кукуруза – в Турцию, а лес – во Францию. Прочие же произведения, как-то: фрукты, овощи, мед, воск, всякая живность и пр. и в урожаи, и в неурожаи одинаково не имеют сбыта и покрывают лишь расходы на собственные нужды хозяев. Таким образом, отсутствие вывозной торговли и местных потребителей (ведь нельзя же Сухум считать потребителем произведений целого округа!) держат богато одаренную Цебельду в полной бездеятельности, в глубоком сне. Оживятся, очнутся от этой спячки и край и производители только тогда, когда явятся на помощь последним капиталисты с конторами, складами, агентами в том же Сухуме, который для жизни Цебельды также необходим, как желудок для живого организма.

А каково должно быть пробуждение, оживление деятельности в крае по всем отраслям сельского хозяйства, лесной и горной промышленности (Цебельда не лишена и минеральных богатств) – можно предсказать, не будучи пророком!

Чтобы дополнить картину незавидного положения Цебельды в настоящее время, упомяну еще о двух злах, тяготеющих над обывателями – о конокрадстве и о диких зверях: медведях, кабанах, шакалах и др. Корень обоих этих зол надо искать, опять-таки, в чрезмерной малонаселенности края. Не только искоренение их, но и борьба с ними не по силам одному местному населению. Тут уже, безусловно, необходимы помощь и содействие администрации. Благодаря разбросанности жилья, затруднительности взаимного сообщения и полному отсутствию полицейской охраны, за которою, в лице участкового пристава, надо скакать в Сухум, собственники вынуждены оберегать свою рабочую скотину с оружием в руках, что может породить несчастные случаи и вовлечь хозяина в неприятности и ответственность за самовольную расправу с вором. О случаях убийств мне не приходилось слышать, но за свое кратковременное пребывание в Цебелъде я не раз был разбужен ночью выстрелами, а утром выслушивал объяснение сторожа, что какой-то лихой человек либо подкрадывался к табуну, либо перелезал через забор загона. При всем том жалобы на увод лошади, быка или коровы не прекращаются. Меня уверяли, что промысел этот проник сюда из соседней Мингрелии, где он возведен в особого рода культ.

Случаи нападения на домашних животных дикого зверя встречаются несравненно чаще, но вред, наносимый им хозяйству менее чувствителен, так как подвергается нападениям, главным образом, птица и редко когда - теленок, баран или свинья. Организация охотничьих команд, которые бы, если не истребили хищников, то – отогнали бы их вглубь гор, много помогла бы в этой беде цебельдинцам.

Присмотревшись к жизни усадебников в Цебельде, я не мог не отметить следующего факта. Несмотря на полную беззащитность постоянных обитателей, живущих отдельными хуторами среди оврагов, лесов, среди обстановки, лишающей их физической возможности уберечься от насилий, грабежей, разбоев, – бедствия эти там неизвестны. Чему приписать, чем объяснить это отрадное и, к слову сказать, редкое в нашей окраине явление, – не знаю, но, во всяком случае, надо ему радоваться и желать, чтобы и в лучшие, грядущие дни жизни Цебельды оно не покинуло этот богатый уголок.

Дальнейший мой путь лежал через все плоскогорье северо-западной Цебельды в долину р. Кодор, так называемое Дальское ущелье или просто Далы, где производились в то время землемером Т. работы по размежеванию второй серии пожалованных участков.

Все сведения, какие я мог раздобыть об этом ущелье, ограничивались самыми скромными сообщениями, «что там, кажется, разрабатывается дорога, строятся мосты и где-то работает землемер». Но в каком именно месте, сколько времени надо употребить, чтобы добраться до лагеря землемера, и можно ли будет где-нибудь найти приют, если бы ночь застала нас в дороге, мне не мог сказать даже вызвавший сопровождать меня турок-лазистанец Ахмед, который уверял меня, что Далы ему так же хорошо известны, как родной Лазистан.

На деле же оказалось, что дальше урочища Латы, отстоящего от Ольгинского не далее 30 верст, он никогда и не заглядывал.

Такая неизвестность предстоящего путешествия несколько смущала меня. Тем не менее, зная по карте, что самый дальний участок, на котором г.Т. мог работать, лежит не далее 70 верст от Ольгинского, я решил добраться до лагеря в один день.

Раздобыл на этот раз при помощи Ахмеда спокойного иноходца, на котором я чувствовал себя как в кресле; собрав походные принадлежности, запасся на всякий случай солидным запасом провизии и, вооружившись как в бой, мы выехали из усадьбы рано утром.

Разработанная дорога – продолжение сухумо-цебельдинского шоссе – проходит, как я уже говорил, мимо сел. Ольгинского и, чтобы выехать на нее, нам надо было сделать крюк в 3-4 версты, а потому я охотно согласился на предложение Ахмеда ехать по кратчайшей дороге, через соседнее имение г. Витушинского. Собственно дороги здесь нет, и носит это название тропинка, пробитая напрямик через леса и овраги. Версты три, четыре тропинка эта извивается у подножья хребта Апианче, а затем, выбежав на возвышенную роскошную покосную поляну, она сворачивает налево и, в виду приютившейся направо от нее в глубокой лощине, усадьбы г. Витушинского, круто сбегает в рощицу диких фруктовых деревьев, привитых и подчищенных г.Рейнгардтом, – здесь начинается его имение. Здесь же я был приятно удивлен, увидев целую артель русских плотников, строящих сушильни-навесы для фруктов и сколачивающих бочонки и ящики для упаковки их. Видно, энергичный поме-

щик нашел способ из затруднительного положения и открыл путь к пользованию природными богатствами своего участка.

Из этой рощи-сада тропинка вывела нас на настоящую дорогу, уже в то время вполне колесную, так как навстречу нам попадались громадные русские возы с сеном. В этом месте холмы как-то расступились и открыли довольно широкую долину, совершенно чистую от кустарника и даже от папоротника. По левому, слабо покатому склону долины разведен громадный сад, засаженный редкими сортами разнообразных фруктовых деревьев. Сад этот, занимавший в мой приезд огромную площадь – 5 десятин и насаженный по преимуществу выписными, ценными деревьями, как оказалось, был разбит на таком месте, которое никоим образом не может быть искусственно орошено; благодаря чему через три года после насаждения сад высох совершенно. Но г.Рейнгардт не унывает и, как я слышал, засадил новый сад, но уже не в 5, а в 15 десятин и, конечно, на другом месте.

Несколько далее по склону лесистого холма раскинулась сравнительно обширная и обустроенная усадьба того же помещика. Вокруг маленького домика управляющего красиво разбросаны среди зелени разные служебные и хозяйственные постройки.

Здесь отроги Агыша прорвались в долину и преградили нам путь, заставив инженера, прокладывающего дорогу, то огибать, то зигзагами подниматься, спускаться и снова подниматься на бесконечные свои разветвления. Инженеру, быть может, и по вкусу пришлись прихотливые затеи амткельских высот, но мне они показались совсем неуместными; ехать по разработанной дороге, правда, было бы много покойнее, но зато и много дольше; выбранный нами кратчайший путь, по старой тропе, оказался очень трудным, бесперывно приходилось то спускаться в овраги, то подниматься на холмы по скользким изрытым скотиною тропинкам, при этом нередко приходилось на дне оврага спешиваться и эквилибрировать по перекинутому через трясину мокрому стволу дерева, ведя в поводу увязающую по брюхо лошадь. Неудобства эти, впрочем, искупались сохранением времени и приятною прохладою, царившею в чаще леса, через который проходит тропа.

Выбравшись из леса опять на настоящую дорогу, и поднявшись на возвышенную, голую поляну в имении г. Красницкого, мой спутник привлек мое внимание на чудную, редкую картину. Хребет Апианче, составляющий границу плоскогорной Цебельды со стороны моря, как раз против нас как бы разорвался, образуя узкое уще-

лье – ворота, чрез которые открывался вид на далекое синее море. Довольно густая мгла несколько скрывала очертания низменного, лесистого берега и самый горизонт моря, но в ясную погоду открывающаяся отсюда панорама должна быть бесподобна. Один постоянный местный житель уверял, что в ясные дни через эти ворота не только ясно видно море и проходящие вдоль берега дымящиеся пароходы, но во время бурь на море слышен и гул морского прибоя.

Версты за три до старого цебельдинского укрепления дорога проходит почти по самой вершине длинного холма, левый склон которого, покрытый непроходимым, густым лесом, спадает прямо в бурливые волны реки большой Амткелки. Отсюда прекрасно видно все плоскогорье с.-з. Цебельды, долина р. Амткелки, старое цебельдинское укрепление, зеленые горы левого берега р. Кодора и далекие синеющие громады Главного Кавказского хребта, словом, на время скрывшиеся от наших глаз виды, снова открылись во всей своей красе, но ненадолго: дорога сначала понемногу, а от цебельдинского укрепления круто спускается к р. Амткелке и мы опять погрузимся в мрак лесной чащи.

Цебельдинское укрепление, расположившееся на седловине между холмами, на прекрасной полянке, изредка осеняемой купами яблонь, груш, алычи или одинокими развесистыми вековыми орехами, представляет квадратный редут с расположенными по фасам оборонительными казармами. В 1885 году эти постройки, пустовавшие со злополучного 1877 года и участок земли при нем, были отданы русским монахам (вероятно, из соседнего Драндского монастыря) для устройства там подворья для приюта богомольцев, идущих из Кубанской области через Карачай и Главный Кавказский хребет, в Драндский и Ново-Афонский монастыри.

Почти у самого укрепления дорога круто поворачивает налево и беспрерывно версты две спускается к р. Амткелке. Недалеко от поворота, на обширной придорожной поляне нам встретился большой арбный обоз с ореховыми брусьями. Ни в южном Дагестане, нигде в Закавказье мне не приходилось видеть таких громадных ореховых колод: длина брусьев, вероятно, не превышает 3-х аршин, но зато толщина и ширина их доходила до 1,5 и даже до 2-х аршин и это – в обделанном, отесанном виде; каковые же должны быть самые деревья. В огромные, неуклюжие арбы, вероятно, специально приспособленные для перевозки таких колод, было впряжено от 3-х до 6-ти пар буйволов, с трудом вытягивавших эти необычайные махины дорогого дерева из обширной лесной дачи графа Бобринского.

Спуск к мосту через реку разработан довольно сносно, но так как самого моста, хотя и недавно только построенного, не существовало, то для проезда ароб была разделана прежняя верховая тропа к броду. Судя по широкому, каменному руслу реки надо полагать, что Амткелка в половодье вовсе непроходима вброд; летом же и раннею осенью, когда не настал еще период дождей, в месте постоянного брода она проходима без труда и опасности; несколько ниже брода с левой стороны в р.Большую Амткелку впадает река – Малая Амткелка, с шумом вырывающаяся в долину из скалистой теснины, темная пасть которой хорошо видна с мест переправы через обе реки. Отсюда же мы видели остатки моста, разрушенного весенними разливами того года.

Переправившись через Большую Амткелку, мы въехали в имение графа Бобринского, состоящее из нескольких тысяч десятин богатейшего леса. Сопровождавший меня турок, по профессии плотник и мелкий лесопромышленник, говорил, что в этом имении есть громадные площади, сплошь покрытые исключительно ореховыми деревьями и дорогою кавказскою пальмою-самшитом. Перейдя вброд и р.Малую Амткелку, мы стали подниматься по адской тропинке, извивающейся по необыкновенно крутому, скалистому склону, сплошь поросшему самшитом; лишь изредка попадались между мохнатыми, кривыми стволами пальмы, гладкие, чахлые деревца бука. Просто поражаешься, как могли вырасти на этой голой скале и эти бедные деревца!

Подниматься по этой крутизне верхом не было никакой физической возможности, тропинка высечена в скале лестницей со ступеньками вышиною в 1/2 и более, а потому мы спешились и карабкались, держась за хвост лошади, которой была предоставлена свобода выбирать дорогу; бедные животные, пыхтя и фыркая, останавливались на каждом повороте зигзагов, длина которых часто не превышала длины самой лошади. Свободно вздохнули мы только тогда, когда выбрались из мрака и одуряющей атмосферы пальмового леса на разделанную дорогу-тропу, плавно поднимающуюся среди чудного букового леса.

После нескольких длинных зигзагов, которые умышленно не сокращали, чтобы дать вздохнуть измученным лошадям, мы неожиданно выехали на край страшного обрыва с правой стороны в р.Амткелку; дорога некоторое время идет карнизом над этим обрывом; но так как она здесь гладкая, довольно широкая и притом осенена крупным лесом, то, несмотря на головокружительную про-

пасть, простирающуюся у ваших ног, на глухой, отдаленный шум бешено ревущего потока, мелькающего в глубине, сквозь листву висящих над бездной деревьев, вы не только не ощущаете какого-либо страха, но напротив, забываете об опасности, восхищаясь величием природы в ее редких сочетаниях дикости и мягкости; вы испытываете какое-то чувство благоговения перед этою подавляющею и в то же время привлекающею вас мощною силою природы.

По мере того как вы поднимаетесь все выше и выше, шум реки затихает и, когда дорога сворачивает влево вглубь леса, пропасть скрывается из глаз, а вы погружаетесь в безмолвную чащу леса. Царящая кругом мертвая тишина и вечный полумрак беспросветной чащи леса действует на нервы; становится как-то не по себе, вас охватывает неприятное ощущение одиночества. Причудливые формы мшистых зелено-серых скал и камней, разбросанных титанической рукой среди стройных вековых деревьев, представляются вам развалинами, а настроенное воображение создает целую историю кажущихся руин! От неожиданно раздавшегося сзади голоса спутника вы вздрагиваете, точно разбуженные от тяжелого кошмара, несколько приходите в себя и, чтобы окончательно овладеть собою, освободиться от чувства непонятного беспокойства, вы начинаете громко петь, но многократное эхо глухо повторяет за вами слова песни, точно передразнивая и издеваясь над охватившим вас волнением, и вы еще в большем волнении замолкаете и стараетесь рассеяться разговором, который вполголоса заводите со своим спутником.

Поразительно, что за все время пути по этому лесу я не встречал ни одной птицы; зато чуть ли не на каждом шагу мой проводник-мусульманин отплевывался и бранился, указывая на вскопанные места и на самой дороге и на прогалинах, свидетельствующие о многочисленном диком населении леса, в образе вислоухих, четвероногих врагов исламистов; немало попадалось тут и медвежьих следов; но встретиться с самими кабанами или медведями нам не привелось ни разу во всю поездку.

В том месте, где дорога достигает высшей точки подъема, стелется некоторое время по равнине, все еще покрытой лесом, но далеко уже не таким крупным и частым, до моего слуха донесся далекий, неопределенный, глухой шум. На вопрос о причине этого гула Ахмед ответил, что-то «Кодор кричит». Наконец-то! Но долго еще пришлось нам ехать, пока сквозь ветви значительно поредевшего леса сначала блеснула раз, другой сине-стальная полоска воды, а на

одном из поворотов дороги у начала спуска глазам нашим открылась и сама чудная долина этой главной абхазской реки. Но, Боже, на какой высоте находимся мы! Рокот бушующей реки только слабым эхом доносился до нас из глубины ущелья; самая река кажется узкой лентой, извивающейся вдоль лесистого левого берега; правый берег скрыт от нас густою зеленью кустарника, которым порос крутой обрыв, спадающей ближе к реке отвесною скалою страшной высоты. Видимые отсюда горы левого берега лежат совсем под ногами и кажутся незначительными холмами. Отсюда же через ворота, пробитые Кодором в хребте Апианче, виднеется прибрежная Кодорская долина – низменность, покрытая непроходимыми лесами князей Шервашидзе и сливающееся с ними на горизонте далекое море. Картина поразительная!

Далее дорога спускается к Кодору над обрывом и, хотя она настолько широка, что два всадника свободно могут ехать рядом, но усыпана острым известковым щебнем, что чрезвычайно затрудняет путника и особенно лошадь, беспрестанно скользящую и спотыкающуюся.

Мало-помалу вид на реку открывается, а скрытый до сих пор обрыв, обнаруживается и невольно заставляет вас, если не спешиться, то прижаться к левой, внутренней стороне дороги. Но вот скат, по которому проложена тропа, превращается в совершенно отвесную скалу, у подножия которой река со страшным шумом и яростью разбивает свои валы, как бы силясь сокрушить этого гордо вздымающегося над нею чуть ли не до небес каменного гиганта. Дороге некуда свернуть и ее выбивают в этой скале на протяжении около 100 саж. узким карнизом на высоте 50-60 саж. над уровнем реки. На краю этого карниза для безопасности сложена из камней невысокая стенка, но местами от беспрерывных осыпей, обвалов и небрежного присмотра за дорогою вообще, полотно тропинки поднимается в уровень с барьером, и нередко с уклоном к обрыву, почему проезд по этому участку дороги не всегда может считаться свободным.

Очень интересна сама скала. Основная толща ее, относящаяся, без сомнения, к известковому происхождению, пересекается параллельно расположенными, с наклоном около 15°, жилами разноцветного и довольно твердого камня, образчики которого я взял с собою, в особенности обратили мое внимание, как имеющие чрезвычайное сходство с мрамором: одна – матово-красноватого цвета, другая – готовая же, молочного или, вернее, дымчатого цвета. Пласты этого

камня резко выделяются на срезе скалы ослепительной белизны. Из этой же скалы еще в пятидесятых годах брали литографский камень, который, впрочем, с развитием литографского дела был забракован вследствие значительного присутствия в нем твердых кристаллических зерен, делавших его шероховатым; при исследованиях, проведенных инженером Абрюцким в 1852 году, между обломками, свалившимися к берегу Кодора были найдены образчики вполне годного литографского камня. Новейшие тщательные исследования этой казенной громады, не оставленной без внимания 30 лет назад, во времена длительной жизни Кавказа при кн. Воронцове, весьма вероятно, привели бы к благоприятным результатам и обнаружили бы в ней присутствие хорошего литографического камня и мрамора, этих ценных пород камня, за пользование которыми Россия так много приплачивает иностранцам.

Оставив за собою этот страшный обрывистый участок дороги, мы выехали на бугор, мысом вдающийся в реку, которая поневоле делает здесь крутую извилину. Как раз в этом месте отвесные, скалистые брега ее сходятся чрезвычайно близко, образуя теснину, которою удачно воспользовались туземцы для устройства единственного на Кодоре моста во всем Дальском ущелье. Через пропасть, в глубине которой пенится, кипит и брызжет сдавленная река, поднимая целое облако водянистой пыли, перекинуты толстые виноградные лозы, укрепленные за выступающие концы врытых в берега бревен; вместо полотна на эти лозы наложены и прикреплены более тонкими лозами плетни и хворост; когда идешь по этому мосту, то чувствуешь, как он колеблется под ногами, ступаешь по нему точно по пружинной настилке. Понятно, через такой живой мост может переправляться только пешеход, да и то привычный, с крепкими нервами и незнакомый с головокружением.

Впрочем, туземцы умудряются перегонять через этот мост целые стада баранов, несмотря на то, что на нем даже перил, которые обыкновенно приделываются горцами Дагестана к таким же мостам через свои потоки, нет.

Несколько лет назад один топограф-офицер, работавший в тех местах, отважился было перейти через этот мост, но, добравшись до середины, потерял присутствие духа, не справился с головокружением и бесследно погиб в поглотившей его пучине. Мост этот носит название «Багадский».

Высочайше пожалованные земельные участки, отмежеванные в Дальском ущелье, расположены по обе стороны реки, а те из владельцев, имения которых лежат на левом берегу Кодора, в данное

время могут лишь издали, с противоположного берега, любоваться своими прекрасными, богатейшими лесами и садами. Если даже и найдется между ними смельчак, рискнувший бы переправиться через мост, то, чтобы добраться до своих земель, он должен продолжать путь не иначе как пешком, ибо дорог на левом берегу вовсе нет, если не считать старую абхазскую тропинку, когда-то пробитую через леса и овраги параллельно по берегу, вверх по течению реки, но со времени выселения жителей Дальского ущелья совершенно заброшенную и до того заросшую, что не только проехать, но подчас найти следы ее трудно.

К Багадскому мосту мы спустились лишь для того, чтобы посмотреть на него, дорога же наша лежала по той же абхазо-кубанской тропе, довольно искусно проложенной и прекрасно трассированной по чрезвычайно пересеченному склону примыкающих к правому берегу Кодора гор, покрытых густым, почти непроходимым, в то же время богатейшим строевым лесом самых разнообразных строевых пород с некоторым преобладанием дуба. Нам беспрерывно приходилось выезжать к самой реке, огибая вдающиеся в нее мысами отроги, то углубляться в бесчисленные, темные и сырые ущелья, спускаясь и переправляясь через горные потоки, в бездождье и палящий зной, манящие своею хрустальною родниковою влагою, сверкающую на пробивающихся сквозь зеленый густой свод солнечных лучей всеми цветами радуги в бесконечных брызгах красивых водопадов.

В прохладной тени этих ущелий вас охватывает ощущение полного физического довольства. Въехав в такое ущелье, вы невольно останавливаетесь среди потока и любуетесь его водопадами, крутыми скалистыми берегами, по окраине, а иногда и по скалам которых высятся великаны чинары, вязы, дубы, каштаны, распустившие свои зеленые крылья над потоком, как бы охраняя его живительную влагу от палящего солнца. А что за воздух? Вы чувствуете его при дыхании, расправляете грудь, чтобы побольше набрать его в себя. Но воображаю, как изменится эта картина во время ливня или в период дождей! Поток превращается в бешеного титана, с диким ревом несущегося по крутому, загроможденному камнями руслу, и своею неодолимою силою сокрушающего все преграды и препятствия; под страшным напором массы воды, стесненной в узких берегах, срываются целые скалы, вырываются с корнями громадные деревья, и все это несется с неуловимою быстротою, оглушительным шумом и треском вниз, все более и более разрушая берега, пока не вырвется

на свободу, в широкий, низменный разлив или прямо в Кодор. Незавидно положение путника, застигнутого здесь весенними, тропическими дождями!

Через более значительные и в бездорожье трудно проходимые потоки перекинуты хорошие деревянные мосты из цельных дубовых брусьев с настилкою полотна из дубовых же или каштановых досок толщиною 1,5-2 вершка.

В мой проезд мосты эти строились, и я несказанно был обрадован, когда, проезжая к первому широкому потоку, среди шума и плеска воды услышал стук топора и человеческие голоса. Значит мы не одни в этом чудном, но глухом ущелье! Если бы даже мы и не добрались в этот день до лагеря землемера, то опасаться бесприютности на ночь нам уже не приходилось – ночлег мы могли найти у любого моста, которых, по словам рабочих, было несколько и ночлег довольно удобный, так как почти возле каждого моста построен сторожевой каменный домик под железной крышей с окнами, дверьми и даже печами или каминами. Отбросив теперь всякие опасения, мы бодро продолжали свой путь.

Горы, образующие Дальское ущелье, иногда отходят от реки, и долина расширяется, представляя в этих местах низменные поляны, густо поросшие ольшанником, орешником и др. мелким лесом в болотистых, заливных частях и сплошь покрытые фруктовыми деревьями на недоступных разливу местах. На таких полянах попадаются целые рощи исключительно из ореховых деревьев. Но большей части эти красивые, развесистые деревья громадных размеров встречаются отдельными купами среди других фруктовых деревьев – яблонь, груш, слив, айвы и пр.

Все эти фруктовые деревья перевиты виноградными лозами, по толщине своей иногда превосходящими сами деревья, вокруг которых они обвиваются. На некоторых полянах, террасами расположенных по склону гор, попадаются то там, то сям группы кустарника, по-видимому, выросшего на куче мусора и развалин от заброшенных абхазцами жилищ со времени выселения их.

Более явных следов жилья коренных жителей Дальского ущелья, по которым можно было бы судить о характере построек, несмотря на все старания, мне не пришлось видеть нигде в целом ущелье; как будто дома были срыты до основания навсегда покинувшими их обитателями! Объяснили мне это явление тем, что каменных построек у абхазцев не существовало, а строили они свои дома из плетня, обмазанного глиною. Только в участке г. Сараджева, бли-

жайшем к перевалу через Кавказский хребет, до сих пор стоит хорошо сохранившийся и заброшенный каменный дом (сакля) с уцелевшими дубовыми дверями и оконными рамами. На таких же возвышенных полянах обыкновенно попадались нам и совершенно чистые луговины, теперь покрытые роскошною травою и цветами, а когда-то, очевидно, служившие пашнями.

Не могу не обмолвиться несколькими словами о чудном каштановом лесе, попавшемся нам на пути, недалеко от урочища Латы. Стройные высокие деревья, слабо пропускающие через свою густую листву свет, правильно и не особенно часто покрывают собою значительную площадку на одном из отрогов и прилегающие к нему овраги. Казалось, этот лес насажен и оберегается заботливою рукою человека; в нем нет тех зарослей, которыми отличаются здешние леса вообще; по нему можно также свободно ходить, как по старательно расчищенному парку; только изредка попадаются между стройными гигантами чахлые деревца других пород. Плоды этих каштанов, хотя и диких, довольно крупны и очень вкусны.

Еще 1/2 часа пути и из темного леса мы выбрались на большую поляну; в самом начале, у выхода на нее глубокого ущелья с многоводным чистым ручьем, влево от дороги, виднеется несколько деревенских построек – это поселок Латы.

Весь поселок состоит из трех дворов, принадлежащих трем братьям – сыновьям отуземившегося русского солдата, попавшего к абхазцам в плен еще при первом появлении наших войск в Абхазии. Не желая сопутствовать в выселении в Турцию своим новым, невольным соплеменникам, с которыми пленник еще задолго до водворения русских в Абхазии был связан родственными узами, женившись сам на абхазке, а потом, женив и сыновей своих также на туземках, со всею своею семьей он остался в опустевшем Дале, сделавшись таким образом хозяином чуть ли не всего ущелья. Этот интересный старик умер лет пять тому назад, имея от роду 103 года. Ему очень хотелось, чтобы, если не сыновья, теперь тоже старики, то хоть внуки его были православными, но исполнить волю отца эти люди, сами по крови наполовину, а по жизни совсем мусульмане, могли только отчасти: сын старшего из братьев, мальчик лет 10-12, был окрещен еще при жизни деда, во время случайной их поездки в Сухум, остальные дети – не крещенные. Странно было слышать, когда отец, отдавая детям разные поручения, сына называл Васькой, а дочь – девочку лет 8-ми – Фатьмой; ни тот, ни другая по-русски не

понимают ни слова, да и сам отец мог объясниться со мною с большим трудом.

Никем не тревожимые эти уединенные поселенцы обзавелись хорошим хозяйством, беспрепятственно пользуясь, до появления там землемера, таким количеством земли, какое в силах были обработать. Но теперь, с размежеванием ущелья на участки, владения их ограничились наделом в 10 десятин на каждый двор.

Дома их имеют вид русских изб, сбитых из теса, с крылечками, сенцами, клетями и пр. Перед каждым домом имеется обширный огороженный двор, в глубине двора размещены все жилые и хозяйственные постройки.

Непосредственно к заборам примыкают небольшие, но тщательно содерживаемые, а также огороженные пахотные и покосные поля, которые узкой полосою тянутся по долине у самого подножия красивых и лесистых гор, составляющих собственность, кажется, священника Мачавариани[63]. В этом поселке нам сказали, что в инженерном или постовом домике, построенном верстах в 2-х или 3-х дальше, мы, наверное, добудем желаемые сведения о землемере, а также кое-что и перекусить; в отдыхе мы, действительно, нуждались, пятичасовая безостановочная езда в азиатском седле страшно разломила все мои члены, да и лошади притомились.

В сторожке мы, действительно, нашли не только сторожа, с уверенностью сообщившего, что землемер работает в верстах 10-ти и любезно предложившего закусить – яиц, молока и даже шашлыка, но и целую компанию каких-то людей-туземцев, весело пирующих в тени навеса во дворе.

В ожидании заказанного шашлыка и чтобы размять затекшие ноги, я направился тут же, к невдалеке несущемуся Кодору. На самом берегу его, в нескольких десятках саженей от сторожки, стоит большое заброшенное здание – казарма когда-то расположенной здесь части линейного батальона. Вскоре после выселения из Дала коренных жителей, это опустевшее ущелье, с бесчисленными разветвлениями в обе стороны, служило пристанищем безнаказанно укрывающимся сюда разбойничьим шайкам. Для пресечения этого зла, чтобы преградить хищникам дорогу и лишить их возможности ютиться в здешних трущобах и отсюда устраивать набеги на береговую Абхазию и Мингрелию, в Цебельдинском укреплении, в Латах и дальше, в урочище Чхалта, были расставлены войсковые команды.

Тут же возле казармы стоит одинокая могила одного из членов владетельного дома Абхазии – князя Шервашидзе. На памятнике из двух мраморных плит, – из которых одна лежит на могиле, а другая поставлена перпендикулярно к первой в головах – сделана соответствующая надпись на арабском языке, возвещающая путнику о военных и гражданских доблестях ныне мирно покоящегося князя.

Особенно хорош здесь Кодор. Несколько выше, где долина замыкается двумя, почти сходящимися с противоположных берегов отрогами, река делает крутой поворот и, пробившись через теснину, плавно, насколько это возможно для горной реки, разливается по широкому ложу.

Горы левого, противоположного берега в этом месте подступают к самой реке, прозрачные волны которой, точно заигрывая со склоненными над водою вековыми деревьями, обдают их брызгами и пеною. По скатам, террасами поднимающимся все выше и выше, и изрезанным множеством оврагов, густо поросших крупным лесом, виднеются значительно чаще, чем на правом берегу Кодора, поляны с темно-зелеными каштановыми рощами, а летом и весною, пестреющие массою полевых цветов. Мне говорили, что обилие фруктовых деревьев и цветов привлекло сюда несколько пасечников, единственных полуоседлых обитателей этих богатейших дебрей. Долго они сидели в этих лесах, никем не беспокоимые и, вероятно, привыкшие считать окружающие их дары природы своею неотъемлемою собственностью. Воображаю их недоумение и испуг, когда покой и одиночество их было нарушено неожиданным появлением землемера с целой командой рабочих, прорубающих просеки, ставящих курганы, вехи, флаги и пр., и объявивших этим бедным дикарям, что отныне те фрукты, которыми они питались, та зеленая роща, в которой ютились их убогие хижины и улья, тот мед, который собирали им их бесчисленные трудолюбивые помощники с душистых цветов, отныне принадлежит не им, а новым законным владельцам – кн. Джорджадзе и его соседям – гг. Чемберу и Запорожченко.

Вернувшись к месту нашего привала, я застал своего турка в хлопотах за приготовлением обильного завтрака на разостланных бурках, в тени развесистого тутового дерева, обвитого, точно гигантскою змеею, виноградною лозою. Обнадеженный сторожем, что нам предстоит проехать еще не более двух часов, я разрешил себе вдоволь покейфовать и только далеко за полдень, когда солнце сменило гнев на милость, перестало припекать, сытые, бодрые и весе-

лые мы двинулись дальше, отдохнувшие и погулявшие на сочной траве лошади бойко несли нас по ровной, прекрасной дороге.

Невдалеке от сторожки мы наткнулись на новую артель мастеровых, сооружающих мост через довольно значительный поток Аргуния,[64] вытекающего из узкого, глубокого ущелья, и в широком разливе, при впадении в Кодор, разбросавший и нагромоздивший массу камней, между которыми нам и пришлось лавировать с опасностью поломать лошадям ноги, так как мост не был еще настлан.

Почти тотчас за впадением Аргуния в Кодор большая Латская долина, как я сказал уже, сразу замыкается отделившимся от цепи гор отрогом, на который и взбирается дорога, вновь углубляясь в тенистый лес. За лесом опять долина, за долиной снова лес, овраги и т.д.; словом, характер ущелья остается один и тот же, с небольшим видоизменением, еще намного верст вверх по Кодору. Проехав одну из таких долин, верстах в 10-ти от Лат, мы поднялись на возвышенную равнину-террасу, поросшую мелким буковым лесом, с которой потянуло на нас своеобразным запахом самшита, из чего я предположил, что где-то вблизи должен быть скалистый овраг с пальмовым лесом, но я ошибся: немного дальше и я, и проводник мой, постоянно твердивший мне, что пальма растет в недоступных местах и потому по дороге мы ее больше не увидим, были одинаково удивлены, когда на той же равнине нам стали попадаться пальмовые кусты все чаще и чаще и, наконец, мы очутились среди исключительно пальмового кустарника, когда-то, судя по видневшимся пням, густого пальмового леса. Такое изобилие пальмы здесь, на ровном месте, дает основание предположению, что выше к горам, в узком ущелье, из которого вытекает вскоре встреченный нами горный поток, ее должно быть еще больше.

Через этот поток также строился мост, причем рабочие, чтобы не утруждать себя поисками более подходящего горючего материала для своих нужд, безжалостно рубили и жгли тут же, под рукою растущую несчастную пальму.

От Лат мы проехали уже более 15-ти верст, а признаков близкого расположения лагеря землемера нам все не попадалось, и что страннее всего – работавшие на только проеханном мосту люди не могли дать нам решительно никаких сведений о нем, как будто никогда и не слыхали, что где-то недалеко от них раскинулся целый табор рабочих землемера. Всего за день мы проехали уже более 50-ти верст, и лошади стали заметно приставать, да и сами мы, несмотря на роздых в Латах, преизрядно порастряслись и устали. К тому же и солн-

це вот-вот спрячется за горы. Пора бы было и отдохнуть, а об ожидаемом лагере ни слуху, ни духу! Почти полное неведение о нем рабочих у последнего моста уничтожило во мне бодрое настроение духа, и я, потеряв терпение и надежду достичь намеченной цели в этот день, с досадою решил ехать дальше только до захода солнца, и объявил своему спутнику, что если до того не встретим лагеря или еще нового моста со сторожкою, то заночуем в поле. Решение это, по-видимому, пришлось не по вкусу моему турку и он, желая, во что бы то ни стало уклониться от такого, по его мнению, небезопасного и для нас, и для лошадей ночлега, стал усердно подгонять выбивающихся из сил лошадей. Об окружающей природе, о воздухе, пропитанном вечерними испарениями душистых цветов и растений, располагающих к неге, к отдыху, о фруктах, по-прежнему в изобилии попадавшихся на пути, которыми бы мы могли освежить свои пересохшие горла – некогда было думать; ничего этого теперь для нас не существовало. Скорей вперед, вперед к лагерю!

Каково же было наше удивление и радость, когда, выехав неожиданно из-за бугра к берегу довольно значительной реки Чхалты, встреченные нами мастеровые, заготавливавшие материал для моста через нее, сообщили, что мы проехали уже лагерь, что он разбит с версту не доезжая до Чхалты, на только что объеханном нами бугре.

Внимательный староста рабочей артели дал нам проводника, который, свернув с дороги на едва заметную тропинку, вьющуюся по крутому косогору среди кустарника, вывел нас на поляну, где мы и увидели столь желанный лагерь и прохаживающегося перед палаткою землемера Т-ва.

Лучшего места для лагеря нельзя было выбрать. Большая, чистая от порослей поляна, образующая террасу на слабом склоне отрога, который мы объехали низом, пересекается неглубоким оврагом, по дну которого течет ручей с прекрасной родниковой водой. На поляне разбросаны отдельные фруктовые деревья, конечно, с обвивающими их лозами винограда; к приезду моему, несмотря на обильный урожай, о фруктах из этого случайного сада осталось одно лишь воспоминание: желудки подчас голодавших рабочих поглотили и уничтожили как саранча все, что было можно.

Этот лагерь – стан состояли из нескольких шалашей из веток и травы для рабочих и одной палатки для землемера. И шалаши, и палатки размещались непременно под сенью развесистых деревьев, густая листва которых предохраняла их от солнца и дождя.

А.И. Т-ва застал я гуляющим возле палатки, очевидно, страшно скучающим и, судя по осунувшемуся лицу, больным. Завидя меня, он оживился, обрадовался. Еще бы! В течение 3-4 месяцев он жил в этих трущобах буквально оторванный от всего мира, обреченный на молчание, голодание и ежедневные многоверстовые прогулки по горам, лесам, скалам, болотам и пр. кроме абхазцев-рабочих, ни слова не понимающих по-русски, при нем был только один всадник-стражник, изображавший из себя телохранителя, переводчика, повара, лакея и собеседника. Положение более чем незавидное, особенно в ненастные, дождливые дни, или еще хуже, во время болезни, когда поневоле прекращались работы, и приходилось сидеть в палатке. Много надо иметь мужества и энергии, чтобы вынести такую жизнь в течение нескольких месяцев. А если прибавить к этому еще и чисто материальные лишения, от которых трудно было уберечься даже при правильной организации доставки продовольствия в эту глушь из Сухума, за 90 верст, то остается только удивляться и преклоняться перед людьми, службою обязанными нести такой тяжелый труд. Продовольствие и всякие запасы доставлялись сюда как для самого Т-ва, так и для рабочих несколькими чардоварскими лошадьми, от времени до времени присылаемыми в Сухум. И нередко случалось, что чардовары, задержанные в городе поставщиком, или в пути дождями, распутицей, или по другим причинам, возвращались неделею, а иногда и более позже, чем предполагалось, и весь лагерь должен был в ожидании их питаться «диким медом и акридами». Почти в таком положении голодовки я застал лагерь. Чардоваров ждали с неделю и первый вопрос, которым нас встретили, был «не обогнали ли мы их»; запасы истощились настолько, что, например, муку выдавал рабочим сам Т-ов горсточками, чтобы как-нибудь растянуть скудный запас и не оставить людей совершенно без хлеба, последствием чего вышло бы, что рабочие разбежались бы и вершитель дел, г. Т-ов, остался бы как рак на мели, что и случилось с ним в начале лета, когда по рекомендации одного из поверенных новых землевладельцев в Далах, сухумского обывателя, он набрал артель рабочих из пришлых мингрельцев, менее выносливых и терпеливых, чем абхазцы, которые исключительно составляли теперь рабочую силу землемера. О них то я и скажу здесь несколько слов.

Во всей Цебельде, как я уже говорил, нет ни одного туземного селения и нанимать рабочих приходилось или в Сухуме, или же из других участков при посредстве пастухов, загоняющих на привольные, пустующие земли Дальского ущелья свои стада из населенных

мест Абхазии. Приходили наниматься преимущественно молодые люди. Несмотря на то, что работать приходится исключительно в лесу, в горах, на болотах, под открытым небом, головных уборов почти не носят и в дождь и в припек ходят с открытыми головами. У весьма немногих, вероятно, менее бедных, за плечами башлык из грубого туземного сукна... Среднего роста, сухопарые, жилистые, очень живые в движениях, хорошие ходоки по горам и неутомимые в физическом труде, они почти никогда не теряют бодрости, веселости, оживления. Т-ов рассказывал, что после крайне изнурительной денной работы, как прорубка просек, постановка межевых курганов, вех, флагов и почти беспрерывного лазания по скалистым крутизнам, деревьям, возвратившись в лагерь, они нередко устраивали пляски с песнями. И то и другое выходит у них чрезвычайно оригинально и очень интересно. В один из вечеров они устроили для меня концерт с танцами, который я прослушал, не скажу с удовольствием, но с большим интересом, удивляясь пению, и еще более – пляске этих детей природы.

Обыкновенно нанимались они на работу со своим инструментом, состоявшим из цалды и крошечного топорика. Пилами и большими русскими топорами, предлагавшимся им для рубки больших деревьев, они пренебрегали и отлично обходятся своими орудиями: цалдами расчищают дорогу от кустарника, порослей, лиан и веток как нельзя лучше; за абхазцем, вооруженным цалдою, можно пройти без труда, как по коридору, среди непроходимой чащи; своими же «томагавками» они чрезвычайно быстро и искусно сваливают громадные, вековые деревья. Лучших рабочих для своих работ Т-ов не мог найти и он, действительно, не нахвалится ими. К тому же они не требовательны, терпеливы в лишениях, от которых, по условию при найме, они должны быть обеспечены заботами нанимателя. Вместо денег при расчете безропотно принимали расписки с обещанием выдачи по ним денег по окончании работ в Сухуме – это за 90 верст от места работы и, может быть, за столько же, если не больше, верст от Сухума до их селений! В честности их также трудно усомниться, судя по тому, что у Т-ва, ничем и никем не обеспеченного не только от воровства, но и от открытого насилия, грабежа, за время его странствований, никогда ничего не пропадало.

Абхазцы, как кровные сыны вековых лесов и трущоб, также и бесстрашные охотники. Он один с застарелою, едва ли куда годною одностволкою, смело идет на царя этих лесов – бурого медведя, о более солидной величине которого я имел возможность судить по

шкурам, развешанным в лагере на деревьях. Они очень услужливы, преданы и, по-видимому, очень заботятся о целости и безопасности своего патрона – временного хозяина. Как-то раз, прокладывая границу какого-то участка, Т-нов со своими рабочими-абхазцами должен был перейти маленькую болотистую полянку, поросшую густой травой. Шедший в нескольких шагах перед ним рабочий-цалдник, дойдя до середины полянки, вдруг с страшным отчаянным криком бросился вперед на возвышенность. Не понимая знаков и возгласов передового, Т-нов в недоумении остановился и через несколько мгновений очутился среди стада змей, судя по описанию, гадюк. Положение критическое! Шедшие сзади абхазцы не растерялись и, увидев, в какой опасности находится их «начальник», быстро подбежали к нему и на руках вынесли его на противоположный, возвышенный берег полянки, подвергая себя страшному риску быть ужаленными пресмыкающимися, тем более что все эти смельчаки были босы.

Приезд наш несколько взволновал лагерь; Т-нов, как я уже сказал, очень обрадовался появлению живого человека, которого он к тому же с нетерпением поджидал, так как денежные ресурсы его поиссякли, и я должен был их пополнить. Рабочие, бывшие в этот день все в сборе, с любопытством окружили нас, суетясь, желая предупредительно помочь мне, – кто слезть с лошади, кто приготовить сиденье, видя, что ноги мои подкашиваются, кто разоблачить от обременяющих меня доспехов и пр. Но больше всех, я думаю, были довольны я и мой спутник! Так ощутительна была для нас потребность в продолжительном отдыхе.

Прежде всего, как водится, нам был предложен готовый чай и этот живительный напиток, приправленный имеющимся у меня неизменным спутником всяких путешественников – коньяком, скоро подбодрил меня настолько, что затем, даже долго за наступившею темнотою и незаметно опустившеюся тихою, прелестною ночью, мы беседовали, взаимно задавая и отвечая на интересовавшие нас вопросы.

Места в палатке не оказалось, так как кроме кровати Т-ва она вся была заставлена ящиками с инструментами, палками, разными припасами, боящимися сырости и ночной влаги больше меня, а потом во время чаепития мне соорудили из брусьев и веток кровать под открытым небом, которую, на случай дождя, прикрыли случившимся брезентом и целым лесом душистых, свежих веток и травы.

Впечатления дня, не совсем обыкновенная обстановка ночлега, отдаленный, бесперывный шум, доносившийся среди мертвой тишины ночи со стороны Кодора, фырканье уставших лошадей, тут же пасшихся и побрякивавших железными путами, несмотря на страшную физическую усталость, долго не давали мне забыться, сомкнуть глаз, и я с завистью прислушивался к мерно разносившемуся кругом храпу спящих рабочих.

Старательно ознакомившись с планами участков родственника моего и нескольких знакомых лиц, также получивших в Далах наделы и просивших меня заодно заместить и их при приеме участков, мне, конечно, было интересно осмотреть самые участки на месте. Когда Т-ов достаточно оправился от нездоровья, а я вдоволь отдохнул, ранним утром восхитительного осеннего дня сели мы на коней и в сопровождении переводчика моего – турка и еще одного конного рабочего выехали из лагеря с намерением проехать в самый обширный и самый отдаленный участок г. Сараджева и попутно осмотреть участок моего родственника и г. Кеценко; остальные участки, расположенные значительно ниже по Кодору, я предполагал осмотреть на обратном пути, предварительно ознакомившись с местоположением по планам.

Подъехав к мосту через Чхалту – значительный приток Кодора, вытекающий из тесного, дикого ущелья, по которому еще в пятидесятых годах проводились исследования пути к удобному перевалу через Главный Кавказский хребет, мы были задержаны переправою шедшей к нам навстречу, вероятно, из Карачая, баранты. Для постройки нового инженерного моста в то время только заготовляли материал, и сообщение с противоположным берегом производилось по старому туземному мосту из виноградных лоз, висящему и качающемуся над бурным и глубоким потоком, точно перекинутый через реку сплетенный из хвороста гамак. Обезумевшие от страха животные, силою загнанные на этот живой мост, до середины его, столпились тесною массою и, несмотря ни на какие понукания и крики пастухов, ни за что не хотели двинуться дальше по сильно качавшемуся и провисшему к середине от значительной тяжести мосту. Очистить мост от этой преградившей его живой стены удалось только после больших усилий рабочих, прибежавших на наш зов из лагеря, которые поодиночке стаскивали на нашу сторону блеющих и упирающихся баранов. Переправились мы через этот мост, само собою, пешком, немало повозившись с лошадьми, кото-

рые также дрожали и хрипели, чувствуя под ногами живую, колеблющуюся настилку моста.

Тотчас за мостом, приютившись под скалою, стоит такой же, как и раньше встреченные нами, сторожевой домик.

Отсюда дорога идет некоторое время у подножья скалистой горы, тем не менее покрытой крупным лесом, по преимуществу дубом. Я был просто поражен, глядя на этих великанов, корни которых вылезали наружу и стелятся прямо на каменных плитах скалы, едва прикрытых гнилыми листьями, мхом и валежником; чем и как они держатся и, мало того, питаются и растут, – я положительно недоумевал! Справа от дороги, немного ниже ее, лежит каменная болотистая долина, поросшая крупным кустарником, ольшаником; вероятно, во время половодья эта долина заливается водою. Часть долины и гора с дубами, растущими чуть ли не на воздухе, омываемые с одной стороны Кодором, а с другой Чхалтою, принадлежит к владениям г. Фогель.

Почти против впадения в Кодор р. Чхалты с противоположной стороны под острым углом низвергается в Кодор также довольно большая горная река – поток Брамба, вытекающая из дикого, мрачного и страшного скалистого ущелья. Это ущелье разрывает собою длинную цепь красивых гор левого берега Кодора, как бы служа границею характерного отличия природы гор, идущих от нее вниз по реке, от гор, поднимающихся вверх по р.Кодор и соединяющихся истоков его с Главным Кавказским хребтом. Эти последние горы действительно, резко отличаются от первых: они значительно выше, круче, скалистее и, начиная непосредственно от Брамбы, богатый лиственный лес, сначала только на вершинах, а затем и по всему почти склону их уступает место хвойному мачтовому лесу, на который, а я слыхал в Сухуме, с особенностью точат зубы и местные, и заезжие лесопромышленники.

На участке г. Иванова, составляющем преддверие новой, более суровой природы ущелья, и занимающем конец новой цепи гор, мысом вдающийся в угол слияния Брамбы с Кодором, еловый лес впервые появляется и темною полосою на вершине горы отделяется от ниже растущего лиственного; а уже на соседнем участке г. Гагемейстера и еще более в участке г. Сараджева еловый лес занимает совсем первенствующее место по склонам, обращенным к Кодору. Поляны встречаются и здесь, но много реже и располагается уже не по отлогим склонам гор, а по случайно выдвинувшимся террасам. Словом – природа заметно хмурится: нежный, мягкий колорит ее в

нижней части Дальского ущелья принимает здесь более суровый, мрачный, но зато и более величественный оттенок. Здесь все громадно – горы, скалы, ущелья, леса. Скалы и обрывы ущелья р. Брамбы еще издали обращают внимание своею недоступностью, дикостью и грандиозностью. Мне говорили, что в глубине этого ущелья сохранился богатейший пальмовый лес.

Правый же берег Кодора, где проложена дорога, как бы желая смягчить резкость перемены в природе ущелья, не только сохраняет свой прежний вид, но, напротив, тотчас за р. Чхалтою значительно понижается своими горами, которые, отступая от Кодора на некоторое отдаление, образуют довольно широкую, прелестную долину, изредка пересекаемую дерзко вырывающимися из цепи гор отрогами, и потом уже почти незаметно сливаются с голыми склонами главного хребта. Но заботливый, добрый дух Дальского ущелья не смог во всем противостоять великим силам природы! Здесь, как и на левом берегу, флора беднеет в своем разнообразии, хотя до конца оставляет за собою право драпироваться в красивую лиственную одежду, не желая менять ее на колючие хвои; на этом берегу вовсе почти не видно хвойных пород леса. В несмолкаемых разговорах медленно поднимались мы вперед, останавливаясь, где надо для определения мест и знаков, показанных на планах, и неожиданно для меня очутились на громадной поляне, по которой поперечными полосами проходят владения казны, г. Зеленого, г. Кеценко и еще кого-то. Судя по отдельным группам кустарника, выросшего, очевидно, на мусоре развалин, по нескольким уцелевшим фруктовым деревьям и по большим, совершенно чистым от растительности, луговинам, надо полагать, что на этой поляне когда-то стояло большое селение. Следы оросительных канав, изрезывающих и по сию пору долину в разных направлениях, не оставляют сомнения в высказанном предположении, которое, к сожалению, никто из рабочих-абхазцев не мог подтвердить, вероятно, потому, что все они люди молодые и едва ли видели Далы в цветущее его время. В участке г. Зеленого, на той же поляне, близ самой дороги, нам попались два казака, собирающие орехи и еще какие-то фрукты. Такая встреча немало удивила меня; объяснялась же она тем, что тут же, невдалеке, расположился лагерем офицер-топограф со своим конвоем, работающий на соседних горах.

Долго ехали мы по этой поляне, любуясь открытыми видами на темные крутые горы левого и на ярко-зеленые горы правого берега Кодора. На фоне сплошной зелени этих гор, то там, то сям, на более

выдающихся местах виднелись развивающиеся белые и красные флаги, вехи с навязанными на концы их пучками сухой травы – это межевые знаки, предварительно поставленные Т-вым для облегчения последующих, окончательных работ по проведению границ между участками. Прямо перед нами, казалось, вот-вот, рукой подать, высились голые, серые великаны главного хребта, тесно связанные непрерывною цепью; на вершинах и в глубоких расселинах их белел не успевший за лето растаять залежавшийся снег.

По мере приближения нашего к восточной окраине долины, замыкавшейся, как и везде по ущелью, высоким, сравнительно лесистым отрогом, который, подойдя к Кодору, спадает в него отвесным обрывом, горизонт наш все суживался, и, когда мы стали подниматься по косогору бугра, то снова очутились среди мрачного, безмолвного леса. Недолго, впрочем, окутывал нас полумрак лесной чащи. Лишь только перевалили мы через отрог, как сквозь поредевшие деревья блеснула сначала одна, а потом и другая полоса воды, а еще немного дальше нашим глазам открылась широкая долина в форме треугольника, с двух сторон которой катились быстрые горные потоки Гвандра и Секен. При слиянии эти речки образуют Кодор. Итак, мы у истоков этой большой, многоводной реки. Дальше, разветвляясь на две самостоятельные реки, Кодор перестает существовать, а вместе с ним и Дальское ущелье, так как с разветвлением реки разделилось и ущелье: одна ветвь его уходит по реке Сакену вправо от нас, а другая сопровождает нас, следуя за нами по течению р. Гвандры. Исчез Кодор, исчезли сады, и настало исключительно мрачное, лесное царство с мощным, великолепным дубом во главе! Кругом лес, лес и лес девственный, величественный, поражающий размерами своих деревьев: попавшийся по дороге дуб и из любопытства измеренный мною, имел в обхвате 7 аршин; дальше вглубь леса, в горах, как говорили рабочие, деревья еще крупнее. Все видневшееся кругом лесное пространство, лежащее по обоим берегам Гвандры и Секена и между ними составляет собственность г. Сараджева. Громадные богатства, но глубоко зарыты! Когда-то доберется до них владетель?

Долина, омываемая Гвандрою и Секеном, представляет низменность, густо поросшую ольхою, орешником и другим мелкорослым лесом, переплетенным лианами, что делает ее трудно проходимою. Но, судя по тому, что именно в этой долине уцелел единственный во всем Дальском ущелье хорошо сохранившийся каменный домик, надо думать, что и все эти поросли позднейшего происхождения,

что поляна во время оно была чиста и служила абхазцам если не для садов и пашен, то для покосов, загонов и др. хозяйственных потребностей. Тотчас за поляною, между расходящимися все более и более реками, сначала круто, точно стеною, ограждающею ее от холодных ветров, с ближних снеговых гор, а потом – все отложе и отложе поднимается лесистый отрог главного хребта, с которым она постепенно и сливается, сняв свою чудную зеленую одежду.

Не странно ли, что вся эта местность между реками Гвандрою и Секеном вглуби Кавказских гор, почти у главной их артерии, носит чисто итальянское название «Фафиосарто»! Кто дал его, и как оно сохранилось до наших дней, не утратив своей характерной звучности, тогда как смежные местности – противоположные берега рек – носят уже туземные названия, за Гвандрою – Аланда, за Секеном – Адзыубжа-Чара? Обе последние местности чрезвычайно гористы и круты, особенно Адзыубжа-Чара. Но между ними, как и раньше между берегами Кодора, замечается существенное различие: горы левого берега Секена, помимо страшной крутизны, очень скалисты, значительно выше и сплошь покрыты хвойным лесом; горы же правого берега Гвандры только круто обрываются в реку, выше же он имеет сравнительно незначительное падение и на них попадаются ровные места поляны; в довершение различия они одеты исключительно лиственным лесом. Дальнейшая дорога к перевалу через главный хребет в Карачай и дальше, в Кубанскую область, идет от подножья этих последних гор, по самому берегу (правому) Гвандры, в красивом, узком ущелье. Верстах в 5-ти – 6-ти от слияния обеих рек, питающих собой Кодор, при переправе через Гвандру, стоит кажется последний с этой стороны сторожевой домик под названием «Клыч»; от него до самого перевала остается только 20 верст. При всем желании добраться до перевала, и издали взглянуть на Кубанскую область с одной стороны и на Черное море с другой, мне это не удалось, и я, к большому для меня огорчению, должен был оборвать свою поездку по Сухумо-Кубанской тропе, не доезжая каких-нибудь 20-25 верст до наиболее интересного участка ее, Нахарского перевала на высоте 9617 ф. над уровнем моря, служащего водоразделом реки Кодора – через приток его Гвандру и Кубани – через приток ее Уч-Кулан. Утешал себя я тем, что высшей точки перевала мне все равно не удалось бы достичь, так как еще в Сухуме мне говорили, что дорога через самый перевал не была тогда еще разделана вследствие встреченных неодолимых затруднений: порода скал, в которых надо было пробить дорогу, оказалось до того плот-

ною и твердою, что не только железные орудия, употребленные при работах, но и порох оказались бессильны в борьбе с нею.

Жалко было расставаться и с девственною, очаровательною природою чудного Дальского ущелья; когда-то оно оживится, закипит человеческою, деятельною жизнью, пробудится от оковавшего его мертвого сна?.. Служба и неотложные семейные дела не ждали, и приходилось торопиться обратно в душный, несносный Тифлис. Покончив нужные дела, через несколько дней я простился с г. Т. и пустился в обратный путь по знакомой, хорошо изученной дороге. Выехал я из Дала и потом совсем из Цебельды, как оказалось, как раз вовремя. Неделю спустя стоявшая все время моего путешествия чудная, теплая погода изменилась: пошли дожди, настали холода, посыпал снег и дальнейшее пребывание в Далах было бы и бесполезно и опасно для здоровья, а потому вскоре вслед за мной вернулся в Сухум и Т-ков, распустив по домам свою рабочую команду.

В заключение прошу у читателя еще несколько терпения и позволения сделать с ним маленькую экскурсию в область экономического значения Цебельды вообще и Дальского ущелья в особенности.

Еще в пятидесятых годах, в то именно время, когда Абхазия особенно привлекала на себя внимание и правительства, и частных лиц, один из исследователей этого края говорил: «Абхазия – один из прекраснейших уголков Закавказья! Чем не наделена она от природы? Любитель картин природы на каждом шагу будет тешить свой взор; у сельского хозяина, посвященного в таинства сего быта, разбегутся глаза при виде разнообразных источников к благосостоянию; минеролог и даже археолог не без пользы может постучать с молотком в абхазские горы и опустить заступ в приморские равнины. Для всех знаний и для всякого труда найдется здесь обильная и полезная пища. Но – грустно сказать – этот прекрасный уголок, освещаемый южным благодатным солнцем и освежаемый изобильными потоками, морем и близостью снежных гор, в настоящее время, в строгом смысле, ничто другое, как прекрасная картина, созданная великим живописцем – природою. Человек не позаботился еще оставить на фоне этой картины ни капли трудового пота: он здесь дитя природы и собирает на потребу себе только приготовленное самою ею!»

По отношению к Дальскому ущелью высказанный исследователем взгляд остается и теперь неизменным, с тою лишь разницею, что в течение последних 20-ти с лишком лет, в Далах не было даже

и «детей природы», которые бы пользовались дарами его и потому оно еще более подходит под сравнение с картиной. Но постараюсь дополнить эту картину некоторыми подробностями, которые, быть может, послужат на пользу оригиналу и возбудят в ком-нибудь желание оживить ее.

Климат во всей Цебельде умеренный и здоровый, если исключить редкие низменные и болотистые места. Хотя зимой и выпадают снега иногда очень глубокие, как в зиму 1887 года, покрывающие толстою белою пеленою и горы, и долины, и поля, и леса, но больших морозов там не бывает, доказательством чего служит то, что в северо-западной части Цебельды культурные, а в Далах дикие виноградные лозы не замерзают, оставаясь всю зиму без прикрытия.

Вся долина Кодора может считаться лучшею и удобнейшею частью Цебельды для заселения, но, конечно, не русскими переселенцами, которым после родных степей нужны простор, гладь, равнины, – они не выживут здесь и, несмотря на богатейшие дары природы, задохнутся в этом узком ущелье. Здесь нужны туземцы, хотя бы мингрельцы или имеретины, которые к тому же, как, например, жители Рачинского уезда, так нуждаются в земле. Правда, хлебопашество не может иметь развития в Цебельде, и тем более в Далах, вследствие естественных топографических условий края – по недостатку совершенно чистых, годных для пашни, мест. Но зато многие другие отрасли сельского хозяйства, наиболее подходящие к условиям местности, почвы и климата, могут иметь в этом благодатном крае широкое развитие и несомненный, положительный успех, а именно: садоводство, виноделие, табаководство, пчеловодство, скотоводство и др. Для получения желательных результатов в этих отраслях хозяйства селянину не придется особенно и трудиться: почти вся Цебельда в своих долинах, годных для поселений, покрыта одичавшими фруктовыми деревьями разных пород, остается употребить лишь небольшое усилие для сгруппировки и приведения их в культурный вид, – и сады готовы.

Пчеловодство при изобилии и разнообразии плодовых деревьев и полевых цветов, с затратою самого незначительного количества труда и денег должно дать пчеловоду большие выгоды. Подтверждением этого вывода могут служить опыты разведения пчел в плоскогорной Цебельде, в имениях гг. Рейнгардта, Питушинского, Вороной и др., где через год из каждого улья получалось 4-5 и даже 6 колод, а каждая колода дает на срез до пуда меду и немного менее воску!

О результатах произведенных г. Рейнгардтом опытов разведения табаку я имел уже случай упомянуть выше; нет основания сомневаться, что такие же, если не лучшие результаты получил табаковод и в Далах, где воды гораздо больше, чем в высокогорной Цебельде.

Встречающиеся в диком виде тутовые деревья наводят на предположение, что здесь когда-то занимались и шелководством, каковой промысел, следовательно, может быть и восстановлен.

Кодор, как и все вообще реки Абхазии, изобилует форелью и лось-форелью, улов которой если не может служить для населения, за отсутствием сбыта, промыслом, то, во всяком случае, пополнит его стол, его домашнее хозяйство, так же, как и крупная дичь, изобилующая в окрестных лесах.

Кроме того, во многих местах Цебельды, еще в давние времена обнаружены были многие ископаемые минеральные богатства – медная, железная и свинцовая руда, которые, Бог знает сколько времени, не трогались, и теперь покоятся в недрах земли в ожидании предпринимателей-капиталистов, к которым, конечно, не могли быть отнесены бывшие хозяева этих богатств…

Но само главное значение в промысловом хозяйстве Дальского ущелья имеет, конечно, лес, как готовый отпускной продукт. Дубы, буки, липы, каштаны, орехи, ели, пальма привлекают на себя взоры и русских, и иностранных лесопромышленников с каждым годом все более и более. Многие из них пробрались уже вглубь Дала для ознакомления с породами леса и для изыскания способов вывоза. Но все, или почти все они, возвращались оттуда, покачивая головами и говоря, что лес очень хорош, что и говорить, да «зелен»! И будет он «зелен» до тех пор, пока не разработается по всему ущелью хорошая шоссейная дорога, и не найдется солидная компания лесопромышленников, которая бы, тщательно исследовав Кодор, устранила те немногие, но серьезные преграды на нем, мешающие правильному и безопасному сплаву леса.

В разговоре с одним из братьев-поселенцев в Латах, на обратном своем пути, я коснулся вопроса о сплавоспособности Кодора, и тот мне сказал: «Не могу вам сказать наверно, можно ли по Кодору сплавлять лес теперь, – сам не пробовал и не видел этого, но знаю, – старики говорили – что когда-то, еще турки нами владели, по Кодору спускали в море не только бревна, но и каюки с кукурузой, фруктами и пальмой». Так неужели же нам, чадам XIX века, не проникнуть в тайны отцов «детей природы», как называл абхазцев цитированный мною выше исследователь Абхазии в 1854 году, и не вос-

пользоваться Кодором, как сплавною рекою? Пусть решают этот вопрос заинтересованные в нем люди, я же, заканчивая эту статью, от души желаю новым хозяевам края, людям интеллигентным, могущим оценить важность природных богатств края, как для себя – в материальном отношении, так и для самого края – в промышленном, культурном отношении, полного успеха во всех их предприятиях.

Вл. П-кий[65]

Газ. «Кавказ», 1892, №№99, 100, 111, 125, 126, 132 – 135

Скотокрадство в Абхазии и Самурзакани

Скотокрадство нигде так не развито, как в Абхазии и Самурзакани. Здесь воруют у земледельцев не одних только лошадей, как это делается в Мингрелии и Имеретии, но и рабочий скот – буйволов и быков, – вот почему здешний крестьянин, абхазец и русский колонист, страдает от воровства несравненно более чем сельчанин в остальных частях Кутаисской губернии.

Одной из причин такого явления служит бытовая особенность крестьянина-абхазца. Последний, с пропажей у него скота, не идет на заработки, как это делает русский поселенец или мингрелец, если является нужда в деньгах на приобретение вновь скота. Абхазец считает за позор и унижение продавать свой труд другому, он считает естественным только работать на самого себя, на своей земле, а если помогает в работе помещику, так только в виде одолжения, не иначе как даром. Эти добрые нравы эксплуатируются некоторыми дворянами и усложняют донельзя меры по прекращению воровства. Обворованный абхазец-крестьянин, отказываясь идти в батраки, в силу уже необходимости вынужден воровством пополнять убыль в своем хозяйстве, и поэтому-то происходит поголовное хищничество, ведущее к очень печальным последствиям. Земледелие в их общинах имеет самые незначительные размеры, да и скотоводство тоже не в авантаже.

Нам известно, что в одной Самурзакани, с населением в 40 тысяч душ, на 7 тысяч дымов крестьянского сословия приходится 1400 дымов дворян. При таком громадном проценте привилегированного

сословия, убежденного, что для него позорно взяться за сельский физический труд, – лишних ртов в Самурзакани оказалось бы слишком уж много, но, к счастью, часть князей и дворян отрешилась от положения трутня в обществе и, подвернув фалды своей воинственной «чохи», работает как «заправские пахари». В труде они слились с крестьянством, а поэтому смело смотрят в глаза своей будущности, не боясь нужды. Их окружает и будет окружать полное довольство и уважение соседей. Но эти лучшие дворяне, пионеры перерождения Абхазии для более счастливого существования, являются слишком слабыми, чтобы повлиять без постороннего содействия на остальную большую часть дворянства, которая до сих пор не может примириться с мыслью, что освобождение крестьян из крепостной зависимости выбило их раз и навсегда из привилегированной колеи барства, что прошли те времена, когда они являлись необходимой и полезной опекой над пахарем-крестьянином. Они всеми силами стараются отстоять былые прерогативы своей власти, цепляться за них, как утопающий за соломинку, и только крайняя нужда приневоливает их непременно взяться за плуг.

Некоторые из этих упорных крепостников, не находя ни казенной, ни частной службы, все-таки силятся избежать труда пахаря, считая его позорным и ожидая, что какой-нибудь ловкий фокус выручит их. Наемные рабочие у здешних дворян – только пришлый народ из Мингрелии, их немного, они дорого берут, а абхазский и самурзаканский крестьянин, как мы выше сказали, работает на дворянина не иначе, как только даром, в силу традиционного уважения к своему бывшему патрону. И эта особенность здешнего пахаря эксплуатируется довольно бесцеремонно. «С миру по нитке, голому рубаха», так и для абхазского барина крестьяне даром, вот уже 20 лет после их освобождения, работают в поте лица, и все же этот барин никак не может стать твердо на ноги, а ходит по-прежнему на крестьянских костылях.

Между крестьянами порочный дворянин ловко пользуется для своих целей молочною роднею, которая пойдет в огонь и воду по его требованию. Порочный дворянин может заставить ее совершать даже преступление, ибо молочный брат подчиняется ему как загипнотизированный, лишенный личной воли человек. К счастью, преступность, вытекающая из этих причин, большею частью практикуется только на воровстве скота. Но во всяком случае все это составляет громадную и опасную силу в руках порочной части дворянства и путем ее она держит в хаотическом состоянии всю Абхазию, а в

Гудаутском участке земледельческий труд благодаря именно этому совсем почти невозможен.

Крестьянин иногда против своей воли попадает в кабалу к порочному дворянину; замечая, что какой-либо крестьянин из его доброхотных ленников перестает ему оказывать помощь в работе и не несет приношений, дворянин делает ему внушение. Если же крестьянин, несмотря на это, ответит отказом, говоря, что давать ему подарки и работать на него не за что, то порочный дворянин приступает к темным операциям, которые кончаются тем, что у крестьянина, несмотря на всю его бдительность, исчезает рабочий скот или лошадь. Зная, чьи это проделки, крестьянин идет к своему патрону с приношениями – в виде барашка, индюка и пр. и умоляет его помочь в беде, разыскать пропавшую скотину. Бедняк осознает, что если он не покорится и будет упорно отстаивать свою независимость, то его ожидает полное разорение, а поэтому униженно выслушивает всяческую ругань. После надлежащего нагоняя дворянин умилостивляется, обещает оказать ему помощь в отыскании пропавшей скотины, и, действительно, через несколько дней она появляется у крестьянина. Такого субъекта не смущает то обстоятельство, что его проделки разгаданы, и он по-прежнему гордо носит голову.

Должно иметь в виду, что податный класс в Сухумском округе находится в исключительно невыгодном положении по отношению к дворянам: крестьянская реформа хотя и освободила его от крепостной зависимости, но не обособила в самостоятельную сословную единицу, способную отстаивать свои исключительные интересы крестьянина-землевладельца. В противном случае успехи земледелия в Сухумском округе имели бы совсем другие результаты. Крестьянское самоуправление здесь не имеет того сословного характера, который законодатель применил бы в России из опасения, чтобы прежняя зависимость крестьян не удержалась, облекшись в иную какую-нибудь другую некрасивую форму; здесь, наоборот, дворяне участвуют на крестьянских общинных сходах, участвуют при выборе старшин, судей и, пользуясь силою обычая и традиций старины, глубоко вкоренившихся в нравах простого народа, решают дело схода так, как им благоугодно, и что всего хуже, так, как порешит старейший из дворян по летам – «мохуцебули»[66]. Хорошо, если этот «старейший» не будет придерживаться личных интересов или интересов партии. Нам известно, что вредная сторона вмешательства дворян в дела крестьянских сходов преобладает, потому что лучшие из молодых князей и дворян, которых коснулось влияние школьного

образования, любящие земледельческий труд наравне с крестьянством, лишены возможности влиять на решения сходов и парализовать вредное влияние «стариков». Народный обычай запрещает противоречить «старикам». Между тем, некоторые «старики» не могут быть беспристрастными уже в силу своего убеждения, что с уничтожением воровства скота крестьяне заживут самостоятельно, независимою от дворян жизнью, будут богаче их, потому что не нуждаются подобно им в найме рабочих рук.

После всего сказанного о бытовых особенностях абхазцев, читателю легче будет ориентироваться в пригодностях тех или других мер для искоренения воровства скота в Сухумском округе. Нужно сказать, что в прошлом году здесь были сделаны всевозможные эксперименты в этом направлении, но односторонняя постановка их, т.е. стремление уничтожить порок хищничества путем только репрессалий – запугивания и высылки скотокрадов однообщественниками из места родины, не употребляя в то же время никаких усилий для устранения основных бытовых причин недуга, привело к тому, что воровство скота не только не уменьшилось, но практикуется еще в больших размерах.

Временный успех подобных мер в Зугдидах и в Гудаутах, где удалось, благодаря смелым и энергичным действиям отдельных лиц, озадачить порочных членов общества, заставить их хотя бы на время прекратить свое гнусное ремесло – не есть желательный результат, так как спустя некоторое время после репрессалий, стало еще хуже: освобожденный из железных тисков привилегированный инициатор воровства постарался наверстать потерянное и привел условия земледельческого труда еще в более безотрадное положение. Не то бы случилось, если бы одновременно с карательными мерами практиковалась система перевоспитания Абхазии и Мингрелии, действуя более всего на подрастающее дворянство путем хорошо поставленных сельскохозяйственных школ, способных вызвать у него любовь к земледельческому труду. Увеличивая сумму его специальных знаний для производительного труда – мы как бы страхуем его будущее благосостояние, изменяем у него вкусы, нравы, ставим дворянство на подобающую ему высоту.

Но до того времени, пока не удастся перевоспитать «землевладельцев», пока они будут по-старому спекулировать воровством скота и конокрадством, нам необходимо устранить его вредное влияние на низшее сословие, необходимо, чтоб он лишился пособников с этой стороны. Для этого нужно возможно строже изолиро-

вать крестьян-землевладельцев в независимые самоуправляющиеся общины и запретить дворянам вмешиваться в дела крестьянских сходов.

Защиту правильного функционирования сельского самоуправления должно возложить, как это делается в Мингрелии и Имеретии, на мировых посредников. Такая постановка вопроса облегчит роль полиции, позволит ей сконцентрировать все свои силы на прямые ее обязанности, на поимку воров и разбойников.

При таком всестороннем воздействии на предрассудки дворян и на возрождение независимости крестьян, оба эти сословия в недалеком будущем не только перестанут прикрывать воров в своей среде и импонировать им, как это делается теперь, но постараются и уничтожить такого рода паразитов. В Мингрелии воруют в настоящее время только лошадей и успеху земледелия это не мешает. Этот утешительный факт мы должны всецело приписать независимому положению крестьянина, его самоуправлению и самодеятельности. Конокрадство там тоже исчезнет, если Абхазия и Самурзакань перестанут быть поставщиком и менялой этого рода товара.

Г.А. Рыбинский[67]

Газ. «Новое обозрение».
1892, №3042

Народные меры против воровства скота

Читателям «Нового обозрения», вероятно, порядком надоело читать ежедневно сообщения из Сухумского округа и зугдидского уезда о случаях поранений и убийств, которые большей частью возникают при столкновении жителей из-за воровства скота.

Причины скотокрадства, этого бича Абхазии и Самурзакани, нами уже были разобраны в №3042 «Нового обозрения», причем мы старались избегнуть шаблонных и совершенно несправедливых обвинений местного населения в поголовной порочности.

Здесь же мы считаем нелишним познакомить читателя с теми мерами, которые принимаются на месте против упомянутого зла, и высказать о них свое мнение. Эти меры имеют интерес не только для Сухумского округа, но и для всех тех многочисленных уголков нашего края, в которых скотокрадство пустило глубокие корни.

Сущность нового приема борьбы с воровством, какой практикуется в виде опыта вот уже пятый месяц в Самурзакани и Кодорском участке, заключается в том, что сельским общинам предоставляется право самим справляться с порочными членами, промышляющими воровством. С этой целью каждая община выбирает двух дворян, в руках которых сосредоточена распорядительная власть. В помощь им выбирается несколько крестьян. На обязанности их всех лежит обнаруживать и карать проворовавшихся. Они составляют списки воров, взыскивают с обнаруженного вора стоимость украденного и штрафуют еще на 50 рублей, причем половина штрафа поступает в их пользу, в виде вознаграждения за труды. Если же вор не будет обнаружен, то стоимость покражи взыскивается со всех воров, записанных в списки.

Мероприятия эти, как сказано выше, практикуются лишь в виде опыта; губернатор отказался их санкционировать до приезда в Сухум вновь назначенного начальника округа.

Необходимо заметить, что такое недоверчивое отношение к изложенным мерам имеет свои основания. Дело в том, что в этих мероприятиях уже сказались отрицательные стороны: они заключаются в том, что положение дворян вовсе не таково, чтоб им можно было доверить участь мер, направленных к благополучию земледельческого класса.

Вся распорядительная часть этих мероприятий принадлежит дворянству, крестьянин же, более всех заинтересованный в правильном функционировании этих мер, является бессловесной силой, неспособной даже протестовать на случай злоупотребления в этом деле. В прошлой статье мы очертили значение «абхазского порочного дворянина», указали на его способность втираться во всякое общественное дело и портить его, и на бессилие лучшей части дворянства парализовать его вредное влияние. Нужно быть очень осторожным, прозорливым, чтобы не попасть впросак и не оказать покровительства волку в овчарне: все это может привести к серьезным злоупотреблениям и значительному обеднению низшего земледельческого класса. В Кодорском, например, участке дворяне-распорядители стали употреблять следующее средство против воров. Чтобы вынудить общину выдать воров, устанавливается самая форменная экзекуция. В общину, где произошло воровство хотя бы и самой негодной лошаденки, собиралась толпа гонителей воровства, выборные других общин, не менее 100 человек, и устраивали для себя в течение пяти дней не только сидение, но и кормление. За это

время убивалось для насыщения этой толпы не менее пяти быков, кроме того подавались и другие пищевые продукты. Обиднее всего, что эта экзекуция в большинстве не достигала цели, вора не находили, а поэтому пропажу распределяли на записанных в общинные списки воров, хотя они и не были причастны в содеянном воровстве. Таким образом, на последних ложились не только стоимость покражи, но и вся тяжесть экзекуции. Это несказанно ожесточает и разоряет порочный элемент общины, который бросает дом и скитается невесть по каким местам.

Вот некоторые подробности о таких взысканиях. Саберийская община Самурзаканского участка взыскала уже по 9 рублей с каждого порочного члена общины, а их 90 человек, записанных в списки воров.

В общине Чебурксхинжской того же участка, на 400 домов записано 32 человека в список порочных членов. С них взыскано по 16 рублей с каждого. Но так как деньги эти они не внесли, то у них отняли у кого быка, а у кого и буйвола, так что вместо 16 рублей взыскано с иного – 60 рублей.

Распорядители Кодорского участка обнаружили при составлении списков наличного скота в общинах, что более 400 быков и буйволов должны быть отняты от владельцев, так как их владельцы не могут доказать путем расписок, что этот скот принадлежит им. Как только практикуемые меры против воровства будут утверждены, то быки и буйволы, о которых мы только что сказали, отберутся у крестьян в пользу распорядителей и участников означенных мер.

Нам неизвестно, как часто производились экзекуции в Кодорском участке, но в одной Гупской общине она была повторена три раза. Воровство от всего этого немного уменьшилось, а в устах распорядителей так оно почти что прекратилось.

Одна из самых важных причин, подрывающих значение рассматриваемых нами мер против воровства заключается в том, что распорядители обнаруживают лишь четвертую часть покраж, в остальных же случаях взыскивают уворованное с записанных в списки порочных членов общины. Такой простой способ удовлетворения потерпевших мог бы и без их помощи практиковать даже один начальник участка и, пожалуй, еще с большим успехом.

Из всего вышесказанного не можем не вывести следующего заключения:

1). Желательно, чтобы в обнаружении воров и в борьбе с ними не предоставлялось преобладающего значения дворянству. По проек-

тируемым мерам, правда, дворяне выбираются общиной, но последнюю не следовало бы стеснять обязательством выбирать непременно дворянина. От преступлений преимущественно страдает мирный, земледельческий элемент населения; этому именно элементу, крестьянству, и необходимо предоставить главную заботу об охране своего спокойствия и имущества.

2). Раз крестьяне будут распоряжаться мерами прекращения у себя воровства, то они, естественно, будут более щадить крестьянское хозяйство и не обременять его излишними расходами на экзекуции.

3). Взыскивание с одних порочных лиц за преступления других не только противоречит самым элементарным требованиям уголовного права, по которому каждый отвечает только за содеянное им преступление, но и всякому понятию о справедливости. Несправедливое взыскание и разорение еще более могут озлобить преступника и толкнуть его на новое преступление.

Нельзя не пожелать, чтобы все эти соображения имелись в виду при рассмотрении в Кутаисе вышеупомянутых мер, практикуемых теперь в Сухумском округе, только в виде опыта.

Г. Р.[68]

Газ. «Новое обозрение».
1892, №3048

Гудаут, 21–го ноября

Особенное внимание обращает на себя за последнее время в Гудаутском участке воровство у духовенства. Здесь двенадцать приходов и недавно еще все принадлежавшее священнику считалось неприкосновенным, ни один горец не решался посягнуть на это имущество, но с конца прошлого года абхазцы стараются вознаградить себя за потерянное время и теперь нет ни одного прихода, в котором духовенство не пострадало бы от воров. Мы говорим, нет ни одного прихода, хотя пострадавших только десять, на том основании, что в остальных двух приходах вследствие их крайней бедности абхазцам нечего взять. Духовенство получает здесь жалование от «Общества восстановления христианства на Кавказе» и окружено абхазцами, в числе которых немало магометан. Размер этого жалования для священников вновь утвержденных приходов определен в 500 рублей, но в старых приходах они получают по-прежнему от 200 до 350

рублей в год и на эти деньги должны содержать себя и свои семьи, и нанимать себе квартиру, потому что церковных домов тут совсем нет. Вот случаи воровства у священников, бывшие в настоящем году. 6-го сентября у работника Гудаутского священника среди белого дня 4 абхазца отняли лошадь в то время, когда работник вел ее купать; у священника в Лыхнах разновременно вывели со двора быка, лошадь и буйвола; в Мгудзырхве украли 54 ведра вина и лошадь, которую, впрочем, сельский старшина Зорум Лейба и житель того же села Маркоз Маргания привели священнику обратно после того, как им было уплачено 20 рублей выкупных денег; в Дурипше украли 35-ведерную бочку с вином, пуд фотогену, свели трех лошадей, и три раза приходили по ночам воровать кукурузу; в Джархвесели[69] увели двух лошадей; в Ачандыре[70] – тоже двух лошадей; в Отхаре на мельнице ограбили работника священника и угнали двух лошадей; в Блабурхве – трех лошадей, а в Калдахваре – одну. Но интереснее всего случай, бывший со священником в селении Звандрипш. Он за поводья вывел со своего двора оседланную лошадь и собирался уже сесть верхом, как к нему подошел один из абхазцев и стал о чем-то его расспрашивать. Во время этого разговора другой абхазец, пользуясь тем, что священник стоял спиною к лошади, успел с нее снять и унести седло так, что священник даже и не заметил этого.

Теперь в Гудаутском участке наступило некоторое затишье, но старожилы уверяют, что оно намеренное, и только благодаря пребыванию здесь командированного губернатором чиновника особых поручений г. Иванова, в распоряжение которого в первых числах ноября прислана сотня казаков. Одновременно с этим затишьем, как нарочно, за последние две недели очень усилилось воровство в Гумистинском и Кодорском участках, а в Гудаутском стало много таких случаев воровства и убийств, виновники которых до сих пор не обнаружены. В селении Блабурхве был убит православный абхазец Хаджгирия Барцыц. Сыновья, из которых один магометанин, а другой православный, зарыли его, как это часто бывает, без всяких обрядов у себя в усадьбе. Когда приехал следователь с участковым начальником и доктором, они отказались выдать тело убитого и угрожали, что будут защищать могилу отца с оружием в руках. Так оно бы и было, но в дело вмешался г. Иванов и сыновья перестали сопротивляться. «В силу народного нашего обычая, – говорили они, – надо уважать требование почетного нашего гостя». Власти беспрепятственно забрали тело, хотя в народе утверждают, что вместо своего отца они все-таки указали на совсем другой труп.

Сильно способствует воровству еще и то обстоятельство, что абхазцы живут не селениями, как горцы в других местах Кутаисской губернии, но отдельными семьями и чрезвычайно разбросано. Хутор одной семьи отстоит от хутора другой на таком далеком расстоянии, что крестьяне одной и той же общины часто даже и не знают друг друга. Все эти хутора находятся среди горных лесов, а некоторые из них расположены как орлиные гнезда на скалах, или в таких непроходимых местах, что туда трудно пробраться даже пешком, и только горцам известны те тропинки, по которым они прогоняют скот и лошадей. И, конечно, при таком положении хутора, там можно свободно и вполне безнаказанно скрывать целые табуны лошадей и прочего скота. Это обстоятельство обратило на себя внимание высших губернских властей, которые проектируют образование здесь настоящих селений, наподобие станиц.

Другой причиной воровства и убийств, как известно, является экономическое положение абхазцев. Оно, главным образом, и наталкивает их на воровство. Хождение без обуви, изодранные рубашки, лохмотья вместо чох и бурок, совсем нагие дети, изнуренные лошади и, если не вблизи моря, еле-еле живой мелкий скот – вот невзрачное, но заурядное положение горца. Природа богата, но продукты некуда сбывать – нет дорог.

N.

Газ. «Новое обозрение».
1892, №3083

Абхазия и народное образование в ней

I

Детство мое приковано к тем скалам милой моей родины, над вершинами которых не смогут подняться и гордые орлы. Люблю суровые вершины их, убеленные вечными снегами! Люблю вольность жителей, разбросанных в горных ущельях, или по склонам хребтов, пересекаемых девственными сосновыми рощами! Люблю край родной и для сердца святой, где чудные ночи, освящаясь миллиардами небесных огоньков, располагают к рассказам о делах давно почивших героев! Люблю родину за разнообразие, данное ей мановением Творца вселенной! Страна, которая совмещает в себе все

климатические условия от полярных до тропических поясов, должна быть особенно интересна для лиц, привыкших к однообразию. Я, как верный сын своего края, считаю своим святым долгом, хотя бы в некоторой степени, познакомить русское образованное общество с одним уголком его, – именно с Абхазией, примыкающей к Восточному Черноморскому прибрежью.

Абхазия, а в ней единственный город Сухум, лежащий на берегу Черного моря, в административном отношении входит в состав Сухумского округа, а Сухумский округ составляет часть Кутаисской губернии. Границы Абхазии с одной стороны Черное море, с другой – отроги Главного Кавказского хребта, а с остальных сторон – Черноморский Округ и Мингрелия (древняя Колхида). Культурная полоса Абхазии заключает в себя около 8,000 квадратных верст, а некультурной еще больше. Туземных жителей 77,000 душе обоего пола, а колонистов, состоящих из малороссов, греков, мингрельцев, эстонцев, армян, немцев и молдаван, около 3,000. Действительно, Бог благословил Абхазию мягким климатом, замечательной плодородной почвой и, вообще, всеми богатейшими естественными произведениями. Нет масштаба для измерения здешних дубов, чинаров, лип, буков, до самого верха обремененных дико растущими виноградными лозами и плющами, столетние ветви которых в течение многих поколений тесно обхватывают их колоссальные стволы. Надо видеть самому величественные пейзажи Абхазии, чтобы испытать полное эстетическое наслаждение. Целые рощи пальмовых, ореховых и каштановых деревьев в связи с роскошными сосновыми и еловыми лесами кого не поразят? Одни руды и целебная минеральная вода, о существовании которых известно немногим избранным, могли бы обогатить всю Абхазию, но для этого надо иметь людей ума, людей науки и труда, а где их взять? Мы больше интересуемся степями Закаспийской области, чем восточным берегом Черного моря, до сих пор остающимся почти без всякого внимания. Хотя бы ради слабогрудых устроили в Сухуме климатолечебную станцию. Знаменитый германский ученый Вирхов недаром сравнивал климат Сухума с климатом Ниццы. За 5 лет точных наблюдений, с 1886 по 1890 год включительно, средняя годовая температура в Сухуме была 15,34. Достаточно указать на то, что часто здесь даже в декабре месяце цветут плодовые деревья. Груши и яблони дают вторые плоды. Розы цветут в течение целого года, а такие нежные растения, как лимоны, апельсины, камелии и прочие, в течение целого года сидят в грунту под открытым небом. Были бы люди энер-

гии – то и сухумские лихорадки уничтожились бы, хотя сила их с каждым годом слабеет и лишь два летних месяца: июль и август считаются опасными.

Сухум три раза разорялся неприятелями до основания, и три раза же жители его принимали присягу более не возвращаться в развалины этого злосчастного города; но, тем не менее, они всякий раз возвращались, и теперь Сухум вновь на высоте своей прежней симпатии. Кто устоит против волшебной его природы? Кого не поразят вечнозеленые его сады, состоящие из разнообразных тропических и полярных растений, между которыми особенно замечательны эвкалиптусы, магнолии, лавры, сосны, кедры, камфорные и пробковые деревья, тюльпаны, чайные кусты, мирты, мимозы, фикусы, арумы, грандиозные агавы и прочие. О фруктово-виноградных садах нечего и говорить, потому что сады и огороды составляют принадлежность каждого домовладельца. А прекрасная и обширно-безопасная Сухумская бухта! Живописные холмы! Чудные дачи! Кому, кому все это не вскружит голову. Невольно заражаешься поэтическим вдохновением, когда, облокачиваясь на перила железной пристани, с одной стороны, любуешься седовласыми вершинами Кавказских гор, с другой – тишиной прозрачной морской воды, а с остальных сторон – чудными морскими берегами. Но все-таки этот райский уголок сильно страдает от изолированного своего положения, отсутствия всяких сообщений, а вследствие всего этого – и невозможного сбыта естественных своих произведений.

В одном только участке, именно Гудаутском, не говоря о других участках, входящих в состав Сухумского округа, до 35-ти разных сортов виноградных лоз. Были бы люди, абхазские вина не уступали бы заграничным винам. Было время, и это не особенно давно, когда абхазцы снимали виноградные кисти с деревьев только в начале ноября, а часто и в декабре месяце, а теперь разного рода эксплуататоры, в руках которых находятся все виноградные сады, собирают виноград в сентябре или в начале октября, вследствие чего абхазские вина потеряли свой букет, свою крепость, тем более, что к ним примешивают постоянно известное количество воды. Кукуруза дает в Абхазии сам 200-250 пудов. У здешних колонистов, в особенности у греков и армян, прекрасные табачные плантации. Для табачных фабрик Месаксуди и Богданова ежегодно закупаются в окрестностях Сухума табачные листы в самых обширнейших размерах. Пуд такого табаку фабрикантами приобретается по 8, 10 рублей, а потом за фунт этого же табаку нам, потребителям, приходится платить по

2 и по 2 р. 50 коп. Абхазцы в последнее время с успехом занимаются многими отраслями сельского хозяйства, и если бы здесь устроены были промышленные училища, то эти занятия могли бы научить абхазцев более разумному полезному труду. Невольно относишься с особенным благоговением к абхазским женщинам, которые всецело обшивают не только себя, но и своих мужей. Рукоделие у них поставлено на образцовой ноге. Этими труженицами изготавливаются разного рода шелковые материи для платья, для головных платков. Сами они ткут сукно для черкески, для башлыка. Из их же рук выходят разноцветные бурки, и они же изготавливают белые сафьяны для тюфяков и подушек. Все это в связи с ведением обширного хозяйства и ежедневного угощения всякого рода гостей – красноречиво говорит о трудах абхазских женщин.

А потому, повторяю, образованному русскому обществу необходимо познакомиться с такой страной как Абхазия, где не особенно давно лилась рекой русская кровь для водворения в ней мира и покоя, и где в настоящее время мирный христианский колокол призывает новообращенных в православие абхазцев к христианскому богослужению, а мирный голос бедных народных учителей раздается там, где также не особенно давно выли одни шакалы, или же какой-нибудь отчаянный абхазец мчался на бешеном своем скакуне, чтобы со всего размаха схватить свою добычу и явиться с нею в аул пред лицом целого общества, ценившего прежде всего удальство и молодцеватость, а потом рассказы о делах давно минувших героев, восторженно воспеваемых народными поэтами в хороводных плясках.

Наконец, нас спросят, кто такие абхазцы? Трудно ответить на этот вопрос. Ни древняя, ни новая литература не дают нам точных и положительных сведений, откуда пришли абхазцы и когда они поселились в Абхазии? Древние классические писатели, ровно и позднейшие, свидетельствуют только о том, что богатые естественные произведения Абхазии и прекрасное географическое положение Великой Диоскурии, нынешнего Сухума, привлекали к себе таких замечательных древних народов, как Греков, Римлян, Генуэзцев, Венецианцев и др. Далее: что весь восточный берег Черного моря был покрыт цветущими колониями перечисленных выше торговых народов, и что знаменитый Римский полководец Помпей, преследуя Понтийского царя Митридата, должен был высадиться в Диоскурию и завести у себя до 300 переводчиков для сношения с Диоскурийцами и, вообще, с племенами и народами, жившими тогда в Абхазии.

Все это доказывает, что во время оно Абхазия, а в ней г. Сухум, принадлежали к числу самых густонаселенных мест. Древние языческие и христианские памятники, так щедро разбросанные по Сухуму и Абхазии, свидетельствуют о лучших давно минувших днях этого роскошного уголка по всему Восточному Черноморскому побережью. Андрей Первозванный и Симон Кананит первые проповедовали здесь христианское учение. В памяти Абхазцев до сих пор держатся деяния того и другого апостола. Величественные христианские храмы, сооруженные в Абхазии греческими императорами и затем самостоятельными абхазскими царями, и теперь поражают своей грандиозностью и своей дивной красотой. По свидетельству тех же древних писателей, в Абхазии и в Сухуме до нашествия абхазцев жили колхи, суанны и гениохи. Затем появились Абхазцы и совместно с многочисленными племенами, заняв территорию Северно-Западного Кавказа, вели с нами за свободу и за родину постоянные войны до окончательного покорения их в 1864 –1866 года.

Пришлось встретить раз на пароходе одного 70-ти летнего абхазца и спросить, что у него в мешке, переброшенном через старческие его плечи.

– Кусок земли! Ответил мне старик.

– А на что? Спрашиваю я его.

– Судьбе угодно было удалить меня из моей дорогой родины, Абхазии, и поселить в Турции. Годы мои уже сочтены. Хотелось умереть в краю родном, но этого нельзя. Я теперь был на родине, взял оттуда мешок земли и, когда буду умирать, то попрошу моих детей, чтобы этой родной землей обсыпали мою надорванную грудь.

Этот пример, не есть ли доказательство самой горячей, самой страстной любви горца к своей обожаемой родине!

Сами же Абхазцы говорят, что они выходцы из Абиссинии. Страну свою, т.е. Абхазию, они называют Апсны (место души), а себя – апсуа (люди души). Филолог, руководимый духом научной правды, сделал бы богатые открытия в области абхазского языка. Но об этом замечательном языке будем говорить потом. Достаточно сказать только об одном свойстве абхазского языка, именно: не только слово, но и все слоги этого слова выражают какое-либо понятие.

Народные восстания, к сожалению, отчасти вызываемые промахами наших администраторов, были причиной того, что Абхазцы тысячами выселялись в Турцию и в неведомой стране гибли они,

как мухи. Много их погибло и во время последней русско-турецкой войны. Положим, в настоящее время край пользуется миром и тишиной, но и теперь сильно ощущается недостаток в достойнейших административных чиновниках. Несчастным абхазцам в ближайшем будущем грозит полная нищета и, пожалуй, полное вымирание. Народ еще не привык к разумному труду; лучшие свои земли абхазцы продают задаром, и разные эксплуататоры наживают себе на их счет гору благосостояний. До сих пор население не сгруппировано, до сих пор нет к ним свободного доступа вследствие разбросанности их по горам и по трущобам, и до сих пор никому неизвестно, какое богатство скрыто в недрах этого дивного уголка.

II

Богат и обилен наш век размножением всякого рода журналов и газет, но к стыду нашему должно сознаться, что в газетах нас интересуют одни только телеграммы, а в журналах – легкие, неголоволомные романы, снотворно действующие на расстроенные наши нервы. Да не в суд и во осуждение будет сказано, но, почему-то, глубоко чувствуется, что в этой всеобщей литературе с каждым годом печатное слово теряет свою прелесть, свое обаяние, и с каждым годом она становится каким-то ремеслом, вывеска которого привлекает не внутренним содержанием, а исключительно одной только пестрой реляцией. Невольно задаешь себе вопрос: где те великие труженики, которые вносили в общество мир и покой? Где те люди, которые словом и делом служили делу народного нравственного прогресса? Куда исчезли те идеалы, к которым все единодушно стремились? Где то живое, искреннее слово, которое призывало всех и каждого к вере, надежде и ко взаимной любви? Неужели перевелись настоящие таланты и гении? Чувствуется какое-то безотрадное состояние, какое-то безвыходное продолжительное томление души.

В период такого всеобщего разрушения завещанных нам святых мыслей, в период всеобщего страдания нервов и полного разложения всего организма, как отрадно несчастному, заброшенному народному учителю выплакаться, высказаться пред достойноуважаемым человеком. К голосу именно такого мученика должны прислушиваться наши первоклассные педагоги, которые, сидя в богатых чертогах своих, создают массу учебников и учебных пособий, нисколько не заботясь, насколько их создания пригодны для народных школ. Но истинное горе еще не в этом, а в том, что члены этих

чертогов ставят на своих «бессмертных творениях» такие цены, которые до отчаяния доводят бедных народных учителей, лишенных возможности не только приобретать книги для своего собственного развития или для развития вверенных им питомцев, но даже обменяться с кем-нибудь живым словом, живой речью. Как не жалеть этих несчастных тружеников, когда им зачастую приходится иметь дело с 12 разнородными отделениями, говорящими на различных языках. Самый тяжелый труд на обработку бесплодной почвы всецело принадлежит народным учителям, а приятное собирание душистых цветов и сочных плодов дается представителям средних и высших учебных заведений. Согласятся ли наши великие педагоги, заработавшие себе десятки тысяч рублей за свои пригодные и непригодные методики и учебники, посидеть хоть один месяц в душной атмосфере народной школы и дать несколько образцовых уроков хотя бы по самым главным предметам? Заранее я им предсказываю полную неудачу с первого же такого урока, потому что они незнакомы с тем оригинальным детским языком, каким владеют народные учителя для того, чтобы каждый их звук, каждое их слово с пользой проникали в душу детей. О, великий дар говорить понятной для детей речью и пользоваться их доверием и вниманием.

В летописи народного образования на Кавказе имя Попечителя Кавказского учебного округа, тайного советника К.П. Яновского, навсегда останется памятным, потому что он первый из попечителей учебных Округов указал народным учителям верный путь к исповеди своего горя, своей радости. Г. Яновский, поощряя учителей к разного рода работам и относясь к каждому из них с строгоразумной отеческой любовью, воочию доказал им, что посильными трудами их интересуются даже люди, близко стоящие у кормила науки и искусства. Да, теперь с особенным рвением работают учителя народных школ, не говоря о работах учителей средних учебных заведений, когда видят, что трудами их не брезгают, а, наоборот, каждая посильная их работа печатается в сборниках материалов описаний местностей и племен Кавказа, издаваемых при Управлении Кавказского учебного Округа и читается людьми, интересующимися Кавказским краем.

III

Первая школа в Абхазии была открыта в 50-х годах миссионером, протоиереем Мачавариани, специально присланным к горцам для обращения их в православие бывшим Экзархом Грузии Исидо-

ром, после митрополитом С.-Петербургской и Новгородской губернии. В эту незабвенную школу (Окумскую) шли с охотой и малые и большие, всех сословий и всякого возраста, и все с одинаковой жадностью принимались за изучение русской грамоты. Помещение этой школы по своему устройству представляло в полном смысле шалаш, крытый папоротником и поддерживаемый 4-мя столбами. Учебно-воспитательное дело велось на патриархальных началах. О жаловании преподавателю, о методе преподавания, об учебниках и учебных пособиях в смысле нынешнего времени и речи не было тогда. В эту дорогую для моего сердца школу поступали дети крестьян, дворян, князей, духовных особ и обучались Закону Божью, чтению, письму, арифметике и пению. Классные занятия продолжались с 8 до 12 часов утра. Многим мальчикам приходилось даже зимой делать по 5, по 7 верст, но счастливые их лица кроме довольства ничего не выражали. Бывало, что после обеда мы идем в лес толпой дружно, с безграничной любовью друг к другу и срубаем ветви с деревьев для отопления нашего шалаша или помещения нашего наставника. Как были счастливы, когда по праздничным дням принимал деятельное участие и наставник наш в детских наших играх. Нельзя сказать, чтобы мы были сыты, одеты, обуты и, бывало, иной раз со страхом и трепетом посматриваем на чудные яблоневые или грушевые прутики, предназначенные для нас, но, тем не менее, готовили уроки добросовестно, никогда не питали ненависти к руководителю учебно-воспитательного дела и принимали все меры, чтобы угодить ему во всем. С нами, малышами, как я сказал выше, обучались и 20–25-ти летние мужи – трудно даже поверить. Я не могу их вспомнить без умиления: все они были агнцы, – простые сердцем и умом и чуждые самолюбия, гордости и зависти. Да, много и много было для нас неблагоприятных условий, но, говорю, учились с особенным удовольствием и в особенности отличались по чистописанию, хотя приходилось писать на собственных коленях, имея только гусиные перья, да клочок бумаги, а вместо чернил – разведенную в воде сажу.

История дальнейшей нашей жизни, хотя не относится к истории абхазских школ, но, для доказательства того, что, несмотря на ухудшения условий нашей обстановки, все-таки мы стояли вне всяких лукавых мудрствований, и все помышления наши были направлены к тому, чтобы учиться и учиться, не могу пройти молчанием о том духовном училище, куда нас перевели по окончании нами курса учения в незабвенной Окумской школе. В этом памятном училище

мы подвергались почти ежедневно жестоким наказаниям, сопровождавшимся разложением избранных жертв на сырой земле в костюме прародителя нашего Адама. Лежало нас, обыкновенно, ради экономии времени, по 3, по 4 пары в то время, когда «райская лоза», составленная из длиннейших тутовых прутьев бороздила наши несчастные детские седалища, мы придумывали новые проекты о похищении у соседа слив или груш. Несмотря на это, мы все – таки учились недурно и не знали никаких нервных припадков и страданий. Я помню одно из таких духовных училищ, где смотритель этого приснопамятного учебного заведения, некто Х... (царство ему небесное – давно он почивает непробудным сном праведника) находил особенное наслаждение непременно присутствовать при экзекуции детей, давая палачам разные инструкции, чтобы ни одна часть турнюра не осталась бы без лобызания райской лозы. Опять-таки мы не унывали, вставали веселыми, бодрыми, прикладывая только руку к тем частям тела, откуда часто сочилась алая кровь, и не питали даже никакой злобы против блаженного нашего смотрителя, так как и по мнению наших родителей, родственников и опекунов мерилом образовательного нашего ценза служило число ударов, получаемых каждым из нас. Мы страдали тогда только, когда нас оставляли без обеда, так как по окончании уроков на нас же лежала обязанность приготовлять обеды, и только к 3-м или к 4-м часам пополудни мы могли усмирять революционное движение нашего желудка. Весь обед наш состоял из кукурузных лепешек и из фасоли или зелени. Сыр и мясо считалось роскошью. Многим нашим товарищам эту кукурузную муку доставляли на своих плечах родители их, делая пешком 50 и 100 верст.

В верхних комнатах сказанного выше незабвенного училища размещались классы, а в нижних – спальня. Комнаты почти никогда не выметались, двери не запирались, а в зимнее время нередко заходили в эту спальню черно-бурые свиньи и почивали вместе с бурсаками, служа им верным и точным будильником. Прибавим ко всему этому то, что нам приходилось менять белье в 2 месяца 1 раз, а потому, сидя в классах, в каждую секунду мы, то поднимали, то опускали плечевые кости, или терли бока свои немилосердно, чтобы хоть этим немного угомонить назойливых наших паразитов, безнаказанно совершавших разного рода диверсии по всему нашему телу. Но, повторю, все-таки нам жилось хорошо, не мудрствуя лукаво и охотно жертвуя всем за одно теплое слово, за одну улыбку со стороны наших наставников, удостоивших нас в год раз, именно 1 мая,

своим человеческим обращением. О, как счастливы были мы в этот день! Для такого торжественного дня каждый из нас в течение года собирал деньги, по одной копейке, чтобы в конце апреля иметь один, только один рубль и быть участником общего торжества, общего веселья.

А теперь чего, чего не делается для мальчиков и девочек! Прекрасное помещение, чистое белье, всевозможные учебники и учебные пособия, отличные гигиенические условия, прекрасная пищи, прекрасная одежда, теплая обувь, модная шляпа, а главное – теплые ласки, теплые слова – вот что окружает современных учащихся. Но, тем не менее, повсюду жалоба на не успешность этих учащихся, на дурную их нравственность, а о нервном их страдании, о переутомлении их – чуть ли не каждый день слышишь. Неужели, в самом деле, как говорят поэты, «прошлое милее, воспоминания живее»?

Мы, кажется, благодаря разнообразным методам, сошли с рельсов и мчимся по ужасному пути. Надо помочь возрождающемуся поколению и выйти из этого ложного положения, доводящего одинаково до отчаяния и учащих и учащихся. Да не подумают читатели, чтобы я советовал возвращение к старой системе посеканции. Нет, можно обойтись и без нее.

От отсутствия правильной постановки учебно-воспитательного дела мы лишены тихой, счастливой семейной жизни. Посмотрите, что делается в теперешних семьях. Жена занята исчислением звезд небесных и внесением в памятную книжку числа поклонников, а хозяйство распущено, дети на руках грубой прислуги и в доме полнейший сумбур. Муж целый день проводит вне дома и скорее готов отдать все свое состояние падшей, бездушной и развратной женщине, обливающей его грязью, чем сказать своей жене одно теплое ласковое слово. А мы, наставники, воспитатели и поборники народного прогресса, как смотрим на свои обязанности? Дали положенное число уроков, постояли как бессердечные сторожа около пансионеров и скорее домой. Приехал на вскрытие трупа, составил протокол о самоубийстве и марш дальше. Пощупали пульс, прописали рецепт, получили следуемый гонорар и бегом к карточному столу. Кончили трескучую речь, взяли тысячу, поволокли нашего клиента в Сибирь, а потом хохочем и спим сладко в объятиях морфея.

Пишут целые тома о воспитании и образовании детей, не дают покоя ни Коменскому, ни Дистервегу и даже ни дорогому нашему Ушинскому, словом не оставляют в покое ни мертвых, ни живых, а между тем результаты наших умозаключений все-таки остаются

плачевными. Для несчастного народного учителя гораздо существеннее посадить своих питомцев на удобных скамейках, чем читать многотомные рефераты и рассуждения о высших материях жизни. Так или иначе, но чувствуется, что чего-то недостает. В чем же главный и существенный недостаток у руководителей дела образования и воспитания детей? Главный недостаток – в отсутствии истинно – сердечного сближения с детской натурой. Полюбите этих детей без фальши, отнеситесь к ним честно и сердечно и могу уверить, что даже посеканции не вызовут в них никакого раздражения, никакой ненависти. Карайте их, но карайте за дело, а не из любви к искусству.

С другой стороны, я не могу не сказать несколько слов и в пользу раздраженных и бессердечных педагогов. Собственно говоря, в смысле утомления, надо жалеть не учащихся, а учащих. Мириады экзаменов, мириады отметок, безграничное число исправлений письменных работ, масса протоколов, заседаний и пр. и пр. Кого не утомит и кого не сведет с ума? Теперь учащиеся блаженствуют, и от ничего делания лезет им в голову всякая пакость. Почему? Потому что их не допускают к самостоятельной работе, к самостоятельному труду и мышлению. За них работают учителя, кладут в рот все готовым, щупают горло, желудок. К чему все эти комедии? Дайте мальчику работать самому и помогите ему в трудных случаях. Сократ и Пифагор, равно Платон и Аристотель никогда никаких процентов не выводили об успехах и поведении своих учеников. Они только учили разумно и заставляли своих питомцев также разумно мыслить и работать, не обременяя никакими рефератами. Ни у знаменитых халдейских ученых, ни у греческих мудрецов не было никаких кондуитных тетрадей. Цицерон с ума сошел бы, если бы от его учеников потребовали столько четвертных экзаменов. Доблестные Афинские школы никогда не знали о существовании слов: «переутомление учащихся». Но мы не можем жить без трескучих фраз, вроде психопатов, маньяков и тому подобных эпитетов, а теперь воспроизвели новое слово: «переутомление учащихся». К чему все это?

В 60-х годах в городе Тифлисе составилось Общество Восстановления Православного Христианства на Кавказе. По почину этого Общества между горцами стали открывать одно и двухклассные народные школы. Первоначальная программа этих школ, действительно, благотворно влияла на подъем народного образования. Детей горцев обучали не только русской грамоте, но и своей родной речи. Были открыты школы в Абхазии, Сванетии, Осетии и, вообще,

в таких пунктах, где никогда русская речь не проникала. Составлены были азбуки и молитвенники на абхазском, сванетском, осетинском и даже чеченском языках. Переведена была также и священная история на этих языках, и назначаемые Обществом инспектора для ревизии таких школ работали честно и с пользой. В особенности плодотворна была деятельность инспектора школ Общества, Сергея Николаевича Стрелецкого.

Многие не знают, как благотворно действует на всю деятельность учителя одно, только одно теплое слово со стороны инспектора или директора, посещающего школы в качестве ревизора. И, наоборот, как часто вся жизнь учителя, добросовестно относящегося к своему делу, отравляется от грозных речей и очей того же ревизора. Прежде всего, надо принять во внимание, что несчастный народный учитель целый год ожидает появления страшного над собой суда в лице разных ревизоров. А тут, не имея прав выставлять свой посильный труд в надлежащем виде, он должен с отчаяния ломать руки и чуть не со слезами шептать: «нет, не так ревизовали моих питомцев; они знали все, но, несчастные, струсили и я, горемычный, тоже струсил!». Я помню письменную реляцию одного ревизора об одном народном педагоге: «у этого учителя ослиная башка!». Кто говорит, у несчастного этого педагога, действительно, лобная кость отличалась особенной крепостью, часто разбивая даже вермудные бутылки о свой богатырский лоб, но, тем не менее, надо было пощадить человечность его.

Суть не в количестве осмотров школ и не в составлении реляции, а в представлении действительной картины того класса, того училища, которые приходится ревизовать. А для воспроизведения такой картины требуется не час и не два, а целых два или три дня. Полагаю, целесообразнее было бы установить для ревизоров следующие обязательства:

1) Изучить характеристику преподавателей и мыслительные их способности, к несчастью часто и часто требующие капитальных ремонтов и исправлений. Это достигается путем человеческой с ними беседы и путем спроса достойнейших представителей Общества об отношениях родителей к руководителям учебно-воспитательного дела. Дети всегда точно и верно передают своим родителям все классные впечатления и каждое слово своего ненавистного или любимого учителя помнят отлично.

2) Войдя в класс, прежде всего, предложить преподавателю дать новый урок или проверить пройденное учащимися, а потом перейти

к вопросам, какие найдет необходимыми сам ревизор. Ведь доказано, что не только появление ревизора, но даже появление совершенно постороннего лица, непричастного к учебному делу, приводит в замешательство учащихся, а зачастую – и учащих; поэтому часто получаются от детей самые нелепые ответы на вопросы ревизоров. Даже лучший ученик теряется от вопроса ревизора, от его новой непривычной для него интонации и внушительной фигуры. Несчастный ученик чувствует, что от его ответа решается судьба его учителя, вдобавок любимого учителя, поэтому он и часто обращает свои взоры к наставнику, точно говоря: «вы нас так учили, а ревизор недоволен моим ответом. Что мне делать!» Бывает часто и так, что ученик при вопросах ревизора совсем молчит и принимает на себя всю вину незнания, лишь бы спасти своего учителя. Бывает еще и так, что лучший ученик проваливается, а самый худший получает пальму первенства, потому что для него безразлично, как он будет отвечать;

3) По выслушании уроков, устроить совещание и дать возможность преподавателям высказаться, а затем перейти к разного рода замечаниям и указаниям;

4) Проверять условия жизни учащих и учащихся;

5) Пригласить родителей учащихся, представителей административной и духовной власти и предложить им на обсуждение вопросы, касающиеся до благосостояния учебного заведения;

6) Устроить хоть в год раз съезды учителей и, кроме того, дать возможность учителям всех школ познакомиться друг с другом, дабы этим достичь единства ведения дела;

7) Поощрять труды достойнейших учителей и принять тотчас же все зависящие меры к ограждению учащихся от таких преподавателей, деятельность которых выражается в бесполезной болтовне, в постоянной интриге и в обращении с малышами, точно со студентами, лишь для того, чтобы пользоваться среди них известным авторитетом. Таких низких душой учителей, являющихся заразой для учебного заведения, надо удалять в течение 24 часов. Добросовестный и занимающийся с любовью своим делом учитель никогда не потребует ни понукания, ни замечания, ни напоминания, что, когда и как делать. Но, к сожалению, на каждом шагу видишь людей, кажется, развитых и особенно красноречиво рассуждающих о честном отношении к делу, но на каждом шагу требующих строжайшего выговора, и

8) Обо всех недостатках сообщать учителям сейчас после ревизии и не откладывать их на долгий ящик.

Возвращаюсь назад. Увы! Чем дальше, тем больше дела Общества Восстановления Христианства на Кавказе стали ухудшаться. Ухудшение началось после минувшей русско-турецкой войны. Школьные здания стали приходить в совершенную негодность, а контроль над их деятельностью почти исчез. Вместо 9-ти школ Общества в Абхазии и Самурзакане – всего три школы, которые с трудом тянут лямку, но, тем не менее, и эти остающиеся школы переполнены учащимися. Меня одно удивляет, почему переведенными на абхазский язык молитвенниками, священной историей и букварями не снабжали священников и народных учителей. Впрочем, как говорится, нет худа без добра. Абхазские буквари и священная история, составленные по почину Общества Восстановления Христианства на Кавказе, не выдерживают критики, так как отсутствие ударений и на каждом шагу встречающиеся неправильные обороты речи – делают невозможным руководствоваться этими переводами. Благодаря заботам попечителя кавказского учебного округа в скором времени будут напечатаны наглядно абхазские буквари и все молитвы на абхазо-русском языке. Этот новый труд вполне будет пригоден для учащих и учащихся, а главное – даст он возможность существовать абхазскому языку на много лет.

В заключение о школах Общества скажу, о том, что, быть может, с назначением архимандрита Амвросия инспектором этих школ дело будет поставлено на лучшей почве. В короткое время, благодаря деятельности Амвросия, уже в 2-х селениях открыты новые школы Общества; следовательно, в настоящее время можно сказать, что школ Общества всего пять.

При покойном Сухумском Епископе Геннадии немало церковно-приходских школ было открыто в Абхазии; но неожиданная смерть достойного и незабвенного архипастыря положила конец добрым его начинаниям. Целесообразнее было бы освободить бедное абхазское население от содержания на свой счет церковно-приходских школ, так как для абхазцев очень тяжело содержать такие школы. Если бы правительство разрешило хоть самую небольшую часть богатейших пальмовых насаждений в Абхазии продать, то на вырученные деньги можно было бы содержать не только школы, но даже построить десятки новых церквей.

Теперь вся наша надежда на нового сухумского архиерея Агафодора, пользовавшегося большой любовью в высшей своей Нижего-

родской Епархии и сразу расположившего к себе новую паству свою. Первая забота достойного архипастыря направлена на расширение миниатюрного сухумского собора и на открытие в самом Сухуме, как в центре Абхазии, правильно организованного духовного учебного заведения для абхазских детей. Его преосвященство озабочено также составлением археологической комиссии и учреждением постоянного комитета по переводу священной истории и богослужебных книг с русского на абхазский язык.

В 70 верстах от Сухума, тоже на берегу моря, есть школа, под названием Очемчирская, построенная почти на средства очемчирских торговцев. Замечательно то, что и турки – рыболовы жертвовали деньги на постройку этой школы. Прекрасное школьное здание обошлось около 10 т. рублей. Попечитель Кавказского Учебного Округа, желая видеть Очемчирскую школу в возможно – скором времени открытой, ассигновал в единовременное пособие 1600 рублей. Здание было окончено, – учащихся собралось до 140 мальчиков и девочек, и года два, три, дела шли образцово... но потом? Потом, право не знаю, что и сказать! Знаю одно, что теперь в этой школе не более 40 учащихся, а учитель все жалуется на несвоевременное получение жалования от местного общества. Общество же говорит, что им истрачено много своих денег на постройку школьного здания и на удовлетворение учителя жалованием в течение 7, 8 лет, а потому просят, чтобы начальство само позаботилось бы об ассигновании необходимой суммы для содержания учителей, прося также о причислении Очемчирской школы к школам Министерства Народного Просвещения.

Если найдено возможным для 41 дыма Александровского Греческого селения, открыть нормальную школу Министерства Народного Просвещения, то гораздо полезнее было бы открыть в Очемчирах 2-х-классное нормальное училище, имея в виду, что м. Очемчиры центр населения целого Кодорского участка, в котором числится более 15 т. дымов жителей из абхазцев.

Вообще, целесообразнее было бы не беспокоить население Абхазии никакими приговорами, никакими выпрашиваниями в пользу школ и церквей, а удобнее всего заранее вычислить, сколько потребуется пособия от населения для развития школ, и вычисленную сумму взыскивать с общества одновременно с казенными податями. К приведению в исполнение такой меры администрация, безусловно, поможет, гарантируя, таким образом, учителей и духовенство от всякого нарекания со стороны общества. Иначе нельзя ожидать ни-

какого успеха, а, наоборот, население окончательно отвернется от всякого активного участия в этом святом деле, так как не знает, кого слушать и кому верить. Агенты открытия церковно-приходских школ уверяют, что только их школы в состоянии осчастливить абхазских детей; представители же школ Министерства Народного Просвещения – также идут к тому же населению с подобными же уверениями. Наконец, члены Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе тоже выступают с такой же проповедью. Абхазцы потому и недоумевают, какие собственно для них школы полезны, и почему все это требуют от них приговоров и денежных взносов.

Есть в Абхазии государство в государстве – это Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, отстоящий от Сухума на расстоянии 25 верст. При этом монастыре имеется школа на 20 мальчиков, содержащихся на счет св. обители; но, увы, ее нельзя даже назвать школой, так как внутренняя ее организация весьма неудовлетворительна. Братья Ново-Афонской обители, получая со всех концов Российской Империи огромнейшие пожертвования, действительно, могли бы оказать большую пользу делу народного образования в Абхазии и обращения абхазцев в православие. Но, к сожалению, вся забота их направлена исключительно на благосостояние своего монастыря. Кто говорит о том, что грандиозные и роскошные монастырские постройки вполне заслуживают внимания. Чудный сад монастыря, водопад, обширный пруд с лебедями, лавочка разных братских изделий, новое обширное каменное здание, возводимое для тех же братьев – все это в связи с разного рода мастерскими красноречиво свидетельствуют о трудах братьев, но все-таки почтенные старцы со своими послушниками работают и трудятся только для себя. Надо знать, что братья Ново-Афонской обители состоят подданными Турции и контроль над ними принадлежит не местному архиерею и не Правительствующему Синоду, а старцам Старого Афона.

Правительство наше, отводя Ново-Афонскому монастырю более 3000 десятин лучшей земли в Абхазии на берегу Черного моря, имело в виду, что эти св. братья будут лучшими миссионерами в Абхазии и устроят у себя духовную семинарию или же 4-х классное духовное училище, но они ничего этого не сделали. В православие им обращено всего 10 Абхазцев, а школа монастырская состоит из одного только подготовительного класса. Сколько бедных церквей в Абхазии, но монастырь глух и нем к мольбам представителей бед-

ности. Если братья располагают возможностью держать на свои средства почтово-телеграфное отделение, агентство для русского и российского обществ пароходства и торговли и в ближайшем будущем предполагают возвести храм, стоящий чуть не миллион рублей, то, думаю, они могли бы завести у себя какое либо правильно организованное учебное заведение. Лучше не принимать на воспитание несчастных абхазских мальчиков, чем потом года через два выбрасывать их за борт. Братьям Ново-Афонского монастыря передан древний знаменитый Пицундский храм с весьма достаточным количеством земли.

Другой новозарождающийся монастырь – Драндский, в 17 верстах от Сухума, времен греческого императора Юстиниана, в своем распоряжении имеет только 200 десятин земли, но содержит школу на 45 мальчиков из 4-х разных национальностей. Драндский монастырь в непосредственном ведении Сухумского Епископа.

Далее: еще 20 октября 1859 года по распоряжению бывшего наместника Кавказского фельдмаршала князя Барятинского, в виде опыта на 4 года, были открыты в разных частях Кавказа горские школы, в том числе и Сухумская 2-х классная горская школа. Правда, что Сухумская школа выпустила немало грамотных мальчиков, и многие из них теперь занимают разные места на государственной службе, да, кроме того, около 12 мальчиков из этой же школы в настоящее время обучаются в разных средних учебных заведениях, но процент поступающих из Сухумской горской школы в другие учебные заведения настолько мал и ничтожен, что даже совестно говорить (2 на 100). А между тем, какая жажда к учению у всех абхазских мальчиков и девочек. Для девочек в г. Сухум существует 3-х классная женская прогимназия, состоящая из 80 учениц. Эту жажду к учению можно видеть из того, что мальчики бегут из дому своих родителей, делают пешком 75 и 100 верст и, явясь в школу, со слезами просят о принятии их для обучения русской грамоте.

Не могу пройти молчанием о частном пансионе, открытом в г. Сухум с разрешения г. попечителя Кавказского учебного Округа женой подполковника, Екатериной Федоренко. В этот пансион стали поступать, на свой счет даже, дети абхазцев обоего пола.

Возвращаюсь назад: в течение 32-х летнего своего существования Сухумская школа вела борьбу за надлежащий ремонт школьных зданий и за преобразование ее в городское профессиональное училище, но борьба эта до последнего времени не достигла своей цели. Надо знать, что городские школы, в том числе и Сухумская, в учеб-

ном отношении подчинена педагогическому начальству, а в хозяйственном отношении – военному. Хотя школьные здания ремонтировались не раз, и на ремонт их с 1879 года по 1890-й было израсходовано около 39 т. рублей, но можно себе представить добросовестность этих работ, коль скоро ежегодно управление школы жаловалось на ветхость означенных зданий. Но, слава Богу, благодаря настоятельным требованиям г. Попечителя Кавказского учебного Округа, администрация решилась-таки, наконец, отпустить еще 20 т. рублей на капитальный ремонт Сухумской школы, в том числе и пансионской кухни с ассигнованием еще 2 т. рублей. Ремонт окончен. Пристройки сделаны и довольно! О крупных недостатках ремонта не нам говорить – это дело администрации.

Вследствие представления того же попечителя об открытии в г. Сухум ремесленного училища с учреждением при нем дополнительных классов для практического ознакомления учеников с теми производствами, которые составляют главный предмет занятий жителей, как-то: садоводство, огородничество, пчеловодство, шелководство, хлопководство, виноградарство и, вообще, разведение нежных растений, 5 августа прошлого года приезжал в Сухум член ученого комитета Министерства Народного Просвещения, действительный статский советник Г. Анопов, командированный г. Министром на Юг России для выяснения вопросов касательно условий открытия промышленных училищ. Г. Анопов, воочию убедившись в богатстве этого края во всех отношениях и признав город Сухум вполне пригодным для открытия здесь рекомендуемого г. Попечителем Кавказского учебного Округа учебного заведения, дал слово Сухумским жителям усиленно ходатайствовать пред г. Министром Народного Просвещения об открытии здесь такого училища, которое действительно приносило бы пользу всему населению Сухума и Абхазии.

Теперь все сознают, что надо обратить особенное внимание на развитие профессиональных училищ. Правительство, наконец, убедилось, что современные школы не достигают своей цели. И, действительно, нам надо иметь такие учебные заведения, которые могли бы отвлечь учащихся от болезненного стремления к чиновничеству. Не успеет мальчик вылупиться, как он уже мечтает быть или губернатором, или директором какого-либо учебного заведения. Преследуя эту цель, он забывает свое хозяйство и относится враждебно ко всякой отрасли сельского хозяйства. Сколько молодых людей погибает от неимения никаких практическо-полезных знаний. Знай, мо-

лодой человек хотя бы одно какое-либо ремесло, мог он тогда зарабатывать кусок хлеба. Теряя теплый чиновничий уголок, молодой человек не находит себе других занятий, поэтому и начинает мудрствовать лукаво и действовать тоже лукаво.

Нам не надо таких профессиональных училищ, где работают не учащиеся, а исключительно мастера – наемные, работы которых выдают за работы учащихся. Такие руководители не знают, какое они страшное зло причиняют обществу, например, известное учреждение нанимает молодого человека, за которого все время работал мастер. Молодой человек на первых же порах обнаруживает полное неведение. Вот, вследствие этого, повсеместные жалобы на отсутствие специалистов, получивших основательную подготовку в наших учебных заведениях и потому неудивительно, если выписывают из заграницы мастеров, которые не только отнимают у нас кусок хлеба, но даже злорадно глумятся над нашим неведением. И по делом!

Надо заметить, что в настоящее время сильное движение в пользу образования и воспитания детей не только среди абхазцев, но и среди поселенцев Сухумского округа, состоящих из русских, болгар, молдаван, греков, эстонцев, немцев, армян и мингрельцев. Вот нам и надо пользоваться случаем, чтобы объединить всех одним духом, одним стремлением к изучению русской грамоты. В особенности надо поддержать Эстонцев, которые так хлопочут о воспитании своих детей в наших школах. В самой Сухумской городской школе состоит несколько эстонских мальчиков, которые во всех отношениях служат украшением этой школы.

При осмотре греческих школ сердце обливалось кровью от внешней и внутренней обстановки школьных зданий: нет места для сиденья, нет столов для письма, сквозит со всех сторон, шум и гам от общественных сходок, так как школьные здания служат местом общественного собрания и канцелярией для сельских властей и их писцов. Но, несмотря на такие ужасные условия, в каждой такой школе по 40 и по 50 мальчиков, обучающихся родному греческому и русскому языкам. Положим и греки, по примеру Эстонцев, составили приговоры об устройстве ими на свой счет школьных зданий, но могут ли они выполнить свои обещания, когда на свой же счет им приходится строить церкви, содержать священников и учителей греческого и русского языков.

Нам, безусловно, надо поддерживать зарождающиеся школы и не словами, а делом оказывать им осязательную помощь. Я не знаю, как и что в других местах, но в Абхазии могут держаться только школы Министерства народного просвещения. За все время покорения Абхазии школы Министерства народного просвещения не за-

крывались, и деятельность этих школ с каждым годом усиливается. Между тем, школы Общества Восстановления Христианства на Кавказе и церковноприходские школы то и дело – что открываются и закрываются. Мы не должны мешать друг другу, а идти к одной святой цели, и работать не для своих собственных интересов, а для интересов целого общества.

Летопись моя окончена. Остается мне только обратиться с мольбой к людям добрым, к людям сердца и души: дайте хоть небольшое количество учебных книг и учебных пособий! Поддержите хоть на время бедных детей поселенцев!

Чье сердце не могло содрогнуться при виде одного русского старика – поселенца, явившегося недавно в одно управление с просьбой, - взять от него 3-х сирот, оставшихся после смерти его соседа.

– Чего ж, старина, раздаешь своих сирот по чужим рукам? - спрашивают бедного поселенца.

– Я одинокий человек, работать не в силах. Кормить сирот тем более не могу, а обучать их грамоте – совсем не мое дело, потому что я никогда не был грамотным. Между тем, ребятишки эти славные, способные; может быть, найдутся благодетели взять их к себе и чему-нибудь научить их.

И, действительно, не прошло и часу, как все эти сироты были разобраны; но вот вопрос: будут ли эти несчастные дети учиться у своих благодетелей, или исполнять обязанности холопов ради куска хлеба?

К. Мачавариани

Журн. «Вестник воспитания».
1892, №6, С. 119 – 146

Антропологические типы Кавказа*

Изучение человеческого организма с целью определить его свойства и качества, существовало уже и в самые древние времена. Человечество всегда чувствовало, что антропологические исследования представляют нечто важное, хотя до последнего времени и таинственное и, среди блуждающей философии и психологии в поис-

* *Статья составлена на основании моего труда «Антропологические наблюдения на Кавказе», напечатанного в «Записках Кавказского Отдела имп. русского географического общества», 1893, т. XV.*

ках ответа на жгучие ответы жизни, искало этого ответа в антропологии...

При сложности и трудности задач антропологии нельзя ожидать, что она уже в настоящее время может ответить на все подлежащие ее решению вопросы. Не увлекаясь туманными теориями и остерегаясь одностороннего освещения, какими пользуются для своих целей то шарлатаны, то искренние, но мало знающие люди, антропология, однако, уже в настоящее время может разъяснить такие явления в жизни и отдельного человека и целых племен и рас, которые никакими другими науками разъяснены быть не могут. Большая или меньшая точность ответа зависит только от большого или меньшего накопления точных фактов. Заключая в себе жизненный, драматический, касающийся каждого интерес, научная антропология едва ли, однако, может когда-либо сделаться популярною, доступною неспециалистам наукою, потому что свои заключения она должна делать на основании кропотливых работ и цифр. Другое дело выводы. Нет никакого сомнения, что с прогрессом науки и развитием культуры заключения антропологии будут руководящей нитью в деятельности не только отдельных лиц и семей, но и целых государств и народов.

Прежде чем приступить к решению каких бы то ни было сложных вопросов, касающихся прошлого и будущего отдельных лиц и племен, необходимо прочно установить основные, физические свойства исследуемых типов. Относительно определения физического типа кавказских племен до самого последнего времени не было почти никаких верных фактов и не только у историков, но и у антропологов, например, Топинара, о физическом типе их встречались весьма сбивчивые сведения. Не задаваясь никакими другими вопросами, мы в настоящее время имеем в виду, только представить самые простые сведения о крупнейших особенностях физической организации главнейших живущих на Кавказе племен. Без цифр при этих определениях обойтись невозможно.

Один из важнейших антропологических признаков человеческих типов – рост. Уже и сам по себе рост говорит много, но еще большее значение получает он при наблюдении постепенности повышения и понижения его или кривой, при сравнении роста разных встречающихся в каждом племени антропологических типов и по сравнении роста с размерами отдельных частей тела измеряемых лиц. Чтобы было можно сопоставить цифры измерений как отдельных лиц, так и целых племен, измерения разных частей тела необ-

ходимо привести к какой-нибудь общей единице. Такою единицею может быть только рост.

Из данных, полученных при измерении призывавшихся к отбыванию воинской повинности молодых людей 21 года и некоторых других измерений, средний рост главнейших кавказских племен следующий:

	Число наблюдений	Рост в миллиметр.
Евреи Кубинского уезда	240	1618
Евреи Кутаисского уезда	41	1630
Евреи Кайтаго-Табасаранского округа	61	1644
Армяне Нахичеванского уезда	524	1620
Армяне Шаруро-Даралского уезда	186	1626
Армяне Зангезурского уезда	834	1630
Армяне Ахалкалакского уезда	491	1630
Армяне Джебраильского уезда	135	1640
Армяне Елисаветпольского уезда	230	1648
Армяне Тифлисского уезда	230	1652
Грузины Горийского уезда	474	1639
Грузины Тифлисского уезда	525	1642
Грузины Сигнахского уезда	185	1652
Грузины Тианетского уезда	391	1665
Имеретинцы Кутаисского уезда	1366	1653
Имеретинцы Шорапанского уезда	1222	1658
Имеретинцы Рачинского уезда	101	1661
Мингрельцы Сенакского уезда	643	1642
Мингрельцы Зугдидского уезда	279	1647
Самурзак. Сухумского округа	561	1657
Абхазцы Сухумского округа	228	1651
Сванеты горные по Ингуру	142	1658
Сванеты по р. Цхенис-Цхали	37	1625
Осетины Горийского уезда	258	1670
Осетины Терской области	200	1695
Русские уроженцы Закавказья:		
православные	195	1688
сектанты	226	1680
Немцы Тифлисского и Елисаветпольского уездов	75	1684
Греки Тифлисского уезда	17	1645

Относительно измерения роста других народностей нет достаточно однообразного материала. По измерениям разных наблюдателей рост турок – 1660, азербайджанских татар – 1658, айсоров – 1683, курдов – 1685, персов – 1687, казикумуков – 1690, чеченцев – 1680, кабардинцев – 1670, вообще лезгин – 165 – 1670 миллиметров.

Уже из приведенных цифр видно, как неодинаков рост населяющих Кавказ народностей не только по племенам, но и одного и того же племени по местностям. Еще большее разнообразие оказывается при разборе частностей. Так общий рост грузин Тианетского уезда – 1665, но если разделить народности, населяющие уезд, на те этнографические группы, на которые он разделяется с древнейших времен, то оказывается, что средний рост жителей уезда грузин – 1650, тушин – 1660, пшавов – 1688 и хевсур – 1690.

Относительная развитость груди наибольшая у земледельцев армян ахалкалакского плоскогорья, у равнинных грузин и мингрельцев, а наименьшая – у имеретин Рачинского уезда и хевсур. У последних окружность груди едва превышает полурост.

Цвет волос у всех народностей, за исключением русских и немцев, по первому впечатлению черный, но обыкновенно самыми разнообразными оттенками переходящий в темно-русый. Наибольший процент чисто черного цвета волос у айсоров и курдов, наименее – у мингрельцев и некоторых лезгин. Из особенностей волос населения Кавказа заслуживает внимания раннее появление седины. У двадцатилетних мингрельцев седина встречается у 7,6%, у абхазцев – 4-5%, у армян и грузин реже. Волосы на лице раньше всего появляются у азербайджанских татар и армян некоторых местностей, у которых усы растут уже на 14-15 году, а позже у деревенских грузин и осетин, у которых в 20 лет у многих еще только пушок. Брови правильною дугою обыкновенно у грузин, армян, имеретин; у халдеев и персиян они кустятся снаружи и тонкими концами сходятся к носу. У трети армян и грузин брови срастаются на переносице. Ресницы длинные до 7-8 мм почти у всех кавказских народностей. Цвет волос лица только у айсоров, части курдов и татар черный, у остальных же народностей он более или менее русый с самыми разнообразными, нередко, особенно у жителей Кутаисской губернии, рыжими оттенками. Волосатость тела наибольшая у айсоров, затем – у ахалцихских евреев. Весьма нередко густые волосы покрывают не только переднюю часть тела, но и спину: у халдеев, у армян, меньше у грузин довольно часта волосатость всей нижней половины те-

ла. Волос на теле мало у имеретин и почти совсем нет у текинцев, татар и некоторых лезгин.

Преобладающий цвет глаз у всех народностей карий, нередко, особенно у армян и части грузин, переходящий в интенсивно карий или черный. У некоторых народностей, как турок и мингрельцев, интенсивно карих глаз почти нет, а преобладают светло-карие. Преобладание сплошного карего цвета глаза колеблется между 80-92% у курдов, айсоров, евреев, персиян, армян, татар, 60-70% – у грузин, осетин, имеретин и 40-50% – у мингрельцев, сванет и некоторых племен Дагестана. Процент пигментных серых и голубых глаз колеблется по народностям между 2-15%. Оттенки беспигментных глаз весьма разнообразны – у осетин глаза встречаются почти синие, у мингрельцев наблюдались цвета золы, у абхазцев ярко-желтые, но особенно часты разнообразные оттенки зеленого цвета. У сванетов зеленые глаза составляют 30-40%, у некоторых лезгин 15-20%. Несравненно чаще, чем глаза светлых цветов, встречаются переходные, средние цвета, указывающие на смешанность типа. Такие глаза нередко также дают впечатление зеленого цвета и некоторыми наблюдателями, как, например, Шантром, причисляются к зеленым. Наиболее смешанного цвета глаза встречаются у грузин, имеретин – 20-30%, а по Эркерту у табасаранцев – 45%, и кюринцев – 37%.

Горизонтальная окружность головы у главнейших народностей:

Курды	534
Персияне	539
Татары	540
Табасаранцы	542
Грузины	545
Евреи	547
Армяне	548
Абхазцы	550
Имеретины	552
Мингрельцы	554
Осетины	558
Русские	558
Немцы	559
Горные сванеты	560

Окружность головы находится в зависимости от цвета глаз, но не зависит от роста. У голубоглазых армян Елисаветпольского уезда при среднем росте 1645 мм., окружность головы найдена 557 мм, а у

кареглазых, при росте 1650, окружность головы 550 мм., у голубоглазых мингрельцев окружность головы 563, а у черноглазых 552 и проч. Особенно большие головы у голубоглазых хевсур.

Черепные показатели не находятся в связи с окружностью головы и мало зависят от цвета глаз. По черепным показателям главнейшие группы кавказских племен распределяются:

		Показатель
Долихоцефалы	Персияне	74,5
Субдолихоцефалы	Курды	76,5
Мезатицефалы	Татары	77,4
	Калмыки	78,9
	Имеретины	79,2
	Чеченцы	79,4
	Черкесы Адыге	79,5
	Абхазцы	79,7
	Мингрельцы	79,8
	Осетины	80,6
Субрахицефалы	Кабардинцы	81,8
	Сванеты	82,6
	Дидойцы	82,6
	Казикумуки	83,2
	Грузины	83,5
	Армяне	84,1
Брахицефалы	Евреи	84,4
	Даргинцы	84,5
	Табасаранцы	84,6
	Кюринцы	85,4
	Айсоры	85,6

Емкость черепной полости наибольшая у черепа из грузинского кладбища возле Абастумана – 1,560 куб.см., а наименьшая – у разбойника Мегр-оглы – 1,395 куб.см.

Наиболее длинные лица у персиян, в среднем от корня волос до подбородка 188 мм., а наименьшая – у осетин – 172, абхазцев – 174 и мингрельцев – 178 мм.

Верхняя ширина лица, т.е. расстояние наиболее удаленных точек скуловых костей, у персиян – 138 мм., курдов – 140, имеретин, айсоров, евреев и армян – 141,1-141,8, у грузин – 142, а самая большая у некоторых племен Дагестана: дидойцев – 145, даргинцев – 146, казикумуков – 147 и аварцев – 148. Большая ширина происходит по

всем вероятностям от монгольского типа. У текинцев ширина лица 145 мм.

Длина носа наименьшая у текинцев – 50 мм., казикумуков – 51 мм, персиян – 53 мм., а наибольшая у армян – 56, курдов – 57, андийцев (по Эркерту) – 58 мм. Главная форма носа у большинства выпуклая, слегка загнутая, но нередки носы прямые, сводчатые и горбатые. Иногда, особенно у имеретин, носовая перегородка спускается слишком низко. Ширина носа самая меньшая у имеретин – 28-30 мм., так как носы у них как бы сдавлены с боков. Наиболее широкие носы до 40 и более мм. и с показателем выше 75, у ногайцев – 38, рутульцев – 40 и калмыков – 50 мм. У айсоров и евреев широких носов вовсе не наблюдалось.

Самые густые крепкие зубы у татар, горных армян и лезгин, самые редкие у сванетов, причем у них процент редких зубов колеблется от 20 до 50 всех зубов.

Величина, особенно длина рук и ног, разнообразны. Вообще все чисто кавказские племена отличаются стройностью и пропорциональностью тела, но между всеми встречаются лица то с особенно длинными, то с короткими костями. В среднем самые длинные руки, по измерению величины наибольшего размаха рук между концами средних пальцев, у сванетов – 105% роста, у айсоров и персиян – 104%, а самые короткие у грузин – 102% и мингрельцев – 101% роста. По величине отдельных костей скелета эти отношения изменяются.

Вес мужского пола возраста 21-23 лет колеблется между 125 и 210 фунтами или 50 и 84 килограмма, а в среднем по местностям между весом уроженцев уездов Кубинского и Шамахинского – 61 килограмм и весом уроженцев Тифлисского и Кутаисского уездов – 62 и г.Тифлиса – 63 кг. Свыше 75 кг. весило 7% лиц Тифлисского уезда и не было ни одного из уездов Кубинского и Нухинского.

Относительно размеров внутренних органов наиболее важно, что длина кишечного канала у туземцев больше, чем у европейцев и составляет 600-650% роста, против 550% роста европейцев. Самый длинный кишечный канал находим у армян – до 700, а самый короткий у татар – 440% роста.

В частности, относительно антропологического типа некоторых кавказских племен можно сказать следующее:

Айсоры принадлежат к одному из самых широкоголовых, довольно чисто сохранившемуся, волосатому халдейскому типу.

Кавказские евреи большей частью также халдейского, но несколько иного чем айсоры типа. У евреев тифлисских, кутаисских и ахалцихских рост выше, а черепной показатель меньше, чем у кубинских. Рост светлоглазых евреев – 1644 мм. больше роста кареглазых – 1617 мм. Арабский семитический тип между кавказскими евреями редок.

Рост армян юго-восточных уездов Закавказского края ниже, и черепной показатель больше, чем у армян Тифлисской губернии. У армян, имеющих волоса на груди, рост больше, а у светлоглазых меньше среднего, а окружность головы больше у светлоглазых. Стопа у армян – 259 мм. – больше, чем у айсоров и евреев – 252 мм. По черепному показателю армяне не имеют ничего общего с иранским типом, куда их причисляет Л.П.Загурский, а также Топинар и др.

Тип народностей, говорящих по-грузински, весьма неодинаков и представляет почти наполовину смешанные формы. Западные грузины Кутаисской губернии с черепным показателем 79-80 принадлежат к совершенно другому антропологическому типу, чем восточные, тифлисские, с показателем 83-84. Настоящий грузинский тип наблюдается в некоторых обществах сванетов, осетин, лезгин. Рост голубоглазых грузин меньше, а окружность головы больше, чем кареглазых.

Имеретинский тип не имеет сходства с другими кавказскими типами, и вместе с живущими в Колхидском бассейне народностями составляет самостоятельную группу. Рост дворян имеретин на пять сантиметров выше среднего.

Мингрельцы, кроме языка, отличаются от имеретин более низким ростом и сравнительно большой шириною груди и вообще скелета. Между ними особенно много широких и деформированных черепов. Общий склад лица и выражение как бы рассеянности, вместе с другими признаками, указывает на особенности организации их.

Между гурийцами наблюдается заметная примесь арабского семитического типа. Особенная музыкальность, наклонность к рискованным предприятиям и разбоям, и некоторые другие особенности организации показывают, что это смешанный тип другого происхождения, чем их соседи мингрельцы.

Между абхазцами арабский семитический тип более част, чем между всеми другими народностями Кавказа. Совершенно своеобразный язык и некоторые обычаи показывают, что поселившиеся

здесь семиты слились с коренным, имевшим свою особую культуру, племенем.

Основной тип сванетов, по-видимому, совершенно отличен от типа других обитателей Колхидского бассейна. Средний черепной показатель 82, доходящий до 90 и более, показывает, что происхождение сванетов другое. Разнообразие типов вследствие помесей между сванетами больше, чем между другими народностями. Население вырождается по Цхенис-Цхали, где эндемичен зоб.

Осетины по черепному показателю 80,6 подходят к имеретинам, некоторым лезгинам и горским татарам, но у них большая окружность головы – 560 мм. и более широкий нос – 36 мм. И лицо – 144 мм. На смешанность типа осетин указывают, между прочим, неодинаковые величины полученных разными наблюдателями измерений: так длина лица осетин по Шантру 195, а по Гильченко 172. В какой степени, и какие типы примешаны к основному, по-видимому, иранскому типу осетин, еще нельзя определить.

Суниты, известные под названием турок, живущие в Тифлисской губернии, принадлежат, главным образом, к грузинской народности, но влияние на них чисто турецкого типа весьма значительно и выражается как большим ростом сунитов – 1660 мм., так и меньшим черепным показателем – 82 против грузин. Между турками сравнительно много светлоглазых.

Персияне по своей наиболее длинной голове, малому черепному показателю – 74, весьма длинному – 189 мм. и узкому – 138 мм. лицу, совершенно выделяются от других антропологических групп Кавказа.

К типу персиян подходят курды и азербайджанские татары, а также удины, таты и карапапахи. Главное отличие курдов от персиян – большая величина – 52 мм. – и нередкая горбатость носа, большая ширина лица и меньшая горизонтальная окружность головы. Азербайджанские татары представляют весьма смешанный тип и черепной показатель, как и тип их, в тех местностях, где они, во время своего господства, жили по соседству с армянами, нередко весьма близко подходят к армянским. Основной тип татар несомненно длинноголовый, не имеющий ничего общего с монгольскою расою, к которой причислял их Загурский и другие этнографы.

Различные племена лезгин в антропологическом отношении представляют большое разнообразие. Самые широкие черепа с показателем до 86 – у кюринцев, самые узкие – 80 – у хиналугов, самые широкие лица – 148 у андийцев, самые узкие – 141 у будухов,

наиболее прямые носы у табасаранцев, наиболее выпуклые у андийцев. Несомненно, что лезгины происхождения неодинакового, и составляют несколько основных типов, к которым примешаны частью монгольский – андийцы, даргинцы, частью семитический – чеченцы, дидойцы, частью грузинский, славянский и другие типы.

Текинцы, уроженцы окрестностей Асхабада, по верхней и нижней ширине лица и длине носа подходят к казикумукам, по черепному показателю – к персиянам, но в целом по желтой коже, косым глазам, высокому росту и прочему представляют одну из ветвей монголов.

Уроженцы Закавказского края русские и южные немцы в общем сохраняют свои племенные особенности, но физическое и половое развитие их наступает раньше, чем у жителей метрополии.

Произведенными до настоящего времени антропологическими и лингвистическими исследованиями становится на твердую почву факт существования на Кавказе многочисленных типов и племен, о разнообразии которых говорят древние и позднейшие наблюдатели. Математически определенные размеры головы, рост, так же как неодинаковый язык и другие признаки, дают точки опоры для классификации племен и выяснения их происхождения не на основании темных и не могущих иметь решающего значения сказаний летописцев и путешественников, а опираясь на точные, доступные проверке факты.

Не касаясь определения типа человека эпохи полированного камня и бронзы, для чего собрано еще мало материала относительно жившего на исторической памяти и современного населения Кавказа, антропология и лингвистика пришли к некоторым положительным заключениям.

Непосредственными измерениями и наблюдениями установлено, что от крайних брахицефалов – айсоров, евреев, армян, до крайних долихоцефалов – татов и персиян, на Кавказе существуют целые десятки антропологический самостоятельных групп. Точно также много здесь и самостоятельных или, по крайней мере, носящих печать своеобразности языков и говоров. Язык грузинский и языки восточных и западных горцев, по исследованиям Ф.Миллера, не представляют сродства с языками других народов белой расы, т.е. принадлежат к типу, по-видимому, нигде больше, кроме Кавказа, не существующему. Отдельные наречия этих языков также носят печать своеобразности.

Сформировавшийся и определившийся в доисторическую эпоху, в неизвестных местностях, физический и лингвистический типы кавказских народов весьма устойчивы и прочны. Высокая цивилизация, которую в доисторический период пережили предки, превосходно физически одаренных, поселившихся в неизвестную эпоху, по всем вероятностям, после одного из обширных геологических переворотов, на Кавказе племен – влияла так глубоко и своеобразно, что несмотря на позднейшие столкновения и смешения с другими народами, племена Кавказа более или менее сохранили не только свой тип и язык, но и многие другие особенности.

В противоположность тому, что мы видим в Западной Европе, где основные типы выступают неясно и большинство населения представляет смешанные формы, многочисленные метисации кавказских племен сравнительно мало влияли на изменение основного типа. Между всеми измеренными айсорами, евреями, аварцами не встретилось ни одного долихоцефала, а между татами – ни одного брахицефала.

Точные цифры не могут оставлять сомнения в своеобразности большинства кавказских племен. Еще решительнее обнаруживается это при разборе частностей.

Кроме размеров головы, длины и ширины лица, высоты роста и прочего, антропологический тип характеризуется цветом глаз. Для понимания, как происхождения кавказских племен, так и способности их к метисациям и ассимиляциям, это вопрос в высокой степени важный, хотя пока весьма мало выясненный. К глазам с преобладающим, разной интенсивности, карим райком, здесь примешаны в большей или меньшей степени глаза безпигментные, принадлежащие совершенно другого характера типам. Какие светлоглазые племена смешались с кавказскими туземцами, и когда происходило это смешение, пока неизвестно, но из некоторых приведенных выше цифр видно, что антропологический тип светлоглазых одного и того же племени отличается от типа кареглазых. Голубоглазые грузины и армяне в среднем ниже ростом, но с большей окружностью головы, чем кареглазые. В Самурзакани, отчасти и в других местностях, высший рост и большая окружность головы у сероглазых.

Хотя основные типы на Кавказе сохранились сравнительно лучше, чем в других странах, но и здесь, кроме смешения светлоглазых с кареглазыми, существует множество и других, происшедших от смешения нескольких самостоятельных типов, промежуточных форм. Очень важную роль при метисациях кавказских племен игра-

ли халдейский и семитический типы. Семитический тип, определяющийся пока только по общему впечатлению, особой складке губ и выражению глаз, более или менее наблюдается почти между всеми народностями Кавказа. Он не имеет ничего общего с халдейским, но его также нельзя признать основным типом и большинства кавказских евреев. Во многих случаях смешанность типа выражается разнообразными частностями организаций.

Ничто не может быть делом слепого случая, а есть необходимое следствие закона, сущность которого видна в разнообразии его проявления. Пока еще не собрано достаточно материала для объяснения законности проявления той или другой смешанной формы, или того или другого кажущегося уклонения от общих законов. Распутать все эти, ныне кажущиеся непонятными, комбинации, показать, на основании каких законов произошли те или иные смешанные формы, и объяснить, какая роль их в прошлом и настоящем, дело не близкого будущего.

Но, очевидно, что мрак, до последнего времени окутывающий прошлое и находящееся в непосредственной связи с прошлым настоящее многочисленных племен Кавказа, антропологическими, лингвистическими и археологическими исследованиями начинает кое-где разъясняться; главнейшие типы или, по некоторым, виды человеческого рода, в общих чертах определены, важнейшие особенности языка и связь древней культуры кавказских племен с языком и культурой других народов во многом установлены. Весьма важною помощью для изучения человека служат и появившиеся в последнее двадцатипятилетние, главным образом, под редакцией Н.К.Зейдлица, многочисленные статистические исследования, осветившие экономическое и биологическое положение ныне живущего населения, и некоторые труды геологов, ботаников, врачей, химиков, инженеров и других естествоиспытателей, способствующих выяснению условий, в которых жил и живет человек на Кавказе. Сравнительно с тем, что известно о типе кавказских племен лет 20-30 тому назад, успехи науки о человеке – антропологии – весьма значительны. Все это, однако, должно почитаться только началом дела.

Нельзя обольщать себя мыслью, что великие проблемы, затрагиваемые антропологиею и другими, рядом с ней идущими, науками, близки к разрешению. Пока самые существенные вопросы остаются темны. Антропология, можно сказать, еще только выбралась из

темных и запутанных тропинок на прямую дорогу. Чтобы можно было твердо, с уверенностью идти по этой дороге и дать положительные ответы на жгучие вопросы, касающиеся самого существования человека в настоящем и будущем, – занимающемся антропологиею еще долго будет предстоять скромная задача, главным образом, собирать факты. Более или менее быстрое движение по этой дороге находится в прямой зависимости от степени накопления точных фактов.

И. Пантюхов[71]

Газ. «Кавказ».
1893, №103

Опыт заселения Черноморского побережья

Недавно в газетах появилось сообщение, что проект заселения восточной широкой полосы побережья Черного моря русскими поселенцами поставлен на очередь и будет рассматриваться на одном из ближайших заседаний государственного совета. Ввиду этого, нам кажется, будет небезынтересно познакомить читателей более подробно со статьей, помещенной в 10 № «Вестника Европы» за прошлый год, о которой уже напоминалось своевременно в «Новом обозрении», «Общей печати». Мы говорим о статье г.Розова «Оригинальные места». Она осталась незамеченной печатью, между тем она достойна полного внимания, как по предмету, о котором она трактует, так и по серьезному отношению к нему со стороны автора.

В статье говорится об одном из малоизвестных и интереснейших уголков Кавказа, именно об его Черноморском побережье. Мягкий, теплый и влажный климат, роскошная растительность, величественная природа делают эту страну в полном смысле «оригинальной», одной из таких стран, каких во всем свете насчитается немного. Можно сравнить этот край разве только с западным побережьем Италии, с некоторыми местами Бразилии, Индии и Африки. Но, к сожалению, эта страна помимо своих привлекательных сторон, имеет и отрицательные, – например, здесь смертность превышает в два-три раза рождаемость.

Этот факт показывает, что естественные условия этого края неблагоприятны для здоровья человека, и местами прямо-таки опасны

для жизни. Особенно здесь ужасны частые и продолжительные изнурительные лихорадки, которые отнимают большую часть года у всех живущих в этой местности.

Разумеется, в таких местностях условия жизни, условия разного рода культуры являются своеобразными, в теории и практике не подходящими под общепринятые правила жизни и хозяйства, и с ними надо считаться, иначе очень легко попасть впросак и потерпеть неудачу.

В своей статье автор рассматривает преимущественно Сухумский и Батумский округи, при этом он приводит следующие интересные данные: на весь Сухумский округ имеется всего только 79 селений с 77.530 жителями, из них 40 тысяч туземцев-самурзаканцев, около 30 тысяч абхазцев, остальные тысячи состоят из представителей различных национальностей: греков (2.100), мингрельцев (1.700), русских (1.000) и т.д. На все 79 сел Сухумского округа приходится приблизительно 169.190 десятин земли (в среднем 11 десятин на двор); из них 80.805 десятин принадлежат лицам привилегированных сословий из туземцев, затем около 25 тысяч десятин помещикам из бывших русских чиновников; 2.504 принадлежат Ново-Афонскому монастырю, 1.048 – Пицундскому и 217 – Драндовскому. Остальные земли находятся в ведении министерства государственного имущества. Свободной земли для заселения немного – всего 7.000 десятин, но из них 6.000 десятин лучшей в округе земли, на Псху, мало пригодны для заселения за отсутствием дорог.

Продажные цены, смотря по земле, различны – от 10 рублей за десятину до 800 рублей. Свободных земель для продажи много, но покупателей мало, что зависит от трудностей ведения хозяйства и высоты заработной платы. Одной из наиболее выгодных отраслей хозяйства является табаководство, чему способствует непочатая, жирная почва и влажный, теплый климат южного Черноморского побережья.

Сделав общий обзор, автор переходит к более детальному описанию некоторых поселков и имений.

В 23 верстах от Батума лежит русское поселение, почти единственное в округе, – Смекаловка, основанное в 1881 году. «Для поселка, – по словам автора, – отведено 2.439 десятин, из коей 191 десятин пашни и усадьбой с фруктовыми деревьями земли, 638 десятин болотистого выгона с кустарником, 746 десятин леса на болотистом месте, 799 десятин болота и 55 десятин дорог, прогонов и речек».

Картина хозяйства у поселенцев, рисуемая автором, не из отрадных:

«Несмотря на попечение правительства о поселке, на затрату капитала для отвода болотной воды, устройство колодцев, на выдачу долгосрочных ссуд на постройки, приобретение скота, семян для посевов, даже на устройство мельниц, несмотря на значительные частные пожертвования, поселенцы не оправдали ожиданий».

Поселок не только не питает г. Батум своими продуктами, не только не имеет сил уплатить правительству выданных в ссуду денег, нет – русские стремятся даже покинуть его.

«Тридцать домохозяек бросили поселок и разбрелись по разным местам; оставшиеся имеют намерение рано или поздно перебраться в другие места и лишь только недостаток средств уплатить правительству ссуду пока проживают в поселке, запустив свои хозяйства».

Причину неудачной попытки заселения автор видит, прежде всего, в отсутствии солидарности, артельного, общинного духа. Вследствие взаимного недоверия между поселенцами нет взаимного кредита ни деньгами, ни натурой, ни скотом, ни птицей и т.д., вообще, нет каких бы то ни было общих интересов; русский поселенец работает каждый про себя, скучает за работой, теряет энергию и несет урон. В то же время у туземцев мы видим совершенно обратное: у них, несмотря на подворное владение землей, артельный дух очень развит – они охотно идут один к другому на помощь, сообща сеют то у того, то у другого, артелью мотыгают кукурузу, артелью же и обмолачивают. Конечно, русскому поселенцу, не знающему местных условий и работающему в одиночку, хозяйство не под силу и он бросает его. Подобное явление наблюдается не только над бедняками, безденежными и бессильными, но и над зажиточными людьми, приехавшими с сотнями и тысячами рублей. К поселку приписывались и интеллигентные лица, но и их постигло разочарование.

Помимо отсутствия солидарности, много мешают успеху заселения, как уже сказано, незнание местных условий хозяйства и климата, что видно из того, что хозяйство туземцев в тех же местностях, если не процветает, то ведется с большим или меньшим успехом, а также гигиенические условия южного Черноморского побережья. Кроме частых изнурительных лихорадочных заболеваний, о которых мы уже упоминали, здесь существуют еще и особые болезни: водянка, расширение печени, особое утомление организма.

Почвенные условия действенной, непочатой природы южного черноморского побережья весьма благоприятны для сельского хозяйства. Здесь перегной древесного листа так велик, что верхний пласт земли может дать подряд и до десяти посевов, но, к сожалению, если почвенные условия побережья благоприятны, зато климатические очень неблагоприятны, и благодаря тому, что хлебные злаки еще в своей листовой трубке уже начинает преть, урожай их получается ничтожный, вследствие чего посевов пшеницы, ячменя, овса, жита встречается весьма мало; далее от берега, в более холодных местах, урожаи этих хлебов сравнительно хороши, но вообще посевы злаков незначительны и убыточны. То же замечается и относительно капусты, – она не выдерживает сырости в тепле и может произрастать только при условии сеяния рассады в начале октября и высаживания ее в грунт в конце этого месяца.

Немалым тормозом для более быстрого развития хозяйства служит расчистка земли от древесины, травяных корней и крупного леса, что очень дорого и трудно для непривычных к таким условиям рабочих, каковы русские, немцы, эстонцы.

Из культивируемых растений и злаков самые большие посевы принадлежат кукурузе, которая родится прекрасно и дает на одном и том же корне несколько початок: три, пять и даже семь, длиною каждая от 6 до 8 вершков.

Садоводством и виноделием занимаются по мере средств и возможности. Сады еще молодые, дают мало фруктов. В них произрастают: виноград, яблони, груши, персики, сливы, айва, инжир, хурма, алыча, вишня, черешня, маслина и др., но все это пока в малом количестве, далеко не удовлетворяющем потребности самих домохозяев, исключая вина, которого приготовляется в среднем 6,5 ведер на семью.

Состояние крупных хозяйств по всему черноморскому побережью Сухумского и Батумского округов, указывая на непреоборимые трудности, подтверждает тот вывод, что на побережье хозяйство малодоходно, убыточно, даже в лучших дачах. Например, Ново-Афонский монастырь, несмотря на самые благоприятные условия для процветания его хозяйства, пользуется доходами только от пчеловодства и виноделия; другие же отрасли сельского хозяйства, как полеводство, садоводство, огородничество, скотоводство (за исключением свиноводства) доставляют пока только дефицит, и зависит это, главным образом, опять-таки от своеобразного характера местного климата, который не дает возможности пользоваться теорети-

ческими выводами, выработанными в сельскохозяйственной науке и указанными опытами других мест. Например, коровы ценных пород не выносят местного климата и издыхают, яблони поражаются кровавой тлей, картофель, капуста поедаются на корню медведками. Кроме того, ветры, морские туманы, холода убивают цвет плодовых деревьев, и они становятся непроизводительными; помимо того эти деревья поражаются разного рода паразитами. Наиболее устойчивыми являются: груши, фиги, маслина, хурма, фундук, лавр.

Затем автор указывает на имения господ Рейнгарда, Введенского и некоторых других. Имение г. Рейнгарда находится в 30 верстах от Сухума, в местности, называемой Цебельдою, – это одна из лучших дач на Кавказе. Но, несмотря на то, что имение лежит в местности, которая отличается более благоприятными климатическими условиями сравнительно с другими дачами, несмотря на ежегодные многотысячные затраты, оно приносит в настоящее время только дефицит. Имение г. Введенского, расположенное на берегу моря в 1,5 верстах от Сухума, благодаря настойчивости и энергии хозяина, во все вникающего и постоянного живущего в имении, дает некоторый доход, но и то далеко неудовлетворительный в сравнении с массой труда и количеством затраченного капитала.

Главная причина малодоходности и малоуспешности хозяйства пришельцев заключается в том, что они еще не применились к местным климатическим и почвенным условиям и в том, что все они разбрасываются в опытах всевозможных культурных насаждений, почти игнорируя опыт прежних местных жителей. Например, здесь виноград «изабелла» растет хорошо, но большинству хочется иметь другие культурные лозы. То же можно сказать об абхазской яблоне, кукурузе, помидорах, баклажанах; хозяева не довольствуются ими, а хотят развести деревья нежных плодов, хотят иметь посевы пшеницы, ржи, свои арбузы, капусту и т.д.

К. Карягин

Газ. «Новое обозрение».
1893, №3152

Абхазские письма

I

До 4-го мая жители Сухумского побережья испытывали неприятные, так часто повторяющиеся дожди, температура воздуха была

низка и мешала вегетации растений. Такую позднюю весну не помнят старожилы. У нас только теперь засветило и пригрело, как следует солнце, только теперь виноградные почки распустились и превратились в красивые просвечивающиеся, ажурные нежные листки, все зазеленело; пахарь тоже взялся за плуг, и началась разработка земли под кукурузу. «Поздняя, небывало поздняя весна» – говорит с грустью сельчанин. «От недостатка подножного корма скотинка наша страшно дохнет!» И, действительно, от бескормицы на крупном скоте сказался «ящур». Буйволы, голодая, превратились в скелеты, так что и ветру нехитро их свалить. В конце апреля я наблюдал тощих буйволов на полях, пощипывающих жалкую траву, они слонялись как тени и, конечно, при распухании языка и горла (ящур), сваливались как подкошенные, с них сдирали шкуру, а тощее мясо их бросалось на съедение шакалов. До того дошло, что в Сухуме нельзя было достать во время дождей и слякоти за большие деньги пару буйволов для перевозки извести из завода, отстоящего на 4 версты от города, – настолько обессилел несчастный рабочий скот. Из окрестных деревень абхазцев и даже поселенцев-колонистов доносятся самые неутешительные слухи; в Гудаутском участке подохло от ящура почти половина наличного рабочего скота у сельчан. Какими средствами они будут справляться с полевыми работами за эту весну – является загадкой. Такой же почти падеж скота от бескормицы замечается и в западной половине Кодорского участка. Но ни абхазец, ни мингрелец, ни русский пахарь не унывают. В России есть места, где пахари в десять раз площе.

Здешние землепашцы надеятся, что хороший урожай, который не изменял им никогда, их выручит. Да и нельзя унывать по здешним местам. Только сухумские горожане да приезжие сюда больные являются ненавистниками дождей, – сельчанин же здешний, завернувшись в бурку и башлык, относится к ливню преравнодушно, – разве только что лишний раз сплюнет. Но весна теперь уже взяла силу и дохнула теплом на наши горы. Из чреватой земли густой щетиной растет вперегонку подножный корм для скотинки, – он оживает, охорашивается. Ко всем прелестям роскошных и грандиозных гор, прихотливо окаймляющих Сухум со стороны суши, пробивалась молодая изумрудная зелень листвы: наше море поуспокоилось и будто очарованное не колыхнется, точно прислушивается, как могуче дышит здесь весна. Торжественней всех справляет этот праздник лягушачья порода; в тихие ночи они чертовски надоедают своим сладострастным кваканьем, но эта неприятность стушевывается,

и забываешь о квакушках, наблюдая в темноте танец здешних светляков крупного электрического света, с горошину величиной; они тоже справляют свою весну.

Этими комфортабельнейшими прелестями любуется в Сухуме всякий заезжий бедняк, будь он даже архибеднейший человек на свете и с пустым даже желудком. Не напрасно сюда усиленно тянется в Ново-Афонский монастырь тысячными толпами серый, молящийся «российский» люд, доброхотно жертвуя свои достатки монахам на созидание Божьих храмов, где некогда проходили со своей христианской проповедью Андрей Первозванный и св. Пантелеймон. В Новом Афоне новые постройки монастырей растут и принимают все более и более грандиозные размеры. Только ¼ намеченных работ выполнена, и уже новая обитель поражает невольно взоры своей эффективной красотой. Монахи здесь вырастят в своем роде абхазо-русскую Альгамбру. Какая масса богомольцев, стариков, старух и молодух стремится сюда со своими сбережениями помолиться. Из Нового Афона они часто пешком проходят мимо Сухума, в более скромный по размерам Драндовский монастырь.[72] Мне довелось наблюдать их на этом пути. Идут богомольцы и, умильно поглядывая по сторонам, усердно крестятся, точно на пригорках, скалах и в глубоком море они видят самого Бога. «Боже ты мой, как здесь хорошо, одним словом, рай да и только», – шепчут паломники. Еще бы! Можно ли сравнить буднично плоскую, единообразную равнину их суровой родины с прихотливыми красотами, какими наделен абхазский счастливый уголок, уголок, который находится пока в черном теле, в зарослях, требующих расчистки, и ожидающих, когда же, наконец, молодое поколение абхазцев вырастет, поймет требования времени и начнет свою работу культурного характера. Школ, ради Бога, школ дайте нашей детворе, говорят абхазцы, но только школ настоящих, полезных, с сельскохозяйственными сведениями! Только с помощью их 50-ти тысячный абхазский народ оторвется от своих традиций, изолирующих их от прогрессирующего безустанно во всем человечества... Дайте нам школ, твердят они постоянно, если не желаете, чтобы абхазцы так же вымерли, как и краснокожие индейцы в Америке! Эта мольба не требует лучших аргументаций; необходимо дать им не только школы, но и врачебную помощь, которой у них в деревнях нет; если искренно желать, чтобы с высоконравственными традициями абхазский народ крепко прирос к государственному организму России и не испыты-

вал таких опасных экспериментов над собою, какую судьба проделала над ними в прошлую турецкую войну.

Теперь сообщу, насколько Сухум прогрессирует в улучшении своих окрестных, роскошных дач – в этом залог его счастливого будущего в качестве нового русского курорта на кавказском берегу. Кавказский берег, по нашему мнению, в будущем, несомненно, перещеголяет крымский. Цены покупаемых дач, на которых пока что еще не появилось ни одного дворца, и деньги платятся исключительно только за одну землю и выращенную на ней роскошную растительность, – цены эти очень внушительны. Многим известно, например, что сад «Синоп» великого князя Александра Михайловича куплен у полковника Введенского (оставившего в этом по себе добрую память) за 60 тысяч рублей; дача эта имеет всего 12 десятин. Другая дача Маланьи, тоже таких же размеров, продана в прошлом году за 33 тысячи Н.Н.Смитскому – богатому помещику и лесопромышленнику из-под Москвы. Г. Смитской приобрел от генеральши Колобовой за 8 тысяч рядом лежащий участок, расположенный по крутому скату горы. Он истратил 10 тысяч рублей на устройство дорог и парка, состоящего исключительно из хвойных и вечнозеленых пород деревьев. Можно предвидеть, что в будущем сад Смитского будет одним из первых, потому что он не жалеет на это никаких расходов.

Сад Татаринова известен уже многим из заезжающей публики. Можно прибавить, что в нем за последнее время произошли значительные перемены. Сад Татаринова обогащается ежегодно все новыми и новыми редкостными видами растений. По отношению к Сухуму и к его побережью этот сад служит для акклиматизации у нас тропических растений. Для садовода-любителя здесь есть, что наблюдать и чему поучиться. Сам г.Татаринов, в кожаной рабочей куртке, только и живет своим садом, вечно возится над своими растениями, забывая обо всем остальном в мире.

Следует сказать, что и сад «Синоп» великого князя Александра Михайловича, после того как Введенский передал его в заведование садовника-немца Бреннера, намного улучшился, именно в следующем. Была расчищена излишняя густота насаждений в парке. Цветы, некстати торчавшие в нем, были пересажены в питомник, лишние ординарные виды деревьев, заслоняющие собой самые лучшие и редкостные экземпляры, были уничтожены, а поэтому парк принял в действительности должную физиономию роскошного парка. Просторно красуются и ласкают взгляд наблюдателя такие чудные и

рослые породы, как, например: Abies Pinsaro, Cupressus Lawsoniana, Holly indiana, Abies nordmanina и другие красавицы. Помещение на случай приезда великого князя вновь отремонтировано и ждет дорогого для Сухума гостя. За последнюю выставку акклиматизации растений в Москве садовнику сада «Синоп» Бреннеру за высланные экземпляры чайных кустов растений присуждена золотая большая медаль.

Нельзя не отметить того успеха, какой имеет в Сухуме сад Ноева, созданный им чисто с коммерческой целью, дающей ему в настоящее время огромные барыши. «Климатические условия Сухума, – как заявляет Ноев в «Вестнике садоводства, пчеловодства и огородничества» в книжке за апрель месяц 1893 года, – весьма способствуют росту и акклиматизации растений». С устройством берегового сухумо-новороссийского шоссе создается важная промышленность в Сухумском округе (садоводство и огородничество), которая удовлетворит необходимые требования и, несомненно, избавит садоводов русских городов, тратящих большие суммы на выписку из-за границы луковиц и др. растений, от излишних затрат, зависимости и произвола иностранных садоводов. За все это Русь платила иностранцам втридорога. Ноев очень богатый и один из крупнейших садоводов в Москве. Он пробовал культивировать все эти дорогие заграничные растения в Москве, одни из них удались, другие за суровостью климата не удались. Тогда Ноев купил в Сухуме небольшую дачку в 2,5 десятины и здесь его попытки имели блестящий успех.

За три года работ Ф.Ф.Ноев имеет на сухумской своей плантации до 800 тыс. голландских и римских луковиц гиацинтов и преблагополучно пересылает их в Москву и другие города. Нельзя не приветствовать усилий Ноева; все наши дачевладельцы, – а их у нас много – желая увеличить доходность своих садов, начинают ему подражать, и, должно признать, сады их больше и больше охорашиваются.

Было бы желательно, чтобы местные власти и будущая городская дума выработали постановления, обязательные для всех дачевладельцев и горожан, в силу которых те из них, которые приобрели здесь участки чисто со спекулятивною целью выждать время и выгодно их перепродать, содержали бы их так, как того требуют санитарные предосторожности. По вине этих господ никак город не может избавиться от развалин, какие оставили после своего посещения турки в Сухуме: дачные участки в руках спекулянтов зарастают колючкою и папоротником, задерживающем влагу, что создает воз-

можность малярийных заболеваний в городе. Эти господа, отдав свои участки под опеку полиции, воображают, что антисанитарное положение их садов и ненужные развалины город должен терпеть и в будущем!..

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №131

Абхазские письма
V

В прошлом году г. Сухуму не посчастливилось от нападок со стороны журналистов столичной печати гг. Ремизова и Розова.

Сухумцы негодуют особенно на г. Ремизова, сотрудника «Русской мысли» за его не совсем лестный отзыв об их уголке и вот уже более полугода как истые комики все собираются написать опровержение. Они никак не могут простить Ремизову злоупотреблений печатным словом, так как в его отзыве они видят преднамеренное желание уронить значение их города, как одной из лучших климатических станций для слабогрудых в России.

«Город Сухум, – говорят они, – не зазывает и не рекламирует себя, потому что он не может предложить приезжим больным тех удобств и увеселений, какие обыкновенно имеются на заграничных курортах. Приезжают и живут здесь подолгу только те из больных, которые успели оценить наш уголок по его действительным достоинствам, а поэтому г. Ремизов негодует на Сухум совершенно напрасно. Ему было угодно приехать к нам в самое неблагоприятное дождливое время. Дожди не вредят слабогрудым, но на г. Ремизова, страдающего нервами, они произвели самое удручающее впечатление. На его несчастье дожди продолжались целую неделю, прогулки были невозможны, комната его оказалась сырой, прислуга пришлась не по вкусу. Все это привело к тому, что обозлившийся совсем г. Ремизов немедленно уехал в Крым, выругавшись по адресу не только Сухума, но и Ялты и бахчисарайского фонтана». Должно признать, что горожане Сухума говорят правду. Г. Ремизов хотя и талантливый переводчик иностранной беллетристики, но слишком уж оказался «бесцеремонным» для Сухума. Заметка его остро написана, читается с приятностью и способна повлиять на «негодующую и страждущую» публику, ищущую спасительных эликсиров и уголков

для себя на зиму. Как и всякий возникающий курорт, Сухум имеет массу своих сторонников, к которым принадлежит и известный московский врач Остроумов, необходимо только, чтобы ему была оказана должная поддержка, но гг. Ремизовы способны портить все, что создается доброго и полезного на наших окраинах и чему пресса должна бы всеми силами содействовать.

Г. Ремизов забыл, должно быть, что климат Ниццы и др. курортов Средиземного моря ничем не лучше Сухума и что посетители их тоже испытывают продолжительные по полумесяцу дожди, но с той только разницей, что благодаря прекрасным гостиницам, роскошному «казино», театру, три раза в день играющему оркестру, блестяще отсвечивающим всеми огнями бульварам, магазинам, с ума сводящей рулетки и прочим аксессуарам, дожди там не тягостны и не заметны. Если бы не сложилось так, что Сухум пребывает все по старому и в черном теле, то, вероятно, и больная раздражительность Ремизова была бы удовлетворена. Нужно сожалеть, что редакция «Русской мысли» допустила на страницы своего журнала заметку, явно направленную к ущербу нашего уголка, к тому, чтобы затормозить его культурный рост.

Мы глубоко убеждены, что если бы пожелали бы оценить и утилизировать роскошные уголки Кавказа, то Сухум не оставался бы в таком неприглядном виде. Русское золото на сотни тысяч вывозится нашим beamond-ом по заграничным курортам, непроизводительно там проживается, переходит в карман разным иностранцам. Не лучше бы было устроить так, чтобы хотя часть этих тысяч проживалась бы у себя дома, у нас на Кавказе, и русское золото, как из прорванного мешка, не сочилось бы за границу. Разве здесь нет гор очаровательнее швейцарских Альп, разве нет приморских пунктов, имеющих даже некоторые преимущества перед курортами Средиземного моря? Сухум зимой, например, имеет среднюю температуру такую же, как Ницца, Менток и др. прославленные места, и воздух здесь мягче и легче, чем в Крыму и южной Европе, где в летнее бездождие земля перестает родить и трескается от зноя. Однако же из самых важных преимуществ Сухума та, что здесь нет комаров, которые ужасно тиранят наезжую публику на курортах южной Франции.

Повторяю, что не появляйся только на нашем горизонте таких господ, как Ремизов и Розов, и г. Сухум и все его побережье, за обладание которым дрались все народы древности, будет вскоре совсем неузнаваем.

Очень неприятен вид «заброшенности», в котором пребывает так долго одно из грандиознейших побережий в мире, но подъем его к культурному преуспеянию требует в настоящее время слишком непосильных затрат со стороны государства. Требуются многомиллионные затраты на устройство целой системы шоссейных дорог, без осуществления которых этому побережью никогда не стряхнуть с себя своей одичалости. Должно искренне радоваться и тому уже, что в прошлом году было отпущено генералу Анненкову почти три миллиона на постройку сухумо-новороссийского шоссе; этот факт уже показывает, что правительство употребляет возможные усилия для оживления наших окраин, и, очевидно, не постоит и за другими жертвами.

Нам остается сказать несколько слов о статье г. Розова, появившейся в сентябрьской книжке «Вестника Европы» за прошлый год. Розов, как и Ремизов, оказал тоже очень плохую услугу нашему побережью. Насколько доводы Ремизова голословны и бьют на «краснобайство», настолько статья Розова обставлена автором научно-статистическими выкладками, подкупающими невольно доверие публики, незнакомой с истинным положением нашего побережья. На жителей же Сухума статьи обоих авторов произвели недоброе впечатление.

Г. Розов жил некоторое время среди колонистов Сухумского и Батумского округов и с разрешения начальства составлял кое-какие для себя статистические таблицы. В одно и то же время он занялся писанием разных прошений поселенцам и в конце концов скомпрометировал себя тем, что за все сие брал с крестьян деньги, эксплуатировал и ссорил разношерстных колонистов между собой. Донос одного из сельских старшин повел к тому, что Розов был выдворен путем полиции из Сухума. Что же касается статистических данных, цитируемых Розовым о бедности поселенцев на нашем побережье Черного моря, то нельзя не признать, что они верны, но все его выводы и объяснения причин, вызвавших неудачу колонизации, не совсем верны, и, что хуже всего в его поступке, это то, что сделано это с умыслом. Всю захудалость, большой процент смертности и вымирания он объясняет одной малярийностью местности совсем уж ложно, потому что указываемые им русские поселки за последнее время совсем оправились и прекрасно начинают устраиваться, а истинных причин и виновников бедствий, перенесенных переселенцами, не указывает. Вот и выходит по смыслу его статьи, что для переселенцев из внутренней России побережье Черного моря – мертвая полоса, что им здесь нет места, что для них удобнее селиться в Восточной Сибири, на северном полюсе… Вот логика г. Розова.

Нас глубоко удивило, что этим материалом и этой логикой воспользовалась одна из местных газет. Мы нашли во всем этом столько неправды и подтасовки истины, что не можем уже молчать об этом. В таких вопросах лучше вести дело начистоту, даже самая невинная тенденциозная ложь приводит часто к очень грустным недоразумениям и разладу там, где его не должно стать. Колонизация нашего побережья, ее прошлое и настоящее в своем месте будет предметом наших очерков, а теперь обратимся снова к г. Розову.

Статья его была прочитана крестьянами поселка Смекаловка близ Батума и произвела на них самое удручающее впечатление. После же того, как этим материалом воспользовалась одна из местных газет, деревня уже не стерпела и отправила своих ходоков в редакцию с заявлением, что она цитирует совсем уже ложно статистический материал Розова, что захудалость их деревни должна быть объяснена совсем иными причинами и пр., и пр. По отношению к Розову мужики раскаиваются, что были когда-то радушны с ним, угощали его, как доброго гостя.

Даже Молчанов, этот вездесущий корреспондент, и тот заслужил в Сухуме больше почета и уважения. Молчанов, по словам сухумцев, в своих корреспонденциях сделал серьезную попытку осветить должным образом условия их жизни и указал причины некоторых безобразных явлений на нашем побережье.

Однако нельзя простить г. Молчанову его петушиную заносчивость по отношению к туземцам, манеру третировать их свысока и игнорирование добрых сторон их жизни, достойной всяческого уважения.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №175

Абхазские письма
VI

Мы полагаем, что доводы нашей предыдущей статьи о счастливых условиях Сухума для возникновения здесь блестящего курорта никто не станет отрицать, если он только добросовестно изучил положение городка. Заезжие туристы-иностранцы, авторитетные в этом деле, приходили в восторг от очаровательного местоположения Сухума и его климатических преимуществ.

– Очистите только ваш берег от накопившегося мусора, результаты векового хозяйничанья турок, и вы обнаружите жемчужину

высокой цены, – говорили они. Посмотрим, однако, что представляет из себя в настоящее время Сухум и что горожане должны сделать для подъема его значения, как климатической станции, для увеличения его торговых и промышленных операций.

В настоящий момент более всего интересует обывателей Сухума вопрос о введении в нем городского общественного управления. Горожане ходатайствовали и теперь вполне уверены, что их ходатайство будет уважено властями, и ждут только окончательной санкции по этому вопросу из С.Петербурга.

Состав Сухумского городского управления будет заключаться из трех лиц: головы, его помощника и секретаря, в распоряжении которого будут находиться два писца. Выбор этих лиц должен быть произведен настолько удачно, чтобы их небольшой состав мог вполне соответствовать величине будущей управы. О синекуре и прочих прелестях не может быть и речи, если Сухум не хочет повторить ошибок города Поти. К чести обывателей Сухума выборы гласных решено произвести возможно осмотрительно; даже и теперь принимаются меры, чтобы в число их не попали лица с дурным прошлым, с сомнительной репутацией, с претензией эксплуатировать общественное доверие.

Для тех, кто не был в Сухуме, он покажется небольшим, с одноэтажными, в большинстве просторно раскинутыми среди зелени чистенькими домиками. Беленькие как снег и довольно удобные для жизни, они совсем не бьют на эффект. Широкие, хорошо шоссированные улицы все же не закончены, ожидают устройства подходящих тротуаров.

Со стороны моря физиономия Сухума хотя и прелестна, но не вызывает и сотой доли тех красот, которыми он может щегольнуть в будущем. Собор несравненно лучше батумского и потийского, но построен не на месте, и за другими зданиями совсем не виден с моря. Городской приморский бульвар совсем миниатюрен, плохо декорирован подходящей растительностью и на днях только обнесен довольно красивой оградой по инициативе нынешнего начальника округа. Полковник Бракер предлагает горожанам бульвар во всю длину городской набережной. Бульвар отрежет дом начальника округа от моря, соединится с приморской площадью, на которой все время сиротливо торчит захудалое здание казначейства и растет «свистун-чертополох», и дойдет посредством мостика чрез реку Беслетку до здания казарм.

Приморская площадь, которую пересечет бульвар, достаточно просторна для устройства театра – кургауза. Военный оркестр местного полка с каждым днем преуспевает, а поэтому все благоустройство и красота города будут зависеть всецело от разумной распорядительности и эстетических особенностей его городских заправил. Очень важно, чтобы эстетика этих господ действительно соответствовала задачам города.

И теперь в Сухуме вы все можете найти, но только не будьте особенно требовательны. Есть аптека, аптекарский склад, прекрасный военный лазарет, с моря кажущийся одним из лучших и красивейших зданий, прекрасный детский сад, в котором город в будущем устроит разные игры, гигантские шаги, в миниатюре, на манер Одессы. Есть и ботанический сад, теперь уже совсем не ботанический и не прекрасный, потому что в нем слишком скоропалительно вырубили большие деревья, дававшие публике во время исключительного зноя необходимую тень для прогулок. На срубленном месте торчат крохотные «кипарисы», первоначальному росту которых не мешали бы погибшие от топора довольно ценные деревья.

Городу во что бы то ни стало должно вернуть этот сад в свою собственность, потому что прежде он принадлежал ему, и только года три тому назад был передан бывшим начальником округа в распоряжение министерства государственных имуществ.

8 десятин земли этого сада, примыкающие почти к самому центру города, на возвышенной и самой здоровой местности – драгоценны для горожан. Этот сад может послужить в будущем прекрасным местом хотя бы, например, для гимназии и гимназии незаурядной, а имеющей свое исключительное, специальное значение.

Обыватели Сухума должны памятовать, что раз явилась инициатива построить гимназию в Ялте с целью дать в ней приют и возможность учиться слабогрудым детям всей России (при гимназии возможно иметь обширный дом, приспособленный прекрасно для общежития учеников), то такая же идея может быть еще успешнее применена к Сухуму.

Министерство государственных имуществ, в распоряжении которого находится оспариваемый городом сад, может быть само откажется от преследования неблагодарной цели конкурировать, и так неудачно, в акклиматизации растений в Сухуме с такими любителями и знатоками этого дела как сенатор Татаринов и др., и возьмется за созидание в Сухуме чего-нибудь целесообразного. Тогда горожа-

не отступятся от своих прав на оспариваемый так называемый «Ботанический сад».

Есть в Сухуме и магазины, но невзрачные и по ценам и по своей внешности; им следовало бы во многом измениться на манер батумских. Тут же вы встретите кое-что и похуже этого – длинный ряд грязных духанов, расположенных частью на одной из самых видных улиц, частью лицом к приморскому бульвару. Их следовало бы много и много пообчистить, чтобы не шокировали и они всех и вся пьяной, неопрятной и грубо бушующей толпой. И, в особенности, следовало избавить от всего этого бульвар, показную часть города, против которого производится высадка пассажиров с парохода. Этой частью каждый приморский город старается щегольнуть за исключением только Сухума. В прошлом здесь некому было об этом позаботиться, а поэтому на приморском бульваре, на месте, где должны были вырасти если не дворцы, то возможно щегольские, двух и трехэтажные гостиницы, с блестящими внизу магазинами и удобными тротуарами, мы видим духаны, под кличкой «коммерческая кофейня», притом разных оборванцев или, что безобразнее и опаснее всего, – «лесные склады» досок, бревен, одним словом, всего того, что и некрасиво и в одно прекрасное утро может превратить эту часть города в ужасный факел. Нужно слышать грохот, какой поднимают часто эксплуататоры и продавцы всего этого горючего материала, когда его подвозят на арбах возчики. По ночам они точно по уговору пугают этим обывателя. Грохот сбрасываемых деревянных клепок может разбудить даже и мертвых.

Запрещение и уничтожение всех этих безобразий, а также и торговля на набережной рыбой, разложение которой угощает «некоторыми запахами» (и что может преблагополучно быть переведено на более соответствующее место в городе) поведет к тому, что сухумский бульвар во всю предполагаемую длину застроится прекрасными зданиями, гостиницами, магазинами, тротуарами. Наезжая публика оплатит все эти затраты. Владельцы здешних духанов и пустопорожних мест, не имея уже возможности жить этими «прелестями», поищут себе необходимые капиталы на постройку более соответствующих для бульвара зданий, а в крайности продадут свои места другим, более состоятельным лицам, от чего много выиграют.

Как и всякий город, претендующий на курорт, Сухум должен «урегулировать» цены стоимости жизни в гостиницах и эксплуатировать такие доходные статьи, как «кургауз», морские купальни и серно-щелочные ванны. Серный источник, который еще не исследо-

ван, находится в 4-х верстах от города, целебность его для известных болезней неоспоримо привлечет много больных. Хорошо устроенные морские купальни и ванны произведут эффект, так как морская вода в Сухуме обладает несравненно большим процентом щелочей, чем в других местах на Черном море. Сухумские зимы, позволяющие в пору «крещенских морозов» щеголять здесь полетнему и цвести розам во всей своей прелести будут магнитом не для одних только больных, лишь бы увеселения «кургауза» – музыка, театр, концерты соответствовали и несколько избалованному вкусу.

Состав жителей города следующий:

Коренное население:	
а) мужского пола	612
б) женского пола	311
Пришлое население:	
а) мужского пола	1842
б) женского пола	720
Всего	3485

Пользоваться правом избирательного голоса в гласные думы будут только 253 обывателя. Они разделяются по происхождению так:

Мингрельцев	103
Русских	69
Греков	42
Армян	9
Имеретин	7
Поляков	6
Грузин	5
Немцев	2
Евреев	1
Абхазцев только	7

Я намеренно сообщаю эту таблицу: она лучше всего рекомендует, какие характерные особенности преобладают среди жителей Сухума, и что от него поэтому можно ожидать.

Греки живут здесь замкнутой, малообщительной жизнью и поглощены всецело личными интересами.

Мингрельцы очень общительный и милый в обращении народ, но только в деле наживы «пальца в рот им не клади»... В последнем они, как и армяне в Тифлисе, не терпят соперников. Законным или незаконным путем они добиваются цели обогащения – их это мало

занимает. Эксплуатация абхазцев, их земель, ценной пальмы и других земельных пород может служить лучшей иллюстрацией деятельности торговцев – мингрельцев, но только для этого нужно знать всю грандиозность этих «афер».

Но все эти эстетические особенности не могут искупить «каверзной» натуры мингрельца, способного к измышлению разных «афер»: нужны специальные законы, как и против злостного ростовщичества, чтобы защитить простодушных, доверчивых абхазцев-самурзаканцев от самой бессовестной эксплуатации. Теперь уже несколько поздно; мингрельцы – «дельцы» уже все взяли, что можно было взять безнаказанно от абхазцев, но все же нужно оберегать и остальное их достояние, чтобы не создать обезземеленных абхазских дворян, а насколько опасен «дворянский пролетариат» – это уже известно на практике.

Характеризовать остальные элементы сухумского общества считаю излишним, они слишком общеизвестны.

Главное занятие здешних жителей – торговля и промыслы, и вся механика этих операций сводится на обмен разного фабричного брака, привозимого из Одессы, на произведения абхазских полей – кукурузы. Бакалейных лавок здесь – 9, мануфактурных – 12, мелочных – 32, рейнсковых погребов – 20, кофеен, трактиров и духанов, которые занимают самую аристократическую часть города – около 40, и это на 470 зданий города!

Денежные средства города, его доходные статьи заключаются в следующем.

За исключением 234 десятин земли, занятых под «санитарными» участками, 300 десятин, находящихся под поселением вольных матросов, 50 десятин переданных в пользование «горской школы», у города остается 3.458 десятин, отдаваемых в аренду частным лицам.

Кроме того он имеет:		
Неприкосновенного капитала с %		161 р. 30 к.
Запасного капитала		6678 р. 43 к.
Накопившихся на них %%		1435 р. 45 к.
Оставшиеся от вознаграждения жителей г. Сухума, за имущественные потери во время минувшей войны		1592 р. 85 к.
На них %		224 р. 82 к.
½ коп. сбора с привозимых и вывозимых товаров		5015 р. 62 к.
	Итого:	15168 р. 46 к.

За городом числится долга	
Сухум. Собору	5883 р. 95 к.
Текущие средства города:	
По городской росписи	
на 1893 г. исчислено:	
Доходов	22317 р. 20 к.
Расходов	21497 р. 89 к.
Расход, исчисленный	
на содержание полицейского	
управления в	4735 р.
Принять полностью на	
счет казны и эта льгота для	
города, ради возможностей	
применить в Сухуме новое	
городское общественное	
управление, будет распространена	
на шесть лет.	
На будущее городовое	
общественное управление	
в Сухуме, исчислен расход	
в следующем размере:	
Городскому голове	1500 р.
Его помощнику	900 р.
Секретарю	900 р.
2 писцам	660 р.
2 рассыльным	360 р.
Канцелярские расходы	240 р.
На наем помещения для	
городской думы, отопление	
и освещение	500 р.
Итого:	4610 р.

(Господа потийцы, обратите на эту смету свое внимание и поучайтесь, как должно экономничать, чтобы, расходуясь по средствам, не прозакладывать и не запродать, как сделали вы, участь города – разным проходимцам).

Три месяца тому назад, вычислив все указанные нами ресурсы г. Сухума, начальник округа просил ходатайства губернатора о введении в Сухуме нового городового общественного управления, так как

окружное присутствие после всестороннего обсуждения этого вопроса признало вполне возможным внести его в полном объеме.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №180

Абхазские письма
VII

Так как будущая сила и рост древнего «Диоскурия» (Сухум) зависит от культурных успехов его округа, то взглянем теперь на мертвое богатство Сухумского округа, на нашу Швейцарию, на причины застоя ее производительных сил; посмотрим, что нами сделано за прошлые и настоящие годы ее оживления.

Сухумский округ занимает площадь 7.269 квадратных верст. По климатическим, почвенным и топографическим особенностям он делится на две части: на нагорную – малокультурную, и низменную – доступную для самой высокой культуры.

Первая из них – горная полоса – занимает несравненно большую площадь, чем вторая, и расположена на южных отрогах Главного Кавказского хребта, опускающихся гигантскими складками к Черному морю, сплошь покрытых курчавым лесом, с умеренным климатом. Хотя эти высоты официально признаны малокультурными, но плуг пахаря найдет здесь много мест, которые прекрасно вознаградят его труд. Вся нагорная полоса принадлежит казне. Самая высокая часть этой полосы – 7 тысяч футов над уровнем моря – представляет границу лесов и начало альпийских лугов. Какое изобилие здесь пастбищ, какие грандиозные виды, озера, кишмя кишащие рыбой, даже не нанесенные на карту, какие пахучие травы для мелкого скота, который пасется здесь в летние месяцы. И этим богатым промыслом завладели многие мингрельцы, и здесь, на такой высоте, абхазцы уже оттиснуты ими вниз на юго-запад. Ниже альпийских лугов идут леса. Лес этот представляет непролазную в большинстве чащу, даже и на кручах гор. Плети колючего шиповника вертикально струнами натянуты до 7 сажень высоты, целой сетью уснащают громадные деревья, превращая их кудрявую листву в какой-то причудливой формы колтун. Есть места, куда еще не ступала нога человеческая. Гигантские сосны, буки, глядя на которые шапка валится, вековые дубы, каштаны, широковетвистый волошский орех, густая как щетина кавказская пальма и др. породы как залежалый товар –

все это от времени валится, гниет и в иных местах вместе с застоявшейся влагой порождает мириады микроорганизмов, способных заразить человека злокачественной лихорадкой.

Горные речки, полные форели, с быстротою курьерского поезда несутся к морю. Есть удальцы, которые и теперь, даже при совершенной неприспособленности их для сплава рискуют, с головокружительной быстротой, на маленьком челноке доплыть до моря.

Вся эта горная полоса с альпийскими лугами и поросшая гигантским и очень ценным лесом принадлежит, повторяю, казне и нужно сожалеть, что для правильной эксплуатации этих лесных богатств (мачтовый и поделочный лес) пока ничего еще не сделано. Нет удобных дорог в те центры леса, которые назначены к эксплуатации и колонизации, нет просек, не расчищены для сплава горные речки, хотя все это с лихвою окупило бы затраты казны, конечно, только при надлежащем контроле со стороны правительства.

Вот что нам известно из официальных источников о доходности этих казенных земель три года тому назад в момент передачи их из военно-народного управления в распоряжение министерства государственных имуществ.

Более полумиллиона десятин чрезвычайно ценного леса не давало и не дает по настоящее время никакого дохода. 145 тысяч десятин прекраснейших пастбищ приносило только 700 рублей дохода в год.

После передачи этих земель министерству государственных имуществ, несмотря на отсутствие правильной эксплуатации, доход, как нам сообщали, сразу поднялся. Нам известно, что министерство государственных имуществ уже разрабатывает намеченные нами насущные вопросы для этой полосы Сухумского округа и может быть в скором будущем и выполнит хотя бы часть своих задач.

А теперь скажем несколько слов о культурной населенной полосе Сухумского округа, которая занимает всю низменную часть абхазского побережья Черного моря от р. Ингур до г. Гагры. Это полоса довольно узка и только в Самурзаканском участке достигает ширины 25 верст, в Гаграх она постепенно суживается и заканчивается клином. Полоса эта изборождена поперек массой горных речек, тоже быстрых во время таяния снегов. В период же усиленных дождей эти речки вздуваются и, разливаясь очень широко, пробивают нередко для себя новые русла, благодаря чему исчезает много посевных полей.

Перемена русла, например, реки Кодора в своем устье в последний год разорила многих помещиков и крестьян. Пустая сравнительно затрата на укрепление в некоторых местах берегов этих речек могла бы предотвратить разрушающее действие их во время половодья, но абхазцы, к несчастью, не обладают необходимыми знаниями, запасом денег, а главное, – у них нет необходимого единения, а без инициативы местного начальства они бессильны приступить к этого рода общественным работам. Такие же общественные работы должны быть предприняты администрацией и для оздоровления местности.

Каждая горная речка при впадении в море ведет с ним ожесточенную борьбу. Волны моря забрасывают устье песком и гравием, образуя так называемые «бары». Маленькие речушки, не будучи в состоянии пробить для себя русла чрез них, разливаются и застаивают у самого моря массу воды, представляющую из себя гниющие болота, поросшие лесом, кустарником и папоротником. Вот эти-то болота и есть настоящие очаги лихорадок. В таких антисанитарных условиях находятся: с. Гудава, Репи, Илори, Очемчиры, Бамборская поляна и Пицунда. Улучшения санитарных условий в этих пунктах путем правильного дренажа местности необходимо выполнить возможно скорей.

Средняя температура низменного абхазского побережья почти та же, что и в Сухуме, но жизнь не везде так здорова как в этом пункте. Благодаря разливу горных рек эта полоса представляет повсюду богатую аллювиальную довольно рыхлую почву, доступную самой высокой культуре. Но здесь поражают внимание наблюдателя те же недостатки в путях сообщения, как и в нагорной полосе, для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Нет шоссированных дорог, и обыкновенные дороги на глинистой почве по причине проливных дождей совсем почти не допускают доставку продуктов к морским пристаням. Благодаря этому производительность этой чреватой почвы не приносит и десятой доли того, что может она дать сельскому хозяину при ведении интенсивного хозяйства. Традиционные способы обработки почвы эпохи золотого руна практикуются и доныне: колонизация свободных земель среди абхазцев не заставила аборигенов страны взяться за ум и на легальной почве мирно конкурировать с пришельцами (этому помогут разве только сельскохозяйственные школы), напротив, неудачная колонизация вызвала ненависть к «новшеству» и к колонистам, отчего избавится разве только будущее поколение абхазцев. И вот как результат этого мы видим, что 21 тысяча десятин самой почти чреватой почвы, что за-

нимают колонисты в округе, ничем почти существенно отрадным не отличается от абхазской культуры земли: все та же кукуруза выручает их во всем, пропитывает и служит на уплату налогов, да еще есть табак, которым здесь занимаются только колонисты из малоазиатских армян и греков. Те из администраторов, которые предполагали, что эти малоазиатские табаководы явятся учителями своего дела для абхазцев и русских, глубоко ошиблись: перенимать искусство культивировать это «чертово зелье» никто от них не хочет, да и не может конкурировать с такого рода учителями, как эти малообщительные выходцы, превратившие табаководство в округе в свою исключительную монополию. В продолжении целого десятилетия они хищнически истощают табаком почву нашего побережья и доведут ее до полной негодности под посевы других культур.

Нужно видеть как алчно налетели на наше побережье целые тучи этих непрошенных представителей хищнического хозяйства, как они спешат высосать плодородную почву и превратить ее в пустырь, как сильно им в этом помогают греческие представители различных табачных фабрик, давая им по 50, по 100 р. вперед неимущим на аренду земли и первоначальные обзаведения, выгадывая из этого для себя львиные барыши. «Куйте железо, пока горячо!», – говорят они своим землякам. Когда эта земелька истощится, тогда уезжают на далекую родину с полными карманами богатства, которое при иных условиях служило бы постоянным довольством для абхазской страны и их будущего поколения.

Мы не настолько наивны, чтобы верить словам этих малоазиатских выходцев, что они культивируют заросли, «новь», и этим увеличивают количество обработанной земли в округе. В высшей степени эгоистические наклонности, обособленная жизнь этих людей, их нравы, обычаи и даже отвратительный способ облекать себя в разноцветное лохмотье – положительно чуждо, антипатично и отталкивающим образом действует и на абхазцев и на русских.

Нам известно, что министерство государственных имуществ уже заметило вредный характер такой эксплуатации земли и сделало свои распоряжения в Сухумском и Черноморском округах. Но, как видит читатель, эти распоряжения мало действуют.

Среди колонии «греков» нет ни одного такого, в котором не было бы до 30 семейств турецких подданных.

Насколько эти малоазиатские выходцы чужды общегосударственным интересам, можно судить уже из того, что облагодетельствованные из них колонисты, которым дали в собственность по 30 десятин земли на душу, наживаясь, куда-то улетучиваются, замещая на свои места земляков, а поэтому, несмотря на десятилетнюю и

более давность существования этих колоний, ни один из них не говорит ни на русском и ни на одном из местных наречий.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №184

Абхазские письма
VII
(Продолжение)

Мингрельцы, как элемент колонизации в Абхазии, тоже носят в себе отрицательные свойства. Все средства отучить абхазцев от традиционного порока – «воровства рабочего скота» – по нашему мнению, безуспешны только потому, что поселенцы из мингрельцев практикуют «воровство» еще в больших размерах и еще менее исправимы, чем абхазцы. Подбавляя такую закваску среди абхазцев, мы создаем сами заколдованный круг для администрации, поставленную этим в совершенную невозможность успешно бороться с порочными членами абхазских общин, способных довести мирного землепашца путем воровства до окончательного обнищания.

Кроме того, мингрельцы систематично, с ловкостью только им присущею, захватывают у абхазцев путем разных «каверз» земли в свои элегантные ручки и, говоря фигурально, «засасывают» абхазцев.

Торжествующие мингрельские духанщики и торгаши, начиная с Очемчир, Сухума, Гудауты и кончая Гаграми, – являются повсеместно на побережье монополистами торговли, передовым авангардом поступательного движения Мингрелии, засасывающей в настоящее время, незаметным образом для поверхностного наблюдателя, абхазцев в свою многогрешную утробу, но это засасывание абхазцев производится ими вежливо, галантно и даже с приятностью. Князья и дворяне Мингрелии женятся на абхазских княжнах и ни в каком случае не отказываются от их приданного – земель в Абхазии. Такого приращения земель путем браков, суровые абхазцы проделать не могут, и если получат приданное за женой из Мингрелии, то чаще всего не землей, а чем-нибудь другим. В галантности общения, так нравящейся женщинам, абхазцы конкурировать с мингрельцами не

могут, хотя и их вежливость могла бы послужить для россиян образцом, достойным подражания.

Самым могучим орудием для засасывания абхазцев мингрельцами служит традиционное презрение абхазцев к торгашеству и антипатия их к городской жизни. В Сухуме, в Поти, в Очемчирах и Гудаутах нет до настоящего времени ни одного дома, принадлежащего абхазцу: они предпочитают жить хуторской жизнью вдали от греха и соблазна современной цивилизации. Мингрельцы после войны этим пользуются в самых широких размерах; они заполонили собою все вышеуказанные городские поселения, чуть ли не каждый открыл там лавочку, духан или склад для кукурузы, и скупают ее у абхазцев (страдающих, к слову сказать, хроническим безденежьем) в обмен на товары их дешевой лавчонки, всевозможного галантерейного и мануфактурного брака, доставленного из Одессы. Торгаши властно диктуют цены на кукурузу, единственный продукт земли, доставляемый абхазским селянином на рынок. Последний и не подозревает, что чумазый, в образе приятного во всех отношениях торговца-мингрельца и неприятного армянина, уже давно как «домовой» хозяйничает у него в закромах и на пашне. А между тем, до последней войны Колупаевы и Разуваевы обеих этих народностей не осмеливались и носа показать на абхазское побережье.

Торгаш-мингрелец, как только он пускается во все нелегкие своего изворотливого и изобретательного на всевозможные каверзы ума, в образе «чумазого» страшнее и зловреднее всех наших Тит Титычей, но симпатичнее «Ахметки», фигурирующего в «Хаджи-Мурате». Насколько абхазцы поддаются влиянию мингрельцев, лучшей иллюстрацией служит та часть Абхазии, которая теперь носит название «Самурзакань». Эта часть граничит по р. Ингуру с Мингрелией и подвергалась все время ее воздействию. Вот что вышло из этого. Абхазцы Самурзакани не говорят уже на своем родном языке, не говорят ни по-грузински, ни по-русски, а по-мингрельски, на языке, который не имеет письменности, своей печатной азбуки. Нравы там тоже подверглись сильному изменению и дурно отозвались на сословных отношениях дворян к крестьянам. Последним туго, очень туго пришлось оттого, что абхазские князья и дворяне Кодорского ущелья и Самурзакани стали усваивать высокомерное обращение, какое практикует искони дворянство Мингрелии к своим крестьянам.

Хуже же всего, что абхазское дворянство старается забыть, что оно принадлежит к горским племенам, и стало выдавать привилеги-

рованные аграрные преимущества мингрельских дворян за свои. Будущее поколение крестьянства Абхазии не скажет им за это спасибо.

Чтобы понять, насколько грандиозно обезземеливание дворян, нужно знать, что из 50 тысяч десятин, отмежеванных самурзаканским дворянам в Гумистинском участке, в руки мингрельских дельцов перешло не менее трех четвертей.

Всмотритесь в историческое прошлое несчастной маленькой Абхазии, на ту роковую роль, которую играла в ее злосчастной судьбе коварно – интригующая Мингрелия, и тогда вы выясните себе, кто и в какой степени был истинным виновником всех пережитых абхазцами бедствий.

Но мы бессильны открыть таинственную завесу прошлых событий на нашем побережье, а поэтому постараемся ограничиться задачей более скромной.

Читатель должен знать, что несмотря на сходство обычаев, обрядностей, нравы Мингрелии и Абхазии, по существу, очень различны: каждая их этих народностей имеет свои догматы нравственности. Абхазцу присущи добродетели и недостатки горцев, и если эти добродетели за последнее время изменили свои высокие качества, то только благодаря воздействию мингрельцев, которые после турецкой войны запрудили Абхазию своими духанами и просвещали их вдоволь и беспрепятственно теми доктринами мудрости, которые должна знать «наивная муха», находящаяся поблизости «паука» и его ловко раскинутой паутины.

Только некоторые единичные личности из абхазцев поняли вкус этой науки, и сами стали практиковать ее, но, к сожалению, не на своих учителях (до этого еще никто не додумался), а на своем же брате – абхазце. Но таких «калеченных, порочных» абхазцев, повторяю, только одна горсточка, да и та не обладает той неумолимой устойчивостью к запутавшейся в его тенетах жертве, какою отличается мингрелец.

Мне совсем недавно пришлось наблюдать случай, как один из абхазцев, в сеточку которого попалась слишком доверчивая жертва, положительно переполошился, когда некоторые из влиятельных князей обратились к его великодушию и благородству. Абхазец был из дворян. Он немедленно разорвал контракт, хотя и лишался при этом 200 десятин очень ценной, при самом море, земли.

Мингрелец при каждой удачно совершенной каверзе радуется ей как дитя и «бахвалится» этим среди односельцев, точно совершил подвиг, рекомендующий его высокий ум, силу, достойную удивления и подражания. И, действительно, в производстве каверз мингрельцы соперничают друг с другом. В таких подвигах хитрость и ум мингрельца поразительные. Измышляя ловкую проделку, он над ней изощряет все свои интеллектуальные силы, – лишь бы она вышла почище, чем подвиг соседа. Каверзное бахвальство и все свои фокусы они применяют не только в деле коммерции, в промышленности, но и во всем.

Иностранцы боятся их коварства и открещиваются от них в тех случаях, когда это возможно. Даже рабочая и крестьянская сила заражена этой нравственной порчей, а поэтому применять ко всему этому принцип «Laissez faire laisser passer» даже уже никак нельзя, – необходимы соответствующие меры и узаконения, потому что в этом случае не играет роль таинственное свойство человека передавать потомству свой тип, – а просто «умственный разврат», если позволят нам так выразиться. Благодаря этой напускной порче, в Гурии сложилась поговорка: «Ты поступил как мингрелец!».

Эти противообщественные инстинкты разорили многих дворян в самой Мингрелии (многие из них поплатились всем своим достоянием), подорвали успешность дела лесопромышленника Сибирякова, были косвенной причиной банкротства нескольких французских и бельгийских кампаний по эксплуатации леса, и являются основной причиной, почему богатая Колхида чужда теперь частных предприятий русских и иностранных капиталистов, которые могли бы обеспечить государству задачу оживить, заселить и культивировать потийские трясины и болотистые заросли.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №186

Абхазские письма
VII
(Продолжение)

Хуже всего пришлось той ничтожной части колонизации абхазского побережья, которая составилась из русских переселенцев

внутренних губерний, пережитые невзгоды которых так извратил «самоназванный путешественник» Розов.

Нужно знать, что население Сухумского округа равняется 77 тыс. душ. В число их входит 63.822 души абхазцев. На долю колонистов приходится цифра 5.313 душ, и занимают они, как нами было уже сказано, 21 тыс. десятин земли. Из этого числа разношерстной колонизации русских, по преимуществу хохлов, всего только 800 душ, а поэтому за наделением их 10 десятин на дым, вся оставшаяся земля, отмежеванная от провинившихся в последнюю войну абхазцев, перешла в собственность: греков (2.192 души), мингрельцев (1.472 души), армян (698 души) немцев и эстов (875 душ).

Тифлисской газете должно быть неизвестно, что в силу высочайшего указа «Абжаквинская дача» в 40 тысяч десятин, лежащая рядом с Сухумом, была предназначена исключительно для поселения безземельных крестьян из внутренних губерний, а между тем вся эта дача роздана мингрельцам, грекам, армянам, немцам и одному лишь «российскому безземельному пахарю» не далось из нее ни клочка.

Оказывается, значит, что вопреки «причитаниям» этой газеты, русских выходцев, как она обманывает исстрадавшегося, полузамученного известным «мыканием» мужика-переселенца, на сухумском побережье меньше всего, и факты доказывают, что их наделы меньше по величине, хуже по качеству и находятся не в таких здоровых местах, как земли других колонистов. Для грека и армянина все невзгоды выкупаются табаком и поддержкой своих капиталистов; эти «богатеи» могут все купить и подкупить.

Мингрельцев абхазские конокрады своим воровством не разоряют, они сами способны других обидеть, немцы и эсты имеют преимущества жить в двух верстах от Сухума, сбывая самым выгодным образом продукты своего хозяйства, значит одному русскому «мужичонке», как бедному Макару, и здесь тошнее всего пришлось. Одна только деревня Владимировка сносно живет, а остальные деревушки: Бакланка, Черниговка, Полтавская страдают и оттого, что их усадьбы поместили в самых нездоровых, лихорадочных низинах и ущельях, страдают и от бездорожья, и от беспомощности в борьбе со скотокрадством мингрельцев и абхазцев. Кроме того, их страшно тяготят казенные долги: за 37 семействами селения Полтавского числится, например, казенного долга за ссуду в первые годы переселения мукой – до 4 тыс. рублей, за шесть лет пребывания в своей

горной трущобе, при глинистой, совсем малоплодородной почве, малярийности ущелья, разоряемые скотокрадами, медведями и кабанами – любителями их посевов, и соседями – греческими колонистами с. Ольгинского (получившими до 30 десятин надела), все время ухитрявшихся с помощью разных каверз пользоваться 150 десятинами их лучшей земли, и в довершении всего вырубивших на их участках для своих надобностей лучший строевой лес (оставляя свой про запас) – селение Полтавское никогда при таких условиях и не оправится. Может ли эта деревня с 37 обнищавшими донельзя семьями уплатить 4 тыс. рублей ссуды? Во всей этой деревне имеется всего 3 лошади, и те принадлежат кулаку этой несчастной деревушки. В довершение всего, этому кулаку (Вороной) удалось, вместе с другой силой, которая совсем уже не по плечу крестьянину, завладеть в свою выгоду той помощью, которую пожелал оказать «полтавцам» бывший начальник края князь Дундуков-Корсаков, приказавший дозволить «полтавцам» вырубить и продать 9 тыс. пудов пальмы из отведенного в их пользование леса. «Эта пальма», как выразился начальник края, «предназначалась на уплату их долга казне за ссуду мукой». Случилось же так, что вместо 9 тыс. пудов в их лесу вырубили 70 тысяч пудов (пуд пальмы продавался в Сухуме по 1 р. 20 к.) и из всего этого богатства, уплывшего в Англию, на долю «полтавцев» не досталось ни одного рубля в уплату их долга, в чем даже сама казна была заинтересована.

В другой раз в своих очерках я более обстоятельно охарактеризую колонизацию нашего побережья, а теперь очередь ответить местной газете, затронувшей этот печальный вопрос тенденциозным криком: «Довольно!»

Наше мнение, что на свободные земли в Абхазии из чувства справедливости могут претендовать только абхазцы, но никак не протежируемые «газетой» мингрельцы, которые в пору независимости Абхазии не смели и ноги поставить чрез пограничную между ними р. Ингур.

Поселять же среди абхазцев ради общегосударственных и культурных целей следует только таких пахарей-колонистов, которые могут быть всего менее вредными для экономического благосостояния абхазцев в будущем.

Самой настоящей миссией России среди абхазцев может быть только та, которая стремится изменить их быт, нравы, привычки, наклонности в таком направлении, чтобы они соответствовали в бу-

дущем наибольшей сумме социального и индивидуального счастья, т.е. в стремлении сделать абхазца физически более сильным, нравственно более совершенным и умственно более развитым...

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №187

Абхазские письма

IX

Месяц тому назад, во время проезда через Сухум комиссии, назначенной для осмотра шоссейных работ генерала Анненкова между Новороссийском и Новым Афоном, благодаря любезности заведующих технической частью этих работ, военного инженера, штабс-капитана Гофмана, сопровождавшего комиссию, является возможным сообщить для интересующихся следующие сведения о положении и количестве выполненных работ на этом, пока еще не оконченном шоссе. Свои сообщения я начну с участков, расположенных от Нового Афона к Новороссийску.

От Нового Афона до Белой речки – 24 версты. Местечко Гудауты находится среди этих двух пунктов. Земляные работы, искусственные сооружения (мосты, трубы, лотки и пр.) и шоссировка на всем этом пространстве закончена, за исключением только второй укатки шоссе железным катком. Откосы на плавучем грунте надолго обеспечены от сплывов. Моста нет только через реку Бакланку, переправа чрез нее производится на пароме.

От р.Бзыби до Гагр – 20 верст; земляные и мостовые работы и заготовка щебня вполне закончены. Рассыпан щебень только на 9 верстах. Мосты имеют устои по преимуществу каменные. Трубы, за исключением десяти, каменные и бетонные.

От Гагр до реки Хошупсе – 15 верст. На этом пространстве произведены крупные и дорого стоившие работы, которые обошлись приблизительно около 400 тысяч рублей. Высота откосов скальной выемки доходила до 25 сажень. Необходимо было устроить на большом протяжении подпорные трубы. На дороговизну и трудность работ влияла также и глубина оврагов, благодаря которым нужно было давать большую величину отверстиям мостов, не ставя промежуточных быков. На этом участке все работы закончены.

От Хошупсе до Сочи – 48 верст. Земляные работы выполнены полностью, мостовые же сооружения закончены только начиная с р.

Хошупсе до р. Кудепсты – 24 версты и от р.Агуры до Сочи – 12 верст. На остальном пространстве, кроме мелких мостов, находятся в работе 4 больших моста чрез реки: Хоста, Кудепста, Мацеста и Хошупсе. Через реку Мацесту мост строится на каменных опорах, а чрез р. Хошупсе – деревянный, с отверстием в 35 сажень; последний в половине ноября будет окончен. Не будет только мостов чрез две большие реки: Мзымта и Псоу; на первой из них имеется паром, на второй его нет, но предполагается поставить. Щебень заготовлен на пространстве 34 верст, но рассыпка его еще не начата. Для остальных 14 верст производится подвоз камня для щебня.

Имеющееся шоссе от Сочи до Туапсе построено несколько лет тому назад инженерами путей сообщения и находится далеко не в законченном виде; мостов нет, прошоссирована была только третья часть дороги, да и то во время дождей представляет очень плачевное зрелище.

Дальнейшие шоссейные работы генерала Анненкова находятся между посадом Туапсе и Новороссийском.

От п.Туапсе до с. Джубгы – 80 верст. Земляные работы все выполнены. На двух перевалах были произведены очень крупные скальные работы пространством до 28 верст. Производство скальных выемок представляло большие затруднения и расходы, вследствие сплошного скалистого строения грунта, хотя не требовали затрат на производство подпорных стенок, какие сделаны в Гаграх, но обошлось здесь дороже первых. Мостовые сооружения на протяжении 65 верст закончены, а на остальном 15-верстовом расстоянии находятся в работе. К числу незаконченных работ должно отнести мосты чрез три больших реки: Ту, Ничепсуго и Тенгинка. Не будут сделаны мосты только чрез две реки: Небуг и Огай; взамен мостов будет улучшена переправа чрез них вброд, для чего на дне реки, в местах брода, будут укреплены деревянные лотки, обеспечивающие русла рек от подмыва. Щебень заготовлен на 40 верстах, но не рассыпан; на десяти местах производится подвозка камня и его разбивка на щебень, а на остальном тридцативерстном пространстве шоссировка не требуется, потому что дорога проходит по скалистому грунту.

От Джубги до Новороссийска – 120 верст. Производство шоссейных работ на этом пространстве не входило в первоначальную задачу генерала Анненкова, которому было отпущено два миллиона рублей только на устройство шоссе от с.Джубгы до Туапсе и от посада Сочи до Нового Афона. Но, чтобы облегчить положение работ

для «голодающих», явившихся на Черноморское побережье в плохой одежонке, наполовину без обуви и в положении сильнейшего изнурения, генерал нашел нужным с особого разрешения начать шоссейные работы также и с Новороссийска к Джубге. Работы на этом расстоянии были произведены на следующих участках:

1) По обе стороны д. Вуланки, на протяжении 6-ти верст сделаны все работы по устройству полотна, искусственных сооружений и шоссировки.

2) Спуск с Пшадского перевала и участок в д. Пшад – 5,5 верст. На этом пространстве произведены очень крупные земляные работы, построены все мосты и трубы, на 4 верстах заготовлен щебень, и половина его уже рассыпана, на остальные же полторы версты ведется заготовка камня и щебня для шоссировки.

3) На Михайловском перевале, на протяжении 7 верст, закончены тоже очень крупные земляные работы; все мосты на расстоянии 5-ти верст построены на каменных устоях, за исключением 4-х, построенных на деревянных устоях; каменные и цементированные трубы тоже все закончены. На остальных 2-х верстах производится постройка мостов и укладка цементированных труб. К шоссировке на Михайловском перевале только недавно приступили, сделана заготовка щебня на 2-х верстах, на остальном пространстве производится подвозка камня для битья на щебень.

На Пшадском и Михайловском перевалах приняты необходимые меры для обеспечения сплыва откосов глинистого грунта.

Преимущество нового пути, сделанного генералом Анненковым чрез Михайловский перевал над старым, местами только шоссированным, заключается, как объясняет штабс-капитан Гофман, в том, что высшая точка новой дороги на перевале находится на 30 с лишком сажень ниже высшей точки прежней дороги. Кроме того, при подъеме на перевал и спуске с него старая дорога делает такие частые спуски и подъемы, увеличивающие длину и неудобства пути, что окрестные жители зимой и осенью во время дождей принуждены были при провозе груза в Новороссийск брать его с собою не более 10 пудов.

На следующих 2½ верстах, находящихся непосредственно за Михайловским перевалом к Новороссийску, шоссейных работ не производилось, а поэтому для проезда служит прежняя узенькая и грязная грунтовая дорога. В интересах окрестного населения было бы желательно, чтобы генерал Анненков разработал под шоссе и этот небольшой участок.

От только что упомянутого грязного участка до Геленджика – 15 верст. На этом пространстве земляные работы и искусственные сооружения покончены. Мосты все на каменных устоях с железными балками, за исключением двух, которые построены на деревянных устоях. Трубы каменные или цементированные. На 6 верстах щебень заготовлен и на одной из этих верст он рассыпан и укатан. Для дальнейшей шоссировки этого участка производится ломка и вывозка камня.

От Геленджика до Новороссийска – 38 верст. Шоссейные работы на этом пространстве все закончены, за исключением трех верст около Новороссийска, на которых, вследствие порчи, вызванной движением подвод с камнем для цементного завода, производится добавочная шоссировка и укатка шоссе. Все мосты сделаны на каменных устоях с железными балками, трубы тоже все каменные или цементированные.

Нам остается добавить, что если исключить из 120-ти верстного расстояния между Новороссийском и Джубгой 71½ версту шоссированных участков, разрабатываемых генералом Анненковым, то остается значительный промежуток 48½ версты, по которому приходится проезжать то долиной, то по наезженной целине, то по грунтовой дороге, разработанной местной администрацией. На этой грунтовой дороге (местами на ней имеются мосты, местами реки приходится проезжать вброд) по долине и на холмистых местах проезд удобен, но зато очень затруднителен по руслу рек…

За текущий год в печати не появлялось сведений о положении работ по постройке сухумо-новороссийского шоссе, за исключением разве коротенькой заметки, помещенной в одной из кавказских газет, в которой отрицается существование каких бы то ни было шоссейных работ генерала Анненкова на нашем побережье. «Шоссейные работы генерала Анненкова, – говорит корреспондент, – один миф!..».

Мы не беремся объяснить, чем руководствовался автор корреспонденции, изобретая фразу, лишенную всякого смысла, но грустно за результаты подобных сообщений: ком бесцельно брошенной грязи не только не поможет делу скорейшего окончания шоссе, в котором так сильно заинтересованы Сухумский и Черноморский округа, но, подрывая в обществе без достаточных оснований доверие к производителям работ, оскорбляя, а потому расхолаживая их добрые намерения, вызывает только нежелательные осложнения самого дела.

Теперь достоверно известно, что громадной длины шоссейные работы на нашем побережье поглотили не только первоначально ассигнованные 2 миллиона, но и новые 700 тысяч рублей, позаимствованных генералом Анненковым из сумм, предназначенных на другие общественные работы в России, так что даже в начале нынешнего лета шоссейные работы на нашем побережье, за недостатком денег, были сокращены в сильной степени. За последнее время работало не более 200 человек каменщиков и плотников и небольшое число мелких подрядчиков, заготовлявших для шоссировки камень и щебень. Штаты служебного персонала очень сокращены. Первое сокращение было сделано в марте, второе – в июне месяце. На работах остаются теперь заведывающий вторым участком, 4 производителя работ и в помощь им даны 2 техника. Взамен заведывающего технической частью работ военного инженера полковника Васильева, назначен штабс-капитан Гофман. Расход на весь этот персонал зимой (работы не будут производиться вплоть до апреля месяца) не превзойдет полторы тысячи рублей в месяц. Персонал служащих в канцелярии по хозяйственной части тоже уменьшен.

Нужно сожалеть о чрезвычайном сокращении работ за нынешнюю весну и лето; погода, благодаря отсутствию дождей, чрезвычайно им благоприятствовала и, нужно полагать, что, не существуй недостатка в деньгах, шоссе к предстоящей зиме было бы совсем окончено. Создавшаяся проволочка в окончании шоссе представляет здешним ливням во время зимы разрушить многое из того, что сделано по земляным работам и шоссировке в нынешнее лето. Все это, конечно, вызовет новые, совсем лишние, непроизводительные расходы со стороны казны.

В заключение нам остается сказать, что, критикуя работу генерала Анненкова на нашем побережье, должно помнить, что он начал у нас сразу два дела: за два миллиона он обязался построить сухумо-новороссийское шоссе и вместе с тем прокормить целую зиму, в качестве рабочих, до 20 тысяч голодающих – босого, полунагого люда, для спасения которого от голодного и сыпного тифа ему пришлось на те же деньги содержать большой штат дорогостоящей врачебной помощи «Красного Креста». Существует мнение, что эти непроизводительные затраты за голодающих обошлись ему очень и очень дорого.

Повторяю, нельзя не сожалеть, что денежные затруднения затормозили окончание сухумо-новороссийского шоссе, от существования которого и вспомогательных к нему ветвей зависит, возможно,

быстрое заселение кавказского берега Черного моря, разработка под пашню его диких колючих зарослей (в своем роде, джунглей Индии), культурный подъем, оздоровление и богатство этого очаровательного уголка России.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №317

Абхазские письма
X
По поводу неурожая в Кутаисской губернии

Тревожные сведения, появившиеся почти во всех кавказских газетах о неурожае, какой постиг многие местности Закавказья, в том числе и Кутаисскую губернию, общий голос раздававшихся требований возможно тщательнее и скорее изучить грозящее бедствие, побудили и меня, совершая свои поездки по Сухумскому округу, обратить исключительное внимание на степень неурожайности кукурузы – единственного продукта, на котором зиждется благосостояние жителей нашего побережья. В Самурзакани, во время уборки кукурузы, я пробыл в различных местах почти две недели, оттуда проехал в Кодорский и Гумистинский участки, побывал также и в Гудаутском участке. Путем личных наблюдений и тщательного опроса жителей я пришел к следующему утешительному выводу. В Самурзаканском, Кодорском участках урожай кукурузы получился выше среднего, и только в Гудаутском участке он является ниже среднего. Табак в Сухумском округе повсюду дал прекрасные сборы (в количественном и качественном отношениях), но, к сожалению, выгодами от этого продукта пользуются одни только греки-колонисты. Погода повсеместно благоприятствовала уборке кукурузы, табаку, винограда и только картофельные посевы и других овощей не удались, благодаря злейшему врагу наших хозяев – «медведке». Виноградарство у нас находится в зачаточном развитии и служит только для местного потребления, но обещает большие успехи; при надлежащем уходе французские сорта дают и у нас хорошее столовое вино, продающееся на месте по 60 к. бутылка, а в Москве и по рублю.

Итоги урожайности в Сухумском округе я называю утешительными, потому что в предпоследних своих сообщениях департаменту земледелия и сельской промышленности 10-го сентября о видах на урожай в Сухумском округе мне пришлось передавать совсем про-

тивоположные факты: «Наше побережье, – писал я, – испытывает небывалое отсутствие дождей, подпочвенной влаги уже недостает, рост приостановился, стебель в нижних частях окончательно одеревенел, все признаки, благодаря засухе, грозят неурожаем, и многие из хозяев решаются уже косить посевы кукурузы на корм скота...». Как видит читатель, надежды на урожай совсем печальные, но, к счастью, на другой же день по отсылке корреспонденции, эти мрачные предположения исчезли: разверзлись, наконец, хляби небесные, полил благодательный дождь и, благодаря нему, посевы кукурузы совсем оправились. Сельчане-хлебопашцы вздохнули полной грудью, чувствуя, что страшная тяжесть совсем неожиданно упала с их плеч, а Сухумский округ блестящим образом поддержал свою репутацию исключительных выгод для земледелия.

Оказывается, что сообщения от 10-го сентября других корреспондентов Кутаисской губернии были еще безотраднее и, как только департамент констатировал эти печальные виды на урожай в Закавказье, поднялась та тревога и в обществе и в газетах, о которой я говорил в начале своей статьи. «Кавказ» в одной из своих передовиц, цитируя сведения корреспондентов департамента и газеты «Иверия», между прочим, указывал, что «Кутаисской губернии в нынешнем году предстоит испытать недостаток в продовольствии». Этот грозный вывод теперь, когда урожайность окончательно определилась, не имеет уже прежнего общего значения.

Пострадала от полного неурожая в Кутаисской губернии только Имеретия; Абхазия же и Мингрелия, благодаря дождям, избежали этой участи. Но так как только эти две последние провинции Западного Закавказья за прежние годы давали тот громадный избыток кукурузы, которая потом экспортировалась миллионами пудов за границу, то «недостаток в продовольствии для жителей Кутаисской губернии» не может уже случиться.

Этими доводами мы совсем не желаем умалить несчастья, постигшего Имеретию, где жители действительно испытывают в настоящее время не только полный неурожай, но даже и виноград, который за прежние годы был единственным и существенным подспорьем незначительных доходностей их хозяйства.

Сельчане Имеретии могут себя утешить только тем обстоятельством, что им не предстоит испытать тех ужасов голода, которые выпали недавно на долю крестьян внутренних губерний России, и необычайного подъема цен у них на кукурузу нельзя ожидать уже никак. В Мингрелии (в Зугдидском и Сенакском уездах) урожай нынешнего года более чем хорош, а в Самурзакане, как мы уже говорили, он выше среднего, а потому избыток кукурузы, без сомне-

ния, по дешевой цене пойдет в Имеретию. Если принять во внимание статистические данные об урожайности за целое десятилетие, опубликованные бывшим кутаисским военным губернатором генералом Гросманом, если верно исчисление в урожайные годы 1882 – 1883 годах, что сбор кукурузы в Кутаисской губернии доходил до 45-48 миллионов пудов, а в годы средней урожайности до 25 миллионов пудов, то исключив из последней цифры 15 миллионов пудов кукурузы на внутреннее потребление и на обсеменение полей населения губернии, остается для пострадавших местностей Закавказья очень почтенная цифра.

Ко всему сказанному должно добавить, что прекрасный урожай хлебов в России и таможенные затруднения с Германией дают возможность скупщикам приобретать хлеб дешево в Ростове для отсылки в пострадавшие от неурожая местности Закавказья. За недостатком сбыта крестьяне и казаки Северного Кавказа продают пуд ржи по 25-30 копеек. Приняв в расчет, что от Ростова до Поти фрахт пароходных обществ не превышает 5 копеек на пуд муки, можно быть вполне уверенным, что цены на хлеб в Имеретии за эту зиму должны быть самые небольшие, если только скупщики не войдут в стачку и искусственными мерами не поднимут цен. Но против таких проделок должна быть настороже и администрация и само общество.

19-го ноября в Поти прибыл уже из Ростова пароход русского общества «Трувор», нагруженный 147 тыс. пудов муки, предназначенной для местностей, пострадавших от неурожая в Эриванской губернии; говорят, что благодаря «гешефтмахерству» скупщиков цена на пуд муки в некоторых местах Эриванской губернии доходит до 1 р.60 коп. Было бы целесообразно для городских заправил г. Эривани выслать немедленно в Ростов своих специальных скупщиков. Только этим путем можно повлиять решающим образом на понижение цен и облегчить тяжелое положение пострадавших селян.

В заключение мы находим нужным прибавить, что сведения об урожайности Кутаисской губернии нами были посланы в редакцию «Кавказа» в начале ноября месяца, и хотя я сам видел, как почтовый чиновник в Новом Афоне положил мое письмо в общий пакет, предназначенный в Тифлис, тем не менее, к моему крайнему огорчению, оно не дошло до редакции.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №322

Абхазские письма

XI

Историко-археологический музей Сухумского округа

В конце минувшего месяца начальник Сухумского округа полковник Бракер ходатайствовал пред надлежащей властью о разрешении учредить в нашем городе историко-археологический музей Сухумского округа. Нужно надеяться, что это ходатайство будет уважено. Кроме остатков древности, имеющих значение в археологическом отношении, в музее будут находиться коллекции: нумизматическая, энтомологическая, образцы древесных пород и минералогических богатств Абхазии и Самурзакани, а также и образцы местных произведений страны и фотографические снимки наиболее достопримечательных и живописнейших местностей округа, вообще все то, что может интересовать желающих ознакомиться с краем и способно дать им представление о нем во всех отношениях.

Музей будет состоять в ведении начальника Сухумского округа, причем для заведования им предполагается избрать одного из интеллигентных лиц, постоянно проживающего в г. Сухуме, известного своим знанием местной археологии и могущего быть полезным для целей нового учреждения. Избранное на эту должность лицо будет выполнять свои обязанности без всякого вознаграждения.

Кроме начальника округа, заведующего музеем, почетных попечителей, обязанность сотрудничества в этом деле будет лежать также на участковых начальниках и полицмейстере гор. Сухума.

На обязанности почетных попечителей и, главным образом, заведующего музеем будет лежать забота по приисканию и пополнению музея предметами древности и коллекциями, собирание объяснительных сведений, могущих иметь значение в археологическом, историческом и этнографическом отношениях. Почетные попечители музея в собраниях своих под председательством начальника округа могут избирать почетными членами всех лиц, оказавших более или менее значительные услуги музею своими исследованиями, безвозмездным пополнением коллекций, денежными взносами на их приобретение и, вообще, оказавших услуги по устройству и расширению музея.

Роль главного почетного покровителя историко-археологического музея Сухумского округа, несомненно, будет принадлежать кутаисскому военному губернатору.

Составление подробного устава и правил музея в данное время, до устройства и окончательного развития этого начинания, признается преждевременным. Приступить к устройству музея решено

только по одобрении и утверждении ходатайства об этом пред подлежащим начальством.

Временно, впредь до изыскания средств на наем помещения для музея, собираемые коллекции предполагается хранить в одной из комнат квартиры начальника округа, которая будет доступна для всех посетителей.

Нам остается только выразить благие пожелания инициаторам и учредителям этого прекрасного и полезного дела. Сухум и его округ в историко-археологическом отношении богаты памятниками величайшей древности, о некоторых из них много уже говорилось, но есть и такие, которые могут быть найдены только путем тщательных исследований и раскопок.

Существенную пользу местный музей может уже оказать тем, что будет беречь все ценные в историко-археологическом отношении находки от поползновений наезжих «венских евреев», промышленников, настоящих хищников по части скупки за бесценок таких находок древности, которые потом продаются ими за границей с громадными барышами и которые в этом случае являются для нас навсегда потерянными. Где, в чьих руках, в каких музеях хранятся ценные археологические находки, принадлежащие нашему побережью, и в чем они заключаются, для Сухума, более всего заинтересованного в этом, неизвестно.

С археологической целью побережье наше посещалось многими туристами и учеными, но серьезных изысканий и раскопок пока не производилось в нашем округе.

Для возникающего музея в Сухуме чрезвычайно важно сыскать поддержку и руководительство по собиранию и классификации коллекций ученых членов московского археологического общества, соединиться с ними для общей заботы в такой форме, чтобы историко-археологический музей Сухумского округа являлся бы отделением центрального московского императорского археологического общества. Тогда, нет сомнения, многие из археологических находок, которые собрала у нас графиня Уварова и другие ученые исследователи, будут перенесены в местный отдел, потому что в настоящее время начинает преобладать мнение о некоторых преимуществах местных музеев над центральными…

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №326

Абхазские письма

XIII

О постройке шоссейного пути между Сухумом и Зугдидами

Без шума начато у нас очень важное дорожное сооружение для жителей Сухумского округа – соединение г. Сухума удобным шоссейным путем с Зугдидами. Дорога эта очень важна для жителей округа в экономическом отношении, потому что связывает его с остальным Закавказьем, так как от Зугдид до станции Ново-Сенаки железной дороги уже, как известно, имеется прекрасно устроенное шоссе. Устройство шоссе всецело поручено начальнику Сухумского округа, полковнику Бракеру, опытному в этом деле, потому что за время его пребывания в качестве начальника округа в Нальчике он уже руководил постройкой таких сооружений.

По просьбе полковника Бракера, для заведования технической частью постройки сухумо-зугдидского шоссе к нему был откомандирован саперный офицер, штабс-капитан князь Гурамов с несколькими нижними чинами в качестве инструкторов.

Постройку шоссе решено было выполнить подрядным способом, для чего своевременно были оповещены все желающие взяться за дело. Для надзора за подрядчиками и для контроля правильного расходования денежных сумм, выдаваемых им на текущие работы, была организована из выборных лиц от населения сельская строительная комиссия из дворян и крестьян Самурзаканского и Кодорского участков.

В этой комиссии участвуют по три человека от каждого общества. Деньги уплачиваются подрядчикам по мере исполнения ими известной части работ и тогда только, если комиссия найдет эти работы безукоризненно выполненными.

Нельзя не приветствовать такой именно характер организации работ, потому что при таких условиях невозможны злоупотребления, да и среди населения, на средства которого строится это шоссе, является полная уверенность, что при таком порядке шоссе непременно будет закончено и что с него не потребуют лишних денег.

Населению Кодорского и Самурзаканского участков тяжело было выполнить эту дорожную повинность, особенно крестьянам, не обладающим особым достатком, и хозяйство которых не ведется еще на рациональных началах. Повторяю, как ни тяжела была эта повинность, но крестьяне уже внесли по 9-ти рублей с дыма. Деньги эти уже сданы в сберегательную кассу сухумского казначейства: 44 тысячи рублей доставил туда начальник Самурзаканского участка и

30 тысяч – начальник Кодорского участка... Осталось довзыскать на обоих участках на постройку шоссе не более 15 тысяч рублей, но и эти деньги будут внесены к концу года.

На торги для постройки этого шоссе явилось до 20-ти человек из Зугдид, Новороссийска, Батума и Сухума. Подряд этот остался за следующими лицами:

1) 30 верст в Кодорском участке, где предстоят земельные работы полотна и шоссировка, взялся выполнить Яйя Абасопуло (опытный и знающий это дело подрядчик) за 1.630 рублей за версту. В число его работ входит очистка от леса полотна дороги, проведение боковых канав (глубиною 1 арш., шириною 1 сажень). Ширина полотна - 4 сажени, ширина шоссировки – 2 сажени, толщина шоссейной брони – 6-7 дюймов.

2) 40 верст шоссе в Самурзаканском участке (здесь полотно дороги уже давно существует, придется только подновить боковые канавы и произвести шоссировку) взялся выполнить житель сел. Чебуресхинджи, дворянин-абхазец Кваджа Экиртава за 1.264 рубля за версту. Торги производились в местечке Очемчирах в присутствии начальника округа, обоих начальников участков и сельской контрольной комиссии.

В настоящий момент, по собранным мною сведениям, за полгода работ в Кодорском участке 15 верст полотна дороги с боковыми канавами и 3 версты успел уже зашоссировать, и броня шоссировки настолько уже окрепла, что позволяет провоз по ней самых тяжелых грузов. В Самурзаканском участке работы идут не так успешно; на 9-ти верстах прежнее полотно, с грехом пополам, восстановлено, прошоссировано, но без укатки одна только верста.

В заключение нам остается заявить, что начальник округа и начальники участков сделали в этом деле много такого, за что селения Самурзакани и Кодорского участка должны быть надолго им признательны.

Нам остается добавить еще кое-что по адресу дворянства этих участков. Оно привлекается к отбыванию этой повинности в форме заготовки материалов для искусственных сооружений на этом шоссе и доставки леса на постройку мостов. Всех мостов, больших и маленьких, от 3 до 6 сажен, предстоит выстроить до 156. Самые же капитальные 4 моста чрез большие реки будут построены на земские суммы. Нужно пожелать, чтобы имущие не задерживали ассигнование этих сумм, потому что работы по искусственным сооружениям могут вестись даже и во время зимы; работам этим не

помешают дожди. Нужно надеяться, что дворянство Самурзакани и Кодорского участка, ввиду тех жертв, какие понесло крестьянство на дорожные сооружения, столь необходимые для поднятия экономического благосостояния всего населения, выполнят свою роль достойным образом. О более справедливой раскладке повинности, какая легла на их долю, они могут сами заботиться; местная администрация считает себя не вправе вмешиваться в такие вопросы, которые зависят от их общего соглашения…

Г.А.Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1893, №329

Реферат об Абхазии в Географическом Обществе
(Письмо из Петербурга)

На днях в «Русском географическом обществе» Н.М.Альбов сделал доклад: «Этнография Абхазии». Доклад был настолько интересен, что я решаюсь познакомить читателей хоть с кратким содержанием его. Г. Альбов – ботаник Одесского университета. Он, будучи еще студентом, был командирован обществом естествоиспытателей при названном университете для изучения флоры Абхазии. Это было лет пять тому назад и с того времени он каждое лето совершает туда свои ботанические экскурсии. Плодом этих экскурсий явилось не только изучение флоры Абхазии, но и детальное знакомство с ее этнографией.

Доклад свой г.Альбов начал с географического и физического описания Абхазии; указал на литературу предмета, добавив, что литература об Абхазии велика, но добрая ее половина никуда не годна. Абхазцы представлены в крайне непривлекательном виде: они кажутся дикими разбойниками, головорезами, их часто смешивают с черкесами, кабардинцами, между тем ничего подобного нет…

Абхазцы – самое мирное, земледельческое и пастушеское население; отношения, существующие между ними, самые мирные и симпатичные.

Затем докладчик перешел к описанию физического типа абхазцев. Абхазцы представляют довольно обособленный тип: они все брюнеты, с черными глазами, с черными волосами, с горбатым но-

сом, высокого роста, сложены прекрасно; в общем, очень красивы, в особенности красивы женщины.

Одежда их состоит из общераспространенных на Кавказе черкески, архалука, папахи, бешметов, неразлучных кинжала и винтовки; женщины же одеты в длинную «каба», застегиваемую крючками; на голове носят простой или шелковый платок. Отношения супругов можно скорее назвать нежными, чем суровыми: муж занят своим делом, жена – хозяйством. Друг друга уважают, с детьми обращаются ласково, наказание их считается позором. Продажу или убиение детей, о которых рассказывают некоторые путешественники, скорее нужно отнести к басням, чем к действительности.

Абхазцы – народ гостеприимный. Будучи от природы добры, они и на всякого приезжего смотрят, как на доброго человека; для него дверь абхазца всегда открыта. Гость пользуется самым широким радушием хозяина, он как у себя дома; за все время пребывания в его доме он обеспечен всем.

Дома абхазцев или деревянные, или сплетены из хвороста. Все они крыты дранью или соломою; все живут обособленно и на почтительном расстоянии друг от друга, но это не мешает им, в случае надобности, быстро собраться у кого бы то ни было из своих соседей.

В пищу употребляют кукурузу и гоми с мясной или растительной приправой. Виноделие довольно распространено; благодаря плодородной почве и умеренному климату вино хорошего качества, хотя добывание его ведется самым примитивным способом: выдавливают сок ручным прессом или прямо ногами в больших выдолбленных бревнах. Также первобытны и орудия для земледелия: соха, мотыга и т.п.

Абхазцы – народ способный; когда-то имели свою письменность, но теперь, благодаря роковому ходу их истории, потеряли ее. Они очень любознательны; понимая всю важность образования, многие из них своих детей воспитывают в разных школах.

Они некогда были христианами (на это указывают храмы), но потом, под влиянием турок, приняли магометанскую религию; теперь же со стороны грузинского миссионерства идет деятельная работа вернуть их обратно в христианство.

Нельзя сказать, что абхазцы – народ музыкальный. Особых музыкальных инструментов у них не имеется. Песни их однообразны, монотонны и мало мелодичны.

Далее докладчик говорил о нравах и обычаях, причем довольно подробно изложил обычай умыкания женщин. Обычай этот столь распространенный у некоторых народов, нашел широкое применение в Абхазии. В особенности этот обычай распространен был в прежние времена, теперь же он мало-помалу выводится. Молодой человек, собирающийся жениться, посылает посредника или посредницу к родителям невесты; по изъявлении согласия он посылает подарки, потом является и сам. Начинается пиршество, продолжающееся несколько дней. Побыв еще некоторое время, жених берет невесту к своим родным. Бывает и так, что в обмен подарки посылаются и родными невесты.

В заключение г.Альбов коснулся обрядов, верований и суеверий абхазцев.

Для доказательства существования в стране в прежние времена язычества и общераспространенного жертвоприношения, он демонстрировал найденные в разных местах около церквей наконечники стрел, которыми убивалось животное. Доклад вызвал несколько возражений, в особенности со стороны г.Т., но они касались частных мест, а потому о них ничего не говорю. Докладчик был награжден шумными аплодисментами. По просьбе г.Ламанского, труд будет напечатан в записках общества.

Д.Ах.

Газ. «Новое обозрение».
1893, №3106

Абхазские письма
XVIII

Путевые очерки Клухорского перевала Главного Кавказского хребта. Положение разрабатываемой тебердино-кодорской тропы, признанной имеющей первостепенную государственную важность. Значение этого пути для богомольцев и скотопромышленников Кубанской области. Цебельда и Дальское ущелье.

Месяца два тому назад я пообещал поделиться с читателями своими впечатлениями о Клухорском перевале, но путешествие это наделило меня такой жестокой простудой, слабая грудь вынесла такие передряги, что если я и делаю какие-то сообщения об этом, то только по милости врача Ашаровского, ухитрившегося законопатить разными снадобьями прорехи моих легких.

Случилось так, что начальнику Сухумского округа полковнику Бракеру заблагорассудилось пригласить и меня совершить, как он говорил, «интересную экскурсию» в горы, в малоизвестную местность подчиненного ему района, служащую для порочных абхазцев и карачаевцев-скотокрадов главным путем, через который проводятся ворованные лошади; абхазцы, выгоняя свой скот на летние горные пастбища, меняют в этих изолированных местах целые табуны краденых лошадей на таких же у вороватых карачаевцев Кубанской области. Полковник Бракер имел в виду свидеться с начальником Баталпашинского отдела и совместно с ним выработать необходимые меры для прекращения скотокрадства в той и другой местности.

Участниками экскурсии были: известный чуть ли не всему Кавказу полковник Г.К.Гватуа, поручик драгунского северского полка М.А.Кобиев, начальник Гумистинского участка г. Свистун, когда мы растянулись гуськом по лепящейся в скале тропе, то вместе с всадниками милиции нас оказалось до 17-ти человек. Подвигались мы весело. Горный воздух вызвал прекрасный аппетит: заведовал провиантским путевым магазином г. Свистун, а поэтому наши желудки не были в обиде. Как хорошо дышалось, какое могучее имеют влияние горы на возбуждение в человеке жизнерадостного чувства; даже лихорадка полковника Бракера, пожелтевшего и поражающего слабостью своего организма, на третий день совсем исчезла, выдохлась и заменилась здоровым румянцем.

Мы находим необходимым охарактеризовать нынешнее положение тебердино-кодорской тропы, начиная от Сухума, вплоть до Клухора и далее.

От Сухума вы едете по берегу моря, по шоссе, которое направляется в сел Дранды; на седьмой версте вы сворачиваете под прямым углом в горы и едете почти вплоть до греческого сел. Ольгинского тоже по прекрасному шоссе на протяжении 22 верст по ущелью, которое вас непременно очарует. Но от водопада Барьял с. Ольгинского до Цебельды уже нет дороги, т.е. хотя она и есть, но она во время дождей на пространстве 15 верст положительно недоступна ни конному, ни пешему. Богатство климатических и почвенных условий Цебельды, благодаря такому положению дороги, недоступно для земледельца. Необходимо во что бы то ни стало продолжить шоссе вплоть до рр. Амткел-Ачадара и Амткел-Джампал, потому что за бродом через эти реки по дороге в Дальское ущелье грунт земли иной, не боится дождей и идет по сплошным залежам известняка,

местами с прослойками из мергеля. Подъезжая к Богадскому мосту, заслужившему печальную известность отступлением русского отряда генерала Кравченко во время последней войны с турками, дорога лепится в известковой скале, на пространстве одной очень грозной и опасной версты. На этом расстоянии для дороги сделана выемка, как раз посредине совершенно отвесной скалы, на целую версту возвышающейся и как бы висящей над впадением реки Амткела в Кодор. При нашем проезде, в хорошую погоду, самые опасные 100 сажень дороги были по распоряжению инженера очищены, но когда я возвращался один с проводником и после только что выпавшего дождя, я понял все ужасы, какие она представляет; вверху и внизу тропы скала поднимается и опускается гигантской белой печью. Посмотришь вверх, страшно становится; громадные, висящие над вами глыбы известняка (его здесь называют трескун, после дождя он трескается и срывается с кручи) готовы ежеминутно сорваться и упасть на вашу голову с высоты 100 саж. Посмотришь вниз, голова кружится. После дождя я нашел тропу загроможденной громадными кусками камня, свалившегося сверху.

Когда я решился двинуться вперед, проводник подскочил ко мне и в страхе шептал, что необходимо проехать скорее и возможно осторожнее, без шума это пространство, и не разговаривать громко. Отсюда был виден, как на ладони, Богадский мост. Две глыбы известняка с обеих сторон сдавили р. Кодор. В этом месте он шумел и бился как бешеный: грохот его был слышен на 20 верст в окружности. Богатырями выглядели эти две скалы, они были соединены висячим мостом длиною в 10 сажень. Но это был уже не тот качающийся от ветра мост из виноградной лозы, чрез который переправлялись войска генерала Кравченко и тысячная толпа измученных донельзя поселенцев, следовавших по его пятам, а несколько иначе перестроенный помещиком князем Г.Анчабадзе. Ему понадобился этот мост для прогона скота на летние горные пастбища. На месте моста из виноградной лозы были уложены 4 бревна с перилами. Громадные 4 дерева, растущие над самым обрывом этих двух скал к р. Кодору, и тут сослужили пользу; с вершины их к середине моста прикреплены какие-то деревянные крючья, поддерживающие прочность и устойчивость моста. Лесничий фон-Дервиз сообщил мне, что уже ассигнована некоторая сумма денег на постройку на этом месте железного моста. Мы посоветуем с своей стороны пощадить и не рубить 4 дерева, сослуживших такую историческую роль в прошлом, но кажется, что теперешний мост решено убрать. Как прого-

няют по этому узенькому, зыблющему мосту скот – для меня положительно непонятно. Стоя на средине его, страшно глядеть вниз: высота 10 сажень отделяет вас от бешеной несущейся воды Кодора. Внизу он ревет и гложет скалы, как лютый зверь, запертый в клетке, а Дальское ущелье, освещенное солнцем, эта чудная панорама горной природы, подернутая синеватой думкой, как добрая мать, ласково смотрит на свое сердитое детище.

Но наша компания опередила меня, нужно было торопиться на своей «полукляче» догнать начальство.

До урочища Латы склон ущелья, по которому мы ехали, начинает делаться все положе и положе и, наконец, отбрасывает от себя к реке неширокие плоскогорья. Грунт из скалистого (известкового) переходит в глинистый или щебенистый, который и удерживается не только до Лат, но и в живописной цветущей долине, имеющей ширину не менее 150-200 сажень и в длины три с небольшим версты. Почва плоскогорья представляет аллювиальный слой, вынос растительной земли с гор. Среди долины у реки стоят еще прекрасно сохранившиеся кирпичные стены казармы помещавшегося в ней в былые времена 21-го линейного батальона. Железная крыша казармы была снята инженером Далем для устройства дорожной караулки, построенной тут же рядом. Это дивное плоскогорье площадью 200 десятин принадлежит сухумскому епископу, и было предназначено для его летней резиденции. Но ни один из епископов здесь не только не жил, но и не посещал его. Все эти покинутые фруктовые сады абхазцев, удалившихся лет 15 тому назад в Турцию, остаются в забросе, земля не пашется, роскошным здоровым горным климатом никто не пользуется. Сторож угостил нас роскошным молоком и душистым медом. Отправившись далее, мы встречали часто такие поляны, немного поменьше, образуемые Дальским ущельем, громадные скалы которого сплошь покрыты щеткой нетронутого пока очень ценного леса. Вплоть до реки Чхалты местность состоит из перемежающихся между собою крутых откосов гор с полянами.

Грунт дороги каменистый и скалистый из трахита. Тропа до Чхалты сносная, ее можно легко разработать под колесный путь, потому что разработка трахита может быть произведена без помощи пороха – ломами и железными клиньями. Долина при впадении р.Чхалты в Кодор лежит на 1.500 футов над уровнем моря.

Едущий рядом со мной абхазец-миллиционер запел такую грустную, захватывающую за сердце песню, повторяя часто слово «Латы», что я невольно спросил его, о чем он поет. «Эта песня, – сказал

он со слезами на глазах, – была сложена абхазцами, удалявшимися в Турцию. 5 тысяч душ Дальского ущелья оплакивали свой родной уголок, каждое деревце, выращенное ими».

Абхазцы Дальского ущелья – эмигранты – славились в бывшие времена необычайной воинственностью и грабежом, они были грозой не только для врагов, но и для владетельного князя Абхазии. Это была отчаянная вольница, их недоступное ущелье было в своем роде Запорожье для Абхазии. Для мирного преуспеяния страны нужно было ими пожертвовать.

Какая масса медведей и диких кабанов развелась в этом прекрасном, необитаемом в настоящее время Дальском ущельи! Какие дивные охоты могли бы здесь быть устраиваемы! Одинокие дорожные сторожа рассказывали мне, что стоит только в лунную ночь отойти сажен сто, чтобы встретиться лицом к лицу с мохнатым мишкой. До полутора десятка шкур этого зверя каждый из них продает в Сухуме. Ружья у них плохие и часто недостает зарядов.

Сторожка Чхалта, где мы нашли хороший ночлег, представляет узенькую полосу долины; р. Кодор образует в этом месте высокий полуостров, на вершине которого стоят развалины храма или бывшей древней крепости, сплошь укутанной деревьями и лианами. Я был сильно измучен и не мог туда пробраться. Сторож наловил нам удочкой прекрасной форели, но мы предпочли зарезанного барана, припасенного г.Свистуном.

От сторожки Чхалты мы повернули под прямым углом по руслу реки того же названия. За нами гремел камнями дико несущийся Кодор. Вся местность этого нового ущелья состоит из широких полян, покрытых покинутыми фруктовыми деревьями абхазцев. Мы обогнули поляны по вновь разработанной инженером Дикманом полутропе. Грунт этой дороги, – тот же легко разрабатываемый трахит, укрепляемый на косогорах корнями деревьев.

Пробираясь по чересчур уже вьющейся тропе г. Дикмана, вынырнув, так сказать, из мелких зарослей, пред нами сразу открылся дивный горный ландшафт, который навсегда сохранится в моей памяти. Мы находимся у мостика через реку Клыч, у хорошенького домика с железной крышей. В ней живет одинокий сторож и то только не больше полугода за летние месяцы. В другое время двор, двери и ставни наглухо забиваются. И это происходит в очаровательной местности, с почвою чрезвычайно пригодной для культуры; у моста чрез реку Клыч дорога лежит, по измерению инженера князя Бебутова, на высоте 2830 футов над уровнем моря, окружающая

растительность здесь роскошная, лес исключительно уже хвойный. Мы все без исключения не могли отвести глаз от грандиозной представившейся нам панорамы. Полковник Г.К.Гватуа, имеющий в Абастумане собственную дачу, заявил, что ничего подобного по красоте горной природы не видел на всем Кавказе, что Абастуман уступает в этом Клычу. Полковник Бракер В.А. подтвердил то же самое. Долины Абастумана обладают минеральными водами, несколько шире и его красивые дачи подкупают глаз. Клыч есть, бесспорно, заброшенная жемчужина для летних климатических станций на Кавказе. С правой и левой сторон узкой долины громоздятся пологие, а в некоторых местах полуотвесные скалы, покрытые хвоей, деревьями бука и пихтового тридцатисаженного леса. У вершин скал, меняющих постепенно свои очаровательные краски, темная зелень пихты как бы обрезана ножницами и переходит в веселый цвет горных пастбищ, увенчанных голым, блестящим на солнце гранитом. Сколько должна пролететь пуля, чтобы добраться до вершины напирающей на нас крутой горы, спросил я спутников? Версты две, а то и более, отвечали они, мечтательно любуясь красотой Клыча. Природа гор оказала действие, глаза у путников сверкали юношеским блеском, все были проникнуты восторженностью молодости. Неугомонный полковник Гватуа появился среди нас с мокрыми волосами, обтирая раскрасневшееся лицо полотенцем. Оказывается, он уже успел выкупаться в р.Клыче, бурлившей рядом с нами настоящим каскадом. Цвет воды был совсем молочный; мелкие пузырьки воздуха не успели еще выделиться; вода горного потока была холодна, как лед; десятки водопадов, которые грохотали в ущелье и которые рисовались на наших глазах тонкими ниспадающими нитями длиной в целую версту, вспенивали так воду Клыча, что мне чудилось, что я нахожусь в сказочной стране молочных рек, недоставало только кисельных берегов. «Вот она, где находится сухумская Швейцария, вот наши Альпы», – заговорили некоторые из нас, но пробудившийся будничный аппетит желудков спутников взял верх над их эстетическими восторгами, и мы с прожорливостью дикарей истребляли остальную половину барана г. Свистуна. До перевала оставалось проехать 30 верст, но и об этом пути есть что сказать.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1894, №12

Абхазские письма
XVIII
(Продолжение)

Перехожу к описанию самого перевала, потому что он то и служит ключом для общения Сухумского округа с Кубанской областью.

Достигли мы вершины Клухорского перевала Главного Кавказского хребта сравнительно очень скоро. Об этом можно судить уже из того, что проезд наш из Сухума вплоть до истоков реки Теберды Кубанской области (уже за перевалом) с ночевками и дневными передышками занял ровно 3,5 суток. Наше шествие сравнительно было медленное, мы не переменили в пути лошадей и все же на передвижение употребили только 27 часов (164 версты в гористой местности), на ночлеги и передышки употребили 43 часа. Исходя из сказанного, можно с уверенностью сказать, что на переменных лошадях, верхом, можно совершить этот путь в 2,5 суток, а на перекладных (существует вместо тропы в этом месте колесная дорога) от Сухума вплоть до ст. железной дороги Невиномысской можно будет проехать в 1,5 суток.

Чтобы теперешнюю довольно плохо устроенную тропу превратить в хорошую колесную дорогу, по словам инженеров, потребуется затрата около 1,5 миллионов рублей, а чтобы читатель не ужасался этой цифры, мы вынуждены вам напомнить, что река Терек на военно-грузинской дороге, подтачивая и разрушая все хитроумные скрепы этого шоссе, в иные годы вызывает ремонт до полумиллиона рублей.

Следует обратить внимание, что на постройку тебердино-кодорской тропы затрачено небольшими суммами в продолжение целого десятилетия всего только полмиллиона рублей, на 70 верстах она вырублена зигзагами в скалах.

Со стороны Сухумского округа эта тропа доведена инженером Далем (умер два года назад) вплоть до вершины перевала. Со стороны Северного Кавказа инженер Суходольский довел тропу тоже до вершины и для того, чтобы соединить эти две капитальные работы нескольких лет, для последнего остается разработать тропу на протяжении только одной версты. Но эта верста – одна сплошная скальная работа и требует затраты около 20 тыс. рублей. Инженер Суходольский наметил происхождение ее, по нашему мнению, чрезвычайно удачно. Она пройдет над ледником и озером, лежащими на

самом перевале. Богомольцы и все путники, и перегоняемый ими скот принуждены до настоящего времени переходить перевал не иначе как только чрез этот опасный и для многих роковой ледник и озеро, потому что другого обходного пути, кроме намеченного, но не разработанного инженером Суходольским, нет. На катастрофах перевала, которые находятся в зависимости от затраты 20 тыс. рублей, мы временно и остановимся.

Перед нами ледник и озеро, и это на 9600 ф. над уровнем моря. Ледник и озеро по размерам невелики, и первый из них с виду совсем не страшен, походит на глыбу тающего снега и вызывает чувство беспечности и доверия. Озеро – тихое, покойное, чисто голубого цвета. Но почему проводники и абхазцы послезали с лошадей и держа их в поводу, с тревогой вступили на ледник, держась по следам друг друга, делая на льду чересчур уж хитрые зигзаги? Потом мне только стало известно, что они обходили трещины ледника, замаскированные снегом.

«Сойдите с лошади и двигайтесь непременно следом за мною», – кричал мой переводчик Ладария. Не подозревая опасности и видя, что все мои спутники уже благополучно переправились на другую сторону ледника, я легкомысленнейшим образом решился сидеть в седле: на мне были одеты абхазские чувяки, галоши были в Сухуме и не хотелось промочить ноги. Я предоставил свою участь инстинкту лошади и не раскаялся в этом. Трещины в некоторых местах были такой ширины, что не только человек, но и лошадь свободно бы провалилась бы в нее и, как потом мне сообщили, лететь пришлось бы очень долго; рабочие инженера Суходольского на досуге хотели достать дно ледника, но, конечно, не добились этого, хотя и привязывали к ведру сорокасаженную веревку. Можно с уверенностью сказать, что озеро и ледник страшной глубины и образовались на месте кратера потухшей сопки.

Ледник, подъемы к нему и спуски, при его теперешнем положении, – ужасная западня для людей и скота. Богомольцы целыми партиями переходят чрез него летом и нередко гибнут! Верную цифру жертв нельзя определить, потому что регистрацией движения богомольцев из Кубанской области никто не занимается. Вот что мне рассказали инженер Суходольский и его помощники об исчезновении без следа, несмотря на все розыски полиции, партии богомольцев в 18 человек. Это случилось лет 6 тому назад. Эта партия богомольцев направлялась на поклонение в Новоафонский монастырь. Инженер и его рабочие уверены, что все эти несчастные по-

гибли, переходя ледник, потому что в тот самый момент, когда они, по расчету рабочих, должны были вступить на ледник, перевал заволокло непроницаемым туманом. В такие моменты в двух шагах ничего не видно. Богомольцы не хотели сделать 25 верст обратного пути, а холод заставил их рискнуть перейти ледник, проводника надежного у них не было и вот, дойдя до роковой замаскированной трещины, они один за другим попадали в ужасную ледяную могилу, не успев даже и вскрикнуть.

Богомольцы идут этой тропой по два, три человека, а иной раз и поодиночке; ледник не говорит о своих жертвах, покойники тоже не являются докладывать о своей участи. Большинство русских паломников, идя на поклонение святым местам, считают себя застрахованными от всяких несчастных случайностей. «Бог поможет», – шепчут в трудные минуты его посинелые губы и переносят стужу и голод как испытания, ниспосланные от Бога, и уверенно шагают над головокружительными кручами, пропастями, разве только лишний раз перекрестятся. На тебердино-кодорской тропе полиция находила трупы этих бедняков и по вскрытии желудки их оказывались наполненными разными «акридами»: корой, сырыми грибами... Остановить этот поток паломничества не только трудно, но даже совсем нельзя, как религиозное движение, но помочь им можно и даже должно, тем более, что с устройством шоссе на этом пути не только устранятся эти грустные случайности, но даже завоюются и важные экономические выгоды Кубанской области и Сухумского округа.

Мы рассматривали клухорский ледник как могилу людей, а теперь посмотрим, как гибнет здесь перегоняемый из Карачая в Сухум крупный скот.

Неудобство тропы для перегона скота, десятипроцентная и более потеря его в пути, не останавливают скотопромышленников. Вот что мне рассказывал А. Гвазава о гибели его гурта на леднике перевала.

Дело было в сентябре месяце, пять лет тому назад, когда клухорская тропа не была пресечена ни с одной стороны подъема на перевал. Закупив для Сухума у карачаевцев полтораста быков и коров, наняв в качестве погонщиков 6 человек карачаевцев, привычных к этому; утром чуть свет Гвазава и его гурт уже взбирались по абхазской тропе к перевалу. Вместе с карачаевцами проводников было 9 человек. Во время подъема стояла хорошая погода, погонщики радовались этому, хотя и приходилось напрягать неимоверные усилия, чтобы одолеть 25 верст страшных круч (на одной из которых луч-

ший бык сорвался и полетел в пропасть), но все же надеялись, что засветло переберутся чрез опасный перевальный ледник и на той стороне будут уже в совершенной безопасности. Но предположения их не сбылись; до перевала добрались только к вечеру. Скот и люди были измучены донельзя; приходилось карабкаться по снежным завалам, быки поминутно скользили, падали, проваливались. На перевале наступила ночь и к ужасу людей поднялась страшная вьюга, они испытывали леденящий холод. Скот сбился в кучу, как-то съежился и все усилия проводников прогнать его чрез роковой ледник, пока еще было кое-как видно, оставались тщетными. Завывание вьюги, порывы вихря и холод, превративший бороды людей в сплошной комок льда, вызвали панику среди карачаевцев, решившихся бросить Гвазава и его скот на произвол судьбы. Чтобы удержать их от этого, он выдал им все деньги, которые следовало за перегон скота и с плачем обещал подарить каждому из них по 10 рублей на другой стороне перевала; ему грозило полное разорение, с потерей гурта он нес убытка 6 тысяч рублей, в которых заключалось его достояние. Проводники сделали новую попытку прорваться чрез ледник, но быки точно замерзли, движение их приводило Гвазаву в отчаяние: приходилось чуть ли не каждого тащить за рога. Но на полпути ледника закрутился такой могучий вихрь, что все застлалось пред их глазами; ни быков, ни самих себя погонщики уже не стали различать. Карачаевцы и люди Гвазавы, охваченные чувством самосохранения, сбежали, на леднике остались только два человека и мычащий от ужаса скот. Оставить гурт на гибель и тоже бежать без оглядки, с риском в темноте свернуть себе шею, Гвазава не решился, и, как помешанный, силился выполнить один, чего не могли сделать 9 человек. Точно сочувствуя его отчаянию, скот начал двигаться к леднику. Впереди товарищ Гвазавы бил палкою по снегу, проверяя расположение трещин льда, но на пути такого сумасшедшего шествия один из быков заупрямился, точно на него нашел столбняк и остановил других. Гвазава сделал отчаянную попытку обойти задние ряды, чтобы добраться до упрямца, но это чуть не окончилось его гибелью. В горячке страшного напряжения он совершенно забыл о трещинах льда и, сделав один неосторожный шаг, провалился в одну из них, но, к счастью, благодаря шесту, который инстинктивно не выпускал из рук, повис над ледяной пропастью. Шест лег поперек трещины. У несчастливца хватило еще сил выкарабкаться из нее, но он весь дрожал от ужаса и, забыв от страха все

на свете, бросился бежать за карачаевцами и не запомнил даже, при каких условиях был спасен карачаевцами.

На другой день Гвазава, совсем потерянный, с робостью взглянул по направлению к перевалу; в полуверсте от него слонялась из стороны в сторону несчастная его скотинка... из 150 штук он насчитал только 30, которые по его следам спустились с перевала. Поднимаясь с карачаевцами снова наверх, они все время натыкались на жертвы катастрофы: в одной куче видна была сплошная масса мяса, в другой лежал бык еще живой, с поломанными ногами и т.д. Гвазава был разорен...

Иные из читателей, прочитав мой рассказ о несчастливце-скотопромышленнике, пожмут плечами и скажут, пожалуй: «Умилительно, очень умилительно!». Таким господам я должен указать на значение развития скотопромышленности для нашего края и Кубанской области.

В настоящее время казачество Кубани высылает свой гуленый скот на продажу во внутренние губернии России; гурты, предназначенные за границу, в Черноморский, Сухумский и Батумский округа, направляются по железной дороге в Новороссийск и провоз его и накладные его обходятся очень дорого, поэтому и цены на мясо на нашем побережье стоят в продолжении года почти на одном уровне от 10 до 12-ти копеек за фунт. Большая половина приобретаемого на мясо скота в Сухуме все же доставляется не иначе как чрез Клухорский перевал, несмотря на все его неудобства. Русский скот долин не мог бы совершить путь чрез горы, он тяжел и неповоротлив. Скот горцев-карачаевцев по величине и качеству не уступит первому, горные пастбища приучают его к исключительной гимнастике, а поэтому он соответствует вполне для прогона чрез горы в Сухум; он смело балансирует на кручах гор, ловко проходит по узеньким карнизам над горными пропастями. Вот именно на такие свойства карачаевского скота надеяться сухумские мясоторговцы Гвазава и Туркия, пускаясь на рискованные предприятия доставки его к нам через Клухор. Несмотря на то, что в дороге чрез горы они теряют всегда не менее 30-40 голов, все же находят выгоднее для себя доставлять гурты этим путем, чем покупать их в Новороссийске. Эти господа, спрошенные мною, в одни голос заявили, что существуй тебердино-кодорская тропа всегда в исправности, существуй обходная тропа мимо злополучного ледника, хотя бы даже в продолжении 6-ти месяцев лета, они могли бы продавать мясо в Абхазии, в Мин-

грелии и Имеретии по 5 коп. за фунт, т.е. установившаяся цена на мясо у нас с 10 копеек сразу упала бы на 5 копеек за фунт.

Из всего сказанного выходит, что миллионное население Западного Закавказья переплачивает 5 копеек при каждом потребляемом фунте мяса. Трудно определить, во сколько раз при улучшении перевального пути могло бы увеличиться скотоводство в Карачае, при том громадном обилии горных пастбищ, какими располагает этот край. В настоящее время заведывание ремонтом тебердино-кодорской тропы перешло к вновь назначенному инженеру г. Дикману, человеку еще молодому, энергичному и честно относящемуся к своим обязанностям. Есть надежда, что он много сделает, лишь бы поддержало его начинания и не скупилось на расходы высшее начальство.

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1894, №16

Абхазские письма
XVIII
(Продолжение)

Дальнейший путь до перевала самый трудный и проезжать его пришлось, совершая громадный подъем по бесконечным зигзагам тропы инженера Даля по правому склону ущелья Клыча. На 38-ми верстном расстоянии подняться пришлось почти на 7 тысяч футов, по склону сплошь скалистому и часто переходящему в отвесную скалу. Два года работа Даля после его смерти не ремонтировалась, места сухой кладки во многих местах осели или обрушились, оставляя для проезда над ужасающими отвесными кручами тропу шириной не более одного аршина; лошадь и всадник в таких случаях прижимаются к скале, трясясь всеми фибрами боязливого сердца. Сорвавшись с тропы, кувыркаться пришлось бы в воздухе целую версту. Осевшие подпорные стены сухой кладки казались настоящей западней, необходимо было лавировать так, чтобы лошадь не становилась на подозрительные места. За полгода до нашего проезда сухумский архитектор, приглашенный инженерами в качестве эксперта для осмотра скальных работ тропы г. Даля, не мог вынести

головокружения, и с полпути подъема в ущелье Клыча принужден был вернуться обратно в Сухум.

Проехав мост чрез р. Клыч, наша весело настроенная компания очутилась в хвойном лесу гигантских деревьев: пихта, сосна и бук как бы соперничали в росте. В промежутках между деревьями мы встретили массу заросли лавровишни (Prunus Laurocerasus). В начале подъема лавровишня имела совсем зрелые, черные плоды, шесть верст далее плоды были уже совсем зеленые. Наблюдения встречающихся пород кустарниковых растений отвлекались алчными взорами на совсем спелую малину; каждый торопился на ходу сорвать ее, царапая свои руки о колючки шиповника. Каким дивным парком выглядел хвойный лес, какую массу кислорода вдыхали наши легкие, сколько удобств здесь для развития дачной жизни! Но, к сожалению, должно сознаться, что все эти блага доступны будут русскому человеку только с расширением тропы, по которой мы ехали гуськом, в заправскую колесную и безопасную дорогу. Когда наступит такое счастливое время для Сухумской Швейцарии, трудно предрешить. А между тем шоссе чрез Клухорский перевал было излюбленным проектом бывшего начальника Кавказского края Дундукова-Корсакова, он прекрасно понимал все выгоды этой дороги из Кубанской области в Сухумский округ. Об этом много писал и более обстоятельно, чем я, известный для Абхазии радетель ее интересов Ю.П.Проценко и др. На мою долю приходится небольшим очерком напомнить о забытом проекте князя Дундукова-Корсакова, и я не могу не предпослать упрека инженерам путей сообщения на Кавказе, что они почти преднамеренно игнорируют начатое дело бывшим главнокомандующим, поддерживая интересы военно-грузинской дороги в ущерб Клухору.

Самой характерной и чарующей особенностью ущелья Клыча являются множество водопадов, игру которых с световыми лучами солнца лучше всего наблюдать на полпути к перевалу, с того места, где пихтовый лес точно обрезается ножницами и переходит в горные пастбища. Прислонившись к скале, вы видите с правой стороны зигзаги тропы, гигантской змеей сползающей на перевал Клухора, с левой – широкие ворота скал ущелья Клыча, открывающих чудесный вид Дальского ущелья, сплошь покрытого щеткой хвойного леса, подернутого дымкой нежно-голубой испарины. Прямо против нас, с вершин громадных скал противоположной стороны Клыча, со скрытых ледников, низвергается ряд водопадов, длиной с версту, тонкой прозрачно прерывающейся в своем воздушном полете струей. Внизу, где овцы и лошади кажутся букашками, все соединившиеся водопады образуют могучий, грохочущий каскад, который

дает начало р. Клычу. От низвергающейся пены каскадом поднимается к небу водяная пыль и брызги, а лучи солнца, играя в них, создают радугу самых ярких цветов.

На все чудеса этого уголка я загляделся до того, что мои более благоразумные спутники далеко опередили меня и скрылись из вида. Стараясь их нагнать, бедная моя лошаденка выбивалась из сил, и когда я их настиг, то пришлось выслушивать от моих спутников такие комплименты, о которых я благоразумно умалчиваю; нетерпеливые спутники ожидали меня добрых полчаса и, что всего хуже, меня отделяла от них первая снежная залежь в крутом овраге с отвесными краями. Тропа Даля была, очевидно, сорвана в этом месте, сползла вместе с землей. Нужно было соскочить с лошади и как-нибудь пешком соединиться с товарищами. Я был в туземных чустах и поэтому начал рыться в мешочках, отыскивая галоши, но их, оказалось, забыли мне уложить. В злобе я уже не слышал ни своих, ни чужих возгласов и, держа лошадь на аркане, спрыгнул с обрыва на первую скользкую площадку и потащил за собою лошадь; горская лошадь частью на животе, частью на хвосте сползла ко мне и сумела не придавить мою тщедушную особу.

В чустах, все равно, что на босу ногу, я перебежал первый снежный завал и с мокрыми до колен ногами вскарабкался с лошадью на другую сторону обрыва. Мне аплодировали. Но таких снежных завалов мне пришлось преодолеть целых 8, чусты мои совершенно раскисли и сваливались с ног. Но злоключений, как моих, так и спутников, пока мы добрались до ночлега, было слишком много, чтобы на них останавливаться. Скажу только, что я со своей измученной лошаденкой был оставлен товарищами, десять самых опасных верст подъема мне пришлось волочить свою лошаденку буквально в поводу; вся в поту, она шаталась и едва передвигала ноги от усталости и только к самому концу подъема ко мне подоспела помощь. Но и на долю спутников выпало немало огорчений и испытаний; для сокращения пути они выбрали более прямую абхазскую тропу, но она оказалась вся усыпана скальными глыбами, свалившимися при ломке порохом тропы инженера Даля. Полковник Бракер едва не был раздавлен одной из них. Карабкаясь на кручу пешком, он уцепился рукой за громадный неустойчивый, едва державшийся камень, который от такого бесцеремонного прикосновения покатился в кручу и, к счастью, только отшвырнул полковника в сторону. Он отделался небольшим ушибом.

В шести верстах от перевала ночлег наш был совсем нерадостным. Здесь мы застали на работах комиссию из трех инженеров и чиновника контрольной палаты, производивших оценку полуразру-

шенных снежными завалами работ покойного инженера Даля. Они любезно предложили нам в распоряжение одну из своих палаток. Согревшись водкой и вином, спать всем пришлось все же на голой земле, прикрытой рогожей. Укутавшись в бурку, уложив голову на седельную подушку, весь мокрый (дорогой меня окатил водопад), дрожа от холода, я утешал себя мыслью, что и гг. полковники лежат со мной рядом в таком же положении.

Проснувшись утром, я был удивлен, что monsieur le colonel Гватуа с мокрыми волосами, посмеиваясь, стоит предо мною и утирается полотенцем; оказывается, что он уже успел искупаться чуть ли не в самом леднике. Конечно, его веселость заразила и меня, тем более, что я, к удивлению, почувствовал себя совсем здоровым, таково уже верно свойство гор.

Напившись чаю и распрощавшись с любезными инженерами, мы направились в дальнейший путь, и вскоре взобрались на перевал. В ознаменование этого события многие из нас не удержались, чтобы не написать краской на одной из громадных каменных глыб своих инициалов. На камне, впрочем, было много таких надписей: лет 10 тому назад, сидя на нем, выпил бокал шампанского генерал Комаров, бывший начальник горского управления на Кавказе. Он принадлежал к сторонникам проведения чрез Клухор перевального шоссе и осматривал лично этот путь по поручению бывшего начальника Кавказского края князя Дундукова-Корсакова.

Другая сторона тропы Клухорского перевала со стороны Кубанской области представляет те же бесконечные, надоедливые зигзаги. С перевала, с гигантской скалы, вы уже видите, как на ладони, станцию предстоящей остановки, приютившуюся у истоков р. Теберды. Она разместилась счастливым гнездышком среди пихтового леса в виде нескольких бараков рабочих инженера Суходольского. Как прелестно выглядела эта станция, сколько поэзии создавали окружающие ее громады скал, ледники которых питали р. Теберду, берущую из них начало массою рукавов. Чтобы добраться до этой станции, нам пришлось сделать 25 верст. Зигзагов тропы на спуске ровно 14 и, благодаря ремонту, содержатся они в исправности. На тропе г.Суходольского можно было ехать уже попарно и хотя существовали и здесь «незаконные» так сказать, подпорные стенки сухой кладки, но они были более солиднее выполнены. Работы инженера Суходольского выполнены удачнее; зигзаги его тропы избежали снежных завалов.

Совершив этот спуск в продолжении 5 часов, на трясучей кляче, вперив жадно взоры в гнездышко домиков, обещающих отдых, в

душе я свирепствовал ужасно и совсем неделикатно посматривал уже на все прелести окружающей горной природы. Оглянувшись на 14 бесконечных зигзагов тропы, снизу выглядевших вытянутыми нитями, измученный, в бессильной злобе я показал им кулак и послал им проклятие. Усталость была так сильна, что если бы мне предстояло повторить ту же гимнастику спуска снова, то я предпочел бы скатиться с перевала лучше кубарем.

Нас встретил десятник г. Суходольского, одна из самых симпатичных физиономий, какие я встречал на Руси, где имеется так много Иванов, а он был не только Иван, но даже Иван Иванович. До того времени, пока не появился сам г. Суходольский, он за нами ухаживал, как отец родной. От радушия простака, отставного фельдфебеля, пахнуло на нас Русью, далекой родиной.

После небольшого отдыха на Теберде я расстался со всеми спутниками и вернулся по прежней дороге обратно в Сухум.

От истоков Теберды начальник Сухумского округа вместе со своими спутниками поехал в Баталпашинск уже в экипаже и на лошадях г. Суходольского и, по их словам, поездка их обставлена была прекрасно. Северный Кавказ встретил их роскошным хвойным лесом: громадные сосны в виде парка и здесь обрамливали дорогу и вволю было спелой малины и здесь им пришлось проехать сначала по скальным выемкам, над пропастями и кручами, но их везла уже пара сытых лошадей быстрой рысью и они были далеки от опасений кувыркнуться в пропасть. Такая езда им настолько понравилась, что их пессимизм перешел прямо в оптимизм; они категорически решили, что Клухорская тропа не должна де служить только для прогулки медведей, волков и рыскающих шакалов; но и для российской почты, возимой хотя бы и не на разудалой тройке, а парой лошадей в дышле. Как рассуждал в это время полковник Бракер, – того не знаю, но мне известно, что по прибытии в Баталопашинск он условился с местной администрацией поставить у истоков Теберды и у перевала на Псху казачьи постоянные посты для противодействия хищничеству скотокрадов, обмена ворованных лошадей с карачаевцами. Со своей стороны полковник Бракер обещал поставить, где следует, посты из всадников земской стражи со стороны Сухумского округа. Нет сомнений, что один из этих постов будет находиться у моста на р. Клыч. Распространяться об этой мере, мы находим преждевременным; будущее покажет, насколько все это целесообразно.

В заключение мы имеем добавить, что месяца полтора тому назад Драндскому монастырю отвели по две десятины казенной земли

на Чхалтах и Клыче для устройства двух скитов в этой изолированной местности, по которой происходит постоянное передвижение богомольцев в Сухумский округ. Если монахи внимательно отнесутся к нуждам богомольцев, то, вероятно, воздвигнут в этих живописнейших пунктах подходящие постройки, в которых будут искать приюта не только паломники, но и все измученные дорогой путники и путешественники, и они не останутся в накладе от этих посещений. Побывав в Драндском монастыре и повидавшись с его настоятелем отцом Саввой, мне пришлось убедиться, что он не имел ровно никакого преставления о красотах ущелья Клыча, и после моих разъяснений обещал горячо взяться за устройство в указанных двух пунктах возможно лучших сооружений...

Г.А.Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1894, 26

В горах Абхазии
(Впечатления и наблюдения горной жизни)

Нижеследующие строки – суть путевые записки, веденные летом 1892 и 1893 гг. в Северной Абхазии, местности высокой, совсем не населенной, и касающиеся более природы гор близ Главного хребта.

Желая поделиться своими впечатлениями, я должен предупредить, что мои записки – не плод научных исследований в какомлибо отношении, а просто заметки дилетанта-путешественника, любителя природы.

Главное ущелье, где мне пришлось быть – Бзыбское. Оно, со всеми впадающими в него ущельями, замкнуто высокими хребтами; с севера – Главным и отрогом его Черноморским, с юга – Чедымским и Дзышринским.

Дороги в горах Абхазии можно подразделить так: «открытые», т.е. такие, где свободно можно провести вьючных лошадей и проехать верхом, «ишачьи», где может пройти человек и с трудом, в некоторых местах, осел и охотничьи тропы. О доступности охотничьих троп можно себе представить, если я скажу, что однажды расстояние в 2 версты мы шли полтора дня, а другой раз 100 сажень шли три часа; конечно, люди имели груз на себе (не более пуда на человека), а собственно охотники прошли бы скорее.

Часто дороги в горах проходят по снегам, которые, смотря по высоте и расположению местности, лежат до августа и сентября. В некоторых же закрытых от солнца верховьях ущелий, даже и не на большой высоте, слой льда в 1 сажень и более толщиной лежит до нового снега. Рискованно идти по снегу, особенно если надо спуститься по оврагу наискось или пройти поперек сильного ската горы. Нужна особенная сноровка и ловкость, чтобы не поскользнуться и не скатиться в пропасть, или же не угодить на камни, о которые можно разбиться вдребезги. Уклон бывает сильный, снег кое-где только рыхлый, а больше твердый, так что дороги, особенно для лошадей с вьюками, считаются опасными.

Зима этого года, как известно, была суровее и продолжительнее предыдущей; это видно было и в горах. Будучи летом 1892 года у Главного хребта, я менее видел и проходил снегов, нежели в то же самое время летом 1893 года. По одной «открытой» дороге, где я свободно прошел с лошадьми в конце июня прошлого года, в этом году в то же время я встречал массу снега, так что приходилось проходить по нему расстоянием от 100 до 400 сажень, и наконец, когда я уже был у цели своего пути, пришлось вернуться обратно, так как далее по снегу невозможно было пройти с вещами ни лошадям, ни людям. Но стоит посмотреть, как абхазцы ловко и скоро почти перебегают самые трудные переходы по снегу! Если он видит, что чусты его (род носков) будут мешать ему, он снимает их и переходит снег босым.

Надо знать, что грозы в горах и ливни, вследствие которых изменяются даже очертания вершин, особенно слоистых скал, как я заметил, имеют влияние на горные тропы и от времени может случиться, что бывшая хорошая дорога становится в некоторых местах непроходимой. Мне пришлось однажды пойти по такой дороге, чтобы скорее достигнуть цели предприятия. Изредка дорогу нам загораживали пораженные бурей и грозой деревья-исполины, буки и пихты*, которые приходилось с трудом обходить**, затем бывшая тропа по берегу реки смылась и пришлось версты 2 идти по воде и громадным камням, и, наконец, перед нами предстала громадная

---

* *Много гибнет высокоствольных деревьев от ударов молнии.*

** *Но иногда упавшее поперек дороги громадное дерево обойти нельзя, перепрыгнуть лошадям с вьюками тоже, и приходится вырубать в дереве приход, как бы ворота.*

каменистая осыпь, на сильном уклоне. Лошадям с вьюками ее перейти нельзя было. Что было делать? Абхазцы посоветовали мне оставить лошадей под присмотром у этого перехода, а самим с вещами отправиться дальше. Но как же мы перешли? Мы садились на камни и, подталкивая туловищем, катились вниз довольно скоро, за нами же ползла масса встревоженных камней, и, таким образом, мы саженей через 200 докатились до оврага, откуда, уже по твердому грунту, хватаясь за поросли, лезли наверх, на продолжение дороги.

Глядя на скалистый хребет, можно, по-видимому, сделать предположение, что по нем легко пройти, но потом оказывается, что весьма трудно; или, наоборот, спустившись с какой-либо вершины, вы потом снизу удивляетесь, как это можно было взойти на такую недоступность, и если бы сами не всходили на нее и спускались, вы бы не поверили, что она доступна.

Однажды я рискнул пойти с вьючными лошадьми по «ешачьей» дороге и это послужило мне хорошим уроком при дальнейших передвижениях. Шли мы по скалистому хребту, сначала – ничего, но вот вдруг перед нами громадный обрыв, дорога как бы кончилась и надо по выступам скал, этим природным ступеням, спуститься на глубину 100-200 сажен и потом, по таким же выступам взобраться наверх. Пришлось развьючить лошадей, вьюки перенести, а лошадей провести порожними; это заняло времени часа два (было три лошади). Навьючили, идем дальше. Перед нами опять обрыв, но уже другой: скала как бы сдвинулась в стороны и образовала щель немногим более аршина ширины и сажен 10 глубины, а по сторонам зияли пропасти. С вьюками перепрыгнуть эту «щель» я не позволил, и пришлось развьючивать; свободные лошади легко перепрыгнули. Но этим еще не кончилось все, далее мне суждено было испытать худшее. Дорога, все время шедшая по острому и узкому гребню, не могла уже идти по верху его, а свернула по скату хребта; но он, как я упомянул, был скалистый, уклон большой, а скала гладкая. Я уже думал, что пройти далее нельзя, но оказалось, что по сильно наклонной скале шли узкие карнизы, шириною не более полтора вершка и, главное, не непрерывно, а так – кончившись в одном месте, начинаясь выше – в другом, и, таким образом, надо было пройти сажен 15-20. Первая лошадь с вьюком, переступая по одному карнизу, при окончании его остановилась, надо было перескочить на следующий; она рванулась вперед и не попала ногами в карниз, а покатилась вниз, но удержалась на нижнем карнизе, да и то потому, что

абхазец не выпустил повода, который натянулся и, таким образом, лошадь сохранила равновесие.

Выпусти он повод – и пропала бы лошадь с вьюками в пропасти более версты глубиной... Я уже не видел, как абхазцы переправили первую лошадь: на мне лица не было, как говорится, с испуга. Других лошадей я уже не позволил провести с вьюками и – опять остановка с переноской вещей, которую я думал избежать, переправляя первую лошадь. Но и порожняя лошадь, при помощи людей только могла переправиться: один держал за повод, другой за хвост.

Долго иногда приходилось с трудом взбираться на какую-либо вершину, часов по 5-8, но зато потом, взойдя на нее, если вы даже человек холодный ко всему, вас если не поразит, то вам очень приятен будет открывшийся вид с вершины. Я, когда всходил на какую-либо вершину Главного хребта, невольно припоминал слова Пушкина:

«Кавказ предо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины».

Иногда чудные виды открываются с высот! Есть и чудные, роскошные уголки и Главного хребта. Например, в истоках ущелья Авадхара (Одахара) есть поляна, окаймленная хвойным лесом, раскинутым ярусами, выше его пастбища, затем скалы, на которых кое-где виден снег; по поляне текут с шумом две речки. Также в ущелье Баул роскошная поляна Тамагу, в ущелье Бзыбском – большая поляна Псху, в ущелье Грибза и др.

Какие прихотливые очертания скал можно видеть особенно при восходе и заходе солнца! Какие массы вечного снега и как бывает изрезана оврагами почти вертикальная скалистая стена, высотою версты полторы! Любящий природу вознаграждает себя за труд подъема на высоты даровой панорамой этих диких, но прекрасных мест.

Спуск с гор очень часто бывает труднее, чем подъем на них. Если уклон дороги сильный, то вы, если не привыкли ходить по горам, без поддержки не спуститесь, иначе «голова скорее доберется вниз, чем ноги», по выражению одного охотника-абхазца. Кроме того, надо заметить, что по скалам легче ходить в туземных чустах, а по траве в высоких сапогах. Первое время, пока не привык, я имел при себе наготове чусты, если был в сапогах, и наоборот; смотря какая дорога, надевал то или другое. Когда же стал смелее, то все равно мог в чем-нибудь всюду пройти. И много значит смелость. Иногда дорога, например, крайне трудная; в первое время, если остано-

вишься и начнешь рассматривать – то вверх, боясь, как бы какая-либо глыба не скатилась на тебя, то вниз, смотря какая пропасть под ногами – легко оробеть, потеряться, но смелее, хотя и осторожно, переступать, не озираясь, гораздо лучше. Помню, раз я карабкался вверх, хватаясь, то за угол скалы, то за траву и, таким образом, поднимался постепенно хорошо. Но, приостановившись на несколько секунд, причем нога упиралась в кустик, а рука держалась за скалу, я взглянул вниз и обомлел, присутствие духа покинуло меня, я ослаб и не мог далее ползти без помощи, пока совсем не оправился. Уклон был большой, «лезли на стену», как говорится.

На левой стороне р.Бзыби, в среднем течении ее, тянется на высоте 5500-7000 футов широкое плато, с отдельными на нем вершинами до 8000 футов. Оно представляет из себя массу неправильных рядов возвышенностей и ям; плато это каменистое, но кое-где покрывается растительностью к июлю или августу, годною для пастьбы коз и овец. Никаких речек на этом плато, шириною в 2-4 версты и длиною около 10 верст, нет, но зато в них скопляется снег, который лежит до сентября и дольше. Этот снег едят овцы, его же употребляют и пастухи вместо воды. Для этого они откалывают большой ком снега и вдевают его на палку, концы которой кладут на камни, а внизу подставляют котел, – вода каплет и, таким образом, она у них всегда свежая и холодная. Ни деревьев, ни кустов на этом плато нет, а дрова пастухи приносят за 5-7 верст из лесу, снизу.

Вот на таком плато мне однажды пришлось прожить больше недели. Особенно в первое время, не зная, где поселились пастухи, трудно было. Чтобы согреть, например, чайник воды, понадобилось, да к тому же усталым людям, часа три. Никакого валежника нельзя было найти, выжидать, особенно вечером, пока снег сам растает, немыслимо. Кое-как набрали корней бурьяну и зеленые еще кустики можжевельника, ползущего по земле, с час разводили огонь, причем больше было дыму, чем огня, затем час с лишком снег таял на огне и потом уже можно было дождаться кипения воды. Иной раз так и оставался без чаю, а проводники, за невозможностью сварить себе пищу, просили у меня «галет», т.е. высушенных маленьких хлебцов, которыми, если их не намочить, очень легко поломать зубы. Умывались мы снегом. Потом уже относительно воды у нас было лучше: мы наполняли бурдюк снегом, и один абхазец носил его на спине, от сотрясения и теплой спины носильщика снег таял, и мы потом только подбавляли его. Наконец мы набрели на пастухов и обрадовались: было пресное и кислое молоко…

На этом плато водятся волки; случались похищения коз, хотя собаки при стадах были.

Вообще, продолжительные путешествия по хребтам и высоким вершинам, несмотря на открывающиеся прекрасные виды, крайне утомительны и тяжелы: ни лесу, ни воды не встретишь. С вершин Чипшира, Дзина и др. на этом хребте открывается роскошный вид на Черное море. Прямое расстояние до берега 25 верст скрадывается и можно отчетливо видеть изгибы Белой и Черной речек, впадающих в море. Под ногами у нас скалы, потом море, леса на холмах, рельефно выделяющийся берег, окаймленный белой лентой (каменистая полоса) и далее – невообразимое пространство воды. В хорошую подзорную трубу я видел дым пароходов. Красиво, когда над морем плавают кучевые облака: сверху кажется, как будто они на воде.

Грозы в горах – совсем не то, что на плоскости. Это что-то ужасное, когда разъяренные стихии хотят поглотить все на своем пути. Не дай Бог быть застигнутым грозой в лесу, наверху, если вы стоите на скате горы. Помимо страшного шума леса, говорящего с ветрами, рева бури, колеблющей и ломающей деревья, и большой опасности от молнии, вас может снести с горы быстро образовавшийся поток. Меня однажды застигла ночь в хвойном лесу, на высоте 7300 футов. Дорога была по скату горы, и никакого ровного места нельзя было выбрать для того, чтобы разбить брезент для ночлега. Боясь скатиться ночью в пропасть, я устроил кровать таким образом, что выше по уклону колья были вбиты низкие, а ниже высокие, так что кровать была горизонтальна. Ночью случилась сильная гроза с ливнем, – я проснулся от рева и грохота. Шум и хаос в природе: стонал лес, шумел дождь; порядочный ручей с водопадом, бывший в саженях 15-ти, ревмя ревел; потоки воды подо мной неудержимо стремились вниз. К счастью, я всегда имел обыкновение вещи подвязывать или класть на импровизированную свою постель. Абхазцы провизию вешали на дерево и сами спасались у дерева диаметром 25-30 вершков. Разумеется, намокли они сильно, а наутро оказалось, что от нашего костра только след остался, да ливень снес забытые на земле мешок и веревки.

Если вы живете в ущелье, на поляне, и на горах начнется гроза, вы можете наблюдать другую картину. Вы замечаете, что гроза начнется в одном ущелье, затем передается в другое, из него в то, где вы находитесь, потом удаляется по новому ущелью, замолкает где-то вдали, но скоро опять приближается раскатами по всем ущельям.

Величественное зрелище! Такую грозу я любил наблюдать, хотя последствия ее – насквозь промокнет палатка, намокнут вещи, постель – дают себя чувствовать надолго. Иногда сильные туманы на горах длятся долго, от 3-х до 8-ми и более дней. Это уже совсем другое. Туман то стоит непроницаемой стеной вокруг вас, так что вы в 3-4 саженях не узнаете человека, то висит над вами, как бы исполинский шатер, то, наконец, заполняет собою все низменные места, и, если вы наверху, то наблюдаете его, как море или как клубы лежащего дыма.

Один раз туман, простояв три дня, стал разряжаться дождем – то пойдет, то перестанет; наконец, полил сильный дождь с грозой и – началась канонада! Более полусуток, с 4-х часов дня до утра следующего, лил дождь, то затихая, то усиливаясь, при грохоте, рокотании и как бы залпах. Зрелище ужасное, особенно ночью, в парусиновой палатке! Человек испытавший, наверное не захочет повторения его...

Но когда установится хорошая погода, большею частью после новолуния, как приятно бывает тогда жить в горах! Войдите в лес и, если это близко от поляны и невысоко, вы слышите щебетанье и крики птиц; идете дальше – журчанье ручейков, шум водопадов и гул горных потоков; некоторое время в глухом лесу вы поражены какой-то тишиной, но выходите на поляну, – опять чириканье и стрекотанье, словом, все говорит о жизни, полно ею; каждый уголок леса, горы, скалы имеет своих обитателей, немолчно заявляющих о жажде жизни и наслаждении ею. Вам не грустно, когда вы всюду чувствуете призыв к жизни и встречаете обитателей, хотя и не себе подобных. Ночью частенько приходится слышать рев медведя, а днем вы можете на него натолкнуться, когда и не ожидаете. Много раз около моих стоянок пробегали медведи, но убить мне не удалось ни одного. Дикие козы во множестве, но охота за ними такова, что иногда два дня ходите и ни одной не встретите, а потом, случайно проходя, набредете на целое стадо их. Они любят по утрам взбираться выше опушки леса. Часто, не взяв ружья, мы взбирались на гору и в оврагах видели пасущихся коз; сбрасывали громадные камни, чтобы хотя таким образом получить добычу, но козы, заслышав шум катящегося, с рикошетами, камня, убирались в сторону, как бы понимая опасность. Вообще, по мере прихода пастухов на поляны и нагорные пастбища, дикие козы забираются в глухие места. Настоящий охотник найдет их, ибо не станет идти по тропам, а так называемой «охотничьей» дорогой.

Относительно флоры, собственно лесной, нужно сказать, что в некоторых ущельях она по склонам гор изменяется в вертикальном направлении, подразделяется на три пояса. В нижнем поясе встречаются или преобладают вечнозеленые растения, в среднем – лиственные и в верхнем – хвойные. Пояса, конечно, не резко разграничены, но переход одних насаждений в другие постепенен. В других ущельях насаждения только двух родов – вечнозеленые и лиственные или лиственные и хвойные, а в иных исключительно лиственные.

Красивое зрелище представляют пихты и ели, когда они растут на обрывистых скалах! Удивляешься, право, как эти громадные деревья держаться на таких узких карнизах скал! Глядя на них, получаешь впечатление, как будто и сами исполины эти боятся за себя и прижимаются к скалистой стене своими ровными, высокими и стройными колоннами. Из наблюдений моих я вывожу то заключение, что скалистые склоны, имеющие по карнизам своим деревья, когда-то были ими покрыты, но от действия гроз и ливней скалы рушились, увлекая за собою и растительность. Внизу таких склонов я всегда видел груды беспорядочно нагроможденных скал.

Очень долго, целыми тысячелетиями природа созидала на голом камне почву и насаждала растения даже и на значительных крутизнах, и потом безжалостно и быстро сама же разрушает свое дело: раз скат сильно попорчен, почва, ничем не задерживаемая, спалзывает от скатывающихся камней или смывается дождями. Всюду в горах наблюдаешь или нарождение жизни – почвы, растений, или исчезновение ее – это вечное и неустанное дело природы…

Конст. Максимов

Газ. «Кавказ».
1894, №27

В горах Абхазии
(Окончание)

На высоких, угрюмых скалах полнейшая тишина, но и здесь, присмотревшись, вы изредка заметите ящериц, а приникнувши к земле, вы увидите и редких обитателей из мира насекомых.

Опасно бывает жить внизу скал: после сильных дождей скалы с сильным грохотом падают вниз и ужасен шум в ущелье от стремительного скатывания глыб!

Скалы, сами по себе, часто представляют весьма оригинальный вид. Вы можете встретить сделанную природой стену из серых скал булыжника, напоминающую крепость, причем темные места выпавших камней представляют из себя амбразуру.

Вы видите всевозможные остроконечные пики и конусы, одни доступные, другие совершенно недоступные. Мне нравилось смотреть на белые скалы при лунном освещении, когда свет и тени, прихотливо и рельефно выделяясь, менялись то и дело...

Известно, что на Кавказе не редкость встретить деревья-исполины, поражающие своею громадностью. Описываемые мною места также не лишены этого. Здесь попадаются исполины-пихты, буки, грецкий орех, клены. Деревья-исполины, если они растут у дорог, чтутся абхазцами, около них они чаще останавливаются на отдых; такие деревья испещрены вырезками на коре из разных фигур, знаков, крестов. Мне попадались деревья с пометками, по-видимому, людей образованных, давно путешествовавших в горах. Так, я видел пометки 1865, 1868, 1869 и 1872 гг., вырезки эти сохранились отчетливо. Я предполагаю, что это пометки топографов военного ведомства.

Прежде травы на горных пастбищах и полянах были лучше, но теперь папоротник, до которого ни лошади, ни козы не дотрагиваются, начинает все более и более захватывать себе места, заглушая рост другой травы. Собственно козам и овцам корм есть и на скалах, куда они забираются и где нет папоротника, но лошадям и рогатому скоту мало корму. Этот папоротник, расти вблизи селений, полезен жителям, так как им они покрывают крыши своих построек, но в горах папоротник бесполезен. На лесных прогалинах папоротник достигает саженной и более высоты. На нагорных пастбищах, травы которых невысоки, веселит глаз обилие цветов; вы видите золотистые лилии, дикие розы красные и белые, незабудки. Но особенно приятно, взобравшись на голые скалы, найти там цветы; это в большинстве маленькие цветочки белого и красного цвета.

В полосе лиственных насаждений всякого рода ползучие растения и чащи кустов затрудняют часто путь в гору или поперек ее, по скату. Наичаще встречаемый и наиболее мешающий движению, кустом растущий рододендрон, иногда спасает и помогает в пути; без него самый этот подъем, где он растет, был бы немыслим. Рододендрон и другие густые ползучие кусты на скате не растут вертикально, а сначала стволы их стелятся по земле, потом поднимаются

под тупым углом, вот это и затрудняет ход и подъем по ним, спускаться же, даже по очень крутому скату, кусты эти помогают.

Одно из главных богатств описываемых мною мест составляет вечнозеленый самшит, кавказская пальма. В Абхазии она встречается во многих местах; в ущельях р. Бзыби и впадающих в нее: Пшицы, Рицы и Геги пальма тянется почти непрерывной полосой, причем район произрастания составляет площадь около 10.000 десятин. В некоторых местах попадается кустарниковая, молодая еще пальма; так как растет она очень медленно, то это еще будущее богатство гор. Интересно, что эти дорогие деревья неприхотливы в почве, – растут часто в сырых, очень оттененных местах, а также покрывают собою крутые, труднодоступные скалы. Эксплуатация пальмы, конечно, весьма желательна, но возможна при условии устройства хороших дорог для ее вывоза. А так как большею частью пальма растет в местах замкнутых, крутых, попросту в дебрях и трущобах, то устройство дорог туда сопряжено с громадными трудностями и средствами, хотя, можно предполагать, что расходы эти окупятся вывозом пальмы и пользой иметь в этих местах сносные дороги. Эксплуатация покровных пород леса посредством сплава вряд ли была бы возможна, ибо главная река Бзыбь – стремительная, бушующая, как большинство горных рек.

Нелишне упомянуть и об ископаемых богатствах. В ущелье Джишра есть серебро-свинцовая руда. Его высочество принц Константин Ольденбургский производил разведки и разработки этой руды, причем проделана была для предполагавшейся эксплуатации, хорошая дорога к месту залежей. «Много денег здесь пошло», – указывая на дорогу, говорят абхазцы. Самое место руды представляет из себя в глубине ущелья скалистые отвесные стены; из них видны узкие щели-овраги; в стенах и щелях попадаются тяжелые на вес глыбы с свинцовой рудой. Поблизости этого места все почти камни с характерными отблесками слюды. Предприятие разработки руд брошено года 3-4 тому назад, хотя участки рудничные состоят еще за его высочеством принцем Ольденбургским и еще тремя лицами. Дорога, особенно спуск к руде, стала портиться от обвалов и обмывов. Условия жизни в этом ущелье крайне тяжелы. В августе и сентябре я еще видел там нестаявшие снега прошлого года.

Близ вершины Апшира есть признаки медной руды. Во многих местах попадается удовлетворительного качества шифер, а также красновато-желтого цвета камни и ручьи, показывающие присутствие в себе железа.

В ущелье Авадхара есть источник углекислого натра (сода). Воду источника пьют люди и животные, особенно любят козы и овцы, но избегают собирающейся на источнике зеленой пены сгустками (окиси), причиняющей, по словам абхазцев, смерть. Два таких же источника находятся в верховьях ущ. Пшицы. Охотники рассказывают, что рано утром к этим источникам приходят на водопой дикие козы, которых там можно в засаде легко подкараулить. В ущ. р.Баул есть впадающий в него ручей, всегда с мутного цвета водой, на вкус солоноватый. Эту воду также любят дикие козы, причем они лижут и землю, омываемую этим ручьем.

Мне доставляло особенное удовольствие падение воды в горах. Всякому известно, что в горах речки и ручьи не бегут спокойно, разве только по дну долин, а большинство низвергается с гор; многие из них, ревя и клокоча, стремительно несут будто не воду, а молоко – до того они белы от пены. Уклон ложа таких рек большой, на 50 сажень – три и более сажень, воды река несет много; я замечал, что громадные глыбы камней перекатываются от напора воды и такие реки нельзя и думать перейти или переехать. Реки в своих истоках и потоки, питающие их, имеют, конечно, еще большее падение. Приведу два примера.

Расстояние между двумя точками в овраге, по проекции, 110 сажень, угол наклонения 35°, разность высот точек – 80 сажень; проекция – 150 сажень, угол наклонения – 30°, разность высот 115 сажень. Можно себе вообразить, какой шум и гул от падения воды в таких оврагах! В подобных случаях поток представляет из себя массу водопадов, от 1 до 10 и более саженей высотою и каждый такой водопад стекает в естественный бассейн в скале. Иногда падение воды водопадами идет непрерывно, со ступени на ступень, и тогда издалека еще наше внимание привлечено белым вертикальным столбом, а подходя к нему, вы поражаетесь ревом этого каскада, тут же ниже обращающегося уже в спокойно текущую и сравнительно небольшую речку. В верховьях ущелий можно видеть слой снега в 1 сажен и более толщиной, откуда, как из тоннеля, шумно, с паром, из природной арки вырывается поток.

Когда приходится проходить дикими скалами, оглушающимися шумом воды, чувствуешь, что идешь по живому урочищу, – вода напоминает о кипучей жизни, оживотворяет безмолвные громады скал, и они не так уж подавляюще действуют на вас. Много встречается ключей, вырывающихся прямо из-под скал и белых каскадов, ниспадающих с отвесных скалистых стен. Приятно смотреть на

журчащие ручьи в отшлифованных водой глубоких выемках в скалах, интересно видеть постепенное зарождение речек в виде массы маленьких ручейков, сходящихся вместе. И много других прекрасных и грандиозных картин течения воды приходится наблюдать в горах!.. А какая чистая, светлая, ледяная вода! Если в Батуме за кружку «соук-су»[73] дают копейку, то за такую горную воду в Тифлисе многие дали бы летом 3 копейки.

Видя массу низвергающихся потоков и стремительных многоводных рек, я невольно подумал о том, сколько громадной силы, могущей быть утилизированной, пропадает в природе даром!..

Вследствие постоянного и постепенного таяния снегов в горах, среди лета, там часто можно видеть и весну. В то время, как на дне ущелья в июне и июле довольно жарко, цветут травы и поспевают плоды, выше, в горах, на месте только что стаявших снегов, появляются подснежники, зеленеет трава и показываются почки других растений. В середине августа даже можно видеть такую весну, причем, если снег остался на ¼ аршина, то красные почки уже прорываются через него, как бы спеша скорее освободиться от задерживающего их покрова. Если через непогоду таяние снегов приостанавливается, то рост вышедших растений все же продолжается и тогда взору представляется оригинальная картина – зелень среди снега; этому виду помогают и освободившиеся из-под снега кусты рододендрона и др.

Чрез Главный хребет существуют перевалы как в Кубанскую область, так и в Черноморский округ. Некоторые перевалы – бывшие черкесские дороги. Хорошо ли они были сначала разработаны, или прежде было большее движение, но только некоторые сохранились хорошо, хотя теперь по ним мало кто ездит; другие же перевалы – плохие, совсем мало наезженные тропинки, иногда пропадающие, вьются по кручам, где лошадям, даже без вьюков, пройти невозможно.

На лучших полянах, во многих ущельях, растет масса фруктовых деревьев, особенно много – орехов, черешен, вишен, алычи, груш, яблок; в изобилии также лесной орешник. Эти места – бывшие поселения черкесов[74].

Объезжая и обходя горы и ущелья Северной Абхазии, отчасти грустно становится, что богатые места эти не заселены со времени выхода черкесов. Были, однако, попытки поселить в Бзыбском ущелье русских; в урочище Псху есть остатки бывших жилищ из камня, остался правильный ряд насаженных деревьев черешни и ореха, по-

видимому, это бывшая улица, и масса фруктовых дерев. По старым картам в этом месте значится укр. Псху. К этому урочищу и вообще в Бзыбское ущелье проведена хорошая тропа из г. Сухума.

Абхазцы, насколько я мог узнать, желали бы поселиться в ущелье р. Бзыби и впадающих в него рек, и так как русским поселенцам было бы трудно привыкнуть жить в настоящих горах, а, напротив, они лучше расселились бы ближе к побережью, то, мое мнение, нельзя ли было желающих абхазцев поселить в Северной Абхазии, на освободившиеся земли найдутся переселенцы. Пожалуй, препятствием к этому может служить то, что абхазцы, любящие волю и кражи, в горах совсем завольничают, обратятся в разбойников и тогда с ними трудно будет управиться. Это весьма вероятно, но их тянет в горы.

Из русских в таких закрытых горами ущельях могли бы жить казаки, да разве еще предприимчивые монахи могли бы сделать некоторые здешние места очаровательными садами.

Единственными, к тому же временными, насельниками гор являются пастухи. Нагорные пастбища и поляны внизу ущелий арендуют у казенного ведомства абхазцы и мингрельцы. Пастухи-абхазцы со своими стадами (преимущественно коз и овец) кочуют в отдаленных горах, выбирая места получше и по мере стаивания снегов поднимаются все выше к Главному хребту; иногда они и переходят его, пася стада на территории Кубанской области и Черноморского округа. Пастухи-мингрельцы захватывают для пастьбы больше земли, пасут преимущественно рогатый скот и лошадей.

Пастухи живут в горах большими партиями, причем абхазцы не имеют с собою кукурузной муки для мамалыги, которая служит им главной пищей в селении, а все лето питаются молоком и скопами от него, иногда мясом; мингрельцы же, выделывая хороший сыр, возят его продавать в Сухум, и обратно привозят муку, так что они и в горах ни в чем себе не отказывают.

Пастухи-абхазцы, идя в дальние ущелья, останавливаются у горы Эляшхуб, молятся Богу, приносят в жертву баранов; окончив пастьбу, спускаясь с гор, делают то же самое. Гору Эляшхуб считают священной. Мои попытки взойти туда кончились ничем, так как проводники отказались показать туда дорогу, когда же повели, то зашли в такую чащу, что я вынужден был приказать вывести оттуда.

Через некоторые реки пастухи делают мосты. Эти мосты шаткие, дрожащие, сделанные наскоро, приходится ежегодно вновь делать, да и летом возобновлять и поправлять. По одним мостам могут про-

ходить только люди и ослы, а по другим и лошади. Для того, чтобы переправиться через р. Бзыбь с навьюченными лошадьми в июне месяце, надо было употребить на это полдня.

Процедура такая. У моста развьючивают лошадей, люди переносят вьюки через мост и несут их по другой стороне версты 2½ до того места, где лошадей можно переправить вплавь. Если вьюки на ослах, то эти последние перейдут исправный мост, в противном случае надо и их переправить вплавь; для этого сидящий на лошади тащит за собою привязанного за шею осла. Таким образом, мингрельцы переправляют телят, крупный же скот перегоняют рано утром, когда воды в реке несколько меньше.

Помимо сильно докучающих на прогалинах и в лесу, на небольшой высоте, комаров и мошек, на низких полянах масса мух всякого рода. Мошки особенно надоедливы: от них и ночью покоя нет, докучают они во всякую погоду и кусаются больно.

Но в лесу, высоко, я заметил мошку другого рода. Поднимаясь утром однажды, я обратил внимание на стоящий в лесу какой-то туман серовато-синего цвета. Войдя в этот туман, я увидел, что очутился в туче мошек, крылья которых больше, чем у полевых мошек и серовато-синего цвета. Туча мошек долго стояла между деревьями, потом стягивалась в одну сторону, к какому-либо дереву, где постепенно и пропадала: мошки садились на ветви. Потом уже я рассмотрел на других деревьях налипшие на ветви серые кучи; стоило только чуть задеть дерево, как нас осыпает серо-синяя пыль. Нехорошо, когда поднимаешься вверх, встречаешь не раз на протяжении 10-30 и более сажень такую кучу: не дышать невозможно, тем более, упыхавшись от подъема и невольно наглотавшись этих мошек вдоволь. Я отчасти спасался тем, что проходя подобную тучу, закрывал нос и рот платком. Эти мошки не кусают и на низменных местах я их не встречал. Интересно, что этих насекомых поедает насекомое же.

Для путешественника в горах очень важно иметь запас провизии для себя и проводников. Мне пришлось несколько раз потерпеть в этом отношении. Однажды, на 3-й только день пути от селений, при переправе через одну речку, лошадь, везшая провизию, застряла одной ногой между камнями. Силясь вытащить ногу, она упала боком в воду, поднявшись, снова упала другим боком и ни с места. Абхазцы в воде развьючили и освободили ее. В результате вся моя намокшая и большею частью пропавшая провизия. Что было делать? Вместо движения дальше, – остановка, посылка за новой провизией.

Этих катастроф – падения лошади или осла – пришлось потом увидеть несколько. Особенно легко спотыкнуться и оборваться после дождя, поднимаясь или спускаясь по скользкой и грязной почве. Раз осел с чемоданом и постелью оборвался с кручи сажень 15 вышины и покатился кубарем вниз.

Вещи-то остались целы, но осел сильно ушибся и второй раз по тому месту с грузом не захотел подняться и пришлось людям нести вьюки сажень 100 в гору и тогда навьючить. В другой раз осел сорвался с кручи сажень 10 и едва не угодил в бушующую Бзыбь. Необходимо заметить, что осел очень хороший ходок в горах, пройдет почти всюду; в своих долгих странствиях я его брал в такие дебри, куда лошадь немыслимо завести. Срывался же осел потому, что даже хорошие тропы имеют плохие места от обвалов, обмывов, а также и потому, что, зацепившись за дерево, он терял равновесие.

Живя в ущелье р. Лашипсе или Пшицы, я мог дождаться возвращения посланных за провизией проводников только на 5-й или 6-й день, а если во время ожидания были дожди, то и на 7-й день. Хорошо, если имеешь провизии достаточно до возвращения посланных; но иногда, при желании это сделать, не удается. Тогда приходится или мне привыкать к абхазской мамалыге или абхазцам надо было уделять то, что у меня осталось. В этом отношении не раз приходилось потерпеть, и чем дальше зайдешь, тем, конечно, больше.

Заканчивая свои впечатления по горной Абхазии, я должен прибавить, что роскошную природу ее и более того, что я описал, можно видеть и наблюдать в свое время, летом с половины мая до половины сентября, ибо то, что делается в горах близ Главного хребта позднее, трудно представить не жившему в горах. Пастухи спускаются с гор не позднее половины сентября; в это время начинаются дожди, а вскорости выпадают и снега. Описываемые места имеют в замыкающих ущелья хребтах высоты от 6.000 до 11.000 футов над уровнем моря.

В последующем очерке я опишу свои впечатления об Абхазии населенной, побережной.

Конст. Максимов

Газ. «Кавказ».
1894, №32

Абхазские письма

XXI

По школьному вопросу

Появившееся вчера в местных газетах оповещение, что сухумская горская школа преобразуется в сельскохозяйственно-ремесленную для жителей Сухумского округа является радостной и долго ожидаемой весточкой. Только правильная организация школьного дела для подрастающего молодого поколения абхазцев может предотвратить резкую ломку нравов и традиций, отказаться от которых предстоит абхазцам в силу требований времени и ради успешной борьбы за свое существование с более культурными пришельцами, в руки которых отходит самое дорогое достояние этого народа – поземельная собственность.

Кроме предстоящего преобразования сухумской горской школы, предстоят в составе ее преподавателей значительные перемены. Бывший смотритель школы Ф.П.Богданов назначен инспектором народных училищ Тифлисской губернии. Временным заместителем его в настоящий момент является окончивший ставропольскую гимназию коллежский асессор Д.Г.Аджамов, около двух десятков лет, послуживший своему народу в скромной роли учителя сухумской школы. Среди абхазцев и пришлого населения Сухумского округа г. Аджамов заслужил полное уважение и безупречную репутацию. Назначение г. Аджамова на должность смотрителя сухумской горской школы мы искренне приветствуем потому, что г. Аджамов пользуется полным доверием всего населения абхазцев, благонадежен, и сумел вызвать любовь и уважение со стороны своих товарищей учителей. Он был переведен из Сухума и теперь состоит учителем в Озургетском городском училище. Чем скорее будут сосредоточены в Абхазии в качестве учителей лучшие силы из абхазцев, – тем скорее будет упрочено влияние школ на этот народ, продолжающий жить своими патриархальными нравами. Насколько игнорируются эти силы, мы укажем на тот факт, что 4 ученика абхазца, закончившие свое образование в тифлисской школе садоводства, до настоящего времени (1,5 года) остаются жить без мест, без дела, живут впроголодь в Сухуме и в других местах, и все ходатайства которых о том, чтобы их приурочили к полезному делу перевоспитания их народа остаются гласом, вопиющим в пустыне. Очень бы-

ло бы желательно дать им педагогические знания (что совсем напрасно игнорирует тифлисская школа садоводства) и в звании народных учителей разместить их по Абхазии…

Г.А. Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1894, №65

Абхазские письма
XXIV

Предварительный осмотр местности для проведения перевальной железной дороги от Сухума на ст. Невинномысскую владикавказской железной дороги.

Накануне Нового года в Сухум прибыл от общества владикавказской железной дороги Н.А.Тиханов, известный по своим железнодорожным изысканиям в Закаспийской области и в других местностях, с поручением от этого общества произвести предварительный осмотр местности вокруг г. Сухума, по рекам Кодору, Клычу и Клухорскому перевалу; такой же осмотр должен быть произведен им и по другую сторону перевала, начиная от истоков реки Теберды к Баталпашинску до ст. Невинномысской владикавказской железной дороги. Осмотр этот производится для ознакомления, возможна ли постройка в этих местах перевальной чрез Главный хребет гор линии железной дороги от ст. Невинномысская на Сухум. Общество владикавказской железной дороги, очевидно, очень интересуется возможностью исполнения этого проекта.

Да простит читатель за то уклонение, какое я считаю необходимым сделать, чтобы ознакомить его, как встретили эту мысль сухумские обыватели.

Новый год в общественном собрании в Сухуме публика встречала скудно, чокалась вяло, почти молча, без добрых пожеланий. Я был очевидцем того контраста, который произошел с кислыми физиономиями обывателей, когда один из присутствующих оповестил их о приезде г.Тиханова. Высоко поднял этот господин бокал и пожелал, чтобы предварительные изыскания г.Тиханова дали добрые

результаты для Сухума, чтобы намеченный перевальный железнодорожный путь оказался выполнимым, чтобы новый год оказался более милостивым к нашим богатейшим по климату, почве и красоте окружающей природы местам, десятки лет находящимся в забросе, вне культурного роста, чтобы с помощью этой железной дороги создалась связующая артерия всей мощи русского государства с Закавказьем, чтобы она являлась проводником на наше побережье залежавшихся капиталов московских толстосумов, чтобы к нам явился свободный приток русского лучшего люда, способного колонизировать побережье, сделать из Сухума жемчужину в русской короне...

Энтузиазм, искренняя радость охватили, точно вихрь, сухумцев. Речи полились из уст молчаливых, бокалы чуть не разбивались от дружеского чоканья, в воображении горожан рисовалось светлое будущее их городка.

Пока обыватели гор. Сухума справляли свои святки, г. Тиханов успел благополучно совершить поездку по рекам Кодору и Клычу, достиг Клухорского перевала, того места, где начинается постройка тоннеля, долженствующего пробуравить Кавказский хребет до истоков реки Теберды. Ясная, теплая погода благоприятствовала работам г. Тиханова. По пути, кроме необходимых измерений и наблюдений, он сделал много фотографических снимков.

По возвращении с перевала он любезно согласился сообщить мне некоторые факты своих наблюдений. Он выехал из Сухума в Новороссийск 15-го января, чтобы оттуда направиться в Баталпашинск, подойти и ознакомиться с северною частью Клухорского перевала.

На беспокойный вопрос для сухумцев, насколько предварительный осмотр местности благоприятствует постройке перевальной железной дороги к Сухуму, г. Тиханов ответил мне, что «им не замечено особенных препятствий для осуществления этой идеи». По его словам, линию железной дороги предпочтительно было бы провести из Сухума по берегу моря к селению Дранды до устья реки Кодора, откуда вести ее вверх по этой реке в Дальское ущелье; у древней крепости Чхалты она должна будет повернуть в чрезвычайно живописное ущелье реки Клыча и подойти к Клухорскому перевалу на высоте 5 тысяч футов над уровнем моря. Отсюда трудна разработка железнодорожного пути только на пространстве 7 верст, далее идет уже ровная местность вплоть до Батапашинска и ст. Не-

винномысской. Линия от ст. Невинномысской до перевала благоприятнее для разработки, чем с другой стороны перевала к Сухуму. По словам г. Тиханова, так называемая тебердино-кодорская тропа может оказать большую помощь для подвоза строительных материалов при постройке перевальной железной дороги. Эту тропу интересно было бы сохранить для местного движения и в будущем.

Значение вышеозначенной перевальной железной дороги на Сухум имеет громадное значение не только для нашего побережья, но и для всего Поволжья. Как известно, вопрос о соединении Царицына с ст.Тихорецкой владикавказской железной дороги – решенный вопрос, чрез года два-три постройка этой дороги уже будет закончена. Грузы всего Поволжья направятся к Новороссийску. Но порт в Новороссийске и без того переполнен грузами хлеба Кубанской области, он уже теперь представляет препятствия для свободного экспорта производительности южной России. Хотя новороссийский порт не замерзает, но значение ужасающей стихийной силы его бора – холодного ветра, вырывающегося из ущелья, настолько велико, что он приводит в трепет самых смелых моряков. Из памяти моряков и горожан Новороссийска не могло исчезнуть воспоминание ужасного события, когда на глазах собравшейся на берегу публики потонул у самого берега пароход и команда, бывшая на нем. Благодаря бору и брызгам волн, пароход в полчаса покрылся таким толстым слоем льда, не поддававшегося топорам команды матросов, что под давлением его пошел ко дну. Бора в Новороссийске заставляет часто пароходы миновать этот порт.

Страх подвергнуться такой участи, проходя мимо Керчи и Новороссийска, всегда преследует во время известного периода моряков.

Повторяем, постоянное переполнение грузами новороссийского порта и его бора настолько значущий факт для южной России, что необходимость искать другой порт на Черном море для вывоза приволжских грузов очевиден для всех и примирит с мыслью устройства перевальной железной дороги на Сухум и устройства в нем порта даже самых заклятых врагов этого проекта. Такой удобной и спокойной бухты, как сухумская, кроме Севастополя, на Черном море нет. Интересны сведения г.Тиханова, собранные им в Ново-Афонском монастыре. Из собранных данных о богомольцах, являющихся в монастырь со всех мест России, получился вывод, что в среднем на каждый день в году Ново-Афонский монастырь дает приют двумстам русских паломников. Такой грандиозный приток молящихся гарантирует железную дорогу в будущем, что для одних

только паломников из простонародья потребуется не только один, но может быть и два поезда в сутки. Нет сомнения, что и культурный люд России при известных удобствах сообщения облюбует Сухум, как климатическую станцию во время зимы, а красоты побережья будут вызывать охоту у многих россиян возможно чаще посещать наш теплый жизнерадостный уголок.

Перевальная железная дорога от ст. Невинномысской до Сухума, по словам г.Тиханова, будет не длиннее 300 верст, с уклоном не более 0,025. Длина тоннеля будет около 15-ти верст. Считая, что стоимость разработки одной версты тоннеля не превзойдет одного миллиона, тоннель обойдется в 13-14 миллионов рублей. Расход по постройке полотна дороги, мостов и других сооружений, судя по соображениям г.Тиханова, будет стоить не дороже 50 тысяч рублей верста. В общем соединение Сухума с ст. Невинномысской железнодорожным путем потребует не более 30-ти миллионов рублей. Прорытие тоннеля потребует не менее 10 лет работ, но для предпринимателей выгодно было бы, пока будет строиться тоннель, создать чрез Клухорский перевал так называемую зубчатую железную дорогу, наподобие тех, которые применяются в швейцарских Альпах. С помощью зубчатой железной дороги сообщение между Сухумом и ст. Невинномысской могло бы начаться через три года с момента возникновения работ.

Устройство порта в Сухуме вызовет расход, не превышающий 4 миллионов рублей. Ради санитарного оздоровления Сухума необходимо, чтобы порт для стоянки и нагрузки судов был вычерпан в местности, лежащей сейчас же за крепостью, на пространстве одной квадратной версты, чуть не ниже уровня моря и заливаемой рекою Гнилушкою. Цвет воды этой речушки, благодаря разложению в ней органических веществ, бурый, точно настой кофе. Исчезновение болота, разработанного под порт, повело бы к совершенному исчезновению лихорадок в Сухуме.

В заключение могу сообщить, что добрые результаты наблюдений г.Тиханова, нет сомнения, поведут за собой, в начале предстоящей весны, присылку в Сухум от общества владикавказской железной дороги партии инженеров для подробных изысканий предполагаемого железнодорожного пути от ст.Невинномысской на Сухум.

Г.А.Рыбинский

Газ. «Кавказ».
1895, №22

Переселенческое дело в Сухумском округе

По официальным сведениям 1890 года, всех переселенцев в Сухумском округе было 11.416 человек, что составляет 15,88% всего населения округа или почти седьмую часть. Но число переселенцев должно быть значительно больше приведенной цифры, ввиду того, что часть переселенцев, армян и мингрельцев, живущих на арендованных помещичьих землях, не регистрированы полицией.

Впервые идея о переселении в Сухумский округ возникла у администрации в 1868 году, когда часть абхазцев, из богатой местности Цебельды, начали эмигрировать в Турцию, оставив на произвол судьбы свои довольно культурные поля и сады. В том же году проектировано было заселить эти места исключительно переселенцами центральных губерний, но этот проект почему-то тогда же не осуществился. Тем не менее, мысль о заселении этих богатых, свободных земель не была оставлена, почему было организовано четыре селения: Георгиевское, Михайловское, Ольгинское и Сергиевское. В этих четырех селениях предложено было водворить двести семейств греков и болгар, причем греки были выписаны из Турции, а болгары из Херсонской губернии. Каждому семейству или дыму было отведено в наделе 30 десятин земли и выдано безвозвратно пособия по 40 рублей, а с возвратом – по 50 рублей, с рассрочкой платежа на пять лет. Затем они еще были освобождены от всех податей и повинностей на 15 лет. На таких условиях водворились в Цебельде всего 111 семейств; поэтому из 6000 десятин земли, отведенной под четыре вновь организованных селения, оставались незаселенными 2700 десятин. Ввиду того же обстоятельства, что больше не было переселенцев, желающих занять эти свободные культурные земли, с целью не дать краю одичать, начальник округа, генерал-майор Кравченко, в 1872 году вошел с ходатайством к высшему начальству края о наделении этой свободной землей служащих Сухумского округа и других лиц, на известных условиях, по исполнении которых эти участки должны были перейти в их полную собственность. В проекте указывалось на ту громадную пользу, которую могли бы оказать округу в сельскохозяйственном отношении культурные хозяева умелой постановкой своих будущих образцовых хозяйств. В проекте предполагалось отвести каждому хозяину до 30 десятин земли на следующих условиях: во-первых, чтобы на отведенном участке была возведена постройка в продолжение первых двух лет

(а какую постройку, об этом не было более или менее определенных указаний); во-вторых, чтоб третья часть всего участка была в продолжение последних трех лет расчищена и обработана под посев каких-нибудь сельскохозяйственных растений. Проект этот был утвержден, и на таких условиях было роздано 57 участков.

В 1879 году, согласно проекту, была организована для осмотра этих участков комиссия, которая после исследования деятельности временных хозяев укрепила часть участков за временными владельцами их; другие, по разным соображениям, оставила еще на известный срок у хозяев для выполнения необходимых условий, а остальные участки отобрала у временных хозяев, как не выполнивших условий. Несмотря, однако, на столь легкие и выгодные условия приобретения 30-ти десятинных богатых земель, как вследствие оказалось, только 40 участков из 57 были оставлены и закреплены за временными хозяевами, а остальные окончательно отобраны. Теперь невольно выступает вопрос, оправдали ли господа культурные хозяева надежды правительства, которое во имя поднятия сельскохозяйственной культуры округа так щедро и на таких условиях роздало 1200 десятин роскошной земли? На этот вопрос приходится, к сожалению, ответить отрицательно. Эти господа, после отвода им земель, нашли для себя более выгодным выполнить условия через арендаторов-мингрельцев, которые охотно брали земли у них и обязывались выполнить все необходимые условия и сверх того уплачивали еще часть урожая. Таким образом, компания культурных хозяев, исключая единичных представителей, не затратив никаких материальных средств, ни умственного и физического труда, получила за две 60 коп. марки по 30 десятин богатой земли в 25-30 верстах от Сухума. В настоящее время десятина этой земли продается не менее как за 80-100 рублей.

Укрепив за собой участки, ни один из этих господ не сел на землю и не занимался хозяйством. Они предпочли предварительно вырубить и продать вековые ореховые деревья, а затем предоставили свои участки арендаторам-мингрельцам за ¼ – ⅓ часть урожая кукурузы. Некоторые из этих хозяев теперь получают в год со своих участков от 300 до 400 руб. ренты. Все эти господа смотрели и теперь смотрят на свои участки, как на хороший источник дохода в настоящее время и надеются продать их в будущем за большие деньги.

Переселенцы – греки и болгары – начали на отведенных им участках устраиваться и заниматься сельским хозяйством. Небольшая

группа переселенцев-греков взялась за культуру табака, а остальные – исключительно за кукурузу. Благодаря громадным наделам, богатой почве, климату, денежному пособию и разным льготам по отбыванию податей и повинностей, эти переселенцы быстро стали устраиваться, и их экономическое положение за короткое время значительно улучшилось, но, к сожалению, началась русско-турецкая война, которая почти окончательно разрушила все возведенное и заведенное в Сухумском округе. Переселенцы, греки и болгары, принуждены были бросить свои хозяйства и отступать с русскими войсками. Во время же войны часть абхазцев изменила русским и перешла на сторону Турции; после войны уже многих абхазцев не было в округе, притом изменников высылали в Турцию, почему оставалась масса свободной земли, которую нужно было заселять. В 1879 году, после войны, вновь возникла мысль о заселении свободных культурных земель округа, причем по некоторым политическим соображениям, решено было заселить Гумистинский и Гудаутский участки исключительно русско-подданными христианского вероисповедания. Для этой цели было отведено 23.600 десятин земли.

Вопрос о водворении на этих землях был затем рассмотрен советом главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, причем было решено заселить эти земли исключительно русским населением на следующих условиях:

назначить каждому семейству в надел 15 десятин земли;

организовать подворное владение на наследственном праве перехода земли;

установить размер оброчной платы применительно к правилам о поземельном устройстве государственных крестьян Ставропольской губернии;

отвод надельных земель по иллюстрационным актам – на основании правил о поземельном устройстве государственных крестьян;

отвод леса на дым – в размере от 2-х до 3-х сажень;

предоставление льгот на отпуск бесплатно леса и освобождение на 10 лет от взноса податей и повинностей.

Правила эти почему-то не были утверждены и осуществлены.

Во время разработки этих правил начали усиленно иммигрировать в округ из России – русские, эстонцы, немцы и молдаване, из Турции – греки и армяне, из сенакского и зугдидского уездов – мингрельцы. По мере пребывания этих переселенцев отводились им, по их выбору, земли, где они поселились и образовали селения. В 1889 году военно-народное управление передало из своего ведения в

управление государственными имуществами кутаисской губернии леса, пастбища, а также 28 вновь организованных селений в Гумистинском и Гудаутском участках, с земельным наделом в 23.600 десятин.

Переселенцы были наделены землей следующим образом: первые переселенцы, греки и болгары, получили, как я уже говорил, по 30 десятин на дым; таких семейств было 111. Но после войны большинство переселенцев-болгар не захотело вернуться обратно в округ, почему эти участки были переданы мингрельцам, которые приняли на себя также их казенный долг. Все остальные переселенцы после войны получили по 10 десятин на дым, исключая одно русское селение – Полтавское, жители которого получили в надел по 15 десятин, ввиду не особенно удобной земли, и второй половины переселенцев-мингрельцев, которые, согласно предписанию господина главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, получили в надел на дым по пяти десятин земли. Из этого краткого обзора видно, что переселенцы в земельном отношении были обставлены довольно удовлетворительно, но, к сожалению, при наделении землей, не принималось во внимание количество душ в дыме и сообразно этому не менялся размер надельной земли. Едва ли справедливо, семейству, состоящему из 8 душ, отвести столько же десятин земли, сколько семейству, состоящему из двух душ. Такое неравномерное распределение земли пока не дает себя еще чувствовать, но в ближайшем будущем представит не особенно желательные результаты. В округе теперь имеется 21 тысяча десятин свободной земли, которые предназначены для раздачи коренным жителям. Кроме того, во многих селениях имеется достаточно свободной земли, которая отводится исключительно переселенцам из Европейской России.

Само собой разумеется, что переселенцам нелегко было покинуть свою родину, отправиться в незнакомую местность и создать себе там новую родину. Очевидно, что тяжелые условия жизни только могли вынудить их оставлять родные насиженные места, надеть тяжелое переселенческое ярмо и решиться на поселение в новой, незнакомой местности. Одних переселенцев заставили покинуть родину малые наделы, которые не могли прокормить их и удовлетворить государственные и земские подати и другие повинности; других – систематические неурожаи и плохая экономическая жизнь; а третьих – тяжелые социальные условия.

В первое время после появления их в округе, всем переселенцам было тяжело устраиваться на новой родине, куда их бросила судьба. Нужно было много энергии и терпения устроить новое гнездо и новое хозяйство: расчистить место под усадьбу и поле, построить хату, завести скот и т.д. Следует заметить, что места, где им приходилось поселяться, были сплошным лесом, кустарником и назойливым папоротником. Следовательно, нужно было действовать топором и огнем для того, чтобы на первых порах завоевать себе необходимые участки расчищенной земли под дом и пашню, чтобы зимою было где жить и чем прокормиться. Переселенцам из Европейской России, на первых порах, правительство отпускало субсидию деньгами и продуктами, часть которой они должны были возвратить. Не успели они взяться за трудную работу, как болотная лихорадка начала свои разрушительные действия над организмами бедных переселенцев. Усилению действия лихорадки благоприятствовали отсутствие как сносного помещения, так и горячей, питательной пищи, влажный климат и болотистая почва. Еще позднее переселенцам приходилось считаться с почвенными и климатическими условиями, – хлеба шли в рост, получалось большое количество соломы, жиденькие и плохенькие колосья. Все эти невзгоды различно действовали на переселенцев различных категорий. Некоторым из них климатические, почвенные, а также жизненные условия округа были более или менее знакомы, а другим они были совершенно чужды. Переселенцы из Европейской России: русские из губерний ярославской, владимирской, черниговской и полтавской, немцы и эстонцы из Эстляндии и западных губерний, наконец, болгары и молдаване из херсонской губернии вовсе не были подготовлены для местных почвенных и климатических условий; поэтому им пришлось перенести массу лишений и терять массу близких людей, раньше, чем удалось более или менее сносно устроиться на новой родине. Места, куда они поселились, во всех отношениях были новые для них и ничем не напоминали родину, которую покинули они в силу экономических условий. Горы, отсутствие снега и зимы, немало поражали северных жителей. Они для поселений выбирали равнины, которые отличаются в округе нездоровым климатом. Пшеница и рожь у них шли в рост, давали много соломы и мало зерен. Систематические неурожаи заставили их, наконец, оставить культуру этих злаков и взяться за кукурузу, которая у туземцев давала богатые урожаи. Следовало пшеничный и ржаной хлеб заменить кукурузным. Желудки переселенцев не охотно мирились с кукурузным хлебом, но

нужно было приспособиться к новой пище. Вследствие особенностей низменных мест, где поселялись переселенцы из Европейской России, тяжелого и напряженного труда, плохой жизни и питания, лихорадка начала сильно свирепствовать среди них. Смертность усиливалась, а рождаемость, быть может, по причине истощенности организмов, уменьшалась. Эти обстоятельства разочаровали многих из переселенцев, большинство из которых вернулось обратно домой на родину, а остальные энергично взялись устраиваться, приспособляясь к местным условиям. Приняв у туземцев культуру кукурузы, переселенцы из Европейской России ввели в нее некоторые усовершенствования; они начали обрабатывать почву железным плугом и бороной, эстонцы и немцы разбросной посев кукурузы заменили рядовым посевом под плуг, ручную обработку, т.е. мотыжение и окучивание кукурузного поля заменили междурядными конными орудиями. Эти переселенцы впервые ввели в округе культуру картофеля, капусты, льна и других сельскохозяйственных растений, а также начали готовить такие молочные продукты, как масло, сыр, сметану и творог. В последнее время эти переселенцы устроились значительно лучше и живут в отдельных чистеньких хатках, завели рабочий и молочный скот и огороды; словом, они достаточно освоились с местными климатическими, почвенными и др. условиями. Разрушительная сила лихорадки хотя и значительно ослабела среди этих поселенцев, тем не менее они ею болеют в большей степени, чем другие переселенцы округа. Экономическое положение теперь у них значительно поднялось, смертность сравнительно с первыми годами уменьшилась, а рождаемость увеличилась. Из этого беглого обзора видно, что переселенцам первой категории приходилось много воевать с природными условиями Сухумского округа, но благодаря устойчивости характера и трудолюбию, им удалось, в конце концов, устроиться удовлетворительно и завести местную культуру.

В сельскохозяйственном отношении они внесли много нового и хорошего в округе. Они впервые ввели усовершенствованные земледельческие орудия, правильную обработку почвы, новые культурные растения и различные молочные продукты. Эти переселенцы могут теперь служить в этом отношении для туземного населения прекрасными образцами по улучшению хозяйств. Нет сомнения, что туземцы со временем начнут заимствовать у своих более культурных соседей усовершенствованные орудия и культурные растения. Вообще говоря, переселенцы из России должны иметь в сельскохозяйственном отношении громадное воспитательное значение для

коренного населения округа, у которого в особенности обработка почвы стоит на очень низкой ступени. Они в округе пользуются любовью и уважением, слывут за честных людей и прекрасных работников.

Переселенцы второй категории, выходцы из Турции – греки и армяне – были довольно подготовлены к жизненным, климатическим и почвенным условиям округа. Они выбирали для поселения более возвышенные места, где климат значительно здоровее, знакомы были с культурой кукурузы, а также подготовлены еще на родине к кукурузной пище. Они здесь встретили более богатую и девственную почву, которая обещала давать богатые урожаи от будущих табачных плантаций. Природа округа их почти ничем не поражала, ибо она не столь сильно отличалась от таковой в Турции, но в социальном и нравственном отношениях они почувствовали себя прекрасно, так как больше не приходилось переносить варварских притеснений со стороны алчных чиновников оттоманского правительства и их единомышленников курдов. Им только оставалось более или менее приспособляться к климатическим и почвенным условиям округа и энергично взяться за свои табачные плантации и кукурузу, которые не замедлили вознаградить тяжелый труд, прилагаемый земледельцем. В первое время, да и теперь, они нуждались в деньгах, ибо культура такого растения, как табак, требует массу рабочих рук и денежных затрат раньше, чем он будет продан. Нужно было устраивать сушильни для табака и амбары для его хранения. Кулаки и табачные дельцы не замедлили оказать переселенцам-табаководам свои услуги и давать им в заем деньги на очень тяжелых условиях, пользуясь их безысходным положением. Некоторые из этих господ окончательно закабалили табаководов и эксплуатируют их самым бессовестным образом. Впрочем, может быть, я буду иметь возможность сделать впоследствии особое сообщение о табаководстве и табачной торговле в Сухумском округе. Необходимо было табаководам усиленно работать, чтобы самим прожить и считаться с своими псевдо-благодетелями. Несмотря на эти тяжелые условия, значительные заработки от табаководства дали возможность довольно хорошо устроиться за короткое время. Из этого краткого обзора видно, что переселенцы этой категории были достаточно подготовлены для Сухумского округа, сумели выбрать здоровые места для поселений и заниматься такой культурой, на которую в России имеется большой спрос. В настоящее время эти переселенцы ежегодно доставляют в Россию из округа роскошного табаку, мало уступающего турецкому, около 70 тысяч пудов, на сумму приблизительно 700 тысяч рублей. Таким образом, правительство в

переселенцах Сухумского округа из Турции приобрело прекрасных табаководов, которые впервые занесли в округ это культурное растение, создали торговлю на 700 тысяч рублей и подняли производительность округа и его экономическую жизнь. Переселенцы этой категории пользуются в округе большим уважением, отличаются трудолюбием и честностью и значительным экономическим благосостоянием.

Переселенцы третьей категории – мингрельцы – выходцы из Сенакского, Зугдидского и других уездов Кутаисской губернии. Они в Сухумском округе встретили почти совершенно одинаковые климатические и почвенные условия с теми, которые имелись у них на родине. Причина, заставившая их покинуть родину и переселиться в округ – малоземелье, которым более всего на Кавказе и по всей России отличается Кутаисская губерния. Дробность земельных участков вообще в Кутаисской губернии поразительная; часто приходиться встречать, что целый дым имеет всего одну или часть десятины. Только благоприятные климатические условия, исключительные сельскохозяйственные культурные растения и ограниченные во всех отношениях потребности жителей, дают возможность существовать здесь многим крестьянам. Кукуруза дает довольно хорошие урожаи, а виноградники, дававшие несколько лет тому назад значительные доходы, с появлением филлоксеры, оидиума и др. виноградных болезней, почти погибли, и доходность с них свелась на нуль. Переселенцы-мингрельцы в округе занимаются культурой кукурузы и в сельскохозяйственном отношении ничего нового не внесли в жизнь округа...Заслуга мингрельцев в округе та, что они расчистили массу земель из-под леса, кустарника и папоротника под кукурузу. Благодаря единичным личностям, которые учиняют скотокрадство, причиняющее немало вреда остальным переселенцам и сельскому хозяйству округа, мингрельцы не пользуются доверием со стороны соседей.

Правительство наше, следящее за делом заселения края, находит достаточной численность мингрельцев, греков и армян и принимает меры к облегчению оседания на свободные земли русских поселенцев. Однако фактически это переселение трудно остановить, благодаря крайне тяжелым экономическим условиям у них на родине, в Турции. Условия эти настолько тяжелы, что они соглашаются переселяться в округ без получения надельной земли, и берут земли в аренду у помещиков на довольно тяжелых условиях. Я, пожалуй, буду иметь возможность в будущем более подробно говорить об аренде и ее условиях, но теперь только скажу, что за десятину в год под кукурузу платят от 10 до 12 рублей, а под табак – от 10 до 20 и

более рублей. Из 28 вновь образованных селений, до 12 селений с 570 дымами обложены податью, как и коренные жители, в размере двух рублей 88 копеек, из которых один рубль государственной подати, а 1 рубль 88 копеек – земского сбора; остальные 17 селений до сего времени не вносят в казну никаких податей, только отбывают воинскую повинность, так как их права на льготы еще не совсем выяснены. Из этого краткого обозрения видно, что правительство поставило переселенцев в довольно благоприятные условия, с целью дать им возможность нормально устраиваться на новом месте и развивать свои хозяйства. Можно надеяться, что переселенцы умело воспользуются этими льготными условиями и поставят свои хозяйства так, что они дадут результаты, которые оправдают затраты и заботы правительства.

Л. Гукасянц

Газ. «Кавказское сельское хозяйство». 1895, №№73, 74

Поземельное дело в Сухумском округе

Раньше, чем приступить к поземельному вопросу в округе, необходимо сказать несколько слов об Абхазии и о сословном составе её населения. Приняв русское подданство в 1810 году, владетельный князь Абхазии продолжал до 1864 года править своей страной по народным обычаям и изустным законам, под главным надзором русского правительства. В 60-х годах в Абхазии происходили несколько раз беспорядки, которые усмирялись русскими войсками. В 1864 году в Абхазии было введено русское правление, причем вся земля была объявлена казенною и после того распределялась по усмотрению правительства. Все абхазцы разделялись на следующие сословия*: 1) тавады – князья, 2) амиста – дворяне, 3) ашнахума – телохранители владетеля, 4) анхао – крестьяне и 5) агруа – рабы.

Тавады – князья – считали в своих рядах богатых и бедных; первые владели большими поместьями, причем имели в зависимости даже дворян, а вторые зависели всецело от милостей владетеля. Все

* *Описание сословий в Абхазии мною заимствовано из статистического описания кутаисского военного губернаторства, составленного в 57 году военным генеральным штабом.*

они не платили никаких податей владетелю, но обязаны были повиноваться ему и являться в случае необходимости для его защиты.

Амиста – дворяне – делились на две категории: владельческие и княжеские. Первые владели населенными имениями и пользовались доходами не только со своих земель, но также частью доходов своих крестьян. Они должны были являться по приказанию владетеля для суда и защиты. Дворяне же княжеские обязаны были доставлять часть своих доходов князьям.

Ашнахума – телохранители владетеля – суть крестьяне родовых уделов владетельного князя; они пользовались почти одинаковыми правами с дворянами, иногда владели крестьянами и составляли почетную стражу владетеля.

Анхао – крестьяне – разделялись на две категории: владеющие землей и не владеющие; первые обязаны были доставлять часть доходов владельцу, не неся при том личной службы, а вторые должны были обрабатывать землю помещика, который в свою очередь наделял их землей. Крестьяне могли иметь рабов, сами не подлежали телесному наказанию и могли судиться со своими владельцами, за нанесенные обиды.

Агруа – рабы – составляли полную собственность владельца, который имел над ними неограниченную власть. Он мог их менять, как вещь, по собственному желанию. Но по укоренившемуся обычаю, рабы обыкновенно обязаны были работать три дня в неделю на своего владельца, а остальные дни они работали на себя. Сословие рабов составлялось из арабов, беглых мингрельцев, пленных горцев и т.д. Из сказанного видно, что Абхазия имела феодальное устройство.

После введения русского правления, в Абхазии в 70-х годах были изданы положения о поземельном устройстве жителей Абхазии, работы по которому были начаты до войны, но были прекращены по случаю ее. После войны пришлось изменить и дополнять положения 70-х годов, так как часть абхазцев изменила России во время русско-турецкой войны и перешла на сторону Турции. Поземельное устройство, исподволь продолжавшееся после войны, до сих пор еще не закончено.

До наделения землей абхазцев, правительство их разделило на два сословия: привилегированное и непривилегированное или крестьянское. К первому сословию были отнесены: тавады и амиста, а ко второму: ашнахума, анхао и агруа. Таким образом, благодаря этой реформе, в Абхазии было уничтожено крепостное право и рабство, чем была устранена эксплуатация крестьян и рабов привилегированными сословиями.

Наделение землей абхазцев всех сословий происходило следующим образом. Наследникам владетельного князя отводилось от 2 до 4 тыс. десятин прекрасной земли в прибрежной полосе. Главе дыма княжеского отводилось 50 десятин земли, а остальным членам по 25 десятин. Главе владельческих дворян – амисте отводилось 30 десятин земли, а остальным членам по 15 десятин. Главе дыма княжеских дворян отводилось 25 десятин земли, а остальным членам по 10 десятин.

Земельные наделы таких размеров получали в полную собственность те члены вышеприведенных сословий, которые во время войны не изменяли России; изменивших же наделяли следующим образом; главе дыма княжеского отводилось 35 десятин земли; а каждому следующему по 20 десятин; главе дыма дворян владельческих отводилось 25 десятин, а каждому следующему члену 15 десятин; главе дыма дворян княжеских отводилось 15 десятин, а каждому следующему члену по 10 десятин. Члены привилегированного сословия получали отведенную им землю в полную собственность, т.е. на праве частного землевладения.

Крестьяне же были наделены землей на правах общинного землевладения в следующих размерах: на дым, состоящий из одного члена, отводилось всего 3 десятины земли; от 2 до 3 членов – отводилось 5 десятин; от 4 до 5 членов – 6 десятин; от 6 до 7 – членов – 7 десятин и т.д. Таким образом, среди крестьянского населения, впервые было введено общинное землевладение. Благодаря тому, что крестьянское население не было знакомо с этим видом землевладения, во время раздела земли между ними получились некоторые нежелательные результаты, которые идут вразрез с принципом общинного землевладения. Сильные элементы деревни, во время раздела земли между собою, брали себе участки лучшие и больших размеров, а слабым членам деревни оставляли участки худшие и меньших размеров. Сплошь и рядом можно слышать от абхазца, что его сосед владеет 10-15 десятинами земли, а он или другой и трех десятин не имеет, хотя членов в его семье больше, чем у того. Как видно, передел земли вовсе не практикуется в Сухумском округе. Для урегулирования земельных наделов среди крестьян желательно было бы произвести передел земель теперь же и повторять его через известные определенные сроки под непосредственным руководством мирового посредника и администрации, присутствие которых может удержать хищнические наклонности деревенских кулаков.

Только тогда этот новый для абхазцев вид землевладения даст свои положительные результаты. Удовлетворив земельными наделами коренных жителей округа, правительство часть свободных земель распределило следующим образом:

Для поселения переселенцев в гудаутском и гумистинском участках	23.200 дес.
Трем монастырям	3.390 дес.
Городу Сухуму	4.000 дес.
Местечкам Очемчиры и Гудауты	1.200 дес.
Чиновникам Сухумского округа и другим лицам по 30 десятин	1.200 дес.
55 чиновникам военного и гражданского ведомства; за действия по округу	33.200 дес.
Всего	66.290

Теперь интересно проследить, насколько умело воспользовались лица и учреждения своими надельными земельными участками? Как я уже говорил, 23200 дес. земли были отведены под 28 вновь организованные селения с 1752 дымами и населением 7440 человек. На один дым в среднем приходится 13,2 десятин, а на одного сельского человека 3,1 десятин. Надо заметить, что часть земель была неудобна для сельскохозяйственной культуры. Переселенцы прекрасно выполнили возложенную на них задачу; они уже значительную часть своих земель расчистили из-под леса, кустарника и папоротника, и довольно хорошо устроились. Следовательно, своими надельными землями воспользовались умело и с большой пользой для себя и округа.

Монастыри, получившие надел 3390 десятин земли, также расчистили землю и ведут довольно хорошо свои хозяйства, в особенности Афонский монастырь, который является культурным центром в сельскохозяйственном отношении среди Абхазии. Город и местечки дают свои участки в аренду и полученные деньги употребляют на свои нужды; часть земель они отвели школам. О сорока лицах, получивших по 30 десятин земли, я уже подробно говорил в статье «Переселенческое дело в Сухумском округе». Они сами не занимаются хозяйством и эксплуатируют свои участки, как умеют, 55 чиновникам военного и гражданского ведомства было отведено 33200 десятин земли, хотя довольно значительный % этих земель не пригоден для сельскохозяйственной культуры. Правительство, от-

водя эти земли, возлагало на них большие надежды, рассчитывая на серьезный подъем сельского хозяйства округа. В проекте, предоставленном на усмотрение правительства, говорилось, что только эти господа своими будущими благоустроенными хозяйствами могут с пользою для округа утилизировать эти культурные земли и не дать им одичать. Минимальный размер надела был допущен в 10 десятин, а максимальный в 7440 десятин. В среднем на человека приходилось 605 десятин. Эти господа, к сожалению, не оправдали ожиданий правительства и не только не подняли сельского хозяйства в округе, а, напротив, способствовали одичанию довольно культурных земель, которые оставили абхазцы. В последнее же время они значительно высокими ценами на землю и арендными платами положительно тормозят развитие сельского хозяйства в округе. Ценность земель в последние годы значительно поднялась благодаря тому, что в округ переселяется масса армян и мигрельцев, не имеющих в округе наделов, но нуждающихся в земле. Цена десятины хорошей земли 10-12 лет тому назад доходила до 10-20 руб., а теперь она поднялась до 80-100 руб. Лет 12 тому назад бывший начальник округа Введенский продал отведенный ему участок в 380 десятин кутаисскому аптекарю Битушинскому за 8 тыс. руб.; а в 92 году переселенцы-армяне купили от последнего этот участок за 32 тыс. руб.- ровно в четыре раза дороже. Таким образом, посредством наделения землей 55 чиновников в округе был создан класс землевладельцев, которые с сельским хозяйством не имели ничего общего. Часть этих господ продала свои участки, а остальные владельцы терпеливо ждут выгодных покупателей или арендаторов, которые постепенно являются, в силу существующих условий.

Из этого краткого обзора видно, что землевладельцы последней категории ничего хорошего не внесли в жизнь округа в сельскохозяйственном отношении, напротив, некоторым образом тормозят естественный ход развития сельского хозяйства, потому что сами не занимаются им, не дают возможности заниматься другим. Желательно было бы, чтобы правительство покупкой у этих лиц отобрало обратно отведенные им земли и наделяло их землей крестьян, так как эти земли лежат большею частью непроизводительно и с каждым днем все более теряют культурность, т.е. покрываются папоротником, кустарником и лесом. Для полноты обзора поземельного дела в Сухумском округе, считаются нелишним привести распределение всех земель округа, представив его для наглядности в виде следующей таблицы.

Распределение земель Сухумского округа		десятин	%
Казенных земель			
Под лесами		257.250	38,4
Под пастбищами		143.450	21,4
Для наделения коренных жителей		21.000	3,1
	Всего	421.700	63,9
Частновладельческих земель		десятин	%
Фам. княз. Шервашидзе		17.200	2,6
князей и дворян абхазских		16.900	2,5
55 чиновников Сух. округа		33.200	4,9
40 лиц чиновников и др. лиц		1.200	0,1
	Всего	68.500	9,9
Крестьянских земель		десятин	%
Коренных жителей		147.190	2,2
Пришлого населения		23.200	3,3
	Всего	170.340	25,4
Земель разных учреждений		десятин	%
Монастырских		3.390	0,5
города Сухума		4.000	0,6
местечек Очемчиры и Гудауты		1.200	0,1
	Всего	8.590	1,2
Всего земель в Сухумском округе		664.479	100

Из таблицы распределения видно, что казна является самым крупным землевладельцем в округе, но, к сожалению, ее земли лежат вне культурной полосы и поэтому не могут быть отведены под поселения. Второе место занимает крестьянское землевладение, третье частновладельческое и, наконец, последнее – разных учреждений.

Л. Гукасянц

Газ. *«Кавказское сельское хозяйство».*
1895, №78,79

Сухум
(Корреспонденция «Нового обозрения»)

Слухи о преобразовании местной двухклассной горской школы в 4-х классное училище встревожили абхазское население Сухумского отдела. Названная школа, основанная военно-народным управлением специально для горцев (абхазцев) является единственной в целом отделе, где бесплатно обучаются дети несостоятельных лиц, независимо от их вероисповедания. Хотя программа ее очень скромна, все – же школа за время 30-летнего своего существования выпустила из своих стен сравнительно немало грамотных абхазцев, что, конечно, не осталось без влияния на абхазскую жизнь.

С преобразованием сухумской городской школы в духовное училище, куда могут поступать исключительно дети православного вероисповедания, для детей абхазцев, подавляющее большинство которых составляют магометане, закрыт, будет доступ в школу. Неудовлетворительное состояние дела народного образования в Сухумском отделе заметно сказывается на экономическом положении населения, так и на большом проценте преступлений всякого рода.

Абхазцы Гудаутского, Кодорского и Самурзаканского участков просили помощника кутаисского военного губернатора кн. А.А. Барятинского ревизовавшего недавно Сухумский отдел, ходатайствовать о сохранении за сухумской горской школой настоящего её типа; сами же сухумцы стоят за преобразование названной школы в городскую.

Ф.С.

Газ. «Новое Образование».
1895, №4077

Нам пишут:

Из Сухумского округа: «За последнее время сельские общины начали широко пользоваться предоставленным им правом высылки из своей среды порочных членов. Такие приговоры составлены моквским сельским обществом кодорского уч., ходатайствующим о выселке из края крест. Гедлача Миквабия, известного вора и конокрада. Жители Звандрипшской общины, гудаут. участка, представили ходатайство о высылке в Сибирь однообщественника своего крест. Григолия Ник. – для искоренения в обществе конокрадства и скотокрадства, а также, чтобы дать обществу полную свободу заниматься хозяйством, как сказано в приговоре. Этот Григолия наводил

такой страх на общество, что на сельском сходе, где он играл первенствующую роль, никто не решался поднять против него голос. Администрация с своей стороны хлопочет о высылке в одну из внутренних губерний России амиста из сел. Гали Самурзаканского участка Ник. Маргания, года три назад организовавшего в Черноморском округе шайку конокрадов и избравшего ареной своей деятельности округи черноморский и сухумский, а также зугдидский уезд. Недавно только Маргания пригнал из черноморского округа 10 лошадей, из которых 7 оказались принадлежащими управляющему имениями ген. Ковалевского.

Газ. «Новое Образование».
1895, №4078

М. Гудаут, Сухумского округа.
30 сентября
(Корреспонденция «Кавказа»)

Стоявшие здесь в первой половине лета засухи вызвали сильное беспокойство относительно урожая кукурузы, но перепавшие в августе дожди поправили дело: урожай будет удовлетворительный, а местами хороший. Да и пора, а то в прошлом году пришлось выдать жителям Гудаутского участка в ссуду до 4000 пуд кукурузы, тогда как из м. Гудаут отправляется до 100000 пуд. ее. Хороший урожай дал и самый распространенный здесь виноград – изабелла.

При таких условиях число пытающихся переселиться в Турцию абхазцев еще уменьшится, тем более у них на глазах была уже масса примеров того, как круто приходится там переселяющимся.

Да и вообще переселение дело не легкое, что можно видеть на примере здешних поселенцев – русских. Злополучные баклановцы сеют теперь одну кукурузу; пшеницу приходится покупать, чтобы подмешивать к кукурузной муке. Разумеется, кукуруза дает доходы неважные и без посторонних заработков сводить концы с концами трудно.

На выручку явилась возможность работать на табачных плантациях, разводимых здесь армянами и греками. Работают и мужчины, и женщины и, конечно, помимо небольшого заработка работы эти оставляют на крестьянах глубокие следы в виде разврата и усиления пьянства. Но еще хуже положение новоселов. В начале весны партия их прибыла, чтобы поселиться на так называемой бомборской поляне. Вот уж и октябрь на носу, а они живут пока в шалашах, спят

на земле, и, конечно, болеют. Неустроенность, кроме того, заставляет их шататься и пьянствовать, тем более что поселенцы эти народ довольно разношерстный. Да и настоящим пахарям трудно ориентироваться в совершенно новых условиях, а руководителями их является та же местная администрация, которая далеко не всегда находится на высоте даже и в других отношениях.

В мест. Гудауты недавно возник новый промысел – ловля устриц. Из крупных предпринимателей здесь только один. Он отправляет устрицы в Севастополь черноморскому обществу рыболовства и рыбоводства, которое некоторое время выдерживает их там, в морской воде (чтобы они утратили якобы присущую им горечь), а затем отправляются в Москву, Петербург и др. города. Устрицы эти отправляются в небольшом количестве и в Батум, где их едят без всякого выдерживания. Достают устриц на расстоянии 2 – 2,5 верст от берега на глубине 9-12 сажень при помощи простого приспособления. Оно состоит из наклонно поставленного узкого железного прямоугольника, поддерживаемого в этом положении прикрепленными к нему вилообразно разветвленным толстым железным прутом; к пруту привязывается веревка, а к прямоугольнику небольшая охватывающая его по краю сетка. Отъехавши от берега, промышленники опускают снаряд на дно, и, отпустивши веревку, сажень на 35, отъезжают и тянут снаряд по дну; при этом прямоугольник, удерживаемый вилообразным прутом в наклонном положении, отрывает устриц своим нижним краем, и они попадают в сетчатый мешок.

Собранные устрицы сохраняются в большом деревянном корыте, где они промываются, а затем перед приходом парохода нагружаются в ящики (по 900 – 1000 шт.); для поддерживания в них влажности, на дно ящика и под крышку кладется мокрая морская трава.

В Севастополе устрицы сбываются по 4,50 коп. за тысячу с доставкою и укупоркою, по мелочам же их продают на месте по 25-30 коп за сотню или по 1-2 рубля за 1000.

Мелкие промышленники (главным образом, турки) сбывают свои устрицы на пароходы и в ближайшие места побережья. Здешние устрицы мелки с довольно толстыми, трудно раскрывающимися черноватыми створками. Говорят, что их присылали на пробу одному из членов тифлисского английского клуба, но ответа до сих пор не получено.

Т.Ст.

Газ. «Кавказ».
1895, №262

[Абхазцы в Аджарии]

Во время переселенческого движения абхазцев из Сухумского округа в Турцию немало абхазцев поселилось и в Батуме, до присоединения его по Берлинскому трактату к России. Здесь, в местности «Нуриэ», отводились переселенцам участки земли в оброчное содержание, с тем, что по истечении 20 лет, участки эти, коими они до срока должны были пользоваться на правах аренды, поступили бы в их собственность. Но когда наступило смутное время, после которого, как стало известно, Батум должен быть присоединен к России, переселенцы из Абхазии начали ходатайствовать пред турецким правительством о выдаче им документов на отведенные участки земли, несмотря на то, что до истечения двадцатилетнего срока оставалось еще много времени. Ходатайство абхазцев выражалось в том, что если Батум будет присоединен к России и у них документов не окажется, то земли, которыми они пользовались, были бы признаны русским правительством казенным. Долгое время турецкое правительство колебалось в выдаче абхазцам документов, но, накануне сдачи Батума, т.е. 24 августа 1878 г. (а Батум был занят нашими войсками 25 августа), по распоряжению главнокомандующего Цихисдзирской армией, Дервиша паши, абхазцам были выданы документы на земли, коими они пользовались. Так как никаких инструкций относительно выдачи абхазцам документов Дервиш паши из Константинополя не имел, то, впоследствии и не были признаны русским правительством августовские девтары (крепостные книги), в которых записывались те документы, действительными, несмотря на то, что до получения девтаров из Константинополя, существовавшая здесь временная поземельная комиссия – признавала все документы действительными. А в силу документов, рассмотренных и признанных комиссией действительными, местный нотариус до 1884 года совершал акты о переходе прав собственности от одних лиц к другим. Продавцы за отчужденные земли получили деньги и уехали за границу, а к покупателям предъявлены иски об уничтожении документов, так как прежние владельцы оказались не настоящими хозяевами. Выяснилось, что на один и тот же участок земли местная турецкая администрация повыдавала несколько документов. Вот почему и вышла у нас такая путаница с Нурийскими землями, о которых предъявлено бесчисленное множество процессов в Кутаисском окружном суде, в Тифлисской судебной палате и в Сенате.

Газ. «Черноморский вестник».
1895, №116

О Черноморском округе

Из правительственных забот об устройстве Черноморского округа последним важным мероприятием надо признать учреждение особой экспедиции для исследования нагорной и средней полос этого округа.

Экспедиция получила Высочайшее утверждение 13-го марта 1895 г. и состояла в прошлом году: из начальника экспедиции чиновника особых поручений V класса при министре земледелия статского советника Краевского и членов: одного агронома, одного техника по проложению дорог, двух таксаторов лесного ведомства и двух землемеров. Задача экспедиции по исследованию должна состоять в приведении в известность отдельно для каждого речного бассейна: 1) мест бывших горских поселений, 2) площадей, состоявших под культурами горцев и пригодных для возделывания, 3) лесных площадей, которые по ценности насаждений, защитному своему значению или по влиянию климата местности должны быть выделены в состав лесных дач, подлежащих охране, 4) надельных душевных или подводных норм, соответствующих почвенным, климатическим и хозяйственным условиям данного места, 5) участков, пригодных для водворения поселенцев деревнями, с указанием приблизительной их площади и числа душ, могущих быть водворенными, 6) участков, пригодных для хуторского хозяйства, с указанием размеров, 7) размеров затрат, потребных для возделывания земли, под ту или иную культуру, 8) дорог (проезжих или вьючных), долженствующих связать все намеченные в бассейне данной реки пригодные под заселения места с прибрежной полосой, протяжение этих дорог и стоимость их приложения, 9) пособия переселенцам, соответствующие местным условиям: отпуск леса, предварительная подготовка строевых материалов, денежные ссуды, отпуск посадочного материала, льготы в отбывании податей и повинностей и проч.

Экспедиция в прошедшем году могла приступить к работам только с 1-го июня. В течение 5 месяцев работы были в 4-х бассейнах. Весь состав экспедиции был в 2-х бассейнах – псезуапском и мзымтском, а затем с сентября-месяца экспедиция была разделена. Одна часть работала в бассейне р. Псоу, а другая была послана в бассейн р. Бзыби. В последний бассейн (Сухумск. окр.) часть экспедиции была послана потому, что департамент земледелия предложил начальнику экспедиции осмотреть попутно и ближний бассейн Сухумского округа. Так как этот бассейн в нагорной своей части

был уже ранее исследован и снят силами одной из кавказских лесоустроительных партий, то для новых целей надо было сделать только некоторые добавления. Самому начальнику экспедиции в бассейне Бзыби не пришлось быть, так как он сопровождал прибывшего в Сочи управляющего земским отделом министерства внутренних дел д.с.с. Стишинского. Г. Стишинский со своим секретарем Куломзиным и начальником экспедиции были в бассейне р. Псоу, осматривали места, пригодные для культуры и поселений. Затем они для тех же целей перевалили в бассейн р. Мзымты, куда прибыл также вице-инспектор корпуса лесничих В.А.Тихонов. Предполагалось, что все эти лица поедут в горы вместе с гофмейстером д.с.с. Ник. Сав. Абаза, которому вверено главное наблюдение этих экспедиций, но вследствие длившейся непогоды д. ст. сов. Абаза вместе с инженером-путейцем экспедиции, был в бассейне Мзымты уже после выезда оттуда гг. Стишинского и Тихонова, которые вместе с начальником экспедиции, взяв с собой агронома, побывали в Сухуме и его окрестностях.

В результате первых работ экспедиции найдено немало новых мест, пригодных для поселения, каковые в большинстве суть бывшие аулища черкесов, брошенные 30 лет тому назад и заросшие лесом. В малом составе экспедиции весьма трудно было производить исследования точные и подробные, а потому по бассейну р. Псезуапсе работы еще не вполне закончены, а часть бассейна, около 8 тысяч десятин, осталась вовсе неисследованной. Несмотря на многие препятствия, экспедиции все же удалось обследовать в этом бассейне до 15 тысяч десятин. Затем в бассейне Мзымты исследована 71 тысяча десятин, считая, в том числе богатые нагорные пастбища; в бассейне Бзыби сделаны добавочные наблюдения и исследован весь нагорный бассейн Псоу на пространстве 24 тысяч десятин. Этот последний бассейн по почвенным и географическим условиям оказался лучшим из 4-х осмотренных экспедицией бассейнов.

В «Тифлисском Листке» некто г.Ст. в числе препятствий к успешному заселению гористой местности Черноморского округа указывал на неподготовленность новоселов к ведению хозяйства в горах, и замечал, что в местах предполагаемых поселений нет никакого населения, от которого новоселам можно бы заимствовать приемы хозяйства. Из 4-х упомянутых мною бассейнов, только бзыбский, вследствие своей особой замкнутости, не имеет населения, в остальных же можно его встретить. В бассейне Псезуапсе есть черкесское селение в 20 верстах от самого дальнего пригодного места,

в бассейне Мзымты есть два селения – греческое и эстонское, последнее в 12 верстах от самого дальнего культурного места, и в бассейне Псоу эстонцы поселились почти среди культурных мест. Из неосмотренных экспедицией бассейнов в гористых местах есть население: в бассейне Ашше и Шахе – черкесы, и в бассейне Сочи – имеретины. Не говоря уж о черкесах, как коренных жителях гор, могущих служить наглядным примером приспособления к местным условиям, обратим внимание на эстонцев. Узнав, как образовался теперь поселок Аибга на Псоу, можно иметь понятие – как могли образоваться некоторые существующие селения в округе.

Года 3-4 назад эстонец Кислер (живший ранее в Ставропольской губернии и Терской области) заарендовал на р. Псоу у казны около 100 десятин и, по его словам, выпросил разрешение у администрации Кубанской области поселиться на заарендованном участке 14 семействам. «Участок» отдавался за 15 руб. в год, без права производить прочные постройки для жилья, но что же теперь там? – Целый поселок, да не один, а два, так как новоселы не поладили, а часть их поселили отдельно, за 5 верст от другой. Эстонцы эти – выходцы из приволжских или привислинских губерний, из Крыма. Нужно отдать, однако, справедливость, что эстонцы трудолюбивы и быстро приспосабливаются к местным условиям. На первых порах, конечно, очень много трудов предстояло новоселам: пришлось возить и носить с побережья муку; затем следовали труды по выкорчевыванию леса, распашек и, наконец, построек постоянных домов. В первый год посевы вышли с большим урожаем и плоды вообще громадных размеров. Теперь в горах Псоу на высоте более 2.000 футов жители поселка имеют: рожь, кукурузу, картофель, огурцы, арбузы, тыкву, редьку и разную зелень. Сеяли и собирали уже табак; даже угостили нас кофе местного произрастания. Затем был найден одичавший (после черкесов) виноград, и эстонцы послали уже в Крым за лозами. Итак, за 15 руб. в год 14 семейств арендовали столь благословенные места и хозяйничали далеко более чем на 100 десятинах; это продолжалось бы до тех пор, пока лет через 10 образовалось уже селение... С появлением экспедиции неизвестно еще, для себя или для других трудились эстонцы, так как, быть может, самовольно выдворившиеся эстонцы будут удалены.

Хотя эстонцы, в сравнении с русскими переселенцами из внутренних губерний, окажутся гораздо энергичнее при заселении гор, но все-таки не представляется надобности селить в горах особых «руководителей» (имеретин) как предлагает г.Ст. Хорошо бы было,

если бы наличное число имеретин, живущих в Черноморском округе, зарекомендовало себя с доброй стороны, а то нет, напротив. Русские, эстонцы и греки много терпят от имеретин и мингрельцев - скотокрадов и конокрадов. А разные грабежи? Дошло до того, что многие поселяне боятся уж иметь лошадей. В сел. Веселом, например, где более 100 дворов, выкрали несколько десятков лошадей, и на все селение имеется до 10 только лошадей. Имеретины служат ужасом для русского населения, и нам известны случаи, когда поселяне писали своим родным в Россию, что не стоит переселяться в Черноморский округ. Мы слышали рассказы двух бывших начальников участков в округе, которые особенно хвалили черкесов и крайне недовольны имеретинами.

По мнению некоторых, лучшими передовыми поселенцами в горах могли бы стать казаки, поселение которых в округе важно и в политическом отношении, и в смысле противовесов элементу неспокойному.

Но не надо забывать и того, что природа гор Черноморского округа далеко не так сурова, как гор Дагестана или Верхней Осетии (в Терской обл.), где населению приходится веками создавать почву на голых камнях и вести хозяйство среди ужасных скалистых высот и пропастей. Раз только проведена хорошая дорога от берега вглубь ущелья, то горы с мягкими или пологими склонами не представят ничего страшного и для коренного русского переселенца, каковому элементу весьма важно и вполне справедливо дать преимущество при заселении.

Особая экспедиция Черноморского округа будет состоять впредь до окончания своих работ; ей же предположено поручить исследование и Сухумского округа в переселенческом отношении. Состав ее, для скорейшего окончания работ, предполагается увеличить.

К.Максимов

Газ. «Кавказ».
1896, №78

Вести Черноморья.
Сухум

Пользуясь случаем постройки набережной у частной пристани Российского общества транспортирования кладей и пароходства, рядом с древней римско-византийской крепостью древнего великого

Севастополя, известный русский натуралист В.И. Чернявский, член-сотрудник императорского московского археологического и мн.др. учебных обществ, открыл 10 числа текущего июня при разломке части ковша древнего двойного каменного мола, находящегося в связи с крепостью, часть каменной плиты с прекрасно сохранившейся латинской надписью начала II века по Р.Хр., закладки, римским проконсулом Флавием Аррианом (ученым другом римского кесаря Трояна Гадриана Августа), порта и укрепления Севастополя (Castellum Sebastopolis) сооруженного, как известно из Перипла Арриана, по велению Гадриана, из развалин великой Диоскурии, римскою когортою (Cohorta Claudia acquitata), составляющего местный гарнизон.

Надпись глубоко высечена в полированном камне, в три строки: буквы двух верхних строк – в полтора дюйма, нижней – в один дюйм.

Буквы покрыты ярко-красною краскою, до сих пор сохранившеюся.

Надпись гласит:

HADR.

PER FL.A

P.I. FEC

то есть: Гадриан
чрез Флавия Арриана
порт сей соорудил.

В.И. Чернявский обращает внимание наших археологов на эту важную находку и приглашает их возможно скорее изучить остатки древнего двойного мола и фундамента византийского храма, одна стена которого связана со стенами крепости.

Необходимо, по словам В.И., также исследовать:

1) новые казематы под угловыми и срединной (фасадной) башней древней крепости, и 2) остатки 2-го византийского храма впереди крепости на дне моря, от глубины несколько сажень в поднимающиеся на высоту, ниже поверхности моря по пояс человеку.

Следовало бы обратить внимание и на исследованную тем же В.И. Чернявским, вместе с известным зоологом, приват-доцентом Московского университета В.А. Вагнером, целую крепость (лежавшую во время исследований экспедиции графини П.С. Уваровой, под морским песком, а теперь, открытую, потоком наводнения р.

Келасура, наполовину) впереди древней башни – базилики с двумя алтарями, на конце древнейшей Кораксиенской стены, за рекою Келасур, в пяти верстах от Сухума. Стена эта, в 160 верст длиною, окружала всю южную Абхазию до Ингура (с каменными башнями, двойная) шла далее, где теперь море, и смыкалась с сухумскою крепостью-цитаделью Sebastopolis'a. В.И. Чернявский нашел следы этой стены в море, в разных местах бухты. Стена щла и позади Сухума до крепости, на горе, выше Нового Афона. Кораксинская (или Коракская) стена уже стояла в VI веке (второй его половине) до Р. Христова (см. Гекатея Милетского, главу 187); она смыкалась с Дербентской.

Газ. «Черноморский вестник».
1896, №141

Современные жертвоприношения в Сухумском округе
(Из записок туриста)

Несмотря на давность православия в Сухумском округе – Самурзакани и Абхазии – там и в настоящее время между горцами распространены жертвоприношения. Этот остаток язычества, в котором можно заметить в некоторых случаях и примесь верований мусульман, получил на христианской почве своеобразную форму.

По преданию, самурзаканцы и абхазцы приняли христианство в I или IV веке. Из них самурзаканцы не меняли своей веры и оставались постоянно православными, из абхазцев же во время владычества турок часть перешла в мусульманство и до сих пор считается магометанами; хотя ни мечетей, ни настоящих мулл в Абхазии совсем не существует.

– «Но и христиане своей веры не знают и считаются таковыми только по названию». Так сказал про них грузинский царевич Вахушти и тоже самое можно повторить и в наше время. Если у абхазских магометан сохранились, как можно и теперь видеть, многие христианские обычаи и обряды, как, например, исполнение и великого поста, празднование пасхи, обычай обмениваться крашеными яйцами, – то в свою очередь христиане абхазцы и особенно самурзаканцы имеют очень темное представление о существовании Иисуса Христа и Божьей Матери, самое – же исполнение христианских

обрядов производится у них неохотно, как будто по необходимости. Венчаются они после трех или четырех месяцев сожительства и считают главным моментом начала брачного союза, не таинство брака, но свадебный пир, которым заканчивается церемония привода невесты из родительского дома в дом жениха. Крестят детей на второй и даже на пятый год от рождения, а исполнение таинств святого причастия и исповеди между ними большая редкость. В каждом селении найдется два, много три таких человека, не более, все же другие тысячи людей записываются аккуратно в исповедные росписи, как-то было в старинные времена и на Руси, лишь для счета или порядку. По отзыву местного духовенства, такие анормальные явления среди туземных христиан происходят потому, что у них нет до сих пор на родном языке ни молитв, ни богослужебных книг, ни самого богослужения. Богослужение производится, и даже проповеди по церквам говорят, со времен, нужно думать, владычества Грузии и до настоящего времени все еще на грузинском языке, совершенно непонятном ни абхазцам, ни самурзаканцам. Обе последние народности говорят на особых наречиях для грузин в свою очередь тоже непонятных и, таким образом, как говорит один из местных священников, «им неоткуда получать наставления в истинах православной веры». С другой стороны воспитание с давних пор имеет у них чисто практический характер, и выработало в жизни резко определенное материальное направление. Между состоятельными князьями и дворянами не утратил еще своей силы обычай не воспитывать сыновей в родительском доме, но отдавать новорожденных на воспитание к посторонним лицам, часто далеко от них живущим, принадлежащим к другой общине, а иногда к другой народности и всегда к более низшему сословию, преимущественно к крестьянам. Чужая семья более закалит к жизни, думает горец. В то же время удальство и в форме воровства не считается между ними позорным – ему даже обучают. Это удальство – скорее достоинство, чем порок. Оно подлежит осуждению со стороны горцев только в том случае, когда вор бывает пойман. Тут порицают вора не за самое воровство, а лишь, как побежденного и этот срам падает на все его семью. Другое дело, если вора не могут поймать, он пользуется тогда почетом и сказанное им слово приобретает известный вес и значение в его общине. Эти воззрения так сильно вкоренились у абхазцев, что никто между ними не занимается торговлею, возлагая все свои упования на физическую силу и удальство. Культура земель производится почти исключительно для собственного потреб-

ления, о сельском хозяйстве нет никакого понятия, и коренное население для сбыта ничего не производит. В продажу идут одни остатки от хозяйственных потребностей и то с большими затруднениями. В селениях заезжему человеку купить решительно ничего нельзя. Все, что нужно, ему предложат даром, без денег, но продавать не станут – это считается по понятиям горцев, совсем неприличным, и за все можно заплатить только одними подарками. Таков обычай. И само собою, разумеется, что при этих восточных порядках правильной торговли тут еще не существует. На личные деньги торговля производится по городам и местечкам и находится в руках мингрельцев и имеретин и отчасти у армян и евреев. Торговля же по селам до сих пор идет почти одна, «меновая» и ее ведут преимущественно только мингрельцы. По своей обстановке она очень оригинальна и имеет характер чисто эксплуататорский. Торговец не поселяется со своей семьею в том месте, где производится у него торговля, но живет там без семьи, на биваках, единственно с торговыми целями и вырученные суммы, мало-помалу, переводит на родину. На тех же началах поставлена аренда земель по берегам Черного моря. Наконец, нам приходилось встречать в некоторых селениях такие же отношения священников к своим прихожанам. Этот порядок вещей считается здесь нормальным, хотя, казалось бы, нельзя этого признать для духовенства, которое живет, таким образом, среди своих прихожан на холостую ногу. При подобных основах жизни, горцы, как материалисты, для душевного своего спасения, ищут средств материальных и верят в этом отношении жертвоприношениям. Молитва и духовная церковь, по словам того же священника, тут непоняты. Между тем жертвоприношения пользуются у них авторитетом, как символ христианской веры, и очень большим значением, так что клянется не богом, но благодатной силою обязательных жертв. И, действительно, если для своего спасения горцам нужно одно - принести жертву по точно определенным для того правилам и каждый сам может это исполнить, то все церковное становится второстепенным и неудивительно, что они смеются над теми, кто очень уж часто посещает церковь, а церковных праздников, за исключением рождества Христова, Пасхи и праздников господних, совсем не признают.

Жертвоприношения производятся ими в честь бога, в честь архангела Гавриила, но, главным образом, в честь богов, имеющих свое начало в язычестве или в исламе и почитаемых горцами за христианских, и, наконец, в честь икон иногда даже не существующих

и только воображаемых. По их поверью везде, где живут люди, на месте родины у каждого существует икона и хотя она невидима, но находится там, как хранительница местности. Нам пришлось заметить и ту особенность у самурзаканцев, что они почитают не христианских святых, но лишь одни их иконы, чего нельзя сказать про языческих богов, укрепившихся, если так выразиться, на христианской почве. Последние, являются у них олицетворенными духами и притом всегда грозными, готовыми нанести вред, убить человека. Вот причина, почему для горцев необходимо этих богов умилостивить принесенными жертвами.

Жертвоприношения производятся по особой для каждого божества обрядности. Самый день жертвоприношения считается праздником и таких праздников бывает в каждом семействе по нескольку в году. Дни празднования назначаются старшим доме, почти всегда в день какого-нибудь несчастного для семейства события, чтобы отвратить от себя подобное несчастие. Назначенные, таким образом, по обету, жертвоприношения считаются для семьи навсегда обязательными. Кроме семейных праздников есть и общественные такие праздники, во время которых жертвы приносятся целой общиною. Днями для жертвоприношения, по установившемуся обычаю, избираются чаще всего среда и пятница и только поклонение божеству «Жины», которого горцы называют «Верховным», бывает преимущественно по воскресеньям. В такие дни самурзаканец не производит никаких работ, не выдает ничего из дому и сам к себе в дом от других ничего не принимает, не выметает сора из сакли и даже не причесывается; словом, подобно тому, как еврей в субботу, старается прекратить всякую, по возможности, деятельность. Нарушение обрядового порядка празднования этих дней не допускается и если это случается, то вместо того, чтобы умилостивить бога, жертвоприношение возбудит его гнев. Все свои несчастия горец приписывает всегда какой-нибудь ошибке в обрядностях. В этом же смысле, причины несчастий объясняются и сомнем знахарей и ворожеек, к которым туземцы обращаются для разрешения своих сомнений и за советом, что им предпринять в таких случаях.

Если приносится жертва семейством или отдельным лицом, то берут для того теленка, барашка или козленка, в честь Соломона – петуха, а в честь Капу – свинью. При жертвоприношениях же общественных, приносимых целою общиною, режут быков, коров и предание говорит, что в прежние времена были нередки и человеческие жертвоприношения. Животному, предназначенному для жертвы,

дают накануне того дня съесть соли. Эту соль должен предварительно освятить священник. Соль, говорят горцы, имеет свойство проникать в кровь и посредством последней расходиться по всему телу; этим способом животное «во всех своих частях» подготавливается к священной жертве. В день жертвоприношения его убивают на месте, предназначенном для обряда, обыкновенно под дубом. В некоторых селениях есть и теперь вековые дубы, которые служат для этого и охраняются народом, как священные. Но бывают жертвоприношения и в «марани» – месте хранения вина, в кузне и других местах. Самое место, где оно должно быть произведено, определяется по тому, в честь какого бога приносится жертва. На том же месте, где было произведено «жертвоприношение», происходит и варка жертвенного мяса. Сваренное мясо выкладывают на блюдо и ставят на землю или раскладывают на длинную скамейку. Последние служат у горцев вместо столов. Около мяса устанавливают вино и четыре пресных хлеба или, лучше сказать, лепешки, приготовленные из пшеничной муки. В обыденное время горцы пшеничного хлеба не едят, они пшеницы не засеивают и культивируют исключительно одну кукурузу, поэтому достать пшеничной муки для них бывает иногда очень трудно и приготовление из этой муки лепешек имеет в их глазах большое значение. Лепешки бывают разных форм или круглые, или полумесяцем, смотря какое жертвоприношение. Около хлебов кладут деньги, несколько мелких монет, предназначенных священнику, восковые свечи по числу лиц, приносящих жертву, ладан и, кроме того должна быть приготовлена жаровня с горячими угольями. Когда все это готово, жертвоприносители снимают с головы башлыки, которые заменяют им наши фуражки, кожаную обувь (сандалии) и оружие с поясом, становятся на колени лицом к востоку, а священник, приглашенный для этого, берет в один пучок все свечи, разом сжигая их, расставляет вокруг сосуда с мясом и, если они не могут уместиться, раздает присутствующим. После этого он прочитывает вслух «Отче наш» и другую приличествующую случаю, молитву и, взяв кусочек ладану, обводит им три раза вокруг своей головы, произнося слова: «дай Всевышний вам и всему вашему семейству здоровья, долгоденствия и хорошего житья», и бросает его в жаровню. Затем встает старший в доме, берет тоже кусочек ладану и, обводя им три раза вокруг своей головы при одинаковом положении себе и своему семейству, бросает его в туже жаровню. За ним, по старшинству, должны проделать это один за другим все остальные жертвоприностители и присутствовавшие. В

этой процедуре заключается главная обрядность, ее соблюдают каждый раз, но, кроме того, для каждого значительного божества существует целый ряд особых обязательных правил. Когда исполнение обрядности закончено, жертвоприносители со священником во главе и приглашенными гостями садятся обедать. Во время обеда каждый должен, прежде всего, съесть по кусочку жертвенного хлеба и высказать еще раз обычное пожелание. Наконец, наступает очередь жертвенному мясу, оно у богатых и у бедных составляет главное plât resistance – всего обеда. Многие из приглашенных гостей придерживаются еще старинного обычая и, приходя к обеду, приносят с собою круглый хлеб из кукурузной муки с сыром, кислое молоко, фрукты. Все это тут же, сообща, поедается «в честь почитаемых богов и икон». После обеда гости расходятся, но при прощании каждый из них кружит рукою, подобно как ладаном, над головою и лицом хозяина и опять высказывает то или другое пожелание. Кружение рукою- символ желания, чтобы, как говорят горцы, «все нехорошее от тебя перешло ко мне». Женщины в обрядах жертвоприношения не участвуют, присутствие их считается осквернением жертвы, но они приготовляют кушанья, варят мясо и прислуживают во время обеда. Существует в Самурзакани легенда, что в селении Джвари, когда люди были благочестивы, для жертвоприношения иконе св. Георгия неизвестно откуда появлялся черный бык. Женщины и тогда не допускались. И вот две из них, Булия и Когохия, решились подсмотреть обряд в честь этой иконы, и были за то наказаны. Они превратились в камни, которые горцы и теперь показывают в том селении любопытным проезжающим. Женщина участвует в виде исключения в одном только жертвоприношении «капуноба». Но и тут она допускается только зрительницею, а не действующим лицом и можно думать, что такое участие началось после принятия самурзаканцами христианства и выражает нечто вроде пренебрежения к языческому божеству «Капу», так как женщина в Самурзакани и Абхазии находится в угнетенном рабском положении. Муж никогда не называет свою жену по имени, но зовет ее «мутари», что значит «ничто». Жена в свою очередь тоже не смеет назвать мужа по имени и дает ему свое особое название. Она делает это отчасти из боязни чем-нибудь его выдать при посторонних лицах и отчасти из страха пред ним, рассматривая его, как абсолютного своего повелителя. Не так далеко еще то время, когда почти открыто отец свою родную дочь, муж жену и брат сестру продавали в Турцию для гаремов, где абхазки, после черкешенок, ценятся очень

высоко по своей стоимости и красоте. Такая продажа не потеряла до сих пор в глазах горца своего права гражданства. Под гнетом материальной нужды вопросы о ней обсуждаются между ними подчас и теперь серьезно, как про случай вполне возможный и легко сбыточный. Вышедшая замуж становится полной рабою, беспрекословной слугою своего мужа, а в соседней Сванетии вдобавок на ее обязанности лежит и содержание его собственными трудами. Молодая жена не может со старшим себя ни разговаривать, ни при нем сидеть, а при постороннем не может оставаться в течении двух лет со дня замужества в одной комнате с мужем, в присутствии последнего не должна сидеть до самой старости своей...

Умершего горцы считают погибшим и оплакивают с криком и плачем, бьют себя кулаками в грудь, а женщины царапают себе до крови лицо. В знак траура близкие родственники в течение недели и более ходят босые и не стригут себе волос и ногтей по два и по три года, а в течение года после умершего ставят на стол его прибор и пьют вино за упокой его души, полагая, что он является каждый раз на трапезу. Во время похорон в процессии участвует лошадь покойного, ее на другой день продают за бесценок, а прежде убивали, чтобы она вторично не могла быть употреблена в похоронной процессии, и на том свете не заявили на нее свои претензии несколько лиц. Хоронят умерших, как у магометан, вырывая в боку ямы нишу, куда кладут тело покойного, обернутое саваном, без одежды и без гроба. Последний, хотя и делается на время процессии, но его оставляют в пользу священника. Зарывают покойников чаще всего не на кладбище, а близ дома у себя в усадьбе, в избранном для того красивом месте. Каждые похороны сопровождаются тризною, которую и богатый и бедный так широко и пышно справляет, что она является большим злом для населения и служит всегда причиною полного разорения для всей семьи. Если у больного долго длится болезнь, а у умирающего – агония, родные его обращаются за советом к знахарям и они постоянно воспрещают давать лекарство или слушаться врачей, и рекомендуют одно – принести жертву той или другой иконе.

Кожи убиваемых для жертвоприношения животных не утилизируют, но развешивают на деревьях и оставляют там, на произвол судьбы. Остатки пищи тоже оставляют на месте пиршества. Отступления от этого правила бывают редки. Впрочем, во многих селениях есть привилегированные семейства, которые издревле пользуются правом собирать все остатки в свою пользу. Этим семействам

приписывают происхождение от древних жрецов. Каждый дым (двор) приносит ежегодно около десяти и не менее пяти жертв и имеет, как мы сказали, соответственное этому числу количество семейных праздников.

Жертвоприношения могут быть подразделены по своему происхождению на три категории. К первой нужно причислить те из них, которые ведут свое начало со времени принятия горцами христианства. Это – жертвоприношения: «Сагоронто», то есть в честь бога, «Сададобо» – создателя, «Саджиего» – в честь иконы св. Георгия и др. Ко второй категории – жертвоприношения, имеющие, по поверью горцев, специальную так сказать, силу, которая приносит пользу в точно определенных случаях. Сюда принадлежат более древние жертвоприношения божествам «Эскеда» – о размножении домашних животных, «Гален» – о том, чтобы мертвые не вредили плодородию земли. «Цинхва» – общественное жертвоприношение о прекращении засухи. «Оцудени» – чтобы никто не повредил посевов хлеба на корню «ногами, руками и духом», «Гечер» – об урожае винограда и другие. Последнее жертвоприношение очень характерно по своей молитве. Самурзаканец с корзиною винограда в руках молит свое божество, чтобы у него было много винограда, а у других и у его соседей совсем не было... Наконец, жертвоприношения, при которых существует своего рода культ или о которых имеются в народе какие-нибудь легенды, мы отнесем к третьей категории. Частые войны были тому причиною или другие особенности жизни, но у самурзаканцев и абхазцев сохранилось очень мало легенд и преданий, а потому нужно считать, что все легенды, дошедшие до наших времен, имели в народе широкое распространение. Вследствие этого жертвоприношения последней категории представляют более интереса, и таких мы можем насчитать числом пять: «Сахехунджо», «Самгарио», «Капуноба», «Санапра» и «Жины». Первое из них производится в честь божества «Хехунджо», которого называют и «Соломон». Божество это считается покровителем промышленности и искусства, и потому жертвоприношения производятся в кузне, а кузня почитается святынею, где принимается горцами очистительная присяга. В жертву режут петухов по одному на каждого члена семейства. Сердце и печень варят отдельно и едят для укрепления сил и мужества. Во время жертвоприношения все кузнечные инструменты должны лежать на наковальне и если глава семейства произнесет над ними проклятие, то все зложелания исполнятся и горе тогда «проклятому», если он не откупится и не задобрит чем-либо

своего врага. Обряд проклятия очень простой. Проклинающий вбивает в стену гвоздь, приговаривая: «великий Хехунджо, вонзи виновному гвоздь в сердце и не вынимай его до тех пор, пока я не выну гвоздя из этой стены».

О покровительстве скотоводству горцы молят при жертвоприношении – «Самгарио». Оно произносится в честь, очевидно, древнего божества, которое после принятия христианства переименовано в «Архангела Гавриила». В честь его установлен целый культ. Ему посвящены в каждой семье отдельный кувшин* с вином и корова. Такая корова считается священной и носит название само жертвоприношения – «Самгарио», указывающее на освящение коровы божеству. Она пользуется большим почетом у всей семьи, ее нельзя ни бить, ни оскорблять грубыми словами: напротив, с ней нужно обходиться лаской, давать ей отборный корм – это то животное, при посредничестве которого поддерживаются отношения между божеством и человеком. Всякая нанесенная ей обида считается причиною смерти обидчика и больной горец на смертном одре и теперь еще умоляет свою корову простить ему его обиды, вольные и невольные. Кувшин с вином находится тоже в почве. Из него пьют только в день жертвоприношения, в другое время этого не разрешается, а ему самому приписывают такую – же чудодейственную силу, как и наковальне. И тут, если старший в доме произнесет проклятие над кувшином и последний при ударе, котором оно должно сопровождаться, издаст ясный звук, то проклятый должен откупиться и принести жертву. Он должен, как и в первом случае, удовлетворить проклинающего в нанесенной ему обиде, в противном случае заболеет и умрет. В жертву божеству предназначается теленок от посвященной ему коровы, если же от коровы получилась телка, то ее променивают на теленка у соседей, на что каждый из них с охотой соглашается. Горцы объясняют такое согласие на обмен одним уважением к божеству, но, на наш взгляд, здесь играет не последнюю роль и экономическая сторона дела. Во всем Сухумском округе скотоводство стоит на очень низкой степени своего развития, оно в очень жалком положении и поэтому телки сохраняются на племя и имеют ценность для каждого семейства. Несмотря на такое почитание «Самгарио» нам не удалось слышать от горцев, каких – либо рассказов о происхождении этого жертвоприношения. Другое дело жертвоприношение «Капуноба». С ним связана целая легенда о

---

* *Кувшины, зарытые в землю, служат вместо бочек и бывают емкостью в 15 и более ведер.*

принятии горцами христианства. В мингрельском селении Мартвили, говорит она, стоял тысячелетний дуб, а в его дупле сидело божество «Капу». Ежегодно, на первый день нового года ему приносилась человеческая жертва. Чередуясь семействами, бросали живого человека в дупло, «Капу» пожирал его, и оттуда раздавались раздирающие душу вопли. Во время этой трапезы собравшийся народ стоял вокруг дерева на коленях и молил божество о помощи. В первом веке по Р.Х., когда должна была быть принесена в жертву девушка поразительной красоты, отличавшаяся между остальными и своим искусством к рукодельям и добротою, явился, по народному поверью, апостол Андрей Первозванный и остановил жертвоприношение. Он стал уверять народ, что «Капу» не божество и чтобы доказать, вонзил копье в самое дупло и убил его. За такое страшное преступление народ хотел забросать его каменьями, но он спокойно встретил угрожающую толпу и стал уговаривать ее: «Зачем хотите вы губить меня, – говорил он, – «Капу» никогда не был богом, какое он божество, если я именем истинного бога одним ударом копья убил его и могу тремя ударами тупого топора срубить тысячелетнее дерево, его жилище». Принесли самый тупой топор, апостол взял его, ударил три раза со словами «во имя отца, сына, святого духа» и дерево повалилось. Затем он сел на пень срубленного дуба и начал проповедовать истинную веру, слушая его, народ уверовал и все приняли христианство. Эта легенда записана нами в селении Баргеби со слов самурзаканца Ростома Шония. После принятия христианства жертвоприношение «Капуноба» не прекратилось. Оно производится и в настоящее время, но вместо человека стали приносить в жертву свинью. Жертвоприношение бывает и на страстной неделе и обставлено иначе, чем все другие. В обряде, как мы уже сказали, принимает участие женщина. Домохозяин, заколов свинью, волочит ее за заднюю ногу вокруг своей сакли и молит «Капу» о благоденствии, а в задних дверях сакли сидит старуха с жаровнею и кувшином вина в руках. Когда обход вокруг сакли сделан, свинью кладут среди двора и вокруг нее обводятся священником, а если его нет налицо самим домохозяином все члены его семьи. После этого жертву уносят на гору или возвышенное место и там над нею исполняют обряд, описанный уже выше, общий при всех жертвоприношениях. Правило производить жертвоприношение на горе, интересно сопоставить с имеющимся у абхазских мусульман поверием о горе «Кап». По этому поверию, на ее вершине сидит ангел, который держит на руках семь цепей от всего мира и при сотрясении цепи производит

землетрясение. Землетрясение – кара божья, совершается в наказание людям; так погибли Содом и Гоморра и так погибнет весь мир, когда ангел будет трясти все цепи, привязанные к горе Кап.

Исцелителем недугов у самурзаканцев является божество «Напра». Смысл самого названия «Напра» никому не известен, но это, несомненно, один из языческих богов, переживших магометанство и после того уже превратившийся у горцев в «христианского бога». Ему воздают честь больные и просят об избавлении их от главного местного бича – малярии (болотной лихорадки). Для жертвоприношения «Санапра» берут барашка и пшеничный хлеб не круглый, а формы полумесяцем. Молящиеся становятся на колени лицом не к востоку, как при других жертвоприношениях, а на запад. Кроме того больной, чтобы не разгневать божество «Напра», не должен видеть в день жертвоприношения свиней и не должен ходить по тем местам, где они ходили, чтобы нечаянно не наступить на их экскременты. Эти особенности и указывают на остатки того влияния, которое имел в свое время и ислам на верования самурзаканских и абхазских христиан. Из всех же языческих верований главным у них, несомненно, остается верование в божество «Жины». Этот культ сильно распространен среди населения. Под словом «Жины» разумеют высшую силу и называют его «Верховным». Это самый грозный из всех оставшихся у горцев языческих богов, это их Юпитер, Зевес или Перун, наводящий страх и трепет на все окружающее. Окруженный величайшим благоговением, он продолжает свое существование и в наше время. Жертвоприношения в честь его производятся всегда на том месте, где ударил гром. Удар грома считается величайшим несчастьем. С этого момента владельца той земли, где это случилось, будут преследовать неудачи и несчастья и во избежание этого должно быть установлено жертвоприношение. Таким образом, в каждом дыме есть свой праздник в честь бога «Жины». Посуда, предназначенная для употребления жертвоприношения в его честь, становится, подобно как у евреев пасхальная, неприкосновенная и висит у каждого горца под крышею, при входе в саклю, чтобы ее вид, как говорит он, напоминал ежеминутно о грозном духе…

Почитатели «Жины» не едят убитых громом животных и не бросают их «на растерзание собакам», а, напротив, с «особым благоговением», торжественно подвешивают таких животных на деревьях в лесу и там оставляют на съедение, как они выражаются, «самому Жины». Во время траура по своим умершим они не носят ничего

черного и вся их одежда должна быть при глубоком трауре белая, а при малом – цвета бордо. Кроме того, она должна быть сшита без рубцов, ее не подшивают и чем больше образовывается от того подобие бахромы, тем приличнее в их глазах и тем действительнее считается самый траур. Ношение белой одежды во время траура нельзя объяснить незнанием горцами значения белого цвета. Мы вполне убедились в их значении, что белый цвет – символ радости. Но «Жины» не любит, говорят они, черного цвета, как цвета печали по усопшим и символа несчастий, поклоняющиеся ему должны радоваться каждой смерти и в знак этой радости носят одежду белого цвета, чтобы угодить божеству, не прогневать его своим невниманием. По этой же причине самурзаканцы и абхазцы не занимаются шелководством. Грозы вредно действуют на шелковичных червей, следовательно, они не могут быть приятны божеству «Жины» и истинным его почитателям нельзя заходить в тот дом, где есть шелковичные черви или коконы.* Почитание «Жины» одна из главных причин, почему во всем Сухумском округе шелководство совсем нераспространено, несмотря на то, что климатические условия и большое множество деревьев, растущих по лесам, дают полную возможность развить эту отрасль промышленности на широких началах, подобно тому, как это имеет место во всех соседних уездах Кутаисской губернии.

В настоящем беглом очерке мы старались поделиться с читателем теми верованиями, которые исповедуют в данное время туземные православные христиане в Сухумском округе. Кроме нами упомянутых, существуют десятки праздников общинных и семейных, во время которых приносятся жертвоприношения другим богам и другим иконам.

Эти современные жертвоприношения представляют настолько значительный интерес, что должны были бы вызвать научное их исследование. Если взять в соображение, что речь идет о прибрежье Черного моря – самой ценной по богатым своим природным качествам части Закавказья, то такая непроглядная темнота может показаться невероятною, хотя нужно признать вместе, что правильное направление можно было бы дать единственно одним широким развитием школьного дела с введением ремесленных занятий и, главным образом, обязательного для обоего пола всеобщего обучения

---

* *Не подозревая ничего подобного, мы причинили в одном самурзаканском селении много хлопот тем, что привезли с собою свежие коконы, вся семья не могла успокоиться до тех пор, пока они находились в доме.*

русскому языку, без которого абхазцы и самурзаканцы, что они начинают уже ясно сознавать, не могут найти честного заработка или надлежащих средств к своей жизни. Но нужно думать, эта темнота и многие жертвоприношения еще долго будут продолжать свое существование под влиянием сильно распространенных там знахарей и ворожеек и особенно духовенства, которое получая ничтожное содержание, ради небольшого вознаграждения, принимает участие в обрядах и своими благословениями, как бы их освещает и вместе с тем укрепляет среди горцев уверенность, что жертвоприношения составляют главную принадлежность православной веры, которую они исповедуют.

Д.В.Небольсин

Газ. «Новороссийский телеграф».
Одесса, 1896, 7 сентября

Христианство в Абхазии и Самурзакани

Что христианство в Абхазии и в Самурзакани далеко не стоит на должной высоте, и какими причинами это обуславливается – об этом не раз уже говорилось в «Черноморском вестнике». На днях этому же вопросу г. Небольсин посвятил в «Новороссийском Телеграфе» большую статью, озаглавленную: «Современные жертвоприношения в Сухумском округе».

Статья эта представляет значительный интерес, так как не только детально обрисовывает ту печальную смесь христианства, магометанства и язычества, которая царит в Абхазии и Самурзакани, но и выясняет причины этого явления. Но выяснить причину болезни – значит уже наполовину излечить ее, а потому указания г. Небольсина получают особое значение, и мы находим полезным познакомить с ними наших читателей.

Самурзаканцы и абхазцы, по преданию, приняли христианство в I или IV веке, причем самурзаканцы оставались постоянно православными, часть же абхазцев во время турецкого владычества перешла в магометанство и до сих пор считается мусульманами, хотя мусульманами только по имени, так как у них нет ни мечетей, ни мулл; у абхазских мусульман и до сих пор сохранились многие христианские обычаи и обряды, как например: исполнение великого поста, празднование пасхи, обычай обмениваться красными яйцами

и т.д. С другой стороны и абхазцы-христиане и особенно самурзаканцы имеют очень темное представление о существовании Иисуса Христа и Божией Матери, да и христианские обряды исполняются неохотно, как бы по необходимости. Так: венчаются после 3-4 м. сожительства и началом брачного сожительства служит не таинство брака, а свадебный пир; детей крестят на второй и даже на пятый год от рождения, а исполнение таинств святого причастия и исповеди между ними большая редкость.

Между христианами-абхазцами и самурзаканцами сильно развиты жертвоприношения, которые пользуются у них большим авторитетом и очень большим значением, так что абхазец клянется не Богом, а благодатною силою обязательных жертв. Для спасения горцу нужно одно: принести жертву по точно определенным для того правилам. Жертвоприношения производятся в честь Бога, архангела Гавриила, но, главным образом, в честь богов, имеющих свое начало в язычестве или в исламе, и почитаемых горцами за христианских, и, наконец, в честь икон, иногда даже не существующих, а воображаемых. По поверью, везде, где, живут люди, на месте родины у каждого, существует икона и хотя она невидима, но существует там, как хранительница местности. Самурзаканцы тоже почитают не христианских святых, а лишь их иконы, тогда как языческие боги, укрепившиеся на христианской почве, являются у них олицетворенными грозными духами, всегда готовыми нанести вред человеку. Поэтому горец считает необходимым умилостивить этих богов жертвами.

Жертвоприношения производятся по особой для каждого божества обрядности и день жертвоприношения считается праздником: такие праздники бывают семейные и общественные, во время которых жертва приносится целою общиною. Нарушение обрядового порядка празднования этих дней недопускается, и если это случается, то вместо того, чтобы умилостивить Бога, жертвоприношение возбудит его гнев. Все свои несчастья народ приписывает какой-нибудь ошибке в обрядности.

Из этих данных, приводимых Небольсиным, видно, что религиозный культ абхазцев и самурзаканцев, очень далек от христианства, несмотря на то, что эти народности, во всяком случае, одни из первых приняли учение Христа, и большинство из них никогда не отпадало от него, несмотря на то, что в настоящее время они входят в состав христианского и православного государства и имеют священников, на обязанности которых должно лежать: проповедование между своею паствою истинных основ христианства и борьба с ос-

татками язычества и следами ислама, оставшимися как наследие турецкого владычества.

Отчего это так?

Г-н Небольсин приводит следующие причины, от которых это зависит. У абхазцев и самурзаканцев до сих пор нет на родном языке ни молитв, ни богослужебных книг, ни самого богослужения. Богослужение производится и даже проповеди по церквям, и по настоящее время, говорится на грузинском языке, совершенно непонятном ни для абхазцев, ни для самурзаканцев. И те, и другие говорят на особых наречиях, которые для грузин в свою очередь непонятны; таким образом, по словам одного из местных священников, «абхазцам и самурзаканцам неоткуда получать наставления в истинах православной веры».

Затем г-н Небольсин говорит, что ему приходилось встречать в некоторых селениях совершенно чуждые отношения священников к своим прихожанам и что этот порядок вещей считается нормальным, хотя, казалось бы, нельзя этого признать для духовенства, которое живет, таким образом, среди своих прихожан на холостую ногу. Кроме того, духовенство, получая ничтожное содержание, ради небольшого вознаграждения принимает участие в обрядах и своими благовеяниями, как бы освещает их и вместе с тем укрепляет среди горцев уверенность, что жертвоприношения составляют главную принадлежность православной веры, которую они исповедывают.

Как мы уже говорили, раз известна причина зла, то является надежда на его устранение. Для того, чтобы абхазцы и самурзаканцы отрешились от своих суеверий, необходимо дать им такое духовенство, которое не было бы для них чужим, но жило бы с ними одной жизнью, чтобы между пастырем и его паствою существовало бы обоюдное понимание. Равным образом, преподавание в школах должно вестись не на чуждом для народа грузинском языке, а на его родном, или же на русском, который, как общегосударственный, будет иметь значительно большое практическое значение и как язык культурного народа, окажет несравненно большее влияние на умственный подъем народа. Это тем желательнее и возможнее, что сами абхазцы и самурзаканцы готовы пойти навстречу всякому мероприятию в этом смысле, на что наша газета не раз уже указывала.

Газ. «Черноморский вестник».
1896, №205

Археологические богатства Абхазии

«Черноморский вестник» (№ 197) говорил о замечательной, но не обследованной в археологическом отношении, местности Черноморского Кавказского побережья. Архимандрит Леонид, в известном труде своем о памятниках христианства в Абхазии, говорит, что Пагры, нынешние Гагры, принадлежат к числу древних греческих колоний на берегу Черного меря, основанных в VII веке до рождества Христова. Болгарская церковь в укреплении Гагры сохранилась в живописных развалинах. В протоколах подготовительной комиссии V археологического съезда в Москве, в 1879 году, намечалось исследование громадного подземелья, существующего под древним укреплением Багры (абхазская Гагра), лежащим в 85 верстах к СЗ от Сухума, у трудного приморского прохода из Абхазии в южную часть Черноморского округа. План укрепления и его положения между скалами и берегом моря изображены у Дюбуаде Монпере, но никто не упоминает о катакомбах, идущих под Гаграми в разные стороны, и даже в эпоху кавказской войны ими не пользовались при отражениях вторгающихся горцев. Старожилы повествуют, что в обе стороны замечаются двери, ведущие в казематы, куда проникнуть им не удавалось, так как двери замкнуты. Существует легенда о богатствах, сохраняющихся в этих недоступных казематах; однако нужны исследования, которые потребуют крупных затрат. Алтарь языческого божества Эйригь-аацных (в переводе это слово означает: «видящий все днем и ночью», или «всевидящее око») был на отвесной скале за укреплением Гагры. Ему приносились частые и обильные жертвы. Эйригь-аацных, он же Чугурных, был покровитель воровства, грабежей и разбоев[64].

На карте Арриана отмечена речка Боргус, у мыса Гераклемра: это речка Жоэ-Квара и мыс около Гагр, где было заграждение узкого прохода и стояла Validosmuros, остатки которой наблюдаются и теперь. На Анконской карте Фредуче на месте нынешних Гагр стоит надпись: Santa Sophia. Очень может быть, что древний гагринский храм был воздвигнут во славу Божьей премудрости и даже в VI веке, одновременно с Пицундским храмом. В Пицундской бухте, задолго до Христианской эры, стоял город Питиус, в 30 стадий (описанным Страбоном), в котором в VI веке воздвигнут храм, чудо греческой архитектуры и акустики, созданный по почину супруги императо-

ра Юстиниана-Августа, Феодоры. Шлиман, за несколько месяцев до смерти, собирался в Абхазию и был убежден, что найдет в ней больше исторических и художественных сокровищ, чем ему удалось открыть при раскопках Трои и на греческом архипелаге. Дождется ли Абхазия своего нового Шлимана.

Журн. «Исторический вестник».
– СПб., 1896, ноябрь, с.704

Землевладение в Абхазии

Как известно, во время русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг. – **Ред.**) Абхазия стала ареной военных действий. Абхазы были вынуждены оставлять свои дома и находить убежища в самых разных местах. Волей или не волей многие ушли в Турцию. Когда они после войны вновь вернулись на свою Родину, им запретили селиться в междуречье Кодора и Аапста[76] в окрестностях Сухума. Такое распоряжение приняло правительство с той целью, чтобы вблиз Сухума заселить более надежных для государства людей... Поэтому в Сухумском округе абхазы не живут компактно: одна часть живет в Кодорском «участке» – между Охуреем и Кодором (абжуйцы), вторая часть (бзыбцы) – в Гудаутской части. Они – абжуйцы и бзыбцы – отделены друг от друга почти на два дня ходьбы. Поэтому общаться друг с другом могут только дворяне и князья. И в той средней лучшей части древней Абхазии, куда заселяться запрещено абхазам и которая сейчас представляет Гумистинский участок, не найдется ни одна «община» абхазов. Здесь имеются только государственные земли и наделы частных владельцев.

На государственных местах живут колониями: русские, немцы, мегрелы, греки, эстонцы и армяне. Среди этих колонистов, если не первое, второе место по количеству все равно занимают мегрелы...

Вторая же часть Гумистинского участка и находящиеся в Цебельде земли принадлежат частным владельцам, «помещикам». В этой части Абхазии земли распределили большей частью тем лицам, которые отличились в военной или гражданской службе и этим заслужили внимание Верховного правительства.

П. Чарая

Журн. «Квали»[77].
1897, №12. С.252 (на груз. яз.)

Землевладение в Абхазии
(Продолжение)

Не так давно Дал был густо заселен абхазами... Страна, с древних времен прославленная мужеством здешних жителей, сегодня таким опустошена, что никто там не живет...

П.Чарая

Журн. «Квали».
1897, №13. С. 268 (на груз. яз.)

Землевладение в Абхазии
(Продолжение)

Заселению мегрелов в Абхазии способствует и то обстоятельство, что эти, как близкие соседи, по обычаям, по быту очень похожи на абхазов и связь и общение между ними в большей или в меньшей степени всегда существовали...

Раз абхазские дворяне и князья продают свои «наделы», какой грех в том, чтобы эти земли перешли в руки мегрелов и вообще грузин?

Греки, армяне, немцы, эстонцы и другие народы проживают на абхазских землях, и в чем же провинились мегрелы?

Ну что должен сделать мегрел, который задыхается от безземелья, если не приобретет в Абхазии до двух десятин земли...

Мы уверены, что скоро и абхазов ожидает нехватка земли, так как лучшую часть Абхазии заняли колонисты или по замыслу хозяев им должны передать. Но как бы то ни было, мегрелы это бедствие испытывают сегодня.

П.Чарая

Журн. «Квали».
1897, №14 (на груз. яз.)

Из Самурзакани

Ввиду повторяющихся в печати неверных сведений – я, как старый самурзаканец, позволю себе сказать несколько слов правды о самурзаканцах, часто подвергающихся совершенно безосновательным нападкам.

Самурзаканцы – народ абхазского племени, отделившийся от абхазцев в силу религиозных причин. До XIV века в Абхазии процветало православие, но с падением греческого владычества и с переходом юго-восточного побережья Черного моря во власть Оттоманской империи, все горцы впали в магометанство, за исключением самурзаканцев, твердо следовавших учению Христову. В силу этого самурзаканцы, отделившись от родного народа абхазского, начали мало-помалу сближаться с мингрельцами и усвоили их язык.

В народной памяти сохранилось предание, что самурзаканцы сильно препятствовали проникновению магометанского учения в Абхазию и увещевали абхазцев не изменять веры отцов и дедов, при этом один из самурзаканцев, в беседе о вере, зевнул и, по старинному православному обычаю, осенил себя крестным знаменем, а абхазец магометанин, его родственник, засмеялся и спросил: «Почему он сотворил крестное знамение?». Самурзаканец ответил: «Наши деды учили нас так предохранять свои уста от дьявола». Абхазец возразил: «Скажи! Я уж, сколько лет принял магометанство, стало быть, крестного знамения не творю, а никакого дьявола во мне нет». Белый как лунь самурзаканец, улыбнувшись, ответил: «То, что ты говоришь, уж ясно доказывает, что твоими устами говорит именно дьявол».

Бесспорно, самурзаканцы абхазского происхождения и среди них мингрельский элемент явился сравнительно очень недавно.

Что касается до осуждения сильно чтимого, так называемого «молочного родства», то не отрицая известной степени вреда его, я должен сказать, что молочное родство имеет свое историческое происхождение и основано на желании установить тесную связь между различными фамилиями, так как во времена этого происхождения страна была объята междоусобиями и кровавой враждой. К обычаю усыновления прибегали с целью покончить мирно вражду; обидчик отдавал обиженному своего сына на воспитание, и когда мальчик, достигнув юношеского возраста, возвращался к настоящему отцу, вражда считалась покончена.

Теперь скажу о заслугах самурзаканцев. Еще в сороковых годах самурзаканцы заслужили любовь и доверие государя императора Николая I. В самурзаканском участковом управлении хранится знамя св. Георгия и грамота следующего содержания:

«Божьею милостью Мы, Николай I, император и самодержавец всероссийский и пр.пр.пр.

Нашему любезно-верному самурзаканскому племени.

Присущее вам примерное мужество, оказанное ополчением вашим в 1840 году, в отряде против горцев при водворении спокойст-

вия в Дале, обратили на вас особенную монаршую милость; в ознаменование благоволения нашего, жалуя вам при сём препровождаемое знамя, повелеваем употреблять его на службу нам и государству нашему с верностью и усердием.

Пребываем императорскою вашею милостью благосклонным.

Николай.

Государственная печать

12 июня 1840 года

Ежегодно в день крещения господня, 6 января, знамя это выносится из участкового управления с особою торжественностью, являя собою, отрадное напоминание о верности самурзаканцев великому русскому царю и России.

Самурзаканец

Газ. «Черноморский вестник».
1897, №89

Селение Блабурхва
(Сухумского округа)

В нашем селе, состоящем из 208 дымов, не существует ни одной начальной школы, вследствие чего молодым абхазцам приходится оставаться в таком же печальном невежестве, в каком находились их деды и прадеды. Насколько необходимо между абхазцами просвещение и знание сущности православной веры, можно видеть из нижеследующего факта. На днях одним местным крестьянином была устроена обычная «абсхура» (поминки) по усопшим двум его сыновьям. Оказалось, что один из братьев-покойников исповедовал православную, а другой магометанскую веру; поэтому отец не упустил из виду вместе с местным приходским священником пригласить и муллу. Когда гости уселись за обедом, мулла начал благословлять стол по магометанскому обряду, хотя все кругом были православные.

Из числящихся в нашем селении 908 душ обоего пола абхазцев, как видно из церковного списка, магометанскую веру исповедуют не более 56 душ; но, тем не менее, в остальных, внесенных в список православных, вера так слабо вкоренена, что едва ли они могут быть называемы христианами. В воскресные и иные праздники и двух абхазцев не встретите в церкви, хотя тут немаловажное значение имеет отдаленность церкви: например, жители Лидзавского селения,

писаны к блабурхвинскому приходу.

Говорят, что местный приходской священник ходатайствует перед сухумским епархиальным начальством об открытии в Блабурхвах однокласной приходской школы. Дай бог, чтобы ходатайство было уважено, ибо только школа и может содействовать распространению православной веры и русской грамоты среди абхазцев.

В заключение – несколько слов о наших путях сообщения. Отсутствие парома на протекающей посредине Калдахварской общины реке Бзыби приносит много горя, переезжающим через реку, в особенности, если последние не из таких героев, которые могли бы невзирая ни на какую погоду, бросаться прямо в реку. Среди лета, когда воды в реке немного, еще ничего, кое-как можно перебраться, но во время разлива, во время дождей или таянья снегов – перебраться через реку, можно только рискуя если не жизнью, то здоровьем.

S.

Газ. «Черноморский вестник».
1897, №240

Агич и акуч
(К вопросу о разбоях)

Агич. В Абхазии для воров существует два названия: «агич» и «акуч». Агич – по понятию народа – это герой, деяния которого заслуживают удивления и похвалы, а не порицания.

Акуч – это мелкий воришка, не стоящий внимания порядочного человека и не способный на подвиг агича.

Агич служит для молодежи примером, достойным подражания. Девицы мечтают выйти замуж за агича, как за героя, достойного любви.

В ранг агича возводится тот, кто ловко скрыл доброго коня или украл девушку.

Когда одного молодого, статного, красивого абхазца И., подозревавшегося в уводе дорогой лошади К., некто имеющий власть стал упрекать в этом поступке и грозил предать его суду, как гнусного вора, и во всяком случае прекратить с ним всякое знакомство и не подавать руки, если даже преступление формально не будет доказано, то молодой И., вытянувшись во весь свой статный рост и гордо откинув назад свою красивую голову, воскликнул: «Начальник, о

чем вы говорите, я хорошо не понимаю, а главное – зачем грозить мне. Помилуйте, ведь я не курицу украл, а отличную лошадь, которую хозяин охранял, как глаз свой. Правда, К. лишился лошади, зато я приобрел славу, а вы говорите со мной, как будто бы я какой-нибудь акуч».

Вот как, согласно с воззрением народа, смотрят на себя и сами агичи.

Такое воззрение абхазцев сходно с воззрением чеченцев, кабардинцев, осетин и татар Закавказья.

Карательные меры против воров-агичей, деяния которых означенными народами считаются геройскими поступками, как известно, применяются с давних пор. В лучшем случае меры эти сводят агича со сцены лишь на некоторое время (заключение в тюрьме, ссылка), а в большинстве приводят к тому, что агич, скрывшийся от суда или убежавший с места ссылки, становится абреком, т.е. более или менее опасным разбойником, которому население покровительствует отчасти из боязни, а отчасти из уважения, как к герою, пострадавшему по непонятным этому населению причинам. Стало быть, несмотря на карательные меры, воззрения на поступки агича остаются в прежней силе и по-прежнему служат причиной появления абреков, а потому ясно, что нужны какие-либо действия, направленные и против этой причины или против существующего воззрения на поступки агичей.

Но всякое воззрение – то же, что религиозное чувство, и, следовательно, будучи почти столь же устойчивым, как это последнее, оно может быть побеждено лишь силой другого, лучшего воззрения. Поэтому наиболее успешными мерами для борьбы с воззрениями упомянутых народностей будут те известные меры, которыми обыкновенно сопровождается просвещение народа, т.е. школы и политическое воспитание.

Оставляя вопрос о заведении школ такой, который никакого возражения не может вызывать, скажем несколько слов о политическом воспитании.

Воспитание это состоит из привития народу тех или других идей, а что оно возможно – доказывает история еврейского народа, ибо народ этот во время блуждания своего в аравийских пустынях постепенно проникался гениальными политическими и религиозными идеями Моисея и, наконец, до такой степени сроднился с ними, что стал носителем их, быть может, на вечные времена. На такое воспитание Моисей, как известно, употребил сорок лет, и лишь после того

евреи были введены в обетованную землю. Примером прочного политического воспитания из других древних народов могут служить персы, афиняне, спартанцы и римляне до междоусобных войн. Прочность политического воспитания в Китае доказывается многовековым существованием этого государства. Вообще политически более или менее воспитывается каждый народ, прочность же воспитания зависит от большей или меньшей силы привитых ему идей и от степени их проникновения в сознание народа. Поэтому народ с непрочным политическим воспитанием легко воспринимает другие идеи и, следовательно, легко поддается перевоспитанию, и наоборот.

Наши кавказские народы, татары, чеченцы, кабардинцы, осетины, абхазцы, из которых некоторые исповедуют магометанскую религию, а другие какую-то смесь магометанства с христианством и язычеством – (осетины и абхазцы), в том политическом смысле, о котором мы сказали, почти никакого воспитания не получили. Это – обособленные физическими условиями страны племена, из которых каждое питается лишь какими-то обрывками религиозных идей и руководится обычаями в случаях своей несложной жизни. При таких данных воззрения этих народов покоятся лишь на личном эгоизме; вот почему дух молодечества ставится ими выше всего, и на этом основании агичи и разбойники считаются народными героями. Тем легче, поэтому начать политическое воспитание этих народов и благополучно окончить его, ибо нет никакого сомнения в том, что эти воззрения не могут устоять при встрече с воззрениями нашего правового порядка. Но если воспитание отдельного человека поручается лицу, знающему свое дело, тем более воспитание какого-нибудь народа должно быть вверяемо лицам, не только способным внушить к себе уважение, но и глубоко проникнутым идеями нашей гражданственности. Нет также никакого сомнения в том, что при нашей системе управления ближайшими к означенным народам Кавказа лицами являются обличенные той или другой властью чины нашей администрации и что политическое воспитание этих народов в сущности направляется и должно направляться этими чинами. А потому очевидно, что для успеха дела весьма важно, чтобы каждый, даже самый малый чин полиции, вполне удовлетворял своему назначению, – иначе воззрения нашей высшей администрации не только не проникнут в сознание народов Кавказа, но получат превратное толкование, которое в свою очередь будет питать вредные для нас образы мыслей. Разумеется, огромное влияние на политическое воспитание народа имеют и суды и судьи, как проводники идей

правды и справедливости. Поэтому, конечно, и суды и судьи, должны быть достойны своей высокой роли.

Этими, в сущности известными мерами и некоторыми, менее важными, только и возможно побороть и искоренить означенные воззрения кавказских народов.

К. Д.

Газ. «Тифлисский листок»[78]*.*
1897, №294

Агич и акуч
(К вопросу о разбоях)
(Окончание)

Акуч. Зло, причиняемое другого рода ворами, т.е. акучами, «не так большой руки». Оно обыкновенно состоит в краже уздечки, седла, бурки, ружья, плодов, домашних вещей и пр. Но это зло при обличении акуча почти всегда влечет за собой ссору и драму, а затем ужасное кровомщение, или, по-татарски, канлы, между родичами акуча и родичами потерпевших от него, если последнее печальное явление не будет предупреждено своевременными основанными на обычаях мерами.

Поясним это бывшим в действительности примером. Два молодых абхазца заложили в реку по сапетке, какие употребляются здесь для рыбной ловли (это сплетенная из хвороста конусообразная корзина, широкое отверстие которое заделывается сильно выгнутым дном, сплетенным также из хвороста; в такую сапетку, укрепленную в реке своею широкою стороною против течения воды, рыба входит легко, но выйти из нее она уже не может, так как встречает препятствие в описанном дне сапетки. На другой день утром один из этих абхазцев, осмотрев свою сапетку и не найдя в ней рыбы, полюбопытствовал осмотреть и другую сапетку и так как в этой последней оказалась рыба, то он, недолго думая, сапетки переместил одну на место другой, благо они ничем по работе одна от другой не разнились. Но эту проделку акуча увидел хозяин своей сапетки, и вот между ним и акучем немедленно завязалась ругань, а затем и драка, во время которой акуч ударил своего противника кулаком по лицу, а этот последний в свою очередь, выхватив кинжал, поранил акуча в лицо. На крик и шум дравшихся быстро сбежались родичи и того и другого абхазца, которые дравшихся друг от друга оттащили. Но не успели родичи принять обычных мер к предупреждению после-

дующих событий, как случились обстоятельства, которые помешали принятию этих мер, а именно: молодые люди были примирены, но не по своему обычаю, а по нашему закону. Такой мир никто не счел за окончание возникшего дела, и вот вскоре на одном из свадебных пиршеств, когда вино значительно отуманило головы пирующим, отец акуча, вскочив со своего места, с криком набросился на того молодого абхазца, который поранил его сына и, обнажив кинжал, в мгновение ока отрубил ему нос. В то же мгновение, как по мановению волшебного жезла, родичи обеих сторон, образовав два враждебных лагеря, выхватили кинжалы и револьверы, и за ужасным криком можно было разобрать лишь слова: «бей и стреляй». Свадебное торжество окончилось тем, что когда на место явилась полиция, то в комнате валялось четыре человека убитых (раненые были унесены), и тогда же полиция узнала, что весь сыр-бор загорелся из-за того, что примирение между молодыми людьми состоялось неправильно, – что при драке между молодыми людьми из-за рыбы более оскорблен был подозревавшийся акуча, так как он получил кинжальную рану, а не его противник, которому достался лишь удар рукой, и потому отец первого отрубил нос обидчику, и что дальнейшее кровомщение между родами молодых людей предупредить невозможно. Как бы то ни было, начались дознания и аресты и последствием как этого, так и возгоревшегося мщения оказалось в горах Абхазии не менее десяти незаявленных разбойников, которые навели ужас на всю страну.

Вот как проступок акуча может разгореться в опасное кровомщение, а это последнее дать целый ряд убийств и десяток опасных разбойников.

А между тем, дело могло бы окончиться в самом начале обычным весьма оригинальным примирением, а именно: когда случается в Абхазии нечто подобное описанному событию, то родичи той и другой стороны сами избирают почетнейших лиц для суждения о том, кто из дравшихся был больше обижен и кого из них следует обязать исполнить то, что велит в таких случаях обычай. В рассказанном нами случае один парень уличил другого в воровстве, за что и получил удар по лицу. Но и другой не остался не наказанным, ибо был поранен в лицо кинжалом. Родичи пораненного кричали, что они более обижены, потому что пролили их кровь, а родичи другого абхазца вопили, что они обижены, потому что получили удар от акуча, похитившего их имущество.

Разобраться в этом споре нам, по правде говоря, было невозможно, ибо нам трудно уловить те требования, которые основываются на обычаях страны. Но избираемые родичами почетные лица, так или иначе, сообразно каждому случаю, постановляют решение, вся сила которого состоит в том, что не желающий подчиниться ему подвергается презрению всего народа. Обыкновенно такое решение состоит в оценке как нанесенного акучем убытка, так и взаимных оскорблений акуча и противника и затем, независимо от убытков, взысканию которых акуч во всяком случае подвергается, решением определяется, кто кого более оскорбил нравственно и потому должен произнести перед обиженным обычную формулу извинения и клятвы. Тогда оскорбитель, глядя на обиженного, произносит: «если бы ты поступил так со мной, как я с тобой, то клянусь, я бы твой поступок не считал за оскорбление» и подтверждает эту клятву ударом молота по наковальне. Таким извинением обиженная сторона вполне удовлетворяется, и тем дело оканчивается и предается забвению.

Конечно, и рассказанный нами случай также мог окончиться примирением, но, к сожалению, с самого начала случились обстоятельства, помешавшие действию народного обычая и последствия, как мы видели были ужасны.

Поэтому в борьбе с акучами можно, по-видимому, ограничиться созерцанием того, как проявляется в отношении их народный обычай и спокойным ожиданием того времени, когда школа и политическое воспитание поднимут народные понятия до потребности заменить существующие обычаи нашим правовым порядком.

К.Д.

Газ. «Тифлисский листок».
1897, №295

Нам пишут

Из Гудаут: «26-го января днем, шайкой злоумышленников убит в селении Лдзаа (Пицунда) кн. Караман Инал-ипа при следующих обстоятельствах. В ночь на 26-е января упомянутая шайка угнала у кн. Инал-ипа буйвола, как оказалось, с целью вызвать преследование и заманить самого хозяина в лес. Узнав о пропаже буйвола, Караман, несмотря на увещания домашних остаться дома, не утерпел и вместе с одним слугою (русским) и шурином М. Мургания[79] отпра-

вился по следам воров. Следы животного были явственно видны на песку по берегу моря. Это обстоятельство немного смутило Иналипа, так как воры стараются обыкновенно уничтожить всякие следы краденного животного, но он все-таки продолжал путь. При этих розысках вдруг из лесу раздалось подряд несколько выстрелов; слуга тотчас же упал мертвым, князь же, прежде чем, был убит, успел всадить пулю в лоб одному из разбойников, беглецу Т. Жиба. Говорят, шайкой предводительствовал небезызвестный беглец Мачих Барциц».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4518

Нам пишут

Из местечка Гудаут, Сухумского округа: «На днях в местное участковое правление явилось 3 человека абреков, наводивших ужас на мирных обывателей Гудаутского участка. Все они заявили, что им надоело вести скитальческую жизнь по лесам, спасая свою жизнь от преследования участковой администрации. Участковый начальник кн. В. Чиковани всех их препроводил в Сухум для передачи в руки следственной власти». Надеются, что население Гудаутского участка, по крайней мере теперь, вздохнет посвободнее, не трепеща за целостность как имущества, так и собственной жизни.

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4540

Нам пишут

Из Гудаут: «Насущною потребностью Гудаутского участка является суд и приемный покой. Как известно, наш участок расположен по восточному берегу Черного моря узкою полосою, длиною около 90 верст. Живут здесь более 4 тысяч семейств, и все они буквально лишены возможности обращаться в случае надобности к защите суда. При отсутствии путей сообщения ехать искать правосудия в Сухуме за 97 верст, очень мудрено жителю Калдахварской общины – окраины нашего участка. Жителям же м. Гудаут и близ него лежащих селений также трудно ехать в Сухум за правосудием,

так как, во-первых, им приходится проезжать минимум 40 верст, чтобы попасть в названный город, и, во- вторых, такое путешествие сопряжено с большими расходами. Это обстоятельство часто заставляет обывателей совсем отказаться от помощи суда.

Другое больное место участка – отсутствие всякой медицинской помощи. В участке нашем имеется лишь один фельдшер, и то так называемый «судебный». Врача же для нас положительно не существует; а если иногда и приезжает окружной врач Г. Барский, то для судебно-медицинских вскрытий. Единственными нашими советниками в болезнях являются знахарки и гадальщицы, вводящие нас, абхазцев, в неимоверные расходы, так как причины болезней они всегда видят в сверхъестественных силах, которые нужно умилостивить жертвоприношениями. И абхазцы за жертвоприношения хватаются, как утопающий за соломинку. Поселенцы же, русские и армяне, тоже в безвыходном положении. Хотя русским, особенно бомборцам, оказывается ввиду их [нищенского] положения, кое – какая помощь высылкою лекарств и по временам врача, но этого, конечно, недостаточно. Приглашение доктора на свой счет из Сухума не по карману бедному обывателю, так как он обходится от 20 до 50 рублей.

Таким образом, открытие суда и приемного покоя в центральном пункте участка является насущной потребностью населения».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4545

Нам пишут

Из м. Гудаут, Сухумского округа: «За последние два месяца у нас сравнительно спокойно. Особенно после убийства Карамана Инал-ипа, о чем своевременно сообщалось в «Новом Обозрении», окружная администрация приняла энергические меры к прекращению злодеяний. На помощь участковой администрации командирован сюда шт.-капитан Салакаиа с казаками. Главари и зачинщики разбоев в участке почти все переловлены».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4547

Нам пишут

Из Сухума: «В настоящем учебном году в местной 2-х классной горской школе окончило курс учения 22 воспитанника. Педагогический совет школы ходатайствует об определении на казенный счет 16 воспитанников, успешно окончивших названную школу, в разные специальные учебные заведения: сельскохозяйственные, учительские семинарии и т.д. Педагогический совет надеется этим самым создать контингент подготовленных людей из местной среды для дальнейшей деятельности здесь же. В настоящее время в Абхазии особенный недостаток ощущается в сельских учителях и садоводах, так что, нужно полагать, представления педагогического совета будут уважены».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4655

Венгерцы и кавказские племена

Многочисленные племена, населяющие Кавказ, к сожалению, до сих пор еще остаются малоисследованными. Странная вещь, до сего времени вообще мало интересуются Кавказом в этом отношении, хотя племенной состав Кавказа представляет обширное поле для работ этнографов, археологов и антропологов. Сколько поучительного, полезного и интересного могло бы дать научное исследование племенного состава Кавказа, в котором до сих пор сохранились остатки древнейших племен и народов, языков, религий, обычаев, цивилизаций и пр.

Возьмем, например, наших аваров: есть много оснований думать, что они – остатки древних гуннов, точно так же, как и венгерцы.

К такому заключению (правда, нуждающемуся еще и в серьезных доказательствах) приходит и граф Евгений Зичи, выпустивший в свет два толстых тома о своих путешествиях, между прочим – и по Кавказу. Граф Зичи говорит следующее: «Разбирая все то, что мы прочли у древних авторов – у Геродота, Ератосфена и Страбона, которые еще прямо не называют гуннов, у Плиния, Дионесия и у других, которые прямо называют гуннов и описывают их, у грекоромансских авторов византийской империи (Амиен Марселен IV в., Прискус Ретар V века, Прокоп, Агафиас, Менандр и пр.), у армянских авторов IV и V веков, Фаустоса византийского и Моисея Хо-

ренского, у последующих византийских авторов, каковы: Леон Мудрый, Константин Порфирогенет, Нисета, Монахус, Синомус, Седренас, Калхокондилас, Ксифилинос (1066) и друг., и, наконец, у арабских авторов, каковы: Ибн-Доста (913), Гурдези (1051), Абульфеда, Ибн-Саид, Белки Едриси, Гункара и Аль-Бакри, – мы придем к тому убеждению, что гунны, начиная с 11 века после Рождества Христова все время жили между Кавказом, Доном и Волгою, что гунны и авары составляли две ветви одного и того же народа. Нет более надобности говорить о той исторической связи, которая существует между гуннами и мадьярами, – связи, которая была подтверждена и признана графом Геза Кююн, Иосифом Тюри, Генрихом Маркрали, Геза Нагу и Бернардтом Мункачи.

Последующая история гунно-мадьярских народов говорит, что раса эта была разбита на 3 части: одна часть направилась к западу и образовала венгерскую нацию, которая сохранила свой язык в течение десяти веков, вторая – к северо-востоку и смешалась с народами того края, там, где живут ныне башкирцы; третья вернулась на Кавказ, во-первых, потому, что он почти в течение 8 веков служил местопребыванием мадьярской расы и, во-вторых, потому что еще, что Кавказ, – это страна, которая в течение веков служила убежищем стольких других народов, что это дает мне возможность предполагать искать именно здесь остатки древних мадьяров, сохранившихся до наших времен».

По приведении целой серии древних и новых авторов, в подтверждении своего тезиса, граф Зичи утверждает, что сам лично нашел поразительное сходство собственных имен венгерских и некоторых из кавказских племен. Так, имя Адилла, которое, может быть, нигде и ни у кого не встречается, можно встретить в каждом ауле Дагестана; точно также и имена Бледа или Будак, Альмус (Almos), Леель (Lehel), Зарольта (Sarolta), Гейсса (Geyza) и названия деревень Гуниб и Гунсак кажутся ему однозначущимися. Он находит также поразительное сходство между следующими собственными именами: Ботлик (название аула на Кавказе) – Ботлик (название венгерской фамилии), Дарго (название народа кавказского) – Дорго (река и фамилия в провинции Земплен в Австрии), Гори (название города близ Тифлиса) – Гори (название венгерской фамилии со времен эпохи завоеваний, также название деревни в провинции Вас); Бито (?), Шаки (?), Сумбатов, Зичианов (Цицианов ?) у грузин, Берсек (у пшавов), Карачай (близ Кубани) соответствуют венгерским Битто, Ссаки, Сомбати, Зичи, Берсек, Карачаи и др.

Кроме всего этого, он нашел на расстоянии 150 верст к западу от Каспийского моря, на берегу реки Кумы, развалины известного в древности города по названию Великий Маджар (маленький Маджар) и маленькую территорию, название которой соответствует среднему Маджару; потом, на расстоянии 2-часового пути оттуда, находится озеро Маджар-су (вода венгерская). В 6 верстах к западу от Сухум-Кале есть река от 60 до 80 верст длиною, которая называется также Маджаром.

Дигорские дворяне сами себя называют маджарами: большая часть аварских и лезгинских племен с гордостью говорит о своем происхождении от гуннов.

Н.Ч.

Газ. «Новое обозрение».
1897, № 4685

Нам пишут

Из Очамчир (Сухумского округа): «На днях в селе Киндги, Тамышской общины, шайка разбойников, во главе с абреком Кобахидзе, напала на купца М. Норишвили, ехавшего из Очемчир в Сухум, и ограбили его догола. Узнав об этом, старшина тамышского поста со своим урядником Зведелава пустился в погоню за шайкой и, догнав её, завязал перестрелку, в которой урядник Зведелава сильно ранен в ногу. Абрек же Кобахидзе со своими товарищами, воспользовавшись многочисленностью стражников, преспокойно направил свои шаги в гостеприимные киндские леса.

За последнее время открыты у нас школы на счет общества: в Тамышах, Джгердах; в январе же будущего года открывается школа на земские средства в селе Атара Аджюбжинской общины. «Скотокрадство здесь заметно уменьшилось».

Из села Ачандары (Сухумского округа): «Как известно, в пределах нашей общины, в малодоступном ущелье, свили себе гнездо известные абреки Алтач-ипа и Мачиг Барциц, наводящие страх на бедных сельчан и угрожающие особенно местным князьям А. Последние, ввиду этих угроз, принуждены чуть ли не целые дни сидеть дома, окружив свои дома караулом.

Недавно все жители нашего общества (без различия вероисповеданий) приняли присягу в том, что они не окажут никакого покро-

вительства названным абрекам и всеми силами постараются изловить их. После такой присяги абреки усиленно начали преследовать главарей общества. Нужны энергичные меры полиции, чтобы выжить абреков из занимаемого ими ущелья».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4739

Нам пишут

Из села Лихны (Сухумского округа): Лихнинская община самая большая в целом Гудаутском участке. Она состоит из 780 дворов. Здесь давно уже существует церковно-приходская школа общества восстановления православного христианства на Кавказе, но школа эта не может похвалиться особенными успехами своих учеников, по всей вероятности, благодаря незнанию абхазского языка преподавателями. Понятна поэтому радость местных жителей, абхазцев, по поводу открытия здесь на днях нормальной школы, преподавателем которой назначен абхазец, прекрасно владеющий родным языком.

Из 84 подавших прошения о поступлении в эту школу принято 54 ученика, остальным же 30-ти отказано за неимением вакансий. Следовало бы открыть еще несколько школ в Абхазии. Просвещение особенно нужно абхазцам, которые поклоняются еще языческим богам.

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4743

Нам пишут

Из Сухума: «Та часть абхазского дворянства, которая эмигрировала в Турцию во время последней русско-турецкой компании и по заключении мира вернулась опять на родину, до сих пор не получила земельных наделов. Дворяне эти, так называемые «махаджиры», в свое время подали прошение о наделении их участками земли согласно их званию (княжескому и дворянскому) и семейному положению. Высшим начальством просьба их была уважена, и в проекте было определено число десятин, предложенное по отводу каждому

семейству. Всех этих семейств до 60; впрочем, многие дворяне не вошли в эти списки. К сожалению, воля высшего в крае начальства до сих пор не приводится в исполнение. а между тем эта часть нашего дворянства, обречена на нищенское существование за неимением земельных угодий».

Газ. «Новое обозрение».
1897, №4796

Колонии в Абхазии

«Всея Абхазия» (так называлась при владетеле) находится на восточном берегу Черного моря, начиная от маленькой реки Гагра и до реки Енгур…

Вот эта, во всех отношениях богатая, страна до 1864 года была густо заселена народом, который сам себя именует «Апсуа», а мы, грузины, называем – «абхаз». Апсуа свою страну именуют Апсны, однако с 1864 года Абхазия наполовину была опустошена. Одна часть Абхазии – Гумистинская – была оголена полностью. Так что здесь не встретить ни одного абхаза. Целью же данной статьи является ознакомить читателей с некоторыми данными по этой части (Абхазии). Эта наилучшая часть Абхазии начинается от прекрасной и прозрачной реки Гумисты и простирается до вечно мутной реки Кодор. Ширина этой части (Абхазии) на берегу моря составляет до 30 верст. Кроме вышеперечисленных рек, эту страну орошают Сибаш (по-русски Беслетка, по-абхазски – Басла), которая протекает почти в центре Сухума, вечно сумасшедшая и беспощадная, словно вражеский меч, Келасури, Мачара и правый приток Кодора – Амткел, прославленный драгоценной форелью. У каждой из этих рек дивные, изящные ущелья. Ущелья Кодора и ее притока Амткел, Келасури и Мачара у Кавказского хребта приближаются друг к другу и имеют общее название «Дал» и «Цабал», именуемые русскими Цебельдой.

Эта небольшая часть Абхазии является истинным нерукотворным краем. Всевышний здесь полностью проявил свою творческую мощь. Подошвы гор покрыты дорогими лесами. Чего только не увидит здесь глаз человека: огромные двухсотлетние дубы, сосну, ель, красное дерево, самшит и т.д., и т.п. Все это оставляет неизгладимо

прекрасное впечатление увлеченного их обозрением человека. Эти богатые леса полны различными зверями.

На этой земле прекрасно вырастает все. Вино, кто умеет его готовить, получается очень высокого качества. Из культурных растений, что только здесь не произрастает: яблоки, груши, гранаты, персики, различного вида черешня, грецкий орех, айва и другие. На берегу же моря прекрасно растут даже тропические растения. Здешний «абхазский» мед прославлен на Кавказе. В Дале и Цабале имеется очень здоровый климат, на берегу же моря – малярийный.

Вот эта малая часть сравнительно большой Абхазии была очень густо заселена абхазами, которые почти все были магометанами. На почве политики село восстало против села, фамилия против фамилии, племя против племени, князь против князя, в результате чего число жителей сократилось наполовину. Кто уцелел... переселился в Турцию, где большая их часть погибла. Если кто и уцелел от смерти, и те были проданы (женщины и дети).

Таким переселением в шестидесятых годах Дал и Цабал были полностью опустошены. Не ушли только живущие у моря абхазы. И эти последние в 1877 – 1878 годах часть добровольно, часть насильно были переселены в Турцию, где полностью погибли так же, как и ранее переселившиеся. Если и кто вернулся назад, на свою Родину, то были заселены в частях Кодора и Гудауты.

Таким образом, несколько десятков тысяч абхазов исчезло с лица земли.

Говорят, что и сейчас в Турции имеется два или три абхазских села. Достоверно о них ничего не знаем.

Так или иначе, в течение десяти-пятнадцати лет эта изумительная и густо заселенная часть Абхазии опустела. Страна с прекрасными садами, огородами, виноградниками была разорена, опустошена.

Поредела лоза, великолепные яблони, персики и гранаты забрал лес, сады заросли колючкой, исчезли огороды. Над пацхами абхазов раздается душераздирающий вой шакалов. Теперь их бывшими местами обитания, их землей, обогренной потом и кровью их предков, овладели другие.

После установления мира между Россией и Турцией первой на эту опустевшую землю ступила нога мегрела, который осел там. Вначале местное население встретило их мягко и поселило в нескольких селах на свободные государственные земли. В дальнейшем бедным мегрелам, страдавшим на своей родине от безземелья,

запретили селиться на государственных землях. Поэтому безземельный мегрел, беженец из Одиши, был вынужден обращаться к частному землевладельцу и там селиться. Ниже мы постараемся рассказать читателям, как укоренились здесь мегрелы.

Конечно, в то время отсутствовала не только аробная дорога, но даже и тропа. Поэтому мегрелы были вынуждены селиться на побережье. Помимо близости моря, причиной тому послужило и то, что прибрежные земли давали хороший урожай кукурузы. Тогда, в 1880 году, для поселения мегрелов правительство выделило три деревни: Абжаква, примыкающую к Сухуму с востока, Мерхеули и Пшапи. Потом мегрелы купили село «Николаево-Анастасьевское» (по мегр. Наа)[80] у русских, поселенных правительством. Однако не могли ужиться и были вынуждены направиться на север. Затем мегрелам с большим трудом удалось закрепиться в Келасури и Акапа...

Первое село – Абжаква. В это село поселились мегрелы в 1880 году... Этому селу отведено 665 десятин земли, третью часть которой все же занимают никем не использованные леса и обрывы. Сюда заселились очень бедные крестьяне из Сенакского уезда, выходцы из горных местностей. Если они что-либо и имели в прежних селах, этого им не хватало даже на расходы дороги. Никакой поддержки, кроме земли, они ни от кого не получали. Этих полураздетых, обнаженных никто не вспомнил. Они поселились на опустошенных, превратившихся в леса и заросли селищах. Правда, до переселения абхазов в Турцию, Абжаква состояла сплошь из садов, огородов и виноградников, но достаточно было всего несколько лет, чтобы здешние места опустошились... Несмотря на препятствующие причины, абжаквовцы все же в течение двух-трех лет здесь закрепились. И земли здесь каждому жителю раздали совсем мало: по пять десятин и для жилья и для пашни. К этому добавьте еще то, что в начале малярия уничтожила новоселов: каждый день хоронили по четыре, пять покойников в селе. Старание, бережливость и энергия мегрела взяли свое. Сейчас войдете в это село и не поверите, что это, превращенное в сад, прекрасное село обустроилось всего за 17 – 18 лет. Недалеко от церкви в хорошем помещении имеется одноклассная приходская светская школа... К сожалению, здесь детей не обучают предметам по-грузински. Село несколько раз просило, чтобы дали возможность обучать своих детей и грузинской грамоте, но им категорически отказали: вы, мол, не грузины. Удивительно, Боже милостивый...

В соответствии с ростом села растет и цена на землю. Поэтому село решило выкупить усадьбу князя З. Еристави, которая находится близ Сухума. Эта усадьба составляет 1200 десятин и лежит у берега моря. В десяти верстах от Сухума. Раньше усадьба была большая, но несколько ее участков проданы по частям. Абжаквовцы за эту усадьбу давали 90 тысяч рублей, которые они должны были заплатить в течение 6 лет по частям. Но, к сожалению, так не вышло. Усадьбу купил какой-то московский богач Смецкой! После этого нам стали непонятны слова князя: «Мы не должны пускать чужие руки в наши усадьбы. Кто к нам придет для покупки, мы должны сказать: «Руки прочь»!.. Здесь же я не могу не отметить, что у князя Еристави и в Гудаутском участке имеется прекрасная усадьба, кажется, до 800 десятин... Желательно, чтобы уважаемый З.Еристави на этой усадьбе поселил наших. Этим он окажет большую услугу нашему народу, который здесь нуждается в большой заботе... В селе Абжаква 100 дворов.

Второе. На государственных наделах расположено село Мерхеул, которое находится в 14 верстах к северо-востоку от города Сухума. Село обосновалось в 1880 году в ущелье реки Мачара, в семи верстах от моря. Мерхеул состоит из 60 дворов. Здесь поселенцы опять же – нищие мегрелы... Многие здешние крестьяне у частных владельцев купили усадьбы и живут сравнительно богато. Через это село проходит шоссейная дорога, которая идет в Цабал. В этом селе имеется много частных дворянских наделов, на которых заселено 60 дворов мегрелов. Из них многие закупили земли в собственность у помещиков.

В Мерхеул оставшиеся несколько семей абхазов прекрасно усвоили мегрельский язык и находятся с мегрелами в хороших взаимоотношениях.

Третье. На государственных наделах заселено также село Пшап; оно расположено к востоку от Сухума на 15 верст. Пшап заселено в 1882 году близ монастыря Дранда (Цкаби). Село Пшап расположено на прекрасном возвышенном холме... И это село ничем не уступает здешним своим сородичам.

Четвертым самым примечательным селом или селами своей историей является Николаевско-Анастасьевское, или Наа. Как мы сказали выше, в это село правительство заселило русских и оказало им как можно больше поддержки: раздало скот, деньги и т.д. Как бы то ни было, более двух-трех лет русские не смогли вынести тяжелый

для них здешний климат; если что имели, – распродали и снова вернулись в Россию.

В тот период переселения, в 1882 году, по разрешению правительства, русские продали мегрелам свои права на «землю», а также все имевшиеся у них лачуги и навсегда отдалились от малярии в Абхазии.

Очень тяжело было здесь закрепиться мегрелам... Но энергия и прилежание взяли свое. Мегрелам способствовало и другое обстоятельство, а именно – каждому жителю досталось достаточно земли – по десяти десятин или по 27 кцева пашни и лес...

Пятое и шестое села на государственных землях – Келасури и Акапа. Эти села располагаются в ущелье реки Келасури в 7 верстах от Сухума, заселились в 1882 году. В селе Келасури имеется 15 семей, в Акапа – 60. Оба эти села составляют одно общество... Они устроены очень хорошо, ничем не уступают своим здешним сородичам.

А теперь коротко о тех новоселах – мегрелах, которые поселились на усадьбах частных лиц...

Из этих частных лиц самую большую по размеру и качественную усадьбу имеет князь Георгий Шервашидзе, бывший губернатор Тифлиса. На его усадьбах расположены села Варча и Бабушера, где число жителей превышает 200 дворов. И в этих «надельных» селах живут неплохо, устроились хорошо. Но у них нет ни церкви, ни школы.

И в селе «Багажв-иашта» на усадьбах князя Прокофия Шервашидзе и графини Шервашидзе-Сологуб живут 50 дворов мегрелов. И у «Багажв-иаштинцев» нет ни церкви, ни школы.

В селе «Мачара-Гульрипш» живут 70 семей мегрелов. Многие из них у частных владельцев купили земли, другие живут на землях помещиков. И они лишены школы и церкви.

Близ села Мерхеул, на усадьбах графини Толстой, живут 70 дворов мегрелов. Это село называется «Гурзеул», и здешняя мегрельская община устроилась хорошо. И эти не имеют школу и церковь. И на усадьбах города Сухум живут 50 дворов мегрелов. В долине же Мачары, в селе Багмаран, живут 25 поселенцев-мегрелов. Из этих самая большая часть живет на землях помещиков, остальные – на выкупленных землях.

Мегрелы также арендуют и поместье князя Г.Шервашидзе в селе Гумиста.

Вообще, здешние мегрелы, как бы трудно не было, в какую бы беду ни попали, все же не падают духом, наоборот, прибавляется энергия, дни и ночи проводят в неустанном труде, с глубокой верой в то, что если не сегодня, то завтра преодолеют все беды. Если бы мегрелам правительство дало возможность заселиться здесь на свободных землях или землях частных владельцев, тогда наполовину разоренные земли превратились бы в цветущие края, что имело бы большое значение как для крестьянства, так и для государства. Вот почему мы упомянули частных владельцев: почти все самые хорошие земли в этой части Абхазии находятся в руках частных владельцев, когда-либо служивших в Абхазии. Все, а также князья Шервашидзе, свыше в подарок получили «наделы» в соответствии с рангом и заслугами.

Вот эти частные наделы семь, восемь лет назад продавались десятина за 10-15 рублей. Частные владельцы оказали бы огромную помощь, если бы дали возможность крестьянам купить по более доступным ценам. Кроме мегрелов, как мы знаем, очень нуждаются в землях гурийцы, имеретинцы, рачинцы и сваны, и будет очень хорошо, если наша общественность, всегда равнодушная ко всем общественным делам, хоть сейчас предпримет сколько-нибудь усилий, поможет нашему крестьянству в покупке земли и заселении его в этом крае. Для рачинцев лучше всего будет заселиться в Дале и Цабале. которые по климату во многом схожи с тем же Рача-Лечхумом. Правительство благосклонно отнеслось здесь к грекам, которых заселило в 12 селах. Вообще здешние греки хорошо обустроились. Они больше занимаются выращиванием табака, который дает хороший урожай. Здесь есть еще одно армянское село и несколько арендаторов. И армяне проявляют большое усердие. Я не знаю, в чем причина, но факт, то, что здешние армяне, кроме выращивания табака, больше ничего не умеют делать. Посудите сами, у них нет даже простых огородов.

Между прочим, здесь есть одно село болгаров, два – русских и в нескольких селах живут эсты (эстонцы). Они ничем не проявили себя, хотя им дали много льгот и дают сегодня.

Вот что говорит об этом русском селе «Полтавское» газета «Черноморский вестник» (1897 г., №206): «Село «Полтавское» простирается по равнине, покрытой лесом. Все лачуги скособочились, млад и стар, одеты в лохмотья, по всем женщинам и мужчинам видно, что употребляют водку, у всех – печать болезни. Эти сюда пришли в 1884 году. В первое время больше года им выдавались продукты.

Как только они пришли, администрация раздала рабочий скот каждому жителю, дали также и по одной корове. Кроме того, на территории села оказались самшитовые и дубовые леса. Казалось, что через несколько лет эти люди вздохнут и обогатятся, но ничего подобного – богатство так и не пришло к ним. Государственная еда, дармовой скот, богатый лес, который давал хороший доход, все это сделало их ленивыми... Правительство перестало их кормить, но и это не заставило работать дармоедов...».

П.Чарая

Журн. «Моамбе»[81].
1898, №1, с. 96 – 110 (на груз. яз.)

Нам пишут

Из Сухума: «Из Кутаиса получено известие, что вопрос о присоединении так называемых «санитарных» участков к Сухуму решен в утвердительном смысле. Таким образом, выборы гласных, произведенные в 1896 г., кассированы и полиции предстоит в скором будущем приступить к составлению новых списков избирателей. Новые выборы гласных последуют, по всей вероятности, не раньше будущего октября».

Оттуда же: «Виновники покушения на жизнь Гудаутского участкового начальника В.П. Чиковани нашлись наконец. Ими оказались братья Сулейман и Исмаил Авидзба. Последний 23-го июня самолично явился к начальнику Сухумского округа. Мотивом преступления послужил, по их объяснению, страх наказания за преступление, совершенные братьями Авидзбовыми. Вот вкратце обстоятельство этого дела: за месяц до поранения г. Чиковани, некто М. Аквадзба (житель сел. Куланурхва и сосед Авидзбовых) был ранен неизвестным злоумышленником в то время, когда он пахал на своем участке. Узнав об этом, начальник участка поручил Чиковани приняться за розыски и видя, что трудно добраться до виновного, прибег к обычному абхазскому праву – к очистительной присяге на священном для абхазцев место Дыдрипш, и как подозрение падало на братьев С. и И. Авидзбовых, то они должны были принять присягу. Однако последние от присяги уклонились и просили несколько раз г. Чиковани передать дело их судебной власти, надеясь за неимением свидетелей избегнуть кары правосудия, г. Чиковани упорствовал.

Вот, чтобы дело оттянуть или как-нибудь замять, они решились на новое преступление. Орудием преступления, как говорят, является однофамилец их Джгватан (турецкоподданный), бежавший из-за преступлений из Турции и скрывавшийся в дебрях Абхазии. Есть слух, что этот последний был зол на г. Чиковани за его преследования и за то еще, что им был посажен в тюрьму его двоюродный брат, умерший в заключении. Все трое с некоторыми подозреваемыми лицами арестованы».

Из Очамчир: «В сел. Чилоу на днях неизвестным злоумышленником подожжен дом кн. Хабуга Анчабадзе. Начальником участка г. Старосельским приняты энергичные меры к розыску виновных».

Газ. «Новое обозрение».
1898, №4977

Нам пишут:

Из Гудаут: «Часть абхазского дворянства эмигрировавшая в Турцию во время последней русско-турецкой кампании и возвратившаяся потом на родину, до сих пор не получают никаких земельных наделов, хотя неоднократно она возбудила ходатайство пред главноначальствующим о том же, и, наконец, просьба их удовлетворится: на днях приезжал к ним чиновник особых поручений при главноначальствующем кн. Маматов для собирания сведений о семейном и сословном положении каждого из них и о количестве свободных земель в нашем участка и пр.».

Газ. «Новое обозрение».
1898, №5121

В Абхазии
(Из дневника русского пешехода)

Пройдя пешком значительную часть Абхазии, я имел возможность впервые познакомиться с бытом, нравами и обычаями абхазцев…

Абхазские селения тянутся часто на десятки верст; это, собственно говоря, не селения, а отдельные хутора, так как здесь преобладает хуторное хозяйство. Во-первых, что эта за жилища? Так на-

зываемые «пацхи», сложенные из хвороста, где в щели дует и где от неугасимого огня, разложенного посреди «пацхи», угарно и дымно. Около этого костра я заставал чрезвычайно интересные группы, просящие на полотно жанриста... Мебели, кроме небольших лавчонок, никакой, но целая коллекция подушек и одеял. Обязательно близ каждой «пацхи» имеется кукурузник («нания»)[82], род вышки на столбах, где хранится кукуруза.

Часто вблизи жилища, тут же, шагах в 3-4-х, мне попадались семейные могилы: у абхазцев принято хоронить покойников не на общих кладбищах, а каждая семья хоронит около своих жилищ.

Интересен погребальный обряд абхазцев. Когда у них кто-нибудь умрет, они немедленно извещают родню, друзей и знакомых, созывая их на торжественное оплакивание покойного или покойной. Обыкновенно строится специальный шалаш, в который кладется тело покойного или покойной. Тут же, в шалаше, отдельно выставляется его или ее постель, носильное платье и другие вещи, а с наружной стороны шалаша – лошадь, седло и оружие. Если умерший был холост, то выставляется одна лошадь, если же он был женат, две – одна в честь его, а другая в честь его вдовы. Родственники помещаются сзади покойника, а спереди подходят оплакивающие его: мужчины группами по 4-5 человек в каждой группе, женщины – гурьбой. К мужчинам приставляются особые люди, по два человека к каждому, которые ведут оплакивающего, поддерживают его. Оплакивающий ударяет себя по лбу и иногда произносит целую речь; женщины хором голосят «ууу»... На их крик родственники отвечают таким же криком. В заключение устраивается общее оплакивание: гостей ставят в круг, в середину круга вводятся лошади, позади лошадей помещаются родственники; лошадей проводят трижды по кругу, причем все колотят себя руками по голове и кричат.

Поминальная трапеза происходит, пока покойник еще не похоронен; хоронят его обыкновенно под вечер, причем все присутствовавшие усердствуют, кто что может в пользу семьи умершего или умершей. Поминальная трапеза – постная, по покойнику постятся от сорока дней до года. Траур носят от года до трех лет. Вдовы носят траур до другого замужества. Траурными цветами абхазцев считаются: черный, белый и коричневый. Мужчины носят траур в виде коленкорового балахона, надеваемого поверх черкески, женщины шьют себе специальные одежды с подрезанным, наподобие бахромы, подолом платья и приспособленными на такой же манер рукавами. На голове они носят уборы со спускающейся надкромсанной

бахромой на глаза, чтобы показать, что она, мол, ни на кого не желает смотреть, так она убита горем. Вообще, абхазцы народ экспансивный и стараются внешне показать таящуюся в их сердцах скорбь; так, например, женщины, оплакивая покойников, вырывают себе из головы пряди волос и расцарапывают себе в кровь лица.

Женщины у абхазцев обязаны оказывать почтение мужчине. Между прочим, абхазские женщины считают за стыд ездить иначе, нежели верхом. Почтение к мужчинам они выражают иногда в весьма странной форме: у них принято в знак уважения к почтенным лицам, к тестю и теще особенно, не разговаривать с этими лицами первые два года замужества. Первые год-два муж никогда не показывается вместе с женой при своих родителях, как и не станет нянчить своего ребенка – он совестится. При рождении ребенка мужского пола у абхазцев, в знак радости, принято стрелять. Похищение молодых девушек – у них обыденное явление.

Абхазцы очень суеверны. Они верят в нечистую силу и, например, во время Успенского поста, чтобы отвратить от себя наваждение этой нечистой силы, срезают дерево, называемое по-ихнему «лакуха», высекают в середине крест, который покрывают маленьким веночком из терня. Есть абхазцы – христиане, есть и магометане. Но и у абхазцев – христиан сохранились прямо-таки языческие обычаи, например, жертвоприношения.

Большим авторитетом в народе пользуются ворожеи, гадающие на лобио (фасоли)[83]: они выбрасывают на пол 42 фасоли и говорят, что человека ожидает, или почему его постигло то, или другое несчастье, предписывая ему принести в жертву ягненка. Например, заболеет абхазец – он объясняет эту болезнь или тем, что он ложно присягнул, или что его проклял кто-нибудь, и, вместо того, чтобы обратиться к доктору, идет к ворожее. Большую роль у абхазцев играет присяга; к обычной присяге он относится легко, но ложно присягнуть перед весьма чтимой абхазцами иконой св. Георгия он не решится.

Странная вещь: абхазцы очень боятся кузнецов и часто принимают присягу в кузнице, перед кузнечными инструментами.

В заключение несколько строк об абхазском языке. Это совершенно самостоятельный язык и язык очень трудно поддающийся изучению, так и передача его посредством азбуки какого-либо другого языка. В этом языке встречаются звуки вроде шипения, свиста. Попытка создать абхазскую азбуку до сих пор не увенчалась успехом. Другая особенность языка: большинство существительных по-

абхазски начинается с буквы «а». Так человек –аюэ, женщина – абхюс, корова – оажь, лошадь – аче, собака – ала, огонь – амца, дом – аюна и т.д.

Слова эти записаны мною приблизительно, насколько можно было уловить их и передать русскими буквами.

М.Бернов

Газ. «Черноморский вестник».
1898, №54

К характеристике абхазцев

Насколько предки абхазцев считали священным честно относиться друг к другу, характеризует предание об абхазском князе Хасан-бее и кабардинском дворянине Заурбеке. Хасан-бей и Заурбек были почти одних лет и одного роста и вообще так походили друг на друга, что если бы их одеть в одинаковую одежду, то их трудно было бы отличать. Оба они славились своим удальством, один в Абхазии, а другой в Кабарде, и оба много слышали один про другого. Понятно, что при таких условиях им сильно хотелось познакомиться, но этому мешали различные обстоятельства. Хасан-бей говорил по-кабардински и часто бывал в Кабарде, а Заурбек владел абхазским языком и нередко наезжал в Абхазию, но знакомства между ними все не завязывалось.

Наконец, Заурбек надумал поехать к Хасан-бею одному, без проводников, и испытать, действительно-ли он таков, как про него говорят. Приезжает ночью и потихонку стучит в дверь Хасан-бея, желая застать его врасплох. На стук выходит Хасан-бей в одном белье, с пистолетом в руках. Приезжий здоровается с хозяином по-абхазски: «Хулабзия!» (добрая ночь!). Хозяин отвечает: «Бзяла ваабейт!», т.е. «счастлив видеть тебя!» Так как Заурбеку хотелось застать Хасан-бея врасплох, не дать ему возможности исполнить его просьбы и тем поколебать его славу удальца, то он и говорит ему: «Я Заурбек. Приехал я к тебе по срочному делу и непременно в эту же ночь должен вернуться домой. Если можешь похити мне мальчика или девушку и с этой добычею отпусти. За это я отблагодарю тебя когда и чем хочешь!» Хасан-бей очень обрадовался его приезду и ответил, что готов исполнить его приказание, но желал бы, чтобы гость провел у него несколько дней. Заурбек на это не соглашается и

просит, чтобы не терять времени, сейчас же ехать на его лошади, в его костюме и с его ружьем. Хасан-бей, чтобы не идти против желания гостя и в точности исполнить его просьбу, приглашает войти в дом и отдохнуть, а сам отправляется в соседнее село.

Заурбек, оставшийся в одном белье, входит в слабо освещенную комнату, подходит к постели хозяина и, ничего не подозревая, ложится на нее. Оказывается, что на постели у стены лежала не замеченная гостем хозяйка дома. Думая, что пришел муж, она полусонным голосом спрашивает его: «С кем это ты говорил?» Озадаченный такою неожиданностью Заурбек, не желая, чтобы она узнала его, отвечает шепотом: «Был гость и уехал». Она спрашивает: «Какой гость?» Заурбек шепотом же говорит: «Я не узнал его и он уехал». Зная, что муж не отпустил бы гостя, не узнав его, еще больше заинтересовалась узнать, что за таинственный посетитель приезжал к ее мужу и, подвинувшись ближе, начинает настойчиво расспрашивать о приезжавшем. Видя, что она совсем придвинулась к нему, Заурбек ласково просит оставить его в покое и отодвигает ее мизинцем. Но женское любопытство от этого разгорается еще больше, жена Хасан-бея подвигается все ближе и настойчиво повторяет свою просьбу. Заурбек опять отодвигает ее мизинцем, вынимает из ножен шашку хозяина и кладет ее острием вверх между собою и женою Хасан-бея. Та увидев такой странный, небывалый поступок мужа, умолкает и отодвигается к стенке.

Через несколько времени наступает конец странному положению Заурбека: послышался стук в двери. Вложив шашку в ножны, он вышел в сени и встретил хозяина с красавицею, которую тот похитил в подарок ему. Одевшись и вооружившись, Заурбек прощается с хозяином дома, подходит к одному из столбов балкона, прикладывает к нему мизинец и говорит: «Брат Хасан-бей! Этот мизинец согрешил против тебя и я его отрубаю» и с этими словами действительно кинжалом отрубает мизинец, считая, что согрешил, дотрагиваясь им к телу жены Хасан-бея в постели. Хасан-бей, не зная в чем дело, сильно удивился и, вбежав в комнату, бросил кусок бурки в огонь, останавливает пеплом кровь и перевязывает рану. Взяв полученный подарок, Заурбек просит хозяина непременно приехать к нему в Кабарду.

Убрав аккуратно отрубленный мизинец, Хасан-бей входит в спальную в том же виде, в каком вышел из нее, т.е. в одном белье. Улегшись на постель, он говорит жене, которая лежала прижавшись к стене: «Что же ты отворачиваешься?» Та молчит. Через некоторое

время он повторяет вопрос, но опять не получает ответа. Он начинает ласкать ее и жена со слезами говорит ему: «Верно я уж недостойна тебя! Что ж положи опять между нами обнаженную шашку, тогда тебе не придется даже мизинцем отталкивать меня!» Эти слова объяснили Хасан-бею, почему Заурбек отрубил себе мизинец. Чтобы помириться с женой, он говорит: «Забудь все это. Ведь я мужчина, у меня много забот. Я даже не заметил, как все это случилось». После долгих уговариваний, ему, наконец, удалось убедить жену.

На следующий год Хасан-бей отправился в Кабарду в гости к Заурбеку. Он взял с собой проводников и 6 самых лучших лошадей из своего табуна в подарок другу. Заурбек встретил его как самого дорогого, желанного гостя, созвал всех почетных князей и дворян своего общества и других знакомых и устроил раскошный пир, продолжавшийся несколько дней. В честь гостя устраивались джигитовки, танцы, стрельба на всем скаку, словом, делалось все возможное для его развлечения.

На седьмой день по приезде Хасан-бея в соседнем ауле были устроены скачки по случаю какого-то праздника. На скачки был приглашен и Заурбек со всеми бывшими у него гостями, в том числе и с Хасан-беем. На скачках его встретили с большим почетом, тем более, что в числе гостей было много его знакомых. Там в толпе женщин и девушек Хасан-бей заметил одну девицу, которая ему так понравилась, что он решил просить Заурбека похитить ее. Эта мысль так заняла его, что Заурбек заметил его задумчивость и, отозвав его в сторону, спросил, не скучно ли ему здесь. Хасан-бей отвечает: «Напротив, мне очень приятны новые знакомые и скачка так интересна, но я увидел одну девушку и мне так захотелось похитить ее с твоею помощью, что если это не сбудется, я не вернусь живым домой!» И он так подробно описал ту, которою были заняты его мысли, что Заурбек сейчас же догадался, о ком идет речь. Но он сказал ему: «Это легко сделать, но не стоит того, потому, что это безнравственная тварь». Однако, видя, что дурные отзывы не оказывают на гостя никакого влияния, Заурбек из ложного стыда соглашается исполнить желание своего гостя, только просит повременить немного.

Дело в том, что эта девушка была невеста Заурбека. Тем не менее, чтобы не огорчить гостя, он призывает одного из своих друзей, молодого человека и просит его передать девушке от его имени: «Ты сосватана мною с согласия твоих родителей, назначен даже срок, когда я должен взять тебя, но я не могу дотерпеть до срока.

Если ты, действительно, считаешь себя моею невестою, то ты не откажешь мне в моей просьбе. Не бойся поступить против воли родителей, выходи за меня сегодня же. Я приеду к тебе один с оседланной лошадью, и ты выходи к воротам вашего дома и мы уедем, а потом я постараюсь примириться с твоими родителями. Отвечай да или нет и знай, что в случае отказа ты никогда не будешь моей женою».

Девушка сначала удивилась такому странному требованию, но, сильно любя Заурбека и зная его твердый характер, ответила посланному: «Я его невеста и, если он находит лучшим взять меня до срока, то я повинуюсь его приказанию, но пусть он хорошенько подумает. Быть может этот поступок уронит меня в глазах родителей, а его в глазах общества. Все зависит от него: я в точности выполню все, что он прикажет». Ответ невесты смутил было Заурбека, но ложный стыд взял верх и он решился передать невесту своему гостю. Вызвав Хасан-бея, он сказал ему, что если они желают осуществить задуманное, то надо сейчас же под каким-нибудь предлогом попрощаться со всеми и уехать домой. На дороге, в лесу, верстах в 15 от дома Заурбека Хасан-бей должен ожидать его с девушкою, которую тот оставит ему после нескольких выстрелов.

Обрадовавший Хасан-бей, посидев немного среди публики, обратился к Заурбеку и присутствующим князьям и дворянам и сказал: «Простите меня, но я сию же минуту должен ехать домой по важному, нетерпящему отлагательств делу». Видя, что он действительно собрался уехать, ему стали предлагать подарки, но он отказывается от всего и уезжает.

Тем временем, поздно ночью Заурбек подъехал с заводною лошадью к дому своей невесты и взяв ее с собой, молча направился к своему дому. В условленном месте раздались несколько ружейных выстрелов. Заурбек быстро удаляется, оставив невесту во власти Хасан-бея. Последний довольный и добычею и верностью своего друга, продолжает путь двое суток без остановки, опасаясь, что родители похищенной преследуют его. Только на третий день утром он остановился у одного родника, разостлал под деревом бурку и посадил на нее все время рыдающую девушку. Умывшись сам, Хасан-бей предложил умыться и ей, но она продолжала горько плакать. Хасан-бей, утешая ее, сказал между прочим, что неужели он не достоин быть ее мужем. На это несчастная отвечала ему: «Не о том я плачу, что попалась в руки недостойного человека, а о том, что как ошиблась в человеке, который сопровождал меня». «Чем ошиб-

лась?» – спросил Хасан-бей. «Тем, что испугавшись ваших выстрелов, он оказался трусливее бабы». «А ты знаешь, кто он был?» После долгого колебания она созналась, что это был ее жених и рассказала Хасан-бею всю историю.

Сильно удивленный Хасан-бей собирает своих проводников и публично объявляет девушку своею сестрою. Приехав домой, он знакомит ее с женою и просит обращаться с нею как можно лучше. Через месяц Хасан-бей посылает к Заурбеку посланца и просит приехать к нему на свадьбу. Заурбек спрашивает у посланца, какая у них свадьба. Тот отвечает, что Хасан-бей привез откуда-то невесту и теперь женится на ней. Хасан-бей послал приглашение также всем родным и знакомым, но он их звал на свадьбу сестры.

В назначенный день свадьбы собрались все приглашенные родственники и знакомые Хасан-бея, а несколько позже приехал и Заурбек с проводниками и восемью заводскими лошадьми в подарок хозяину. И Хасан-бей и его гости радостно встретили дорогого гостя. Начался свадебный пир. К рассвету поднимается хозяин со стаканом свежего кипяченного виноградного сока и говорит: «Господа! Вы осчастливили своим посещением меня и мой дом и я прошу вас выслушать меня». Воцарилась полная тишина. «Я вполне счастлив, видя вас всех у себя, но особенно я дорожу дальним гостем, который, по обычаю края, и ваш гость. Мы так уважаем друг друга, что если я скажу: умри за меня, он умрет с охотою – то же сделаю и я. Вы все знаете, что у меня не было родной сестры, а я приобрел себе сестру, по обычаю нашей страны в лице одной девицы, которую я и моя семья уважаем больше родной. Будучи уверен, что он примет всякое мое предложенье, я хочу выдать за него мою сестру и все полученные мною подарки отдаю сестре в приданое. Прошу всех, кто любит меня, поехать со мною и с сестрою в Кабарду. Теперь, пью за здоровье молодых. Дай Бог им всю жизнь быть счастливыми». Когда он поднес стакан к губам, все, за исключением, Заурбека, сделали залп из пистолетов. Заурбек, пока говорил хозяин, все время волновался, опасаясь, что он расскажет, какие услуги они оказывали друг другу, но догадавшись, в чем дело, он выбежал из комнаты, так как по местному обычаю зятю нельзя присутствовать на своем свадебном пиру. Свадьба продолжалась до рассвета. Заурбек, простившись во дворе с хозяином, отправился в ту же ночь домой, чтобы приготовиться к встрече гостей. По приезде Хасан-бея с невестою, была отпразднована богатая свадьба, продолжавшаяся 15 дней.

Свидетель этой истории перешел в православие и поступил в монастырь. Он скончался в Бедии, Самурзаканского участка в 1877 году.

В настоящее время, к сожалению, в Абхазии уже не встречаются больше примеры такого самоотвержения, какие проявлялись в старину.

А.М.Эмухвари[84]

Газ. «Черноморский вестник».
1898. №№132, 135

Абхазцы и их потребности

В настоящее время абхазцы имеют право ожидать лучшего и есть надежда, что в скором времени они не будут отставать от своих старших братьев – русских, а туземные полуинтеллигенты не будут иметь возможности говорить о них с пренебрежением: «Абхазцы народ дикий, о котором не стоит хлопотать». Интересно, чтобы ответил такой полуинтеллигент, если бы его спросили, какой народ был развитым в первобытном состоянии?

Русское правительство принимает в расчет те исторические обстоятельства, под влиянием которых сложилась жизнь каждой из народностей, управляемых им, и желает, чтобы все они, сохраняя свой язык и свою веру, составляли одно нераздельное целое, одинаково беззаветно преданное Престолу и Отечеству, чтобы в силу этого между ними существовали единение и братство. Правительство одинаково заботится и о коренных русских и грузинах и об якутах и проч., и потому те, кому приходится так или иначе стать руководителями той или другой народности, обязаны употребить все свои силы на то, чтобы, по возможности, экономически, нравственно и умственно поднять эту народность, а не ограничиваться презрительными отзывами о ней. Это не честно и ни к чему хорошему не приведет. Раз человек стал руководителем народности, то обязан служить этой народности и служить не номинально, а действительно, радея о ее пользах и нуждах действительных, а не изобретенных досужею фантазиею или своекорыстными побуждениями. Прежде всего надо приноровьтся к той или иной другой народности, понять ее и внушить ей доверие к себе и тогда можно стать действительным руководителем народности.

Многие из читателей, конечно, имеют смутное понятие об абхазцах, этом маленьком народе, живущем в дебрях Сухумского округа. Для них я скажу, что абхазцы способны, гостеприимны, услужливы, подвижны, сметливы, самолюбивы, строго почитают родство по закону и по обычаю, любят единение, трезвы и решительны. Ласкою и приветом абхазца можно убедить в чем угодно и он все исполнит, но к тем, кто не умеет обращаться с ним, относятся очень недоверчиво. Абхазец любит оценивать человека по своему соображению и при этом отличается мстительностью. Перечисленные качества показывают, что абхазцы вовсе не дурной народ и что оказывать на него влияние не очень трудно. Но в этом то и заключается опасность даже для самих абхазцев, ибо влияние влиянию рознь. Поэтому-то было бы в высшей степени важно, чтобы влияние получили представители правительства, а не какие-нибудь питомцы кутаисской бульварной академии. Этим я вовсе не хочу сказать, чтобы наша администрация была неудовлетворительна и не выполняла своего назначения. Напротив того, большинство ее представителей с любовью относятся к абхазцам и пользуются их доверием.

В Абхазии еще недавно были сильно развиты воровство и грабежи; это объясняется тем, что в старину и то и другое считалось не преступлением, а проявлением молодчества, и остатки этого понятия сохранились до сих пор. Но в настоящее время и воровство и грабежи, благодаря заботам администрации, сильно уменьшились; теперь житель какой-нибудь общины Кодорского или Самурзаканского участка, не найдя своего быка или своей лошади, не боится уже, что его обокрали, а уверен, что она заблудилась сама, и, действительно, рано или поздно находит пропажу. Конечно, жители обоих участков рады этому, припоминая, что было лет пять тому назад. Я часто бываю в Кодорском и Самурзаканском участках, где у меня есть имения; посещая кодорцев и самурзаканцев, я заметил, что каждый из моих хозяев первый тост провозглашает обыкновенно за здоровье начальника этого участка.

Мое убеждение таково, что будущность нашего народа, т.е. его счастие и несчастие в значительной степени зависит от ближайшей администрации; если между администратором и управляемым им населением будут существовать взаимное понимание и доверие, то население будет иметь в нем своего ходатая, защитника и охранителя от всяких вредных влияний. Но плохо той части населения, которая не имеет тесной связи с управляющими ею лицами.

Дело народного образования в Абхазии идет довольно успешно. Почти в каждой общине Сухумского округа имеется школа, или министерское одно или двухклассное нормальное училище, или церковно-приходское (тоже одно – или двухклассное), или школа грамоты. Не могу, однако, не указать на некоторые недочеты в этом важном деле. Так, некоторые учителя церковно-приходских школ, которым вверено первоначальное обучение абхазских детей, не вполне подготовлены к этому делу и есть основания опасаться, что вместо пользы они не принесли вреда; ведь если ребенок получит в самом начале о чем-нибудь превратное понятие, то потом исправить это очень трудно. Чтобы кто-нибудь не принял этого замечания на свой счет, я приведу в примере самого себя: учителям было очень трудно исправить мой выговор потому, что первый мой учитель не сумел объяснить мне, какая разница в выговоре между звуками Ы и И, между Ъ и Ь, и не обращал внимания на правильную постановку ударений. В 1886 г. из Окумского училища я поступил в Александровскую учительскую школу в Тифлисе, где всем учителям и директору, покойному Захарову, было множество хлопот с моим выговором; сколько они не бились над тем, чтобы я правильно произносил фразы: «Красным полымем заря вспыхнула» и «Действительно было это», заставляя повторять их каждый день, но у меня неизменно выходила одна и та же тарабарщина: «Красним полимем заря спихнула» и «Действительно било это». Происходило это вовсе не от того, что я не мог правильно произносить русские буквы; если преподаватель вполне подготовлен к званию учителя, и занимаясь по правилам педагогики, то легко выучить детей, особенно абхазских, говорить по-русски совершенно правильно. Подобную небрежность учителей еще можно было терпеть в мои времена, тридцать лет тому назад, когда еще не был выработан метод обучения, но теперь, когда существует разумный способ обучения грамоты, виноват только учитель, если ученик будет неправильно говорить. И так, число школ в Абхазии достаточно велико и для получения желательных результатов требуется только энергия и добросовестное отношение к делу со стороны учителей.

Читатель, может быть, спросит, что делается с учениками абхазцами по окончании курса в названных школах? Я, право, не знаю, какой ответ дать на этот вопрос. В Сухуме у нас есть двухклассная горская школа, но в ней проходится то же самое, что и в нормальном двухклассном училище, а бедность родителей не позволяет продолжать учение в находящихся в других городах городских учи-

лищах, прогимназиях, гимназиях. Правда, в Сухуме есть женская прогимназия, в которой обучаются и абхазские девочки, но одной женской прогимназии на весь Сухумский округ недостаточно, нужна по крайней мере еще мужская прогимназия, в которой окончившие курс в начальных школах дети местных жителей (а их несколько десятков тысяч) могли бы приобрести более полные познания, а, быть может, получить доступ и к высшему образованию.

Знаю, что на это потребуются значительные средства, но если явится инициатива, то найдутся и средства для столь благого дела. Вот какие источники могут дать средства для открытия прогимназии: у нас имеется 80.000 руб., оставленных князьями и дворянами Сухумского округа после освобождения крестьян на образование их же детей; 20.000 руб., пожертвованных кн. Чавчавадзе в пользу самурзаканцев в последнюю русско-турецкую войну; к этим суммам, без всякого сомнения, прибавятся пожертвования жителей Сухума и тех русских, которые приобрели недвижимые имущества в округе; затем можно обложить небольшой подымной податью всех жителей Сухумского округа; наконец, само правительство, всегда отзывчивое на все полезное, не оставит и это важное дело без своей поддержки. Если бы и этих источников оказалось недостаточно для открытия в Сухуме прогимназии, то можно было бы уступить ей здание горской школы, что, конечно, значительно сократит расходы.

Я уверен, что инициатор этого полезного во всех отношениях дела не встретит препятствий со стороны высшего правительства, которое всегда идет навстречу подобным благим начинаниям на пользу народа.

А.М.Эмухвари

Газ. «Черноморский вестник».
1898, №№154, 155

Письмо к редактору

В печати в последнее время стали появляться статьи, в которых стараются выставить абхазцев в самом неблагоприятном для них свете. Их обвиняют в грабежах и убийствах, – но эти печальные явления свойственны абхазцам не более, чем прочим кавказским туземцам; их обвиняют в лжесвидетельстве, в нарушении данной присяги – и это грех, общий всему туземному населению, а у абхазцев

нарушение присяги в значительной степени объясняется тем, что абхазцу приходится присягать на незнакомом ему грузинском языке, так что он даже и не знает, какую клятву он дает. При этом надо заметить, что абхазцы еще так недавно были магометанами.

Что касается самурзаканцев, то они составляют часть абхазского племени и отличаются от настоящих абхазцев тем, что у них христианство всегда твердо хранилось, тогда как абхазцы в XIV веке с падением византийского влияния и с переходом во власть турок перешли в магометанство, как и остальные кавказские горцы. Только в одном абхазском селении, в Илори, православие всегда сохранялось, и то благодаря тому, что жившие по соседству самурзаканцы мешали турецким проповедникам обратить илорцев в мусульманство.

Самурзаканцы живут между реками Ингуром и Охуром, из которых первая служит границею со стороны Мингрелии, а вторая со стороны Абхазии. Все самурзаканцы говорят как по-абхазски, так и по-мингрельски. Население Самурзакани довольно многочисленно. Самурзакань сама отдалась в подданство России и в ней никогда не было бунтов, напротив того, самурзаканцы принимали деятельное участие в покорении горцев, и в последней русско-турецкой войне многие из них были награждаемы орденами, некоторые получают пенсии. В Окумском окружном управлении хранится знамя, пожалованное императором Николаем первым, и грамота его же. Привожу текст этой грамоты:

«Божией милостию, Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Нашему любезно верному Самурзаканскому племени. Присущее вам примерное мужество, оказанное ополчением вашим в 1840 году, в отряде против горцев при водворении спокойствия в Дале, обратили на вас особенную Монаршескую нашу милость; в ознаменование благоволения Нашего, жалуя вам при сем препровождаемое знамя, повелеваем употреблять его на службу Нам и Государству Нашему с верностью и усердием. Пребываем Императорскою Нашею милостью неизменным Николай. 12 июля 1840 г.».

В том же участковом управлении находится и турецкое, испачканное кровью знамя. История этого знамени такова: покойный дядя мой Бату Эмухвари во время последней русско-турецкой войны, начальствуя своей сотней самурзаканцев, имел около местечка Очемчиры стычку с турками. Во время схватки дядя убил знаменосца и овладел знаменем, несмотря на то, что турки старались не до-

пустить этого; при этом дядя был ранен в ногу. Несмотря на рану, дядя тотчас же доставил отбитое знамя генералу Алхазову, командовавшему отрядом. Принимая знамя, Алхазов сказал дяде: «Самурзаканцы всегда доказывали свои преданность и верность русскому Царю и ныне доказали это на моих глазах, о чем я должен свидетельствовать всюду, где это будет следовать. За короткое время моей службы у вас, я убедился в вашей верности и советую хранить и это знамя с тем, которое пожаловано вам Императором Николаем 1 в 1840 году – наградою, редко встречающуюся у других туземцев».

Думаю, что самурзаканцы стоят вне сомнений в преданности престолу и отечеству и вовсе не заслуживают тех нападок, которые на них сыпятся.

А.М.Эмухвари

Газ. «Черноморский вестник».
1898, №173

Абрскил

(Абхазское предание, записанное Ник. Джанашия)

В старое время жила в Абхазии прекрасная дева, дочь прославленной и богатой семьи, с детства давшая обет Богу, что останется чистою. Родственники очень обрадовались, что девушка посвятила себя Богу (богослужению и молитвам). Через несколько лет девица понесла. Родителей это обстоятельство не огорчило, ибо они были убеждены, что это произошло с помощью божественной силы.

Родился мальчик. Он рос так быстро, что к десяти годам стал настоящим мужчиной, как обликом, силой, так храбростью и мужеством. Назвали его Абрскилом. Он быстро завоевал по всей Абхазии славу, бесстрашно защищая вдов, сирот и униженных. Молва о нем облетела весь мир. Ни один враг Абхазии, страшась Абрскила не осмеливался переходить горы Абхазии. Во времена Абрскила враги Абхазии не осмеливались вытаскивать мечи из ножен, в которых они ржавели. Поэтому каждый абхаз: и стар и млад, бедняк и богач, женщина или мужчина, князь, дворянин или крестьянин искали близости или родства с Абрскилом, чтобы жить в мире под грозной славой его имени.

Благодаря могуществу Абрскила в его времена прекрасная Абхазия была защищена от вражеских нашествий и грабежей, расцветала и росла вширь и в даль.

Была она защищена и от внутренних врагов и растений-сорняков. Где бы не встречал герой рыжих и голубоглазых людей, он не оставлял их в живых, потому что своим тяжелым взглядом они могли сглазить народ. Людям из рода Ашвба или Кацвба он не давал места на земле, так как эти фамилии были окружены волшебством. И не оставлял ни одного растения, приносившего человеку вред. Так, он уничтожил папоротник.

В то благословенное время корова и буйвол доились в день три раза, а коза – четыре-пять раз. Ибо все поля были покрыты прекрасной цветущей травой, а не папоротником и другими бесплодными для скота травами.

Его имя прославилось во всей вселенной, и могучие враги желали к нему приблизиться и держать с ним союз. Все почитали его. И герой Абрскил стал считать себя равным Богу, считая его товарищем, но не старшим. Вот судите сами – если под перекинувшейся между двумя деревьями виноградной лозой невозможно было пройти, не склонив голову, он рассекал лозу, где бы не увидел ее.

– Если я склоню голову, – говорил Абрскил, – Бог подумает, что я преклонюсь перед ним!

Бог попытался образумить Абрскила, но почитания с его стороны, увы, не добился. Тогда разгневанный Творец приказал ангелам поймать Абрскила, связать и бросить в подземелье и страшно пытать до тех пор, пока он не образумится и не начнет почитать Бога.

И ангелы приступили к исполнению приказа Бога.

Узнав об этом, Абрскил сразу подобрал два безопасных пристанища: одно на вершине горы Ерцаху и второе на берегу Черного моря. В одном из этих мест герой со своим аращем отдыхал пока преследующие его ангелы не приблизятся. Тогда он вскакивал на своего верного араща, который одним прыжком достигал второго безопасного места. И здесь он отдыхал до появления ангелов. Когда они начинали приближаться к нему, он опять уходил на прежнее место*.

Опечаленные ангелы, не сумевшие выполнить божьего приказа, обратились за помощью к старухе волшебнице. По ее совету они покрыли место, где укрывался герой, смазанными жиром бычьими

---

* *Второй вариант: Абрскил имел посох (алабаща), который переносил его одним прыжком с вершины горы к берегу Черного моря и опять обратно, на вершину горы. Старуха-волшебница дала ангелам червя, который прогрыз посох (алабащу). Абрскил не зная об этом, оперся на алабащу, желая совершить прыжок, она переломилась – Абрскил упал и был пойман.*

шкурами. А сами разделились на две группы – одна группа укрылась в лесу, недалеко от бычьих шкур, а вторая группа помчалась к Абрскилу.

Абрскил вскочил на араща, взмыл и приземлился прямо на смазанную жиром бычью шкуру – ноги коня соскользнули, он упал и сбросил всадника. Тут же подбежали ангелы и связали Абрскила, связали героя, подобного которому не было под небом.

Огромная скорбь охватила всю Абхазию, был схвачен верный защитник ее благополучия. Опечалилась Абхазия, но что можно было сделать, лишь в горячих слезах изливала она свою печаль и горе. Плакали все, раздирая себе лицо и причитая: «Кто сможет стать Абрскилом для несчастной Абхазии и защитить ее от озверевшего врага».

Что только не предпринимали, чтобы выручить Абрскила, но все было тщетно. Кто мог противиться Богу!

Опечалены были все, кроме Ашвба и Кацвба и рыжеволосых и голубоглазых людей, вся природа оплакивала пленение героя, кроме папоротников и вредных сорняков.

Ангелы, по совету той же старухи, заточили араща в глубокую пещеру, а в пищу ему Бог определил расплавленную сталь. Вонзив в пол пещеры громадный железный кол, к нему приковали огромными цепями героя Абрскила. Здесь же, рядом с ним, оставили большой молот. Сторожем к Абрскилу Бог приставил маленькую птичку – «адырганцыхуа*».

Наказанный герой расшатывает кол, вот уже осталось совсем немного – потянуть один раз и кол будет вырван из земли. И вдруг прилетает птичка и садится на вершину кола. Усталый и разгневанный герой изо всей силы ударяет молотом по птичке, чтобы убить ее. Она мгновенно ускользает, а молот ударив по колу, вбивает его глубоко в землю. Так и сегодня мучается Абрскил в этой пещере**.

---

* *Адырганцыхуа – маленькая серая птичка. При ходьбе по земле подергивает вверх-вниз своим хвостиком.*

** *Второй вариант: Присматривать за Абрскилом в пещере Бог повелевал той же старухе. Наказал ей не давать герою пищу, пока он не признает свою вину и не попросит прощения у Бога. Старуха пожалела Абрскила и накормила его. Господь Бог превратил ее за это в собачку. Когда кол, к которому привязан Абрскил, становится тонким как нить, и уже можно переломить его, собачка начинает есть (ей запрещено есть до этого момента) и как только она насытится, кол опять обретает прежнюю толщину; и герой теряет надежду на освобождение.*

Сегодня Абрскила не так тревожит его личное несчастье, как тяжелое положение Абхазии.

Однажды почитатели Абрскила, нагружав двенадцать ослов свечами, чтобы освещать себе путь в пещере, пошли туда для его вызволения и спасения. Готовые ради него пожертвовать своими жизнями, они сумели приблизиться к Абрскилу настолько, что уже услышали его голос. В это время у них закончились свечи. Они пожаловались Абрскилу, что не могут добраться до него. Он объяснил им, что, по воле Бога, как только они приближаются к нему, он опять отдаляется от них на прежнее расстояние. И посоветовал им вернуться домой.

– У нас кончились свечи, как мы можем возвратиться, мы не сможем возвратиться домой – пожаловались они.

Абрскил посоветовал пустить впереди себя ослов и последовать за ними.

Сердце героя не выдержало и он спросил у них о том, каково положение Абхазии.

– Опять размножились Ашвба и Кацвба, русые голубоглазые люди?

Опять размножились папоротник, вредные и бесполезные травы не дают расти полезным растениям? Опять беспокоит Абхазию внешний враг, как беспокоил до моего рождения? Опять три раза в день доятся корова и буйволица, а коза доятся четыре-пять раз? – спросил он.

Абхазы рассказали о беспомощном положении сегодняшней Абхазии.

– Не говорите мне больше о моей любимой Абхазии! Не могу больше слушать и выдерживать такое, – горько произнес он.

Герой склонил голову и навеки отдался скорби из-за того, что не мог помочь Абхазии.

А ослы вывели путников на белый свет.

Журн. «Акакис кребули»[85]*. 1898, №5.*
[Перевод с груз. яз. Б.А. Гургулиа].

Абхазы
(Этнографические заметки)
Дыдрыпш

Кому приходилось жить в Абхазии и так или иначе наблюдать за жизнью абхазов, несомненно, слышал о том, что у абхазов в селе Ачандара (Гудаутский уезд) имеется одно святое место, Дыдрыпш.

Что такое Дыдрыпш, или как почитает его абхаз? В жизни абхаза (особенно в западной Абхазии) Дыдрыпш занимает почетное и особое место, как святое место, где, по мнению абхаза, «обитает святейшая и всемогущая икона». Мое любопытство все больше усиливалось и удваивалось по мере того, как ежеминутно чего только я не слышал от абхазов о силе и всемогуществе Дыдрыпша, являющийся плодом праздной фантазии абхаза, вызванный потребностью верования!

Чтобы хорошо разобраться, что такое Дыдрыпш, символом (знаком) чего он является, или как народ поклоняется ему, весной этого года, я, вместе с двумя путниками, отправился к Дыдрыпшу, Но, к моему сожалению, мы не нашли проводника, и наше желание осталось не выполненным. Все, к кому обращались, отказались наотрез показать дорогу: мол, Дыдрыпш разгневается на нас!

С той же мыслью 17 октября я опять двинулся в путь в Ачандару, вместе е двумя спутниками. В первом часу мы вышли из Гудауты. Кокетливый страж прекрасной ночи – полная луна – уже ласкала горы Кавказа, когда мы въехали в село Ачандара. Прекрасное село Ачандара представляло собой величественную картину, когда полная луна щедро озаряла окрестности своими лучами.

На второй день, в девять часов утра мы подошли к подъему на Дыдрыпш. Наш проводник, молодой абхазский дворянин, заранее предупредил нас: «Я самолично не смогу проводить вас до святилища, так как я там никогда не был и боюсь святилища, но я вам найду проводника». Что нам оставалось делать, подчинились судьбе. Близ святилища («акурта») один абхаз построил на красивом холме «абака», ладную и красивую. Как известно читателю, «абака» здесь строят в память о своем покойнике и называют именем последнего. Здесь же около «абака» лежал громадный котел, как нам сказали, признанный ачандарцами святым предметом. Этот котел используется ачандарцами раз в год, когда справляют «ацуныщъа» и собирается вся общественность.

Дальше этого абака имеется место моления, которое называется Дыдрыпш-ныха: мышление, фантазия абхаза наделила «Аныпсныха Дыдрыпш» (в прямом переводе Аныпс-ныха – икона души матери, должно быть, это было местом усыпальницы) такой святостью в тоже время и такой грозной силой, что, по мнению самого благородного, даже с целью поклонения, он не посмеет подойти близко [к Дыдрыпш] и поэтому для поклонения и моления выбрал места внизу под горой, точнее говоря, там, где, по его мнению, он поместил

святые предметы. И вот здесь, под этим грабом, невинный абхаз исполняет долг Дыдрыпш – жертвует животное, здесь же абхазы принимают клятву во имя Дыдрыпша и т.д. Святыми предметами считаются: 1) старинный древний топор-секира с железной ручкой с арабской надписью; 2) древнейший шлем, равномерно раздавленный; 3) ствол ружья; 4) один маленький медный котел с жестяной крышкой; 5) жестяной сосуд; 6) головка костыля – заостренное железо, для восхождения на гору и около двух веревок. Вот это и есть святилище, ничего кроме этого не представляет святилище Дыдрыпш, где тысячи абхазов принимают клятву! Я ниже объясню, что означают эти веревки, и ствол ружья. Теперь продолжим нашу дорогу!

До этого святилища мы кое-как довели и нашего дворянина. В этом нам помог наш путеводитель, которого нашел в пути сам дворянин. Подняться наверх, на святую гору, или как абхазы называют «выбранная гора для обитания святого», наотрез отказались оба наши путника: мол, икона разгневается на нас, и нам запретили подниматься. В этом смысле чего только не рассказали о могуществе Дыдрыпш. Мы все равно не собирались отказаться от восхождения. Как только они убедились в том, что мы не боимся Дыдрыпш и идем на него посмотреть, они тотчас указали на путеводителя абхаза, по имени Муса Джиниа, который заранее предупредил, что до самого обиталища (букв. «Место сидения») иконы довести не сможет, он сможет только подвести близко и указать дорогу. Абхазы все равно настаивали на своем и умоляли не ходите, мол, не губите себя. Как только они узнали, что и я являюсь абхазом, наш путник начал меня просить – хоть ты не ходи мол. На тебя, как на абхаза, больше, мол, разгневается святилище. Между прочим, он сказал мне для назидания, что это святилище убило одного русского, по специальности землемера, и его сопровождавших. В назидание всем, мол, разорвало голову. «Только, – добавил Муса, – два года тому назад из Турции пришел великий мулла, как бы то ни было, взошел на Дыдрыпш и там весь день, без еды и воды, читал Коран». Этот мулла, оказывается, подтвердил уверенность абхазов в том, что вдоль горы Дыдрыпш похоронен святой «амаалыкь» (ангел), мусульманин. Его могилу много искали, но не нашли».

Гора Дыдрыпш, вернее горка, покрыта лесом из прекрасного бука и граба. Дорога все выше и выше поднимается и покрыта вся скользкими камнями. Нам, как городским жителям и не привыкшим к таким дорогам, было трудно подниматься. Лично мне Муса облег-

чал путь тем, что рассказывал о Дыдрыпше. Наконец, в половине первого мы взобрались на вершину горки, откуда как на ладони перед взором открывается в виде великолепной, чарующей природой картины, вся западная Абхазия.

Здесь, у самого «места сидения» иконы, чуть ниже – на каменной ограде разложены несколько осколков колокола и трехножная подставка.

Здесь же молодой граб опоясан простым кожаным поясом, чуть ниже которого вбита железная головка костыля. Как видно, эти предметы спустили сверху и разложили здесь. Сама ограда сделана в виде дамбы. Это «асапараа» (дамба) сказал Муса, как я узнал раньше, этой дорогой проходили черкесы и разоряли абхазские села.

Как только мы прошли чуть дальше, наш путеводитель сказал, что дальше не сможет пойти, мол, икона на него обидится. Если вы все равно идете, вот, мол, дорога. И мы одни, не зная дороги, двинулись выше. Наконец, достигли «места сидения иконы». Это, по мнению абхаза, святое место, ничего особенного почти не представляет». Наверху на верхушке горы имеется красивое ровное место, равное десятине (900 кв. м.), на окраине которого к северу где-то виднеются развалины очень маленькой церкви. Как видно, строение было каменное. Оно имеет ширину 3 – 4 метра, длину до 5 – 6. Сейчас здесь ничего не видно кроме основания этой церкви, только можно заметить, что у восточной стены должна быть пристроена каменная трапеза. К сожалению, мы с собой не взяли никаких орудий для того, чтобы найти что-либо в развалинах. Это сделано было с той целью, чтобы абхазы не обиделись и не оскорбились за наши действия: в таком случае, нас бы не подпустили к Дыдрыпшу. Покопавшись палками, нашли только несколько кусков земли. Здесь же находится несколько елей. В окрестности основания церкви и сегодня видны каменные фундаменты нескольких строений. Здесь же видать находилось несколько больших кувшинов для воды, но сегодня их невозможно увидеть; все покрыто лесом, вот и все, больше ничего; как видно, здесь на вершине этой горы, была маленькая церковь, усыпальница во имя божества, что и видно из названия святилища: Анынсныха (икона души матери). Эта «икона души матери» должна быть усыпальницей богоматери. Саму усыпальницу богоматери абхаз называет «анышъа» («для матери)*. В этой церкви должны были быть и несколько монахов, так как для прихода это место было далеко: путь в 6 – 7 часов. И вот в этой ма-

ленькой церкви икона усыпальницы богоматери завоевала имя величественной и чудодейственной иконы и такое имя, что и после двухсот-трехсот лет как абхазы омусульманились, в народе осталось ее почитание. Если бы развалинами величественных церквей не была бы покрыта Абхазия сегодня, на наш взгляд, только этой Дыдрыпш достаточно для понимания того, как глубоко засели в душе и сердце абхаза корни христианства.

Вот эту местность абхазская фантазия превратила в какое-то опасное, неприступное и в то же время свято место. Религиозная потребность ума абхаза обоготворяла Дыдрыпш: Дыдрыпш, по мнению всех абхазов, является обиталищем всесильного и в то же время грозного святилища. Первоначально чем заслужила эта маленькая церковь или ее икона такое имя? Это для нас покрыто историческим мраком. Мы можем отметить тот факт, что абхазы сегодня ему бережно поклоняются.

По мнению абхаза, к Дыдрыпшу, к месту святой иконы, не могут приблизиться не только человек, но и животное, и даже стихия, например, огонь. Когда вокруг горит лес (что происходит часто), говорят, что горит до границ Дыдрыпша и потом, когда приближается огонь к святому месту, то огонь исчезает сам по себе, боится, мол, иконы. Когда домашние или дикие животные пасутся и приближаются к границам Дыдрыпша, сами по себе возвращаются обратно из-за страха или уважения к иконе. По мнению абхазов, страх и почитание или уважение к этой иконе имеют не только дети Адама, но и стихия и животные.

Здесь же отметим, что по верованию абхазов, сильное святилище Дыдрыпш часто подобно пламени сверкающего огня ходит в Турцию, в город Трапизонд, где также она имеет свое обиталище. Мы, мол, сколько раз видели, как со стороны Трапизонда с моря величественно «вышла» икона и «воссела» на вершину Дыдрыпша.

Здесь я должен сообщить, что сегодня христиане-абхазы утверждают, что в Дыдрыпше христианское святилище. Магометане-абхазы же утверждают, что Дыдрыпш – мусульманское святилище. Несмотря на это, обе стороны одинаково поклоняются этой иконе.

Насколько сильна среди абхазов уверенность в неприступности Дыдрыпша свидетельствует то, что три-четыре года тому назад один археолог во время пребывания в селе Ачандара пожелал подняться на Дыдрыпш, но общественность не позволила: «мол, ты наш почетный гость и мы ни допустим того, чтобы святилище тебе повредило», и рассказали о могуществе Дыдрыпш.

Во время независимости Абхазии, если гонимый врагом абхаз успевал скрыться у Дыдрыпша, жертва врага, поднявшийся туда, «спускался», мол, так как гость Дыдрыпша неприкасаем.

В Ачандара мне рассказали, что когда владетель Абхазии Хамутбей (Михаил Чачба) гневался на кого-нибудь и намеревался его разгромить, – последний мог избавиться от гнева владетеля только с помощью Дыдрыпш; если он успевал взойти на Дыдрыпш и произнести «я являюсь гостем Дыдрыпша», он после этого был в безопасности.

И сам владетель очень уважал жрецов Чичба. И сегодня, как известно читателю, когда в Абхазии так распространено воровство никакого вреда не испытывают жрецы Чичба и живущие близ Дыдрыпша жители: вор из-за страха Дыдрыпша их не трогает.

Во время трапезы, при оплакивании или на свадьбе, когда ачандарец поднимает, ачандарским вином украшенный, он в первую очередь пьет за «Анып-ныха» и просит его, чтобы защитником его был «Анып-ныха», подобно грузинскому «святейшему»; разница только в том, что за «святейшего» здесь пьют в начале, а в восточной Грузии в конце застолья.

Каждый коренной житель села Ачандара имеет в своем винном погребе зарытый кувшин разного размера во имя всесильного «Анып-ныха» Дыдрыпш. Если повредится кувшин (оторвется горлышко или что еще), тотчас же должны его вырыть и заменить другим, большим, чем поврежденный, на две черпалки. Таким образом, потихоньку растет кувшин ачандарца. Во время разливки вина (букв. во время мачарства) эти кувшины заполняют лучшим вином, помажут и закрывают. Какая бы беда не настигла абхаза, он никогда не откроет этот кувшин до назначенного срока. Как только наступает утро пасхи, каждый ачандарец со своей семьей идет в кузницу для моления. Приносят в жертву козленка, делают лепешки (акуакуар) и у кувшина все молятся. Молятся все, кто может. Благословляет старший в семье. Каждый коренной житель Ачандара во имя Дыдрыпш отпускает одну жертвенную корову адзатв («аёатъ») (жертвенное животное), у адзатв отрезано ухо в знак того, что она пожертвована для святилища. Если адзатв отелился телкой, последнюю отпускают в стадо для размножения; будет бычок, тогда его приносят в жертву Дыдрыпш. Как только подрастет бычок, его режут, приглашают соседей, делают один большой пирог с сыром, молятся и веселятся. Мясо жертвенного животного не хранится. И для телушки «жертвенной коровы» – адзатв нужно моление, точнее,

вместо нее должны пожертвовать козленка на имя Дыдрыпш. Абхазы это называют ахныхуара («ахнышъара») – моление над чем-нибудь, приносимым в жертву. Кроме ачандарцев и в других селах имеются кувшины во имя Дыдрыпш, но не часто, изредка. А так в могущество Дыдрыпша все верят в Абхазии.

Во время независимости Абхазии, да и сейчас, когда разбирался и разбирается какой-либо спор по адатам, обычаям – единственным разбирателем правого-неправого в Западной Абхазии был Дыдрыпш, или же в более мелких делах «ажьира» – кузня. В Западной Грузии и Самурзакани – «Илор» (икона святого Георгия в Илоре). Здесь же отметим, что «Илор» также боится исповедующий ислам абхаз, как и христианин и часто исповедуются в «Илоре» и нехристиане.

После такого разбирательства ответчику дается право доказать свою невиновность в данном деле клятвой в присутствии нескольких сопровождающих. Число последних зависит от самого дела. Если дело тяжелое, дают много сопроводителей, если же нет – одного-двух людей.

Сами клятву дают следующим образом: верующий в Дыдрыпш абхаз со страхом и почитанием становится перед иконой. В двух пальцах держит маленькую палочку и клянется, что он невиновен в этом деле, в этом деле у него нет вины, после чего он выбрасывает свою палочку. И его свидетель клянется, что в этом деле нет вины этого ответчика. Закончилась клятва и ответчик оправдался. Но итогом становится то, что жалобщик и ответчик навсегда прощаются (отдаляются друг от друга) друг с другом: мол, между нами – икона. Что такое огонь, но даже огня они не передадут друг другу – икона разгневается, мол. Вообще, абхаз, где бы он не поклялся у Дыдрыпша или в Илоре, или в «ажьира», отдаляется от того лица и его семьи, кто заставил клясться: мол, икона находится между нами аныха щабжьоуп.

Из-за пустяка абхаз не будет давать клятву в Дыдрыпше. Но бывает и так, что из-за страха стыда или страха наказания абхаз дает ложную клятву в этой святейшей из святынь бзыбцев (Западная Абхазия называется Бзып), из-за чего последняя наказывает виновного. Дающий ложную клятву всегда боится Дыдрыпша, и как только у него кто-то заболеет, тотчас же, сорвав с себя шапку, бежит к гадальщику для выяснения причины болезни. И гадальщик, разумеется, тут же указывает на Дыдрыпш и советует срочно себя спасти и откупиться жертвенным животным.

Как только родственник больного узнавал, что причиной болезни является Дыдрыпш, он бежит к жрецу последнего, который заставляет положить «абуршатъы» или ахнырщътъы – залог в память выполнения обета и просить, как посланника Дадрыпш о том, чтобы икона простила больному вину, для чего обещает пожертвовать для него соответствующее приношение. Для дачи такого обета, для обведения вокруг головы жрец берет 6 рублей.

Судьба улыбнулась больному, и он спасся, он тотчас бежит к представителям иконы и приносит жертву, при этом обязательно, чтобы виновный возместил ущерб тому, перед кем провинился и из-за чего дал ложную клятву. Этот последний жалобщик, если не будет согласен с виновным и не объявит перед Дыдрыпшем свое согласие, так как жертвоприношением спасти себя невозможно: икона не прощает жертву!

Для своего спасения, выполнения «ахнырщътъы» повинный абхаз ведет огромного кастрированного козла, приносит вино, большой ачашв и все это приносит в жертву в лесу близ святилища. Жрец молится и приблизительно говорит следующее: «Величественный Анып Дыдрыпш! Данное лицо не сможет избежать твоей силы и приносит тебе по силе возможности жертву, на коленях просит тебя простить ему вину» и т.д. При этом жрец напоминает, что противоположная сторона удовлетворена. Все присутствующие веселятся, за свое посредничество жрец опять берет 6 рублей и шкуру жертвенного животного. После этого жертвоприношения залог освобождается. Пока залог не освобожден, он хранится где-то в лесу. Бывает и так, что после смерти больного, то ли из-за бедности, то ли по другой причине, залог остается неосвобожденным. Вот такими неосвобожденными залогами забиты несколько грабов около святилища: здесь оставлены медные кувшины и другие предметы. Этих залогов из-за страха перед Дыдрыпш никто не трогает. На мой взгляд, и стволы оружия, которые остались около святилища, должны быть неосвобожденные (неспасенные) залоги. А так, кто имеет возможность, никогда не посмеет оставить свой залог иконе: мол, больного взял в жертву, за ним и нас возьмет, если жертвенными животными и молением не задобрим и не выкупим его внимание и прощение.

Выше я упоминал, что у святилища висит несколько веревок. Вот какое значение они имеют: у одного абхаза украли быков, там у них остались веревки и хозяин бычков принес улику этих воров и оста-

вил мол, владельца этих веревок накажи всенародно за совершенный разбой. Хозяин быков и сегодня убеждая, что воров накажет Дыдрыпш.

Здесь же приведем и следующий случай, который покажет читателю, насколько сильны и сегодня среди абхазов страх, преклонение перед Дыдрыпш. В Западной Абхазии у одного известного уважаемого лица случилась ссора с одним юношей, и он поколотил последнего. Для абхаза же побои означают пожизненную смерть, если он не отомстит, и не возьмет кровь. Побитый юноша не имел возможности отомститъ, и вот к какому средству прибегла его мать: у виновного каким-то образом украла костыль и передала Дыдрыпш, хозяина его всенародно накажи, мол. И знайте, читатель, как дорого обошелся этот костыль хозяину? Сколько ему пришлось ходить и просить? 12 рублей в подарок жрецу, жертвенный бык, вино, водку и мамалыгу и страшнее всего примирение с врагом, унижение! Вот как дорого ему обошлась простая палка из-за страха перед Дыдрыпш!

Жрецами Дыдрыпш является фамилия Чичба. От этой иконы у них имеется хороший доход. Доход они делят поровну среди своих членов. Жрецом, благословителем они выбирают старшего среди фамильного рода. Члены этой семьи частью являются христианами, частью – мусульманами.

Слово «Дыдрыпш», на мой взгляд, так должно переводиться: «Громом благословенный». Адыдра – есть гром, апща, ипщоу – благословенный.

Н. Джанашиа[86]

Журн. «Моамбе», 1898, №9
[Перевод Н.В. Аршба].

Забытый древний путь

В конце лета 1891 года, в момент уменьшения ессентукских вод, известный московский профессор Богословский справедливо обратил внимание на Юго-Западный склон Кавказа, более обрывистый, и приезжал из Ессентуков в Сухум с химическими реактивами, для исследования абхазских групп минеральных вод, почти совершенно неизвестных, хотя здесь, например, есть группа из 8 шипучих ис-

точников (часть мощные Нарзаны), есть 2 сложные, обделанные камнем группы на обеих рр. Гумистах, зельцерская вода; есть железные серные и др. воды около г.Сухума и в 1-1/2 версты дачи профессора Остроумова, 4-х, 8-ми верстах и, кажется, среди города, у табачного склада. Здесь на основании разбросанных сведений и по научным данным, рассчитывали найти серьезное дополнение к так называемой Кавказской группе минеральных вод, связать ее цепью вод с климатическими местами здешнего побережья и дать толчок к соединению их кратчайшими дорогами, по которым больные, проживши лето в горных курортах, имели бы возможность легко и скоро поехать на остальную часть года сначала в более теплые горные курорты (будущие) горной Абхазии, а позже на будущие береговые курорты всего абхазского и черкесского берега, созданные самою природою для страждущего человечества на протяжении более чем 2-х сот верст гористых берегов от р.Мажары близ г.Сухума до Туапсе на Северо-Западе, обладающих полною защитою от Норд-Оста и поэтому представляющих подобие полуготового парка для больных, который нужно только расчистить от вредного для человека и для домашних даже животных избытка зарослей, да заселить.

Почтенному профессору не удалось тогда лично исследовать те группы абхазских горных минеральных вод, которые его интересовали из числа мною ему тогда приблизительно указанных по неверной 5-ти верстовой карте Кавказского военно-топографического отдела; но он старался тогда сплотить несколько сведущих сухумцев в особую комиссию, которая была бы отделом комиссии при одном из ученых обществ г. Москвы, для чего и оставил мне привезенные им некоторые химические реактивы (для предположенного им исследования щелочных вод), полагая вскоре начать исследования при нашей помощи на месте, увлечь этою задачею специалистов Московского Университета и собирался обратиться за средствами к тогдашнему министру государственных имуществ. Но судьба раскинула вновь местных деятелей; профессор Богословский вновь приехал в г. Сухум, как нарочно, в ночь на 11-е сентября 1895 года, когда я в своем доме в г. Сухум подвергся нападению шайки разбойников в течение целого часа, – и мы оба, под свежим впечатлением начавшихся тогда от Новороссийска до Сухума разбоев, нашли наше дело пока рискованным и около Сухума и около Сочи.

Но теперь, при новых веяниях на Кавказе и новой энергии, приложенной к его умиротворению, обезоружению и упорядочению, когда около Сухума судьба поселила для пользования климатом од-

но из крупнейших светил, именно московского медицинского факультета проф. Остроумова, я считаю своим священным долгом к профессору Богословскому и как бывший чахоточный, получивший здесь еще студентом полное и быстрое исцеление и заращение всего правого легкого (случай здесь не редкий, виденный и профессором Вихровым), обратить внимание на счастливую мысль профессора Богословского: исследованием минеральных вод культурной и альпийской части Абхазии, почти совершенно неизвестных, – приблизить и связать Пятигорско-Кисловодско-Ессентукско-Железноводскую группы с почти готовыми вчерне от природы курортами нашего полутропического южного побережья и тем сразу обеспечить будущность обеих половин групп.

Правда, я сам имею право говорить только как натуралист, по специальности зоолог, но с 1867 года, со студенческой скамьи я посвятил всего себя изучению всех сторон природы этого меня полонившего края, редкостно-богатого от природы; но и мои первые ощупью сделанные открытия по геологии побережья Западного Закавказья были оценены и Реклю, и немецкими профессорами, и попали отчасти в студенческие учебники профессора Петербургского Университета Иностранцева и профессора Горного института Мушкетова; профессора Новороссийского Университета Пренделя и горного инженера, посланного в Черноморский округ, и в книгу «Черное море» профессора Литвинова, а отчасти немало сведений о новых минеральных источниках и вообще об Абхазии, Цебельде, Псху, Ачипсху, Джигетии, Самурзакани и Мингрелии, в связи со следами и указанными на любопытную сеть древних путей, со времен доисторических, давших этому краю имя золотой Колхиды, потому что они по моим разысканиям, не только соединяли теперешние горные трущобы обеих склонов Кавказа, но даже во 2-ом веке по Рождеству Христову прорезывали 3-мя туннелями главный водораздел Кавказа со Псху на три притока Кубани, причем у входа в туннели на Псху стояли три города, а к северу от главного водораздела в долине р.Большой Зеленчук, притока Кубани в известном урочище «Семь церквей» – большой город, бывший столицею Тмуторокани у Железных ворот, лежащий всего в 51 версте от Сухумской бухты по прямой линии, тогда как неудачно избранный для шоссе Клухорский перевал (9700 ф., т.е. на 500 ф. выше снеговой линии) лежит на 65 верст по прямой линии от Сухума.

Теперь многим кажется невероятным, что теперешняя бездорожная Абхазия была когда-то целые десятки веков на неимоверно

людном средоточии Востока и Запада. Но еще во времена колхидские, задолго до Рождества Христова, дороги в Колхиде были обставлены каменными таблицами с описанием путей.

Около Рождества Христова здесь пролегал великий торговый путь от Великой Диоскурии у Сухумской бухты чрез Северный Кавказ (еще до 15 века по Рождеству Христову Иркания, т.е. Гиркания на итальянских картах) и от Каспия по Аму в Индию; у Страбона приведен подробный маршрут всего пути с расстояниями; а транзит чрез Южное Закавказье и согласно Страбону был невозможен, по мелководию берегов у тогдашних побережий обеих высохших заливов, покрывавших тогда и еще отчасти в 6-м веке по Рождеству Христову низменности Куры и Аракса и болота Мингрелии, что затрудняло операции византийской армии в половине 6-го века против персов. А между тем есть охотники ссылаться на Страбона в пользу исторических прав Поти на транзит пути. В 1-м и 6-м веках по Р. Хр. существовал еще особый, совершенно прямой путь из сегодняшнего Сухума на Кубань чрез Псху без всяких зигзагов, как ясно описано в сочинении Прокопия Кесарийского, ученого помощника великого Велизария в персидской войне, и у Менандра – византийца.

Этот путь нанесен от Сухума и на римских дорожниках; по нем дважды прошли когорты царя Митридата для завоевания Кубани еще в 1-м веке до Р. Хр., по нем дважды прошло 40 тыс. войск осетинского царя Доркулеля в X в. по Р. Хр. на помощь зятю его абхазо-грузинскому царю Баграту (Панкратию, визант.) IV-му для завоевания Ганджи (Елисаветполя), дважды недаром делая огромные обходы вокруг общих владений взамен менее удобных тогда переходов по Тереку и Ардону. В 15-ом веке у Генуэзцев, кроме 2-х консулов (генерал-губернаторов) в Кафе (Феодосии) и Севастополе (Сухум), был 3-й консул в полпути от теперешнего Сухума к Невиномысской. По данным истории Карамзина этот путь закрыл московский царь Иван Грозный, как он же был невольною причиною последнего поворота Аму из Каспия в Арал испуганными Хивинцами. Этот-то удобнейший из путей и усеял тогда все здешнее побережье почти смежными большими городами, а на месте теперешнего бездорожного Сухума магически воссоздал, начиная с 14-го века до Р. Хр. великий город, периодически разрушавшийся завоевателями и менявший часто свои имена, со времен Великого Рамзеса, создавшего г. Аию, разрушенную в 13-м веке до Р. Хр. ассирийским завоевателем Тиглет-Пилезером 1-ым под именем Великой Диоскурии,

столицей золотой Колхиды, бывшей средоточием мировой торговли всего Востока с Западом с 7-го века до Р. Хр. до разрушения Великим Помпеем, затем при Римлянах и Византийцах опять достигший прежнего процветания и 600 тысяч жителей вторично; наконец, при итальянцах, особенно при господстве Генуи, имевшей фактории по Сев. Кавказу и вдоль Аму, начиная от Каспия. Этот-то путь короткий и тогда удобный обогащал Гирканию, закаспийские страны и особенно Великий Мерв, чему еще помогло то, что Каспий в то время был полноводен и достигал уровня Черного моря (87 ф. выше теперешнего) и имел огромные заливы на Севере, Северо-Западе и пролив по Манычу, существовавший от X века по Р. Хр. по арабским источникам.

Поэтому древние и избрали для соединения Абхазии с Кубанью проход не через Цебельду, а западнее чрез Псху, т.е. долину верхней Бзыби, что здесь сама природа помогла созданию путей, левее начало непрерывно-вечно-снегового хребта от г.Псыш, лежащей сзади г.Сухума в 37 верстах, тогда как все проекты дорог от Сухума на Кубань, после губернаторства славного Геймана, ударились без всяких серьезных оснований на вечно-снеговую часть хребта чрез перевалы то Марух, то Нахар, то Клухор и Домбай-Ульген, вдобавок делают огромный лишний крюк верст на 85, обходя под острыми углами побережье на Юго-Восток и долины рек то к В., то к З.

Первое указание русскому правительству на важность открытия и возобновления этого забытого пути дал знаменитый геолог и археолог Дюбуа де Монпере, в 30-х годах объехавший Кавказ при полной поддержке императора Николая 1, и он его высказывал очень энергически.

На этом-то пути древние сваны (сванеты) около врем. Р.Х. добывали золото в рудниках, но горный департамент послал в 1863 г. инженера Гинева искать это золото в вольной Сванетии и неудачно, а не в горную Абхазию.

Вот почему, по свидетельству ученого правителя черноморских берегов в царствование Гадриана-Адриана, близкая к Сухуму река Гумиста, верховье которой течет по линии от золотых рудников до Сухума почти прямо – была золотоносна во 2-м веке по Р.Хр. и называлась тогда Chrysorhoas, а самые окрестности Сухума в 1-м веке по свидетельству Плиния, были золотоносны, так как горные потоки выносили здесь золото на месте древних русл р.Гумисты, изменивших течение на 7 верст к западу, вероятно, в последний исторический период.

Вот почему в 70-х года на бассейне р. Верхней Гумисты были случайно вырыты абхазскою палкою несколько золотых самородков, променянные абхазцем в Сухуме ювелиру всего лишь за вещи ему более понятные и дорогие, ценою на 35 рублей, как мне тогда удалось узнать.

Ввиду многомиллионных смет на туннели чрез Кавказский хребет и его отроги и длинные чрезмерно пути, не мешает обратить внимание на короткие и удобные древние пути, богатые водами, рудами и лесами.

Вл. Чернявский

Газ «Черноморский вестник».
1898, №217

Вести Черноморья.
Из Абхазии
(От нашего корреспондента)

Недавно, в моквинском приходе сухумской епархии обнаружено, что один из прихожан совращает своих односельчан в мусульманство. Оказалось, что он в церковных книгах значится окрещенным, но продолжал по-прежнему жить мусульманином, совращая и других в мусульманство. Таких примеров у нас в Абхазии, к сожалению, немало. Не только абхазцы-мусульмане остаются до сего времени в своей вере, но даже и окрещенные не исполняют никаких христианских обрядов; они редко посещают церковные службы. Единственным утешением остается то, что абхазцы не забывают до сих пор двух праздников – Рождества Христова и Пасхи, в силу оставшихся преданий о них, как между православными, так и между мусульманами; между абхазцами встречаются даже и язычники, верующие в громовержца-Бога «Аф» и произносящие клятву у наковальни и т.п.

Чем можно объяснить такое индифферентное отношение абхазцев к религии? Более 40-50 лет, как у нас работают миссии, а желаемого результата нет. Это объясняется тем, что абхазец и до сих пор не слышит Христова учения на родном языке. Как видно из отчетов общества восстановления православия на Кавказе, православие распространялось между абхазцами епископом имеретинским Гавриилом, который передавал христианские догматы через переводчиков. Услышав учение на понятном им языке, они стали охотно целыми обществами принимать православие. Не окрещенные аб-

хазцы, не слыша после этого проповеди на родном языке, частью снова омусульманились, а частью оставались ни тем, ни другим; посещая церковь, они слышали только грузинскую речь и, ничего не поняв, уходили домой.

Неужели православное русское духовенство, столь близко к сердцу принимающее духовные нужды инородцев, живущих в обширной России, не отзовется и не придет на помощь к абхазцам, остающимся в тьме невежества? Правда, будущее молодое поколение Абхазии может быть вынесет из русской школы истину, но до тех пор немало десятков тысяч душ погибнет, что весьма прискорбно. Мы слышали на днях, что в сухумской епархиальной канцелярии получен приказ от Святейшего Синода о порядках совершения богослужения в приходах Сухумской епархии:

«В приходах с абхазским населением богослужение должно совершаться на церковно-славянском языке за неимением богослужебных книг на абхазском языке, причем молитвы, переведенные по абхазский, должны читаться на сем языке».

Желательно было бы принять меры к переводу богослужебных книг на абхазский язык, тем более, что имеется в канцелярии Сухумской епархии приказ от Святейшего Синода на прошение, поданное абхазцем-дворянином Гублия, перевести богослужение на абхазский язык. Сухумское епархиальное начальство приступило было к этому делу: составило комиссию и тем закончилось все. Не могу указать причины остановки столь важного для целого края дела. Весьма желательно продолжать начатое дело – перевод богослужебных книг на абхазский язык.

Апсуа[87]

Газ. «Черноморский вестник».
1898, №256

Кровавая месть
(Из судебной хроники)

Нигде, кажется, так слабо не развита идея гражданственности в Кутаисской губернии, как в Абхазии, в этом совершенно особом уголке, не родственном другим, населяющим Закавказье, народностям, чуждым им по языку, обычаям и преданиям.

Обычай кровной мести: мстить убийством за убийство, за обиды и оскорбления, часто по совершенно ничтожным мотивам, составляет одно из коренных зол названного уголка, глубоко деморализуя

его и препятствуя его правильному развитию на почве гражданских отношений, мешая ему подняться до общего уровня культуры с другими, населяющими Кавказ народностями. Постоянная готовность абхазца с оружием в руках встретить врага или самому напасть, мешает и его мирному течению жизни и обычным занятиям, которые всегда могут быть нарушены каким-нибудь неожиданным событием, сразу ставящим его в положение хищного зверя, который, таясь и прячась в глухих зарослях лесов днем, выходит ночью на проезжую дорогу, выжидая свою жертву, чтобы удобнее на нее напасть. Для достижения своего кровавого замысла абхазец никогда не вступает в открытую борьбу. Вся цель его сводится к тому, чтобы завлечь врага в лес, в уединенное место и там, из засады покончить с ним. Такой способ мести выработал целый ряд приемов для того, чтобы заставить врага выйти из дому, для этого пользуются всем: то каким-либо романом жертвы, подстерегая ее в часы свидания, ловко ими же самими назначаемого, то совершая для этого у своей жертвы кражу скота, в поисках которой владелец часто попадает в приготовленную для него засаду, откуда метким выстрелом ожидавший его враг кончает счеты со своим обидчиком.

Характерную картину высказанных нами соображений представляют собою выслушанные в истекшем году три дела в выездной сессии Кутаисского окружного суда. Первое из них по обвинению князя Кизилбека Инал-ипа и др. в убийстве братьев Мусы и Хазачи Ахбовых заслушано было 14 апреля, впрочем, Кизилбек Инал-ипа приговорен был к 9-ти годам каторжных работ. Второе дело по обвинению князя Ардашена Шервашидзе, слуги его Ясона Сигуа и др. в убийстве князя Отарбея Инал-ипа и его молочного брата Момсыра Чик-ипа заслушано было 23 октября, причем Шервашидзе и Сигуа присуждены были первый к 8-ми, а второй к 10-ти летней каторге. Об этих двух делах мы своевременно сообщали подробности и содержание обвинений. Третье дело разрешено было 25-го ноября. Преданы суду были тоже князь Кизилбек Инал-ипа (тот самый, что присужден был уже 14 апреля), князь Тамшук Инал-ипа (умерший до суда в тюрьме) и кр. Камшиш Барциц, Консоу Ампар, Абрагу и Пас Ажиба по обвинению их в предумышленном из засады убийстве князя Карамана Инал-ипа и его слуги кр. Ивана Седина. Сущность дела заключается в следующем.

«3 июля 1896 года днем, житель селения Лидзова, Сухумского округа, князь Караман Инал-ипа, ехавший из своего селения в соседнюю Калдохварскую общину, подвергся на дороге нападению

злоумышленников, причем в него был произведен выстрел из ружья, но пуля по счастливой случайности попала в кобур висевшего у него на поясе револьвера, причинив лишь легкое повреждение ноги потерпевшему. При допросе на предварительном следствии Караман Инал-ипа показал, что он узнал двух убегавших после выстрела злоумышленников братьев Марчиха и Камшиша Барциц. Потерпевший тогда же высказал убеждение, что поименованные злоумышленники, не имевшие никакой личной с ним вражды, действовали по подговору родственника его и врага, Тамшука (он же Виссарион) Инал-ипа, мстившего ему за разоблачение перед местной администрацией о многих его преступных деяниях. Хотя напуганный описанным покушением Караман Инал-ипа начал принимать большие меры предосторожности при выездах из дому, стараясь по возможности совершать свои поездки морем, тем не менее 26 января 1897 г., врагам все-таки удалось заманить его в засаду. В ночь на означенное число из незапертого сарая потерпевшего была похищена буйволица. Обнаружив утром кражу, Караман был сильно возмущен этим событием, так усмотрел в нем особенное для себя унижение со стороны окружающего населения, никогда раньше не позволявшего себе подобного посягательства на его собственность. Сообщив о случившемся местному старшине, он, не ожидая прибытия последнего, в сопровождении своего шурина Маркоза Маргания и рабочих Тапиджа Блаб, Михтата Бгежба и Ивана Седина, отправился преследовать похитителей по следам уведенной буйволицы, сохранившимся на берегу моря. Прошли не более версты от дома, как с одного из горных обрывов раздался выстрел, направленный в потерпевшего Карамана. Тот, однако, начал в свою очередь стрелять в скрывавшихся за камнями злоумышленников, пока новый, уже целый залп выстрелов с горы, не уложил на месте как самого Карамана Инал-ипа, так и находившегося ближе других к нему Ивана Седина. Остальные спутники убитых, продолжая отстреливаться, спрятались за камнями и отсюда успели рассмотреть поднявшихся из своей засады и удалявшихся убийц. По удостоверению названных очевидцев происшествия, они узнали Марчиха и Камшиша Барциц, Абрагу Ажиба, Кизилбека Инал-ипа и Консоу Ампар, а по словам Маркоза Маргания, среди убийц был еще кто-то шестой, которого он не успел разглядеть. По прибытии к месту происшествия старшины Селвана Хишба с народом, на верху обрыва, откуда стреляли злоумышленники, был обнаружен труп одного из них, Тапагу Ажиба, очевидно убитого во время перестрелки, так как на голове у

него оказалась сквозная огнестрельная рана. На трупе Карамана Инал-ипа при судебно-медицинском осмотре найдены две пулевые раны на виске и в тазовой области, а у Седина такая же рана в брюшной полости. Спустя немного времени после убийства, утром в тот же день Марчих Барциц и брат убитого Тапагу Ажиба, Пас Ажиба, видимо, тот соучастник преступления, которого Маргания не успел разглядеть, приходили на соседние с происшествием пастбища и просили пастухов помочь им отбить труп Тапагу, на что последние не согласились, главным образом, потому, что среди них оказался молочный брат убитого Карамана – Китату Ампар.

Дальнейшим предварительным следствием установлено было, что все упоминавшиеся участники убийства не могли иметь личного интереса в смерти Карамана Инал-ипа; что все они находятся в родстве или очень близких отношениях с влиятельным в своей местности Тамшуком Инал-ипа, что по общему голосу всего населения последнему принадлежал замысел описанного преступления, осуществленного лишь при посредстве подговоренных лиц, и что, наконец, давнишняя вражда между покойным Караманом и Тамшуком Инал-ипа особенно обострилась за последнее время с тех пор, как Караман стал принимать энергичные меры к изобличению Тамшука по делу об убийстве мингрельца Берулавы.

Допрошенный 20 июля 1896 года, как обвиняемый в подстрекательстве к преступлению, совершившемуся 3 июля того же года, Тамшук, он же Виссарион Инал-ипа, не признавая себя виновным, рассказал, что Караман Инал-ипа нарушил добрые с ним отношения лет шесть тому назад, обвиняя его в преступном посягательстве на свою жизнь, что особенно неприязненно он, обвиняемый, начал относиться к Караману с того времени, как по доносам последнего попали в административную ссылку его братья Алмахсид и Кизилбек, и что многими другими поступками Караман восстановлял его против себя, например, похитил дочь его мачехи, а затем, спустя немного времени, бросил ее. При допросе же 18 февраля 1897 года в качестве обвиняемого в подстрекательстве на убийство Карамана Инал-ипа из засады 26 января сего года, Тамшук Инал-ипа, не признавший себя в том виновным, стал утверждать, что он никогда не состоял с Караманом во враждебных отношениях и неудовольствия к нему не питал. В оправдание свое обвиняемый заявил, что в день означенного происшествия он находился в Гудаутах, где и был арестован 27 января участковым начальником.

Отмеченное выше противоречие в показаниях Тамшука Инал-ипа разъясняется удостоверением, что не только во время убийства Карамана, названный обвиняемый, находился в Гудаутах, но за день до происшествия являлся к нему вести переговоры о своем примирении с убитым, а так как искренность такого заявления по обстоятельствам дела представляется положительно немыслимой, то в явке обвиняемого с указанной целью к участковому начальнику нужно видеть хитрую выдумку человека подготовившего совершившееся преступление и надеявшегося таким образом отклонить от себя всякое подозрение. Очевидно, в интересах того способа защиты Тамшуку Инал-ипа пришлось, противореча своим словам при первом допросе и всем данным предварительного следствия, доказывать, что он против убитого Карамана не чувствовал вражды. Из остальных привлеченных к настоящему делу обвиняемых Марчих Барциц остался неразысканным. Кизилбек Инал-ипа, Консоу Ампар, Абзагу Ажиба, Пас Ажиба и Камшиш Барциц не признавали себя виновными в убийстве из засады Карамана Инал-ипа и Ивана Седина. Камшиш же Барциц и по предъявленному к нему, кроме того, обвинению и в покушении на убийство того же Карамана Инал-ипа 3 июля 1896 г., но ничего существенного в свое оправдание они не представили, так как указанные ими свидетели, которые пытаются установить их алиби, не знают не только дня и месяца, но даже и года описанных событий.

По окончании судебного следствия суд вынес приговор, коим кр. Пас Жиба был оправдан, а остальные были присуждены к каторге: кн. Кизилбек Инал-ипа на 15 лет, а все остальные на 10 лет каждый.

Теперь, если начать говорить о мерах к уничтожению столь дикого обычая кровавой мести среди абхазцев, то должно заметить, что школа – единственное и самое верное лекарство от всех недугов абхазца. Школа, светом просвещения, может разрушить те темные представления и обычаи, которые веками работали над натурою абхазца и его мировоззрением. Только школа при внимательном изучении личности абхазца и целого общества может сделать действительными те приемы борьбы с преступными его наклонностями, которые теперь зачастую являются малоуспешными. Да и не в одной Абхазии, а и вообще на всем Кавказе школа имеет одинаковое значение, как рассадник государственного языка и гражданственности, как верный оплот той задачи, какую несет на своих плечах наша государственная политика на окраинах.

Газ. «Черноморский вестник».
1899, № 2

Из Очемчир

После поимки Чхолария, Маргания и других героев Гиндз-Эцерского разбоя (убийства и ограбления директора Бельгийской компании по эксплуатации лесов Филиппа) настала совершенная тишина. Административные меры, принятые по этому делу, должны были обеспечить общественное спокойствие на довольно продолжительное время, – кстати, этому довольно громкому делу предшествовала поимка абреков Кадир-бея Маршания и Гвиндолия; благодаря такому стечению обстоятельств, в Кодорском и Самурзаканском участках ныне царствует совершенное спокойствие. Очевидное дело, что при случае соединения в одну группу старых опытных абреков с героями Гиндз-Эцерского разбоя, у нас в Абхазии была бы довольно сильно организованная шайка, борьба с которой потребовала бы много времени, силы, энергии и жертв, что могло пагубно отразиться на интересах местного населения. При преследовании Чхолария, Маргания, Гугунава и Туро, местной администраций оказал большую услугу паровой катер Бельгийской компании, на котором начальник Кодорского участка с командою солдат крейсировал между Кодорским мысом и Анаклиею (более 60 верст) и тем самым лишил беглецов возможности бежать морем в Турцию; убийцы вынуждены были направиться в горы, последствием чего был уже известный финал их «военной» экпедиции; не будь этого катера, – убийцы могли бы ускользнуть.

Одно из существенных неудобств в м. Очемчира – отсутствие арестантского помещения – сильно тормозит судебно-следственной деятельности. Старое помещение пришло в совершенную ветхость, а нового пока нет.

О нуждах нашего местечка начинают возникать вопросы за вопросами. 23 июня приезжал сюда из Сухума инженер, командированный, как говорят для нивелировки местечка и составления сметы, необходимой для осушки болот. В числе нужд местечка первое место занимает вопрос о водопроводе. История этого водопровода напоминает историю двух братьев, пожелавших устроить водяную мельницу на горе, не имевшей воды. В начале 1886 года Очемчирское общество, ввиду неимения в местечке хорошей воды, возбудило ходатайство о разрешении устроить у себя водопровод. К нашему сожалению, лица, обязанные быть руководителями общества и участниками в хозяйственных делах его, ограничились в то время лаконическим разрешением, вследствие чего местечко, не имеющее тех-

нических сведений, ни анализа воды, для принципиального разрешения вопроса заключило контракт с каким-то «строителем водопроводов», незнакомым не то что с водопроводною техникою, но даже с обыкновенною сельскою грамотою, причем уплатило ему три тысячи руб., с обязательством внести остальные две тысячи по частям. Контрагент видимо выполнил условие, так как все деньги уже получил, но местечко все же продолжает довольствоваться колодезною водою, весьма вредною для здоровья. По условию, контрагент последнюю тысячу должен был получить по сдаче водопровода обществу и по освидетельствованию комиссиею, но уже целый год минул, как деньги уплачены сполна, а водопровод еще не сдан; и самая возможность его устройства весьма сомнительна...

К.М[ачавариани]

Газ. «Кутаисские губернские ведомости».
1899, №27

По Гудаутскому участку

Джирхва лежит к западу от Дурипшского ущелья и реки Хипста, к юго-западу от села Лыхны, которое с VII века по рождества Христово и до окончания русско-турецкой войны служило летнею резиденцией абхазских князей. С Джирхвою граничили следующие селения с юго-запада сел. Бармис, с северо-запада сел. Отхара и Мугудзирхва и с запада сел. Звандрипш и река Хипста. По количеству населения Джирхва превосходит некоторые соседние селения и, подобно всем абхазским селам, делится на поселки, которых в Джирхве пять. Первый из них Чугурхва – представляет собою полукруг, занимающий большое пространство; он лежит на востоке против поселка сел. Мугу-Джирхва Чабалурхва, и на юго-востоке примыкает к поселку сел. Отхара – Бача; на северо-востоке граничит с другим поселком сел. Джирхва. Население Чугурхвы состоит приблизительно из семидесяти дымов. Климат свежий вследствие морских бризов, которые дуют постоянно, вследствие близости морского берега. Главные занятия жителей: землепашество, виноделие, обработка кукурузы, местами рыболовство в горных реках, и скотоводство, идущее хорошо, благодаря обилию пастбищ. Малярии нет и в помине. Имеются залежи антрацита. В лесах масса ореховых деревьев, которые скупаются заезжими мелкими торговцами и имеют

хороший сбыт, направляясь через Батум в Марсель; затем идут каштаны и дубы, дающие строительный материал и клепку. В этом поселке дико растет масса шелковичных деревьев, но, к сожалению, о шелководстве здесь не имеют ни малейшего понятия.

Второй поселок – Джирхва собственно, имеющая границы: на юго-востоке – сел. Звандрипш, на юге – поселок Епширхва, на западе – поселок Чугурхва, с востока и северо-востока – поселки Хвапы и Бигербену. Ветры дуют то с моря, то с откосов гор, вследствие чего климат не особенно здоровый. Главное занятие жителей – виноделие и обработка кукурузных полей, сенокос, водяные мельницы, скотоводство, рыболовство. В лесах растут сосна, ель, бук, ольха, дуб, хурма, шелковицы, орех, каштан и т.д. В поселке более 80 дворов. Дома частью деревянные, частью турлучные.

Третий поселок Джирхвы – Епширхва – лежит между Дурипшским ущельем и поселком Джирхва; на юго-западе он граничит с сел. Звандрипш, с северо-востока с поселками Джирхвы Хвапы и Бигербану и лежит на цепи крутых предгорий, поросших колючим кустарником. Почва весьма пригодна для виноградарства, почему жители занимаются, главным образом, им, обработка кукурузы мало развита. Скотоводство является достаточно доходною статьею. Климат в этом поселке очень нездоровый, так как морские бризы сюда почти не доходят, однако, благодаря успешному овцеводству и виноделию, обитатели этого поселка, живут, во всяком случае, не хуже своих соседей, вывозя свои сельские продукты в мест. Гудауты. В поселке 80 дворов дворян и крестьян.

Поселок Багирбени лежит к юго-западу от поселка Хвапы, на западе граничит с поселком Джирхва, а на востоке с Дурипшским ущельем, а с юга с поселком сел. Отхара – Гарп. Природа здесь суровее и почва скуднее, чем в поселке Епширхва, но виноградарство все-же, существует, кукурузу возделывают, не только для самих себя, доходнее оказывается овцеводство и эксплуатации лесов. Климат здесь сухой и здоровый. По числу населения этот поселок уступает остальным: в нем ее больше 50 дворов дворянских и крестьянских.

Хвапы – самый плодородный из всех поселков Джирхвы. Он представляет собой удлиненную плоскость, раскинутую у самой подошвы горного хребта и занимает около трех тысяч десятин земли, большею частью с почвою, пригодною для самой разнообразной культуры. Расположенный на нескольких стах футах от уровня моря поселок Хвапы отличается живописными окрестностями. Этот поселок является излюбленным местом для табачных плантаторов,

которые арендуют здесь массу участков. Табак получается превосходного качества и идет по высокой цене.

Вообще поселок Джирхвы Хвапы является одним из плодороднейших уголков Сухумского округа. Кроме табаку в нем произрастает лучший виноград и жители вывозят в м. Гудауты ежегодно по несколько тысяч пудов вина сортов «Качич», «Амилахо», «Акстарха» и «Изабелла»; обработка кукурузы и гоми идут успешнее, чем у соседей; скотоводство и пчеловодство также значительно развиты: на некоторых пчельниках бывает более тысячи ульев, а козы, овцы и рогатый скот круглый год имеют прекрасное пастбище. И в гигиеническом отношении Хвапы значительно здоровее и опрятнее других поселков сел. Джирхвы. В этом поселке находится 1/3 всех дворов селения.

В Джирхве, как и в других абхазских деревнях, находится православная церковь, расположенная в центре селения; возле нее отведены участки земли под постройку здании для министерской школы по плану нормальных двухклассных училищ. Отведенная под училище земля составляет пять десятин. В доме церковного притча уже давно открыта по распоряжению епархиального начальства церковно-приходская школа, учителем которой состоит молодой абхазец А. из сел. Ацы, обучавшийся в школе Симоно-Кананитского монастыря (Ново-Афонского). Миистерская школа, по всей вероятности, тоже будет в скором времени открыта; по крайней мере, в начале 1898 года бывший кутаисский губернатор М. Я. Шаликов предписал начальнику Сухумского округа загородить отведенную в сел. Джирхва под министерскую школу землю забором. Для этой школы джирхвинцы имеют уже основной капитал в 800 руб., хранящийся в Сухумском казначействе; деньги эти выручены от продажи общинного леса.

Стремление абхазского населения отдавать своих детей в русскую школу дает надежду, что этот способный народ, наконец освободится от своей вековой спячки и благодаря экономическому подъему, вырвется из цепких лап (торговцев), в настоящее время высасывающих из него последние соки. В этом отношении, несомненную пользу принесут правительственные мероприятия, направленные к обезоруживанию населения и к проведению более удобных путей сообщения.

Одним из самых серьезных тормозов к экономическому развитию данной местности является р. Хипста, по которой расположено 2/3 селений Гудаутского участка. Эта река одна из самих больших в Сухумском округе, течет сначала по Дурипшскому ущелью, затем

делает крутой поворот и с шумом катит свои волны к морю; во время половодья, она не раз уносила целые возы вместе с буйволами, а иногда и людьми. Это до крайности затрудняет вывоз сельских продуктов на рынки. Хищники (торговцы), пользуясь безвыходным положением и нуждою абхазцев, скупают у них все за гроши и потом, выждав удобное время, когда переправа через Хипсту становится безопасною, вывозят в Гудауты и перепродают свою добычу, понятно, не без шейлоковских барышей.

В заключение упомянем о массе дикорастущих в Гудаутском участке шелковичных деревьев, нередко образующих целые леса и рощи. Это, конечно, было бы верным залогом успешного развития шелководства, как одного из существеннейших подспорий сельского хозяйства. Можно с уверенностью сказать, что шелководство здесь дало бы заработок не хуже, чем обработка кукурузы, и притом им могли бы заняться женщины. Но, к сожалению, никто здесь шелководством не занимается, да едва ли оно скоро привьется в Абхазии, так как, по суеверному представлению абхазцев, молния уничтожит всю Абхазию, если кто-нибудь посмеет здесь заняться выкармливанием шелковичных червей. Нужна долгая работа школы, чтобы уничтожить как это, так и другие не менее вредные суеверия абхазцев.

А.

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №№ 39, 40

Из научного мира

Потонувшие города. Когда говорят о подводных, затонувших городах, то примером приводят полумифическую Атлантиду, когда-то, будто опустившуюся на дно Атлантического океана. О городе этом существует множество легенд, сказаний, на тему которых написан даже не один поэтический рассказ, но на самом деле вряд ли многим удалось видеть этот город под водою. Между тем у нас, в России, существуют потонувшие города, которые отлично можно различить под водою и о которых известно лишь немногим. Города эти Сухум-Кале и Баку.

Подъезжая к Сухуму в тихую солнечную погоду, все отлично различают на дне: стены зданий, каменные столбы, башни и даже целый замок, разделенный на две части – круглую и четырехуголь-

ную, из которых первая вполне хорошо сохранилась. Некоторые из башен виднеются не более как на глубине 1½-2 сажень, а стены некоторых из зданий так близко подходят к поверхности, что при сильном волнении моря совершенно обнажаются. Особенно же это можно сказать про стены замка, которые местами выдаются из моря уже и в тихую погоду. Все эти здания покрыты массой водорослей, устрициями и мидиями, за которыми рыбаки то и дело опускаются на дно и ходят по крышам и стенам затонувших зданий. Развалины эти, заканчиваясь в 30-40 саженях от берега, идут далеко, чуть не на версту и принадлежат, по словам археолога Бруна, по-видимому древнему милетскому городу Диоскурии, основанному еще за 1.300 лет до Рождества Христова, то есть более 3.000 лет тому назад. Разрушенная во время войны Помпея с царем Митридатом Диоскурия была восстановлена в царствование Адриана и получила название Савастополя. С тех пор город славился своею обширною торговлею, которая особенно развилась в XVI и XVII уже столетии по Р.Х., когда он попал под власть Венеции и Генуи и сделался важнейшим торговым пунктом всего Черноморского побережья. Но затем он попал под турецкое владычество, получил название Сухум-Кале и стал приходить мало-помалу в упадок. Когда же совершилось самое затопление города и совершилось ли оно сразу или постепенно, как это, например, и теперь наблюдается с развалинами одной церкви, находящейся в Сочинском округе, об этом не сохранилось никаких сведений и можно только предположить, что это случилось не ранее как лет 200-300 тому назад. Часть открытия этих развалин принадлежит кавказскому археологу Чернявскому, которому удалось найти и подводную часть города, погребенную теперь под землею.

Что касается до Баку, то подводные развалины прежнего города начинаются далеко в море не ближе как за версту от берега и состоят из разбросанных там и сям четырехугольных зданий. Большинство из них поднимаются на аршин и более над водою. Есть ли между этими зданиями связь, за мутностью воды различить очень трудно. Пространство, занимаемое этими, по-видимому, стенами башен, очень обширно. О том, когда этот город опустился и даже что это за город – ничего неизвестно. Интересный вопрос этот ждет еще своего исследователя.

Газ. «Московские ведомости».
1899, №87

Ответ Самурзаканцу

Назвав самурзаканцев абхазцами, мы не имели никакой предвзятой мысли и не руководствовались никакими расчетами. В своих статьях мы не говорили, что самурзаканцы ничего общего не имеют с мингрельцами. Наоборот, как самурзаканцы и абхазы, так мингрельцы одинаково созданы по образу и по подобию божью, и все они одинаково пользуются нашей симпатией. Но, тем не менее, мы опять повторяем, что самурзаканцы принадлежат к абхазской национальности, а не к мингрельской.

Конечно, мы не можем похвалиться глубоким знанием всей классической литературы, касающейся всех местностей и племен Кавказа, но мы можем чистосердечно заявить, что нами перечитаны почти все сочинения древних и современных нам авторов, которые знакомят нас с восточным берегом Черного моря и обитателями его, начиная с седой старины до настоящего времени. Да согласится с нами почтенный Самурзаканец, что древние историки и географы не всегда пользовались точными и верными сведениями для составления своих трудов и очень часто они давали описания таких мест и народов, которых никогда не видали. Поэтому святая наша обязанность – не повторять допущенные ошибки и добиться истины путем правды и беспристрастия. Г. Самурзаканец ссылается на Прокопия, но послушаем, что говорит о Прокопии добросовестный исследователь Кавказа и его народностей г. Селезнев: «Теперь на сцену светских писателей выведем Прокопия, секретаря Юстиниана, жившего в 527 году. Он писал историю, не зная мест описания, мало разбирая, что правда, что неправда; оттого, сличая его сказания, встречаешь беспрестанные противоречия; но мы довольны и темя сведениями, которые он оставил о Понте, Абхазии, Лазии. История его составлена из официальных сведений с сказаниями участвующих лиц в разных местах по воле императора».

Г. Самурзаканец, ссылаясь на свидетельство Ламберти, утверждает, что Бедия находилась в Мингрелии, а так как Бедия лежит в центре Самурзакани, то поэтому бедийцев, будто, надо считать мингрельцами. Так ли? Мы не отрицаем то, что если две величины равны одной и той же третьей, то они равны между собою; но эта геометрическая аксиома никаким образом не может быть применена к данному случаю. Бедийцы всегда принадлежали к абхазской национальности; они говорили и говорят абхазским языком. Красноречивым доказательство такого нашего убеждения, основанного на ис-

торических фактах и на показаниях современных нам живых лиц, позволяем себе представить на суд читателей свидетельство одного бедийского жителя Уруса Гуа, с которым нам пришлось беседовать 2-го текущего мая. Почтенный старик возвращался из Озургет, где сын его отбывает воинскую повинность.

– Скажи, пожалуйста, ты мингрелец или самурзаканец? – спрашиваю.

– Я самурзаканец, а не мингрелец.

– А к какой национальности принадлежат самурзаканцы?

– К абхазской национальности; и я тоже абхазец.

– Что служило границею между Абхазией – Мингрелией?

– Всегда и во все времена река Ингур.

– На каком языке говорят бедийцы?

–Наш родной язык – абхазский, и говорим мы на абхазском языке, но с того времени, как мингрельцы волной хлынули к нам, не опасаясь, что их заберут в рабство или в плен, уже стал раздаваться мингрельский говор. Но позвольте спросить вас со своей стороны, почему задаете мне такие вопросы?

– Видишь ли, некоторые утверждают, что самурзаканцы – мингрельцы, что они говорили и говорят мингрельским языком, и что вся Самурзакань составляла часть мингрельского княжества.

– Ну, что вы, что вы! Вот что я вам скажу. От роду мне с лишним 60 лет. Помню я хорошо и отца моего и деда. Никогда они не говорили на мингрельском языке. Все, все объяснялись на абхазском языке. Возьмите целые общины: Чхортольскую, Окумскую, Гальскую, Царчинскую, – везде и всюду вы услышите среди взрослых абхазскую речь. А если в Саберии, Отобао, Дихазургах говорят мингрельским языком, то это благодаря тому, что жители этих сел имели ближайшее сношение с мингрельцами. Разве наши имена и фамилии, наши нравы, обычаи и даже наши суеверия не доказывают, что мы абхазцы, а не мингрельцы? В 50-х годах почти во всей Самурзакани вы бы не услышали мингрельского говора, а до того мингрелец считался редкостью. А позволите спросить кто вы?

– Я грузин.

– Откуда научились говорить по-мингрельски и по-абхазски?

–Я родился в Мингрелии, а детство и юношество провел в Самурзакании и Абхазии.

– Значит, вы помните то время, когда в Самурзакани все говорили на абхазском языке?

– Да, я помню это время и бывал во всех самурзаканских селениях и поселках.

– Тогда отчего вы не хотите поверить, что Бедия абхазская земля, а не мингрельская?

– Мне не хотят верить.

– Ну а вы пришлите сомневающихся ко мне в Бедию, и я живо им докажу что мы абхазцы, а не мингрельцы.

– Как это докажешь им, когда они говорят что мингрельские Дадиановы, имели свои дворцы в Абхазии и Самурзакани?

– Если дело дошло до дворцов, то абхазцы располагали дворцами не только в Мингрелии, но и в Тифлисе; турки тоже имели свои дворцы в Абхазии, но от этого мы не отуречились, а остались абхазцами.

Возвращаюсь к своему ответу. Ни у одного древнего историка или географа мы не встречаем точного указания на то, что нынешний Сухумский округ был населен мингрельцами, которые впоследствии якобы были оттеснены до границ нынешней Самурзакани. Надпись в Илорском храме (жаль, что г. Самурзаканец поскупился привести содержание этой надписи) и другие надписи, найденные нами в разных частях Абхазии и Самурзакани на греческом и церковно-грузинском языках, только свидетельствуют о том, что здесь в разные времена преобладало влияние то греков, то грузин. Однако ни те, ни другие не создали среди абхазцев, никакой письменности.

К. Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №102

Ответ Самурзаканцу

Утверждать, что территория Мингрелии простиралась до реки Псирцха или до реки Кодор – это значит не иметь ровно никакого понятия о расселении древних и современных нам племен и народов по восточному берегу Черного моря. Если, по словам Прокопия и г. Самурзаканца, Псирцха или Кодор служили границей между Мингрелией и авазгами (абхазцами), то где же тогда находилось обширное Абхазское царство или обширное владетельное Абхазское княжество? Где же жили абхазские цари, наводившие панику на Мин-

грелию, Имеретию, Гурию и даже Грузию? Где же восседали абхазские католикосы и самостоятельные абхазские епископы? Ведь, известно фактически, что в Абхазии были следующие храмы и монастыри: 1) Гагринский, 2) Пицундский, 3) Мычишский» 4) Еллагский, 5) Соукский, 6) Никопских три, 7) Гумыский, 8) Севастопольский, 9) Драндский, 10) Моквинский, 11) Илорский, 12) Бедийский. Все эти памятники христианства находятся в Абхазии и Самурзакании, а не в Мингрелии. По мнению же г. Самурзаканца выходит, что абхазское царство, со всеми этими памятниками, простиралось от Кодора до Псирцхи, т.е. на протяжении всего 45 верст. Но можно ли согласиться с таким мнением?

Повторяю: чрезвычайно опасно пользоваться слепо источниками древних географов историков. Безотчетное пользование такими источниками может привести кого угодно к таким выводам, что подобно одному экзаменовавшему субъекту будешь доказывать, что Спаситель родился в Ахалцихе, потому только, что Ахалцих древний город на Кавказе.

Прокопий назначает границу Абхазии с Апсилией от реки Боа (Ингур) до г. Никопсиса и хребта кавказского. Между от Никопсии (древняя Анакопия, нынешний Ново-Афонский монастырь) до бывшего Гагринского укрепления проживали и живут абхазы. Следовательно, Прокопий не имел точного и ясного представления о расселении абхазцев, занимавших и занимающих все пространство не только от Ингура до Никопсии, но и от Никопсиса до Гагр. Кроме того реку Квирилу (против р. Риона) греки называли Боас, что значит ревущая; а аргонавты утверждали, что около Ахеронского мыса протекает р. Ахерон (Ингур). Извольте теперь разобраться в таких разноречивых свидетельствах.

По свидетельству Оригена, Ипполита, св. Дорофея, епископа Тирского, «святой апостол Андрей достиг до Севастополя Великого (Диоскурия), при котором находились реки Апсара и Фазис, и где обитали древние эфиопы». Но разве река Фазис, находилась около Диоскурии (нынешнего Сухума)?, кроме того, кто из новейших исследователей доказал где протекала река Апсара? На подобные вопросы можно отвечать только догадками или гипотезами, но гипотезы не составляют еще истины.

По сказанию Иеронима, апостол Матфей проповедовал во второй Эфиопии, стране антропофагов; под этим же именем разумели древние географы Колхиду, в которой были, кроме Фазиса, две реки: Апсара, и Пихсорас и которая по карте Арриана находилась там,

где нынешняя Гурия. Извольте отыскать место, где протекала река Пихсорас!

Далее: «При реке Фазис в 150 верстах от Трапезонта, был город, назначенный впоследствии метрополиею. В конце VI века был здесь архипастырь Кирос; за этим городом, на берегу моря в Апсилии или Мингрелии, был город Понтийская Гераклея, а в Абхазском крае Севастополь Великий или Диоскурия, Никопсис и Питиунды которые были независимыми епископиями».

Тут опять совершенно другое свидетельство, идущее вразрез со свидетельством Прокопия. Последний говорит, что Абхазия простирается до Никопсиса, а святые отцы церкви указывают, что Абхазия простиралась до Питиунды включительно, и на этом пространстве восседали три независимых епископа.

Мингрелия, более известная под именем «Одиши», никогда не пользовалась самостоятельным царством: между тем как абхазцы еще при римском императоре Адриане имели свое царство и своего царя Ресмагу, утвержденного самим императором (Аппиан, Страбон и Арриан). Более подробные сведения относительно самостоятельных абхазских царей г. Самурзаканец может найти в книге абхазского царя Панкратия; сведения же об абхазских епископах рекомендую почерпнуть из книги Платона Иоселиани.

Следовало бы г. Самурзаканцу познакомиться поближе с прекрасным трудом Ив. Шопена, под заглавием: «Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей». Рекомендую в особенности прочесть страницы 181, 202, 205, 215, 276, 283, 285, 286, 330, и 340. Эти страницы объясняют наглядно значение слов Мингрелия и «Одиши», кроме того, докажут, что в «Мингрелии до сих пор существует селение, которое носит это название, и что река коней (Гиппос – Цхенис-цкали) служила границей между Абхазией и Мингрелией. Только предупреждаю не смешивать мингрельскую реку Цхенис-цкали с абхазской. Там же можно найти местонахождение реки Апсара или Испир, Аспар, Чширох картвелов.

Опять повторяем, что р. Ингур служила границей между Абхазией и Мингрелией. Эту границу знают теперь абхазцы и самурзаканцы и знали об этом в течение нескольких столетий. Не отрицаем мы того факта, что часть Самурзакани, в периоды военных действий, попадала под власть мингрельских Дадиановых, но власть эта продолжалась кратковременно, и абхазцы платили мингрельцы жестокими поражениями. Исследование о передвижении племен и народов на Кавказе пока находится в младенческом состоянии; но в ис-

тории племен, населявших и населяющих восточный берег Черного моря, больше места дается всеми историками и географами Абхазии и племенам, населявшим ее территорию.

К. Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №103

Кавказский берег

Никогда еще, кажется, Черноморское побережье Кавказа не пользовалось таким вниманием как в наши дни. Ученые, любители-путешественники, дачники, аферисты всех сортов и видов наводняют побережье, и никого из них оно не разочаровывает. Теперь в нескольких местах одновременно производятся изыскания будущей Черноморской побережной линии. Эти изыскания имели бы, несомненно, глубокий научный интерес, если бы они не производились бы в узкой сфере железнодорожного дела. Побережье богато во всех отношениях: тут и ботаник, и геолог, и этнограф, и историк нашли бы разнообразный и ценный материал для своих научных исследований. В настоящее же время только немногие лица пока проникли в наши прибрежные дебри и трущобы с тем, чтобы изучить некоторые особенности этого края, представляющие интерес в научном отношении. Черноморье наше ждет еще своих исследователей и даст им благодатную работу. Среди племен, населяющих побережье, благодаря особым условиям их исторической жизни, остались в целости многие нравы и обычаи, такие стадии развития, которые, может быть, уже тысячу лет тому назад пережиты европейскими народами. Особенным интересом отличается быт абхазцев, этих детей природы, и социолог, если он нуждается в подкреплении своих выводов относительно первобытно-общинного строя, нашел бы здесь ценный для себя материал. Среди абхазцев сохранились такие пережитки первобытного строя общественной жизни, которые среди других туземных обитателей Кавказа давно уже выветрились, благодаря влиянию пришлой культуры.

В настоящей статье мы коснемся одной черты в теперешнем быте абхазцев, которая бросается в глаза всем, даже самым ненаблюдательным путешественникам. Мы говорим о гостеприимстве, которое до сих пор еще так крепко среди них держится и приводит в

изумление всех европейцев, которым приходится иметь с абхазцами дело. Заброшенная, забытая всеми Абхазия, в течение уже нескольких веков живет особою жизнью, не входя в сношение с культурными народами. Абхазец – не хищник, прост душою, прямолинеен и вообще отличается многими симпатичными чертами, которые заставляют относиться к нему с любовью и уважением. Абхазцы живут небогато, торговлею не занимаются, а натуральное хозяйство у них ведется кое-как. Война и набеги составляли их удел, а потому мирные полевые занятия не успели к ним прочно привиться. Но, при всей бедности, они гостеприимны, в чем нужно отдать им справедливость. Даже европеец, чуждый ему по языку и религии, не похожий на него обличием и одеждой, находит под кровом абхазца радушный прием. Абхазец считает священным долгом принять гостя с соблюдением всех правил гостеприимства, предписываемых обычаем, и уж никогда не придет ему в голову скупиться или рассчитывать на вознаграждение со стороны гостя. Абхазец принимает и угощает, конечно, на свой образец, согласно установившимся на этот счет обычаям, но, тем не менее, факт остается фактом. Абхазец гостеприимен в высокой степени. Особого внимания заслуживает церемония укладывания гостя, когда усталый и измученный дорогою, он нуждается в ночном отдыхе.

Гостеприимство считается похвальной чертой даже среди самых образованных европейских народов, которые, однако, сами ее не придерживаются. Нельзя теперь сказать, что французы или англичане, во всей массе гостеприимны, отнюдь нет. Гостеприимство среди них теперь не в ходу, однако же древние бритты и галлы, как свидетельствуют историки, отличались большим гостеприимством. Последнее теперь считается только счастливым исключением, – желательной похвальной чертою, наблюдаемую теперь только у малокультурных народов. Итак, что же? Неужели теперешним образованным народам, которые силятся прививать свою культуру другим, нужно брать уроки общежитейских отношений? Европеец расчетлив, а абхазец ничего не жалеет для гостя – скажут, что такова уж их натура, и удовольствуются таким объяснением явления. Но ссылка на натуру или природу человеческую ничего объяснить не может, так как и она сама не есть нечто постоянное, неизменное; напротив, она такое же производное, как и физиологические различия между европейцем и пещересом. Ссылаться на природу нельзя потому, что и германцы, и французы, и славяне в древности отличались гостеприимством, которое постепенно утрачено ими, как утрачивается

оно теперь и среди абхазцев по наблюдению лиц, давно и хорошо знакомых с абхазским бытом. Значит, гостеприимство кроется не в природе абхазцев, а в условиях их исторического существования. Условия эти теперь значительно изменились, стало падать и гостеприимство. Современный строй абхазской жизни мало общего имеющий с первобытным коммунизмом, во всяком случае, не ушел еще далеко от тех времен, когда у них все было общим, за исключением, быть может, оружия, с которым они никогда не расставались...

Давным-давно абхазец, на всей принадлежащей им территории, находил гостеприимство, в течение хотя бы целых месяцев. Времена эти ушли безвозвратно, но гостеприимство сохранилось, как остаток седой старины, когда оно не было похвальной чертой, как теперь, а общим правилом, чем-то узаконенным самой жизнью. Теперь некоторые абхазцы печально констатируют начавшийся упадок гостеприимства, вместе с разложением строя их жизни, но скоро и они привыкнут к этому и поймут, что это необходимый закон общественного развития.

Гудаутец

Газ. «Черноморский вестник». 1899, №125

Последнее слово Самурзаканцу

Сердечное спасибо г. Самурзаканцу за то, что он, наконец, сам привел к заключении, что дальнейшую беседу о национальности самурзаканцев надо прекратить.

Чтение ответа г. Самурзаканца привело нас в неописуемый восторг. Все у него изложено гладко, интересно, грамматически и логически правильно, с достаточным употреблением иностранных слов, а главное все изложение от начала до конца основано на законах диссертаций для получения степени кандидата историко-филологических наук. Но, увы, эта прекрасная диссертация лишена убедительности и необходимых для подобной работы доказательств. Раздражительность автора заметна на каждом шагу. В этом почтенном труде больше всего поражает употребление нашей фамилии чуть ли не после каждого предложения. Великое и весьма великое спасибо г. Самурзаканцу еще и за то, что он познакомил нас со всей грамотной Россией. До сего времени нас никто не знал, что мы прозябали в стороне от цивилизованного общества, а теперь на-

шей фамилией интересуются с берегов р. Невы до р. Ингура. Только будущий историк сильно будет недоумевать над вопросом, почему до конца XIX века ваша фамилия ни разу не встречалась в каком-нибудь солидном историческом труде и почему она поставлена наряду с Прокопием и Ламберти? Гордимся и сугубо гордимся, что будущее поколение будет указывать на нас как на одного из знатоков истории Кавказских народностей. Что за счастье! Что за бессмертная слава!

Скажем последний раз, что было бы лучше не тревожить больше прах давно от нас отошедших людей. Легче спросить поголовно всех самурзаканцев, и из всех ответов мы можем фактически убедиться, что самурзаканцы не мингрельцы, а абхазцы.

Если названный мною бедный бедийский житель Урус Гуа несимпатичен вам, г. Самурзаканец, тогда спросите других, спросите таких почтенных тружеников на ниве народного образования и религиозного развития, как благочинный священник Дмитрий Маргани* и учитель Фома (Омар) Эшбай – оба они из сел. Бедии**. Перечислением фамилий и разных местностей мы, кажется, очень надоели читателям. Кто из нас прав, кто из нас ошибается – об этом могут судить самурзаканцы, да и абхазцы; иначе что-ж мы с вами будем вызывать то несчастного Прокопия, то бедного Ламберти. Полагаем и опять повторяем, что лучше слышать живое слово, живой язык, чем свидетельства, может быть, очень ученых, но мало знакомых с нашей родиной.

Вы все хотите довести границу Мингрелии до реки Галидзги или до реки Кодора. Но не забывайте, что есть одно мингрельское селение недалеко от границ Имеретии, которое до сих пор носит название «Кодор». Двигайте лучше мингрельцев в Лазику. Язык мингрельский гораздо ближе к лазскому, чем к абхазскому. Мы говорам, что 2x2=4, а вы утверждаете, что 2x2=17, Повторяем, что если мингрельский владетель владел временно какой-либо частью Абха-

---

* *Покойного его отца звали Тлапс. Разве такие имена встречаются в Мингрелии, как напр. Тлапс, Омар, Джамлет, Чагу, Кескинджс, Сагеса, Якуб, Сулейман и т.д.*

** *В селении Бедия есть одна фамилия Аурус-ипацва, что значит в переводе «дети русских». Неужели за одну только эту фамилию русские стали бы утверждать, что Бедия была русским селением? Селение «Илор» вы относите к Мингрелии, а между тем оно входило в состав бывшего недавнего Абживского округа. А слово «Абжуа» абхазское и означает «центр Абхазии».*

зии, то это еще не значит, что Абхазия или Самурзакань была Мингрелией. Греки очень долго владели Абхазией и Мингрелией, но они были настолько благоразумны, что ни тогда, ни теперь не считали эту территорию и не считают за Грецию.

Мы вам открыли г. Самурзаканец, все наши карты. Открывайте и вы. Не хотите? В таком случае дозвольте привести содержание ваших карт: Если бог даст и я докажу, что самурзаканцы и абхазцы мингрельцы, тогда надо обязать всех священников Сухумской епархии служить на церковно-грузинском языке. Ведь это так? Но успокойтесь, мы не специалисты в церковных вопросах и никогда не занимались решением таких вопросов. Для нас все равно, на каком языке будет происходить служба, лишь бы служители церкви соответствовали высокому своему назначению и лишь бы они не сеяли бы между собой и между прихожанами нажелаемого антагонизма.

Мы с г. Сизовым очень и очень давно знакомы, так как он был преподавателем истории той гимназии, в которой мы учились. Мы сопутствовали ему и председателю имп. Московского археологического общества графине Уваровой во время их экскурсии по Абхазии, но если он утверждает, что «следы открытой ими культуры в Абхазии носят главным образом печать грузинской культуры», то думаем, что он немного ошибается в этом утверждении, так как в найденных в Абхазии памятниках больше усматривается характер греческой культуры.

Очень и очень жаль, что ни вы, ни г. Дубровин не владеете свободно абхазским языком. Владей этим языком, вы пришли бы к тому бесспорному заключению, что самурзаканцы не мингрельцы, а абхазцы.

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №136.

Последнее слово Самурзаканцу

Большое желание было у вас, г. Самурзаканец, омингрелить поголовно всех бедийских жителей, но когда вы увидели, что вас выбивают из занятой вами позиции, то быстро перенесли свою штабквартиру в селение Илори. Если мы с вами будем так перекочевывать из одного селения в другое, то никогда не дадите мне возмож-

ность обнять вас сердечно и воочию убедиться, с кем мы имеем удовольствие беседовать: с Самурзаканцем или с мингрельцем? Мы почему-то глубоко убеждены, что вы мингрелец. Об этом нам дает право говорить ваша горячая любовь к мингрельским фамилиям, перечисленным в вашей прекрасной диссертации. Большая часть мингрельских фамилий оканчивается на «ия». Вот эти-то несчастные буквы вы хотите привить к абхазским фамилиям. Но напрасный труд. Помимо фамилий возьмем для примера имена самурзаканцев и абхазцев: «Хасан, Халил, Гид, Гедлач, Урус, Титу, Доут, Квабзач».

Приведем теперь имена мингрельцев: «Джогория, Кинтирия, Геджия, Сабаия, Хухуия, Кучуия, Бесоия, Вагирия».

Правда, некоторые имена и фамилия самурзаканцев заразились окончаниями мингрельских фамилий, но все же остались без изменения. До сведения вашего, г. Самурзаканец, имеем честь довести еще и то обстоятельство, что на абхазские и самурзаканские имена влияли турки, владычество которых в Сухумском округе продолжалось довольно долгое время. Сулейман, Хасан, Халил, Холибей, Екуб, Мустафа и др. разве не турецкие имена? Зачем вы хотите отдать все мингрельцам. Отдайте немного и другим народностям. Если бы вы приняли на себя труд и сравнили быт, нравы и обычаи, и суеверия самурзаканцев с абхазскими, то пришли бы к бесспорному заключению, что самурзаканцы и абхазцы одно родственное между собой племя.

Верим мы вам, что годы наши идут по наклонной плоскости, но мы еще сохранили свою память. Если мы в 1843 г. сказали, что в Мингрелии и Самурзакани жили апсилийцы, то и в этом 1899 году можем повторить то же самое. Только вы упустили из виду, что апсилийцы не долго жили в Самурзакани. Первоначально гениохи, а потом абхазцы владели всей территорией Сухумского округа, и мингрельцы потом только стали переходить безопасно в Самурзакань. Почему вы отрицаете существование абхазских царей, о которых говорит грузинская хроника, говорят писатели всех времен – это мы, право, не понимаем. А раз вы отрицаете многих царей, конечно, вам выгодно отрицать и обширные их царства и все отдать во власти Мингрелии. Конечно, вы и с этим не согласитесь, что переправой на Ингур, которая теперь именуется «Оцарце», распоряжались абхазцы и носила название «Авасацарце», что означает место для переправы овец.

Зачем вам понадобилось, дорогой Самурзаканец, вспоминать св. Онуфрия или св. великомученика Георгия? Приведите во свидетели хоть всех святых всех народов, вы все-таки не убедите нас в том, что самурзаканцы принадлежат к мингрельской национальности. Повторяем 20 раз, что никакого влияния мингрельских владетелей на Абхазию никогда не было, а если какая-либо часть Самурзакани попадала под влияние Левана Дадиани или другого мингрельского владетеля, то продолжалось очень недолго. Если вы не знаете, то спросите других, что до 1864 года абхазские владетели жили в Очемчирах в 4-х верстах от селения Илори, и туда им доставляли все повинности с илорских жителей. В Илорах и теперь живет фамилия Козьмава, которая заведовала владетельскими податями. Один из этой фамилии живет и теперь в Сухуме, а другой брат его, там же в Илорах, и эти братья лучше владеют абхазским языком, чем мингрельским. Не знаем, жив илорский священник, почтенный Зосим Хелая (из мингрельцев). Он бы многое сказал вам и уверил бы вас, что вокруг абхазских владетелей, и в особенности вокруг последнего владетеля Абхазии, светлейшего князя генерал-адъютанта Михаила Шервашидзе, кишмя кишели князья и дворяне из Мингрелии, Имеретии и Грузии, и никто не смел сказать, что самурзаканцы не абхазцы.

Вы найдете массу надписей на грузинском языке и в Сванетии и в Артвинском округе, но это не дает вам право говорить, что сванетцы и артвинцы тоже мингрельцы. Там – сванетский язык, а здесь – армянский и турецкий.

Вы стремитесь вооружить против нас самурзаканцев, говоря, что они не поблагодарят нас за то, что мы сказали об их участии против русского отряда во время крымской кампании. К чему это? Во 1-х, изменниками явились не все самурзаканцы, а во 2-х, разве мингрельский отряд оставался на месте защиты мингрельской территории, когда учинил переправу Омар-паша через р. Ингур? Чего история не скрывает, зачем нам скрывать! Мы только привели все это к случаю!

Но суть не в этом. Обвиняя меня в приведении вышеизложенного факта, вы же сами не хотите обвинить себя перед читателями в том, что под псевдонимом «Самурзаканец» скрываете свою мингрельскую национальность. Зачем вам скрывать себя? Если вы правы, то можете смело заявить свою национальность, а то вы этим вводите в ошибку не только самурзаканцев, но и других. ·

Надеемся, что мы больше не будем надоедать почтенному и уважаемому редактору газеты «Черноморский вестник» своими диссертациями, и на этом кончим свои беседы о самурзаканцах.

Да хранит вас господь бог и да исцелит он вас от всех заблуждений по отношению к самурзаканцам.

К. Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №138

Кавказский берег

В Гудаутском участке Сухумского округа, населенном настоящими абхазцами, совершались преступления не реже, чем в других местностях Кавказа. Но достоен быть отмеченным тот факт, что преступления, совершаемые абхазцами Гудаутского участка, лишены корыстной подкладки: разбой и грабежи в Гудаутском участке редкость и если они случались, то виновными в большинстве случаев являлись не абхазцы. У абхазца преступление мотивируется или кровной местью (чаще всего), или личными счетами, или запальчивостью и раздражением. Но каковы бы ни были мотивы, преступление всегда останется преступлением и потому абхазцы одними из первых подверглись обезоружению. Результаты этого мероприятия были таковы, что рано или поздно приведут ко всеобщему разоружению: число преступлений с кровавым исходом сразу значительно понизилось. Правда, и теперь еще бывают случаи убийства, но о совершенном искоренении таких случаев не могло быть и речи: они возможны и в наиболее развитых странах. Прежде всего, надо хлопотать о том, чтобы преступления случались по возможности реже.

Не так давно один из таких случаев произошел в сел. Лыхны. Убийство это имеет романтическую подкладку. Один молодой абхазец влюбился в девушку и сделал ей предложение, которое она была не прочь принять. Но родные девушки отдали предпочтение другому претенденту, и выдали девушку за него. Отвергнутый жених озлобился и, выбрав время, убил виновного всего дела выстрелом из револьвера. В результате, конечно, арест, а потом суд, тюрьма, ссылка и т.д.

Случай, вполне соответствующий абхазским нравам и не представляющий ничего удивительного. Откуда же убийца абхазец дос-

тал револьвер, если у всех абхазцев оружие отобрано. На этот вопрос очень легко ответить двумя предложениями: или этому абхазцу удалось как-нибудь спрятать револьвер во время обезоруживания, или же он достал его у кого-нибудь из соседей (русских, немцев, армян, греков и т.д.), у которых оружие не было отбираемо.

Возможность совершения преступления в значительной степени зависела еще и от следующего обстоятельства. Обыкновенно нормальное село в Гудаутском участке состоит из 400, много 500 дымов. При таком размере селения сельский старшина имеет хоть какую-нибудь возможность следить за тем, что делается у него в селении. Зная происшедшую историю, зная абхазские нравы, он мог бы или попытаться нравственно воздействовать на действующих лиц, или же, если бы нравственное воздействие по какой-нибудь причине ему не удалось, установить надзор за отвергнутым женихом и хоть таким образом помешать преступлению. Но селение Лыхны имеет более 1000 дымов. Для такой массы населения одного старшины совершенно недостаточно. Надо принять во внимание, что обязанности сельского старшины очень сложны: на нем лежат и полицейские обязанности в селении, и собирание податей и повинностей, а подчас на его же обязанности лежит и разбирательство мелких недоразумений между жителями селения. При таких условиях иметь на своем попечении тысячу дымов очень затруднительно и редкий сельский старшина при таких условиях сумеет справиться сколько-нибудь удовлетворительно со своими обязанностями.

Исходя из этой точки зрения, было бы желательно, чтобы такие многолюдные селения, как Лыхны, имели не одно сельское управление, а два или более, с таким рассчетом, чтобы на каждое сельское управление с сельским старшиной во главе приходилось не более 400, в крайности 500 дымов. Правда, сельские расходы в крупных селениях увеличатся, но они во всяком случае не будут больше тех, которые несут мелкие селения.

Гудаутец

Газ. «Черноморский вестник». 1899, №140

Кавказский берег

Обсуждая вопрос о заселении Сухумского округа, обыкновенно спорят о том, кем колонизировать этот округ: переселенцами из

внутренних губерний, русскими или из Кутаисской губернии, мингрельцами и имеретинами. Мы в свое время высказались по этому поводу. Но во время этих споров совершенно забывают об аборигенах Сухумского округа – абхазцах и самурзаканцах, издавна осевших здесь. А между тем обе эти народности заслуживают гораздо большего внимания, как по своим юридическим правам, так и по своему нравственному складу.

Современное положение абхазцев и самурзаканцев незавидно. Вот, например, нечто об Абхазии и абхазцах. Абхазия собственно занимает береговую полосу от р. Ингура до Гагр (180 верст). Отроги Главного Кавказского хребта подходят здесь к самому берегу и образуют обрывистые скалы. Многочисленные горные речки: Бзыбь, Псыртцха, Келасура, Гумиста, Гудава, Галисга, Кодор и др. все не судоходны и едва ли пригодны всюду для сплава. У устьев их образуются довольно значительные равнины. Бомборская, Сухумская, Кодорская. На склонах гор климат умеренный, здоровый, на равнинах – жаркий и, вследствие обилия лесов и болот, на равнинах довольно часты заболевания малярией. Природа Абхазии богата; в лесах ее произрастают многие ценные деревья: орех, шелковица, смоковница, лавровишня, черешня, груша, падуб, слива, каштан, чинар, самшит, лавр и проч. Несмотря на благодатный климат и почву, местное население ограничивается возделыванием кукурузы, гоми, да небольшого количества пшеницы; о высших, более ценных и доходных культурах нет и речи.

Кроме хлебопашества абхазцы занимаются также и виноделием, но виноградные болезни вытеснили все сорта этого растения за исключением изабеллы, дающей очень плохое вино. Существует также скотоводство и пчеловодство. Абхазская промышленность ограничивается выделкою холодного оружия, бурок, бязи и грубого сукна. Предметами вывоза являются кукуруза, пальмовое дерево (самшит), воск, мед, сырые кожи и проч. Вывоз направляется через Гудауты и Сухум, но он сильно затрудняется отсутствием сколько-нибудь сносных путей сообщения.

Как видите, абхазцы живут небогато, но в последнее время положение их еще ухудшилось вследствие наплыва мингрельцев, которые эксплуатируют простодушных абхазцев, арендуют за бесценок лучшие земли и при этом нередко опутывают владельцев самыми обременительными для них контрактами.

Абхазцы почти все христиане, лишь незначительное число их магометане. Но абхазцы христиане – христиане только по имени:

верования их представляют пеструю смесь христианства и мусульманства и язычества. Одна из главных причин этого то, что на абхазском языке нет богослужебных книг и до последнего времени священники имеретины и мингрельцы совершали богослужение на грузинском языке. Теперь в абхазских приходах церковные службы совершаются на церковно-славянском языке, а переведенные на абхазский язык молитвы подаются и читаются по-абхазски. Это все-таки шаг вперед и, надо надеяться, недалеко то время, когда на абхазский язык будут переведены все богослужебные книги. Лицо, которое взяло бы на себя этот труд, оказало бы громадную услугу делу укрепления православия между абхазцами.

Характер абхазца чрезвычайно симпатичен. Абхазец способен перенимать все хорошее от более культурной расы, не заражаясь ее пороками. Пьянство и нищенство между абхазцами почти неизвестны – и то и другое считается пороком, заслуживающим презрения. Среди этого маленького народа с настойчивостью проявляется стремление к образованию: абхазцы никогда не упускают случая ходатайствовать об открытии школ. К сожалению, до сих пор потребность в школах мало удовлетворена: школы хотя и есть, но их мало. А между тем школьное дело могло бы иметь успех именно в Абхазии, где сами дети всеми средствами стараются попасть в школу. От многих кавказских народностей абхазцы отличаются своим трудолюбием. Гостеприимство и радушие их просто легендарны в наш практический век. К этому прибавим, что абхазец честен и прямодушен.

При таких данных, абхазцы, бесспорно, заслуживают подъема их материального и духовного положения. Абхазцы, так же как и самурзаканцы, станут надежными сынами России.

Гудаутец

Газ. «Черноморский вестник». 1899, №146

Очерки Абхазии

Читатели, конечно, удивятся, если мы скажем, что в Абхазии можно встретить не только гипнотизеров, но даже таких субъектов, которые умеют «воровать душу». Вот мы сначала и расскажем об этом воровстве души.

В одной абхазской деревне проживала девица обворожительной красоты. Родители хотели выдать ее замуж за богатого старика, а она давно отдала свое сердце одному бедному молодому человеку.

По обычаю края дочь не могла идти против желания родителей, и потому бедный влюбленный приходил в отчаяние. На похищение любимой девушки он не решался, так как, с одной стороны, родители не расставались с дочерью ни днем, ни ночью, а с другой стороны, при каждом намеке на возможность похищения красавица всегда отговаривала от подобного шага, обнадеживая его, что она умрет и потом выйдет за него замуж. Наконец, назначен был день свадьбы, но вдруг по всей деревне разнесся слух, что какая-то девица скончалась скоропостижно. Масса народа собралась в доме безутешных родителей и каждый выражал свое искреннее соболезнование. Плакальщицы проливали обильные слезы, а старик-жених не хотел даже верить, что его невеста умерла. Убедившись в ее смерти, он оставил денег на похороны и выехал куда-то, а родители и родственники все причитывали и оплакивали дочь и ее преждевременную кончину. На другой день принесли гроб и положили туда красавицу. Плач и рыдания еще сильнее стали раздаваться возле гроба; в особенности убивалась мать. Странно было то, что молодой влюбленный ко всему этому относился безучастно и даже на губах его играла улыбка. Чтобы утешить старуху мать, он подошел к ней и стал тоже выражать свое соболезнование.

– Боже мой! – завыла старуха, – может быть моя дочь умерла с горя от того, что не хотела выйти замуж за старика? Зачем мы тебе отказали в руке дочери? Может быть она теперь была бы жива.

– Неужели вы согласились бы выдать вашу дочь за меня, если бы она была жива? – спросил молодой человек.

– Я бы своими руками отдала тебе дочь. Но зачем нам об этом говорить? Разве не видишь, что бездыханное тело лежит в гробу без движений и душа ее, вероятно, на том свете.

– Довольно убиваться. Твоя дочь жива!!!

– Что ты?! С ума сошел? Взгляни на лицо мертвой и убедишься, что скоро ее тело должно разложиться.

– Нет, нет, мама! – раздался голос из гроба, – я жива, я уже вернулась с того света, и если ты сдержишь высказанное тобой обещание, то я выйду замуж за того, кого люблю и сейчас встану.

Мать пришла в ужас от этих слов, а когда заметила, что мнимоумершая дочь поднимается из гроба, с криком выбежала во двор. Выбежали также и все присутствовавшие. Но, когда к ним вышли молодые, обняв друг друга, и стали звать, чтобы они вернулись к ним, то все стали понемногу возвращаться. Через час уже все смеялись и хвалили девицу за то, что она посредством «воровства своей

души» освободилась от нелюбимого старика. Отец и мать тоже были счастливы таким оборотом дела и сейчас же благословили молодых.

«Воровство души» состоит в том, что избранные натуры могут оставаться без дыхания и без всяких признаков жизни в течение одного или двух дней, причем придают своему лицу и вообще всему вид трупа. Как они умудряются это делать – неизвестно. К «воровству души» прибегают и те, на которых нападают голодные медведи; предварительно медведь наносит несколько несмертельных ударов человеку, а потом кладет в яму и сверху набрасывает камни или куски деревьев, – если человек сможет остаться без движения и дыхания, тогда жизнь его спасена; в противном случае его ожидает смерть, так как медведь долго сидит около своей жертвы и несколько раз прикладывает ухо ко рту и сердцу человека, чтобы убедиться, жива его жертва или мертва.

К. Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №224

Очерки Абхазии

Абхазцы глубоко верят в дурной глаз и установлена особая молитва об излечении больных от «дурного глаза». Вот несколько фактов из поверий абхазцев:

В Бзыбском округе, ныне Гудаутском участке, проживал один из князей Инал-ипа. Этот князь, встав с постели, первым долгом обращал свои взоры на поставленную в углу доску, иначе, говорит молва, от его взгляда заболевал тот субъект, который имел несчастие раньше всех увидеть князя. Доска эта как бы служила громоотводом и вся была в трещинах.

На одной почтовой станции служил староста. Бедный человек не имел прохода, так как все знали его «дурной глаз» и всегда упрашивали его не хвалить и не бранить никого. Но случилось, что раз приехал немец, который во рту держал роскошный янтарный мундштук. Увидев мундштук, староста не воздержался похвалить его. Но не успел он докончить свой хвалебный гимн, как мундштук выпадает изо рта немца и разбивается вдребезги.

– Какой шорт мне сделал дурной глаз! – только и сказал раздосованный немец.

Жил некогда священник, который своих детей уморил своим «дурным глазом». Скажет ребенку ласковое слово, посмотрит на него пристально – ребенок заболевает и умирает. Одиннадцатого ребенка мать скрыла от отца и только тем спасла его.

С гипнозом знакомы абхазские девушки. Чтобы узнать своих женихов, выбирают девушку, не отличающуюся особенным здоровьем, одевают ее в белое платье и кладут ее на спину на землю, заставляя смотреть прямо на светлое небо. Девушка через несколько минут засыпает, а потом остальные девушки, по очереди, кладут указательный палец руки на большой палец ноги и спрашивают о своем суженном. На многие вопросы лежащая девушка отвечает очень верно, а некоторые оставляет без ответа. Спрашивают ее также, сколько кому осталось жить на свете.

Есть в Абхазии люди, которые прекрасно излечивают от укушения змеи и бешеной собаки. Какая сила при этом у заговорщиков – это неизвестно, но факты налицо. Восток владеет многими тайнами, часть которых перешла и на Кавказ. Близкое знакомство с простым народом нам дало бы много весьма полезных и ценных сведений…

К. Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №229

Очерки Абхазии

Приписывая верховному существу разные жестокости, абхазцы вместе с тем верят и в его милосердие. Абхазская мифология дает верховному существу в помощь множество других божеств, созданных Богом, по их понятиям, прежде человека и всей вселенной. К этим божествам они обращаются, как к посредникам между божеством и Богом. Посредники эти состоят в повиновении у верховного существа, которое посылает их к людям, если нужно кого-либо наказать, или на кого-нибудь ниспослать свою милость. По примеру всех других народов, находящихся в младенческом своем развитии, абхазцы нашли нужным создать в своем детском воображении множество второстепенных божеств, определяя каждому второстепенное значение. Всякое атмосферическое явление, всякая опасность,

угрожающая человеку и его достоянию, всякий труд, обеспечивающий существование человека, имели отдельных покровителей. Божества эти не имели никаких изображений и до сих пор неизвестны какие-либо изображения, свидетельствующие об облечении какого-либо божества в осязательную форму.

На первом плане у абхазцев стоит покровительница посевов – Джаджи. Покровительницей скота и хуторского хозяйства считается Астар[88]. Леса и дикие звери находятся в подчинении божества – Джикер – Салат-ах-ду. Покровителем кузнечного и слесарного дела состоит – Шеш. Громом, молнией и всеми атмосферическими явлениями распоряжается – Аф. Покровителем воровства, грабежей и разбоев состоит божество – Эйриг Аацных. Но сильнейшим из всех святых считается Аныбс-ныха – Дудрюпш. Местопребывание Аныбса на горе Дудрюпш в селение Ачандаре Гудаутского участка. Пред принятием присяги или пред принесением жертвоприношения абхазцы должны получать на это разрешение у фамилии Чичба, под надзором которой находится местопребывание Аныбс-ныха. Между многими божествами, чтимыми самурзаканцами, надо отметить божество – Жини высший. Этому божеству молятся в то время, когда симптомы болезни связаны с сильным бредом или с припадками бешеного состояния больного.

Абхазцы и Самурзаканцы, как было нами сказано выше, глубоко верят в загробную жизнь. По их понятиям, души умерших никогда не покидают своих родственников, оставшихся в живых, к которым часто являются с разными просьбами и требованиями. Поэтому всегда оставляется свободное место около стола для невидимо присутствующей души покойного. Над могилой же по праздничным дням кладут хлеб, фрукты, вина, а в стороне вешают полотенце для умывания и утирания рук.

Чтобы утопленнику возвратить душу, через реку перекидывали шелковый шнурок, к которому посредине привешивали продолговатый кожаный мешок. На правом берегу реки должны были стоять мужчины, а на левом женщины. По данному сигналу начинались танцы, игра на балалайках и песня о том, чтобы душа утопленника вошла в привязанный мешок. Так как этот мешок был полуоткрыт, то немудрено, что в него входил воздух и увеличивал объем. Заметив это, моментально снимали мешок со шнурка, уверяя друг друга, что душа уже вошла в него; потом брали и выдавливали из мешка воздух на могиле утопленника, поздравляя друг друга, ибо «тело соединилось с душой и последняя больше не будет страдать».

Вера в домовых, русалок и леших до сих пор остается в народе. Домовые и лешие не вызывают особенного страха, но встреча с русалкой признается весьма опасной, так как эта обворожительная водяная красавица с голубыми глазами и длинными распущенными волосами требует от мужчин любви, обещая ему за это все земные блага. Если отчаянному абхазцу удается в борьбе с русалкой вырвать из головы хотя бы несколько волос, то она становится невредимой и даже вступает в услужение ему; в противном случае смельчака ожидает неминуемая смерть за то, что пренебрег любовью красавицы. Черт, по понятиям народа, часто является ворам в виде коз или козлят, и надо обладать большой прозорливостью, чтобы отличить настоящую козу от черта.

Когда убеждались, что какая-либо старуха, а иногда и молодая, портит людей, животных и птиц, то таких женщин, как форменных ведьм, или топили или вешали их на дереве, и поджигали сильным огнем. Бывали случаи, когда ограничивались прикладыванием железа к какой-либо части тела...

К.Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №233

Вести Черноморья.

Гудауты
(Корреспонденция «Черном. вест.»)

Гудаутский участок, благодаря распорядительности местного начальника участка, освободился не так давно, еще от одного закоренелого преступника, находившегося в бегах более восьми лет: абхазца Ахмета Алтач-ипа (он же Сангулия).

Алтач-ипа, совершивший несколько последовательных убийств в участке, единично и совместно со своим другом, таким же беглым преступником и головорезом, как и сам, Марчихом Барцицом, убитым в апреле месяце нынешнего года, в перестрелке с земскою стражею во время преследования его в Гудаутском участке, скрывался все время в Турции, пока, наконец, начальник участка не узнал о месте пребывания его и не командировал в Турцию местного жителя З..., который, отправившись в Турцию, разыскал преступника и передал в руки турецких властей, а последние передали его в

распоряжение нашей администрации. Алтач-ипа в настоящее время находится в батумской тюрьме, в ожидании расследования его преступлений и законного возмездия за совершение их.

П.

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №238

Историческая справка

Еще в первые века по Р.Х. существовал пролив от Каспия к Ледовитому океану, а Манычский до 10 века по Р.Х. связывал Каспий с Азовским морем; несуществующие теперь заливы вдавались на 40, 30, 10 верст вглубь теперешних равнин Мингрелии в 6 в. по Р.Х., и долин Абхазии и Черкесии во 2-м веке по Р.Х. Во 2-м до 10-го веках по Р..Х. Кавказский перешеек, бывший все еще только полуостровом при существовании Манычского пролива (в конце существования Хазарской империи и начала Русского государства), глубокими заливами Каспия был настолько перехвачен, что торговля Европы с Индией не шла в обход его, а пересекала Кавказ по древнейшему пути от залива у Великой Диоскурии сквозь глубокий проход, рассекающий все 17 параллельных гряд хребтов Большого Кавказа к огромному «заливу (главной) Хазарской столицы» Семендер, упоминаемому в известном письме Хазарского Вел. Кагана Иосифа и простиравшемуся до места теперешнего впадения Сунжи в Терек, где и лежала эта так долго искаемая столица, бывшая со времен Зороастра столицею Гиркании, древнейшего государства, существовавшего от времен Зороастра до Страбона (2-й в. по Р.Х.). На этом мировом пути лежит в грандиозных развалинах целый ряд древнейших городов; один из них окружает теперешний Сухум с 4-х сторон (часть на дне Сухум. бухты), 4-й на сев. стороне от главного Кавказского водораздела и среди широкого ущелья в глубине гор занимает пространство до 3,5 верст длины и до 0,5 версты шириною и заключает 7 храмов Византийской эпохи, из которых три собора, сохранившиеся, обновлены монахами С. Александро-Афонского монастыря, там основанного недавно. Ученые и не подозревают, что древнейший город Гекатомпил, видевший Александра Македонского на пути его в Гирканию, и бывший позже искомою столицею так мало еще изученного русского княжества Тому-тороканского или

тмутараканского. Этим фактом и объясняется, как дочь Абхазского царя могла выйти замуж за Киевского Вел. Князя Изяслава. Умные Генуэзцы, усеяв колониями берег Черного моря, из трех консулов (генерал-губернаторов) 2-х посадили на этом пути, одного – в великом Севастополе (древняя Вел. Диоскурия – Аия времен Великого Сезостриса), и другого при выходе этого пути на Кубань. Даже Турки не уничтожили торгового движения по этому пути и их генерал-губернатор Зап. Кавказа имел тоже резиденцию в Сухуме, у начала этого пути. Только Иван Грозный, покорив Казань и дважды Астрахань, послал войска на Терек основать у впадения в него Сунжи Терский городок, как раз на месте столиц Гиркании, а потом Хазарии и на Великом пути в Индию, то испуганный (ведь прислали же три средне-азиатских хана послов бить ему челом) Хивинский хан отвел Аму-Дарью от Узбоя (пути Северного, последнего на памяти истории к Каспию) в Аральское море, а Турки через Севастополь (Сухум) и Крымские татары чрез главный пункт их на Кубани г. Копыла и другие соседи хлопотали при Иване Грозном, царе Феодоре и Годунове о снятии этого городка с важнейшего для них торгового пути (см. у Карамзина). Они добились, наконец, перенесения этого городка в трудную для России минуту. Но Аму-Дарья удалилась, а Терское войско выросло, и древний путь заглох, вместе с ним упало значение западного прибрежья Кавказа наполненного остатками третичных форм, остатками древних разработок горных, храмами на каждой версте этого края, замками, башнями и великими Кавказскими стенами, сохранившимися со времен мореходной описи при Персидском царе Дарии в 6-м в. до Р.Х. (построены эти стены Киммерийцами и Кораксами-Галлами на заре истории), о починке которых Хозроем – царем Персов и Юстинианом императором говорит их мирный договор и историки их войн – Прокопий, помощник полководца Велизария и Менандр. Они же описывают этот замечательный путь сквозь Великий Кавказ, по которому Гунны и др. вторгались конными набегами «в Лазику (т.е. теперешнюю Кутаисскую губернию) и другие римские владения», говорят словами упомянутого мирного договора, обязывающего персов – «не пропускать Гуннов и Алланов и других варваров», кочующих между Кавказом и Меотийским озером вторгаться в Лазику и другие римские владения по ущелью Хоруцон и чрез Каспийские ворота». А наши господа исследователи переносили этот путь то в Индийский Кавказ – (проф. Дестунис), то в хребет Эльбурс в сев. Персии, то в Дербентский проход, то видели в нем теперешний путь Военно-

Грузинской дороги с его перевалом до 9.000 ф., тогда как Прокопий ясно говорит, что путь чрез Каспийские ворота самый легкий, без зигзагов, и вел он тогда не в Грузию, а в Лазику и другие Римские владения.

Вл. Чернявский

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №239

Гудаут, 6-го мая
(Корреспонденция «Нов. Обозр.»)

27-го апреля текущего года в селении Калдахвара урядником земской стражи Ш. Гублиа и всадниками К. Робакидзе и Т. Адзинба был убит в своем собственной усадьбе известный в Сухумском округе Марчих Барцыц, один из главарей известной разбойничьей шайки. Барцыц – молодой человек, лет 27–28-ми от роду, низенького роста, плотного телосложения. Раз втянувшись в разбойничью жизнь по смерти своего довольно зажиточного отца, он уже более семи лет в страхе и ужасе держал весь участок, царя безраздельно со своими сподвижниками. Судебно-полицейским следствием выясняется факт, что он стрелял и ранил 2-го июня прошлого года начальника участка г. Чиковани. Барцыцом убито 5 человек, из-за его преступных деяний пострадало человек до десяти, кто жизнью, кто ссылкою административным порядком и приговорами судов.

Обстоятельства убийства его таковы. Еще в средних числах апреля полиция получила сообщение о прибытии Барцыца в Калдахвары, куда были высланы названные всадники 24-го апреля. Калдахварский же псаломщик г. Меладзе донес полиции, что к нему два раза являлся, как к духовному лицу, Барцыц и просил его устроить свидание с сестрой. И вот утром, 27-го апреля, по совету г. Меладзе всадники окружили безлюдный дом и усадьбу абрека, поджидавшего свою сестру. На предложение урядника сдаться Барцыц ответил: «И вы ли, молокососы, собираетесь изловить меня, с которым и генерал (Самойлов) с войсками ничего не мог поделать!» Началась перестрелка, во время которой он был убит.

21-го апреля иноком Ново-Афонского монастыря абхазцем Алексеем были подожжены священные для целой Абхазия «грабы» (ахиаца), пред которыми до сих пор абхазец принимал присягу. Рас-

серженные этим абхазцы чуть было на месте «кощунства» не растерзали бедного инока, только боязнь перед ответственностью удержала их. Целая толпа абхазцев отправила Алексея к местному начальству, прося примерно наказать инока за «кощунство» ссылкой его на всю жизнь в Сибирь. Нет сомнения, что с сожжением «святых грабов» до тла верования абхазцев в полуязыческий, всемогущий и строгий Дыдрипш сильно пошатнется, так как Дыдрипш и «святые грабы», по верованию абхазцев, не сгораемы.

Газ. «Новое обозрение».
1899, № 5268

Кавказский берег

Сухумский округ представляет чрезвычайно пеструю смесь народностей, но смесь эта образовалась только в последнее время вследствие позднейших переселений. Коренное же население округа составляют абхазцы и их видоизменение – самурзаканцы

Обыкновенно в культурном и нравственном отношении абхазцев ставят ниже всех других народностей среднего и западного Кавказа. На самом деле это совершенно неверно. Абхазцев считают ленивым, воровским народом, неспособным к дальнейшему развитию; глядя на их беспросветную бедноту, на бесконечный список воровских подвигов, совершенных абхазцами, на массу суеверий, от которых они до сих пор не могут избавиться, можно поверить этим обвинениям. Но при ближайшем знакомстве с этим маленьким народом дело представляется совершенно в ином свете.

Правда, абхазец беден, но причина его бедности заключается вовсе не в отвращении его к труду, а в том мировоззрении, которое выработано длинным рядом его предков. Прежде всего, абхазец презирает всякую торговлю. Презрение это доходит да такой степени, что они считают стыдным продавать продукты своего хозяйства. Только в последнее время под русским влиянием они примирились с необходимостью продавать излишки кукурузы, да и то никогда не вывозят их сами на базар, а ждут, пока к ним самим не явятся покупщики. Понятно, какие убытки несут они от этого и хотя понимают всю невыгодность такого рода продажи, но не могут отрешиться от нравственного кодекса, выработанного их предками. Что это происходит вовсе не от лени, доказывается тем, что у себя дома

абхазец не стыдится работать: он возделывает кукурузу, обрабатывает виноградник, даже доит коров. Делается это все в ограниченных размерах, настолько, насколько это нужно для домашней потребности и приема гостей, и это зависит от презрения абхазца ко всякой купле-продаже.

Абхазцев обвиняют в склонности к воровству. Несомненный факт, что в них сильно развито скотокрадство. Но абхазец беден, торговлею заниматься он не может, следовательно, единственным средством покрыть недочеты является скотокрадство. Но несравненно более зажиточные мингрельцы практикуют скотокрадство в еще более широких размерах. Кроме того, вообще честные абхазцы смотрят на скотокрадство как на особый род спорта, где можно показать свою удаль…

Абхазцы, которым удавалось попасть в школы, в огромном большинстве проявляли недюжинные способности, да и вообще абхазец по существу более склонен к прогрессивному развитию, чем его туземные соседи.

И в нравственном отношении он стоит гораздо выше своих соседей. Гостеприимство его сохранило старинный характер и совершенно бескорыстно. Он не знает, что такое вероломство и на слово абхазца можно смело положиться, он предан, но сохраняет чувство собственного достоинства. Наконец, абхазец не предается пьянству, потому свободен от всех последствий этого порока.

Гудаутец

Газ. «Черноморский вестник». 1899, №245

Очерки Абхазии

В этот период времени восточное побережье представляло тяжелую картину. Молодежь торопилась поскорее сесть на суда, грозя победителям будущим своим нашествием; испытанные и закаленные в бою старики с грустью глядели на величественные вершины Кавказского хребта; женщины проливали слезы, не зная, что им предстоит в дальнейшей их жизни. Дело дошло до того, что переселенцы, боясь лишиться места на судах, оставляли на берегу не только свое имущество, но даже и детей. Австрийский пароход забирал только состоятельных горцев для доставки их в Турцию.

Чердавары (перевозчики разного рода груза для войска), скрывавшиеся под повозкой во время горячей схватки нашего отряда с горцами, теперь кричали немилосердно, перебивая друг у друга стадо буйволов, коров, быков и овец, покидаемых переселенцами. Один имеретин даже дерзнул приблизиться к молодой черкешенке, чтобы захватить ее в качестве военнопленницы. Не успела крикнуть черноокая красавица, как тут же стоящий молодой черкес одним ударом шашки снес голову дерзкому имеретину. Произошел общий переполох, но защитник чести и свободы девушки в два прыжка очутился на отчалившем от берега судне и тем спас себя. Впрочем, никто и не думал преследовать убийцу, так как все находили бесчеловечным в эту тяжелую минуту воспользоваться безвыходным положением горцев.

В том же 1864 году совершилось выселение последнего владетеля Абхазии, светлейшего князя, генерал-адъютанта Михаила Шервашидзе в Воронеж. А в 1866 году вспыхнуло восстание в Абхазии. Восстание это началось в Бзыбском округе, нынешнем Гудаутском участке и мигом объяло всю Абхазию. Были убиты начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, его подчиненные члены сословно-поземельной комиссии и целая сотня казаков. В этой ужасной катастрофе спаслись очень немногие и из спасенных тогда один писарь Николай Мочульский и теперь живет в Сухуме; получив более 20 ран, каким-то чудом он остался жив и, не желая дать знать о своей жизни рассвирепевшим абхазцам, лег между мертвыми и в течение двух суток находился среди трупов. Потом ему удалось ночью уйти и прибыть в Сухум. Некоторые казаки спаслись в Лыхненской церкви. Виновные понесли наказание. Абхазцы были усмирены. Но судьи, которые определяли абхазцам наказание, убедились, изучив дело, что их, можно сказать, вынудили турецкие фанатики взяться за оружие.

Приведу теперь следующий достоверный случай.

По живописной тропе, проложенной от реки Кодора к Сухуму, стремглав неслись два всадника. Одному было лет за 60, а другому около 12. К седлу первого из них была привязана переметная сумка, наполненная землей, а к седлу второго – постель и кое-какая одежда. Оба всадника одновременно подъехали к архиерейскому дому и, привязав своих взмыленных коней к деревянной ограде, торопливо направились к келейнику, прося доложить об них сейчас его преосвященству.

– Откуда, Урус? – спросил ласково преосвященный.

– К твоей милости, добрый отец. Я еду в Турцию и окончательно водворяюсь там на жительство. И вот этого моего бедного ребенка оставляю тебе навсегда. Жену я давно потерял, детей моих давно я схоронил. Я одинок, никто и ничто меня не удерживает остаться здесь. Не знаю, что мне предстоит в неведомой земле, но, оставляя Абхазию, мою дорогую родину, хотелось бы устроить судьбу оставшегося в живых последнего моего сына, которого я дал обещание Богу окрестить по-христиански. Возьми его, воспитай его, и будь его постоянным защитником и руководителем.

– Да зачем, Урус, оставлять край родной? – стал урезонивать расстроенного старика добродушный пастырь. – русское правительство никогда никого не обидит. Теперь все будут пользоваться миром и спокойствием, и прекратятся все ваши набеги, все ваши кровомщения. Разве не лучше здесь умереть, чем жить во враждебной турецкой земле? Бог знает, что тебя там ожидает? Может быть и могилу не дадут, чтобы лечь спокойно после смерти.

– Нет, добрый отец, я здесь не останусь. Будет плохо или хорошо, я не хочу отстать от своих, а если я умру, то на груди моей всегда будет лежать земля родной моей стороны. Сумка моя наполнена землей из моего родного села, и когда я буду умирать, то попрошу кого-нибудь осыпать мою грудь этой землей. Я тогда буду чувствовать, что меня окружает моя родная земля и на том свете никто не упрекнет меня во враждебном отношении к дорогой родине.

– Так значит, ты не останешься?

– Нет, отец!

– Нечего делать. Я же даю слово никогда не покидать твоего сына.

– Урус дрожащим голосом стал выражать свою сердечную благодарность. Потом, быстро повернулся к сыну, обнял порывисто и несколько минут держал в своих объятиях. Видно было, что старику тяжело расстаться с единственным своим сыном.

– Слушай ты нового твоего отца, - обратился взволнованный отец к сыну, - и держи свято новую твою веру. Бог один и для христиан, и для магометан. Хорошие и дурные люди бывают и среди христиан, и среди магометан. Не брани меня, не проклинай и когда-нибудь помолись за мою душу. Помолись и за твою мать.

Бедный мальчик стоял весь бледный и трясся точно в лихорадке, но когда Урус направился к двери, то он в один прыжок подскочил к отцу и, обняв его, стал громко рыдать. Старик на мгновение остолбенел, но потом стал успокаивать сына.

Отец с сыном расстались. Минуты этой разлуки заставили и архипастыря прослезиться. Затем преосвященный подозвал к себе покинутого мальчика и сказал ему несколько таких теплых, искренних и сердечных слов, что мальчик сразу почувствовал к нему полное доверие. Мальчика стали обучать грамоте. Он сразу обнаружил замечательную способность, а главное, своим тихим поведением, своей услужливостью расположил к себе не только пастыря, но всех его окружающих. Через несколько месяцев мальчика окрестили, назвав Петром. Владыко решил сделать из Петра деятельного абхазского миссионера и потому стал готовить его к принятию в будущем священнического сана. Будущий миссионер настолько сильно воспринял христианскую любовь ко всем ближним, что был для всех и для каждого покорным слугой, являясь всегда охотно на помощь страждущим по первому призыву кого бы то ни было. Во время холеры в г.Сухуме он так усердно и самоотверженно исполнял при больных обязанности брата милосердия, что положительно удивлял весь медицинский персонал. В конце концов, сам заболел, но Бог сохранил ему жизнь для будущей плодотворной деятельности среди горцев.

К.Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №254

Кавказский берег

Где, как не в школе, абхазец может получить истинные понятия о главных обязанностях, как семейных, так и общественных? Где более, как ни при изучении Закона Божия, могут увидеть дети, что все те обычаи и обряды, которые отцы и деды их считали ненарушимыми, как древность узаконенную веками, идут вразрез с истинным учением Христа и подрывают все основы общественной и семейной жизни?! Кто, как не опытный законоучитель, может внушить юным питомцам ясные понятия о вере христианской и утвердить в них любовь к церкви?

Насколько плохо поставлено школьное дело в церковно-прих. школах, существующих в Абхазии, можно судить по следующим фактам. Три года тому назад в Сухумской епархии открыты три второклассные школы, имеющие своею целью подготовить учителей для сельских школ грамоты. От поступающих во второклассную

школу требуется окончание курса одноклассной школы, которая служит переходной ступенью к первой. Так вот, при приеме учеников в второклассную школу, очень часто приходилось наблюдать, что новички, несмотря на представляемое ими свидетельство об окончании курса одноклассной школы, едва умеют читать; по арифметике не пошли дальше таблицы умножения, которой тоже не знают; писать правильно умеют только свою фамилию, да и то не все; по Закону же Божью, как попугаи, повторяют заученные ими молитвы и события из священной истории, не имея не малейшего представления о том, что сами говорят. Как производили над ними экзамен, за что выдали свидетельства, судить не нам, но что это факт – всякий может убедиться, посетив, проездом, Гудаутскую второклассную школу. Там могут показать ему несколько человек, окончивших одноклассную школу, но не умеющих ни читать, ни писать.

Как на причину плохой постановки школьного дела в церковно-приходских школах нельзя не указать на еще редкие ревизии этих школ. Бывали примеры, что школы, считавшиеся по бумагам открытыми, существовали только в одном воображении лиц, доносивших об их открытии.

Бывали и такие случаи: желая выслужиться перед начальством, N... доносит наблюдателю, что благодаря его воздействию на прихожан в N – селении открыта школа. Наблюдатель входит с рапортом в училищный совет о выражении благодарности N... за его ревность к распространению просвещения среди абхазцев. Когда же училищный совет потребовал отчета об открытой школе, оказалось, что школа не только никогда не существовала в N-ом селении, но и сами жители в первый раз слышат об открытой, будто бы, у них школе.

Но, несмотря на неудовлетворительную постановку школьного дела в церковно-приходских школах, существующих в Абхазии, нельзя не отнестись с глубокою симпатиею к учителям этих школ. Это бескорыстные труженики, и если дело у них идет не так как следовало бы, то они в том не виноваты. Иной всей душой отдается школе, хотел бы много сделать для ее пользы, да ему самому нужно было бы еще поучиться, прежде чем, начать учить других.

В самом деле, что, если не желание принести посильную помощь обществу, заставит молодого человека, оторванного от родины, семьи, провести лучшие годы своей жизни в глухом абхазском селении, среди чуждого ему общества, где нет, зачастую, ни одной души, с которой можно было бы перемолвиться живым русским словом, где нет ни книг, ни газет, никаких развлечений.

Если ко всему ранее сказанному прибавить вечную нужду во всем необходимом, то приходится удивляться, как хватает сил у этих бедных тружеников работать, не имея в перспективе ничего лучшего, как надорванную от непосильных трудов грудь, да погубленное навеки здоровье. Во всех правительственных учреждениях, на всякой частной службе поощряется труд человека. Там делаются повышения, награды, – есть для чего работать, трудиться.

А в церковной школе чего может ожидать учитель? Будь он труженик, окажи успехи – ему сочтут это за обязанность. На какое-либо повышение он не может рассчитывать, денежных наград не полагается, выслуги на пенсию нет. Пока еще не угасла вера в правду, пока бьет ключом молодая кровь, не щадит сельский учитель своих молодых сил для общественного блага, переносит всякие невзгоды и лишения, утешая себя тем, что добрые семена, посеянные им в сердцах питомцев, принесут для них благие плоды.

Но подвернись непрошенная гостья болезнь, что ожидает учителя? При получаемом им содержании нечего и думать о какой-либо медицинской помощи. Пособия он ожидать тоже не может, так как в Сухумской Епархии нет не только эмеритальной кассы для учителей церковно-приходских школ, но и каких-либо сумм на случай болезни учителей. Но оставим мрачные картины. Есть в духовном ведомстве школы более благоустроенные, где не оканчивают курс ученики, совершенно не умеющие читать и писать, где не получают учителя 10-15 рублей жалованья в месяц, а целых 20 и даже 25, имея, кроме того, в будущем надежду, хотя мало сбыточную, на прибавку жалованья и на пенсию в старости, – это школы, так называемые, второклассные, о которых мы упомянули выше.

Одна из трех второклассных школ, открытых в Сухумской Епархии, существует в Гудаутах и имеет своей целью подготовить для абхазских сельских школ учителей из абхазцев же, которые, нужно надеяться, принесут для просвещения края гораздо более пользы, чем другие учителя, не знающие абхазского языка.

Для второклассной школы строится прекрасное здание, которое будет окончено к следующему учебному году, а пока школа помещается в наемном доме, мало пригодном не только для школы, но и вообще для жилья.

Как существующая очень недавно, нового типа школа не успела еще войти в свои рамки, а потому трудно судить о тех результатах, которые дает она для просвещения края. Из недостатков второклассной школы можно указать пока на неудачный подбор учителей этой школы и происходящие вследствие этого частые смены их, которые не могли не отразиться на ведении школьного дела. Словно

злая судьба преследовала гудаутскую второклассную школу за трехлетнее существование ее.

Управление школою лицами, оказавшимися впоследствии неблагонадежными, не могло, конечно, не оставить нежелательного следа в учебно-воспитательном деле школы. Немалым ущербом для правильной постановки школьного дела в гудаутской второклассной школе служит отсутствие в членах педагогического состава ее какой бы то ни было самостоятельности при решении тех или других вопросов, касающихся школы.

Так например, ученики, оказавшие неудовлетворительные успехи в течение года и на экзамене, оставляются, для их пользы, советом школы на повторительный курс. Епархиальный же наблюдатель, делает распоряжение принять их в следующий класс, упуская из виду, что этим распоряжением не только подрывает значение экзаменов и школьного совета, но и делает вред для самих учеников, которые, не успев в младшем классе, еще более не успевают в старшем. Такие же случаи часто повторялись и при увольнении из школы учеников, которых совет находил неисправимыми и вредно действующими своим примером на других. Пока не увеличат содержание учителям второклассных школ, чем привлечены будут на службу лучшие люди; пока не урегулированы будут права школьного совета, трудно надеяться, что гудаутская второклассная школа когда-либо будет иметь право называться «правильно организованною» школою.

Гудаутец

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №№257, 258

Очерки Абхазии

С 1878 года началась подготовительная работа о переименовании Сухумского отдела в Сухумский округ. Отдел потерял свою самостоятельность и вошел в состав Кутаисской губернии. Надо полагать, что при переименовании отдела в округ принималась во внимание малочисленность абхазцев сравнительно с прошлым; да кроме того никто не предвидел, что переселившиеся в Турцию абхазцы пожелают снова вернуться в Абхазию. Не обратили внимания и на то обстоятельство, что роскошный уголок Абхазия опять может привлечь новых поселенцев, а старые, безусловно, захотят возобновить хотя и разоренные, но дорогие для себя родные свои гнезда.

И, действительно, абхазцы стали прибывать из Турции целыми партиями, по 200 и 300 душ, умоляя русское правительство водворить их на прежней своей родине. Вместе с абхазцами стали появляться и поселяне. Одних этих поселян набралось до 2704 душ. Много горя пришлось испытать абхазцам, пока им было разрешено высадиться и ступить ногою на родную землю. Тогдашняя местная администрация не решалась принять их обратно и в ожидании решения этого вопроса высшей кавказской административной властью – возвратившиеся из Турции сидели в турецких кочермах как сельди в бочке, и, не имея право выходить на берег, по несколько дней жарились под палящими лучами летнего солнца. Плач детей и стоны женщин раздирали душу и сердце, но нельзя было оказать им никакой помощи. Но тут спаситель их явился опять, Августейший покровитель всего Кавказа Великий Князь Михаил Николаевич. Его Императорское Высочество соизволило разрешить не только принять возвращавшихся из Турции абхазцев, но даже наделить их достаточным количеством земли.

Административная ломка коснулась и первоначального деления Сухумского отдела, в состав которого входили: четыре округа и одно самостоятельное Цебельдинское попечительство. По переименовании отдела в округ, Абхазия и Самурзакань были разделены на четыре участка: Гудаутский, Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский, причем Цебельдинское попечительство вошло в состав Гумистинского участка. Из этих участков ближайший к Сухуму – Гумистинский участок. Мы хотим познакомить читателя с этим во всех отношениях интересным участком.

Так как Гумистинский участок был предназначен специально для заселения поселян, как-то: русских, греков, болгар, молдован, мингрельцев, эстонцев и немцев, то было велено не принимать ни одного абхазца для поселения в этом районе, исключая только селение Эшир. С самого начала казалось, что очень легко управлять Гумистинским участком ввиду крайней ограниченности населения, но скоро пришлось разочароваться в этом. Границы Гумистинского участка с северо-западной части доходят до Майкопского отдела, а северо-восточной до Баталпашинского отдела Кубанской области, захватывая перевалы Клухорский, Марухский и Сончарский, отстоящие от Сухума, где живет постоянно участковый начальник, на 130 и 140 верст. Хотя горная полоса эта не заселена, но летом почти все пастбищные места полосы заняты табунщиками-пастухами, идущими по билетам лесничих из разных мест Кутаисской губернии, но более всего из Сухумского округа. С мая месяца начинается движение пастухов, а с этим движением и жизнью их сопряжены

различные недоразумения, доходящие порой и до преступления. Пастухи эти становятся полными хозяевами гор, лесов, долин, равнин и ущелий, не имея за собой никакого надзора, исключая объезда несколько раз со стороны лесных объездчиков; но эти последние контролируют их билеты платежей лишь за право пастьб, не касаясь споров, вздоров, различных беспорядков и даже грабежей у смежных гуртовщиков Кубанской области, отчего и бывает почти ежегодно угон с той или с другой стороны целых табунов лошадей, рогатого скота, а в особенности мелкой баранты, через что производятся целые следствия как в здешних, так и в Екатеринодарских окружных судах.

С 1897 года по контракту с министерством земледелия и государственных имуществ началась лесопромышленником ростовским 1-ой гильдии купцом Максимовым большая операция рубки и сплава леса по рекам Чхалте и Кодору для лесопильного его же, Максимова, завода. Завод этот находится в сел. Адзюбжа Кодорского участка, на самом берегу р. Кодора, по левую сторону района Кодорского административного участка и Очемчирского Мирового и Следственного участка, ведаемого товарищем прокурора Кутаисского окружного суда по Сухумскому участку. Рубка и сплав леса производятся в Гумистинском участке и лишь один завод со служащим на оном персоналом находится в Кодорском участке, вследствие этого, по нахождению одного и того же крупного предприятия в двух административных, мировых и следственных участках вся тяжесть по отдаленности ставки начальника Кодорского участка лежит на начальнике Гумистинского участка.

В горах, по Клухорскому перевалу, где производится зимняя рубка леса, бывает от 700 до 900 человек рабочих, разделенных на 3-4 партии, а с начала мая начинается сплав по вышесказанным рекам, отстоящим от Сухума на 100 верст. Кроме того, и в других пунктах участка бывает скопление народа. А где народ – там и несчастные случаи. И вот, начальник участка немедля едет на место происшествия, оставляя и канцелярию, и общественные сходки тридцати семи сел и деревень. Правда, произведенные по несчастным случаям следственные дела подлежат прекращению, но для предварительных дознаний все-таки требуется присутствие полиции, а если какое-либо дознание не будет скоро закончено, то та же полиция, которой приходится ежедневно делать по 60 и по 100 верст верхом по головоломным тропам и ущельям, получает выговоры со стороны судебного ведомства. В отсутствие начальника участка волей-неволей приходится письмоводителю или его писцам быть хозяевами участка. А если дознаний много и письмоводителя тоже необхо-

димо послать куда-либо для производства дознания, тогда хоть запирай канцелярию и распускай по домам собравшихся сельских старшин, судей и свидетелей.

В селении Дранды, по нахождению там Драндского Успенского общежительного монастыря, стекается ежегодно масса богомольцев и богомолок со всей России, следуя летом даже через Зеленчукский монастырь (Кубанской области) Клухорским перевалом. Идут к этому монастырю день и ночь по Сухумско-Драндскому шоссе и из Нового Афона. Хотя установлены посты земской стражи и в Драндах и производят денные и ночные разъезды, но надзора этого далеко недостаточно. Идет в монастырь русский люд (преимущественно женщины), который от усталости останавливается на отдых по дорогам и тропам в лесах и под кустами и деревьями, в местах, где живут арендаторы.

С 1884 по 1897 год в Гумистинском участке образовалось 38 отдельных селений, но эти селения, к сожалению, не имеют никакого общинного устройства, как это в других участках Сухумского округа. В этих селениях, по крайней мере, поселяне считают себя постоянными жителями; выезжая к ним, знаешь, что найдешь там когонибудь. Но беда с арендаторами земли разных владельцев Гумистинского участка, тут именно «смесь племен и наречий» и надо иметь особую административную тактику, чтобы держать в порядке разнообразное поселение. Часто приходится иметь дело по отношению ограждения мирных поселян от посягательства на их имущество. Нельзя сказать, чтобы и эти поселенцы держали свой скот и своих лошадей под надлежащим надзором. Пользуясь этим, конокрады много вреда наносили поселениям; в конце концов оставались наказанными ближайшие абхазские селения. Одно абхазское селение «Адзюбжа» за несколько лет внесло в пользу поселенцев с лишним 20 тысяч рублей.

Надо заметить и то обстоятельство, что в Сухумском округе далеко еще не окончен земельный вопрос, а потому начальнику Гумистинского участка тоже приходится принимать роль мирового посредника.

Ввиду всего и ввиду слишком ограниченного штата служащих в Гумистинском участке, приняв во внимание также постоянный прирост поселян, безусловно, необходимо: во-первых, образовав из 38 разбросанных селений, в которых пока считается с лишним 2233 семейств, несколько благоустроенных общин с присоединением к ним разных мелких сел и с разрешением выбирать сельских должностных лиц не на один, а на 3 года; во-вторых, поручить одному из мировых посредников Сухумского округа разбирать и решать позе-

мельные споры между поселянами, или же возложить это на местных чинов министерства государственных имуществ Кутаисской губернии, которые в данное время и ведают все земли пришлого населения участка; в-третьих, ходатайствовать о прикомандировании двух чиновников, хотя бы временно, для командировок в горную летнюю пастьбу, с командой всадников, с назначением команды от жителей, как это практиковалось в прежние годы, и по Кодору, в Далькое ущелье, по местности сплава леса. Учрежденный временно Чхалтинский пост, состоящий из урядника и двух всадников полицейской стражи, является бессильным для того, чтобы следить за беспаспортными лицами. По составлении подробных алфавитных списков одних беспаспортных оказалось до 400 человек. Кто может ручаться, что между ними нет беглецов, и других порочных лиц, разыскиваемых разными правительственными учреждениями?

Гумистинский участок заслуживает внимания еще тем, что все те, которые оказали известную услугу русскому правительству, получили самые крупные наделы в этом участке. Но, увы, все эти наделы или попали уже в третьи или четвертые руки, притом лиц нежелательных, или остаются без всякой производительности. Неизвестно, кто явится будущим владельцем участка земли графа Бобринского, который владеет в Цебельде землей в количестве 7000 десятин! Да этот надел при ведении рационального хозяйства мог бы давать хозяину ежегодно громаднейший доход. Хорошо хоть и то, что в Цебельде, по крайней мере, поселились армяне, так как они только в состоянии работать на началах сельского хозяйства; хотя вся их работа ограничивается табаководством. В Гумистинском участке под табак засевается около 1500 десятин земли и лучшими табаководами являются греки и армяне, которые сильно эксплуатируются представителями разных табачных фабрик. Имей здесь казна свои табачные склады, она имела бы и сама выгоду, и спасла бы несчастных табаководов, которые вынуждены теперь продавать пуд табаку по 1 р. или по 1 р. 50 к., а ведь было время, когда за пуд сухумского табаку давали по 10 и по 15 рублей.

Гумистинский участок особенно славился ореховыми деревьями, негноем, пальмовыми насаждениями, а теперь – увы – ничего не найдете! Все разобрано разными эксплуататорами.

К.Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1899, №279

Кодорский участок, или бывший Абживский округ, переименованный в одно время в Очемчирский, по своему географическому положению и по богатству естественных своих произведений ничуть не уступает Гумистинскому и Гудаутскому участкам. Береговая полоса этого участка простирается от реки Кодор до реки Охурии, к которой примыкает граница 4-го участка Сухумского округа, именно Самурзакани, а противоположная сторона этой полосы ограничивается цепями гор Кавказского хребта. Недалеко от этих горных цепей до сих пор остаются следы военной дороги, проложенной при бывшем наместнике кавказском – князе Воронцове. От взоров этого замечательного государственного администратора не мог укрыться ни один уголок, если он только чем-нибудь заслуживал внимания. Князь Воронцов, несомненно, знал о существовании в Кодорском участке как богатейших лесных насаждений, так и разного рода лучших целебных источников, роскошных виноградных садов, а потому проведением хотя бы одной благоустроенной дороги имел в виду дать выход абхазцам или в Сухум, или в Очемчиры. В этом же участке (в Ткварчельской общины) находятся те миллионные пальмовые насаждения, которые не дают покоя ни днем, ни ночью разным предпринимателям. Если ко всему этому добавить разнообразие минеральных руд, как-то: меди, железа, серебряно-свинцовой руды и проч. богатств, в связи с каменным углем и инфузорной землей, каким изобилует этот участок, тогда легко убедиться, почему теперь Кодорский участок вызывает всеобщее внимание как специалистов, так и людей разных профессий.

Покойный генерал-лейтенант Григ.А.Шервашидзе, отдав только на сруб самую ничтожную часть из богатейших своих лесных насаждений одной французской компании, получил от этой компании около 1600 тыс. рублей. Этим примером мы желаем доказать естественные богатства Кодорского участка, к числу которых надо так же отнести изобилие вековых ореховых деревьев. Приобретая каждое из этих деревьев по 10-15 рублей, сами эксплуататоры продавали потом по 50-60 рублей. Но надо видеть, каким истязаниям подвергаются несчастные ореховые деревья, пока выберут нужное количество для желаемой эксплуатации. Ради 5 или 10 деревьев погибают 20 или 30 гордо растущих великанов; гибель их больше всего происходит от неумения. Миллионы дубовых клепок, миллионы ореховых брусьев вывозились из Кодорского участка и грузились на заграничные пароходы. А сколько пальмового леса вывезено из того же участка!

Несмотря на несомненное существование многих богатств в Сухумском округе, до настоящего времени почти ничего не сделано для приведения их в известность. Мы недоумеваем, почему люди до известной степени сведущие, не могли указать ни на одно из этих богатств, а какой-нибудь аробщик или дрогар открыли медную руду, и железную и каменный уголь, и торф.

Причины этого ненормального порядка вещей – наша халатность, а подчас и наше неумение. Мы всегда интересуемся богатствами чужих стран, а свои оставляем без внимания. Пишут, говорят, что рациональное ведение виноделия, пчеловодства, горного дела и пр., безусловно, поднимут народное благоденствие, но да разрешено нам будет спросить наших народных друзей, имеют ли они понятие как ведутся как эти, так и другие отрасли сельского хозяйства в таком богатом крае, как Абхазия? Между тем, если бы кто захотел поближе познакомиться вообще с Абхазией, а, в частности, с Кодорским участком, то он воочию убедился бы, что здешние сорта вин, как, например, отарское (в имении князей Ивана и Александра Шервашидзевых) и джгердинское не уступят никакому заграничному вину. В этом участке немало крестьян, которые располагают 1,5-2 тысячами улей пчел и не только добывают прекрасный ароматный мед, но и воск, которые в огромнейших размерах, за бесценок, закупаются опять-таки разными эксплуататорами. Что с горным делом были знакомы абхазцы, мы уже говорили, но нас поразило еще то, что они оказались прекрасными знатоками минеральных красок. Нам были доставлены ценные образцы охры, которой они пользуются при окраске полов. Конечно, мы берем интеллигентных абхазцев, вроде князя Алексея Эмухвари и др., которые знают цену окрашенных полов. В селении Отара и во многих других местах в большом ходу белая глина, вполне заменяющая известку при возведении различных построек.

Восхищаемся мы заграничными минеральными водами, а также и отечественными, доступ к которым едва ли возможен для простого смертного. Между тем вся Абхазия (главным образом, Кодорский участок) богата разного рода целебными источниками. Дайте им благоустройство и не надо будет ехать ни в Ессентуки, ни в Кисловодск, ни в Пятигорск. Правда, римские богачи для своего богатого стола пользовались соловьиными языками и рыбами из Египта, но нам, беднякам, едва ли можно приобретать и ростовскую рыбу.

Просим прощения за маленькое отступление, но не можем не указать на то, что на Кавказе никому, кроме батумцев, неизвестно, какое изобилие красной рыбы недалеко от Кобулет, именно у устья реки Чолока, на посту св. Николая; ловится там больше всего осет-

рина и белуга, доходящая от 10 до 20 пудов в весе. С каждым пароходом отправляют из Батума больше 1.000 пудов в разные места. Недавно один рыболов выручил за свежую икру только двух крупных рыб 120 рублей. Знают ли об этом промысле? Существуют ли какие-либо правила для такого промысла? Получает ли казна какой-либо доход? Принимаются какие-либо меры, чтобы рыболовы своей алчностью не уничтожили бы этот промысел?

Возвратимся к Кодорскому участку. Недалеко от Очемчир находятся прекрасные серные теплые воды. Этими водами пользуются абхазцы с незапамятных времен, а между тем до сих пор не имеется там никаких благоустроенных ванн, никаких удобных помещений, никакой порядочной дороги от моря к этим источникам. Разбросанные минеральные источники по горам Кодорского участка существуют только для пастухов, для скота и находящихся там зверей. Недаром пастухи возвращаются с гор здоровыми и жизнерадостными.

Упомянув о пастухах, не можем не сказать и об отчаянных абхазских охотниках, которые на всем бегу бьют куниц, диких коз, баранов, кабанов, а о медведях нечего и говорить. Сколько дорогих мехов с куниц продавались за бесценок, опять-таки ведает Аллах. Что удивительно – это то, что до сих пор мы не имеем ни одного геологического описания относительно знаменитой Человской сталактитовой пещеры, находящейся недалеко от Очемчир. Правда, многие приезжали для исследования этого дивного творения природы, но, к сожалению, никто не решился проникнуть в самую глубь пещеры. Только один абхазский князь Хабуг Анчабадзе решился раз с несколькими товарищами пробраться туда. Вошли они в пещеру рано утром и шли, то стоя, то ползком, до 2-х часов дня, но, когда запас искусственного освещения истощился, то они вынуждены были вернуться назад. Говорят, что чудные и фантастические формы сталактитов приводят в восторг и в ужас. В одном месте комнаты со скамейками и столом, в другом зал с колоннами, в третьем изображение человеческих фигур и т.д. По преданию, распространенному в народе, в этой пещере якобы до сих пор томится рыжий наездник с своей лошадью, за враждебное его отношение ко всем виноградным насаждениям, которые он уничтожил сабельными ударами. За это Бог наказал его и назначил ему эту пещеру постоянным местом жительства. По уверению современных абхазцев, пещера эта имеет выход в Терскую область, и во время оно жители этой области сообщались по этой пещере с жителями Абхазии.

Может быть жители Хазарского царства имели сношение с знаменитой Диоскурией и многочисленными обитателями, разбросанными до самой реки Кодор. Недалеко от устья этой реки разбросана

масса старинных кирпичей, имеющих в диаметре более 10 и 12 вершков. Там же прекрасный старинный бассейн, который славится своей вкусной и прозрачной водой. Вообще, береговая полоса Кодорского участка изобилует превосходными родниками; лучшими из них считаются те, которые находятся близ берега моря, в имении наследников покойного Григория Шервашидзе.

Недаром ценил Кодорский участок бывший владетель Абхазии светлейший князь Михаил Шервашидзе, который имел собственный дворец в Очемчирах. Это местечко имело бы громадное значение, если бы, во-первых, были к нему проведены удобные дороги, а, во-вторых, имелась бы удобная гавань. Несмотря на все неблагоприятные условия, Очемчиры все-таки бойкий торговый путь. Ежегодно отсюда вывозится несколько миллионов пудов кукурузы и разного рода леса. Многие как-то недружелюбно отзываются об очемчирцах, но мы относимся к ним симпатично ради их теплого отношения к церковным и школьным делам. Благодаря пожертвованиям очемчирцев создана была здесь прекрасная школа, состоящая в ведении министерства народного просвещения. Школа имеет и собственное сельскохозяйственное отделение, где работает садовод, природный абхазец Николай Ладария – питомец сухумской горской школы, а потом специального сельскохозяйственного училища.

Надо сказать, что многие абхазцы, получившие образование, оказались прекрасными деятелями на ниве народного образования и нравственно-религиозного развития народа. Во главе этого религиозного развития стоит опять-таки природный абхазец, благочинный церквей Кодорского участка Дмитрий Маргани. Насколько он был неутомимым и полезным деятелем на учительском поприще, настолько он оказался деятельным на поприще служения церкви.

Дайте побольше школ абхазцам, только правильно организованных школ, и увидите, что абхазцы и молодое их поколение не заслуживают того порицания, которыми наделяют их некоторые философы, не зная их совсем.

Приходится повторять прежнее, именно то, что и в Кодорском участке надо усилить штат административных деятелей и земскую стражу. Разработка и правильная эксплуатация богатства Кодорского участка всегда покроют все нужные расходы и не будет тех расхищений, на которые мы всегда жалуемся. Могут ли администрация и духовенство стоять на высоте своего призвания, если им постоянно приходится вести борьбу с немой природой, а такая постоянная борьба происходит прежде всего от отсутствия дорог, мостов и т.д. Сколько времени отнимают у бедного селянина вызовы в суд, в участковое управление и в другие учреждения! Ведь жители живут на

15 и 20, даже 30 верст от этих учреждений; жители теряют в месяц несколько лучших рабочих дней. Шутка ли перейти горные бешеные речки или пройти по тем дорогам, где грязь по колено или по пояс. В хорошую погоду везде хорошо, но полюбуйтесь, или испытайте поездку во время ненастных дней по дебрям Абхазии. В этих заброшенных местах не дай Господи никому болеть. Ведь на весь многочисленный Сухумский округ всего два окружных врача! Что они могут сделать и сколько умирает народу без врачебной помощи?

Есть ли конокрадство в Кодорском участке? Конечно, есть, да и где нет этого ремесла, которое теперь живуче у абхазцев, безусловно, вследствие праздной жизни. Вся надежда – на молодое поколение, которое с жадностью бросается на образование; к отцам не будем так строго относиться, потому что мы их ничему не учили, и даже не могли оградить их от злоупотребления со стороны эксплуататоров.

Почему же, на самом деле, какой-либо абхазец за воровство дохлой лошади или дохлой коровы несет страшную ответственность, а эксплуататор, заведомо высасывающий последние соки у населения, сидит припеваючи?

Надо иметь в виду еще одно обстоятельство: когда нет воровства в Самурзакани, то воровство прекращается и в других участках. Самурзакань является передаточным пунктом. Туда идут конокрады из Мингрелии, чтобы сбыть уворованное в Абхазию, или же из Абхазии, чтобы найти сбыт в Мингрелии. Все зависит от энергии и распорядительности начальника Самурзаканского участка.

Береговые полосы как Кодорского, так и Гумистинского и Гудаутского участков производят прекрасное впечатление, но административным и судебным властям, ученым и законникам, педагогам и мудрецам советуем больше всего удаляться дальше и дальше, и ближе знакомиться с той частью населения, которая живет в дебрях и трущобах. Тут можно не только знакомиться с интересными во всех отношениях национальностями, но с дивной природой, с величественными пейзажами и богатейшими естественными произведениями. И геологам, и археологам, и минерологам, и всем найдется немало работы в этом поистине волшебном крае.

К.Мачавариани

Газ. «Черноморский вестник».
1900, №№31, 34

Нам пишут
(Из Очемчир, Сухумск. округа)

«Население Кодорского участка прибегло к оригинальному средству против конокрадства и похищения скота. Все одиннадцать общин участка, по почину князя Х.Анчабадзе, единогласно решили на общем сходе в сел. Моква привести к присяге всех своих членов мужского пола свыше 16 лет, к присяге перед высокочтимою населением иконою св. Георгия в том, что каждый присягающий впредь не будет ни воровать сам лично, ни принимать к себе беглецов и порочных лиц, ни укрывать воров и не быть поручителями порочных лиц. Привод к присяге населения поручен был князьям. Т. Маршания и З. Дзяшп-ипа; им же поручено следить за исполнением данной присяги и вообще за ворами.

Благодаря такой присяге уже целый месяц воровства не было, а на днях в сел. Цхенис-цкали явился бежавший из Сибири Г., но его родные тотчас выдали полиции. Из квитоульской общины также был отправлен вор с лошадью».

«На ткварчельских каменноугольных копиях идут деятельные предварительные работы; на днях сюда ожидают приезда министра земледелия и госуд. имуществ».

«От частых дождей урожай кукурузы в нагорных частях участка ниже среднего, в низменных же – средний. Виноград не дозревает. В этом году орехов совсем нет».

«Здесь сильно распространена дизентерия, уносящая в могилу массу детей».

Газ. «Новое обозрение».
1900, №5465

Из Очемчир

«На днях в сел. Адзюбжа было сделано нападение на дом вдовы Ханифы с целью похитить дочь ее Марту. На крики вдовы собрались соседи и, один из них, Т. Сабекия, отбил девицу от похитителей, за что поплатился серьезною раною выстрелом из револьвера. Факт этот – обычное у нас явление и находит оправдание в адатах. За неделю перед тем житель сел. Атара, Кадыр Хрохмал[89], довел до сведения сельского схода, что девица Марта дала ему слово выйти за него замуж, и что она отказывается от своего слова, при этом просил сход помочь ему. Общество, точнее главари, посоветовали

Хрохмалу похитить оскорбившую его честь девицу. По адату, всякая абхазка или абхазец, дав слово выйти замуж или жениться, не смеет отказываться от данного слова: отказ равносилен кровной обиде и наказывается смертью. Можно с уверенностью сказать, что 3/5 всех преступлений Абхазии происходит благодаря этому адату, почему и сложилась абхазская поговорка, что все от зла женщины происходит!

И Хрохмал, по понятиям абхазцев, вполне прав в своих действиях».

Газ. «Новое обозрение».
1900, № 5501.

[0 промыслах в Абхазии]

В последнее время в европейской России особенное внимание обращено на подъем и развитие кустарных промыслов, являющихся существенным подспорьем в каждом сельском хозяйстве. Бедность абхазского населения, занимающегося почти исключительно обработкой кукурузы да малоценного сорта винограда (изабеллы), заставляет обратить внимание на распространение среди абхазцев разных кустарных промыслов.

К сожалению, абхазцы считают занятие каким-нибудь ремеслом за стыд. Это без сомнения явится серьезным препятствием к распространению среди них кустарных промыслов. Но положение все-таки таково, что представляет выход. Все же среди абхазцев существуют некоторые из кустарных промыслов, хотя они мало распространены и производятся самым примитивным образом. Наиболее распространенным в Абхазии промыслом является шерстяное производство, которым занимаются почти исключительно женщины. Они изготовляют грубое сукно из местной или привозной шерсти. Станков для тканья нет: основу наматывают на колышках, установленных в полу или в земле перпендикулярно, при помощи разных приспособлений. Местное сукно служит преимущественно для домашнего употребления. Оно по качеству значительно уступает привозным из других мест шерстяным материям, отчего его продается очень мало и притом по очень дешевой цене, от 10 до 15 коп. за аршин. Кроме сукна из местной шерсти приготавливаются еще и бурки и потники. Абхазские бурки значительно уступают по качеству владикавказским и поэтому вытесняются ими. Причина этого опять-таки несовершенство орудий, служащих для приготовления. Для бурок и пот-

ников существует снаряд, называемый чачаби, который делается из рисовых стеблей и бывает шириною до 2 и длиною до 4 аршин. Для изготовления одной бурки требуется шерсть с 3 – 6 овец, так что материал обходится 1,5 – 2 рубля, а продаются бурки за 2 – 5 руб., очевидно, прибыль не велика; если считать время и труд. Кроме шерстяного производства в Абхазии существует еще хлопчатобумажное; обработкою хлопчатника занимаются как мужчины, так и женщины, но, к сожалению, он разводится в ограниченном количестве. Опять-таки примитивный способ выделывания тканей является причиною того, что абхазские бумажные материи не выдерживают конкуренции с привозными ни по качеству, ни по цене.

Итак, мы видим, что некоторые кустарные промыслы в Абхазии существуют, хотя и в зачаточном состоянии. Это дает возможность научить их употреблению более совершенных инструментов и орудий, что, разумеется, повлияет на качество полученных изделий, а это, в свою очередь, увеличит их ценности, увеличит заработок кустарей. Раз доходность кустарных промыслов будет очевидна, то абхазцы откажутся от своего предрассудка относительно ремесел и промыслов. Распространение же между ними новых отраслей кустарного производства и притом при помощи улучшенных инструментов будет содействовать подъему экономического благосостояния абхазцев.

Газ. «Черноморский вестник».
1900, №63

Зубр на Кавказе

Заимствуем из помещенной в «Кавказе» статьи «Кавказский зубр» несколько любопытных данных относительно этого редкого, вымирающего уже животного.

Первые известия о нахождении зубра на Кавказе принадлежат академикам Ловичу и Гюльденштедту, хотя были и еще ранее сведения у Ламберти, но весьма неопределенные. Затем, с течением времени, трудами Васильева, Динника, Россикова и, наконец, трудами К.А.Сатунина более или менее выяснилось распространение зубра на Кавказе. Однако, несмотря на то, что зубр привлекал к себе многих исследователей, указать точную современную область его распространения на Кавказе совершенно невозможно. Происходит это оттого, что маленькие стада зубров, от 5 до 12 голов, постоянно тревожатся человеком то с той, то с другой стороны. Этого они со-

вершенно не выносят и потому, если начинают близ занимаемого им района рубить лес, они сейчас же покидают его и переселяются в другое, более спокойное место. В настоящее время область, в которой встречается зубр, по словам г.Сатунина, занимает непроходимые ущелья западной части Главного Кавказского хребта, в истоках рек: Белой, Большой и Малой Лабы, Зеленчука, Уруштена, Мзымта и Бзыба. В Абхазии область его распространения, вернее кочевок, близко подходит к морю.

Сколько именно зубров осталось на Кавказе, – сказать очень трудно. Но, судя по показаниям туземных охотников, нужно думать, что больше, чем в Беловежской пуще, где в 1892 году насчитывалось около 500 зубров. Зубр, как и большинство диких быков, животное стадное, но на Кавказе, вследствие особых условий местности, это проявляется слабо, и он бродит обыкновенно небольшими группами от 5, 6, реже до 15 голов, тогда как в Беловежской пуще не редкость стада в 40 голов. По рассказам горцев, в старину, однако и здесь встречались стада до 50 голов. Летом зубры днем обыкновенно пасутся по роскошным субальпийским лугам или верхним окраинам леса, а ночью спускаются ниже и бродят по лесу и лесным лужайкам.

Зимою же ледяные ветры и глубокие снега заставляют их спуститься на самый низ долины, где девственные хвойные леса дают им хорошее убежище.

О размножении кавказского зубра имеется очень мало сведений и притом только из показаний горцев, источника мало надежного.

Благодаря чрезвычайной осторожности и чуткости зубра, а также и неприступности занимаемого им района, охота на него производится редко и малодобычлива. В настоящее время охота на зубра воспрещена безусловно.

В прежнее время охотники-горцы обыкновенно убивали зубров из засады, подкарауливая их на солончаках. Несколько легче преследовать их зимою, когда они ослабевают от бескормицы и вязнут в глубоком снегу, но и зимою горцам удавалось убить немного зубров. Так, например, г.Динник приводит такой факт: тринадцать человек горцев зимовали в Заагдане, следовательно, в самом зубровом месте, и убили за всю зиму только одного зубра. Чтобы познакомить читателей с трудностями этой охоты, г. Сатунин рассказывает об охотах англичанина Литльделя и одного из участников кубанской охоты Великого князя Сергея Михайловича.

Литльдель узнал о существовании зубров на Кавказе в бытность свою здесь в 1887 году, но охотиться на зубров было уже поздно, так как в горах выпал снег. В следующий же 1888 год он вместе со

своею женою, постоянною его спутницею во всех путешествиях, прибыл в Кубанскую область. Три месяца он провел в своем лагере в горах близ р. Киши, отыскивая зубров. С рассветом уходил он из лагеря со своими проводниками-черкесами, отыскивая следы зубров и старался подойти к ним на выстрел. Несколько раз он был, повидимому, почти у цели и однажды не далее 60 ярдов от себя видел пошевелившиеся молодые ели на том месте, где скрывались зубры, но не был в состоянии разглядеть их. Несмотря на то, что проводники его бесшумно крались босиком, а он был в башмаках на резиновой подошве, зубры успевали заметить врага и обратиться в бегство, прежде чем он мог их увидеть. Он слышал только шум и треск от убегающих животных, ломающих на своем пути сучья и молодые деревья, шум, похожий, по его словам, на грохот проезжающего омнибуса. За эти три месяца он сделал не менее 24 безуспешных попыток подойти к зубрам, пока, наконец, надвигающаяся зима не заставила его удалиться из гор, так и не видавший зубра. Летом 1891 года настойчивый охотник снова вместе с женою явился в Кубанскую область, запасся разрешением убить зубра и с большими хлопотами убедил сопровождать себя известного охотника за зубрами Лабазана. Этот Лабазан, наполовину русский, наполовину черкес, убил в продолжении своей жизни 18 зубров.

В одно прекрасное августовское утро Литльдель со своим проводником, наконец, напали у одного минерального источника на свежие вечерние следы, по которым и отправились с соблюдением чрезвычайной предосторожности. Следы вели наверх, где, очевидно, зубр долго расхаживал; там же нашли его логово. С удвоенною осторожностью пошли охотники дальше. Через несколько часов из чащи выскочил зубр и бросился вниз. Затем Литльдель увидел в 100 ярдах бурую массу, взбирающуюся по противоположному склону. Он выстрелил из своего штуцер-экспресса в бок и зад, и бросился за ним под гору. Здесь охотник увидел, что раненый зубр тоже спускается книзу, и выстрелил в него еще три раза в 40 ярдах. Увидев врага, зубр замотал опущенною головою. Литльдель не желал портить черепа, выждал, пока зверь обернулся к нему боком и пустил ему последнюю пулю под лопатку. Зубр пробежал еще 20 ярдов и упал на спину в воду. Выспавшись предварительно, охотники принялись потрошить зубра, которого Литльдель перед этим измерил. Охотники были очень голодны и зажарили немного мяса на вертеле. На вид оно казалось вкусным, но оказалось настолько жестким, что ни Литльдель, ни его проводник не могли съесть ни кусочка. На следующий день, рано утром, охотники подложили под зубра несколько срубленных и связанных молодых деревьев и, привязав к рогам

веревки, вытащили его из ручья. Затем содрали кожу и наскоро обчистили кости для скелета. Из этого составился тяжелый груз для трех лошадей. Три следующие дня были посвящены приготовлению шкуры и скелета. Таким образом, удалось Литльделю приобрести быка, и после этого и корову. Теперь их чучела и скелеты составляют одно из украшений британского музея. Немного времени спустя Литльдель встретил громадного быка, больше того, которого он убил, но истинный спортсмен не желал, чтобы его причислили к истребителям редких животных и, полюбовавшись на него, снял шляпу и раскланялся ему...

Осенью 1895 года кубанскою охотою Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича близ реки Киши, т.е. там же, где и Литльделем, было убито два зубра: бык и корова, причем бык был убит самим Великим Князем, а корова В.П.Шильдером. От обоих убитых зубров были препарированы шкуры и скелеты и препровождены в зоологический музей императорской академии наук. Затем, 2-го сентября 1895 года, охота Великого Князя Сергея Михайловича находилась близ р. Киши. В этот день В.П. Шильдер отправился с казаком Чепуновым на небольшой лесистый хребет близ этой реки и, проходив около трех часов, встретил стадо зубров в числе около семи голов или больше. Охотники видели: быка, четырех коров и двух телков. Среди густой лесной поросли и травы, до половины закрывавшей зубров, стрелять было очень трудно. После долгих, томительных, лишь страстному охотнику понятных волнений г.Шильдер выбрал, наконец, одного зубра и выстрелил; за ним выстрелил и казак. Лес затрещал в разных направлениях от убегающих врассыпную зубров. Все они поскакали вниз. Вверху в чаще замешкался было только один телок, но и тот не допустил к себе охотников и благополучно скрылся. Охотники пошли по кровавому следу, оставленному зубром и приблизительно в 300 шагах от того места, где он был стрелян, увидели его стоящим; но зубр не дал времени охотникам опомниться и снова стремительно бросился вниз. Обнадеженные тем, что остановка зубра на таком близком расстоянии от того места, где он был ранен, указывает, несомненно, на смертельную рану, охотники, как бешенные, понеслись за ним. Зубр часто останавливался, но близко к себе не допускал. Наконец, охотникам удалось сделать несколько выстрелов и свалить зубра.

В противоположность сообщению Литльделя, Шильдер говорит, что хотя зубр был и старый, но люди, поджарив его мясо, нашли его совсем хорошим, вкусным и не имеющим дурного запаха; им также нравилось, что жир не стынет так скоро, как бараний. Жир зубра

желт, как воск. На другой день удача выпала и на долю Августейшего Хозяина охоты и его Императорскому Высочеству удалось убить зубра-быка.

Газ. «Кубанские областные ведомости».
1900, №45

Из обычаев абхазцев

Среди абхазцев до сих пор еще чрезвычайно распространена отдача детей в чужую семью на воспитание.

Обычай этот существует преимущественно у князей и дворян, а из простых крестьян у тех, кто имеет большие средства; так как отдача детей на воспитание, равно как и усыновление их сопряжено с большими расходами. Обычай требует, чтобы как лицо отдающее ребенка на воспитание, так и вскормивший его воспитатель обменялись ценными подарками. Обычай отдавать детей на воспитание вызывается вовсе не какими-нибудь корыстными или вообще мелко-практического свойства соображениями, а возник еще в давние времена, вследствие желания установить более тесную связь между различными фамилиями. Желание это, в особенности имело свой положительный момент в эпоху до покорения нами Абхазии, когда страна была раздираема постоянными междоусобиями и кровная вражда была в полном разгаре. К обычаю усыновления часто прибегали, чтобы покончить мирным путем кровную вражду, существовавшую между семействами. В последнем случае, обидчик отдавал своего сына к обиженному на воспитание, и когда тот возвращал ему последнего с подарками – вражда считалась покончeнной. Иногда лицо, которое желало заручиться чьим-либо содействием в очень важном для него деле, если оно не рассчитывало на простое обещание этого последнего и хотело получить от него более надежную гарантию, то вступало с ним в молочное родство; для этого оно прикладывалось губами к сосцам его жены или матери, после чего оно считалось ими усыновленным, и его новые молочные родственники были обязаны заботится о нем, как о родном сыне или брате. Вообще, лицо, взявшее ребенка на воспитание, относится к нему, как к собственному сыну, окружая его не меньшей заботливостью, чем родной отец или мать.

Кстати, о родственных отношениях среди абхазцев. Один из почтенных жителей побережья, коренной абхазец, по поводу осуждения сильно чтимого в Абхазии «молочного родства» нам пишет:

«Нисколько не отрицая известной степени вреда нашего, так называемого молочного родства, я должен сказать, что молочное родство имеет свое историческое происхождение и основано на желании установить тесную связь между различными фамилиями, так как во времена этого происхождения страна была объята междоусобиями и кровной враждой. К обычаю усыновления прибегали с целью покончить мирно вражду; обидчик давал обиженному своего сына на воспитание и когда мальчик, достигнув юношеского возраста, возвращался к настоящему отцу, вражда считалась покончённой».

Газ. «Черноморский вестник».
1900, № 166.

Кавказский берег

В Абхазии с незапамятных времен существует много местных обрядов, из которых видное место занимают – поминки. Раньше этот обряд имел для массы громадное значение: он действовал на народ даже в некоторой степени развивающимся образом, потому что на поминках устраивались скачки, джигитовка и стрельба в цель, в которых принимали живое участие молодые люди; они же, сталкиваясь поневоле со старшими, должны были оказывать им почтение и, таким образом, научались приличию и уважению к старшим.

Но, с другой стороны, подобные обряды имели дурные последствия, особенно в экономическом отношении. Абхазец, совершая поминки, должен был перерезать немало голов скота, израсходовать громадное количество вина и других продуктов, которых зачастую у него не бывает, приходится покупать их или занимать у другого.

После таких расходов чем же кормить свое семейство? Вся торговля сельскохозяйственными продуктами, кроме кукурузы, почему-то считается постыдною, а рациональной обработки земли в Абхазии пока не существует. Поневоле приходится приобретать дурные наклонности, обращаться к грабежу и воровству. Таким образом, поминки и разного рода другие обряды, продолжающие свое существование и до сих пор, не приносят ничего, кроме вреда.

Молодежь абхазская может научиться всему хорошему только в русской школе, на которую, особенно за последнее время, обращено внимание правительства. Нет сомнения, что школа свое сделает; но было бы желательно, чтобы приняло участие в искоренении упомя-

нутого зла в народе духовенство, которое стоит лицом к лицу с народом и может принести ему громадную пользу в этом отношении.

Газ. «Черноморский вестник».
1900, №194

Жертвоприношения св. Георгию в Абхазии

Как известно, св.Георгий особенно уважаем среди многих кавказских народов, даже среди мусульман. В честь этого святого во многих местностях Кавказа совершаются особые жертвоприношения. Так, например, имеющаяся у каждого абхазца в стаде лучшая корова, у которой кончик правого уха отрезан, назначена для жертвоприношения св. Георгию. Из числа кувшинов, зарытых в сарае абхазского хозяина, самый большой предназначен также в честь этого святого. Кувшин этот ежегодно при сборе винограда наполняется чистым красным виноградным соком, и над ним совершают жертвоприношение.

Если посвященная корова отелится бычком, то бычок после откормления идет на жертву; если же телушкой, то вместо ее откармливает для жертвоприношения барашка. В том и другом случае обряд жертвоприношения совершается следующим образом: назначенное на жертву животное приводят к крыльцу дома, куда выходят все члены семейства и становятся на колени лицом к востоку, сложив руки на груди, благоговейно соблюдая глубокое молчание; мужчины снимают шапки.

Старший в семействе, взяв жертву за уши, произносит следующую молитву: «Святой великий Георгий, приношу тебе определенную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своим покровительством, дай нам здоровья и долголетия, удали от нас всякие недуги в настоящее и будущее время; сохрани нас от злых духов и от дурных глаз; не оставь также своим покровительством отсутствующих наших родных и друзей и всех тех, которых мы любим!» Все члены семейства отвечают «амин», встают, и, поворотившись направо, кланяются к востоку, не делая однако же крестного знамени, хотя бы они были крещенные. После того, зарезав жертву, варят мясо; кроме того, пекут пирог из пшеничной муки, начиненный сыром, и делают небольшую восковую свечу. Потом читавший молитву мужчина отправляется в сарай и открывает посвященный кувшин.

Когда мясо жертвы сварилось и пирог испечен, несут их в сарай, ставят около заветного кувшина и приносят свечу, ладон и горящих углей. Все семейство становится на колени, лицом к востоку, так, чтобы кувшин находился перед ними. Старший в семье, зажегши свечу, прилепляет ее к горлу кувшина, кладет намного ладону на уголья и, когда он задымится, повторяет ту же молитву, которую читал перед закланием жертвы. Члены семейства отвечают: аминь.

По окончании молитвы распорядитель обряда отрезывает от сердца, печенки и пирога по кусочку и, обмочив в вине, сжигает их на углях, потом отрезывает от тех же частей столько кусков, сколько членов семейства присутствует при этом обряде и дает каждому съесть их и запить вином из кувшина. По исполнении этого все встают и кланяются на восток. После этого выходят из сарая, выносят мясо жертвы и пирог, садятся за стол и пируют с полным упованием на покровительство святого, приглашая на пир своих соседей, если у них не было в этот день подобного жертвоприношения.

Обряд этот исполняется всеми природными абхазцами, без различия вероисповедания.

Вновь переселившиеся в Абхазию, из других племен, не исполняют этого обряда жертвоприношения до первого случая. Случаи эти бывают следующие: если кто присягал ложно пред святым Победоносцем, то при первой болезни он сознается в своем преступлении и родственники больного приглашают тех, кому больной своей ложной присягой сделал зло и удовлетворяют их вполне. Вместе с ними приглашают церковного старосту, приводившего к присяге больного, и приводят к крыльцу дома тучную корову; больного же выносят на крыльцо и сажают на скамью. Церковный староста, предварительно спросив: доволен ли абхазец удовлетворением и прощает ли он больному его проступок? И получив удовлетворительный ответ, берется за веревку, которая надета на шею коровы, и произносит следующую молитву: «Святой Георгий, прости этому больному его проступок, который он сделал неумышленно, по своей наивности, и даруй ему здоровье; впредь он и его семейство будут приносить тебе ежегодно определенную жертву». За сим корову обводят кругом больного и, отрезав кончик правого уха, привязывают к правой его руке; больной носит этот кусочек уха до совершенного выздоровления. Корову же пускают в стадо, а семейство это ежегодно совершает жертвоприношение наравне с природными абхазцами. Сверх того, при возвращении абхазцев с какого-нибудь похода с победою, один из стариков, сняв шапку, произносит следующую молитву: «Ерги, о Георгий, путеводитель воинов, покровитель мужества и храбрости! Благодарим тебя за дарованную тобою нам

победу над неприятелем, просим и на будущее время не оставить нас своим покровительством». Присутствующие отвечают: амин. Если партия возвратилась с добычею, то при разделе оной дается лишняя часть читавшему молитву.

Газ. «Кавказ».
1900, №313

ПРИЛОЖЕНИЕ

Абхазское древнее святое место Дидрюпш

6 августа 1886 г. Все вместе, с Кара-Мурзой, его семейством, помощником и братом переводчиком, всадниками и местным владетелем, князем Мурзаканом Ачба – числом 23 человека, выезжаем из Гудаут в 4 часа, с целью посмотреть Абхазское древнее святое место Дидрюпш, на горе того же имени. Сопутствует нам князь Мурзакан потому, что живет почти под самым Дидрюпшом и просит нас заехать и переночевать у него. Князь, еще молодой человек, известный джигит и наездник, хорошо говорит по-русски, подвергался опале и изгнанию за свои похождения, но бежал оттуда и, явившись к начальнику, принес повинную и обещал исправиться, если ему дозволено будет поселиться на прежнем месте. Дозволение ему дано, и он стал ныне мирным и трудящимся поселянином.

Едем по берегу моря до самой р. Апсты или Бакланки. Переезжаем ее несколько раз к большому ужасу сопровождающих нас дам; но река теперь далеко не так полноводна, как при первом нашем переезде, когда мы стояли над ней в раздумье и не знали как предпринять переезд. Едем левым берегом Бакланки, мимо русского поселка, их полей и огородов. Минуем деревню Ацы и, забирая все к северу въезжаем в горы. Ущелье Апсты делается все глубже. Река бежит по каменистому грунту, огибая горы и делясь на многие рукава. Тут, в этом ущелье, в Ачандарской общине, в местности, называемой Магчарюша, на довольно широкой поляне правого берега Апсты, окруженной с трех сторон высокими лесистыми горами, расположено маленькое именьице князя и дом его, построенный по-абхазски, из каштановых досок. Весь дом состоит из трех комнат, с маленьким крыльцом – балконом. В нескольких шагах плетеный сарай-кухня, в котором разложен костер, и слышится дружная возня, предвещающая нам под вечер целый пир.

Долго сидим на речке, пробуем наловить форелей; любуемся рекой, ее волнами, потухающей зарей на откосах гор, прелестной, отвесной, пятнистой скалой на противоположной стороне реки, скалы, обозначающей начало глубокого ущелья Хабюа (медное ущелье), в котором находит начало наша Апста. Старались узнать, не находили ли древних руд в ущелье, и почему именно ему дано это название, но никто не сумел сказать об этом ничего положительного. За нами, то есть за усадьбой князя, высокие горы Хырцха и Дидрюпш.

Луна взошла и осветила окрестность. Посреди двора разложили костер, вокруг которого расположились успевшие собраться к князю односельчане, между которыми оказалось несколько лиц из высшего сословия. Слепец, брат князя, пропел несколько героических поэм под звук местного, трехструнного инструмента; ему вторили все присутствующие.

Тихо, жалобно пел несчастный певец, почти неслышно ударяя по струнам; но вот все встрепенулись, поднялись, голос певца раздался и сильнее и бодрее – раздалась песня о прежних боях, о прежней славе, прежних набегах. Ударили в ладоши, вышло трое удальцов и протанцевали лезгинку. Пример оказался заразительным: танцевали все – и сопровождавшие нас всадники, и гости, вся молодежь, старики. Танцевали многие с шашкой в руке, и чем-то дерзким, разбойничьим отзывался танец этих вооруженных, чернобровых, чернооких жителей гор.

Князь угостил нас совершенно по-княжески: подан нам местный ужин, состоящий из варенной и жареной баранины, сыру, жареных цыплят с соусом из орехов на уксусе, кислого молока с медом, с придачей неизбежного гоми и местного вина. Нас посадили за почетный стол; вокруг же комнаты, на скамьях, расположилась часть остальных гостей; младшие же братья угощались на дворе у костра. Пилось и провозглашалось множество тостов за старых и малых, за гостей и хозяев, за близких их роду и пр. Тулумбачем был князь Канчоба, выражавшийся весьма цветисто и красноречиво.

Пожали руку княгине, не присутствующей на пиру; занялись маленькими дочерьми ее и обещали на другой день, в Гудауте, окрестить старшую девочку, 9 лет.

Всем было так хорошо, что только с трудом разошлись после 12 часов ночи, но молодежь еще долго продолжала разговаривать и хохотать; на дворе у костра также продолжались разговоры и песни, так что заснули все весьма поздно, в пять часов все снова были на ногах. Туалет и чай окончился весьма скоро; привели коней и в 6 часов пустились в путь.

7-го августа. Собрались, уселись и спрашиваем: «куда же ехать?» Нас, так близко, и со всех сторон, окружали горы, что не предвиделось возможности из-за этой стены куда-либо выбраться. Заехали однако ж за дом, пробрались полянкой, переехали через речку и сейчас забрали влево, на гору. Поднимаясь крутым поворотом, невольно, то и дело, оборачиваемся, любуясь прелестной картиной восходящего солнца, прозрачностью воздуха, разновидными этажами гор и над всем этим конусообразною горою Гумишхою. Пробираясь все ближе к месту назначения, останавливаемся в удивлении на берегу речки Джибарта: пред нами стоят три чинара таких размеров, которых трудно видеть даже во сне; старейший из них, уже дуплистый, но совершенно свежий на вид, толщиной в пять обхватов.

Но вот и первая площадка, окруженная деревьями, которая предвещает нам, что мы вблизи от священного дерева – грапа, уважаемого местным населением, и под которым до сих пор русские власти приводят к присяге абхазцев. На площадке медный котел, в котором варится мамалыга в день ежегодного торжества, собирающегося здесь по назначению общества. Здесь молятся неведомому богу.., достоинство и свойство которого никто не сумел более определить. Никто также, не мог ответить на вопрос – остался ли обычай этот от языческих времен, или следует в нем видеть признак древнейшего христианского богослужения.

Спешившись здесь, идем до грапа: поселяне-абхазцы, местные проводники, и даже проводник мингрелец, крестятся, подходя к дереву. При нас находится и старший представитель из семьи Чичба, которому доверен присмотр Дидрюпшем и приведение к присяге у грапа, за что он имеет право взимать по 50 коп. с человека. Присяга производится только по средам и пятницам; производится она мгновенно: присягающий подходит к дереву, кидает в имеющийся при нем металлический сосуд кусочек сухой палочки и произносит слово присяги, после чего стремительно отворачивается, отходит от дерева и уходит в чащу леса до следующего утра, так как после присяги он не должен встречаться не только с человеком, но даже и с животным. К присяге приходят в случае ссор, воровства, подозрения в убийстве и пр.

На сучках описываемого грапа висит древний железный шишак с золотой насечкой, секира с короткой ручкой, золотой насечкой и такою же арабской надписью и железный перегнутый, довольно толстый, прут; у подножия дерева стоят старый оружейный ствол и несколько железных восточных чашек. Грап расположен у подножия Дидрюпш. Выше – старый граповый лес, растущий по известковому наслоению; путь тяжел, почти что недоступен. Выше грапа

никто из абхазцев не решается подниматься, и когда мы заявили желание идти далее, то проводники оставили нас с недовольными лицами... Остался при нас только, один мингрелец, который, как не местный человек, не побоялся взять на себя греха восхождения. Следует, впрочем, прибавить, что относился к абхазскому поверью о святости места с полным благоговением; рассказывал, что не раз видели, как молниеносный ангел пролетал из Дидрюшна в Лдзаа и обратно, что место это, разумеется свято, но что он не думает, что было грешно посещать его с чистою совестью и с чистою верою. «Правда, – дополнял он, – я знаю турка, умершего после Дидрюпша, но это было наказание, посланное ему за неверие; он шел туда с насмешкой, с полной уверенностью, что все ему возможно, все дозволено, – и был за это наказан».

Графиня Уварова[90]*. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. М. 1891, ч. II, с. 154-160.*

Памятная записка о колонизации в Сухумском округе, составленная начальником округа полковником Браккером. – 1894 г.

Первые поселения до войны 1877 г. Заселение Сухумского округа пришлым элементом началось в 1866 году, когда, по распоряжению бывшего Наместника Кавказского прибывшие из Турции греки, в числе 76 семейств, образовали селения: Александровское, Георгиевское и Ольгинское, а в 1867 году 17 семейств селение Марьинское; кроме того, 54 семейства болгар, прибывших в 1867 г. из Бессарабии, образовали два селения: Анастасьевское и Николаевское. Названные переселенцы размещены были на землях, оставшихся свободными по выселении в 1865 и 1866 годах абхазцев в Турцию. Земельный надел названным поселенцам был определен в 30 десятин на дым с денежной ссудой от правительства по 50 руб.

На основании журнала Кавказского Комитета Высочайше одобренного 12 апреля 1872 г., вышеупомянутым пяти селениям были отведены и обмежеваны наделы: 1) Георгиевскому – 1.056 десятин, 649 кв. сажень на 32 семейства, 2) Ольгинскому – 1.966 дес. 312 кв. саж. на 69 семейств, 3) Александровскому – 1.295 дес. 1.700 кв. сажен на 40 сем., 4) Анастасьевскому – 1.014 дес. 2.000 кв. саж. на 30 сем. и 5) Николаевскому – 968 дес. 375 кв. саж. на 30 сем., всего же 6.301 дес. 236 кв. саж. на 201 сем. Первые три греческие селения

расположены были в Цебельде, а последние два с болгарским населением на правом берегу р. Кодора. Земельный надел сел. Марьинскому, указанный в северной части Псху, находящейся, в 75 верстах к северо-западу от Сухума, – обмежеван не был. Для образования первых поселений в Сухумском отделе, ныне округ, были вызваны греки и болгары, а не русские люди, в том предположении, что эти переселенцы, как южане, должны были легче выдержать вредное влияние местного климата, так как в то время Сухумский отдел почти сплошь был покрыт лесами и зарослями, а по берегу моря болотами, которые и были главным источником смертоносных малярийных болезней, в особенности около гор. Сухума и его окрестностей; при этом имелось также в виду, чтобы, образовавшие сначала греческие и болгарские поселения, предохранить первых русских колонистов от неудач весьма возможных в совершенно опустевшей, безлюдной местности, среди чуждых условий жизни, что в свою очередь могло запугать их и заставить отказаться от поселения в отделе других переселенцев из России. Однако и эти первые опыты колонизации не были удачны, как видно из ниже следующего: в 1872 году, т.е. через 5-6 лет после образования первых поселений, генерал-майор Кравченко, вступивший в управление Сухумским отделом на место генерал-лейтенанта Геймана, нашел их в следующем состоянии: в трех греческих селениях в Цебельде было – в Георгиевском 18 семейств, вместо положенных по количеству земли 32, в Ольгинском 20 семейств, вместо 69, и в Александровском 34 семейства, вместо 40. Что касается болгарских селений Анастасьевского и Николаевского, то хотя они и были в полном составе, но едва перебивались из-за куска хлеба и не подавали никаких надежд на уплату своего долга в казну за скот и денежную ссуду. Генерал Кравченко объяснял неуспех болгарских поселян тем, что последние привыкли на родине парою быков поднимать несколько десятин степной целины, с которой получали достаточный урожай, тогда как здесь пахать плугом почти не приходилось, так как папоротник, колючки и всевозможные заросли вызывали необходимость кровопотливого и дорого стоящего ручного труда с туземною мотыгою и резаками, почему обработка нескольких десятин стала не под силу одному семейству. Почти в таком же неудовлетворительном экономическом состоянии оказались и греки цебельдинских селений, которые, проживая до переселения сюда в предместьях городов Малой Азии, приобрели навык к ремесленному труду, а не к земледельческому. Не в лучшем положении были и греки, проживавшие в селении Марьинском на Псху, вследствие отдаленности от административного и торгового центра – гор. Сухума и отсутствия удовлет-

ворительного пути сообщения. Хотя правительством и была устроена колесная дорога для сообщения Кавказского линейного №4 батальона, квартировавшего в укреплении Псху (ныне упраздненном) по соседству с сел. Марьинским, но затем в 1874 году, с переводом штаба этого батальона в Сухум, дорога была оставлена без ремонта и вследствие обвалов обратилась в крайне плохую и неудобную вьючную тропу, а в некоторых местах совершенно исчезла.

Отвод «сельскохозяйственных участков» частным лицам. Ввиду неудачных результатов первоначальной колонизации края, генерал Кравченко признал необходимым выработать особые «правила пользования землею лиц, водворенных при греческих и болгарских поселениях в Цебельде, а также и в поселениях, имеющих образоваться в других местах Абхазии и Самурзакани». Правила эти, одобренные главнокомандовавшим Кавказскою армиею, имели целью привлечь к поселению среди греков и болгар развитых русских людей, которые, имея возможность сделать нужные затраты на обработку своих земельных наделов, служили бы образцом в сельском хозяйстве для поселян и вместе с тем были бы распространителями русской речи и русской гражданственности в крае. Желающих быть зачисленными в поселяне, согласно вышеупомянутых правил, явилось 53 лица, большею частью чиновники, которые и вошли в состав поселян селений Александровского (11 лиц) и Ольгинского (42 лица), с отводом им по одному участку в размере от 11 до 25 дес., а всего 385 дес. Лицо, получившее участок, обязывалось в течение первых двух лет возвести постройку и завести какое-либо хозяйство, в последующие затем три года очистить не менее одной трети участка. За владельцами, выполнившими условия, участки подлежали укреплению в вечное и потомственное владение, а от лиц, не выполнивших таковых, должны были отобраны обратно в казну.

Земли, Высочайше пожалованные частным лицам. С тою же целью, с какой был установлен отвод в цебельдинских селениях интеллигентным лицам сельскохозяйственных участков, от 11 до 25 дес. каждый, за время с 1872 по 1887 год Высочайше пожаловано было разным лицам не туземного происхождения, преимущественно служащим, в полную собственность из свободных земель Цебельды, Дальского ущелья и других местностей 27.640 десятин участками от 100 до 2.500 десят., причем одному лицу (полковнику кн. Витгенштейну) надел этот был дан исключительный, а именно 6.947 десят. 1.835 кв. саж.) в настоящее время имение это перешло к графу Бобринскому).

Оставление края колонистами во время войны 1877 г. После высадки турок на берега отдела во время войны 1877 г. все пришлое население, оставило Сухумский отдел, и уже после войны почти никто из тех немногих владельцев, которые жили в своих сельскохозяйственных участках, не возвращался обратно и не возобновлял разрушенных во время войны построек и хозяйств. Большинство же владельцев как сельскохозяйственных участков, так и Высочайше пожалованных земель, вовсе не заводило никакого хозяйства с самоотвода земель.

Возвращение колонистов и образование новых селений. По окончании войны греческие поселяне возвратились обратно и были поселены на прежние места жительства, кроме Марьинцев, которых призвано было невозможным в малочисленности оставлять в такой удаленной и почти изолированной местности, как Псху, а потому и были устроены в Цебельде. Болгары же селений Анастасьевского и Николаевского и ранее, еще в семидесятых годах просившие администрацию о разрешении им возвратиться в Бессарабию, на место прежнего жительства, окончательно выселились обратно из Отдела в 1883 г., кроме 6 семейств, переселившихся в соседнее село Дранды.

Одновременно с этим к высшему Кавказскому начальству, а также и к местным властям начали поступать просьбы со стороны переселенцев различных национальностей об устройстве их в Сухумском отделе и согласно усилий главнокомандовавшего Кавказскою армиею (записка Департ. Главн. Упр. Нам. Кавк. 18 мая 1879 г., №5526, журнал особой Комиссии при Военно-народн. Управлении 17 Ноября 1893 г. №1, особое по поземельным делам Присутствие избрало для водворения новых поселенцев следующие места, оставшиеся свободными после эмиграции в Турцию абхазцев: Ацы, Допуакит, Кац-Игаларта, Богаж-Яштха и Абжаква. При этом имелось в виду: 1) что с заселением местности Ацы ближайший путь, ведущий из Гудаутского участка в Кубанскую область, будет закрыт новым поселением; 2) что с заселением Допуакита, Кац-Игаларта и Богаж-Яштха установится связь между селениями Анастасьевским, Николаевским и другими, находящимися в Цебельде, причем дорога в Кубанскую область через Цебельду будет обеспечена надежным населением и 3) что с заселением Абхазии нужды соседнего города Сухума будут более или менее обеспечены.

На этом основании в Сухумском отделе с 1879 по 1884 год были образованы новые селения из русских, греков, армян, эстонцев, немцев и мингрельцев, а именно: 1) Бакланка и 2) Мцара в Гудаутском участке, 3) Владимирское, 4) Дранды, 5) Старо-Черниговское,

6) Андреевское, 7) Дмитриевское, 8) Михайловское, 9) Константиновское, 10) Павловское, 11) Линдау, 12) Найдорф, 13) Кнаденберг, 14) Эстонское, 15) Келасуры, 16) Беслетское и 17) Пшап в Гумистинском участке. Для поселян названных селений была установлена норма надела на дым по 10 дес., кроме мингрельских селений, где таковая ограничена 5-тью десятинами.

После 1884 г. образованы были еще следующие новые поселки: 1) Ново-Черниговский в 1890 г. и 2) Спасовка в 1894 г. в Гумистинском участке, 3) Петровский при сел. Бакланке в 1892 – 1893 гг. в Гудаутском участке. Первому из этих поселян в составе 23 дымов, выселившемуся из сел. Старо-Черниговского, отведена в надел часть сельскохозяйственных участков при сел. Ольгинском, отобранных от владельцев за невыполнение принятых на себя обязательств; второй поселок Спасовка образован в настоящем 1894 году из остальных 24 дымов, выселившихся из того же села Старо-Черниговского вследствие неблагоприятных климатических и почвенных условий местности; этому поселку отведена часть надела немецко-эстонского села Линдау, которому по плану военно-народного управления 1884 г. надел был назначен с значительным излишком против определенной 10-ти десятинной нормы. Петровский же поселок образовался же из лиц, переселившихся из внутренних губерний России в 1892 – 1894 гг., причем ему была отведена полоса земли на берегу моря, шириною в $2\ ^{1/2}$ версты, которая до тех пор находилась в пользовании соседнего абхазского селения Ацы, вопреки повеления главнокомандующего Кавказскою армиею о воспрещении селиться абхазцам на береговой полосе.

Урегулирование границ земельных наделов пришлого населения. При водворении большинства пришлого населения, поселянам не были точно инструментально указаны границы их наделов и таковые не были также обозначены знаками в натуре, а планы наделов даже не были утверждены подлежащими властями. Вследствие этого поселяне разных селений, побуждаемые желанием захватить больше земли, приблизиться к воде или к живому урочищу, как естественной границе и проч., захватили часть земель соседних селений, – причем такие захваты далеко не всегда были прекращаемы в свое время администрациею; кроме того, число дымов в некоторых селениях оказалось далеко не соответствующим количеству отведенной земли. Все это вместе вызывало постоянные споры между поселянами смежных селений и справедливые жалобы их. Поэтому в 1891 году Кутаисским военным губернатором по соглашению с Управляющим государственными имуществами этой губернии и с разрешения главноначальствующего гражданскою частью была на-

значена особая комиссия по урегулированию границ, пришлого населения Сухумского округа, в составе местных: начальника участка, лесного ревизора, лесничих и землемера управления государственными имуществами, под председательством начальника округа. Названная комиссия, начав свои действия в 1892 году, начала работы только в настоящее время, разобрав все споры поселян между собою и заявления о нуждах их в отношении обеспечения и выяснив точное количество и границы земель, назначенных поселянам при первоначальном водворении, их, причем составила все проекты необходимых изменений в границах наделов семей. Хотя журналы Комиссии и не представлены пока на утверждение подлежащих властей, но некоторые проектирования, ввиду неотложности дела, уже осуществлены в настоящее время, с разрешения подлежащих властей, а именно: образовали поселки Петровский в Гудаутском и Спасовка в Гумистинском участках.

К настоящей Памятной записке приложена таблица, показывающая число дымов в каждом селении с пришлым элементом, национальность их, размер наделов, назначенных поселянам при первоначальном водворении, и наделов вновь проектированных Комиссиею по урегулированию границ, а также число лиц не местного происхождения, коим Высочайше пожалованы земли, и количество таковых.

Условия экономического быта населения. Тяжелые условия жизни, в которые были поставлены при первоначальном водворении их, вызывавшие большую смертность и даже обратное выселение их из округа, постепенно изменялись и продолжают изменяться к лучшему. Весьма плодородная вообще земля, почти целиком годная для разведения виноградников, табаку и различных видов интенсивного и полевого хозяйству, данная поселянам в размере вполне достаточном, не эксплуатируется пока в желательной степени, но тем не менее значительное количество надельных земель расчищено под посевы разных хлебных растений и табаку, и поселяне вполне обеспечены в отношении первых жизненных потребностей, некоторые же селения достигли значительной степени зажиточности, как, например, селения Дранды, Эстонское и Владимировское.

Вследствие постепенно зачисления в существующие селения новых поселенцев из внутренних губерний и образования новых селений, пришлое население стало гуще, селения ближе друг к другу, чем и устранилось крайне вредное влияние разбросанности их среди безлюдной незнакомой страны, явилось больше возможности взаимопомощи в борьбе с дикими животными, врагами их полей, скота и птицы, а также отчасти и с конокрадством, глубоко вкоренившем-

ся в нравы соседнего абхазского и пришлого мингрельского населения; возможное уменьшение этого последнего зла в настоящее время составляет одну из главных забот администрации округа.

Положение земель, Высочайше пожалованных. Что касается земель, Высочайше пожалованных, то они большею частью пустуют, не исключая даже и тех, кои пожалованы в семидесятых годах, что вся та часть Цебельды и вся местность Дальского ущелья, где находятся Высочайше пожалованные земли, совершенно обезлюдились после эмиграции абхазцев в Турцию, а сами владельцы, находясь на службе, не могли завести самостоятельные хозяйства отдавать же в аренду земли было некому.

Впрочем, в последнее время, некоторые из этих земель начинают обрабатываться, благодаря армянам и, к сожалению, мингрельцам-арендаторам; армяне являются также и покупщиками этих земель, а мингрельцы, кроме арендования их для обработки, занимаются также сбытом пальмы и ореховых деревьев. Главная причина, препятствующая оживлению этих местностей – это почти полное отсутствие каких бы то ни было путей сообщения в крае.

Особенности водворения мингрельцев в Округе. Для пополнения характеристики колонизации Сухумского округа необходимо упомянуть особо о вселении в этот край мингрельцев из соседних уездов Зугдидского и Сенакского. Мингрельцы одарены от природы в значительной степени хитростью, ловкостью и чисто торговою сметливостью; они весьма трудолюбивы, крайне бережливы и умеют обращать свои сбережения в выгодный оборот, весьма мало стесняясь при этом в выборе средств к обогащению. По освобождении от крепостной зависимости мингрельские крестьяне были поставлены в весьма невыгодное экономическое положение, так как большая часть земель, и притом лучшая их часть, отошла во владение помещиков. Одновременно с этим (1864 – 1875 гг.) в Абхазии и Самурзакани было введено русское управление, освобождены зависимые сословия и для экономической деятельности мингрельцев открылось новое поприще, так как ранее этого им было далеко не безопасно даже и появляться в Абхазии, а если они и проживали тут, то не иначе в качестве прислуги местных привилегированных фамилий. С 1864-же года, т.е. со времени введения русского управления, масса безземельных мингрельцев является в Сухумском округе в качестве наемных рабочих, мелких торговцев, лавочников и арендаторов земель, причем число их постепенно увеличивается и вместе с тем торговцы эти обращаются в более крупных лесопромышленников, подрядчиков, а в позднейшее время весьма часто и в землевладельцев. Соседняя с Мингрелиею Самурзакань, и прежде

впрочем более доступная к мингрельской иммиграции, чем остальные части Абхазии, в настоящее время почти обмингрелилась.

При наделении землею туземных сельских общин Сухумского округа в 1880 – 1882 гг. безземельные мингрельцы, перешедшие на жительство в округ до 1865 г., в силу необходимости были причислены к туземному коренному населению и наравне с последним обеспечены землею. Но при этом оказалось весьма большое число переселившихся в округ позднее; так, например, в Самурзаканском участке их оказалось до 1.300 семейств.

Ввиду явившегося опасения в недостатке земли для обеспечения коренного населения в Самурзаканском и Кодорском участках, местной администрации и поземельной комиссии, в силу той же необходимости, предложено было всех безземельных мингрельцев, временно проживающих в этих участках, т.е. вселившихся после 1865 года и не причисленных к коренному населению, водворить не на местах их жительства, а на свободных землях округа, где бы таковые не оказались, с наделом от 4 до 5 десятин; в случае же недостатка земли в округе, водворить их в Батумском и Черноморском округах. Помянутые мингрельцы, а вместе с ними и вновь переселившиеся, за неимением земель, прямо из Зугдидского и Сенакского уездов, образовали мингрельские селения в Гумистинском участке с 5-ти десятинным наделом на дым, кроме мингрельцев селений Николаевского и Анастасьевского коим норма надела определена была в 10 десятин, так как названные мингрельцы приняли на себя уплату всех казенных долгов, числившихся на болгарах, возвратившихся на родину – в Бессарабию.

Количество земель, имеющихся в Округе, для водворения новых поселенцев. Для водворения новых переселенцев из внутренних губерний России имеются в виду следующие земли:

1. Бомборская поляна в Гудаутском участке, на берегу моря, в двух верстах от м. Гудаут в 400 дес., а считая смежный участок земли, принадлежащий частному лицу в 30 дес., который необходимо прирезать к этой земле, дабы иметь воду (владелец изъявил согласие уступить этот участок казне и взамен получить другой), и еще соседний казенный лесной участок в 200 десятин, тоже проектированный в прирезке, на этих землях в общем количестве 630 десятин можно будет образовать с большим удобством селение в 50 дворов, причем кандидатов на поселение в эту местность имеется гораздо более, чем достаточное число; но заселение Бомборской поляны не осуществляется до настоящего времени, так как по распоряжению главноначальствующего вопрос этот оставлен открытым

впредь до воспоследования закона о заселении свободных казенных земель Черноморского округа.

2. Местность Псху, находящаяся в Гумистинском участке, в районе некультурной полосы округа, отстоит от г. Сухума и берега моря на 70 – 90 верст, но по своему здоровому климату и чрезвычайно плодородной почве, весьма пригодна для поселения. На местах, где до войны 1877 г. находилось греческое селение и стоянка линейного батальона, до сих пор остались и растут на свободе некоторые огородные и полевые хлебные растения, существование которых до настоящего времени ясно свидетельствует о превосходных качествах почвы. По приблизительному исчислению в этой местности имеется пригодных для поселения земель, хотя и требующих расчистки, от 3 до 4 тысяч десятин, на которых, вследствие их разбросанности, можно селить хуторами от 15 до 30 дворов каждый, а в общей сложности от 300 до 400 дворов. Но дело это неосуществимо, пока из Сухума на Псху не будет проведена удобная колесная дорога на расстоянии около 70 верст, так как около 15 верст уже имеется дорога относительно удовлетворительная. По приблизительному расчету на устройство помянутой дороги потребуется расход до 120 тыс. руб.

Ходоки от крестьян внутренних губерний России, главным образом, Киевской губернии, осматривали местность Псху и выразили полное желание поселиться на ней при условии устройства Правительственной дороги.

3. В урочище Ажара, лежащем в Дальском ущелье, на правом берегу р. Кодора, по тропе, проложенной в Кубанскую область, имеется свободной земли около 300 дес., где может быть поселено до 30 семейств.

4. В Гумистинском участке из свободной казенной земли «Нижний Парнаут», находящийся в ведении администрации и предназначенный в надел привилегированным фамилиям округа, можно выделить до 450 десятин, что будет достаточно для поселения около 40 семейств.

5. Выше было упомянуто, что жители селения Старо-Черниговского оставили свою надельную землю и, получив новые наделы образовали поселение Ново-Черниговское и Спасовку. Однако, неблагоприятность климатических и почвенных условий, на которую жаловались старо-черниговцы, весьма относительные, и, посетивший в прошлом 1893 г. Сухумский округ, профессор сельского хозяйства ныне директор Департамента земледелия, дейст. ст. советник Костычев, признал, что освобожденная старо-черниговцами

земля в количестве 937 десятин вполне пригодна для водворения новых поселенцев, в особенности в том случае, если норму земельного надела увеличить с 10 на 15 десятин на дым. При таком условии к помянутым 937 десятинам можно было бы прирезать до 600 десят. из смежной свободной казенной земли ведения Управления государственными имуществами (Верхне-Парнаутская дача), причем образуется земельный надел около 1.600 десятин, который при 15-ти десятинной норме будет вполне достаточен для поселения около 110 семейств.

Итого в пяти вышеуказанных местностях на общем пространстве 6.750 десятин можно поселить более 600 семейств. Крайне желательно, чтобы новые поселения были образованы не из случайно собравшихся переселенцев из разных местностей, а чтобы в каждом селении или поселке поселяне были земляки, то есть по-возможности выходцы из одной волости или деревни; такие поселяне действительно могут выказать взаимопомощь или солидарность как необходимые условия для успеха колонизации.

Вселение в Сухумский округ иноземного элемента, допущенного в начале ввиду особых условий неустроенного и глухого еще края, не приостановленное и до последнего времени, несмотря на то, что условия жизни в округе коренным образом изменились к лучшему, необходимо прекратить теперь же, в особенности вселение мингрельцев, о чем уже и сделано соответствующее распоряжение Кутаисским военным губернатором, ввиду того, что число жителей внутренних губерний России, желающих поселиться в округе, постоянно увеличивается, а, следовательно, желательно сберечь возможно больше фонд свободной земли для водворения исключительно коренных русских людей.

Кроме вышеуказанных свободных казенных земель, вполне пригодных для заселения русскими переселенцами, имеется возможность, по количеству земли, вселить в селения: Владимировское Гумистинского уезда до 25 семейств и Баклановское Гудаутского участка да 40 семейств, каковые селения и доселяются в настоящее время отдельными семействами переселенцев из внутренних губерний России, по мере представления ими подлежащих документов.

С П И С О К

лиц, коим Высочайшей пожалованы земли в Сухумском округе

Звание, имя отчество и фамилия владельцев Высочайше пожалованных участков	№№ про-ект. План	Размер участков в десятинах и саженях	
		Деся-тин.	Квадр. саж.
В Гумистинском участке			
1.Краевич	1	1.497	500
2.Красницкий	2	808	900
3 Захаров	3	336	491
4.Введенский	5	380	2.123
5.Кацмана	8	354	424
6.Шавров	9	425	175
7.Дьячков-Тарасов	10	304	-
8.Линевич	11	526	200
9.Середина	12	207	810
10.Вдове сенатора генерал- лейтенанта Александре Колюбакиной	17	600	-
11.Генерал-лейтенанту, князю Георгию Романовичу Эристову	18	1.710	140
12.Дейст. стат. советникам Бутлерову и Кондратьеву	47	200	-
13.Отставному генерал-майору Завадскому	49	300	-
14.Наследники действ. стат. советника Александра Мошнина	-	501	1.200
15.Отставной генерал-майор Войно-Оранский	-	307	2180
16.Генерал-майор Николай Ломакин	-	300	-
17.Наследники дейст. стат. советника Василия Сараджеева	-	1.000	1.800
18.Подполковник Григорий Иванов	-	306	1.820
19.Полковник, князь Арсений Бебутов	-	301	280
20.Генерал-майор Николай Момбели	-	300	-
21.Наследники подполковника Венимиана Рычкова	-	300	-
22.Наследники подполковн. Льва Чижикова	-	300	860

23.Наследники подполковн. Александра Фогеля	-	413	2.160
24.Полковник Артемий Узбашев	-	301	1.170
25.Полковник Князь Иван Баратов	-	300	-
26.Полковник Виктор Кеценко	-	200	1.340
27.Полковник Петр Запорожненко	-	300	880
28.Протоиерей Давид Мачавариани	-	401	-
29.Наследники подполк., князя Георгия Джорджадзе	-	300	880
30.Наследники подполк. Александрова Омарова	-	150	-
31.Коллежский ассесор Ефимий Васильев	-	162	450
32.Коллежский советник Трофим Николаев	-	261	235
33.Наследники подполков. Льва Чемберга	-	300	1.800
34.Наследника полковника Карла Гегемейстера	-	500	880
35.Генер. штаба полковника Ивана Фрейра	-	507	502
36.Подполковник Валерий Васильевич Шавров	-	425	175
37.Коллежский ассесор Семенников	-	150	1.875
38.Надворный советник Николай Воронов	-	462	1.242
39.Наследники майора Ивановского	-	100	1.589
40.Полковник Ипполит Н. Рогозинский	-	200	-
41.Генерал Кравченко	-	1.485	940
42.Отставной капитан Лев Савицкий	-	100	-
43.Полковник, ныне генерал-лейтенант Зеленый	-	500	-
44.Полковник Витгенштейн	-	6.947	1.835
45. Полковник Накашидзе	-	300	-
Итого в Гумистинском участке	-	26.099	1.486
В Кодорском участке			
46. Полковник Гватуа	-	400	-
В Гудаутском участке.			
47. Вдова подполковника Марцелин Вороновой	-	249	-
48.Генералу от кавалерии князю Эристову	-	791	1.056
Итого в Гудаутском участке	-	1.000	1.056
А ВСЕГО в Округе	-	27.640	142

СВЕДЕНИЯ

О пришлом населении, поселившемся в Сухумском округе с 1866 г. по 1 сентября 1894 г. и проживающих на казенных землях, а также о лицах, коим Высочайше пожалованы земли в Округе.

	Название селений и национальностей	Когда образовали селения	Число дымов		Количество земельного надела	
			В 1880г. было поселено домов	К сентября 1894г. состоит дымов	Назначенного при первоначальном водворении	Проектированного комиссию по урегулированию границ прошлого населения
	Греки					
1	Александровское	поселены в 1868 г. прибыли из Турции	34	41	1295/1700	1295/1700
2	Ольгинское		25	24	1966/1312	1966/1312
3	Георгиевское		17	33	1056/649	1056/649
4	Марьинское	1874 г.	17	19	476	476
5	Михайловское	1881 г.	20	129	1880	1880
6	Дмитровское		-	13	200	200
7	Андреевское		-	50	990	990
8	Константиновское		40	98	796	796
9	Павловское		20	49	678	678
10	Екатерининское		-	39	410	410
	Мингрельцы					
11	Сел. Беслетское	1881 г.	9	99	698	672/2390
12	Пшап	1883 г.	-	56	415	482/1000
13	Акапа	1882 г.	-	34	360	415/200
14	Келасур	1883 г.	-	15	75	-
15	Николаевское	1867 г.	28 болг.	96 минг. в 1883 г.	503 1/2	1021/1100
16	Анастасьевское		26 болг.		458 1/2	-
17	Мерхеул	1879 г.	32	37	533	533

18	Сел. Владимирское					
	Русских	1879 г.	17	61 +24	1455	1210/772
	Болгар		-	25	-	
19	Дранды, **русских**	1879 г.	7	13	645	690/ 1360
	Болгар			7		
	Молдован		11	45		
20	Сел. Черниговское старое	1885 г.	-	9+35	937	500
21	Новое [Черниговское]	1890 г.	-	23	-	-
22	Полтавское	1884 г.	-	48	835/ 1800	1004/750
23	Спасовка	1894 г.	-	24	356/1440	356/1440
	Эстонцы					
24	Сел. Эстонское	1884 г.			1100	1135
	православн			7		
	лютеран			98		
25	Линдау правосл.	1884 г.		11	1595	
	Лютеран		-	106		
	Нейдорфских эстонцев, присоединенных к Линдау		-	-	1455	-
	Православных		-	2		
	Лютеран			19		
	Немцы					
26	Сел. Кваденберг	1884 г.	-	28	347	360/1900
27	Нейдорф	1884 г.			540	265/1200
	Немцев-правосл.		-	1		
	Лютеран		-	28		
	В Гудаутском участке					

28	Сел. Бакланка с подселком Петровским /последний образован в 1892г./					
	Русских	1881 г.	-	83+41	910	1422/1500
29	Сел. Мцара **армян**	1881 г.	-	128	1210/1800	1468/600
	Число лиц, коим Высочайшее пожалованы земли		48			
	Количество земли, Высочайше пожалованной лицам нетуземного происхождения	-	-	-	-	-
	Итого		303	1584+ 100	22729	22735

СВЕДЕНИЯ
О количестве земли в Сухумском округе

Кому отдана земля и в чьем владении находится	Какого адм. участка	Количество земли в десятинах	
		В каждом участке	В округе
В надел туземным общинам	11 общин Гудаутского	39374	152020
	12 «-«-« Кодорского	50597	
	10 «-«-«Самурзаканск.	65165	
Частные наделы в собственность туземного привилегированного сословия	«-«-« Гудаутского	14465	70882
	«-«-« Гумистинского	9814	
	«-«-« Кодорского	26724	
	«-«-« Самурзаканск.	19879	
Городу и местечкам	г. Сухуму Гумистинского	4042	5242
	м.Очемчиры Кодорского	600	
	м.Гудауты Гудаутского	600	

Монастырям	Ново-Афонск. Гудаутского	2054	2790
	Пицундскому Гудаутского	520	
	Драндскому Гумистинск.	216	
Надел пришлому населению /земли эти находятся в ведении Управления государственными имуществами/	25 селений Гумистинского	20076	22966
	2 селения Гудаутского	2890	
Высочайше пожалованные земли лицам нетуземного происхождения	«-«-« Гудаутского	1040	27640
	«-«-«Гумистинского	26099	
	«-«-« Кодорского	400	
Кроме того Высочайше пожаловано фамилии Шервашидзе	«-«-«Гумистинского	7998	15023
	«-«-« Гудаутского	1825	
	«-«-Самурзаканск.	1200	
В ведение администрации свободных земель для наделения туземного привилегированного сословия	«-«-« Гудаутского	10653	32735
	«-«-«Гумистинского	12125	
	«-«-« Кодорского	9957	
В ведение Управления государственными имуществами ненаселенных свободных казенных земель	В культурной полосе «-«-« Гудаутского	10003	19422
	«-«-«Гумистинского	1600	
	«-«-« Кодорского	2744	
	«-«-Самурзаканск.	5075	
	В некультурной полосе на всех четырех участках	410214	409139
Количество земли в культурной полосе населенных и ненаселенных ведения как администрации, так и Управления Государственными Имуществами	На всех четырех участках		346935
Итого в округе всех земель			755976

АбГМ.Ф.4,оп.1,№127,л.1 – 15.

Абрскил
(Абхазский Прометей)

В древнейшие времена в Абхазии жила одна прекрасная девица знатного происхождения. С самого детства она дала Богу обет остаться девою на всю жизнь; родители не только не противились ее желанию, а, напротив, помогали ей вести избранный ею образ жизни. Но, по прошествии некоторого времени, эта красавица сделалась беременною. Родители знали невинность своей дочери и потому спокойно ожидали рождения ребенка.

Родился мальчик. Он рос не по дням, а по часам: в десять лет он казался двадцатилетним и скоро сделался прекраснейшим из молодых людей. С самого детства Абрскил, так звали его, отличался храбростью и удальством между своими сверстниками, он не щадил себя в опасностях во время нападения соседних народов на Абхазию, и страшно мстил за оскорбление родины. Бог покровительствовал ему, как защитнику отечества. В короткое время молва о его подвигах разнеслась по всей Абхазии и между соседями абхазцев; соотечественники любили его, враги боялись; каждый из иностранцев желал находиться под его покровительством. Все это внушило Абрскилу такую гордость, что он стал считать себя равным Богу и тем навел на себя гнев Божий.

Абрскил беспощадно истреблял рыжих людей с голубыми глазами, как из пленных, так и из своих соотечественников, ссылаясь на то, что они могут сглазить, как людей, так и животных. Кроме того, истреблял роды Асуба и Кацуба. Он также уничтожал виноградную лозу, перекинутую гирляндою через дорогу, если она мешала верховому ехать на ней, не нагнув голову; когда спрашивали его, почему он так поступает, то он говорил, что, если проедет, не повредив лозу, тогда ему придется наклонять голову вперед, а это похоже на поклонение Богу. Бог потребовал, чтобы Абрскил оставил напрасное истребление людей и полезных растений и совершил сорок поклонов, для искупления своей души от тяжелого наказания. Но герой не повиновался Богу и не сделал ни одного поклона, ссылаясь на то, что все люди воздают честь ему, стало быть он выше смертных и, значит, равен Богу. Долго Бог щадил Абрскила и надеялся на то, что он исправится. Но Абрскил продолжал свое. Разгневанный Бог приказал тогда своим ангелам поймать его, чтобы предать страшному наказанию.

С тех пор, как Бог разгневался на Абрскила, последний выбрал два места, для безопасного пребывания: одно находилось на вершине горы Уарцаху, а другое на необитаемом берегу Черного моря. Бывало, когда ангелы появятся на вершине горы, араш* Абрскила с этого места одним прыжком достигал берега Черного моря: здесь Абрскил отдыхал, до появления ангелов, ел пищу, приготовленную им самим из дичи, араш его пасся на тучной траве и пил морскую воду. Когда араш чувствовал приближение ангелов, то говорил своему хозяину, что необходимо садиться поскорее, после чего одним прыжком достигал вершины горы Уарцаху. Здесь опять араш и его хозяин отдыхали, пока не появятся ангелы.

Долго продолжалось это безуспешное преследование Абрскила** ангелами. Не имея сил поймать врага, ангелы обратились к одной хитрой старухе-волшебнице с просьбою помочь им. Тогда волшебница посоветовала им растянуть бычачью шкуру на вершине Уарцаху и намазать ее скользким веществом. По выполнении этого, ангелы разделились, по совету старухи, на две партии: одна спряталась близ кожи, а другая появилась на берегу моря; тогда араш прыгнул оттуда и наскочил на растянутую кожу; на скользкой коже он не мог удержаться и упал, Абрскил же свалился с него и больно ушибся. Спрятанная партия ангелов явилась тогда и связала героя.

Разнеслась по Абхазии молва о поимке Абрскила. Велика была радость рыжих людей с голубыми глазами, и, наоборот, невозможно описать печаль его друзей! Последние всеми силами старались освободить своего незаменимого предводителя из плена; но им не удавалось это, так как Бог распорядился тотчас же поместить его в такой пещере, где прекратился бы всякий доступ к нему.

Ангелы долго думали и не могли найти такого места; наконец: они вспомнили свою союзницу-волшебницу и явились к ней с просьбою, чтобы она указала им место для узника. Она указала пещеру близ селения Чилоу, у подошвы отрогов Панавского хребта. Пещера эта, по словам волшебницы, служила раньше местом заточения одного богатыря, который томился в ней триста лет и, несмотря на все свои старания, не смог убежать, благодаря бдительно-

---

* *Сказочный конь с необыкновенными качествами.*

** *В сел. Гуп, на берегу речки Аюардзы, показывают следы Абрскила и его араша на скале, где они отпечатались, словно на рыхлой земле; отпечаток ступни Абрскила имеет длину; приблизительно, трех четвертей аршина, а глубину – более вершка.*

сти хозяйки этой пещеры, старухи, пока милостивый Бог не простил ему и не позволил выбраться из страшной темницы. В эту-то пещеру ввели ангелы Абрскила с его арашем и поручили владелице ее. Последняя приказала своим слугам заковать его в цепи и стеречь. С этого времени верный араш принялся лизать цепь, чтобы, когда она станет тоньше, можно было порвать ее. Ангелы с радостью донесли Богу, что нашли место для Абрскила. Бог велел сказать старухе, чтобы, ни под каким видом, она не допускала к нему никого и не давала ему пищи, до его полного покаяния.

Долго старуха томила узника без пищи, но потом сжалилась над ним и приказала тайно подносить ему пищу. Об этом донесли Богу, и Он превратил непослушную старуху в щенка. Этот щенок мог раскрывать рот и принимать пищу только тогда, когда араш своим лизанием доводил цепь, в которую был закован его хозяин, до толщины шелковой нити. Но как только, мучимый голодом, раскроет щенок рот и утолит свой голод, цепь принимает свою первоначальную толщину и Абрскил лишается надежды на скорое освобождение.

Долго томился Абрскил в этой пещере, но не забывал своей родины: постоянно мечтал о ней и сильно желал видеть хоть одного из своих соотечественников, который сказал бы ему о состоянии родины, после его разлуки с ней. Таким вестником явился к нему первый его поклонник Джомлат (по другим сказаниям – «Сасруква» Ачба). Он взял несколько ловких проводников и двенадцать ослов, навьюченных восковыми свечами, и вошел внутрь пещеры. В пещере было темно, но когда зажгли свечи, дорога стала видна, и путники могли двигаться вперед. В некоторых местах пещера настолько суживалась, что людям приходилось двигаться на четвереньках; по местам встречались им обширные поля и сада со всевозможными фруктовыми деревьями. Они все двигались дальше и дальше, между тем Абрскила и следа не было. Когда осветительный материал кончался, они начали думать, как им возвратиться. К радости путешественников, вдали от них послышался голос Абрскила и объявил им, что напрасно они стараются увидеть его, так как – чем ближе они подвигаются, тем дальше его уводят от них. Во время беседы Абрскил спросил, живут ли теперь в Абхазии Асуба и Кацуба, и есть ли рыжие люди с голубыми глазами. Джомлат ответил, что Абхазия находится в таком же состоянии, в каком Абрскил оставил ее, и что она горько оплакивает судьбу своего покровителя. Герой произнес горько рыдая:

– «Погибла несчастная Абхазия»!

Путешественники спросили, как им выбраться без свечей; на это Абрскил сказал им:

– «Поверните своих ослов назад и возьмитесь за их хвосты, и ослы выведут вас».

После продолжительного молчания, раздались с обеих сторон прощальные приветствия, и Джо млат со своими спутниками возвратился назад, Абрскил ке остался в глубокой скорби, что ему не удалось видеть своих земляков. Выйдя из пещеры Джомлат узнал, что находился в ней три дня.

Теперь абхазцы говорят, что Абрскил жив и освободится лишь во время второго пришествия, но араша его считают уже издохшим. Как мой рассказчик, Хумприя Тузба, так и многие старики уверяли меня, что речка, вытекающая из этой пещеры, до прихода в Абхазию войска Омера-паши, выносила навоз араша Абрскила, и до того времени был следовательно жив последний.

Со слов Хумприя Тузба записал в с. Члоу
учитель Очемчирского училища В. Гарцкия.
СМОМПК. Тифлис, 1892, в. XIII, отд. II, с. 34-38.

Древности Черноморского побережья Кавказа

Кавказское побережье Черного моря, начиная с самого отдаленного времени, было местом, где основались колонии и торговые поселения культурных народов древности. Сюда, к берегам Колхиды, стремились полумифические аргонавты за золотым руном; здесь, у лесистых склонов кавказских гор, спускающихся в море, основались торговые колонии древних греков. На развалинах этих колоний возникали новые поселения византийцев, которые принесли в эту отдаленную от центров цивилизованного мира страну свет христианского учения. Наконец, в удобных, спокойных бухтах побережья генуэзцы строили свои укрепленные гавани.

Прибрежные холмы и уступы были некогда населены культурными народами, оставившими после себя следы своего пребывания.

Во многих местах, на пространстве между г. Сочи и Сухумом, в нынешней Абхазии и части Мингрелии, обнаружены многочисленные памятники старины и остатки разрушенных христианских храмов.

Непроходимые леса и кустарники, поросшие на некогда оживленных местах, окончательно скрыли от современного мира развалины покинутых городов и колоний.

Древние историки

По сведениям древних историков, а также современным исследованиям, в описываемом районе Черного моря находились колонии милетян Торик и Бата, раскинувшиеся у залива р. Геленджика, вблизи Сухума; колония Фазис у устья р. Фазиса или Риона, в области древней Колхиды; Диоскуриада или Севастополь (греческ. Севаст), главнейшая греческая колония на восточном берегу Черного моря. Местоположение этой колонии еще до сих пор возбуждает спор (грузинский источник указывает на нынешний Сухум). Диоскуриада считалась метрополией республики, занимавшей пространство между реками Кодером и Ингуром.

Республика Диоскуриада была настолько могущественна, что (по словам грузинской летописи) отразила нападение царя Фарноза на местность Егури, то есть пространство между реками Фазисом (Рионом) и Кодором, бывшее во владении республики. О самостоятельности этой колонии свидетельствуют найденные монеты с греческими надписями «Колхида» и «Диоскуриада», чеканенные, повидимому, на месте. Высокое культурное развитие доказывается большим количеством архитектурных памятников, раскинутых по пространству нынешней Абхазии, Мингрелии, Гурии и верхней Имеретии. Между памятниками особенно интересна циклопическая стена, начинающаяся близ Сухума, в Келасури, тянущаяся на далекое расстояние и близ Атангело упирающаяся в р. Ингур. Длина ее доходит до 160 верст, и местами она имеет башни. Птоломей (живший во II веке по Р.Х.) называет ее «крепкой стеной». Диоскуриада имела два торговых тракта, один вверх по р. Кодору к Клухорскому перевалу и далее вниз по реке Теберде и р. Кубани, где и поныне видны многие развалины памятников и христианских храмов; другой – по р. Фазису на Кутаис, Сарапаны (груз. Шарапони)[91] через Сурамский перевал, Мцхет и т.д.

В соседстве с Диоскуриадой находились колонии Гвенос[92], на р. Меркуле, и Гераклея или Анаклия.

По сведениям древних писателей, пространство береговой полосы от Анапы до Геленджика было заселено Керкетами. Гениохи жили в соседстве с колхами, жившими у устья Риона. Страбон /66 до Р.Х. – 24 по Р.Х./ указывает на племя зихов (груз. джиков) и соанов

или сванов. Зихов он помещает между гениохами и ахейцами; а соанов выше колхов. Абаски или абхазцы встречаются первый раз у Арриана, жившего во II веке по Р.Х. В византийской истории Абхазия приобретает известность около 180 года по Р.Х. По сказаниям Церкви, апостол Андрей первый внес свет христианского учения в этот край. Его спутник Симон Кананит, замученный местными жителями, предан земле в Анакопии (груз. Никопсии). Над прахом его был воздвигнут храм; в этом месте ныне основан Ново-Афонский монастырь. Есть предание, что в разрушенном ныне храме на р. Гумисте, близ селения Гумы, пролежал в течение 33-х лет прах сосланного в Пицунду святителя Иоанна Златоуста.

Историк Прокопий (род. 529 г. по Р.Х.) приписывает обращение абхазцев в христианство и постройку для них церкви Божьей Матери в Пицунде византийскому императору Юстиниану (527 – 566 по Р.Х.). Тот ли этот храм, который существует поныне в Пицунде, или он был перестроен, – достоверно неизвестно.

Разбросанные по всему краю памятники древности, по-видимому, совершенно забыты, и лишь по временам, случайно, открываются среди непроходимого леса тот или иной древне-христианский храм или мавзолей.

Село Полтавское

В 1886 году в Сухумском округе, близ села Полтавского, лежащего на реке Западной Мачарке, в 25 верстах от г. Сухума, в лесной трущобе, случайно была открыта местными жителями совершенно уцелевшая древняя церковь. В ней найдена церковная утварь и принадлежности богослужения в том виде, в каком, быть может, все было покинуто людьми несколько столетий назад. Императорская Археологическая Комиссия немедленно приняла меры для охранения находки, и при непосредственной помощи местных властей удалось собрать почти все находки из храма и получить некоторые сведения о нем.

Главноначальствующим на Кавказ был командирован для исследования древнего храма г. Бакрадзе.

В числе находок было несколько серебряных золоченных риз от икон с характерным грузинским орнаментом и с надписями, сделанными церковно-заглавными грузинскими буквами.

Кроме того, найдена медная ажурная полукруглая арка, составленная на заклепках из четырех частей, с девятью резными остриями, направленными вверх, на полукруглой части. Узор арки сквоз-

ной и представляет полосу повторяющихся фигур двуглавых орлов и сердцевидного орнамента.

Медный подсвечник для нескольких свечей, стебель которого составлен из медных частей, насаженных на железный прут. Основание подсвечника расширяется и установлено на трех литых грифах. Верхняя часть состоит из ажурного медного круга с двенадцатью розетками с остриями, на которые, по-видимому, насаживались свечи.

Медное кадило или, может быть, висячая лампада, в форме чаши, с тремя цепями из прутьев, замотанных медной проволокой.

Стеклянный чашеобразный предмет с круглой ножкой и обломанной нижней частью, по-видимому, светильник или лампада.

В этом же храме, кроме перечисленных предметов, найден медный дискос с звездицею, кресты чрезвычайно оригинальной формы, две медных чаши разных размеров, 4 грифа, поддерживающих какой-то предмет, два блюда, три ажурных кружка, 36 чашечек с дырочками (вероятно розетки) и железные кресты разной величины.

Развалины древнего храма были найдены на высоком обрыве в густой чаще векового леса. Размеры храма очень небольшие: 10 аршин длины вместе с папертью. Храм был построен из камня неправильной формы. Вокруг храма находится разрушенная ограда, также возведенная из камня, из щелей которой растут громадные тисовые деревья.

Раскопка, произведенная внутри храма, обнаружила одно погребение; под мусором был найден небольшой продолговатый четырехугольный гроб со стенками, обложенными камнями. В гробу (14 вершков длины и 7 ширины) были найдены кости человека и два лошадиных зуба.

Невдалеке от этого храма, близ имения г. Воронова, находятся развалины другого храма подобного же типа. Церковь построена из камня и имеет в длину 13, а в ширину 4,5 аршина.

При разрушении развалин окрестными жителями для собственных построек, в храме были найдены две квадратные плиты (1 аршин и 6 вершков в квадрате), покрытые скульптурой. Посредине каждой плиты глубокое квадратное углубление в виде ниши и в ней рельефное изображение; по четырем сторонам вокруг ниши широкие поля с барельефными группами разных сюжетов из Евангелия и церковной истории. Фигуры сделаны весьма отчетливо, за исключением человеческих лиц.

На первой плите в нише изображена поясная фигура Божией Матери с Младенцем; над ней две полукруглые арки с ниспадающими сверху и пристегнутыми в средней части занавесями. Наверху, на полях видны изображения св. Георгия и св. Димитрия верхами; под первым виден попираемый дракон, под вторым – поверженная мужская фигура. По бокам ниши видны группы: человек в молитвенном положении; лань, кормящая детенышей; две фигуры, державшие в руках модель церкви, и мужчина, опоясанный ремнем, с круглой шапкой на голове; тут же видна голова орла с отломанным корпусом.

На второй плите, на нише рельефное изображение Иисуса Христа, распятого на кресте. Спаситель одет в длинную хламиду, в какой Его изображали в ранние эпохи христианства; по сторонам распятия изображены Божья Матерь и Иоанн Богослов, а позади их два разбойника с связанными руками и засученными по колено штанами. Над главою Христа из-под рамени креста видна опущенная рука, а сверх рамени – фигура, кажется, Бога Отца. На полях видны группы: апостол Петр, плачущий стоит, прикрыв руками лицо; пред ним на ветвях петух. Тут же Петр, распинаемый головою вниз; два воина привязывают его ноги к кресту.

Под распятием, в нише, видно изображение воскресения Спасителя; направо на гробовом камне сидит Христос с протянутыми вперед руками, пред ними две фигуры с кувшинами в руках, а влево на земле видны три фигуры пораженных воинов с копьями и круглыми щитами. Из боковых изображений замечательно крещение Спасителя: Христос стоит нагой с длинными волосами, направо от него Иоанн Креститель, положивший правую руку на главу Христа, над ними Святой Дух в виде голубя и два ангела с крыльями. Здесь же фигура человека, ведущего запряженного осла. Вверху фигура Авраама, держащего в руке своего сына для принесения жертвы, влево баран, зацепившийся рогом за куст. Внизу плиты изображен всадник на охоте. Он сидит на оседланной лошади с богатой сбруей, держит в руке натянутый лук, а другой рукой указывает вперед; на левом боку у него меч на перевязи. Пред всадником виден орел, оглядывающийся назад, на которого бросается борзая собака и садится пущенный охотником сокол с путами на ножках. Оленя держит за рога какой-то святой и укоризненно смотрит на всадника. Вправо от всадника в лесу видна фигура человека в длинном одеянии с поднятыми вверх руками и крестом над головой, рядом маленькая фи-

гура, также с поднятыми руками, и кружок с пятью цветками, находящийся над кувшином.

Кроме описанных плит найдено много камней с орнаментами, две круглые капители от колонок с затейливой резьбой, с изображением на одной-двух столкнувшихся баранов, а на другой – дракона с зияющей пастью, проглотившего человека, от которого видны только руки и ноги, и медный крест совершенно такой же формы, какой был найден в церкви близ села Полтавского (с следами припайки). На глубине одного аршина был найден кусок белого воска, продырявленного корнями растений. Надписей нигде не было.

Найденные в древнем храме у села Полтавского части серебряных позолоченных риз от древних икон после больших трудов удалось собрать в два оклада с ликами св. Екатерины и Иоанна Крестителя, с несколькими мелкими медальонами вокруг. Ризы сработаны очень мелко и изящно.

Время происхождения как риз, так и орнаментированных камней нигде не указано, но, судя по палеографическому характеру письма на ризах, а также на плитах, они, по мнению г. Бакрадзе, должны быть отнесены к XI веку по РХ. Орнаментированные камни, найденные в храме близ селения Ольгинского, близ церкви у имения Вороновых, близ Драндского монастыря (см. ниже) относятся к более ранней эпохе.

Не может быть сомнения, что эти орнаментированные плиты были частями так называемых алтарных преград, из которых впоследствии выработался иконостас греческих церквей. Подобные невысокие алтарные преграды с царскими вратами были характерной особенностью древне-христианских церквей и существуют еще и поныне во многих древних храмах Грузии.

Особенно замечательно то обстоятельство, что даже в очень маленьких древних храмах Цебельды найдены алтарные преграды из каменных плит с барельефами чрезвычайно тонкой работы, представляющей сюжеты из церковной истории, – подобные известной алтарной преграде в старинной церкви Сафернского монастыря[93] в Ахалцихском уезде, от изящества работы которой пришел в восторг известный французский путешественник и исследователь Дюбуа де Монпере (Voyage autour du Caucase).

Найденная в церкви у села Полтавского медная арка, составленная на заклепках из четырех частей, по-видимому, служила аркой над царским входом в алтарь и связывала 2 колонки, стоявшие по бокам входа, остатки которых были найдены в развалинах.

В окрестностях села Ольгинского также найдены развалины небольшого храма среди густого леса. Вокруг храма расчищена маленькая полянка, так как однажды в год у развалин храма совершается молебен. Стены церкви сохранились только на одну сажень вышиной. Размеры храма очень невелики: длина 13, а ширина 8 аршин.

Стены были облицованы камнем весьма хорошей тески, штукатурка обвалилась. Престол в алтаре сделан из цельной плиты на четырехугольной толстой каменной ножке, примыкающей к стене. Здесь было найдено несколько фигурных плит, между которыми особенно интересны 2 куска: первый с рельефным изображением благословляющего святителя, одетого в греческое облачение с надписью на нем грузинскими церковно-заглавными буквами, которая однако, не поддается разбору; по сторонам святителя две фигуры, из которых одна представляет диакона в облачении с кадилом в руке, а другая, вероятно, архангела Гавриила. Второй обломок украшен изображением всадника. Исполнение этого рельефа особенно чисто и аккуратно. Конь изображен в сбруе с попоною, падающею тремя фестонами, с нагрудником и двумя рядами шейных ремней. Всадник, которого голова, к сожалению, отломана, представлен в коротком кафтане с поясом из двух рядов блях (вроде поясов, носимых и поныне на Кавказе). На поясе сабельный ремень, но без сабли. Всадник сидит, наклонившись вперед. В правой руке он держит древко небольшого знамени с крестом, составленным из пяти кружков. Голова лошади одета в богатую украшениями сбрую. Хвост ее заплетен и выпущен косичками.

Кроме обломков плит, здесь был найден медный обломок блюда, напоминающего блюда, найденные в развалинах полтавского храма.

Дранды

Вблизи монастыря Дранды были также открыты развалины небольшого христианского храма, в котором были найдены два скульптурных каменных обломка и старинная чаша.

На одном из обломков изображена двойная стрельчатая арка с резной капителью. Спаситель изображен в крестовом сиянии, восседающим на троне; правой рукой Он благословляет по-гречески, а левой держит Евангелие. Пред Ним за колонкою стоит женщина, с молитвенно простертыми к Нему руками. Фигуры на втором обломке не разобраны; чаша также не исследована.

Сухум

В октябре 1886 года, в 12 верстах от города Сухума, на правом берегу реки Келасури были открыты два небольших разрушенных храма. При раскопке, произведенной полковником Цилоссани, было найдено несколько медных предметов, весьма похожих на находки, сделанные в храме у села Полтавского. В земле под престолом одного из храмов был найден четырехконечный железный крест. Затем было найдено несколько медных розеток с остриями, серебряный золоченый образок, куски окладов с икон с грузинскими буквами церковно-заглавного алфавита и кусочки цветного стекла. Здесь же были найдены три куска медного разбитого колокола, на которых заметна надпись на латинском языке. По форме и по надписи колокол тождественен с одним из нескольких древних колоколов, виденных г. Бакрадзе в Сванетии.

Кроме упомянутых храмов, исследованных в недавнее время, некоторые развалины и пещеры были осмотрены и описаны г. Чернявским и полковником Введенским. Между прочим они упоминают о многих памятниках, еще ныне существующих в девственных лесах Сухумского округа; так, например, известны развалины древнего монастыря в горах, в бассейне реки Бзыбь, в 15-ти верстах от Пицундского храма. В этих развалинах, по словам абхазцев, лежат свитки из неизвестного материала. Г.Чернявский предполагает, что это развалины древней библиотеки знаменитого Пицундского патриархата. Развалины известны под названием Хаджалабей и до того заросли растительностью, что даже невозможно получить какое-либо понятие об их наружном виде. Развалины лишь видны с отдаленной возвышенности и своей формой напоминают Пицундский храм. На основании преданий можно предположить, что это забытая летняя резиденция абхазского пастыря из Пицунды.

На реке Псырстхе, в 20 верстах от Сухума, находится древневизантийский храм во имя св. Симона Кананита. В настоящее время храм поддерживается монахами Ново-Афонского монастыря.

При ремонтировании и постройке зданий монастыря было найдено несколько чрезвычайно любопытных камней с орнаментами и греческими надписями. На соседних вершинах прибрежных гор находятся развалины громадных стен и несколько башен; по словам Дюбуа, это остатки древней Трахеи, описанной Прокопием.

По свидетельству полковника Введенского, у моря есть развалины стен, следы которых видны уходящими от берега далеко в море. Он же указывает на древние гробницы в местности Хвап; три гроб-

ницы были им лично раскопаны в 1869 году, и в одной найдены глиняная чашка, золото: крючок и петля и железная секира. Вещи эти были переданы в бывший Сухумский музей, впоследствии перевезенный в Кутаис.

Местами в Сухуме видны следы древнего города, по всей вероятности, Диоскуриады – Севастополя. Здесь, между прочим, близ провиантского магазина известен широкий бугор, у которого заметны развалины массивных стен, продолжающиеся в море; также видны башни старинной крепости. Напротив таможни еще поныне видны остатки древних стен, зарытые частью наносным песком, а частью видимые в глубине моря; между стенами известен «греческий колодезь», наполненный доверху песком.

Параллельно с прибрежным бульваром заметны следы древней набережной, где, по словам г. Введенского, добывание древних монет и вещей составляет постоянный промысел. После каждого сильного волнения моря, когда оно приводило в движение весь прибрежный песок и щебень и отмывало часть берега, толпы людей бродили по берегу и рыли руками в песке, находя в изобилии ценные предметы; так в 1868 году двое рабочих нашли золотую корону. Здесь необходимо упомянуть, что полковник Введенский видел ее вскоре после находки и называет ее «золотым круглым обручем, толщиною в гусиное перо, с привесками». По словам корреспондента газеты (от 23-го и 24-го декабря 1886 года и 25-го января 1887 года) в этих же местах найдено в размытых морскими волнами старых фундаментах более ста золотых, серебряных и медных монет с изображениями римских императоров.

Близ упраздненной Сухумской крепости в море видны, на глубине аршина от поверхности, развалины древних каменных стен, с промытыми водой фантастическими зубцами. Посреди крепости существуют остатки развалин «Старый Сухум» (в 7 верстах от города), отличающиеся замечательной легкостью постройки и расположенные на западном, низменном берегу Сухумского мыса.

Овальный курган находится позади города Сухума на склоне горы Самато.

На гребне той же горы известна целая сеть древних пещер, искусно высеченных в древнем песчанике. Часть этих пещер открыта г.Чернявским из-под завалившей их осыпи, наполнившей землей большую часть передних комнат, в которой были найдены длинные трубы до 6 вершков в диаметре, двери и окна правильной овальной формы кверху.

В пяти верстах от Сухума находятся два древних замка на высокой террасе глубокого ущелья; к развалинам идет древний мост, построенный из угловатых голышей в виде арки. Один из замков двухэтажный; внутри он разделен на несколько комнат, к нему ведет тропа, высеченная в скале; у ручья заметны следы пешеходного моста. Здесь же видна очень глубокая, но низкая пещера, разветвляющаяся надвое. У самого русла речки Беслы видны два участка прекрасной дороги, высеченной в известковой скале.

Позади города Сухума, на трех возвышенностях, видны развалины древних построек и фундаментов.

В 35 верстах к Ю. – В. от г. Сухума, на прибрежном бугре сохранились остатки массивного квадратного замка «Сатамашо», с наклоненными стенами, без входного отверстия. Этот замок многими исследователями ошибочно принят за развалины древней Диоскуриады.

Верстах в 15 от г. Сухума, на водоразделе между реками Келасуром и Беслы, видны следы каких-то древних построек, сухие, глубокие колодцы и кучи окалины и обожженного шлака. В этих местах, богатых месторождениями серебро-свинцовой руды, могли находиться в древности шахты и заводы для обработки руды.

К Ю.-В. от Сухума, в 25 верстах, находятся также развалины древнего римского города, поименованного на карте Арриана.

У поселка Гвалдза, к 18 верстах от Сухума видны древние гробницы, подобные гробницы также найдены у поселка Гумы, на террасе около горы Ахабиук.

В 8 верстах от устья реки Келасури находятся старинные стены и несколько древних башен. Подобные же башни найдены в 6 верстах в сторону от них. Эти 7 башен запирают ущелье реки Маджары, ведущее в Цебельду.

Остатки древних храмов, замков, гробниц и проч. известны в почти [во всех] недоступных трущобах гор Абхазии. Между прочим, особенно замечательны в 50 верстах от г. Сухума (по прямой линии около 20 верст), в урочище Айцера, красивый замок с прилегающим к нему более древним фундаментом византийского храма и с каменною гробницею нарта (богатыря) Сосрукво. Далее в горы, до подножия Главного хребта, и далее через Клухорский перевал на северный склон гор видны древние башни, замки и жилища горных великанов (по-абхазски Адау), о каждом из которых существует особая легенда, наполненная фантастическими событиями.

Под древним укреплением Гагр известно громадное подземелье и целая сеть коридоров и ходов, по рассказам очевидцев запертых с обеих концов дверьми. Существует легенда о зарытых там богатствах.

Близ Гагр известна пещера в отвесной скале, на высоте двух сажен; овальная дверь ее заложена плотно пригнанным камнем, и по-видимому ее никто не осматривал.

В горе Ахабиук, в 8 верстах от г. Сухума, найдена сталактитовая пещера, в которой г. Чернявский рассчитывал найти богатую коллекцию костей вымерших типов млекопитающих и современного им человека. Г. Чернявский нашел две кости человека, из которых одна уже представляла вид окаменелости, вместе с куском известняка. Неподалеку, в обрывах соседней горы, находятся в изобилии морские ежи, раковины и проч. На северном склоне этой же горы находится громадная пещера.

Напротив горы Ахабиук, через речку, видны полузасыпанные пещеры в известковых пластах, богатых отпечатками разных видов рыб. Подобные же пещеры встречаются у С.-В. подножия горы Абыдза, в 6 верстах от г. Сухума.

Вокруг г. Сухума, даже в самом городе, у дороги по ущелью р. Маджары, а также в склонах горы Абыдза, у реки Гумисты, известно большое количество чрезвычайно любопытных пещер.

В горных котловинах Джигетии и Абхазии найдены следы озерного периода построек человека. Быть может, здесь найдутся следы свайных жилищ человека, какие известны в Закавказье на озерах Гокча и Топаравана.

Пицунда

Близ Пицунды находятся развалины древнего города Питиунта, о котором Страбон говорит, что он имеет в окружности 30 верст. Описание этих развалин есть у Дюбуа.

В 15 верстах от Пицунды, у рукава реки Бзыби (Мычиш) известен пещерный монастырь в отвесной скале, с окнами над входом в пещеру.

По словам полковника Введенского, нижний ярус этого монастыря состоят из 22 келий; в одной из них, осмотренных по его указанию в мае 1879 года, найдены «в слое земли серебряная ложка, два глиняных черепка и три металлических небольших прутика». Верхний ярус келий остался неосмотренным.

Гудаут

К северу от поселка Гудаут, над морем находится древний монастырь Солагу, незадолго до путешествия Дюбуа поврежденный землетрясением.

Против Гудаутского порта известны подводные камни, которые, по словам Г.Чернявского, представляют собою затвердевшие глыбы каменной кладки; по всей вероятности, они – остатки древних стен береговых сооружений.

На вершине горы Дудриниш (близ г. Сухума) найдено множество стрел и копий, по-видимому принесенных в виде жертвоприношений.

Заметны еще поныне следы древней римской дороги через Главный хребет и дорог, проведенных в недоступные в настоящее время трущобы Абхазии, в урочище Айцера, Айквару и другие.

Перечисленные сведения о местонахождении древних памятников собраны из всевозможных источников, начиная от устных рассказов местных жителей, до ценных исследований древних и современных ученых любителей археологии.

Из сказанного можно заключить, что все Кавказское побережье Черного моря представляет еще доныне богатый край для исследования и ждет опытного археолога, который, путем тщательных исследований, изучит его и в ярких чертах воспроизведет древнюю жизнь и всю роскошь и богатство этого оживленного в древности края.

К.А.Владимиров. Древности Черноморского побережья Кавказа. – СПб., 1900. С. 3 – 22.

В заброшенных углах Кавказа

(Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г.)

Н.М. Альбова*

Мм. Гг. Ваш председатель просил меня рассказать несколько эпизодов из моих путешествий по Кавказу в течение лета 1894 г. По правде сказать, эта просьба поставила меня в затруднительное по-

* *Сообщение, сделанное покойным Н.М.Альбовым[94] в Женеве, в Альпийском клубе, на французском языке.*

ложение. Могут ли мои экскурсии в горах западного Закавказья, из которых самые высокие едва достигают 3500-3600 метров, представлять какой-либо интерес для отважных туристов, привыкших взбираться на самые высокие вершины Альп? К тому же я, будучи скорее ботаником, чем альпинистом, (в своих исследованиях ограничивался лишь тою областью, которая находится ниже линии вечных снегов. Естественно, что эта зона горных пастбищ интересовала меня больше, чем пояс ледников и голых скал.

Впрочем, эти места, более скромные, чем та страна, к которой направлены стремления вашего клуба, имеют свою прелесть, благодаря отчасти своей изолированности, которая для страстного путешественника является весьма сильным магнитом. Наконец, единственная в своем роде природа западного Закавказья, так мало похожая на природу Швейцарии, и в особенности условия путешествия, совершенно отличающиеся от существующих в Альпах, быть может, представят для вас некоторый интерес.

В течение лета 1894 г. я побывал почти во всех уголках западного Закавказья. Я посетил землю черкесов, Абхазию, Мингрелию. Я заканчивал тогда исследование этих мест в ботаническом отношении, производившееся мною в продолжение семи лет. Из всех этих своих экскурсий представляющих: интерес, главным образом, для ботаника, я буду говорить только о тех, которые я предпринимал в Черноморском округе. Быть может, на всем Кавказе не найдется уголка менее известного и менее исследованного, чем южная часть этого округа. Обширная территория, некогда заселенная воинственным народом – черкесами, всего только 30 лет как перешла, после ожесточенной борьбы, под власть России. Побежденным было предложено одно из двух: или подчиниться и сделаться русскими подданными, или уходить на все четыре стороны. Гордый народ, высоко ценивший свою свободу, предпочел последнее и в целом составе, до последнего человека, эмигрировал в Турцию. Местность вследствие этого хода сделалась пустынною. Вскоре, правда, явились новые поселения, выходцы из всех стран Света: армяне, греки, финны, немцы и т.д. Из всех элементов русское правительство думает создать новое население в округе. Но эти колонисты, привыкшие к другому образу жизни, чем черкесы, поселились только в некоторых пунктах, весьма удаленных от берега моря; а вся остальная часть округа, высокие долины рек, некогда кишевшие народом, остались незанятыми и остаются таковыми до сих пор; кроме того, всякий путешественник, который пожелал бы проникнуть вглубь

страны, очутился бы в очень затруднительном положении вследствие недостатка в проводниках, знакомых с горными тропинками; тропинки же эти за 30 лет, протекших со времени завоевания, успели обвалиться или совершенно зарасти непроходимым лесом. Путешествовать одному нет никакой возможности. Карты Главного штаба приносят небольшую пользу, так как они относятся ко времени завоевания края; что касается новых карт, основанных на позднейших съемках, то они стали издаваться только в самые последние годы.

Все это объясняет, почему исследователи, исходившие в последнее время Кавказ во всех направлениях, оставляли в стороне Черноморский округ. Некоторые из них, впрочем, посетили северную часть этой местности, где население гуще и горы не так высоки, но южная часть, почти необитаемая, с своими грандиозными горами, остается до сих пор совершенно неисследованною. А между тем ее высокие горные цепи, из которых некоторые не уступают по высоте Главному Кавказскому хребту, наверно, полны глубокого интереса. Меня в особенности сильно занимала одна горная цепь в южной части округа, невысокая, но замечательная во многих отношениях и вся состоящая из известковых пород.

Но здесь я должен сделать маленькое отступление, чтобы вкратце познакомить вас с топографией этой местности.

Южная часть Черноморского округа орошается двумя реками или, лучше сказать, двумя главными горными потоками, которые берут свое начало в Главном Кавказском хребте или на его контрфорсах и через узкие ущелья яростно несутся к морю: эти реки называются Мзымта и Псеу. Первая из них берет свое начало в одной из вершин Главного хребта; вторая – в боковой цепи, соседней первой реке. В верховьях эти реки следуют по продольным долинам, параллельно Главному хребту. Эти долины разделены одна от другой высокою горною цепью, превосходящею по высоте даже Главный хребет, и в северной части носящей название Аюмха, а в южной Адзитуко. Кроме того, между верхнею долиной Псеу и Черным морем тянется длинный известковый кряж, по имени Ахахча-Кацирха, непосредственно переходящий в горы Абхазии. На этот последний я в особенности желал бы обратить ваше внимание.

Он представляет совершенное подобие Юры, по крайней мере в той ее части, которая видна со стороны Женевы, и имеет почти ту же высоту. Высокая долина Псеу, лежащая между ним и Аюмха-Адзитуко, известна под именем Аибги. Тут некогда жил разбойни-

чий народец абхазского племени, нашедший ныне себе убежище в Турции. В настоящее время эта местность совершенно пустынна.

Проникнуть в горы со стороны соседней долины Аибги было постоянною моею мечтою, и я несколько раз пробовал пройти к ним со стороны Абхазии. Но все мои попытки были безуспешны, вследствие недостатка в хороших проводниках. Наконец, в этом году я решился возобновить свое предприятие без проводника, рассчитывая только на собственные силы. Задумано – сделано. Первою станцией на моем пути должен служить вышеупомянутый известковый кряж Ахахча, который находится от берега Черного моря в каких-нибудь 15-20 километров.

В армянской деревушке, расположенной у подошвы этой горы, я подрядил для пути трех человек и нанял вьючную лошадь; снарядив таким образом свою экспедицию, я двинулся в путь. Вы скажете: какие же могут быть трудности взобраться на гору, которая поднимается прямо над равниной, да, кроме того, относительно и невысока (в своей наивысшей точке едва достигает 2700 метр.). То, что я вам сейчас расскажу, убедит вас, что это вовсе не так легко. Дело в том, что вся эта гора, от самой вершины, совершенно покрыта густым, девственным лесом, через который так же трудно пролагать себе путь, как в каком-нибудь тропическом лесу.

Представьте себе непроходимую чащу всякого рода густолиственных деревьев: дуб, граб, бук, каштан, смоковница, курма и т.д.; перемешанные между собой, тесно прижатые друг к другу, отвоевывающие взаимно каждую пядь земли, они перевиты сверху донизу разными лианами и ползучими растениям: Sarsaparilla, Dioscorea и т.д.; длинные и гибкие, как веревки, эти растения перекидываются с дерева на дерево, опутывают их, как нитями, затем падают на землю колючими лентами и при малейшем нашем движении цепляются за платье. Эти паразиты иногда так густо окутывают деревья, что из-за них невозможно различить породу дерева: из последнего получается лишь бесформенная масса зелени. За лесом тянется точно такая же густая заросль колючих кустарников: Ruscus, Cotoneaster и т.д., опутанная ползучей ежевикой с твердыми иглами.

Можно себе представить, до какой степени затрудняет путь такая чаща. Мои люди, не переставая, работали топором и кинжалом, рубя направо и налево лианы, и все-таки мы продвигались вперед с трудом. Как велико было наше удовольствие, когда на высоте около 1000 метров кончилась, наконец, эта дьявольская чаща и лес стал реже и светлее. Но тут нас ожидали новые трудности: внезапно

подъем сделался крайне крут и почва каменистою, а поэтому и очень трудною для нашей лошади. Затем потянулись бесконечные заросли лавровишни и понтийского рододендрона, которые подобно стене преграждали нам дорогу. Мы принуждены были вновь прибегнуть к топору и возобновить ожесточенную борьбу с лесом. Но вот, наконец, пройдена высшая граница деревьев и достигнута альпийская зона: всем нашим злоключениям, казалось, наступил конец. Увы!

Едва только мы ступили ногой на альпийские пастбища, как встретились с еще большими трудностями. Дело в том, что Ахахча, уже 30 лет не посещаемая никем, покрылась самыми тучными пастбищами, какие только можно себе представить. Трава достигает метра и даже более высоты. Местами луг покрыт исключительно новым видом Geum с оранжевыми цветами (Geum speciosum). Нет никакой возможности отыскать дорогу в этом настоящем травяном лесу. Идти наудачу, ощупью, весьма неприятно и даже опасно: каждую секунду рискуешь вывихнуть себе ногу, так как гребень хребта состоит из бесчисленных обломков известковых глыб, полных трещин и глубоких впадин; и все это скрыто под густой травой. Притом ни одной капли воды на всем протяжении хребта. Не предвидя этого последнего обстоятельства, мы не запаслись водой и были жестоко наказаны за свою непредусмотрительность. Встреча, после нескольких шагов по лугу, с небольшим стадом серн, убедила нас в полном отсутствии человека в этих местах. Эти животные нисколько не думали спасаться бегством и с любопытством смотрели на нас, как бы спрашивая: кто это осмелился проникнуть в их владения, в которых они во всю их жизнь видели только подобных себе? Нам не стоило никакого труда, с первого же выстрела, убить одну серну. К сожалению, мы не могли ею воспользоваться, так как у нас не было дров, чтобы изжарить ее мясо.

Мы принуждены были остановиться на ночлег там, где застала нас ночь, среди открытого луга, без всякой зашиты на случай ненастной погоды. Как нарочно, ночью пошел проливной дождь и промочил нас до костей; к счастью, он пощадил мои коллекции, завернутые в клеенку (не имея палатки, я всегда беру с собою два или три куска клеенки, которая служит мне для защиты моих вещей). Однако, дождю этому суждено было избавить нас от мучительной жажды: и, действительно, на другой день мы отыскивали в расщелинах скал дождевую воду, которою мы и должны были удовольствоваться за неимением лучшей.

Но вот погода прояснилась, и мы направились далее вдоль хребта; вскоре мы нашли тропинку, которая нас привела, наконец, к ключу, источнику реки Лаша (приток Псеу). Отсюда мы шли по довольно заметной тропинке. Таким образом, нам удалось пройти Ахаху-Кацирху по всему ее протяжению. Дойдя до конца, мы очутились в виду горы Хаг, значительного горного узла, связанного контрфорсами с одной стороны с горами Абхазии, а с другой – с Адзитуко и источниками Мзымты. Мы попытались было взобраться на эту красивую гору, но без успеха, так как склоны ее очень круты, а местами почти вертикальны. Я хотел идти дальше до горы Адзитуко, но мои армяне энергично воспротивились этому, один оправдываясь болезнью, другие усталостью. Пришлось отказаться от своего проекта и вернуться по тому же пути, оставив до другого раза исследование этих гор, несмотря на их близость. Так окончилась моя первая экскурсия в Черноморском округе. Она подтвердила мои предложения о совершенном неведении, в котором мы находимся насчет флоры этого края, так как я в эту экскурсию собрал целую коллекцию новых или очень редких видов.

Убедившись, что без хороших проводников я не могу достигнуть успехов в своих исследованиях, я потерял всякую надежду найти их в Черноморском округе, я решил предпринять новую экспедицию со стороны Абхазии, с проводниками из абхазцев, самыми лучшими, по-моему, во всем западном Закавказье.

Страстный любитель бивуачной жизни, охоты и горных приключений почти всякий абхазец проводит несколько лет своей жизни в горах в качестве пастуха или охотника. Я часто встречал в обществе пастухов, далеко в горах, совершенно маленьких ребят едва 6-7 лет от роду. Привыкши с детства к горной жизни, абхазец умеет как бы по инстинкту всюду находить дорогу в горах. Он является, вместе с тем, незаменимым товарищем; он услужлив, ловок, всегда умеет найти удобное место для ночлега, развести большой костер даже под дождем, отыскать воду и т.д. Нет ничего легче, как найти спутников в абхазской деревне; почти все готовы сопровождать вас... Но, напротив, очень трудно найти настоящих проводников. Большинство добродушных жителей, которые выдают себя за таковых, на самом деле только хвастуны, хотя, в общем, и хорошие малые. Под влиянием перспективы прогуляться в горы и в то же время заработать несколько копеек, они прибегают к этой невинной лжи, рассчитывая всегда дойти до цели с помощью расспросов у пастухов или охотников, а то и просто полагаясь на собственный ин-

стинкт. Но если им не встретился никто, кто мог бы дать указания, или если собственное чутье их обманет, то тем хуже; они способны тогда заявить вам среди дороги, что не желают идти дальше, и преспокойно возвращаются домой. Подобный случай был со мной два раза. И это не результат злой их воли, а просто следствие их взгляда на вещи; эти люди, истинные дети своей страны, действительно, не понимают, что такое обязательство, необходимо поэтому быть крайне осторожным в выборе проводников. Прежде чем нанять кого-нибудь из них, следует тщательно выведать все, что он знает, и навести справки насчет его достоинств. Самое лучшее, это – познакомиться в той местности с кем-нибудь, к кому вы можете питать полное доверие и кто мог бы найти вам нужных для экскурсии людей.

Таким полезным другом был для меня некий Туга Моакба, земледелец из самой дальней, в данной местности, деревни. Он сопровождал меня в течение двух лет в моих путешествиях по Абхазии, и я не могу достаточно нахвалиться его достоинствами, как проводника, и его хорошим характером. Уже пожилой, но богатырски сложенный, еще бодрый и деятельный, с доброю улыбкой ребенка он был очень приятным компаньоном с которым легко было коротать трудные часы путешествия. Останавливаясь у него проездом, я всегда находил в его доме сердечный прием и самое широкое гостеприимство. Туга был отцом нескольких дочерей, восхитительных девушек, настоящих черкесских красавиц с большими миндалевидными глазами и длинными шелковыми ресницами. Вся эта молодежь радостно бросалась мне навстречу, зная хорошо, что я привез конфет и для каждой маленький подарок.

Какой восхитительный уголок у этого Туги! Чистенький домик из досок, с террасой во двор, в котором теснится несколько гигантских ореховых деревьев; пред домом садик, где яблони и груши растут без всякого ухода вперемежку с лесными породами – смоковницей, хурмой; их обвивает виноград, черные кисти которого свешиваются с ветвей наподобие драгоценных серег. Справа и слева тянутся плантации кукурузы – целый лес высокой широколиственной зелени; гранаты, протягивают вдоль изгороди свои огненно-красные плоды. Далее виднеются хижины соседей, сплетенные из ветвей рододендрона, покрытые камышом или папоротником и окруженные большими традиционными орехами. Во дворе, близ дома Туги, также видны несколько подобных хижин – вы бы сказали плетенок, – из которых одна служит кухней, другая амбаром, третья хлевом. За

домом начинается лес, дремучий девственный лес, который тянется до самой горы, покрывая весь ее склон.

Поздоровавшись, я затем объясняю цель своего прихода Туге, который охотно соглашается меня сопровождать, несмотря на ожидающую его дома работу. По правде сказать, он не знает гор Черноморского округа, но берется найти более сведущих людей, и, действительно, на другой день я вижу, как в его дом приходят абхазцы, в сопровождении толпы зевак, привлеченные любопытством. Тотчас же начинаются переговоры.

Нет ничего труднее, как договорить людей или нанять лошадей в Абхазии: беспечные, незнающие цены времени, добрые абхазцы сильно испытывают ваше терпение. Переговоры могут длиться по нескольку часов без всякого результата. Иногда дело кажется уж слаженным, как вдруг, из-за какого-нибудь ничтожного повода, они берут свое слово назад. Важные советники, которые присутствуют при этих переговорах, часто является виновниками этих недоразумений. Точно так было и на этот раз. Я считал уже переговоры оконченными – мои абхазцы были готовы меня сопровождать, – как, вдруг посоветовавшись с окружающими, они заломили с меня такую цену, такую неслыханную в этих краях цену, что я был вынужден прекратить с ними всякие разговоры. Взбешенный своею неудачей, браня своего хозяина за подобную рекомендацию, я тотчас же его покинул и отправился в другую деревню, надеясь быть там счастливее. В деревне Калдахвара, расположенной на левом берегу реки Бзыбь (одна из главных рек Абхазии), близ границы Черноморского округа, я сразу нашел то, что было нужно мне. Это были Домей Барциц и Урус Чагуа, настоящие горные волки, проведшие в горах почти половину своей жизни. На вид немного дикие в своих лохмотьях, с длинными всклокоченными бородами, с большими наивными глазами, но веселые, довольно любезные и очень подвижные, – они мне сразу понравились. Их условия были очень скромны, и мы договорились в две минуты. Они помогли мне найти поблизости осленка для перевозки багажа.

На закате солнца пришел из своей деревни Туга Моакба, тоже желая меня сопутствовать. Затем на другой день очень рано все сошлись в одном месте, и мы могли двинуться в путь. Вот каков был план нашей экскурсии: перейти горы, которые возвышаются по ту сторону реки Бзыбь, дойти до границы бывших черкесских поселений, следовать пограничными цепями и: добраться до горы Адзитуко, внушительного массива, высотой в 3500 метров, служащего во-

доразделом между источниками Псеу и Мзымты; затем по источникам Мзымты и абхазским горам спуститься к Сухуму. Все это расстояние около 200 километров, мы думали пройти в 15 – 16 дней. Это не очень много, но если принять во внимание, что мы должны были проходить по заброшенным местам, где мы рисковали не встретить живой души, то наше предприятие оказывалось не из легких.

Было великолепное, солнечное, ярко-сияющее утро, когда мы покинули Калдахвару. Чуден был вид деревни, если так можно было назвать отдельные усадьбы, разбросанные в беспорядке вдоль холмов на пространстве около 25 километров в квадрате, окруженные плантациями кукурузы и садами, вперемежку с настоящими лесами. В деревне все уже давно проснулись. С плантаций доносился шум тохи (железное орудие, вроде лопаты, для уничтожения сорной травы и в то же время для разрыхления земли). Сквозь полупросвечивающие стены хижин-плетенок проходил голубоватый дым от очагов, на котором готовился завтрак. Все деревенские звуки весело доносились до моих ушей: вызывающее пение петуха, ленивый лай собак, голоса людей, перекликающихся вдали, блеяние коз, маленькое стадо которых гнал нам навстречу полунагой мальчишка, гордый в своих лохмотьях с большими, черными, глубокими глазами. На дороге, близ источника, мы встретили неподвижную, как статуя, молодую абхазку с кувшином на плече. Легкая и стройная, с черными, как смоль волосами, повязанными небольшим платком, с роскошными бровями, удивительными глазами, гордо подбоченившись своею свободною рукой, она, казалось, застыла в своей классической позе. Когда мы, приблизившись к ней, произнесли свое утреннее приветствие «ши-ши-бзе» (доброе утро), она, не поднимая своих длинных шелковых ресниц, отвечала нам: «бзела-абыид» (здравствуйте), и мы продолжали свой путь. Внизу, у подошвы зеленых холмов, стремительно катил свои пенистые волны большой горный поток Бзыбъ, торопливо направляясь к морю. Мы переправились с помощью парома и затем стали взбираться на высоты, поднимающиеся по другую сторону речки. Эти высоты, господствуют над Бзыбом, образуют громадный известковый массив пространством около 25 километров. На нем, как на гигантском пьедестале, возвышается целый лабиринт скалистых вершин в 3000 метров вышины, изборожденный дикими ущельями, в которых скопившийся за зиму снег сохраняется все лето. Две дороги идут через этот массив: одна, достигнув почти 2600 метров высоты, проходит вдоль

всего северо-западного его склона до самого контрфорса, который, отделяясь от массива, связывает его с горами земли черкесов. Другая дорога следует по массиву во всю его длину, проходя по самому гребню. Первая называется у абхазцев «ачадам» т.е. ослиною дорогой, так как она доступна для этих животных; вторая «ашепеум», что значит дорога пешеходов. Имея с собою вьючное животное, мы выбрали, конечно, первую.

Медленно карабкались мы со своим осленком по совершенно обнаженному известковому скату, который солнце начинало жечь всею силой своих лучей. Какою великою радостью было для нас, утомленных сильною жарой, встретить рощицу тенистых каштанов. которые наподобие оазиса поднимались среди печального и пустынного склона и под которым мы сделали привал. Совсем близко около нас вырывался из-под скалы великолепный ключ ледяной воды. Это была последняя вода на нашем пути: в продолжении следующих трех дней мы ее больше не видали. Ночь нас застала в древнем лесу из гигантских пихт (роскошная Abies Nordmanniana ваших парков и садов). Выбрав из этих деревьев самое удобное для защиты на случай ненастной погоды, мы расположились под этим природным шатром. Мои проводники тотчас же создают великолепный костер, который они поддерживают смолистыми ветвями пихты. Толкнув ногой осленка, мы предоставляем ему пастись там, где ему кажется лучше. Затем приступаем к приготовлению обеда. Чайник – верный и незаменимый товарищ моих путешествий – уже весело кипит на ярком огне; в другой посуде варится нечто вроде каши или, лучше сказать, похлебка из воды и кукурузной муки. В продолжение двух недель эти два блюда: чай с черствым хлебом да «абыста» (абхазское название кукурузной похлебки), с прибавкой куска соленого туземного сыра и нескольких сырых луковиц, будут составлять нашу неизменную утреннюю и вечернюю еду. В исключительных случаях, после особенно трудного дня, будет раздаваться всем по небольшому количеству водки. И каким питательным кажется нам этот скудный обед, так как усталость и голод заставляют нас не быть требовательными. Под гостеприимством исполинской пихты, близ разгоревшегося огня, который весело пылает и трещит, мы чувствуем себя как дома. В то время, как весь лес кругом погрузится в глубокий мрак и кажется зловещим и полным таинственности, в нашем уголке светло и тепло. Пламя костра, меняясь и колеблясь, резко освещает деревья, придавая им фантастические черты. Ветви пихт, склоняющихся над нами и с которых падает длинными

серыми лентами бородатый лишай (Usula barbata), кажутся нам мохнатыми лапами какого-то необыкновенного чудовища. С наступлением ночи лес наполняется таинственными звуками. Чу! Как раз над нами раздается пронзительный крик филина. У-гу! – отвечает ему вдали из недр леса зловещий и мрачный, как из могилы, голос совы. У-гу! – отвечаю я, подражая ей; в течение моей шестилетней бивуачной жизни я привык к этим унылым ночным звукам, которые, являются настоящим пугалом для новичков. Расположившись поудобнее вокруг огня, мы с наслаждением упиваемся чаем и покуриваем трубки. Мои абхазцы, не умеющие молчать ни одной минуты, рассказывают, как быль, разные фантастические истории, приключения в горах, на охоте и т.п., или распевают вполголоса мелодии своей родины. Затем веки наши тяжелеют и напоминают нам об укрепляющем сне. Мои проводники устраивают мне роскошное ложе из ветвей папоротника. Завернувшись в свою просторную бурку, я бросаюсь на эту импровизированною постель и моментально засыпаю.

На рассвете нас будит резкий холод, и с наступлением дня мы трогаемся. В полдень небольшая остановка на один или два часа и скудный завтрак из черствого хлеба, размоченного в воде. Уж поздний вечер, а мы все идем, чтобы остановиться в месте, заранее намеченном проводниками. Так проходит у нас всякий день.

Наконец, достигнув горных пастбищ, мы начали взбираться на известковый массив, поднимавший перед нами свои белые скалистые вершины. Путь наш проходил по унылым лугам, выщипанным стадами и сожженными солнцем (это был конец августа, т.е. осень в горах). Вследствие недостатка в воде мы были принуждены заменять ее снегом, который мои отважные абхазцы, умудрялись доставать со дна очень глубокой пропасти, истинного ада, доступного преддверия лишь для дьявола или абхазца. Тропинка была, впрочем, довольна удобна, и мы к следующему дню могли без особенного труда подняться на высоту 600 метров и начать свой спуск по северо-западному склону. С наступлением ночи мы отыскали воду и с тех пор не имели в ней недостатка.

Теперь нам предстояло идти вдоль северо-западного склона в продолжении нескольких дней, держась постоянного направления к северу. Что вам сказать об этой части нашего пути? В течение 6 лет моих кавказских экскурсий я редко видал более дикие и грандиозные места, более головокружительные дороги. Наша тропинка то поднималась на почти отвесные известковые утесы, то быстро сбе-

гала по склону, покрытому обложками скал, которые, ускользая из-под ног, угрожали нам серьезною опасностью. Наш осленок – нужно отдать ему справедливость – героически совершал восхождения и спуски. Мы принуждены были только один раз облегчить его. В никоторых местах едва доступная тропинка висела над зияющей бездной, между тем как, с другой стороны, над нашими головами воздвигалась стена отвесных скал в 300 метров вышины и больше. Зато, какая богатая и разнообразная флора покрывала эти дикие и мрачные места, способные служить прекрасною иллюстрацией для Дантова Ада! Все, что есть особенного, редкого, нового во флоре известняков Западного Закавказья, было сконцентрировано здесь как бы для того, чтобы богатейшею ботаническою добычей вознаградить меня за все мои усилия и утомления в этом пути! Роскошная Betonica nivea длинными и очень узкими листьями, снежно белыми снизу, и с большими белыми цветами; Amphoricarpus elegans – красивая композиция серебристо-белых листьев; грациозная Scutellaria pontica с прекрасными розовыми цветами; новые виды Chaerophyllum, Burleurum, Purethrum и т.д., и т.д., украшали на каждом шагу известковые скалы, превращая их в настоящий цветущий сад. В одном месте, на отвесной известковой стене, в нескольких метрах над дорогой, я вдруг заметил большое лиловое пятно, – какое-то растение в полном цвету. Хотя я не мог рассмотреть его так далеко, тем не менее я тотчас же решил, что это какой-нибудь новый вид, до такой степени по внешности оно отличалось от всей знакомой мне флоры края. Не будучи в состоянии достать его сам вследствие большой высоты скалы, я послал туда одного из моих проводников, который босиком, с ловкостью кошки, вскарабкался на стену и успел с помощью своей палки сорвать желаемое растение. Спустя минуту я держал в своих руках великолепную кампанулу (Campanula mirabilis Alb off), подобной которой я еще ни разу не встречал: крепкий стебель умеренной толщины, разветвляющийся с основания, несущий на концах своих ветвей более сотни больших цветов красивого бледно-лилового цвета с пурпуровым оттенком. Настоящая пирамида из цветов, начинающаяся прямо от грунта. Листья этого растения самые необыкновенные, – очень твердые, почти пергаментной консистенции и снабжены по краям прозрачными маленькими иглами. Как необычный вид, это растение занимает совершенно особенное место в семействе колокольчиковых. Оно не напоминает ни один из существующих видов, и это заставляет меня думать, что оно остаток флоры предшествующей геологической

эпохи. Оно было для меня самою ценною наградой за все то трудное путешествие, – не говоря уже о весьма законном чувстве удовлетворения от сознания, что я посетил те места, в которых ни разу не ступала нога европейца.

Вечером, на пятый день нашего пути, мы, наконец, достигли первых отрогов черкесских гор. Чем дальше мы подвигались, тем более местность делалась дикою и необитаемою. Наша тропинка то шла через девственные леса, в которых царил полумрак и торжественная тишина обширного храма, то следовала по роскошным лугам, покрытым колоссальными зонтичными в три метра вышины и со стеблем в пять сантиметров толщиною. Мои абхазцы, из которых некоторые, как, например, Туга, были уже с проседью, набрасывались как дети на эту траву, чтобы смастерить из нее свирели. Во время вечернего привала они занимались пробой этих импровизированных инструментов, и каждый друг перед другом старался извлечь лучший звук.

Ни единой души во все продолжение пути!.. Правда, иногда ночью вдали мы замечали огни пастухов, но это было очень далеко, быть может, в одном или двух днях пути!

В один прекрасный день проводники мне объявляют, со смущенным видом, что провиант наш на исходе и что у них остается только несколько горстей кукурузной муки. Взбешенный, я спрашиваю, почему они не запаслись провизией по крайней мере на две недели?

Они, видите ли, надеялись встретить пастухов! Это было, на мой взгляд, очень плохим оправданием, так как опыт моих путешествий научил меня справедливости следующей поговорки: «нужно быть сумасшедшим, чтобы рассчитывать на свет луны или на пастухов». Все равно, как луна может скрыться за облака, и светлая ночь смениться густым мраком, точно также и абхазские пастухи, располагающиеся сегодня здесь, а завтра там, и которых не всегда отыщешь, могут очень легко не оказать никакой помощи. Всякий путешествующий в этих краях, всегда и всюду должен рассчитывать на самого себя. Теперь я испытал это на себе. Что делать? Необходимо было подчиниться печальной действительности. Я делю собственный провиант со своими проводниками, и мы продолжаем путь, надеясь на счастливую встречу с пастухами.

Судьба нам благоприятствует. Вскоре мы замечаем совсем близко от нас голубоватый дым, поднимающийся из соседнего леса, и слышим лай собаки: два верных признака присутствия человека. Мы направляемся туда и через несколько минут оказываемся в ве-

селом и шумном обществе пастухов. Последние встречают нас тем более сердечно, что в проводниках они узнают своих земляков. Наш осленок также находит здесь несколько знакомых товарищей из той же деревни и приветствует их восторженными звуками. Таким образом, все довольны. Осленка выгоняют пастись в компании его друзей.

Что касается нас, то мы располагаемся у огня, у которого нам приготовлено почетное место. Абхазские пастухи не строят себе шалашей, у них нет даже простых палаток, и ночи они проводят под открытым небом, завернувшись в свои бурки. Наше прибытие обрадовало их тем более, что они уже два месяца никого не видали. Едва только мы уселись вокруг, как начался взаимный обмен новостей с жестами, восклицаниями, взрывами смеха. Тут были люди всех возрастов, начиная с согбенных летами старцев до мальчиков 7-8 лет. Все они дышали здоровьем во всем своем теле, загоревшем от солнца, с живыми веселыми глазами, одетые в неописуемые лохмотья и маленькие войлочные шляпы конической формы. У каждого было по длинной палке из твердого дерева кизила с железным наконечником и с крючком наверху, на который, когда палка воткнута в землю, навешивается ружье. Хозяйство у этих пастухов очень несложно: четыре кола поддерживают небольшой навес из ветвей и папоротника, а под ним какая-нибудь провизия и посуда. Близ огня бродили собаки, очень злые, похожие на волков и бросавшиеся на нас при каждой нашей попытке отойти от стоянки. Стадо коз, приведенное только что с пастбищ, окружало нас со всех сторон. Эти животные дерзко, без всякой церемонии, приближались к нам, карабкались на наши вещи, грызли их, причиняя нам всякие неприятности даже ночью. Между тем как в большом чугуне варится мясо для нашего ужина, пастухи предлагают нам только что сдоенного молока; затем мясо готово, и нам дают его таким, как есть, с прибавкою кислого молока и сыру. Абхазские пастухи не знают хлеба, и кукурузная кашица является для них блюдом роскоши. Их ежедневная пища состоит из кислого молока и свежего сыру; к этому иногда прибавляют мяса серны или козленка. После плотного ужина каждый закуривает свою трубку. Затем заводится один из тех шуточных и бесконечных разговоров, на которые так падки абхазцы; в промежутках поют или пробуют недавно сделанные свирели. Далеко за полночь, уже засыпая, я еще слышу взрывы смеха и дикие звуки хора...

На другой день утром мы прощаемся с пастухами, которые отказываются от всякой платы, и снова трогаемся в путь.

Теперь мы идем вдоль пограничной линии, отделяющей Черноморский округ от Абхазии, и с высоты кряжа, по которому следуем, наслаждаемся великолепным видом на горы этих двух областей. Гора Адзитуко, главная цель нашего путешествия, недалеко от нас. Ее грандиозная вершина, вся из скал, ее сияющий на солнце ледник, – вот они, прямо перед нами. Еще два дня пути, и мы будем у ее подошвы. Мы ночуем в ущелье, по которому бежит шумный поток, текущий из ледника Адзитуко. Мы предполагаем, что отсюда возможно взобраться на вершину и исследовать этот ледник, не обозначенный на карте Главного штаба. На другой день прекрасная погода, и ничто не мешает нашему подъему. Оставив свой багаж внизу, в долине, мы принимаемся за восхождение, без труда достигаем ледника, и пройдя его с одного конца до другого, приходим к перевалу, откуда видим, как развертываются перед нами горы Абхазии. На скалах, господствующих под этим перевалом, мы замечаем дикую козу; она спокойно смотрит на нас, считая себя в полной безопасности: ведь невозможно, в самом деле, думать об охоте на этих недоступных утесах. Мы все-таки пытаемся взобраться на них, но напрасно. И едва только мы достигли высоты 3300 метров, как были застигнуты грозой, одною из тех гроз в горах, которые так же быстро кончаются, как и возникают. Мы находим убежище под наклонною скалой, и в то время, как дождь смешанный с градом, льет ливмя, а гром оглушает нас своими ударами, мы преспокойно покуриваем свои трубки. Гроза прошла, мы продолжаем свой спуск к нашей маленькой стоянке в долину. В это восхождение я обогатился новым видом Anthemis, собранным на берегу ледника.

Мы держим совет, чтобы решить, куда продолжать нам путь, ибо сведения моих проводников кончаются горой Адзитуко (о чем, впрочем, они предупредили меня), а я сам знаю только дорогу к истокам Мзымты, куда я ходил четыре года назад. Но вот в чем затруднение. Чтобы достигнуть этих истоков, нужно перевалить через хребет Адзитуко, а не так-то легко переправиться через эту стену с вьючным животным. Но хочешь не хочешь, а нужно идти вперед наудачу.

Теперь нет возможности рассчитать наши ночевки вперед, и мы принуждены расположиться на ночлег там, где нас застает ночь. Это уж – девятая в нашем путешествии; мы ее проводим на обширном альпийском лугу, в долине между двумя высокими вершинами Ад-

зитуко. С ледников, нависших над нею, сбегают два шумных потока, которые омывают луг с двух сторон и затем, как бешеные, бросаются в глубокое ущелье. Середина луга покрыта постройками мифических Цаннов, доисторическими развалинами, имеющими вид ограды из камней в метр вышины, и происхождение которых абхазская легенда приписывает мифическому народу карликов (цаннов или цанлиев). Цанны были пастушеским народом и круглый год пребывали в горах. Эти карлики жили в то счастливое время, когда на земле не было ни дождя, ни ветра, ни снега, ни холода, ни разницы между днем и ночью, когда солнце вечно сияло на безоблачном небе. Цанны питались молоком и мясом своих коз, которое они ели сырым, так как не знали употребления огня. Но это был народ нечестивый, не веривший даже в существование Бога. Однажды Бог, разгневанный их неверием, решил их наказать. Он сперва послал на землю ветер, нагнавший огромные черные тучи, и из этих туч тотчас же начали падать хлопья ваты, быстро покрывшие густым слоем горы, населенные цаннами. Затем Бог низринул на землю огонь, который воспламенил эту вату и сжег цаннов с их стадами. Таков был печальный конец этого таинственного народа, развалины построек которого, то в виде кругов, то в виде четырехугольников, встречаются почти всюду на высоких горах Абхазии.

Ничего нет мрачнее этих ночевок на обширных уединенных лугах... Чувствуешь себя всеми покинутым, совершенно заброшенным... Это чувство особенно овладевает при пробуждении, когда, еще не отрешившись окончательно от сновидений, вы созерцаете окружающий вас печальный и дикий пейзаж, залитый белым светом луны.

Мертвящий холод, холод могилы, исходит из этих сырых скал, нагромоздившихся над вами со своими голубоватыми ледниками, которые сияют среди этого полумрака. Ни единого звука кругом. Один только шумный поток ревет на дне ущелья, убегая к темному лесу. Мои проводники спят глубоким сном, завернувшись в свои бурки, у огня, который вот-вот потухнет. Наш бедный осел тоже спит, уставши после трудного дня. Вся наша маленькая группа кажется заброшенною на этом необъятном лугу, у подножья исполинских вершин. Это – царство неорганической природы, и в этих молчаливых пустынях присутствие живого существа кажется чем-то ненормальным и странным... Таинственные постройки цаннов, остатки доисторического прошлого, усиливают впечатление. Чувству-

ешь себя на громадном кладбище, на грани, которая отделяет настоящее от прошедшего.

День, следовавший за этой ночью, был самым критическим и трудным в нашем путешествии. Нам предстояло перевалить через хребет Адзитуко, чтобы спуститься в долину Мзымты, и притом без всяких указаний, идя наудачу по направлению к гребню по крутому сланцевому склону. В некоторых местах мы должны были облегчать от тяжести нашего осла и вести его с тысячью предосторожностей по скользким плитам. После многих усилий мы достигаем, наконец, гребня, где на высоте около 3000 метров наслаждаемся великолепным видом на горы Абхазии. на далекое море, на чудную долину Мзымты, совершенно прямую глубокую и покрытую красивыми еловыми лесами вперемежку с богатыми пастбищами; хотя эта долина и обладает всем, что может сделать человека счастливым: водой, прекрасным строевым лесом, бесподобными пастбищами, плодородной почвой, минеральными источниками и даже рудами – свинцовою, цинковою, сурьмяною (открытою мною четыре года назад), тем не менее, в ней живут только две-три кучки бродячих пастухов.

А 30 лет назад она кишела людьми; тут находился целый ряд селений, принадлежащих абхазскому народу, очень воинственному, очень хищному, славившемуся особенно своими женщинами, которые считались первыми красавицами на всем Кавказе. После завоевания он весь эмигрировал в Турцию,

Мы делаем полуденную остановку тотчас около гребня, по ту сторону хребта, на зеленой лужайке, усеянной красивым крокусом золотисто-желтого цвета (Crocus Sharojani), и начинаем спускаться.

О, этот спуск по лестнице из каменных глыб на окраине морены древнего ледника, через груды вечного снега, вдоль бешеного потока, который грозил увлечь и наше животное и нас самих! Невозможно его забыть! И только достигнув границы леса, мы облегченно вздыхаем, так как пройдена самая трудная часть пути. Истоки Мзымты уже недалеко. Однако, мы еще не у цели наших трудов! Высокий отрог горы Адзитуко возвышается пред нами, преграждая нам путь. Обогнуть его нет возможности. Нужно перейти во что бы то ни стало. Выбрав самый доступный по виду пункт хребта, мы поднимаемся в этом направлении по очень крутому ущелью и после тысячи усилий достигаем перевала. Но вообразите себе наше отчаяние, когда мы убеждаемся, что с другой стороны гребень срезан почти отвесно. Что делать? Я считаю спуск невозможным, но мои

проводники другого мнения и хотят попытаться. Попытаться! Но ведь это вопрос жизни и смерти для нашего бедного осла, который бросает на склон недоверчивый взгляд, двигает своими длинными ушами и... делает решительный вольт-фас! Но мы не следуем его примеру, так как не видим никакого другого выхода из нашего положения.

Мы берем осленка за поводья, разгружаем его и, несмотря на сопротивление, соединенными силами толкаем его вперед. Бедный осленок! Когда его втащили на склон, и он увидел, что всякое отступление для него окончательно отрезано, он решается идти; наклонившись к самой земле, пользуясь самыми незначительными выступами, чтоб упереться копытам, он сходит, или, лучше сказать, сползает на животе и подвигается вперед медленно и осторожно. Затем, когда опасный переход пройден, мы видим, как он прыгает, весь дрожа от волнения, из наших грудей вылетает вздох облегчения, и мы невольно аплодируем храброму животному.

Внизу, у подошвы хребта, смотрят с удавлением на этот фантастический спуск пастухи. Мы встречаемся. После обычного приветствия: «бзехёит» (да будет здорово твое животное), на которое они отвечают словом «бзелаабыид» (здравствуйте), мы становимся их гостями. Готовится блестящий пир, которым мы хотим отпраздновать конец нашего путешествия. Жарят и варят в изобилии мясо серны и дикой козы намоченное в свежей молоке. Взамен я предлагаю водки и табаку. Заброшенные в далекие горы эти добрые люди чрезвычайно довольны нашим прибытием и настойчиво просят провести у них еще несколько дней... Мы отклоняем это приглашение, так как погода начинает портиться, и запасы наши близки к концу. Нужно спешить вернуться в Сухум.

На другой день мы без труда проходим через перевал Хехудара по истокам Мзымты в Абхазию и можем сделать свой ночной привал в этой области.

Но я не хочу злоупотреблять вашим вниманием и утомлять вас однообразием своего рассказа. Скажу только, что в проходе Ачавчяра (около 1500 м.) мы были застигнуты дурною погодой, промокнув весь день под проливным дождем, всю ночь дрожали под ужасными порывами ледяного ветра, напрасно стараясь согреться около гигантского костра.

На другой день утром погода прояснилась, позволив нам видеть все окрестные горы, покрытые только что выпавшим снегом, а был лишь 12 сентября.

Еще два дня пути, и, наконец, мы добираемся до Сухума, красивого городка на берегу моря, с белыми, чистенькими домиками, разбросанными у подошвы зеленистых волнистых холмов и утопающими в густой зелени аллей и садов, наполненных Pawlovnia, Mimosa, Cleditchia или Eucalyptus-ами. С невыразимым удовольствием после шестнадцати тяжелых дней, проведенных в суровых горах, мы вдыхаем в себя приятный ароматический морской воздух. На море разыгрывается буря, тяжелые черные облака заволакивают небо. Но что мне до этого теперь, когда я в комфортабельной комнате гостиницы, в безопасности от непогоды, могу попивать чай и покуривать трубку. «Любезный Домей, – говорю я своему главному проводнику, – где мы проведем эту ночь, найдем ли мы подходящую пихту, корм для осла, воды для чая?» – «Ничего этого не нужно» – отвечает он, улыбаясь, и в этой улыбке можно прочесть чувство удовлетворения человека, который приготовился насладиться вполне заслуженным отдыхом.

Перевел Ф.К. Гинкулов.
«Землеведение»[95]*. М. 1900.*
Т. VI, кн. 1 – П. С. 17 – 38.

Абхазия и Сухум в XIX столетии*

ГЛАВА I.

Абхазия в конце XVIII столетия. Князья Шервашидзе и другие княжеские и знатнейшие дворянские абхазские фамилии. Леван Шервашидзе. Келешбей. Дадъян и вмешательство России в дела мингрело-абхазские, Сефербей Шервашидзе. Взятие Сухума русскими. Положение Абхазии при Ермолове. Арслан-бей и абхазские восстания. Ген. кн. Горчаков и восстание 1823 года. Михаил Шервашидзе. Его воспитание. Неурядицы в Абхазии. Женитьба Михаила. Самурзакань и борьба за нее Михаила Шервашидзе и Ливана Дадьяна. Третий брак Михаила.

---

* *10 июня 1910 года истекает век со дня взятия Сухума русскими. Своевременно, поэтому, бросить ретроспективный взгляд на столетнее прошлое Абхазии, проследить историю общественно-политического ее строя. Это и составляет предмет настоящего очерка. История Абхазии в XIX веке тесно связана с Сухумом, – поэтому прошлому этого города в очерке отведено соответствующее место.*

К концу XVIII столетия владетельные абхазские князья были в боль шей или меньшей степени суверенными обладателями территории, ограниченной на юге р. Ингуром, на севере р. Бзыбью. Цебелъда же, общество Псху, Ахчипсху, приморские джигеты* (садзы), самурзаканцы или не признавали над собой власти абхазского владетеля, или подчинялись ему номинально. Бзыбская Абхазия, где в селении Лихны (Лыхны) – Соукс-су по-турецки – имел главное свое местопребывание абхазский князь, была в непосредственном обладании владетельных князей, тогда как другие части Абхазии (Абживская Абхазия, или Абжуаская, как ее называет Н.Н. Раевский**, находившаяся во владении дворянских родов, считавших себя вассалами лихнинского князя, были едва связаны с метрополией. Подобные отношения создались издревле и были причиной многих бедствий для абхазцев. Сильной централизованной власти предстояло объединение Абхазии, уничтожение феодального периода, из которого Абхазия даже при умном и сильном Михаиле Шервашидзе так и не выбралась вплоть до обращения Абхазии в Сухумский отдел. Однако, невысокая культура дворян, влияние Мингрелии на дела Абхазии, с одной стороны, и Турции, с другой, сделали то, что такой централизованной властью явилась русская власть. Последняя за столетие сделала то, к чему тысячелетие безуспешно стремился абхазский народ[96]. Этот последний тезис и должен быть доказан последующим изложением.

Абхазские предания род князей Анчабадзе (Анчба но-абхазски) считают древнее рода владетельных князей Шарвашидзе (Шарасия по-абхазски)*** а последний считают пришлым, потомком ширван-шаха. Филиппсон (Русский Архив, 1884, стр. 302) слышал, что Шервашидзе считаются выходцами из Джигетии из рода Гечь****. Один абхазец говорил мне, что Шираз – родина Шервашидзе, – отсюда-де и прозвище их по-абхазски «Шарасия».

---

*Общества Цан, Гечь и Арто.

** *Дело Ген. штаба, по описи № 6/7 – Управления Черноморской береговой линии в июне 1839 – Доклад императору Николаю I.*

*** *Сборник сведений о кавк. горцах, вып. VI стр. 29 и сл.*

**** *Г.И. Филиппсон, по-видимому, был введен в заблуждение тем обстоятельством, что Михаил Георгиевич Шервашидзе, последний князь, действительно, воспитывался у убыхского (севернее земель Гечь) князя, Хаджи Берзека Дагумоко («Руководство к изуч. Кавказа», 11, 200).*

По мнению грузинских летописцев, ширван-шах, родоначальник Шервашидзе, был одним из абхазо-имеретинских царей, чуть-ли не Давидом Возобновителем (XII в.) отцом Тамары[97]. Словом, происхождение рода абхазских владетелей скрывается где-то вне Абхазии. В 1124 г. правителем Абхазии – «эриставом» был назначен грузинским царем Дагато Шервашидзе[98]. Наряду с Шервашидзе в Абхазии существовали княжеские фамилии, кроме упомянутой Анчабадзе («грузифицированной», собств. Анчба), Маршани (цебельдинские князья, почти самостоятельные), Инал-ипа, Дзяпш-ипа, Эмхуа (Эмухвари); к знатнейшим дворянам II класса (амыста) принадлежала Лакербай, Маргани, Чичбая, Акыртава, Званбая, Микамбай.

Власть князей Шервашидзе значительно была бы сильнее, если бы время от времени ей не наносилось сильных внешних ударов, к которым присоединялись междоусобия между отдельными членами этого рода, которые в свою очередь, искали поддержки у дворянских родов, и тогда Абхазия раздиралась междоусобиями на части.

Турки, занявшие еще в XVI столетии (1578 г.) Сухум, и построившие в нем существующую до сих пор каменную крепость*, пользовались этими раздорами, чтобы держать в покорности Абхазию, где усиленно распространялся ислам и откуда вывозили много женщин и девушек. Князья Шервашидзе, уже с 1239 года объявившие себя самостоятельными владетелями, с трудом переносили турецкое владычество. Так, князь Леван Шервашидзе, вполне подчинившийся туркам и даже принявший магометанство со всем своим семейством и получивший от турок сухумскую крепость в качестве резиденции, уже в 1771 году с братом Зурабом восстал против турок, которые, однако, сумели посредством золота скоро привлечь на свою сторону Левана, и последний сдал им сухумскую крепость. Впоследствии, однако, крепость вновь очутилась в руках сына Левана Шервашидзе Келешбея (Келиш-бея). Это был энергичный, самостоятельно действовавший правитель, навлекая на себя неудовольствие Порты за принятие под свое покровительство трапезундского паши Техера, что стоило впоследствии Келеш-бею жизни. При нем Россия впервые проявила непосредственное воздействие на Абхазию.

---

* *Есть основание полагать, что под крепость отошла генуэзская крепость. (См. слов Брокгауза, 63, стр. 149, статью В.М. «Сухум»).*

Мингрелия, подавленная турками, разоряемая имеретинами и набегами сванетов (сванов), вместе с тем была предметом борьбы из-за власти Дадьянов. В 1803 г.* мингрельский князь Григорий Дадьян обратился за покровительством к России. Старший сын его князь Леван в это время был аманатом у Келеш-бея. Русские обещали Григорию освободить сына. и в 1805 году начали по этому поводу переговоры с Келеш-беем, находившимся под протекторатом Турции. Переговоры начались в крепостце Анаклия, принадлежавшей Келиш-бею, хотя и лежавшей на левом берегу р. Ингура. Во время переговоров нечаянный выстрел, сделанный абхазцем, поразил солдата, и крепость тотчас же была взята русскими; однако, в 1806 г. была возвращена абхазцам. Леван был возвращен в Мингрелию. Умный и сильный Келеш-бей не только свободно распоряжался Самурзакани, но часто вторгался в Мингрелию, которой приходилось умилостивлять его подарками, и, если бы не русская поддержка Одиши (Мингрелии), то Келеш-бей, весьма вероятно, вместо Дадьянов власть передал бы кому-либо из подручных князей Самурзакани. Последняя должна считаться неотъемлемой частью Абхазии, несмотря на православие ее населения[99]. Все княжеские и дворянские фамилии этой непосредственно примыкающей к Мингрелии области абхазские, за исключением рода Чхотуа, сванетских выходцев; в Самурзакани мы находим в 30-х годах XIX века те же дворянские фамилии, что и в северо-западной части Абхазии; у многих были владения в обоих концах Абхазии, но никто из этих князей и тавадов не имел владений по левую сторону Ингура, кроме Анаклии, принадлежавшей Шервашидзе. Тесня в предшествующие века мингрельцев на юг, абхазцы в своей передовой линии смешивались с теснимыми, переняли от них многие обычаи, твердо стояли за христианство, чего нельзя сказать про северные округа Абхазии быстро подчинившееся проповеди ислама.

В 1808 году Келеш-бей, под влиянием происков Порты, недовольной им, как это объяснено выше, был убит собственным сыном Арсланом** много бедствий принесшим родине, Сухум и его окрестности очутились во власти отцеубиийцы, но против выступил брат его, второй сын Келеш-бея Сефер-бей (Георгий в

---

* *Н.Н. Раевский Op. cit. Дело Ген. Шт. Управл. Чер. бер. лин., № 6/7.*

** *Reinnegs, 11, 8.*

христианстве), и Абхазия приняла сторону последнего: Арслан-бей бежал в Турцию. Этими семейными распрями тотчас же воспользовались почти феодальные владельцы Абжуаского и Абхазского округов, чтобы объявить себя самостоятельными правителями; то же сделали управляющий Самурзаканью Манучар Шервашидзе, родственник владетеля Абхазии, женатый на сестре Левана Дадьяна. Кроме того, Дадьяны, претендуя на Самурзакань, были заинтересованы в поддержании смут в Абхазии, и абхазцы того времени, по-видимому, не без оснований, приписывали Григорию Дадьяну влияние на отцеубийцу Арслан-бея Шервашидзе*. Манучар Шервашидзе правил Самурзаканъю как удельный владетель; в таком же управлении Али-бея Шервашидзе был и Абжуаский округ. Манучар и Али-бей были троюродными братьями Сефер-бея.

Подвигаясь с юга на север, русские, базировавшиеся в Редуткале, которым овладели в 1804 году**, овладели Анаклией. Турецкие интриги в Абхазии, борьба дворян, просьбы мингрельцев успокоить соседей, обращение за помощью Сефер-бея привели русское правительство к решению взять Сухум, удалить турок из Абхазии, восстановить власть Сефер-бея и водворить спокойствие в несчастной стране. Сефер-бей дал обещание подчиниться со всем народом России, принять христианство и Сухум оставить во власти русских. Энергичный граф Александр Петрович Тормасов, сотрудник Потемкина, главнокомандующий войсками в Грузин и на Линии, решил устранить влияние турок на Имеретию и Абхазию: после взятия Поти настала очередь Сухума***.

9 июня 1810 года в сухумскую бухту вошла и стала на якорь эскадра, состоявшая из корабля «Воин» и двух фрегатов с десантом в 600 человек, под командою капитана I ранга Дотта. Эскадра бомбардировала крепость в продолжение двух дней; турки энергично отвечали из 64 пушек. Разрушив в достаточной степени крепостные стены, Дотт спустил десант, батальон морской пехоты, под началь-

---

* *Op. cit. – Н.Н. Раевского*

** *В этом году стопушечный корабль и фрегат высадили здесь белевский полк, который и овладел турецкой крепостью.*

*** *Гр. Тормасов послал кн. Орбелиани с отрядом (12 рот. 50 казаков, 5 орудий) взять Поти. Орбелиани уже взял форштадт, когда в 20 верстах высадился Шериф-паша. Орбелиани, подкрепленный гурийцами, атаковал Шериф-пашу и наголову разбил его. Крепость сдалась на капитуляцию. В 1812 году была возвращена туркам и в 1828 году вновь была взята генерал-майором Гессе.*

ством майора Конрадини. Последний, поведя атаку с юга, овладел сначала городом, в котором считалось до 6 тысяч жителей; затем он штурмовал крепость: русские, разбив ворота, бросились на турок. Гарнизон бежал через северо-западные ворота. Батальон потерял 109 человек убитыми*.

Император Александр I назначил правителем Абхазии Сефер-бея Шервашидзе, в крещении получившего имя Георгия. Несмотря на сильную поддержку русских, Сефер-бей, однако, в течение девятилетнего правления не мог привести к полной покорности отложившихся правителей.

Чтобы обеспечить Абхазию от нападения с северо-запада беспокойных джигетов**, Сефер-бей даже обручил второго своего сына, будущего правителя Абхазии Михаила с дочерью князя сильного джигетского племени Арто – Беслангура Арт-бея. В 1813 году Манучар Шервашидзе был убит одним из самурзаканцев, по слухам, по внушению владетеля Мингрелии Левана Дадьяна и его родственника Николая Дадьяна. Общее мнение в Абхазии указывало на желание Левана приобрести влияние на дела Самурзакани через родную сестру его, [жену] убитого Манучара.*** Сефер-бей, будучи не в силах помешать происках мингрельского правителя, принужден был дать Дадьяну, по его просьбе, договорную грамоту, в которой предоставлял ему, как ближайшему родственнику малолетних детей Манучара, получать подать с Самурзакани до времени совершеннолетия сирот, с тем, однако, чтобы эти доходы шли на содержание детей. Этот хитрый прием со стороны Левана Дадьяна заставил его сестру, вдову Манучара, обращаться со своими делами, большею частью, к Дадьяну. и сохранять к абхазскому владетелю номинальную зависимость.

Влияние русских, державших в Сухуме гарнизон, до некоторой степени обуздало буйное население Абхазии, и набеги на Мингрелию значительно сократились; однако, пребывание русских в Сухуме было сопряжено, помимо большой смертности в гарнизоне, и дипломатическими затруднениями, так что в министерстве иностранных дел был уже поднят вопрос о возвращении Сухума и Абхазии туркам. А.П. Ер-

---

* *«Руководство к познанию Кавказа», Селезнева, 1850, н. 11, стр. 180.*

** *Приморские джигеты, о которых идет речь, делились на три племени: племя Цан (Чан или Сан) жило в непосредственном соседстве с Гаграми, в бассейне реки Сандрипш (Цандрипш) или Хошупсе). Подробности см. в моей статье «Гагры и их окрестности» -- Зап. К. Одт. И.Р.Г. О., кн. XXIV, вып. 1-ый); за пелеменем Цан следовало племя Арто или Арт самое многочисленное; в области р. Псоу жило племя Геч.*

*** *Н.Н. Раевский. Op. cit.*

молов, «диктатор Кавказа», написал резкое письмо* министру иностранных дел, отстаивая важное значение этого города, как нашего опорного пункта на восточном черноморском побережье, и угрожая отставкой в случае неисполнения его желания. Министерство уступило настойчивости Ермолова.

7-го февраля 1821 года умер Сефер-бей Шервашидзе**, и смуты в Абхазии вновь начались. В смерти Сефер-бея принимал участие брат его Арслан-бей*** , возвратившийся из Турции и проживавший в Гаграх; не меньшее участие принимал в смутах и другой брат Гассан-бей, имевший местопребывание в укрепленном доме на берегу р. Келасури, в шести верстах от Сухума. Это был впоследствии большой покровитель контрабанды, доставлявшейся турками, находившими у Гассана убежище, склады и защиту****. Этого-то Гассана поручено было сухумскому коменданту майору Могилянскому арестовать, что он и исполнил, заманив абхазца в крепость, откуда он был отправлен в ссылку в Россию. Между тем Арслан-бей не мешкал и набирал за Гаграми полчище из джигетов, псхувцев, ахчипсовцев, убыхов; собравши несколько тысяч, он повел их берегом, мимо Гагр к Сухуму, который и осадил утром 11 сентября 1821 года. Но на помощь крепости спешил форсированными переходами командовавший войсками в Имеретии кн. Горчако*****, захватив с собою нового владетельного князя Димитрия Шервашидзе, только что покинувшего пажеский корпус. Узнав о приближении кн. Горчакова, Арслан-бей поспешил к Кодору, который считал выгодной позицией, скопища его были отброшены с большим

---

* *От 20 марта 1820 года.*

** *Сефер-бей погребен в древней церкви в село Лыхнах. На его могиле лежит плита на уровне церковного пола. Надпись на плите сделана по-гречески. Храм этот по стилю должен быть отнесен к XI веку. Стены его покрыты живописью. На одной из фресок найдена надпись, относящаяся к 1066 г., к эпохе абхазо-карталинского царя Баграта IV, строителя нескольких церквей в Абхазии и соседних с нею областей. Кроме того, надпись сохранила память об интересном событии – о появлении в 1066 году кометы «с вербной недели до полнолуния». Действительно, в 1066 году была комета (Галлея).*

*** *Г.И. Филиппсон. Воспоминания. М. 1885, стр. 190. Изд. «Русского архива».*

**** *Другим местом, где контрабандисты находили широкое гостеприимство, были Очемчири – в Самурзакани*[100].

***** *Петр Дмитриевич, впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири (Воспоминания Г.И. Филиппсона, Р. Архив, 1884, 303. Филиппсон называет его «полудержавным проконсулом» Сибири).*

уроном. С прибытием Горчакова в Сухум Абхазия притихла*. Димитрий Шервашидзе торжественно был объявлен владетелем Абхазии, в присутствии многолюдного собрания абхазских князей и дворян. Однако, молодой князь недолго правил Абхазией: через год (16 октября 1822 года) он был отравлен одним из приверженцев Арслан-бея. Владетельным князем был назначен знаменитый Михаил Шервашидзе, второй сын Сефер-бея. Ввиду его малолетства (ему было 13 лет), управление страной было поручено его матери княгине Тамаре. Ермолов ходатайствовал об утверждении Михаила, и последнему был пожалован чин майора. Однако, интриги Арслан-бея, этого демона Абхазии, всемерно стремившегося к власти, заставили Тамару с сыном в 1824 году покинуть Абхазию: правительница слишком была слаба для того, чтобы противодействовать интригам, яду и кинжалу, столь популярным в Абхазии средствам устранения соперников. Три года Михаил прожил в Мингрелии и Имеретии. Видя Абхазию предоставленной анархии, соседние племена не замедлили воспользоваться случаем пограбить ее, но одно из таких нападений в 1823 году, когда большая партия убыхов и джигетов задумала напасть на бзибских абхазцев, было весьма неудачно для нападавших: партию вовремя заметили близ Гагр абхазские пастухи, давшие знать в Абхазию: партия была отрезана от Гагринского прохода и поголовно истреблена. Эти набеги заставили Михаила просить русских занять этот проход: однако, русские не тотчас исполнили его просьбу: необходимо было раньше стать твердой ногой в Бзыбской Абхазии**, наиболее беспокойной из всех трех абхазских округов, не считая Самурзакани***. В этой части Абхазии русские утвердились в 1824 году. Неутомимый отцеубийца Арслан-бей, живший в недоступных Гаграх, у джигетов, в этом году вновь организовал восстание для свержения молодого Михаила, случайно находившегося в своей резиденции Лыхнах (Соук-су). Владетель погиб бы, осажденный скопищами джигетов и абхазцев, если бы не присутствие в Соук-су двух рот 44-го егерского мингрельского полка, с двумя орудиями, под начальством мужественного капитана

---

* *Однако, в декабре 1821 г. абхазцы напали на небольшой русский отряд, вышедший из крепости.*

** *Бзыбская Абхазия – от Нового Афона (Псыртсха) до Жуадзех (Жуэквара). Карта 1855 года, издание штаба кавказской армии, а также карта 1842 года, штаба кавказской армии.*

*** *Округ Абхазский заключался между р. Псыртсхой и р. Кодором Абжуаской или Абживский (Абжубский) – по карте 1842 года) лежал между Кодором и р. Охури. От Гализги до Ингура простиралась Самурзакань.*

Мараховского. На помощь осажденным быстро прибыл из Имеретии тот же кн. Горчаков. На этот раз на своем пути через Самурзакань, Абживский и Сухумский округа он встретил упорное сопротивление; особенно жаркое дело он имел близ Келасур. В Сухуме он посадил на бриг «Орфей» и фрегат «Светлану», сколько мог, войска и перевел его 20-го июня в бомборскую бухту*. Обстреляв прибрежный лес из судовых коронад, Горчаков высадил первую половину своего отряда, тотчас же устроившую укрепленный лагерь, где и дождался прибытия второй половины на тех же кораблях. Между тем в Лыхнах число осаждавших возросло до 12 тысяч. Гарнизон изнемогал в борьбе, хотя держался бодро и делал удачные вылазки: так, однажды 20 человек солдат ворвались в стоящий тут же на площадке, где стоял и княжеский дом, в соседстве столетних лип, древний храм, в котором притаилось несколько десятков абхазцев, беспокоивших осажденных фланговым огнем, и перекололи всех, за исключением известного впоследствии абхазца Кацо Маргани, спрятавшегося на хорах, куда ведет узкая лестница. Провиант уже был съеден, кукуруза приближалась к концу, как однажды днем (21-го июня) осажденные заметили в лагере осаждавших необыкновенное движение: абхазские толпы устремились к берегу моря. Близ Бомбор, в трех верстах от Гудаут, скопище абхазцев и джигетов встретило отряд Горчакова: после непродолжительной перестрелки восставшие были рассеяны, и Мараховский с Михаилом были освобождены. Ермолов наградил храброго капитана Владимиром 4 степени. Шервашидзе вновь уехал в Мингреляю, где пробыл до 1827 года, побывал в Тифлисе, научился хорошо говорить по-русски и даже писать.

Михаил получил отличное горское воспитание у знаменитого убыхского князя Хаджи Берзека Дагумоко; он умел отлично ездить верхом, стрелять, был ловок и силен. Был коварен и хитер: не любил действать открыто, а по-восточному, лукаво, подкупом и наемным кинжалом. Храбростью он не отличался**. Знание природы родного племени и умение ладить с русскими дали ему возможность править страною в течение 44 лет, полных опасности умереть от пули из-за куста, от кинжала или яда.

В 1827 году Михаил Шервашидзе вернулся на родину, несколько цивилизовавшись и научившись русскому языку, побывав в Тифли-

---

* *Близ Гудаут – Cavo di Bussi генуезцев.*

** *Г.И. Филиппсон. Воспоминания. М., 1885 г., стр. 262.*

се*. Михаил стал теперь настойчиво просить русские власти занять Гагры, чтобы прекратить набеги джигетов на Абхазию**. Спустя три года русские исполнили его желание, занявши Гагры, Бомборы и Пицунду. В 1829 году княгиня Тамара осуществила желание своего покойного мужа Сефер-бея и женила владетеля Абхазии на обрученной уже с ним дочери джигетского князя Беслангура Арт-бея. Михаил увидел свою жену впервые только после бракосочетания и тотчас же почувствовал к ней отвращение. В 1831 году мать его согласилась на развод, который и совершил по местным обычаям духовник Тамары, без разрешения высшей духовной власти. Соглашаясь на развод сына, Тамара уже наметила ему другую жену из своего рода – мингрельского владетельного дома; однако, и на этот раз брак не был удачен. Михаил, возвращаясь в этом же году из Кутаиса, был приглашен на пир князем Николаем Дадьяном, которого абхазцы подозревали в убийстве самурзаканского правителя Манучара Шервашидзе. Пиршество продолжалось двое суток; хозяин был радушен, и вино лилось широкой струей. На второй день, среди шумного веселья, подвели к владетелю Абхазии, невесту, дочь хозяина. Явился священник и, не дав опомниться гостю, обвенчал его с мингрельской княжной. Вскоре Михаил опомнился, просил разводную, привел в подтверждение незаконности брака Великий пост, бывший тогда, а также то обстоятельство, что священник был отрешен от священнодействия. Однако, владетель Мингрелии не внял его просьбам, Михаил разгневанный, на третий день уехал, не взяв с собой своей жены***. В 1836 году он познакомился с дочерью Георгия Дадьяна, проживавшей в доме своей тетки Кесарии Шервашидзе, управляющей Абжуаским округом. Последствием взаимной любви был третий брак Михаила Шервашидзе. Николай Дадьян, отец второй жены Михаила, подал прошение главнокомандующему с жалобою на Михаила, ходатайствуя об уплате владетелем вознаграждения за бесчестье дочери, и главнокомандующий приказал приостановить выдачу Михаилу ежегодной субсидии, которую он до сих пор получал. Главное кавказское начальство в этом случае поступило незаконно, так как следовало удержать только половину

---

* *Руководство к познанию Кавказа, 11, 200.*

** *Торнау. Р. Вести., 1864. X.*

*** *Донесение Н.Н. Раевского. Op. cit.*

субсидии. Вообще, мингрельские Дадьяновы пользовались особым расположением Тифлиса, – поэтому они, не стесняясь нарушить добрососедские отношения, старались овладеть Самурзаканью. Мингрельский владетель Леван Дадьян, не чуждый авантюрам Арслан-бея, пользуясь, кроме того, смутами в Абхазии, молодостью ее правителя, смертью Манучара Шервашидзе, влиянием своим на его жену и свою сестру, малолетством обоих ее сыновей, стал явно обнаруживать желание овладеть Самурзаканью, и, действительно, в 1839 году он был в ней полновластным господином. Когда старший сын Манучара Александр достиг совершеннолетия, то Дадьян, желая устранить его, возвел на него клевету, будто он злоумышляет против русских, а затем, арестовав, представил начальнику войск в Имеретии. Александр был выслан в Россию. И другого своего племянника Дмитрия Шервашидзе он также хотел представить начальству, для чего послал схватить его; однако, Дмитрий оказал сильное сопротивление, и был убит. Таким образом, Леван Дадьян и овладел Самурзаканью, несмотря на все просьбы Михаила, обращенные к главнокомандующему в Грузии. Михаилу было даже, в конце концов, воспрещено обращаться с просьбами. Не довольствуясь приобретением Самурзакани, Дадьян захотел, надеясь на покровительство Тифлиса, присоединить и часть Абжуаского (Абживского) округа, границей коего с Самурзаканью была небольшая река Охури (Охурей)* между р. Галидзгой и р. Гудавой. Это тем легче было сделать ему, что жители Абживского округа считали себя почти самостоятельными, независимыми от Михаила. Тогдашний начальник кавказской береговой линии пишет в своем докладе императору – обозрении береговой линии в 1839 году: «Вопрос о Самурзакани, сей значительной области, которую оспаривают признанные правительством владетели Абхазии и Мингрелии, весьма важен. По недостатку подробнейших сведений, я приостанавливаю мое суждение. Но полагаю совершенно несправедливым назначать границей между обоими владетелями реку Гализгу**, на место р. Охурей. Я не отвечаю за ропот и его последствия в Абхазии, если и сие требование Дадьяна приведется в исполнение***. Наиболее целесообразной ме-

---

* *Н. Раевский. Op. cit.*

** *В 1877 году на берегах этой речки генерал Алхазов разбил турецкий отряд.*

*** *Н. Раевский. Op. cit.*

рой генерал Раевский считал передачу всей Самурзакани Александру Шервашидзе, сосланному в Россию. Что же касается третьего брака Михаила, то генерал Раевский предлагал признать его законным на том основании, что первая его жена в 1832 году вышла замуж за джигетского князя Гечь Эдир-бея; что же касается второй его жены, то назначить ей половину субсидии, получаемой Михаилом от правительства, и утвердить развод. Так и было сделано.

Глава II.

Возведение укреплений в Бзыбской Абхазии. Проект Паскевича. Ген. Пацовский и Гессе. Общее положение дел в Абхазии при Пацовском. Учреждение в Сухуме таможенной заставы. Положение Сухума в начале 30-х годов. Смертность в гарнизоне. Проект ген. Раевского канализации в Сухуме. Английская купеческая компания в Трапезонде и контрабанда в Абхазии. Урхекарт, Лонгворт и Белль. Уничтожение закавказского транзита. Затруднительность транспортирования товаров в Абхазию. Торговля в Абхазии и усилия ген. Раевского прекратить контрабанду и увеличить ввоз русских произведений в Абхазию.

Желание Михаила Шервашидзе обезопасить Абхазию от джигетов было более чем удовлетворено кроме заложения укр. Гагр в 1830 году, были возведены укрепления в Пицунде и в Бомборах. Последнее укрепление было назначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении беспокойный Бзыбский округ, а также быть готовым помочь в случае нужды владетелю Абхазии, имевшему главное свое местопребывание в Лыхнах, находящихся в 4 верстах от укр. Бомборы. Все эти три укрепления были возведены по мысли Паскевича, который представил радикальный, но неосуществимый проект покорения западного Кавказа путем установления прочной связи между Кубанской линией и черноморским побережьем посредством разработки дорог через перевалы. Для этого Паскевич предложил со стороны моря возвести ряд укреплений, и кроме существовавших уже Редут-кале, Сухум-кале и Анапы должны были быть возведены Бомборы, Пицунда и Гагры: на постройке последних Паскевич особенно настаивал, видя в них ворота, запи-

равшие доступ джигетам и убыхам в Абхазию*. Паскевич поручил главное наблюдение над постройкой новых укреплений генерал-майору Гессе, командовавшему после кн. Горчакова войсками в Имеретии. Это был опытный генерал, взявший Поти, построивший пост св. Николая, отбросивший турок с Кинтришских высот и предпринявший в 1828 году диверсию к Батуму.

Непосредственное же наблюдение за постройкой названных укреплений было поручено генерал-майору Пацовскому, личности замечательной. Он начал службу на Кавказе с 1805 года. На глазах Цицианова, Котляревского и Ермолова он брал с боя каждый чин; будучи полковником, он при Ермолове был сначала тифлисским комендантом, а затем командиром оперировавшего в Абхазии 44-го егерского полка. Это свидетельствует в пользу того хорошего мнения о Пацовском, какое имел о нем Ермолов, дававший полки с большим разбором. Барон Торнау, хорошо изучивший Пацовского, находит только одного из кавказских современных ему генералов равным Пацовскому – знаменитого сподвижника Ермолова Алексея Александровича Вельяминова**.

Бомборы были выстроены 10 ротам 44-го егерского полка, высадившегося в 8 орудиями и командой казаков. Укрепление имело вид большого параллелограмма, с бастионом. Внутренность укрепления*** была разбита на шесть правильных кварталов и застроена небольшими чисто выбеленными домами, длинными казармами и провиантскими магазинами, близ крепости скоро приютился небольшой форштадт с базаром, населенный армянскими и греческими торгашами. «Политическое и стратегическое» положение Бомборы было весьма удобно: она давало полную возможность наблюдать за страной, охранять Шервашидзе и незаметно сближаться с населением. Однако, Бомборы имели два крупных недостатка: неудобную бухту и лихорадочный климат. Суда бросали перед Бомборами якорь не ближе трех итальянских миль, что затрудняло выгрузку военных тяжестей; крепость была построена на глинистом грунте, и солдаты сильно страдали малярией. Пацовский, кроме того, построил редуты на берегу моря – для склада провианта, на р. Хипсте (Белой) – для охраны полковых лошадей, пасшихся там, и на

---

* *Паскевич ошибался: пешие партии горцев с трудом, но могли проходить в тылу Гагринского хребта и спускаться в Абхазию по склонам Мамзышхи.*

** *Торнау. Р. Вестн.1864, IX, 35.*

*** *В настоящее время там насажены фруктовые деревья.*

р. Мцыше (ныне Мычиш) – для защиты водяной лесопилки, устроенной каким-то бродячим техником, по приказанию Пацовского. Доски променивались абхазцам, даже доставлялись в Сухум. Абхазцы очень любили Пацовского, как впоследствии генерала В.А. Гейманa; солдаты отряда Пацовского могли безбоязненно заходить в отдаленнейшие селения, оставаясь невредимыми и всюду встречая гостеприимство. Укрепление Пицунда было выстроено в том же 1830 году, Пацовский подновил древние монастырские стены, а по углам были даже пристроены деревянные башни. Для солдат была выстроена хорошая казарма. Сначала в Пицунде стояло две роты, но малярия заставила уменьшить гарнизон до одной роты. В июле того же года произведена была высадка 650 человек в Гаграх, которые и выстроили туровые стены крепости, при чем были использованы древние каменные стены, шедшие от берега к горе. Тяжелая до крайности обстановка жизни в маленьком укреплении, где даже по двору было небезопасно пройтись, частые тревоги, отсутствие овощей, изоляция от внешнего мира делали из укрепления тюрьму с лазаретом, переполненным больными. Впоследствии, с успокоением края, с упразднением укрепления, здесь был открыт военный госпиталь, где с успехом лечились малярийные больные солдаты, доставляемые на военных шхунах с побережья*.

С занятием абхазского побережья, Сухум стал приобретать значение центрального пункта: здесь в 1832 году учреждена таможенная застава, хотя контрабанда, бывшая для абхазских князей источником крупных доходов, продолжала процветать, особенно в Очемчирах, пока, с постройкой и прибытием на крейсерство вдоль абхазского побережья пароходов, а особенно с заведением гребной флотилии из азовских баркасов, контрабанда не была сокращена.

Жалкий вид имел Сухум в первые годы обладания им русскими.

Во времена турецкого владычества в Абхазии, когда население его доходило до шести тысяч, преимущественно турецких купцов, он по словам Н.Н.Раевского** был городом богатым, здоровым, веселым, торговля в нем кипела; здесь был рынок невольниц. Ручей Чандар*** разделенный по канавам, везде давал свежую воду для орошения садов и ассенизации. Близ берега эти канавы, обложенные камнем, соединялись в одну большую, облицованную кирпичом; в нее входили для исправления и нагрузки турецкие кочермы. Сухум-

---

* *В подробности история Гагр изложена мною в статье «Гагры и их окрестности». Зап Кавк. Отд. И.Р.Г.О., кн. XXIV, в. 1-й.*

** *Н. Раевский Op. cit.*

*** *Ныне речка Сухумка, вытекающая из ущелья за ботаническим садом.*

ская крепость была окружена каналом (следы этого канала можно было наблюдать в 70-х годах), кроме того, утверждают, что турки сумели уничтожить знаменитое сухумское болото, лежавшее на север от города. Покинутый турками Сухум мало-помалу приходил в разрушение, турецкие сакли разваливались, канавы не поддерживались, поэтому Сухумка и другие ручьи, стекавшие с «Трапеции» и соседних балок, во время дождей и таяния снегов разливались и затопляли окрестности крепости. К тридцатым годам Сухум представлял еще более жалкую картину. Канавы засорились и заросли кустарником. Крепостной ров был заполнен нечистотами и отбросами, которые солдатами сваливались через амбразуры; от этого воздух близ крепости был заражен. Гарнизон крепости был в тяжелом санитарном положении. Так, в конце тридцатых годов, именно в 1836, 1837 и 1838 годах, в среднем, из 659 человек гарнизона в год умирало 154 человека т.е. страшно сказать, менее чем в пять лет гарнизон Сухума уничтожался*. Ввиду таких гетакомб, приносимых русскими в жертву Абхазии, Раевский просил высшее начальство разрешить ему с помощью местных войск исполнить следующие работы по проекту начальника верхней мингрельской дороги майора путей сообщения Лободы: 1) углубить русло ручья Чандар на расстоянии одной версты от ущелья до моря для того, чтобы понизить уровень воды в нем; соединить все родники и дать им постоянный сток в море; 2) привести в надлежащий вид старые канавы; достаточно углубить их, соединить их с двумя магистральными, которые существовали еще при турках и по которым, как уверяли старожилы и князь Гассан-бей Шервашидзе**, плавали каюки; 3) сделать у концов главных канав небольшие деревянные шлюзы, чтобы во время прибоя не пропускать в канавы морской воды и отпирать шлюзы только для стока воды; 4) крепостной ров очистить и пропустить в него одну из главных канав. Раевский настойчиво просил разрешения с помощью тысячи солдат в октябре 1840 года начать эти работы***. К сожалению, мы не имеем данных утверждать, что проект Раевского был приведен в исполнение. В 1832 году, как сказано выше, в Сухуме была открыта таможенная застава, что считал необходимым и генерал Раевский ввиду усиления контрабанды и приобретения Сухумом значения главного экспортного и импортного пункта Абхазии. В Трапезонде имела местопребывание могуще-

---

* *Донесение Н.Н. Раевского императору Николаю I.*

** *Возвращенный уже из ссылки и живший в своем келасурском владении. См. Торнау, Русск. Вестн., 1864 года, XI.*

*** *Н. Раевский. Op. cit.*

ственная и предприимчивая компания английских купцов, наводнявшая своими товарами Грузию, Имеретию, Мингрелию и побережье; мало того, англичане эти старались приобрести влияние на политическое положение этих стран: так, эта компания настолько успела согласить выводы свои и малоазиатских турецких властей, что желание султана удержать своих подданных от нанесения контрабандой вреда России сводилось к нулю, и контрабанда на нашем восточном берегу Черного моря стала приобретать угрожающие размеры, например, англичанин Лонгвор* прислал натухайцам безвозмездно большое количество пороху и свинцу через турецких контрабандистов, которые в свою очередь, являлись пропагандистами борьбы с русскими. В том же году среди шапсугов и натухайцев появился английский агент купец Джемс Белль, привезший горцам на большом судне соль, свинец, порох, кремни и много товаров, необходимых для надобностей горцев; однако его судно «Uixen» было взято крейсером, а сам Белль с трудом спасся на шлюпке и высадился в ущелье Дерсюэ**. В 1837 году Белль принимал уже деятельное участие в действиях шапсугов и натухайцев против нас***. По-видимому, меркантильные интересы англичан, сидевших с товарами в Трепизонде, были достаточно велики на Кавказе, если они активно старались затруднить русским достигнуть обладания кавказским побережьем. Распространяя дешевый товар и притом открывая на долгий срок кредит, трапезондская компания пользовалась среди туземцев большой популярностью; турки с величайшей охотой на своих кочермах перевозили к побережью их товары, а прибрежные жители с неменьшей охотой их покупали.

Трапезондская английская компания, вступив в соглашение с ост-индской компанией, снабжавшей Персию товарами через Персидский залив, Малую Азию, через Смирну и Сирию, снабжала товарами с черноморского побережья Малую Азию и Персию, а также все Закавказье. Россия выдвинула против этого экономического завоевания шей Азии и Закавказья меру уничтожения транзита через

---

* *Сотрудник газ. «Morning Chronicle». Раньше него в 1834 году шапсугов посетил русофоб Давид Уркехарт, секретарь английского посольства в Константинополе. Он жил четыре месяца у шапсугов, агитируя против русских.*

** *Кавказский Сборник, т. III, стр. 40.*

*** *Н. Раевский, ср. cit.*

Грузию. К сожалению, прекратив в большей или меньшей степени доступ английской контрабанде, Россия не позаботилась о планомерном направлении товаров на побережье морем через Одессу, Крым и Ростов на-Дону; необходимые для нужд населения Абхазии товары, шли на вьюках (знаменитые «черводары» из Тифлиса), куда по военно-грузинской дороге Макарьевская ярмарка через Волгу направляла свои товары; не субсидируемые правительством русские купцы не посылали своих кораблей из портов южной России на побережье Кавказа, и, по словам Н.Н. Раевского*, несколько греческих и армянских (крымских армян) купеческих судов привозило на побережье из Крыма некоторое количество соли и железных изделий. Слишком сильны были торговые интересы кавказских горцев и турок, чтобы насильственное их прекращение русскими, не сумевшими тотчас же заменить контрабандные английские товары русскими, не вызвало удвоенной ненависти горцев, лишившихся и свободы политической, и возможности вести выгодную торговлю рабынями и дешевыми английскими товарами. Сначала, сгоряча горцы даже присягнули между собою, что не будут пользоваться русской солью; однако, впоследствии нужда взяла свое, и русская соль покупалась или обменивалась натухайцами, бжедугами и абадзехами на Линии; кромс того, соль эта продавалась горцам по весьма недорогой цене, что и заставило их прекратить покупку дорогой контрабандной соли или с большим трудом выпаривать соль из морской воды. На побережье особенно сильно развита контрабанда на 4-м и 3-м отделениях** кавказской береговой линии: это объяснялось отсутствием береговой стражи, слабым крейсерством, дурным устройством карантинов, таможенных застав, и дурным выбором чиновников*** близостью Батума и Трапезонда: неудивительно поэтому, что абхазцы и мингрельцы и гурийцы носили только заграничные шелковые и бумажные контрабандные ткани. После взятия Сухума в Абхазии осталось до 150 семейств турок; часть их жила в Сухуме, часть занималась мелочною меною внутри страны. Ежегодно из Анатолии в Сухум приходило до 70 кочерм: сбыв товар, турки отдавали в наем свои кочермы для перевозки вдоль берега

---

* *Op. cit.*

** *От укрепления св. Николая до Гагр.*

*** *Мнение генерала Н.Н. Раевского – ор. с.*

тяжестей* часто и казенных. Часть груза, за который полагалась большая пошлина, кочермы сгруживали где-нибудь в глухом местечке побережья, затем налегке являлись в Сухум, где и очищали пошлиной дешевый груз и получали от таможни свидетельство на беспрепятственное посещение всех мест побережья, после чего или возвращались за спрятанными только что товарами или же немедленно открытым морем возвращались в Анатолию, чтобы тотчас вернуться с новым грузом товаров «на законном основании». Излюбленными местами для приюта контрабандистов были: Очемчиры (иначе их называют в Мингрелии Чамчури. На карте 1842 г., штаба окр. – Чамчура. У Н.Раевского – Очемчира), принадлежавшие владетелю Абхазии, который с одного только очемчирского базара имел 500 руб. серебром ежегодного дохода; уроч. Дгамыш (У Н. Раевского – Дгамеш); устья Кодора, принадлежавшие вышеупомянутой княгине Кесарии Шерващидзе, где базары давали ей до 1300 руб. серебром; Келасуры, принадлежавшие в начале тридцатых годов Гасан-бею Шервашидзе, а затем Димитрию Шервашидзе (здесь базар приносил до 1300 рублей серебром). Хотя владетель Абхазии и не принимал, по-видимому, участия в контрабанде, как это делали Димитрий и Кесария, потому что другие его доходы были значительно больше, – однако, и противодействовать ей решительно не мог, для Димитрия и Кесарии контрабанда служила главным источником доходов. Самый безопасный доступ для контрабандистов был в Самурзакани.

Несмотря на большую разницу в цене крымской и турецкой соли, первая продавалась в Абхазии по 40 коп. серебром пуд, а турецкая от 70 до 80 коп. сер.; однако, абхазцы предпочитали покупать соль у турок: это обстоятельство объяснялось тем, что русские купцы продавали соль за наличные деньги, турки же сделали из своей предмет меновой торговли, отдавая ее за кожи, меха, воск, мед, кукурузу, орехи, а также тайком за невольников**. Турки променивали своей соли ежегодно до 15 тысяч пудов. Генерал Раевский предлагал отпускать русскую соль владетелю по казенной цене, т.е. по 40 коп. медью, с тем, чтобы последний обменивал ее на местные предметы производства, на что русские купцы не были способны; конкурен-

---

* *Это и до сих пор практикуется турками: они, кроме того, перевозят пассажиров и грузы с пароходов, ловят кефаль и сельдь, бьют дельфинов и вытапливают жир; приезжают в Анапу и Керчь за арбузами.*

** *Н.Н. Раевский. Ор. с.*

ция с турецкой солью должна была препятствовать Михаилу Шервашидзе подымать цены на соль. Ввиду бедности владетеля, генерал Раевский просил отсрочить уплату 6 тысяч рублей ассигнациями за 15 тысяч пудов крымской казенной соли на один год.

Турецкие железные и медные изделия также распространялись турками на выгодных для абхазцев условиях рассрочки платежа и мены могли быть вытеснены предприимчивостью русских купцов: но последней было мало, и контрабанда тысячью путей проникала не только в Абхазию, но даже на Северный Кавказ. И только впоследствии, с учреждением Русского Общества Пароходства Торговли, начавшего посылать регулярно свои пароходы на побережье, контрабанда значительно уменьшилась.

Глава III.

Разработка дорог в Абхазии. Цебельда и поход в нее. Укр. Марамба. Укр. Дранды и Илори. Поход Муравьева в Цебельду. Самурзакань и положение Михаила Шервашидзе. Сухум в конце тридцатых и начале сороковых годов. Генералы Ольшевский и Муравьев. Сухум – портовый город. М.С.Воронцов и его отношение к побережью. Усиление власти Шервашидзе. Положение Абхазии и побережья перед Восточной войной. Снятие гарнизонов. Тяжелое положение Гагр. Вывод русских войск из Абхазии. Генерал Реад и Шервашидзе. Сношения последнего с турками. Условия, предъявленные Шервашидзе турецкому пра-вительству. Омер-паша и Шервашидзе. Измена последнего. Наступление турок из Сухума на Зугдиды. Битва на Ингуре. Занятие Зугдид. Отступление Омера в Редут-кале. Кн. Святополк-Мирский и Шервашидзе. Рассказ о письме Шервашидзе султану. Арест Шервашидзе и его ссылка.

Овладение побережьем Абхазии, а также в 1828 году тылом ее Карачаем* русские стали заботиться, во-первых, о проведении дорог**, а затем о проникновении вглубь гор Абхазии; особенное их внимание привлекало свободное абхазское общество, жившее в бассейне Чхалты и Сакена, дающих после своего соединения могучий

---

* *20-го октября 1828 года ген. Г.А. Эммануэль занял Карачай.*

** *Проложена была шоссейная дорога ген. Ахлестышевым от Гагр до Пицунды, разработана дорога вдоль берега от Бомбор до Сухума и далее на Очемчиры; расширена горная дорога к Дальскому ущелью.*

Кодор; оно находилось в номинальной зависимости от абхазского владетеля и управлялось воинственным родом князей Маршани. Впервые русские организовали экспедицию в Цебельду в 1835 году, когда набеги шаек цебельдинцев (общество все называлось Цабел, Цебел – местность Цебельда) вынудили сухумские власти несколько обуздать предприимчивость горцев. Экспедиция 1835 года разорила много аулов; однако, цебельдинцы не угомонились, и через два года в 1837 году необходимо было организовать вторую экспедицию*. И эта не помогло: в 1840 году «генерал-майор» Михаил Шервашидзе с русским отрядом вторгся в ущелье Дальское (Цебельда). Общее начальство над отрядом было в руках подполковника Козловского, временно командовавшего третьим отрядом и на скале, в 14 верстах от устья Келасури, близ горы Апианча, в Марамбе построившего укрепленный дом для цебельдинского пристава. Здесь стояла рота и жили 80 семейств русских, освобожденных из плена и женившихся в горах**. Первым цебельдинеким приставом был прапорщик Лисовский, студент киевского университета, сосланный солдатом в Абхазию за участие в каком-то заговоре***. Был организован Цебельдинский округ в пределах бассейнов Чхалты, Секена и Амткяла. Лисовский в 1843 году представил отличное описание Сванетии (первое) с приложением глазомерной карты.

Для усиления влияния русского в Абживском округе было построено Пацовским укрепление Дранды, близ устья Кодора, а для того же в Самурзакани – в сел. Илори, тем же генералом (Воспоминания Г.И.Филиппсона. М., 1885, стр. 198). В 1841 году, по словам Филиппсона, генерал Муравьев счел нужным воспользоваться данным ему позволением двинуться в Цебельду, где беспорядки не утихали. Отряд состоял из трех батальонов, нескольких горных единорогов и абхазской милиции, пешей и конной. До укрепления Марамбы он не встретил никакого сопротивления: цебельдинцы укрылись в Дальское ущелье. Муравьев, несмотря на необычайные трудности бездорожного горного похода, преследовал их; когда войска из ущелья р. Амткял повернули к Багадскому (висячему) мосту, паника охватила население. Из нижней Цебельды было два пути к

---

* *В ней участвовал Марлинский, написавший 12-го мая 1837 года из «сердца Цебельды» пророческое письмо о своей смерти. Русск. В., 1901, апрель.*

** *Впоследствии эти жители Марамбы были переселены в Анапу (в сороковых годах).*

*** *Воспоминания Г.И. Филиппсона. М, 1885. Стр. 236.*

верховьям Кодора: первый через урочище Наа, против которого имелся порядочный брод через Кодор; второй – через Багадский мост, за которым обе дороги сводятся в одну, которая сначала идет по левому берегу Кодора, а выше начинает перебрасываться через броды с одного берега на другой. Муравьев избрал более трудный путь – через багадский мост: от укр. Марамбы до р. Амткяла местность волнистая и открытая. За Амткялом редкие перелески и далее начинается знаменитая Багадская теснина (особенно памятна по бесславному отступлению из Сухума ген. Кравченко в 1877 году): здесь тропа (ныне там разработана военно-сухумская шоссированная дорога) то шла карнизом над бушующим глубоко Кодором, то исчезала среди глыб гранитных скал. Перейдя через висячий багадский мост на левую сторону дорога идет по более доступной местности. Муравьев быстро форсировал Багадскую теснину, авангард его давно уже был на левом берегу Кодора, между тем как остальной отряд еще долго переправлялся; особенно затруднительна была переправа лошадей, по узкому мостику над бездной. Горцы успели собраться, Отряд к вечеру занял удобную позицию, пройдя несколько вверх по Кодору. На следующий день войска по частям посылали жечь аулы. Перестрелка не умолкала; в войсках было несколько раненых. Пораженные неожиданным переходом русских через Багаду, цебельдинцы, жившие вниз по левому берегу Кодора и опасавшиеся за участь своих аулов, примкнули, конные и пешие к Муравьеву, под предводительством Херипса Маршани, жившего в урочище Наа. Однако, дальцы, опомнившись, стали наседать на отряд, перестрелка не прекращалась. Патронов было взято по шестидесяти на человека. Сухарей было взято на четыре дня, снарядов для единорогов тоже ограниченное количество; возвращение через Багаду могло быть сопряжено с большими потерями, движение же через Наа должно было потребовать лишний день: Муравьев приказал отступать. Неприятель так настойчиво преследовал войска, что «нервы Муравьева не выдержали», пишет Филиппсон: «он заболел. Говорили, что Муравьев выпил более, чем мог перенести*. Дальнейшим движением распоряжался гвардия капитан Лауниц, адъютант Головина, бывший адъютант графа Толя, офицер, заслуживший общее уважение. Отряд отступал через Наа, где остановился на ночлег. Перестрелка прекратилась, и утром начались перего-

* *Филиппсон. Lib. cit., стр. 254.*

воры. Шабат, один из предводителей восставших, уехал в неприступные трущобы общества Псху, а другой, Батал-бея, явился в лагерь с повинной головой и был прощен. Пробыв в Марамбе несколько дней, отряд вернулся в Сухум. Потери было несколько солдат убитых и раненых. Временное спокойствие в Цебельде и Абхазии вскоре опять было нарушено при участии самого владетеля, который прекрасно понимал, что умиротворение Абхазии лишит его престижа в глазах правительства; а этот престиж вообще невысок был в Тифлисе. Между тем как Самурзакань продолжала быть яблоком раздора между Дадьяном и Михаилом Шервашидзе, барон Розен решил, что Самурзакань должна быть нейтральным владением и принадлежать непосредственно правительству; князья же Шервашидзе, по мнению Розена, имели только помещичьи права на крестьян, живших в Абхазском округе до р. Гализги*. В Самурзакань назначен был приставом капитан Кириллов. Мингрельцы продолжали интриговать в Тифлисе и не без успеха. Кроме того, Михаила притесняли и его двоюродные братья, правившие округами Абжуаским и Абхазским**. Михаил защищался, и Дмитрий (управляющий Абхазским округом), самый злой и хитрый его противник, был отравлен.

При Раевском положение Михаила Шервашидзе резко изменилось в отношении усиления его власти. Преемники Раевского генералы Анреп и Будберг продолжали держаться той же политики.

В описываемую эпоху Сухум, абхазский Петербург, имел очень печальный вид, который он сохранил до 1867 года, когда приехал в Сухум генерал В.А. Гейман.

Высокие каменные стены крепости, подмываемые морским прибоем, были повреждены со стороны моря; внутренность крепости была застроена деревянными помещениями для гарнизона и службами. Все это было ветхо, гнило вследствие обилия осадков, грязно. Малярия свирепствовала: соседнее болото, переполненное лягушками, было главным его рассадником. Жители имели вид болезненный, изнуренный, апатичный, пишет Филиппсон***. Форштадт состоял из нескольких духанов где армянские торговцы продавали

---

* *Самурзакань начиналась с реки Охури, южнее Гализги шла до Ингура.*

** *Как, сказано выше, Абхазский округ на севере доходил до р. Псыртсхи, а на юге Дгамыша. От последнего до р. Охури простирался Абжуасский округ.*

*** *Филиппсон. Lib. Cit. стр. 195.*

водку, местное вино, табак и необходимые для солдат предметы; здесь же можно было приобрести английский ситец и другие изделия английских фабрик, несмотря на то, что в Сухуме уже был карантин (против занесения чумы) и таможенная застава. Раньше мы указали на причины слабого развития торговли в Сухуме. В 1848 году город был возведен на степень портового, жителям были дарованы различные льготы. Ольшевский (из Сухума он был назначен ставропольским губернатором), бывший начальником третьего берегового отделения, сделал немного для Сухума. Больше него принес городу пользы энергичный Н.Н. Муравьев (Амурский), сменивший Ольшевского. Этот умел взять в свои руки нити абхазских интриг, владетель и знаменитый Кацо Маргани, пользовавшийся большим авторитетом среди абхазцев, все делал по его указаниям. Муравьев был хитер и обязателен: владетелю он оказывал всяческий почет: так, когда у того родился первый сын, Муравьев приказал сделать в Бомборах 101 пушечный выстрел. Старый разбойник, хитрая восточная лисица Кацо поддался его «кошачьим ласкам», по выражению Филиппсона, и стал его усердным агентом. С помощью Михаила и Кацо Муравьев заставил непокорных джигетов признать владычество русских.

Они присягли без выстрела, в укр. св. Духа (ныне Адлер) и оставались верными до крымской войны. Раевский представил Муравьева к чину генерал-майора. М.Шервашидзе – в генерал-лейтенанты, а старого Кацо Маргани – в полковники. В 1841 году Муравьев построил в ущелье Жоадзех (ныне Жуэквара) башню*. Башня эта, по мысли Муравьева, должна была преграждать путь джигетам, если бы они захотели, в обход гагринского укрепления, перебраться с одного хребта на другой. Новый** начальник береговой линии генерал Анреп с Высочайшего соизволения, назначил в распоряжение Муравьева два черноморских казачьих полка и третий батальон тенгинского полка. Эти войска на транспортах и пароходах в начале мая были перевезены в Гагры. Тенгинским батальо-

---

* *Развалины этой башни существуют до сего времени в версте от стен бывшего укрепления. Башня эта вполне заслуживает наименования «Муравьевской». Обитатели Гагринской климатической станции ошибочно называют ее башней Марлинского: башня построена в 1841 году, а Марлинский убит в Адлере в 1837 году.*

** *В марте 1841 года последовал высочайший приказ об увольнении генерала Раевского.*

ном командовал подполковник Данзас*, секундант А.С. Пушкина. Горцы мало беспокоили отряд: ущелье от устья своего на две версты было очищено от леса, и башня построена.

В марте 1845 года на пути в Тифлис Абхазию посетил наместник Кавказа князь М.С. Воронцов** обративший большое внимание на побережье, благодаря чему в Сухуме и Поти появились ботанические сады. В Сухумском саду до сих пор существует огромных размеров чайное дерево, посаженное при Воронцове; апельсины и лимоны, которых было много посажено в Поти, не сохранились.

До самой Восточной районы в Абхазии не было особенных событий. В 1843 году прибавилось четвертое отделение береговой линии – от Илори до укрепления св. Николая. Власть Михаила Шервашидзе постепенно крепла. Начальник третьего отделения генерал Гогенбах жил с ним в мире, который и Михаил всемерно поддерживал, так как цебельдинские князья Маршани, владельцы Абживского и Абхазского округов, князья Шервашидзе не могли примириться с усилением власти владетеля Бзыбского округа, каким в действительности был Михаил Шервашидзе.

Это последнее обстоятельство и было причиною нескончаемых волнений в Абхазии и разделения не только князей, но и всего народа на партии. Михаил превосходно понимал значение русской поддержки в постепенном увеличении своего княжеского и владетельного достоинства, и до начала Восточной войны «генерал-лейтенант» Шервашидзе считался опорой русских в борьбе с непокоренными еще горскими племенами, и он всячески старался это доказать***. И только Восточная война сняла маску с истинно восточного политика. В 1854 году решено было очистить Абхазию от наших войск – Черноморская береговая линия упразднялась. Непосредственно перед началом войны кн. Воронцов, обеспокоенный тяжелым положением гарнизона на побережье, в случае блокады его неприятельским флотом, советовал Государю предупредить разрыв с западными державами; при этом князь указывал на потерю кавказ-

---

* *Г.И. Филиппсон характеризует его, как отличного, боевого офицера, светски образованного, но весьма ленивого и «притворявшегося» roue Lib, cit, 205.*

** *Щербинин. Биография Воронцова. Спб., 1858, 142.*

*** *Например, в убыхскую экспедицию генерала Анрепа он должен доставить 800 милиционеров: Шервашидзе привез 1500. Филиппсон, 301.*

ских береговых укреплений и на последствия, связанные с нею. В ответ на это Император писал ему: «Нет сомнения, что положение нашей береговой линии плачевно: помочь сему – ни в твоих, ни в моих силах. Предвидя потерю фортов и их гарнизонов, нельзя не соболезновать об их злой участи. Но в военном быту бывают несчастные случаи, где частью войск жертвуют, хотя скрепя сердце, для достижения главной цели»*. В феврале и марте 1854 года гарнизоны береговых укреплений были увезены. Задолго до объявления войны у побережья крейсировала союзная эскадра, состоящая из двух пароходов и двух корветов. Адмирал Серебряков настойчиво просил Меньшикова усилить нашу крейсерскую эскадру; последний, заботясь о сохранении флота, собрал его в севастопольскую бухту и Серебрякову отказал; адмирал тогда предложил снять только гарнизоны средних укреплений. Воронцов и Меньшиков, признавая целесообразность этой меры, отклоняли, однако, от себя приведение ее в исполнение. К счастью, император, убедившись в возможности спасти гарнизоны, тотчас же приказал Меньшикову поручить Серебрякову эту операцию. Последнему было отправлено три парохода под начальством контр-адмирала Памфилова; адмиралы вместе с кавказской эскадрой (крейсерами) сняли гарнизоны, нагрузили на транспорты артиллерию и снаряды, взорвали укрепления, и 5-го марта высадили в Новороссийске 3489 человек; несколько позже был доставлен гарнизон укр. св. Духа (Адлер) в Новороссийск с полковником Сколковым, который и был отправлен к Государю с донесением о благополучном исполнении опасного предприятия. Император благодарил Меньшикова и послал ему денег на содержание перевезенных офицерских и солдатских семейств. Только одно укрепление было брошено на жертву либо горцам, либо союзникам: преемник Воронцова генерал Реад распорядился гарнизон Гагр оставить на месте, для прикрытия Абхазии от вторжения: горцев через перевал Псеашха** – мера, не достигавшая цели, ибо помимо гагринского берегового прохода существует тропа, по которой горцам нетрудно было бы спуститься через гору Мамдзышху в Абхазию. Положение Гагр было отчаянное: на них надвигался со смешанным скопищем знаменитый предводитель закубанских племен наиб Шамиля Магомет Эмин, уже разрабатывая по гагринскому кряжу доро-

* *Богданович. Восточная война, 11, 142.*
** *Там же, с. 144*

гу, чтобы удобно было подступить к укреплению*; перестрелки в Гаграх были ежедневно: осада укрепления началась. Казалось, несчастный гарнизон был обречен на гибель. В течение шести недель храбрый капитан Каховский, комендант укрепления, упорно отражал нападения горцев, не падал духом и ободрял солдат надеждой на помощь, которая и явилась в виде купеческого корабля «Св. Иоанн», капитаном которого был мужественный керченский грек Фотий Сарандо, предложивший спасти 600 человек гагринцев и спасший их, проскользнувший ловко перед носом неприятеля (подробности этого замечательного подвига изложены в моей статье «Гагры и их окрестности». Зап. К.О.И.Р.О., XXIV, вып. 1-й, стр. 80 и 81).

Русские войска из Абхазии поручено было вывести «генерал-лейтенанту» Шервашидзе. Он беспрекословно это поручение исполнил, и сам поселился по соседству с Абхазией в Мингрелии, в доме своего тестя князя Георгия Дадьяна (Дадиани). Однако, правительница Мингрелии Екатерина Дадьян, враждебно относившаяся к Михаилу, просила кн. Мухранского, командира гурийского отрада, удалить Шервашидзе, как интригана. Прибывший в Зугдиды генерал Реад** имел с Шервашидзе серьезный разговор, после которого Михаил казался очень взволнованным и раздраженным***. Спустя три недели после этого он внезапно выехал из Мингрелии в Самурзакань, где объявил тамошнему приставу, что едет по секретному предписанию Реада. Прибыв 12-го мая в Очемчиры, он собрал там близких к нему князей и отправил их к муширу Мустафе-паше, высадившемуся с отрядом в Сухуме: посольство предложило туркам нейтралитет, прибавивши, что, если союзники высадят в Сухуме достаточно сильный отряд, то Михаил с абхазцами перейдет на их сторону. Мустафа, а также находившиеся в Сухуме англо-французские агенты Лонгворт и Шампуазо**** решительно отвергли это предложение. Мустафа, желая лично познакомиться с владетелем, на пароходе отправился из Сухума в Очемчиры. Однако, Михаил уклонился от свидания. Паша рассердился. Чтобы его смягчить,

---

* *Н. Дубровин. Военный Сборник, 1877, №2, с. 115.*

** *Николай Андреевич, генерал от кавалерии, временно управлял Кавказом до прибытия Муравьева, назначенного в конце 1854 года наместником. Командовал третьим пехотным корпусом в Крыму. Убит на р. Черной 4-го августа 1855 года.*

*** *Записки генерала барона Услара. К. Сб., XXIV.*

**** *Записки Услара.*

Михаил послал к нему знаменитого убыха Хаджи-Берзека для переговоров: Мустафа вновь прибыл в Очемчиры, где пригласил на пароход Михаила, обласкал его и привёз в Сухум; здесь владетель был встречен с воинскими почестями и ему был отведен лучший дом. По словам Услара, Михаил потребовал от турецкого правительства: 1) всех тех прав и преимуществ, которые были предоставлены его деду Келеш-бею, вассалу Порты; 2) главного начальствования над войсками, расположенными в Абхазии*, 3) обещания, что все области, которые оружием и переговорами он успеет присоединить к Абхазии, останутся навсегда в потомственном его владении. Пока Мустафа сносился с Портой, Шервашидзе ездил по Абхазии, собирал своих приверженцев и убеждал их оказывать туркам содействие, но не вступать с ними в сделки иначе, как через него, главу народа. Однако, вскоре у Шервашидзе произошла размолвка с Мустафа-пашой, который требовал, чтобы Шервашидзе выписал себе свою жену, жившую у отца в Мингрелии; все-таки он собрал 400 человек абхазцев, под начальством Батал-бея Маршани (цебельдинского князя, сражавшегося в 1841 году с Муравьевым), и отдал их в полное распоряжение Мустафы, а последний отправил их в кобулетский отряд.

Омер-паша, начальствовавший над турецкими войсками, оперировавшими на побережье Кавказа**, предпринял 3-го сентября рекогносцировку побережья на пароходе, 4-го сентября он прибыл в Сухум, куда и пригласил Шервашидзе, жившего в Гинзе-Эцери. Шервашидзе уклонился от поездки в Сухум, ссылаясь на половодье рек. Омер уведомил его, что 15-го числа вновь будет в Сухуме, где надеется найти его. Действительно, в половине сентября он вновь был в Сухуме, где его уже ждал Шервашидзе, который получил уведомление от Омера, что его условия Портой приняты: ружейная пальба и радостные крики приветствовали «главного начальника всех укреплений и гарнизонов от Анапы до Батума»*** Омер и Шервашидзе решили двинуться главными силами через Самурзакань, устроив диверсию со стороны Кобулет; кобулетский отряд должен

---

* *Этот пункт он впоследствии выставлял как важное оправдание перехода на сторону турок: стоя во главе войск неприятельских, он мог бы парализовать их активным движением против рионского отряда.*

** *Омер-паша предполагал сначала ударить Муравьеву в тыл, но, сделав по Аджарии два перехода, вернулся в Батум.*

*** *Lib. cit.*

был двинуться в Гурию, когда сухумский займет район близ устья Цхенис-цхали. Весь сентябрь турки перевозили войска из Батума и Трапезонда в Сухум; общее число войск сухумского отряда достигало тридцати тысяч, при сорока орудиях. Русских войск в этой части театра войны было очень мало: в Гурии 4 3/4 батальона, внутри Гурии, Имеретии и Мингрелии для охраны складов и военных помещений был 1 1/4 батальон, для действия же против сухумского турецко-абхазского отряда оставалось 11 батальонов, где насчитывалось 4650 штыков*. Когда турки проходили через Самурзакань, то жители последней присоединились к ним, мингрельцы тоже. 25-го октября турки аттаковали на р.Ингур отряд кн. Багратион-Мухранского; отпор, полученный Омером при переправе, заставил его осторожно двигаться вперед. Занявши столицу Мингрелии Зугдиди, он в ноябре двинулся к берегу, к Цхенис-дхали, где на правом берегу его ожидал для решительного боя с подошедшими подкреплениями (всего 24 батальона) генерал кн. Багратион-Мухранский; но Омер спустился к Редут-кале, не принявши боя. 25-го ноября пришло известие о взятии Карса, наступившие дожди в этой низменной местности прервали всякое сообщение кроме прибрежного: Омер в конце февраля 1855 года отплыл с войсками в Трапезонд. Михаил Шервашидзе, приславший Омеру 800 лошадей, однако, не приобрел расположения турецкого паши, который впоследствии приглашал его в Трапезонд, куда Шервашидзе благоразумно не поехал.

Несчастный Сухум был опустошен абхазцами после ухода турок: все лучшие здания сожжены; базар разграблен; многие ценные деревья ботанического сада вырублены.

Михаил Шервашидзе приводил много доводов в оправдание своей измены: в числе главных, кроме указанного выше, был и тот, что Россия сама покинула его на произвол судьбы.

Назначенный перед окончанием покорения Кавказа кутаисским генерал-губернатором кн. Димитрий Иванович Святополк-Мирским, признавая крайне вредную деятельность в Абхазии Шервашидзе, дожидался окончания многолетней кавказской войны, чтобы без осложнений удалить вредного абхазского политика.

Михаил чувствовал, что ему не сдобровать, и вновь искал покровительства у султана Абдул-Меджида. Рассказывают**, что султан на совет, собранный для обсуждения этого письма, пригласил Омер-

---

* Барон Услар. Lib. cit.

** Записки полковника Давыдова (inedit).

пашу. Последний на вопрос о его мнении ответил: «Государь, Михаил Шервашидзе самое неблагодарное существо, какое есть на свете. Когда я с своими войсками занимал Абхазию, он и тогда хвостом вилял. Русские его озолотили, дали ему 60 тысяч аренды, чин генерал-лейтенанта чего же хочет он еще» Абдул подумал и сказал: «Да, ты правду сказал. Отнеси это письмо русскому посланнику». Письмо Шервашидзе отправилось в Петербург. Это было в 1864 году. Михаил, узнав, что дела его внезапно приняли дурной оборот, нанял купеческое судно, которое должно было доставить его в Константинополь. Осенью того же года генералу Шатилову приказано было арестовать князя и в его распоряжение в Сухум были присланы два военных паровых шхуны. Посадив на одну из них десант, он на другой сам прибыл в Очемчиры. Михаил в это время лечился в Ткварчельском ущелье* горячими минеральными водами. Когда шхуны подходили к Очемчирам, на горизонте уже скрывалось крейсировавшее близ Очемчир судно под турецким флагом. Шатилов прибыл вовремя. Шервашидзе был приглашен в Очемчиры для свидания. По-видимому, он намерен был защищаться, так как двинулся в Очемчиры во главе большого ополчения, которое, по мере приближения к Очемчирам, таяло, а когда Шервашидзе въезжал в Очемчиры, с ним было только одиннадцать всадников. Шатилов обошелся с ним по-восточному – торжественно, с почетным караулом, причем объявил, что прибыл по высочайшему повелению просить князя о прибытии в Петербург; что в распоряжение владетеля для переезда в Севастополь назначена шхуна. После торжественного прощания с приближенными Шервашидзе, со всем своим богатством, даже с охотниками, собаками и ястребами переселился на шхуну. В Севастополе комендант крепости обьявил ему арест, и он водворен был на жительство в Воронеж.

В Воронеже он жил в большом доме, в большой роскоши. Умер он в том же 1864 году; тело его привезли в Абхазию и погребли в Илори[101]. Имущество его, среди которого, по словам его сына Георгия, было до двухсот пудов серебренной посуды, куда-то исчезло**.

С удалением Михаила Шервашидзе для Абхазии началась новая, более светлая эра.

---

* *Селение Ткварчели в бассейне среднего течения Гализги, в 26 верстах от Очемчир.*

** *Записки полковника Давыдова.*

Глава IV.

Генерал Понсэ и его исследование Абхазии. Основной абхазский земельный закон. Сословия: анхайе, ах-уйю, шинагм, ахашал; амиста, тавады, князья. Князь Михаил Шервашидзе и его отношения к враждебным родам. Недовольство среди высших сословий и бунт абхазцев в 1866 году. Убийство Коньяра и Черепова; нападение на Сухум. Князь Святополк-Мирский и умиротворение Абхазии. Казнь Маргани.

Удаление из Абхазии Михаила Шервашидзе в сильной степени уменьшило в глазах низших слоев абхазского народа значение остальных Шервашидзе и других князей: последние чаще и чаще стали появляться в Тифлисе, в надежде заручиться обещанием властей утвердить их в просимых ими правах на более или менее крупные участки земли, так как они чувствовали, что предстоит крупная, небывалая в Абхазии земельная реформа. Масса аналогичных просьб вызвала командирование туда для исследования вопроса на месте генерал-майора Понсэ в конце 1865 года. Генерал, человек умный и осторожный, никому не поверивши, объехал всю Абхазию, спрашивая на сходах множество анхайе* самое многочисленное сословие (вольные люди, свободные землепашцы). Тавады с князьями Шервашидзе всячески домогались получить лакомые куски – например, громадный в 100 квадратных верст, знаменитый джгердинский лес. Понсэ не попался в раскинутые перед ним сети. Многочисленные заявления, сделанные народом в Лыхнах и Очемчирах, окончательно убедили его, что первобытный закон Ману (земля принадлежит тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял), по абхазскому обычному праву, распространяется на всех без исключения абхазцев. Закон Ману имел самое целесообразное применение в Абхазии, и недаром абхазское обычное право пронесло его через десятки веков: леса, папоротник, лианы разнообразных пород с такой силой произрастают в этом благодатном климате, что лучи солнца изредка только добираются до почвы; большие осадки, множество ручьев, речек, ключей делают почву сырою, местами болотистою; болота особенно распространены в прибрежной полосе, где прибой волн забивает песком устья рек, и вода не находит себе стока, скопляется в больших массах, загнивает, образуя среду, где с быстротой развивается малярийный пласмодий, бич Абхазии. Естественно поэтому, что

* *В Самурзакани они называются пиош.*

тысячелетний опыт заставил народ особенно ценить места сухие, очищенные от зарослей, и тот, кто расчистил участок для поля, усадьбы или сада, по мнению народа, имел на него, за свой нелегкий труд, право собственности*. Все же заросшие земли, по обычному абхазскому праву, составляли общую собственность народа. Только с приходом русских в Абхазию стала нарождаться дифференциация власти на землю народа и Шервашидзе; последние стали присваивать себе даже право продавать в свою пользу пальмовое дерево, самшит (Buxus sempervirens)** из окрестностей Лыхны и Очемчир. До появления русских тавады и амиста*** почти не считались с властью бзыбского владетеля, а как читатель раньше заметил, правители Абхазского и Абживского округов и Самурзакани, равно как цебельдинские Маршани, не признавали власти Михаила Шервашидзе, и только поддержка со стороны русских придавала ему некоторый авторитет, и, Михаил постепенно присвоил себе знаменитый гензе-ицерский лес на берегу моря близ Очемчир. Сначала он заручился правом только охоты в этом лесу, затем, под предлогом охраны леса от браконьеров, поселил несколько своих анхайе, и, наконец, уже объявил лес своим и стал продавать из него дубы на клепки: вековой лес давал отличный строевой материал. Это нарушение обычного права абхазцы простили Михаилу Шервашидзе, но, когда некоторые из тавадов и амиста вздумали было продавать ценные породы леса (букс, красное дерево, каштан), то анхайе запротестовали и только один из родственников владетельного князя тавад Дмитрий Шервашидзе, живший в Келасурах, близ Сухума, добился права получения в свою пользу пошлин с вывозимого из Келасура самшита. Простой народ (анхайе), не считая себя подданными владетеля, не платил ему податей, жил, где каждый хотел: анхайе выбирал себе удобное местечко и поселялся там, ведя хуторское хозяйство**** и чувствуя себя совершенно свободным гражданином

---

* *Лианы и особенно колючая из них Smilax excelsa, а также ежевика (Rubus) в сильной степени затрудняют очистку леса, которую абхазцы принуждены производить особенного вида топорами с наточенным клювом на конце, на длинных рукоятках (цалда).*

** *Букс издревле служил предметом вывоза из Абхазии: еще XIV в., на карте Петра Весконте (1318) мы встречаем близ Бомбор «Буксовую гавань» – cavo di Buxo.*

*** *Дворяне 2-го класса.*

**** *Селения абхазцев тянутся на несколько верст, соединяясь с соседними селениями; соседи, живущие друг от друга иногда на версту не видятся*

абхазской лесной стихии. Анхайе чувствовал себя в некоторой степени вассалом только ближайшего тавада или амиста за покровительство: поселившийся в селении анхайе получал защиту от главы селения – амиста или тавада, обязанного всемерно защищать анхайе, помогать ему в несчастии, при пожаре, падеже скота или потери его; за это анхайе отбывал некоторые повинности своему покровителю: на 3-5 дней в году являлся на посев или уборку кукурузы, приносил ему 2-3 кошелки винограда из своего сада, а в великий народный праздник – барашка. Если анхайе почему-либо не получал должного покровительства от тавада или амиста, он немедленно прерывал с последними всякие сношения и отправлялся в другое селение – к новому таваду или амиста. вновь выбирая по своему вкусу часть леса, где на поляне строил незатейливую саклю, стены которой были сплетены из хвороста, а крыша, без потолка, покрыта была папоротником; тут же на столбах ставил плетенную из орешника сушильню для кукурузы. По мере своих потребностей анхайе вырубал ближайшую площадь леса, оставляя ореховые деревья, по которым пускал вьющиеся виноградные лозы, а также карагач, который обрубался так, что представлял из себя площадку на пьедестале: на эту площадку складывались стебли снятой тут же кукурузы (чала) на корм скоту; сено косить абхазцы научились только впоследствии, но далеко не все.

Сословие ах-уйю образовалось из женившихся ахашал (рабов). Рабы неженатые составляли полную собственность господина, переходившую из рук в руки по произволу владельца. Если, с разрешения владельца, ахашал женился, то, во-первых, этим самым он переходил в разряд ах-уйю, во-вторых, владелец новому ах-уйю обязан был предоставить новый участок земли*, равный стоимости одной коровы или десяти рублям, корову с теленком, медный котел и постель. Народный обычай обязывал владельцу ахашала делать все это. Ах-уйю оставались в зависимости от бывшего владельца и обязаны были отбывать для него повинности: в течение недели ах-уйю работал на бывшего владельца от трех до пяти дней как на

подолгу, ежедневно перекликаясь и узнавая о новостях: практика кричать в лесу вырабатывает сильные голосовые средства у абхазцев, которые их не покидают даже в преклонном возрасте. С удивлением мы слушали седобородого почтенного деда, пронзительным фальцетом кричавшего на весь лес о том, чтобы его внук привел лошадей.

* *Другими словами, ах-уйю получал возможность осуществить закон Ману, вся расчищенная им земля поступала в его собственность.*

пашне, так и в доме; жена ах-уйю также работала у владельца в качестве домашней прислуги, – поэтому в интересах ах-уйю было устраивать свои усадьбы вблизи жилища бывшего владельца; что же касается пашни или сада, ах-уйю выбирал их там, где находил удобнее для себя. Как мы сказали выше вследствие свободного выбора усадебных и пахотных мест, абхазские селения не были расположены правильно, а походили на группы разбросанных хуторов, – это обстоятельство и было причиною бездорожья внутри края: каждый прокладывал для себя только тропинку к пашне, к соседям, не нуждаясь в колесной дороге, так как абхазцы предпочитали арбе вьюк. Как земля, так и лес были в общем пользовании: кто где хотел, там и рубил.

При владычестве еще турок, когда князья Шервашидзе приобрели больше веса, чем другие тавады – Анчабадзе, Дзяшп-ипа. Иналипа и др., появилось сословие шинагм, нечто похожее на дворянскую гвардию; сюда попадали из сословия анхайе, и только те, кто службою при владетеле Абхазии приобретал его особое расположение; шинагм можно приурочить к личным дворянам.

Таковы были, в общих чертах, сословия в Абхазии и их взаимоотношения. Что касается отношений владельцев округов Абхазского, Абжиского и Самурзакани, а также цебельдинских князей Маршани, то все они считали Шервашидзе, так сказать, первым среди равных, несмотря на все его старания доказать противное с помощью хотя бы пули или яда*.

Борьба с горцами, соседившими с Абхазией – джигетами, полумирными псхувцами, ахчипсхувцами, убыхами, а также с воинственными обитателями Дальского ущелья (Цебельда), способствовала усилению власти Шервашидзе: главнокомандующие, не имея точного представления о пределах власти владетеля Абхазии, считали его влиятельным не только среди абхазцев, но и среди соседних независимых племен и, нечувствительно для себя, вместо поддержки народа, в качестве противовеса против усиления власти владетеля, поддерживали всячески князей Шервашидзе, что и заставило низшие сословия относиться недоверчиво к русской власти. Михаил Шервашидзе, несмотря на весь свой склад восточного деспота, хорошо видел и оценивал положение вещей. и, если не помогали домашние средства в устранении соперников, вел интригу в Кутаисе

---

* *В Абхазии для этой цели употребляли какой-то растительный яд, против которого не было противоядия.*

и Тифлисе, и нежелательный субъект, в качестве противника русской власти, высылался внутрь России. Например, интересен в этом отношении случай в 1853 году с князем Димитрием Шервашидзе, двоюродным братом владетеля, жившем в Келасурах. Это был человек преданный русским, пользовавшийся уважением среди абхазцев, но во многом не подчинявшийся Михаилу; пользуясь популярностью среди народа, за интересы которого стоял, он был ненавистен владетелю. Донести на него, как на человека неблагонадежного, было невозможно; кинжал и пуля были малодействительны: Димитрий зорко охранялся своими приближенными, – пришлось прибегнуть к яду. Однажды к Димитрию приехали трое шинагм владетеля. Димитрий, больной лихорадкой, лежал в постели, – однако распорядился, чтобы гостей приняли с почетом и угостили чаем. Одному из гостей, бывшему в комнате Димитрия, удалось влить в чай последнего яд, имевший горьковатый вкус. Отхлебнув глоток, Димитрий почувствовал странный вкус чая и, зная, что гости его преданные шинагм владетеля, и подозревая с их стороны злой умысел, схватил висевший над кроватью на стене пистолет и, направив его на гостя, приказал выпить чай и в то же время крикнул нукерам, чтобы задержали остальных двух. Пистолет Димитрия заставил их выпить яд и погибнуть от него. Михаил не забыл неудачи: в 1858 год Димитрий все-таки умер от отравы.

Несколько иначе был устранен друг народа и враг владетеля тавад Дзяпш-ипа, живший в селении Иширы, на правом берегу реки Гумисты, близ ее устья. Этот тавад всячески отстаивал обычное право и во многом служил препятствием для осуществления эгоистических замыслов правителя. Дзяпш-ипа был смел, но хитер и осторожен: своими средствами владетель устранить его не мог: пришлось обвинить его в Кутаисе как ярого врага русской власти и человека опасного вследствие его сильного и вредного влияния на народ. Словам владетеля поверили в Тифлисе и бедный Дзяпш-ипа был выслан далеко на север, где и погиб от сурового климата.

Результатом систематического устранения соперников было приобретение благ земных: между прочими захватами Шервашидзе особенное внимание обращает на себя, как сказано выше, постепенный захват гензе-ицерского векового леса, на что Шервашидзе не имел, согласно местному праву, никаких оснований, как это впоследствии разъяснила сухумская сословно-поземельная комиссия, принесшая много пользы для народных масс и не ставившая себе

целью благодетельствовать высшим сословиям насчет этих народных масс.

Итак, генерал Понсэ экспериментально пришел к главному для экономической жизни тезису: приобретение земель в Абхазии должно зависеть не от родовитости и власти, а только от обычного закона. Это убеждение генерала Понсэ весьма неприязненно было встречено заинтересованными в поземельных вопросах тавадами и амиста: они сознавали, что, если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществятся: мало того, если русская власть пристальнее вглядится в сословные отношения, то тавады и амиста потеряют всех: ах-уйю и ахашалов. Становилось поэтому понятной необходимость «смешать шашки» – вызвать смуту в Абхазии. Темные народные массы, слыша про недовольство дворян, у которых не сходило с уст слово «земля», стали добиваться точных оснований недовольства. Вожаки смуты сообщили анхайе и ах-уйе, что русское правительство уже решило отобрать в казну все леса, абхазцев поселить в правильно распланированных селениях и (horribile dictu) ввести воинскую повинность. Простодушные дети лесов поверили своим «старшинам» и стали волноваться. Бывший в то время начальником Сухумского военного отдела* полковник Коньяр, мало знакомый с краем, с характером и бытом абхазцев, не находивший, как Пацовский или впоследствии Гейман, необходимым непосредственное общение с народными массами, не придавал особенного значение волнениям этим, хотя был вполне о них осведомлен начальником Бзыбского округа Череповым. Этот последний был не только не администратор, но человек с пренебрежением относившийся к абхазцам: последние не имели к нему ни малейшего доверия, боялись его. Такие отношения со стороны администрации к народу были благоприятны для вожаков народного восстания**. Слухи о недовольстве в Абхазии дошли до Тифлиса, где еще не исчезло мнение о сильном влиянии семьи Шервашидзе на народ: отсюда был послан в качестве миротворца сын владетеля штабс-капитан Георгий Шервашидзе. Молодой, неопытный человек, он в обществе хитрых вожаков недо-

---

* *Таково стало официальное название Абхазии.*

** *Бунт 1866 года изложен мною по запискам члена сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н.А.Дьячкова-Тарасова, жившего в Абхазии с 1867 по 1876 и с 1878 по 1880, а также по рассказу полковника Давыдова, кавказского старожила.*

вольных не мог сделать ничего полезного для умиротворения края. Волнение шло crescendo; в народе ходил слух, что даже просьбы сына их бывшего владетеля отвести грядущие бедствия не имели успеха. Однако, между некоторыми анхайе нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие россказням абхазских дворян. Желая добиться истины, чтобы знать, как следует поступать, на народных собраниях решено было, по предложению влиятельного из анхайе, жителя села Еширы Османа Шамба, избрать депутата и командировать в Тифлис, чтобы из уст Великого Князя Наместника узнать эту истину и, в свою очередь, объяснить древние права обитателей Абхазии. Коньяр и Черепов сочли поездку в Тифлис недоверием к себе, и депутации было отказано в разрешении выехать по назначению. Между тем, народ уже собирался выехать по назначению. Между тем народ уже собирался в Лыхнах в ожидании возвращения депутатов. Неожиданное возвращение последних усилило волнение. Коньяру сообщили, что собравшиеся в Лыхнах способны увлечь всю Абхазию. Он решил произвести некоторое воздействие не придавая волнению большого, однако, значения: вожаки восстания ловко умели маскировать свои действия: выходило так, что волнения – дело одних «анхайе». В Лыхны была отправлена сотня донских казаков (80 человек), а на следующий день Коньяр на военной шхуне выехал в Гудаут, где он высадился с тем, чтобы со свитою, в которой был и Георгий Шервашидзе, отправиться в Лыхны. Здесь было уже более 500 человек вооруженных абхазцев, большею частью анхайе, из амиста было немного. Толпа волновалась; в ней ходили старики, стараясь сдерживать особенно увлекавшихся из молодежи. Коньяра толпа встретила сдержанно, старики просили выслушать их просьбы через депутата, уполномоченного всем собравшимся народом Османа Шамбу. Коньяр согласился. Шамба указал на обычное земельное право, обусловливающее земельные отношения, которые, по слухам, правительство хочет нарушить, и просил объяснить народу истинное положение вещей; вместе с тем Шамба ходатайствовал о разрешении послать депутацию в Тифлис, прибавивши, что все это послужит к успокоению народа, взволнованного неприятными для него слухами*. Говорят, в этот момент Коньяру прислано было

* *Речь Османа Шамбы переводил, по словам полковника Давыдова, Соломон Лакербай. Восстание, по словам Давыдова, подготовлялось с 1864*

письмо из Сухума предостерегавшее Коньяра; однако, оно не попало к нему в руки. В ответ на речь Шамбы Коньяр приказал «разойтись толпе и слушать то. что прикажут». Затем он, начальник Пицундского округа Черепов, его адъютант Суринович и Георгий Шервашидзе вошли в дом владетеля Абхазия, поднялись в зал верхнего этажа, где для них был приготовлен обед; казаки же, прибывшие с Коньяром, расположились на площадке близ церковной ограды; несколько казаков стояло на крыльце нижнего этажа. После обеда Коньяр вышел на балкон и снова предложил разойтись, причем отказал в посылке депутации даже в Кутаис. Ропот толпы тогда перешел в крик. Кеньяр понял, что дело нешуточное, и предложил Георгию Шервашидзе сойти поговорить с народом. С его стороны было большой ошибкой отпустить Георгия: едва последний приблизился к толпе, как последняя как по сигналу бросилась к дому: был дан залп в окна и по казакам, стоявшим у дверей. Осман Шамба* и несколько стариков старались сдержать толпу, но двое братьев амиста Маргани** бросились вперед и увлекли за собой толпу. Казаки, бывшие внизу, были убиты, Маргани с кучкой вбежали наверх. Коньяр спрятался в камин, Черепов стоял среди зала, один только Суринович решился защищаться: став у двери с единственным оружием, бывшим у него в руках – ташкой, он никому не позволял войти. Раздался выстрел, и мужественный Суринович упал мертвым. Убийцы, перешагнув через его труп, зверски расправились с Череповым: его не только изрубили шашками, но не пощадили трупа, который был изуродован. Коньяра сначала не заметили, затем Маргани увидел в камине его ноги, и пистолетным выстрелом прострелил ему одну; Коньяр опустился: братья Маргани добили его. В то время, как шла дикая расправа в доме владетеля, большая часть абхазцев бросилась в шашки на казачью сотню: казаки отступили за церковную ограду, которую абхазцы окружили со всех сторон. Казаки заняли тогда древний храм и стали отстреливаться; часть их засела на хорах и всякого смельчака, рискнувшего показаться, расстреливала. Толпа принуждена была отступить. Тогда часть казаков

года и инспирировалось из Воронежа Михаилом Шервашидзе, а затем некоторыми его родственниками.

* *От него мой отец и слышал передаваемые мною подробности лыхненского убийства.*

** *Сыновья знаменитого абхазца, даже генерала Кацо Маргани, упоминавшегося раньше. Этому Маргани принадлежали земли, ныне занимаемые Ново-Афонским монастырем.*

бросилась к своим лошадям, смело пробилась и поскакала в Гудаут, где стояла военная шхуна, не подозревавшая о лыхненской трагедии. Командир судна, узнав, что громадные толпы абхазцев бегут к Сухуму для нападения на город, немедленно снялся с якоря, чтобы поспешить в Сухум для защиты города. По счастливой для Сухума случайности, в этот день в горах в бассейне р. Гумисты* был сильный дождь: вода в реке настолько поднялась, что не было возможности для верхового перебраться на другой берег в нижнем ее течении. Восставшие бросились вверх по реке к селению Гум; эта задержка дала время шхуне прийти в Сухум и сообщить о восстании и грозящем нападении. В гарнизоне крепости было два кавказских линейных батальона, №17 и 18; большая часть нижних чинов была вне города, на сенокосе; налицо было две роты – стрелковая 17-го батальона, под командой поручика Самойленко, и пехотная 18-го батальона, под начальством капитана Леуса. Начальником гарнизона был опытный кавказец полковник Завадский**. Коньяр его предупредил о возможной опасности, так как и сам не знал о значении абхазских смут. Немедленно же Завадский послал нарочных собирать солдат с покосов; стрелковую роту расположил близ ботанического сада, а роту Леуса – на р. Беслете, чтобы занять на левом ее берегу дорогу из селений Абжаквы и Акапы. Для защиты моста через эту реку близ устья была доставлена команда. Жителям предложено спасаться в крепость, которую охранял небольшой отряд. Орудия, стоявшие на батареях крепости, были обращены на дорогу от Гумисты на высоты, прилегающие к Сухуму. Солнце уже клонилось к закату, когда на горе Трапеции по дороге, ведущей в селение Гум, показались партии абхазцев, которые тотчас же потеснили взвод сильно растянутой, по необходимости, роты Самойленко: взвод отступил до дома начальника отдела. Самойленко, собрав роту, перешел в наступление и вытеснил абхазцев из города, причем многие из них были перебиты на месте грабежа, которому они не замедлили предаться. Засевши на Трапеции, абхазцы открыли частый огонь по роте, к которой постепенно подходили подкрепления, по мере прибытия людей с покосов. На роту же капитана Леуса бросилась громадная толпа по дороге из Акапы. Расположив удобно солдат в канавах, за пригорками и заборами огородов, Леус встре-

---

* *Между Гудаутом и Сухумом.*

** *Впоследствии, в чине генерал-майора в отставке, убит в своем имении в Абхазии.*

тил партию таким жарким огнем, что она отхлынула: но затем, оправившись, она снова бросилась вперед с целью пробиться в город. Леус, подпустивши нападавших, вторично встретил их залпом: абхазцы снова отбежали. Таким же образом нападение было и в третий раз отбито. Были попытки поодиночке обойти роту слева, но смельчаки сейчас же падали под пулями солдат. Шхуна, заняв такую позицию, что открывалась для обстрела вся гора Трапеция, стреляла по абхазцам из орудий. Крепость также помогала роте Самойленко своим огнем, которым руководил приехавший из Цебельды начальник округа артиллерии полковник Шавров. Получив сведения о сборе партии в Дальском ущелье, он поехал в Сухум получить указания Коньяра касательно возможных осложнений и попросить подкрепления для небольшого гарнизона Цебельдинского укрепления. Не застав Коньяра, Шавров решил его подождать. События заставили его принять на себя командование крепостью. Когда абхазцы потеснили взвод стрелков из ботанического сада и уже ворвались для грабежа в дом начальника отдела, Лавров, увидевши это с высоты северо-восточной батареи, лично наставил пушку на дом начальника отдела. Бомба, пробив деревянную стену верхнего этажа и разорвавшись среди толпы грабивших имущество Коньяра* абхазцев, многих перебила: перепуганные грабители отступили на Трапецию, где их также преследовали бомбы Шаврова. Два дня продолжалась горячая осада Сухума, но затем пыл абхазцев стал стихать, и, когда на пятый день в Сухуме высадился кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский с двумя батальонами и послал к абхазцам прокламацию об изъявлении немедленно покорности, а из Карачая через Цебельду распространился слух, что генерал Гейман наступает на абхазцев с тыла с сильным отрядом, они совершенно пали духом, особенно, когда из прокламации Мирского узнали, что они были обмануты подстрекателями: что леса в населенной полосе не будут отобраны в казну, что о них (анхайе и ахуйю), как о массе населения, правительство особенно позаботится. Абхазцы принесли повинную и исполнили требование Мирского – выдали обоих братьев Маргани, убийц Коньяра, которые и были расстреляны на глазах тысяч абхазцев на берегу моря, за крепостью. Особенно скомпрометировавшие себя тайком бежали в Турцию.

---

* *Семья его, равно как и многие другие офицерские семьи, заблаговременно была перевезена на шхуну.*

Князь Мирский желал спасти Георгия Шервашидзе, попавшего, по-видимому, против своего желания в смуту; к Георгию было послано доверенное лицо; ночью он был доставлен в Сухум, прямо в крепость. Говорят, он здесь после разговора с Мирским зарыдал*. Абхазия быстро успокоилась.

Начальником отдела был назначен генерал-майор граф Толстой. Особенное внимание князя Мирского было обращено на Цебельду, где тавады Маршани, пользуясь малодоступностью страны, издавна доставляли немало забот русским властям, разыгрывая роль полузависимых князей: решено было жителей Цебельды, находящейся в тылу Абхазии, переселить из Дальского ущелья ближе к морю. Толстой и начал это переселение в местность Джгерды, на левом берегу Кодора, в Очемчирском округе. Граф Толстой, человек больной, видя серьезность предложенной ему задачи упорядочения сословие-земельных отношений в Абхазии и не чувствуя себя в силах работать как того требовали обстоятельства, через год отказался от должности. Вместо него в конце 1867 года назначен был генерал-майор В.А.Гейман.

Глава V.

Назначение генерала Геймана. Личное влияние Геймана на народ. Сухум в 1867 году. Санитарные участки. Постройки в Сухуме. Огородничество, греки и мингрельцы в Сухуме. Заселение Цебельды греками и болгарами. Земельная и сословная реформа в Абхазии. Депутации в Тифлисе. Комитет по делам абхазским и его заседания. Наделы. Сухумская сословно-поземельная комиссия и выработанное ею «Положение об освобождении зависимых сословий в Сухумском отделе и о поземельном устройстве их». Инструкция членам исполнительной комиссии. Смута в Кодорском участке и Гейман. Посещение Абхазии в 1871 году наместником. Гейман и общественная жизнь в Сухуме. Генерал Кравченко и его деятельность. Положение дел в Абхазии перед русско-турецкой войной. Узбек Маргани. Отступление Кравченко из Сухума. Занятие Абхазии турками. Окончание войны. Сухум непосредственно после войны. Полковник Аракин. Полковник Введенский. Сухум в 80-х и 90-х годах. Состав и число нынешнего народонаселения Абхазии. Итоги господства русских. Очередные реформы в Абхазии.

С назначением генерала Геймана дела в крае приняли другой оборот. Гейман обратил внимание на своих помощников, сотрудни-

* *Записки полковника Давыдова.*

ков по управлению краем; многие лица из прежнего состава администрации были заменены офицерами всех трех родов оружия: население к офицерам относилось с большим уважением. Вместо четырех округов было образовано два – Пицундский и Сухумский, с новыми штатами. Земли бывшего владетеля, принадлежавшие ему по обычному праву, были конфискованы; южные предгорья Главного хребта, в пределах Абхазии, где абхазцы появлялись только летом со своими стадами, также были конфискованы, причем выпас скота разрешался за небольшую плату; для наблюдения за этими землями и получения с них доходов в пользу казны была учреждена должность заведывающего казенными оброчными статьями в отделе. Для урегулирования сословно-поземельных отношении была образована «сословно-поземельная комиссия». Организатор абхазских дел по-новому был давно известен абхазцам по своим боевым подвигам в горах бассейна Лабы, Мзымты. Белой; народ считал его «джигитом». Действительно, открытый и отважный характер Геймана, умевшего всегда стать близко к интересам народа, на многие годы сделал имя этого генерала памятным абхазцам, несмотря на то, что он только в течение около семи лет управлял Абхазией.

Доброе отношение к себе Геймана испытал и Сухум. В 1867 году город далеко не был так благоустроен, и волны подмывали берег; деревянная пристань имела полуразрушенный вид: ее чинили после всякой бури. Хорошие дома были наперечет: лучшим был дом начальника отдела, построенный на самом берегу, который был укреплен набережной; дом этот был между устьем Сухумки и Беслеты. На набережной, против пристани, стоял двухэтажный дом почетного гражданина Григория Метаксы; на месте нынешнего подворья Ново-Афонского монастыря тянулись одноэтажные домики абхазца Баркалая; на углу набережной и Лорис-Меликовской улицы была лавка одного грека, через улицу, за домом Метаксы до крепости тянулся ряд турецких и греческих лаченок, крытых дранью; на Лорис-Меликовской улице кроме дома купца Гогиджанова были маленькие, одноэтажные, местами просто лачужки; близ ботанического сада были два хороших дома – полковника Завадского и майора Середина; на этой же улице тянулись две казармы, обращенные под помещение управления отдела, так как старое здание управления, находившееся на той же улице, было разорено во время восстания 1866 года; в верхнем этаже этого последнего была квартира полковника Коньяра. В Сухуме было в это время только две улицы – мощеных и в сильной степени запущенных; их исправили в 1868 году.

Хотя старые канавы еще существовали по обе стороны улицы, но, вследствие обилия дождей в Сухуме, особенно с марта по июнь, грязь на улицах была невылазная. Геймана можно было видеть на улицах уже в 6 часов утра, где он распоряжался работами солдат по исправлению улиц и приведению в порядок водосточных канав; не шоссированными остались только самые отдаленные переулки, к Беслете. Два линейных батальона, 34-й и 35-й, впоследствии 3-й и 4-й, выставляли рабочим. Войска жили в плохих казармах на берегу Беслеты, близ моря. На церковной площади высилась большая казармовидная деревянная церковь. Мысль о постройке собора возникла в 1868 году, и тогда же Гейман просил о пособии от казны. В начале 70-х годов было ассигновало сорок тысяч рублей, была учреждена строительная комиссия, но с отъездом Геймана, получившего в 1874 году командование 20-ою дивизиею, новый начальник отдела генерал-майор Кравченко пассивно отнесся к постройке храма, и дело остановилось.

Генерал Гейман просил сухумскую сословно-поземельную комиссию обратить внимание на ближайшие окрестности города, покрытые густыми зарослями, кустами ежевики и лиан, что сохраняло сырость глинистой почвы и культивировало малярийный псалмодий. Комиссия по освобождению зависимых сословий в 1871 году, в 1872 году решила ближайшие заросли выделить из будущего городского надела, нарезав из них участки от одной до трех десятин и раздать на выработанных комиссией льготных условиях (постройки и насаждения культурных растений) чиновникам, офицерам и другим надежным лицам. Это были так называемые санитарные участки. На одном из них член этой комиссии полковник Аполл. Никит. Введенский развел чудный субтропический сад, впоследствии проданный им за сорок тысяч рублей великому князю Александру Михайловичу и ныне известный под именем «Синопа». Из других участков приобрели впоследствии известность сады Никитина, Бобоедова, Пермыкина, Кравченко, Жудры, Чернявского, Дьячкова-Тарасова и других. Очистка предгорий, больших и малых ущелий, примыкающих к Сухуму, способствовали ослаблению малярии, которая, однако, вырывала много жертв из среды солдат и переселенцев, которыми решили заселить Цебельду, очищенную от горцев.

Население Сухума описываемой эпохи состояло из семей офицеров, чиновников, отставных солдат, греков, мингрельцев; в руках

последних была и торговля*. Большие дома не строились: у всех на глазах были примеры 1855 и 1866 годов, когда дома Сухума в сильной степени пострадали. Однако, энергичные действия Геймана по умиротворению Абхазии и по улучшению города заразительно подействовали на жителей, и постройка солидных зданий стала прогрессировать; мало того, многие стали заводить огороды и продавать овощи, которые раньше получались из Керчи и Анапы и стоили дорого. Пионером в этом отношении был отставной фельдфебель 35-го черноморского полка Черномазов: он сумел вырастить отличную капусту, за что генерал Шатилов представил его к получению медали «за усердие», как человека, полезного для края. Кроме огородных овощей Черномазов, одновременно с полковником Завадским, развел у себя на усадебном месте сад, и его яблоки сухумцами считались в свое время лучшими.

Все каменные работы в Сухуме, шоссейные и по постройке домов и набережной, производились приезжавшими на осень и зиму из Малой Азии греками из местечка Гюмиш-ханэ на юг от Трапезонда, в горах; с мая же по октябрь эти греки, опасаясь сухумской малярии, жили на родине. Что касается мингрельцев, то этот худосочный народ, выросший на болотистых низменностях Ингура, Цхенис-цхали и Риона, был способен только к торговле да к нетрудной культуре кукурузы; духаны в Сухуме, Очемчирах, Гудауте были в руках мингрельцев.

Переселение жителей Дальского ущелья к морю вызвало необходимость заселения большого пространства бассейна Кодора людьми, чуждыми абхазцам, вместо Цебельдинского округа было образовано попечительство поселений в Цебельде. Первым попечителем был назначен капитан Н.А.Дьячков-Тарасов**. На попечителя возложено было очищение местности от оставшихся и скрывавшихся в неприступных ущельях цебельдинцев, которых особенно много скопилось на р. Секене. Второй попечитель должен был произвести самый подробный осмотр всей Цебельды и наметить места для будущих селений, – словом, представить описание края в топографическом отношении, избранные же для шести намеченных селений места подробно описать, с объяснением основании к избранию данного пункта.

---

* *Ныне захватываемая армянами.*

** *Со слов его изложено положение переселенческого дела в Абхазии в конце 60-х и начале 70-х годов.*

Цебельда занимает пространство белее 4.000 кв. верст. С севера границей служит Главный хребет с перевалами Марухским*, Клухорским**, Санчарским; с востока бассейн р. Секена до Багадского моста через Кодор, образующуюся слиянием Секена и Чхалты; далее граница отходит немного на восток и тянется по хребту над р. Кодором до ур. Наа, лежащего на левом берегу Кодора по выходе его из горных теснин у горы Адагуа в долину, где от него отходят рукав – Малый Кодор. С юга Цебельду отделяет от Абхазии хребет, прорезанный ущельями и ложами рек Большой и Малой Маджар, образовавшими три массива – гору Чижауш (от западной границы до р. Келасуры), гору Агыш (между Большой и Малой Маджарой) и гору Апианчи (за Малой Маджарой) с отдельным пиком Адагуа. Отсюда, именно от горы Адагуа, граница Цебельды спускалась вниз через ущелье Тах, вниз по Кодору, пересекая южные отроги горы Апианчи по р. Науш; здесь Цебельда граничила с областью прибрежных абхазских поселений Дабыкыт и оканчивалась против уроч. Наа. Подобная искусственная граница получилась после переселения одного из цебельдинских Маршани в ущелье Тах, на реку Науш: раньше он со своими подвластными жил в уроч. Марамба, но постройка там в 1840 году укрепления вытеснила его оттуда на р. Науш. От абхазских земель Дабыкыт р. Науш отделялась большими дремучими лесами, и этот Маршани был неуязвим. В описываемую эпоху жители Науша переселились в Турцию; временно в Науше задержался глава общества подполковник милиции, честный и храбрый Ростом Маршани, в надежде получить надел в Цебельде; когда же ему объявили, что вся Цебельда поступила в казну, он, обиженный, покинул Россию.

В этом-то районе и надлежало поселить шесть сел. Места были избраны. Великий князь наместник утвердил доклад начальника отдела, представленный через кавказское горское управление***.

---

* *На верховья Чхалты.*

** *На Секен. Ныне там проходит военно-сухумская дорога. В последний раз мы посетили кубанскую часть этой дороги в 1908 году. Название свое во второй его половине дорога оправдывала: но, что касается первой его половины – «военно», она звучала злой иронией: дорога была подмыта Тебердой, а в перевальной части усеяна крупными камнями, – видно ремонт был in spe. Между тем стратегическое значение дороги важное: стоит вспомнить отступление генерала Кравченко и наступление генерала Бабыча через Марух.*

*** *Впоследствии канцелярии наместника по военно-народному управлению на Кавказе.*

По мягкости климата, плодородию почвы и совершенно свободному от малярии климату Цебельда, по мнению первого попечителя поселений в ней, могла бы быть цветущим фруктовым садом и прекрасным виноградником: это доказывали многочисленные брошенные ушедшими в Турцию цебельдинцами сады и виноградники. Мало того, в широких долинах верхней Цебельды с успехом можно было сеять хлебные злаки. Словом, хуторские хозяйства могли бы процветать в Цебельде, конечно, при наличии хороших дорог. Раздача же, по его мнению, бесплатно этих участков в размере 10-20 десятин в руки людей состоятельных, при условии застройки и известной доле культивирования земли, должна была способствовать процветанию этой части Абхазии, которая могла бы снабжать продуктами огородничества приморскую часть страны и Сухум. Часть предположений попечителя исполнилась: из Цебельды в настоящее время вывозятся в Сухум в громадных количествах все продукты деревни*. Однако, и в настоящее время Цебельда далеко не так продуктивна, как мы могли бы ожидать, зная ее особенности. Среди многих других причин укажем на две – отсутствие колесной дороги через Клухорский перевал в Кубанскую область, и слабое развитие экономической жизни Сухума и абхазского района, что, в свою очередь, имеет свои причины, касаться которых мы не будем.

Предназначенные к заселению шесть пунктов получили название в честь наместника и членов его семьи: Михайловское – близ укр. Цебельдинского у р. Амткял, Ольгинское – у истоков восточной Маджары, Александровское – на р. Келасуре, Анастасьевское и Николаевское – в Науше и Георгиевское – в уроч. Джампал. Наделы этих селений с востока примыкают к р. Кодору. Кроме того были намечены запасные пункты на Марамбе и в уроч.Джегошкар (у северного склона горы Адагуа. Здесь лучшие цебельдинские покосы).

Были посланы пригласительные объявления в губернии внутренней России: например, из Ярославской губернии ожидали огородников и для этого особенно подробно указали на счастливые в Цебельде условия для огородничества. Однако, благоприятных ответов получено не было, кроме одного запроса в 1868 году от «попечительства об иностранных колонистах в южной России» из города Тирасполя, могут ли быть допущены в качестве цебельдинских поселян переселившиеся в Россию в начале 1800 года болгары. Ответ Геймана был утвердительный, и в январе 1869 года прибыл из бол-

* *Н.В. Фон-Дервиз. Сухумский округ. ЗКОИРГО, кн. XXV, вып. 8, с. 16.*

гарской колонии доверенный колонистов Григорий Драндарь. Последнему был указан проектированый надел сел. Анастасьевского и Николаевского, так как здесь до одной трети общего пространства было удобно для пахоты*, остальные трети были покрыты строевым дубовым лесом, ценным даже в то время вследствие его пригодности для выделки из него клепок для бочек на производства драни, употреблявшейся по всей Абхазии для покрытия крыш и бывшей в большом спросе, – словом, болгарам был указан лучший надел; для селений были указаны возвышенные места на лесных полянах близ Кодора, реки богатой рыбой, особенно крупной форелью. В январе 1869 года было сообщено в попечительство тираспольское, что высылка в отдел колонистов, во избежание развития среди них малярии, должна быть совершена не позже апреля, а затем во второй половине года не ранее сентября.

Хотя Гейман и попечитель поселений были принципиально против заселения Цебельды инородцами, но, ввиду того, что желающих кроме инородцев никого не было, и было решено удовлетворить просьбу об отводе наделов грекам, занимавшимися в Сухуме строительными работами. Просьбу свою они мотивировали следующими доводами: они же принуждены жить на «два дома»: сами в Абхазии, семьи – в Турции; если их водворить в крае, то расходы на жизнь у них значительно сократятся, и тогда они будут в состоянии уменьшить и установленную ими за работы в Сухуме плату, что будет выгодно для сухумцев. Эти соображения заставили Геймана всемерно заботившегося о благосостоянии Сухума, разрешить старостам двух работавших в Сухуме артелей привезти свои семьи и приписаться в цебельдинские поселяне. Глава главной артели Христофор Фулополо просил поселить их поближе к Сухуму, и желание это было исполнено. Греки в начале февраля 1869 года привезли семьи из Анатолии (из местечка Гюмиш-хане), и 8-го февраля 1869 года попечителем Н.А. Дьячковым-Тарасовым было положено основание первому селению – Александровскому – на левом берегу р. Келасуры, в десяти верстах от города, близ древней стены, тянувшейся – от устья Келасуры до р. Ингура, где она и заканчивалась в шести верстах от Зугдид.

Греки и воспользовались этой стеной, входившей в состав их надела и довольно хорошо сохранившейся на пространстве 40 саженей: они разбили стену на 20 участков и перпендикулярно к ней

* *Земляки Драндаря ничем кроме землепашества не занимались в колонии.*

сложили из камней на глине каменные перегородки, сделали над последними крышу, и приют на первое время для их семей был готов. Затем была построена часовня, заложены дома, и дело закипело. В Александровское было предназначено сорок семей; было заготовлено сорок жеребьевых билетов, по числу занумерованных на плане участков, во избежание неудовольствия, и главы первых прибывших восемнадцати семей вынимали, перекрестясь, нумера своих участков. Так распределились участки и в других селениях.

Представитель другой артели греков Георгий Сафьяно, несколько раз объехавший с попечителем проектированные для поселений участки, облюбовав место, назначенное под селение Георгиевское в уроч. Джампал на берегу восточного Амткяла, многоводного и быстрого; Георгиевское должно было быть самым отдаленным поселением, в пяти верстах от укр. Цебельдинского, в горной и скалистой местности, в высокой котловине. Сафьяно привлекало сюда следующее: 1) здесь не было, по собранным сведениям, лихорадок; 2) верстах в пятнадцати от места селения вверх по восточному Амткялу в скалистой и малодоступной местности были когда-то выработки медной руды. В описываемое время там видны были следы шахт и много шлаку. Тогда же попечитель взял оттуда образцы руды и представил через генерала Геймана в Тифлис. Кроме того, идя пешком туда из Джемпала, попечитель с путниками на самом берегу Амткяла, у воды заметил «свинцовую обманку», вершка в два ширины и аршина 1 1/2 длины; под ударами молота обнажилась кристаллическая свинцовая руда; отбитые образцы также были представлены в Тифлис. Присутствие руды* вблизи проектированного селения привлекло человек десять из артели, из числа рудокопов; кроме того Сафьяно там поселилось 18 семейств (Георгиевское было предназначено для поселения тридцати семейств). Селение было основано в мае 1869 года; однако, трудолюбивые греки сумели в то же лето кроме кукурузы вырастить семена отличного турецкого табаку из лучших сортов. Жители Георгиевского, руководимые умным Сафьяно, оказались лучшими из поселенцев, за что и получили, в лице Сафьяно, награду в 1870 году, при объезде поселений вели-

---

* *Не могу не отметить продуктивности экскурсий студентов, изучающих горное дело, в эту местность, где, несомненно, присутствие металлов; присутствие же руды, доказываемое упомянутым монолитом, может быть косвенно подтверждается наличностью по ту сторону хребта худесских свинцовых рудников.*

ким князем наместником. В мае же 1869 года было положено основание селению Ольгинскому в истоках восточной Маджары; хотя близ селения местность было гористая, но на восток от него лежали плодородные, издавна обрабатываемые абхазцами земли. Ольгинское, предназначенное для поселения тридцати семей, к 1870-му году имело 20 семей анатолийских греков, раньше занимавшихся выжиганием извести в уроч. Гум.

Новоселы были на 15 лет избавлены от воинской повинности, на устройство усадьбы каждая семья получила по 40 руб. безвозвратно, в течение первого года выдавалась мука и крупа, с тем, однако, условием, чтобы провиант был возвращен в течении пяти лет, причем уплата начиналась с четвертого года. Ввиду большой потребности в молоке для детей, по ходатайству попечителя было разрешено выдать на каждые три семьи по 50 рублей на покупку коров: отпуск денег был заимообразен: уплата должна производиться на вышеизложенных условиях, для улучшения огородничества были выписаны семена овощей; из Крыма выписано было по одной тысяче лоз на каждое селение.

В конце июня 1869 года, к крайнему изумлению Геймана и попечителя поселений, в Сухум прибыли болгары, легкомысленно отпущенные мелитопольским попечителем поселений, несмотря на дважды подтвержденное сухумскими властями указание не высылать летом. Огорченный и рассерженный своеволием этого попечителя, Гейман говорил, что пожалуется на него наместнику; кроме того он собирался, во избежание гибели от малярии неопытных болгар, возвратить их, но бедность их помешала это сделать. Болгары прибыли налегке; у них не было ведер, у двоих нашлись по лопате, тапоров не было. На вопрос попечителя о причине отсутствия у них самых необходимых предметов старики отвечали, что их обманул Драндарь, утверждавший, что в Сухуме всего вдоволь и все дешево, – поэтому, избегая платить все лишнее за перевоз, они дома все и распродали. На следующий день ожидалась вторая партия болгар на грузовом пароходе: ее и остался поджидать попечитель, а прибывших отправил в Анастасьевское на мингрельских арбах под наблюдением урядника и пяти казаков и со своим переводчиком, рассчитывая прибыть в Анастасьевское на следующий день. Опросивши стариков, попечитель назначил старшиною болгарина Топчева. В Анастасьевское было назначено 36 семей болгар, а в Николаевское 26. Каждому главе семьи выдавалось тотчас по приезде по 20 рублей, и впоследствии еще по 20. Направив вторую партию в Никола-

евское через Дранды, попечитель поехал к анастасиевцам. Подъезжая к будущему селению, попечитель услышал яростные крики толпы, плач женщин и детей. Переводчик цебельдинец Дуг Яшба и урядник доложили, что болгары пришли в отчаяние от лесных зарослей, особенно женщины и дети были перепуганы невиданными ими, степняками, зрелищем. Драндарь и здесь их обманул, уверивши, что «надел ровный: паши сколько хочешь, лесу мало». Ожесточенные болгары собрались де его убить, но он благоразумно скрылся в лесу; подвод мингрельских болгары де не отпускают, намереваясь вернуться в Сухум и просить ровных и чистых мест. Дуг решил силою удержать их до приезда начальства. Попечитель объяснил взволнованным людям выгодные для поселения условия местности со строевым лесом, главного смутьяна бывшего сельского писаря наказал, велел всем тотчас же приниматься за постройку балаганов; толпа успокоилась, и топоры застучали в столь странном для степняков лесу. К зиме у всех уже были хатки.

В Николаевское селение попали болгары из другой деревни, объединенные энергичным Ловчевым; имея в своей среде несколько хороших плотников, они к зиме выстроили отличные дома. В первый год поселяне-болгары очень болели малярией, погибло много детей*.

Земельная реформа в Абхазии и освобождение зависимых сословий, благодаря генералу Гейману, были проведены без помех и осложнений. Узнав содержание вырабатываемого «Положения об освобождении зависимых сословий в Сухумском отделе и о поземельном устройстве населения» и считая себя обиженными проектом, князья, тавады и амиста решили бороться за осуществление своих интересов в возможно большем масштабе, и обратились к генералу Гейману с просьбой разрешить им послать депутацию к наместнику. Гейман не последовал примеру Коньяра и разрешил; одновременно же низшим сословиям было предложено назначить депутатов с своей стороны в особую миссию, которая должна была отстаивать интересы этих сословий. Великий князь заранее осведомленный о задачах обеих депутаций, милостиво принял их, причем дворянской депутации, во главе которой стояли полковник князь Шервашидзе, житель сел. Отара, и тавад из сел. Псыртсха, состоявший в милиции штабс-капитан Тито Маргани, Великий князь сказал, что, желая са-

* *Записки Н.А.Дьячкова-Тарасова*

мым справедливым образом удовлетворить интересам абхазского дворянства, он решил учредить комитет для разбора заявлений всех сословий Абхазии, куда и пригласил дворян обращаться со своими претензиями; то же он сказал и депутатам низших классов. В состав комитета, под председательством генерал-лейтенанта князя Багратион-Мухранского, вошли члены совета наместника и начальника главного управления, который пригласил участвовать в заседаниях начальника городского управления генерала Павлова, начальника Сухумского отдела генерала Геймана и председателя сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Краевича; последний и был докладчиком по различным рода вопросам реформ, заранее обдуманных в сухумской комиссии, составивший и проект вышеупомянутого «Положения». Приглашаемые на заседание комитета депутаты обеих сторон, опровергая притязания друг друга, способствовали выяснению многих подробностей реформ, но, главным образом, подтверждению тезисов «Положения» комиссии Краевича. Оратором дворян был Григорий Шервашидзе; опровергаемый крестьянскими депутатами в своих притязаниях на земельный надел в определяемых им границах, Шервашидзе стал приводить примеры своего «абсолютизма» в тех участках земли, которые его оппоненты считали своими; анхайе скромно отвечали за эти доводы соображением, что подчинялись поневоле, ибо протесты в то время кроме вреда и опасности для них ничего не могли принести. Обратившись к комитету, кн. Шервашидзе закончил свою речь выражением убеждения, что комитет беспристрастно отнесется к интересам высших сословий и тем успокоит взволнованное население. Князь Багратион-Мухранский, человек мягкого характера, идя навстречу желаниям абхазских дворян, выразил желание ввести в Абхазии ту же земельную реформу, которая осуществлялась в Закавказье: для чего-де «для какой-то Абхазии» составлять новое положение![*]. Вспыльчивый генерал Гейман тотчас же поднялся и сказал, что он убежден в отрицательном отношении князя Мухранского к реформе в Закавказье, где податное сословие обделено – поэтому, не справедливее ли было бы хотя бы в «какой-то Абхазии» ввести нормальную реформу? Багратион, обратившись к членам комитета заметил, что если они найдут объяснения сухумской комиссии к выработанному ею «Положению» обеспечивающими интересы всех сословий, то он

[*] *Liberti cit.*

протестовать не будет?* Посетивший заседание комитета наместник остался доволен результатами совещания, так как принципиально разделял взгляды Геймана и сухумской комиссии. Дальнейшее обсуждение параграфов «Положения» шло беспрепятственно, пока не подошел вопрос о количестве надельных десятин для высших сословий: здесь возникли пререкания уже между восемью членами дворянской депутации: амиста не соглашались с большим размером надела для тавадов, доказывая фактами тождественность своего общественного значения с тавадским. В комитете было выражено предложение о наделе для дворян от 100 до 500 десятин, исключая земель, подлежащих укреплению по обычному праву. Ген. Павлов, Гейман и Краевич энергично протестовали, ссылаясь на возможность недостатка к раздаче земель в культурной, приморской полосе Абхазии и приводя в доказательство Самурзакань, где обилие дворянства оставило бы без земли пиошей (анхайе).

Наместник согласился с такой редакцией «Положения»: семьи высших сословий получают наделы от 25 до 250 десятин, а семьи низших классов – от 3 до 7 десятин, согласно числу душ в семье; кроме того, по 10 десятин на каждую семью в общинное пользование.

Сверх того была изобретена следующая оригинальная мера поднятия во мнении абхазцев значения чинов и орденов, жалуемых за заслуги: за каждый чин и орден прибавлять несколько десятин, причем сословие не имело бы значения. Число этих десятин должна была определить сухумская комиссия по окончании общей съемки**, которая уже производилась в Абхазии в масштабе 250 саж. в дюйме. Дворяне остались очень довольны этим параграфом, так как большинство из них числилось в милиции. Зависимость от дворян анхайе (пиош – в Самурзакане), ах-уйю (дельмахоре – в Самурзакани) и ахашалов (крепостные рабы) была точно выяснена трудами сухумской комиссии: комитет согласился с мнением ее о размере выкупных платежей. Ахашалам (крепостным, но только до женитьбы или замужества) обоего пола решено было дать 10 десятин, для того, чтобы они, отдавая часть земли мингрельцам в аренду, могли бы на эти деньги завести хозяйство; кроме того, комитет и комиссия были убеждены, что ахашалы по освобождении переженятся, и, таким образом, каждая новая семья получит двадцатидесятинный надел.

---

* *Liberti cit*

** *Число то было определено к 1872 году в 10 десятин.*

Проект «Положения», одобренный наместником, был Высочайше утвержден. Последний параграф «Положения» предоставлял наместнику право составить подробную инструкцию чинам Сухумского отдела, назначенным для приведения в исполнение этого «Положения». Материал для этой инструкции был выработан сухумской сословно-поземельной комиссией и приведен в систему генералом Павловым. «Особое присутствие по делам бывших зависимых сословий в Сухумском отделе», под председательством начальника отдела, при товарище его председателе сословно-поземельной комиссии и членах присутствия членах той же комиссии, усердно занялось реализацией «Положения». Весь Отдел в этом положении был поручен на местах четырем мировым посредникам.

Дворяне, однако, не считали «Положения» справедливым по отношению к ним, и, по-видимому, затевали для того, чтобы обратить на себя внимание в Петербурге, историю, аналогичную с лыхнинской трагедией. Брожение началось на этот раз в Кодорском участке: собирались сходки, агенты были посланы даже в Самурзакань, где они не встретили сочувствия. Хотели устроить coupe de theatre в Очемчирах, собравши туда побольше народа. Гейман зорко следил за движением и за настроением масс; последние – анхайе, ах-уйю и ахашал – знали уже от своих тифлисских депутатов о тенденциях амиста, тавадов и князей, и были не только против новой смуты, но были даже в оппозиции к дворянам. Много значения имела и вера абхазцев в Геймана.

Последний, узнав, что заговорщики готовятся к активным действиям и хотят собрать в Очемчирах массу народа, распорядился, чтобы все тавады и амиста Кодорского участка собрались в Очемчиры, куда созваны им были также и анхайе; на берегу Геймана ожидала сотня казаков, а сам он прибыл на шхуне «Келасуры»* с ротой 17-го линейного батальона.

Приказав дворянам отделиться от толпы, он сказал им резкую речь, сопровождавшуюся угрозой немедленной высылки и конфискации имущества и приказанием немедленно разъехаться по домам и сидеть смирно: стоит де ему открыть анхайе истинную подкладку их действий, и он не уверен, останется ли кто из дворян целым в ту же ночь. Абхазцы знали решительность Геймана и смущенные, тотчас же разъехались. Подъехав к толпе анхайе, Гейман сказал, что

---

* *В распоряжении Геймана всегда было три шхуны («Келасуры», «Псезуапсе», «Пицунда»).*

слышанное ими от их депутатов сбудется: «не слушайте никого: вам много лгут». Анхайе отвечали, что они тавадам перестали верить, а верят сардару (наместнику) и ему, Гейману, и благодарят его за заботы о них. Успокоив и обнадежив этот хороший и детски доверчивый народ, Гейман вернулся в Сухум.

В мае 1871 года Великий князь, наместник посетил абхазские селения, восторженно встретившие «Сардаря», был в Цебельде в новых селениях. Тогда же отдел в отношении разбора жалоб на мировых посредников, проектирования наделов лицам дворянского происхождения и общинных, обследования заявлений лиц, причислявших себя к высшим сословиям, был распределен между наличным составом членов сословно-поземельной комиссий*. Члены комиссии, воодушевляемые Гейманом, любили свое дело и работали энергично.

К уходу Геймана в 1873 году, назначенного начальником 20-й дивизии, Сухум обстроился, санитарные участки стали культивироваться, началась постройка набережной; общественная жизнь оживилась; по ходатайству Геймана, русское общество пароходства и торговли вместо двух раз в месяц стало посылать восемь раз свои пароходы**, в клубе был заведен отличный оркестр; общество оживлялось и морскими офицерами военных шхун.

Сменивший Геймана генерал-майор Кравченко, родственник князя Мирского, оказался заурядным человеком, без той кипучей энергии и блестящей инициативы, которою прославился по всему Кавказу и даже в Турции генерал В.А.Гейман.

При Кравченко была закончена набережная. Основан Ново-Афонский монастырь в 1874 году***. Занятия комиссии продолжались по-прежнему. Однако, общий административный пульс стал

---

* *От реки Бегерепсты до реки Псыртсхи поручены все дела полковнику Колосову, от Псыртсхи до Кодора – майору Дьячкову-Тарасову, от Кодора до Гудавы – председателю Краевичу. Первыми мировыми посредниками в Абхазии были: Гудаутского участка – штабс-капитан Нейман, Гумистинского – капитан Чудинов, Кодорского – капитан Малиновский. В 1874 году Краевич уступил место полковнику Фрейеру, также хорошо знакомого с Абхазией по своей службе в горском управлении.*

** *«Великий князь Михаил», «Генерал Коцебу», «Цесаревна», «Великая княгина Ольга».*

*** *Иеромонахом Арсением, Иероном (главным монастырским строителем) и Иннокентием, прибывшими со Старого Афона.*

ослабевать: это прежде всего стало заметно по усилившимся в Абхазии грабежам и конокрадству; убийства участились; мягкий по характеру, нерешительный Кравченко не мог вдохнуть энергию в подчиненных.

Наступила мобилизация 1876 год. С объявлением войны абхазцы подняли головы. И нужна была только искра, чтобы восстание, раздуваемое недовольными своими наделами дворянами, вспыхнуло. Началось оно там, где и в 1866 году – в лыхненском районе. Злосчастная семья псыртсхского Маргани и в нем приняла деятельное участие: казнь братьев дядей в 1866 году не послужила уроком племяннику через десять лет. Тито Маргани, участник упоминавшейся выше депутации, дал в 1873 году взаймы скотопромышленнику мингрельцу Лолуа тысячу рублей взаймы; при этом присутствовал его племянник Узбек Маргани, крестник А.Н. Введенского. Мингрельца нашли в тот же день на берегу Гализги с отрубленной головой и без денег. Подозрение пало наУзбека, и он был заключен в крепость, откуда бежал в Турцию, т.е. стал «мухаджиром» (Гудаутский участок давал «мухаджиров» более других). В 1877 году Узбек с 60 «мухаджирами» высадился близ Гудаут, и тотчас же этот участок восстал, а за ним и вся Абхазия*. Гаевский с сотней поехал было в Лыхны, узнав о высадке Маргани, но из сел. Ацы возвратился назад. Абхазцы впоследствии заявляли Мирскому, упрекавшему их за измену: «что же нам было делать, когда нас генерал Кравченко бросил?» (он стоял за Сухумом на Абжакве). Знатоки абхазцев говорили мне, что растерянность Кравченко, не сумевшего выбрать себе надлежащих сотрудников, не назначившего командиром абхазской милиции весьма популярного в народе боевого полковника Алмасхита Маршани, который сумел бы собрать вокруг себя всю абхазскую молодежь, толкнула Абхазию в объятия турок. Думается, однако, что это мнение имело бы более твердое основание, если бы войска наши не покинули Абхазии. Генерал Кравченко, по-видимому, и хотел защититься в малодоступной Цебельде, где им было заготовлено много провианта; однако, ему было приказано отступить.

П.В. Золотницкий**, бывший попечителем поселений в Абхазии в этот период, передавал мне, что он лично читал телеграмму, полученную генералом Кравченко от князя Святополк-Мирского: в ней

---

* *Восстало даже наиболее спокойное общество Джгерды.*

** *Прослужил в Абхазии по народному управлению с 1867 по 1892 год.*

было приказано немедленно очистить Сухум и отступить за Кодор, так как, по сведениям, полученном из Константинополя, на днях в Сухум прибудет, под начальством сына Шамиля, дивизия пехоты. Отсутствие на Черном море боевого флота, как и в крымскую кампанию, предавало побережье во власть неприятеля. Из Сухума началось бегство в Цебельду. Абхазцы грабили и жгли дома в Гудауте, затем толпы их двинулись на Сухум. Турки высадились прежде всего в Гудауте. Броненосцы их показались в виду Сухума, когда Кравченко стал отступать на багадский мост с отрядом, состоявшим из ахалцихского полка, трех линейных батальонов, горной батареи, казачьего полка, четырех сотен туземной милиции. Вместо прямой дороги на Багаду Кравченко почему-то выбрал обходную, и тот путь, что можно было пройти в несколько часов, шли пять дней, поселяне цебельдинские, около трехсот семей, были собраны в селе Ольгинском. 5-го мая, с большими затруднениями, с массой сухумских жителей, Кравченко прибыл в Цебельду, провожаемый выстрелами абхазцев и несколькими выстрелами из орудий турецкого отряда, успевшего догнать русских. При перестрелке у сел. Александровского было убито четыре офицера ахалцихского полка. Прибывши в сел. Джгерда, утомленный трудным переходом, потерявши массу лошадей, отряд несколько отдохнул; несчастные жители Сухума потеряли все свое имущество, многие погибли при переправе через реки; много дел архива Сухумского отдела погибло в одном из ущелий*, так как обоз попал на такую дорогу, что телеги с грузом бумаг были брошены. П.В. Золотницкий, посетивший несколько месяцев спустя это место, нашел ущелье усеянным листками деловых бумаг. В м. Окум был с войсками князь Мирский, который вызвал к себе генерала Кравченко и отрешил его от командования отрядом, и Кравченко уехал в Тифлис**. Цебельдинские поселяне были временно устроены в Зугдидском уезде. Впоследствии, по окончании войны они, собранные в Поти, были перевезены на пароходах в Сухум и водворены на старых местах; множество бродячего скота, брошенного абхазцами, переселившимися в Турцию, большие запасы кукурузы в опустелых селениях достались поселя-

---

* *Джикашкярское ущелье.*

** *Абхазия была очищена от турок тремя отрядами – генерала Алхазова, наступавшего из Мингрелии, полковника Шелковника – из Черноморского округа и генерала Бабыча – через Марухский перевал. См. «Гагры и их окрестностей», 86 – 92.*

нам не только на пропитание, но и для посева. Сухум был сожжен. На улицах валялось множество гнивших трупов скота и лошадей. Приведение города в порядок было поручено г. Золотницкому, которому содействовал командир казачьего полка, стоявшего в Абхазии. На берегу были собраны горы костей павших животных; от продажи их было выручено 200 рублей, на которые были наняты рабочие из поселян для работ по очистке улиц. Пришедший третий линейный батальон, продолжал эту очистку. Множество абхазцев пожелало выселиться в Турцию: турки предоставили им в их распоряжение даже военные суда. Большинство абхазцев собралось со скарбом и скотом в Сухуме. Потому так много было костей близ Сухума. Рассказывают, что турки, не желая оставлять русским скота, перед отъездом убили массы его.

В этот период в Сухум было привезено много контрабанды, особенно крепких напитков, так что начинавшиеся возвращаться на пепелища жители не терпели недостатка ни в чем. Была открыта гостиница. Старостой города был назначен почетный старожил Черномазов. Появились небольшие домики. Лучше всех сохранился дом майора Середина. где и поселился командир третьего батальона; начальник же отдела полковник Аракин жил в Окуме. Наместником было назначено 10.000 рублей на нынешнее устройство города. Полковник Введенский закрыл турецкое кладбище на бывшей, даче Чапарова и засыпал его на 1 1/2 аршина землей; срыл турецкие окопы; очистил от трупов животных колодцы, очистил канавы и улицы, которые уже успели зарасти травой, папоротником; огородил опустошенный турками ботанический сад; приспособил для обитания четыре дома – Калниболотского, Евдокимова и двух абхазцев, уехавших в Турцию. Имущество городских жителей было оценено, и им было выдано впоследствии по 30 коп. на рубль оценки, поселянам же было выдано по 10 копеек.

Начальник отдела полковник Аракин за свое четырехлетнее управление отделом отстроил женскую прогимназию*, провел дорогу в Дранды, а в Сухуме водопровод; продолжал дело поземельной комиссии. Заселение же края при нем шло вяло. Болгары, переселившиеся после войны, уехали обратно; заменившие их крестьяне Ставропольской губернии через год последовали их примеру. При сменившем Аракина полковнике Введенском, бывшех членом сословно-поземельной комиссии жизнь края оживилась: пустовавшие

* *Горская школа была при Геймане открыта.*

при Аракине санитарные участки были все разобраны и обратились в чудные дачные места – например, дачи Татаринова, Ноева, Королькова, Шахпароновой, Яновского; в городе разведен на бывшей церковной площади большой сад*, заселено 15 деревень: следуя примеру Геймана, восстановившего пицундский храм, Введенский способствовал реставрации Драндского храма, при котором была основана обитель; ему же обязаны Сухум и Ново-Афонский монастырь своими субтропическими насаждениями. Сам Введенский, любитель садоводства, развел чудный экзотический сад, украшение побережья – сад «Синоп».

В восьмидесятых годах, а особенно с введением в 1892 году городского самоуправления город значительно улучшился в санитарном отношении; была построена городская больница, родильный дом; появились двухэтажные дома, железная пристань; канавы стали цементироваться, самые отдаленные улицы моститься; проведено береговое шоссе, пересекающее лучшую часть Абхазии – Гудаутский участок; разработана дорога на Клухорский перевал, от Дранд через Очемчиры на Зугдиды проведена шоссированная дорога (однако, по ней мало езды, предпочитают береговую дорогу; дорога эта построена неумело). Впоследствии много абхазцев, живших в Турции, с разрешения русского правительства возвратилось на родину. В настоящее время их в Абхазии считается около 73.000 душ обоего пола; самурзаканцев – около – 32.000 душ; русских же около 2.000, греков около – 2.500, армян около 1.000, эстонцев 600, немцев около 300, мингрельцев около 8.000, молдаван 200, болгар 120 и галичан около 100 человек; кроме того, в качестве арендаторов проживает более 15.000 армян и около 3.000 турок**.

Великолепные Гагры, недавно административно, но отнюдь не географически отошедшие к Черноморской губернии; рыболовный завод Игумнова при устье Бзыби; культурный монашеский уголок в Пицунде*** с единственной на побережье сосновой рощей (Pinus maritima); разрастающийся Гудаут; хозяйство многолюдного Ново-Афонского монастыря с его школой для абхазских детей, хуторами, насаждениями растений высокой культуры; табачные и цветочные культуры около Сухума; санатории, из которых особенно славится

---

* *Нельзя признать насаждения в Сухуме полезными в гигиеническом отношении.*

** *По данным 1906 года.*

*** *Считается скитом Ново-Афонского монастыря.*

санаторий Смецкого; лесопильный завод в верховьях Кодора; развивающийся экспорт вина, кукурузы, табаку, плодов, экзотических растений, каштанов, орехов, пальмового дерева; огородничество, дающее хороший заработок сельчанам многочисленных селений в Абхазии, – все это указывает на то, что Абхазия вышла из эмбрионального периода и в недалеком будущем станет одним из лучших уголков обширной России: с нею будут соперничать только Батумский округ и южные части Приморской области.

На первой очереди для дальнейшей культуры края стоит дорожный вопрос (шоссейные дороги на Клухор, на Псху, Дранды – Джгерды, Ткварчели – Окум – Зугдиды; береговая железная дорога); порты-убежища (яличные порты) – в Очемчирах, Сухуме, Гудауте, Гаграх; назначение в абхазские селения священников из абхазцев, а не из мингрельцев; улучшение школьного дела; защита абхазцев от нашествия армян и мингрельцев; окончание земельного вопроса в Абхазии; посылка в абхазские селения инструкторов по сельскому хозяйству; сельские выставки; организация кооперативного экспорта продуктов абхазского хозяйства.

Много сделано русскими для Абхазии за столетие, и сделавшие живые и умершие деятели в Абхазии, конечно, ждут, что современные русские и природные абхазцы дальше подвинут вперед культуру доброго простодушного абхазского народа и его прекрасной родины.

А.Н.Дьячков-Тарасов[102].
ИКОИРГО. – Тифлис. 1910, кн. XX, вып.II.

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. **«Тифлисский вестник»** – газета, издавалась в Тифлисе с 1872 по 1882 гг.*

*2. **Баратов С.Г.** (1821 – 1866 гг.) – майор, с 1858 по 1865 гг. служил помощником начальника Кабардинского округа. Автор работы «История Грузии» в 5-ти частях. С.-Пб. 1865 – 1871 гг.*

3. Ачанара – Село Ачандара.

4. Имеются в виду села Тхина и Члоу.

5. Моргани – имеется в виду известная абхазская дворянская фамилия Маан, тоже самое Маргания.

6. Ляхлы (Соусху)– имеется в виду Село Лыхны, именуемое турками Соук-Су.

7. Колдыхар – имеется в виду село Калдахуара на левом берегу р. Бзыбь.

8. Абухва – местность в Бзыбской Абхазии.

9. Миздзирхва – село Мугудзырхуа недалеко от Гудаут.

10. Чоболурхва – с. Чаабалурхуа.

11. Дврибша – с. Дурипш.

12. Абцюргва – местность в Бзыбской Абхазии

13. Аэ – местность в Бзыбской Абхазии

14. Ачопора – местность в Бзыбской Абхазии

*15. **Чернявский В.И.** (1846? – 1915 гг.) – с 70-х годов проживая в г. Сухум, являлся фактически первым исследователем архитектуры, археологических памятников, флоры Абхазии.*

16. Имеется в виду Русско-турецкая война 1877 – 1878 гг.

*17. **Мачавариани К.Д.** (1850 – 1922 гг.) – видный краевед, историк, просветитель. Окончил Тифлисскую гимназию и Тифлисский учительский институт. В 80-х годах работал смотрителем Сухумской горской школы, в 90-х годах – инспектором Батумского горского училища. Он, совместно с Д.И.Гулиа, в 1892 г. издал «Абхазский букварь».*

*18. **«Кавказ»** – ежедневная политическая и литературная газета. Печаталась в Тифлисе в 1846 – 1918 гг. (ГСЭ. Т.5. – Тбилиси. 1980. С. 298 – 299).*

19. Жиран – должен быть джейран.

*20. **Г. Церетели** – Церетели Георгий Ефремович (1842 – 1900 гг.), известный грузинский писатель и публицист.*

*21. **«Дроеба»** – грузинская общественно-политическая и литературная газета. Печаталась в Тифлисе в 1865 – 1885 гг. ГСЭ. – Тбилиси. 19.... Т. 3, с. 640. На груз. яз.*

22. Д г и у р и – 900 кв. сажен, т.е. такой отрезок земли, который крестьянин может вспахать за день (Д.И. Чубинов. Грузинорусский словарь. Тбилиси. 1984. С.486).

23. Под псевдонимом К р а з а н а печатался Л.Мчедлишвили.

*24. **«Голос»** – либеральная газета, выходила в Петербурге 1863 – 1934 гг. Подвергалась цензурным взысканиям. СЭС. – М. 1985. С.318.*

*25. **«Кубанские областные ведомости»** – газета, издавалась в Екатеринодаре (совр. Краснодар) с 1871 по 1917 гг. (с 1863 по 1871 гг. она называлась «Кубанские войсковые ведомости»).*

26. К ц е в а – то же самое что дгиури.

*27. **«Иверия»** – грузинское общественно-политическое и литературное издание. Выходило в г. Тифлисе с 1877 по 1906 гг., в начале (1877 – 1878 гг.) в виде еженедельной газеты, 1878 – 1885 гг. – в виде журнала, а в 1886 – 1906 гг. – еженедельной газеты. Основателем и первым редактором был писатель И.Чавчавадзе. (ГСЭ, т.5. С. 94).*

28. Лечхуми – этнографически регион в Кутаисской губернии.

*29. **«Шрома»** – еженедельная общественно-политическая и литературная газета. Выходила в Кутаиси в 1881 – 1883 гг. (ГСЭ, т.11. С. 31).*

*30. **Завадский Ф.А.**, поляк, был сослан на Кавказ, с 1842 г. участвовал в боевых действиях против горцев, с 1847 г. – правитель гражданской канцелярии 3-го отделения Черноморской береговой линии. В 60 – 70-х годах – командир батальона и начальник гарнизона в Сухуме, член Сухумской сословно-поземельной комиссии. Ушел в отставку в чине генерал-майора.*

*31. **«Терек»** – газета, издавалась в г. Владикавказ с 1882 по 1884 гг. и в 1894 г.*

*32. **Вс. Миллер** – Миллер Всеволод Федорович (1848 – 1913 гг.), русский фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской АН (1911 г.) (СЭС. С. 802).*

33. Иверия (Иберия) – античное и византийское название Картли.

34. Джигеты, джики, т.е. садзы – этнографическая группа абхазов, проживавших в Северо-западной Абхазии до 1864 г.

35. Имеется в виду населенный пункт Псырцха, совр. Новый Афон.

36. Псыртсха – точнее Псырцха.

*37. **М.Хонели** – псевдоним публициста и переводчика Бахтадзе Ильи Лукича (1859 – 1900 гг.). Печатался в «Дроеба», «Иверия», «Квали», «Моамбе», «Кавказ», «Новое обозрение и др. газетах и журналах. ГСЭ. Т.2. – Тбилиси. 1977. С.255 – 256. На груз. яз.).*

38. Допуанты – искаженный огрузневши топоним. Имеется в виду с. Допуакыт.

39. Под псевдонимом Г а д а г м е ли публиковался Антимоз Джугели.

*40. **«Нива»** – еженедельный, иллюстративный литературно-художественный и научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге в 1870 – 1918 гг. (СЭС. С.882).*

41. Ачарцы – имеются в виду аджарцы, этнографическая группа грузин.

42. Чонгури – это персидское название струнно-шипкового инструмента, известное у грузин чонгури, а у абхазов ачамгур (Д.И.Чубинов. Грузино-русский словарь. Второе издание. Тбилиси. 1989. С. 1581; Ш.Д.Инал-ипа. Абхазы. Сухуми. 1965. С.606).

43. Чианури – грузинское название струнно-смычкового инструмента. Абхазы же именуют иначе – апхьарца (Ш.Д.Инал-ипа. Абхазы. Сухуми. 1965. С.606).

*44. **М. Чарая** – имеется ввиду П. Чарая.*

*45. **«Московские ведомости»** – одна из старейших русских газет, выходила в Москве 1756 – 1917 гг. С 1859 г. ежедневное издание. В 1840-х годах (редактор Е.Ф.Кош) ведущая либеральная газета, с 1863 г. стала реакционной (редактор М.Н.Катков, П.М.Леонтьев) (СЭС. С.834).*

*46. **«Медицинский сборник...»** – «Медицинский сборник императорского кавказского медицинского общества», издавался в Тифлисе с 1867 по 1907 гг.*

47. Ац – должно быть Аацы.

*48. **«Гражданин»** – политический и литературный газета-журнал. Орган реакционного дворянства. Выходил в Петербурге в 1872 – 1914 гг. (СЭС. С. 333).*

*49. **Чарая П.** (1861 – 1919 гг.) – родился в с. Гуп. Всю свою жизнь посвятил народному образованию. Собирал, исследовал и издавал материалы и статьи по языку, этнографии и истории Абхазии и абхазского народа. Активно сотрудничал с академиком Н.Я.Марр.*

*50. **Давид Сослани** – псевдоним Кезели Давида Ивановича (1854 – 1907 гг.), грузинского писателя и общественного деятеля. Печатался в «Дроеба», «Иверия», «Цнобис пурцели», «Новое обозрение» и др. периодических изданиях. (ГСЭ). Т.5. – Тбилиси. 1980. С.458. На груз. яз.).*

*51. **«Новое обозрение»** – газета, издавалась в Тифлисе с 1884 по 1905 гг.*

*52. **«Кутаисские губернские ведомости» («Кутаисские ведомости»)** – газета, издавалась в Кутаиси с 1887 по 1916 гг.*

53. Аф – имеется в виду Афы.

54. Дудрупш – имеется в виду Дыдрыпш.

55. Гумидзе – имеется в виду Гумиста

56. Челоу – с. Члоу.

57. Кутаулы – имеется в виду Кутол.

58. Моркулы – имеется в виду Меркула.

59. Хват – видимо с. Хуап.

60. К.М. – имеется в виду Константин Давидович Мачавариани.

61. Тамуши – имеется в виду с. Тамш.

62. Должно быть с.Члоу.

63. Д. М. – имеется в виду Давид Мачавариани, отец Константина Мачавариани.

64. Аргуния – должна быть р. Аргун.

*65. **В.П-цкий** – Прогульбицкий В.К. (1857 – 1919 гг.). В 1899 – 1905 гг. был административным начальником Сухумского военного округа, полковник.*

66. М о х у ц е б у л и – слово грузинское и означает «старик», «старейший». На абхазском языке «старейший» именуется «атахмада».

*67. **Рыбинский Г.А.** – главный агроном Сухумского округа в 80 – 90-х годов XIX в. Состоял корреспондентом газет «Новое обозрение» и «Кавказ». В начале XX в. известный художник А. Чачба в своем дневнике отмечал: «У абхазцев были три друга: покойный ботаник Н.Альбов, агроном Г.Рыбинский и профессор Нико Марр».*

68. Г.Р. – имеется в виду Г.А.Рыбинский.

69. Джирхвесели – огрузиневшееся название с. Джирхуа.

70. Ачандыре – имеется в виду с. Ачандара.

*71. **Пантюхов И.И.** (1836 – 1911 гг.) – служил военным врачом на Кавказе в 60-х годах XIX в. и с 1889 по 1902 гг.*

72. Имеется в виду Драндский монастырь.

73. Соук-су – по-турецки означает «холодная вода».

74. В данный момент читай «абхазы». Этноним «черкес», кроме собственно адыгов, подразумевал представителей всех абхазо-адыгских народов.

75. Амиста – точнее Аамста.

76. Аапста – река между Гудаутой и Новым Афоном.

*77. **«К в а л и»** – еженедельный общественно-политический журнал национально-литературного направления. Выходил в Тифлисе в 1893 – 1904 гг. (ГСЭ, т. 5. С. 483).*

*78. **«Тифлисский листок»** – русская каждедневная газета, выходила в Тифлисе в 1886 – 1919 гг. (ГСЭ. Т.9. – Тбилиси. 1985. С. 731).*

79. Мургуания – точнее Маргания, то же самое Маан.

80. Топоним Наа абхазского происхождения. (В.Е.Кварчия. Топонимика Абхазии. Сухум. 2002. С. 340, 385).

*81. **«М о а м б е»** – ежемесячный общественно-политический, научно-литературный журнал. Издавался в Тифлисе в 1894 – 1905 гг. (ГСЭ, т.7. С.53).*

82. Нания – должно быть налия, но данное слово грузинское и означает кукурузник. А по-абхазски кукурузник именуется аца.

83. Лобио – грузинское слово, означающее фасоль, по-абхазский фасоль именуется – акуд.

*84. **Эмухвари (Эмхаа) А.М.,** псевдоним «Апсуа» (1850 – 1915 гг.) – родился в с. Окум, окончил Тифлисскую Александровскую учительскую школу. В своих многочисленных публикациях он защищал права абхазского народа, одним из первых ставил вопрос о переводе книг богослужения на абхазский язык.*

*85. **«Акакис кребули»** («Акакис твиури кребули») – ежемесячный литературный журнал. Выходил в 1897 – 1890 гг. в Тифлисе и Кутаиси. Редактор-издатель известный грузинский поэт Акакий Церетели. (ГСЭ. Т.1. – Тбилиси. 1975. С. 246).*

*86. **Джанашия Н.С.** (1872 – 1918 гг.) – известный краевед, историк, просветитель. Родился в с. Адзюбжа Кодорского участка. В 1891 г. окончил Горийскую гимназию. Работал преподавателем Сухумской горской школы (1891 – 1994 гг.), заведующим Гудаутской министерской школы (1894 – 1899 гг.). В 1960 г. в Сухуме был издан сборник Н.С.Джанашия Статьи по этнографии Абхазии.*

87. Апсуа – псевдоним Эмухвари (Эмхаа) А.М.

88. Имеется в виду Айтар.

89. Хрохмал – настоящая фамилия по абхазский звучит Хурхумал

*90. **Уварова П.С.** (1840 – 1924 гг.) – известный археолог. После смерти мужа А.С. Уварова (1884 г.), она возглавила Московское археологическое общество.*

91. Сарапани (груз. Шарапони) – имеется в виду совр. Шорапани в Западной Грузии.

92.Гванес – Гюэнес, совр. Очамчыра.

93. Сафаренский монастырь – имеется в виду Сафарский монастырь недалеко от г. Ахалцихе.

*94. **Альбов Н.М.** (1866 – 1897гг.) – видающийся русский ботаник, исследователь флоры Колхиды. Учился в Московском университете, затем по состоянию здоровья перевелся в Новороссийский (Одесский) университет, который закончил в 1890 г. В экспедициях по Абхазии собрал и издал весьма уникальные материалы, как по ботанике Абхазии, так и по этнографии абхазов.*

*95. **«Землеведение»** – журнал, издавался в Москве с 1894 – 1915 гг.*

96. Автор явно лукавит, когда восхваляет роль Российской империи в создании централизованной власти Абхазии и об успехах абхазского народа. Во-первых, в результате создания т.н. централизованной власти, была ликвидирована государственность Абхазии, и, во-вторых, народ в своем большинстве был подвергнут к массовой депортации из Абхазии.

97. В действительности же Давид Возобновитель (царствовал 1089 – 1125 гг.) был прадедом царицы Тамары (1184 – 1212 гг.), а отцом Тамары был Георгий III (1154 – 1184 гг.).

98. В грузинской летописи кроме фамилии Шервашидзе сохранилось фамилия Чачасдзе, что соответствует абхазской формы владетельской фамилии Чачба.

99. В Самурзакане, так же как и по всей Абхазии, христианство стало возрождаться со второй половины XIXв.

100. Очамчыра исторически относился не к Самурзаканскому региону, а Абжуа.

101. Последний владетель Абхазии М. Шервашидзе (Чачба) был похоронен не в Илоре, а в Моквском монастыре.

*102. **Дьячков-Тарасов А.Н.** – сын подполковника Н.А.Дьячков-Тарасова, бывшего попечителя Цебельды (1868 г.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был одним из организаторов «Общества любителей изучения Кубанской области» в Екатеринодаре.*

Абасопуло Айя 388, 396
Абашидзе 135, 251
Абелов 17
Абульфеда 479
Авест 91
Агафиас 478
Адам 509
Аджамов Д.Г. 422
Адзинба Т. 533
Адилла 479
Адриан 90, 517, 529, 534
Ажиба Абзагу 523
Ажиба Абрагу 521
Ажиба Пас 520, 523
Ажиба Табагу 22
Ажи-дахак 95
Аквадзба М. 488
Александр Великий 210
Александр Македонский 551
Александр I 134, 265
Александр II 134
Алтач-ипа Ахмет 480, 550, 555
Аль-Бакри 479
Альбов М.Н 3, 389, 391, 614, 693, 695
Амиран 85, 86, 87, 88, 89, 97, 98, 122, 232
Ампар Консоу 520, 521, 527
Ампар Китату 522
Андрей Первозванный 98, 321, 354, 359
Андулус 214
Анненков 359, 377, 378, 379, 380, 381
Анос 244
Анреп 653, 654
Анторнас 244
Анчабадзе Г. 393
Анчабадзе Хабуг 489, 568, 571
Аполлодор 83
Апостол Павел 14, 237
Аракин 39
Аристотель 14, 327
Арнания 14, 119, 151
Арриан 220, 238
Арсений 14, 90
Артавазд 89, 90
Арташат 91
Арташес 90
Артб-бей Беслангур 637
Архиепископ Евхерий 237
Аршба Н.В 513
Атлант 95
Ашинов 141, 201, 246
Бабыч П.Д. 675, 686
Баграт 244, 516
Баграт II 244
Баграт III 244
Багратион-Мухранский В.И. 244
Багриновский В.И.244
Бакрадзе Д.З. 240, 244, 252, 605, 608, 610
Бальдур 96
Барас 12, 244
Баратов Иван 395, 690
Баратов С. 8, 13, 16, 19, 244, 690, 696
Баркалая 672
Бартоломей А.И. 72, 74
Барциц Дамей 621
Барциц Камшиш 523
Барциц Марчих (Мачих) 522, 523

Барятинский А.И. 72, 73, 78, 621
Бахар 71
Бгежба Миктат 521
Блаб Тапидж 521
Бебутов В.О. 36, 395, 594
Бежетов 36
Белки Едрис 479
Белль Джеимс 643, 647
Бернандос Маркачи 647
Бернацкий А. 43, 50
Берзенов 148, 149, 647
Берже А. 36, 220
Богданов Ф.П. 319, 422
Богданович 656
Богослов Иоаан 238, 607
Браккер (Бракер) 355, 356, 361, 385, 387, 392, 396, 404, 406
Бреннер 355, 356
Бриаревс 95
Броневский С. М. 73
Брун Ф.К. 210, 220, 529
Будберг 653
Булия 455
Бутлеров 594
Бутми де Кацман 8, 9, 10
Бюрасп 92
Вагнер В.А. 449
Варфоломей 238
Васильев 381, 573
Васильев Ефимий 595
Введенский А.Н. 223, 355, 439, 594, 611, 671, 673, 687, 688
Велизар 516, 552
Весконте П. 208, 662
Вильгельм Тигюрин 238
Вильгельм Штуке 238
Виссарион Иеромонах 256
Витгенштейн 586, 595
Владимиров К.А. 614
Воронцов М.С. 75, 76, 78, 196, 286, 556, 650, 655
Воронов капитан 14
Воронов Николай 246, 595, 606, 608
Гавриил 134, 137, 138, 255, 452, 458, 463, 518, 609
Гвазава А. 399, 400, 401
Гватуа Г.К. 392, 396, 405, 495
Гегемейстер Карл 595
Гез Кююн 479
Гезиод 84, 98
Геза Нагу 479
Гейман В.А. 54, 670, 671, 673, 677, 679, 680, 681, 682, 683, 684
Георгий II 244
Георгий III 695
Геракл 98
Геркулес 221, 245
Геродот 213, 220, 478
Геронтий 248
Гессе 633, 643, 644
Гефест 83, 95, 96
Геч Эрид-бей 643
Гёте 200
Гигин 83
Гих -Урсан 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125
Гинкулов Ф.К. 632
Гогоберидзе 252
Гозар 244
Голицинский 148, 149
Голяховский 66
Гоппе 78, 129
Горчаков М.Д. 632, 639, 640, 644
Горчаков 264

Греве 55, 59
Григорий 244
Григорий II 244
Григолия Н. 441
Гуа Урус 531, 538
Гублия Ш. 519
Гугунава 257, 524
Гукасянц Л. 435, 440
Гункара 479
Гургулиа Б.А. 505
Гурдези 479
Давид Возобновитель 634
Давид III 244
Давидов 251
Давид Сослан 202, 693
Дадиани Георгий 641, 657
Дадиани Григорий 635, 636, 637
Дадиани Екатерина 657
Дадиани Леван 541, 633, 636, 637, 642
Дадиани Николай 6, 637, 641
Дария 210
Демьян 96
Джанашия Н. 502, 694
Джапария 141
Джемшид 92, 93
Джения Мусса 507, 508
Джугели А. 692, 694
Джорджадзе Георгий 294, 595
Дзяпш-ипа З. 241, 634, 665
Дигельштет Г. 80
Дикман 395, 402
Дистервег 326
Дмитрий 244
Дмитрий II 698
Дмитрий III 244
Дмитрий Фалерейский 212
Дионес 479
Дубровин Н.Ф. 87, 539, 657
Дукмасов И. 143
Димитриади 57
Дондуков-Корсаков А.М. 376
Дункель-Веллинг Н. 86, 87
Дорофей 238
Дьячков-Тарасов А.Н.689, 695
Дьячков-Тарасов Н.А. 594, 674
Дюбуа-де Монпере 465
Евдемон 244
Евдокимов 687
Евсений 238
Екатерина Вликомученица 142, 144
Епископ Тирский 238
Ератосфен 478
Еристави З.485
Ермолов А.П. 134, 632, 638, 639, 640, 644
Ермолов 11,14, 18
Жиба Т. 476
Завадский Ф.А. 3, 77, 82, 197, 669, 691
Загурский Л.П. 343, 344
Захарий 244
Захаров 499, 594
Зевс 84, 95, 96, 97
Зейдлиц Н.К. 347
Зиновьев В. 94
Зичи Евгении 478, 479
Золотницкий П.В. 685, 686
Зохак 93
Зубков В.Г. 84
Иама-Хшайто 92
Иблис 93
Ибн Доста 479
Ибн-Саид 479
Иванов 316
Иван Грозный 516, 552
Ивановский 595

Игорь 214, 215, 218
Изяслав 552
Измайлов 11, 12, 14
Инал-ипа Караман 475, 476, 477, 520, 521, 522, 523
Инал-ипа Кизилбек 520, 521, 523
Инал-ипа Отарбей 520
Инал-ипа Тамшуг 520, 521, 522, 523
Инал-ипа Темшул 12
Инал-ипа Ш.Д. 692
Иностранцев 169, 515, 600
Иоаким 244
Иоанн III 134, 217
Иоанн Богослав 607
Иоанн Златоуст 134, 238, 605
Иоанн Креститель 607, 608
Иоанн Предчети 70, 238
Иоселиани П. 239, 534
Иосиф 244, 551
Ипполит 237, 238, 533
Исаии 220
Исидор Испалийский 237
Иустиниан 244
Исидор митрополит 28, 248, 249
Июда 238
Каве 93, 94, 96
Камбот 61
Камгаз Хачи 11
Карамзин Эммануил 211, 516, 552
Кацвба 503, 504, 505
Квеквескири Петр 259
Кеценко Виктор 300, 302, 595
Кир(ос) 92, 534
Кислер 477
Кобахидзе 480
Кобиев М.А. 392
Когония 141
Колюбакин А. 36, 37, 251, 594
Комаров 55, 60, 405
Константин Вариссис 145
Коньяр П. 556, 661, 666, 667, 668, 669, 670, 672, 680
Кудбашев 80
Кулов 17
Кучук 61, 62, 64
Кобиев М.А. 392
Колюбакин А. 36, 37, 251, 594
Кондратьев 594
Константин I 244
Константин II 244
Константин Порфирогенет 479
Корольков 688
Карягин К. 352
Котляровский 644
Кравченко П.П. 53, 54, 68, 393, 427, 585, 586, 595, 652, 671, 673, 684, 685, 686
Краевич 684, 594, 681, 682
Красницкий 594
Ксеркс 210
Ксифилонос 479
Ладария Николай 569
Лакербая Соломон 12, 15
Ламберти А. 530, 538, 573
Лев II 244
Лей Квадж 15
Лейба Зорум 316
Леон Мудрый 479
Леонид архимандрит 237, 238
Лессинг 14, 200
Линевич 594
Лисовский 651
Лихачев 32
Локки 96

Лорис-Меликов М.Т. 672
Лукиан 237, 238
Луцифер 96
Ломакин Н. 594
Логгин 238
Луарсаб 71
Лукиан Псевдомонта 238, 239
Магомет 198, 200
Магомед Эммин 88, 656
Максим II 244
Максимов К. 414
Малахия II 244
Малиновский 684
Маргани К. 640, 668
Маргани Тито 680, 685
Маргания 256, 257, 685
Маргания Дмитрий 538, 569
Маргания Н. 442
Маргани Тито 680, 685
Маргания Маркоз 316, 521, 522
Мария царевна 71
Марк св. 246
Марлинский 651, 654
Марселиен Амиен 478
Маршан Кадырбей 524
Маршани Алмахсид 23, 685
Маршания Ростом 675
Маршания Бадра 257
Маршани Батал-бей 658
Маршния Омар 241
Маршани Херипс 651
Маршания Т. 571
Малиновский 684
Матфей 533
Махмет Гирей 217
Мачавариани Д.А. 29, 142, 249, 250, 251, 253, 254, 293, 323, 595, 693
Мачавариани К.Д. 3, 4, 26, 31, 33, 36, 117, 145, 207, 222, 224, 227, 230, 233, 235, 240, 245, 248, 250. 252, 255, 256, 336, 532, 535, 542, 547, 548, 550, 558, 568, 570, 690, 693
Меладзе 553
Менандр 478, 516, 552
Меньшиков А.Н. 565
Мердас 93
Мерцелин-Вороновой 595
Месаксуд 319
Метакса Григорий 672
Метакса Николай 71, 75
Микамбая 634
Микеладзе В.С. 88
Микия Кватати 260
Миллер В. 3, 98, 691
Миллер Ф. 345
Милютин Д.А. 78
Минджия 141
Митридат 213, 320, 516, 529
Михаил Гавриил 137
Могилянский 638
Моисей 471
Моисей Хоненский 88, 90, 91, 92, 220
Момбели Николай 594
Монастырцев Г. 80
Моакба Туг 620, 621, 626
Морьер 94
Москаленко 17, 18
Мошнин А. 594
Муравьев А.Н. 651, 652
Муравьев Н. Н. 651, 652, 654
Мустафа-паша 657, 658
Мушкетов И.В. 85, 515
Мхер 91, 98
Накашидзе595
Небельсон Д.В. 676

Нейман 684
Нерсес 70
Никифор Калист 238
Николаев Трофим 595
Николай I 468
Нисета 479
Ноев Ф.Ф. 356, 688
Нордман А.Д. 239, 240, 243
Норишвили М. 480
Оглобжио 219
Олег 201, 214, 218
Ольденбургский 416
Омаров Александр 595
Омер-паша 251, 650, 658
Орайтаон 92
Орбелиани 636
Ориген 237, 238, 533
Палибин Г. 80
Памфилов 656
Пантелеймон 103, 354
Пантюхов И.И. 693
Паскевич И.Ф. 643, 644
Пахимер Георгий 221
Пацовский А.К. 643, 644, 645, 666
Пачулия 141
Перун 86, 460
Платон 239, 534
Плиний 236, 243
Помпей 320
Потанин 88, 89
Прокопий Кесарийский 213
Прометей 83, 84, 95, 600
Проценко Ю.П. 71, 75,. 403
Птолемения 238
Пушкин А.С. 410, 655
Раевский Н.Н. 203, 633, 643, 646, 649
Рамзес 516
Реад 73, 650, 656, 657
Рейнгард 148, 176, 185, 188, 283, 284, 306, 352
Ремизов 357, 358, 359
Ришелье Дьюк 217
Рогозинский Ипполит 595
Розов 348, 359, 360, 375,
Рокапи 88, 98
Романов М.Н. 51, 59, 60, 103, 134, 255, 262
Рубруквис 216
Руден 92
Руфин 238
Рыбинский Г.А. 3, 321, 357, 360, 367, 371, 374, 377, 382, 384, 386, 389, 396, 402, 407, 423, 426, 594, 693
Рычков Вениамин 594
Сабекия Т. 571
Савва 105
Савицкий 595
Салманасар 222
Самойленко 689, 670
Сараджев В. 291, 300, 301, 303
Сафьянно Георгий 678
Свистун 361, 392, 395, 396
Святополк-Мирский Д.И. 650, 661, 670, 686
Святослав 214
Седин Иван 520, 521, 522, 523
Сезомен 238
Селезнев 238, 244, 530, 595, 637
Серебряков 656
Серош 94
Сигуа Ясон 520
Сизов 539
Симеон II 244
Симон Кананит 98, 99, 103, 105, 116, 135, 240, 321,

237, 332, 337, 338, 527, 605, 610
Симонишвили Б. 86
Скасси 217
Скирос 220
Скольков 656
Слюнин Н.В. 149, 171
Смецкой 355
Соколов С. 146
Сократ Пифагор 327
Соловьев В. 125
Страбон 212, 213, 216, 465, 478, 516, 534, 551, 613
Стратофил 239
Стишинский 446
Стрелецкий С.Н. 31, 252
Султан-хан-Гирей 84
Суринович 668
Суходольский 397, 398, 406
Табагуа Дзокия 260
Тамбей 141
Татаринов 355, 362, 688
Тахмоуруп 92
Тахмурас 92, 93
Тацит 216
Тигран 92
Тифон 95, 96
Тиханов Н.А. 423, 424, 425, 426
Тормасов А.С. 636
Туркия 401
Тюри Иосиф 479
Уваров А.С. 695
Уварова П.С. 243, 386, 584, 695
Узбашев Артемий 595
Урушадзе 195
Урхекарт 643
Услар П.К. 214, 657, 658, 659
Фаддей 238
Феодор св. 144, 244
Феодор I 552
Феодор II 244
Феодорит 238
Феодосий 244
Феодосий слепой 244
Феофил 134
Феридун 93, 94
Филиктос 244
Филлип св. 238
Флавии Арриан 238, 449, 465, 533, 534, 605, 612
Фогель Александр 301
Фон-Дервиз Н.В. 393, 676
Фотий Серандо 657
Филиппсон Г.И.652, 653, 654, 638, 640, 633, 651, 655
Фиранек 93
Фирдуси 91, 92
Хаджи Берзек Дагомуко 634, 640
Хан Кончак 215
Хелая Зосим 541
Хетагуров Т. 85
Хонели М. 3, 105, 110, 116, 692
Хишба Селван 521
Хурцулаа 141
Хозро 552
Хрохмал Кадыр 571, 572
Цацуа 151, 169, 174, 175, 176, 178, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 194, 259, 260
Церетели Г. 50, 51, 690, 694
Цицерон 327
Цицианов 479, 644
Цицибавы 89
Чагуа Урус 621
Чавчавадзе 500, 691

Чарая П. 3, 199, 466, 467, 488, 692
Чарая М. 141, 692
Чачба Михаил 510, 693, 695
Чемберг Лев 594
Черепов 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 661, 667, 668
Черномазов 674, 702
Чернявский В.И. 690
Чижиков Лев 594
Чик-ипа Мамсыр 520
Чиковани В.П. 453, 476, 488, 489
Чичба 228, 510, 513, 583, 649
Чудинов 684
Чхапелия 151, 174, 175, 177, 178, 179, 182, 185
Чхолария 256, 257, 524
Чхотуа 260, 635
Шабловский И.И. 146
Шавров В.В. 694, 695, 670
Шамба Осман 667, 668
Шамиль 656, 686
Шампуазо 657
Шатилов 660
Шелковников Б.М. 102
Шервашидзе Александр 16, 19, 567, 643
Шервашидзе Али-бей 636
Шервашидзе Арслан-бей 636
Шервашидзе Гасан-бей 646, 649
Шервашидзе Г.А. 566
Шервашидзе Георгий 37, 264, 486, 569
Шервашидзе Г.Д. 36, 37
Шервашидзе Г.М. 666, 667, 668, 671, 681
Шервашидзе Датаго 634
Шервашидзе Димитрий 638, 639, 642, 649, 662, 681
Шервашидзе Келешбей 632, 634, 635, 658
Шервашидзе Кесария 641
Шервашидзе Леван 632
Шервашидзе Манучар 636, 637, 641, 642
Шервашидзе Прокопий 486
Шервашидзе Сафар-бей 265, 632, 637, 638
Шериф-паша 686
Шидар 90, 91, 98
Ширар 124, 125
Шлиман 466
Шония Ростом 459
Щербинин М.П. 655
Экиртава Квадж 388
Эмухвари Алексей 3, 567
Эмухвари А.М. 497, 500, 502, 694
Эмухвари Бата 501
Эммануил 210
Эмин Н. 88, 90, 656
Эристов Г.Р. 55, 251, 515, 594
Эсма-Ханум 128
Эсхил 83, 84, 95, 96, 98
Эшбай Фома 538
Юстиниан 144, 246, 466, 530
Яков 238
Ярослав Великий 214

Условные сокращения

ИКОИРГО – Известия Кавказского Отдела императорского Российского географического общества

СМОМПК – Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа

ССОКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.

ГСЭ – Грузинская советская энциклопедия

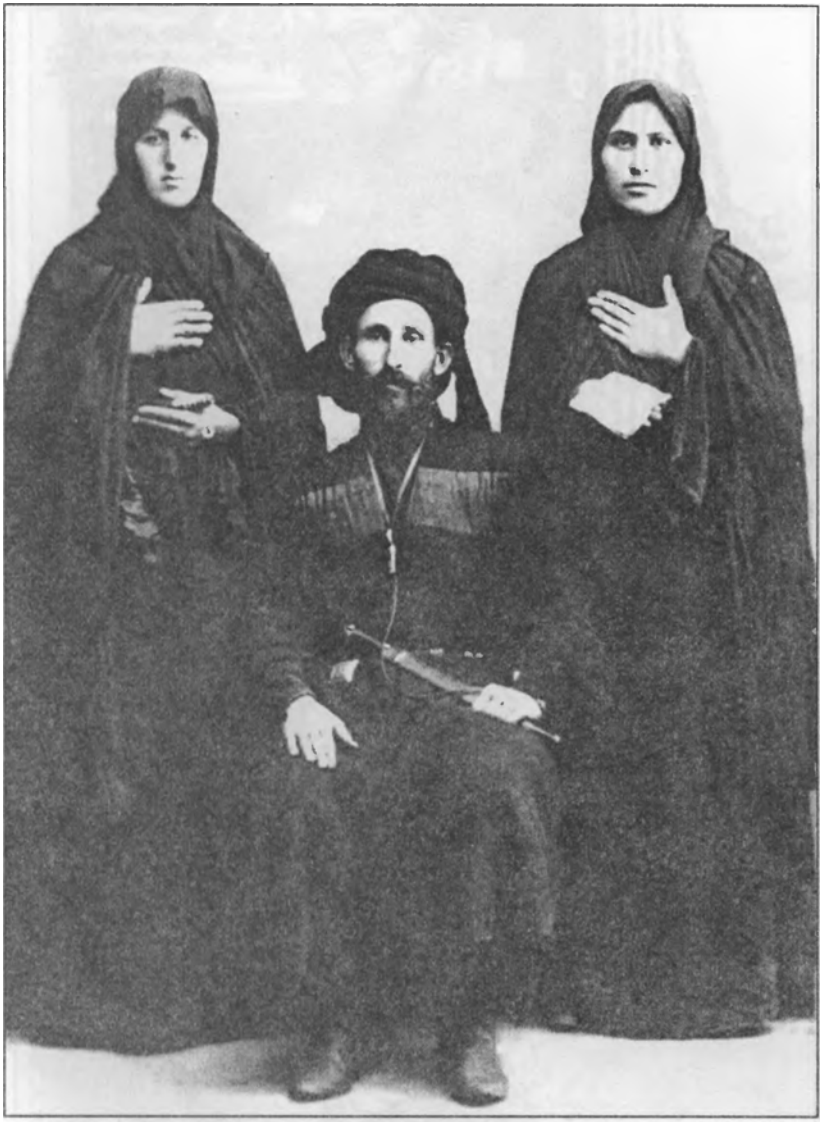
СЭС – Советский энциклопедически словарь

Представители абхазской знати

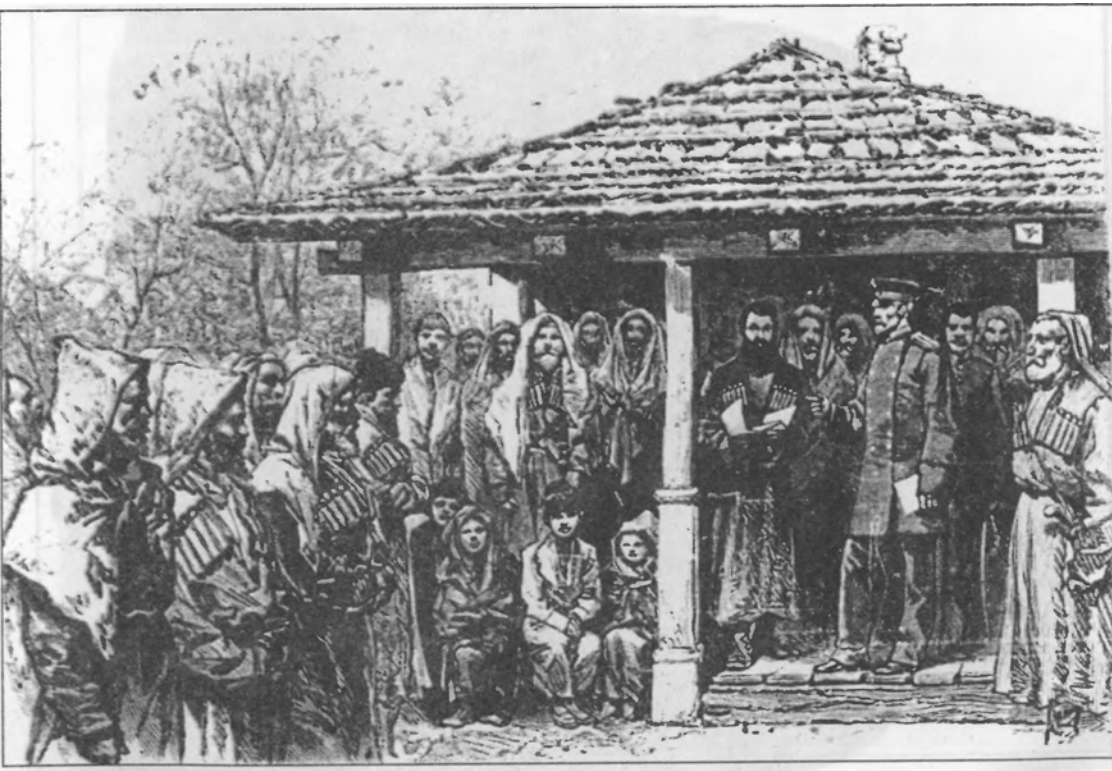
Абхазы

Абхазы из Дала (Кодорское ущелье), вторая половина XIX в.

Абхазы (Агу-Бедиа)



Абхазы. 1900 г.



Абхазы-самурзаканцы (село Окум)

Абазины (фото графа Зичи)

Группа абазинок из аула Биберд-кыт (фото графа Зичи)

Война на Балканах 1877-1978гг.

Агрба Саид

Умар Мкер-ипа

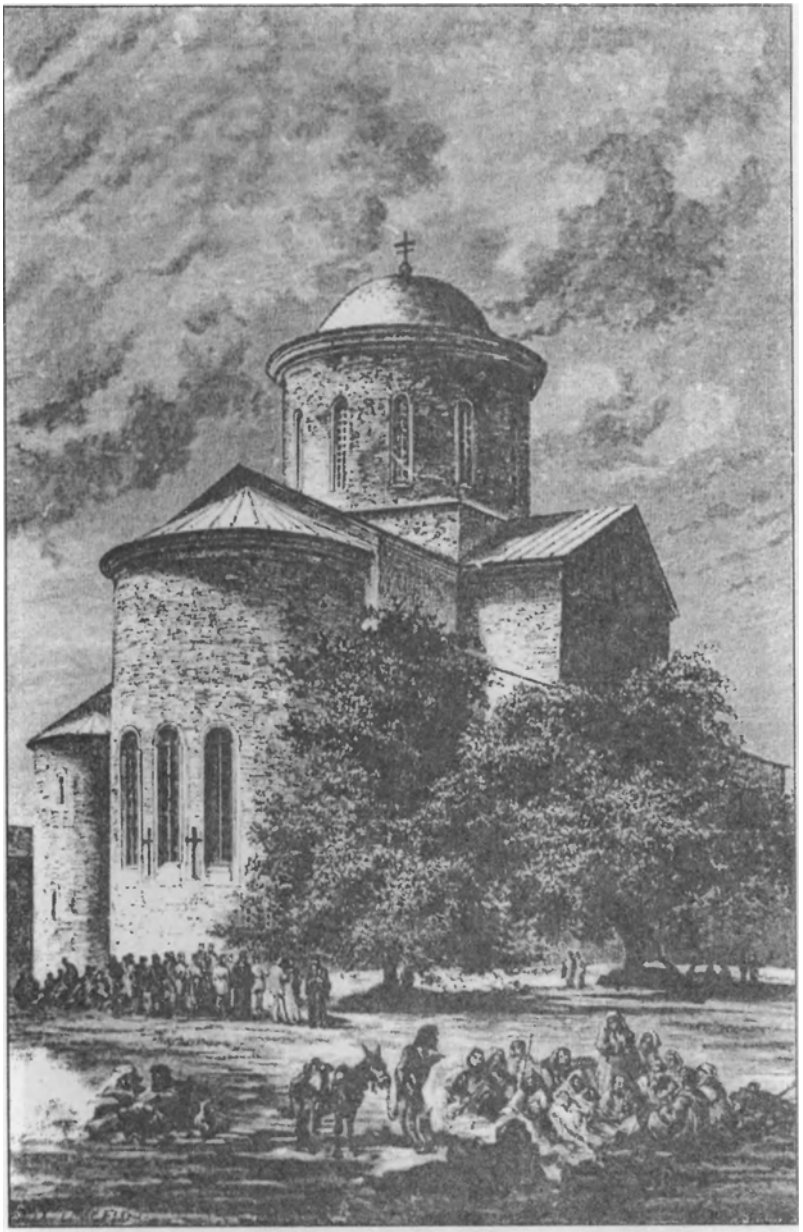
К.Д. Мачавариани

Николай Альбов

Мелек Ардзынба, Дуда Атрышба (Турция)

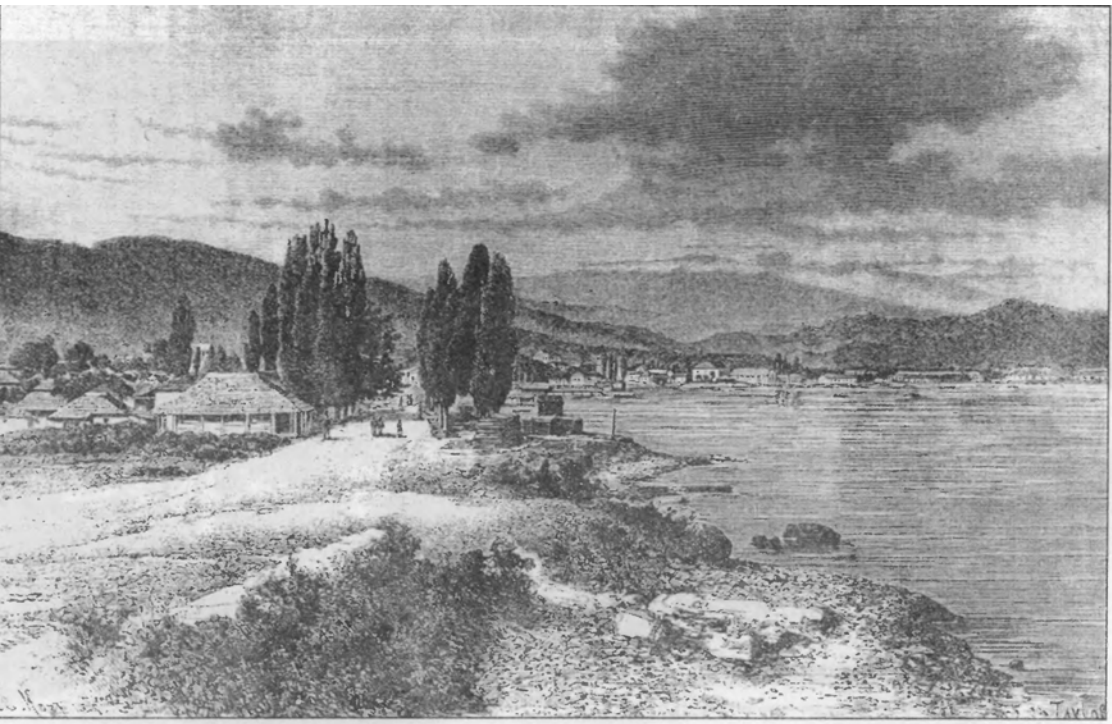
Путешественница Карла Серена с абхазскими проводниками...

Старинное жилище абхазов (1881 г.)



Пицундский храм

Лыхнашта



Сухум-Кале (конец XIX в.)

Новый Афон

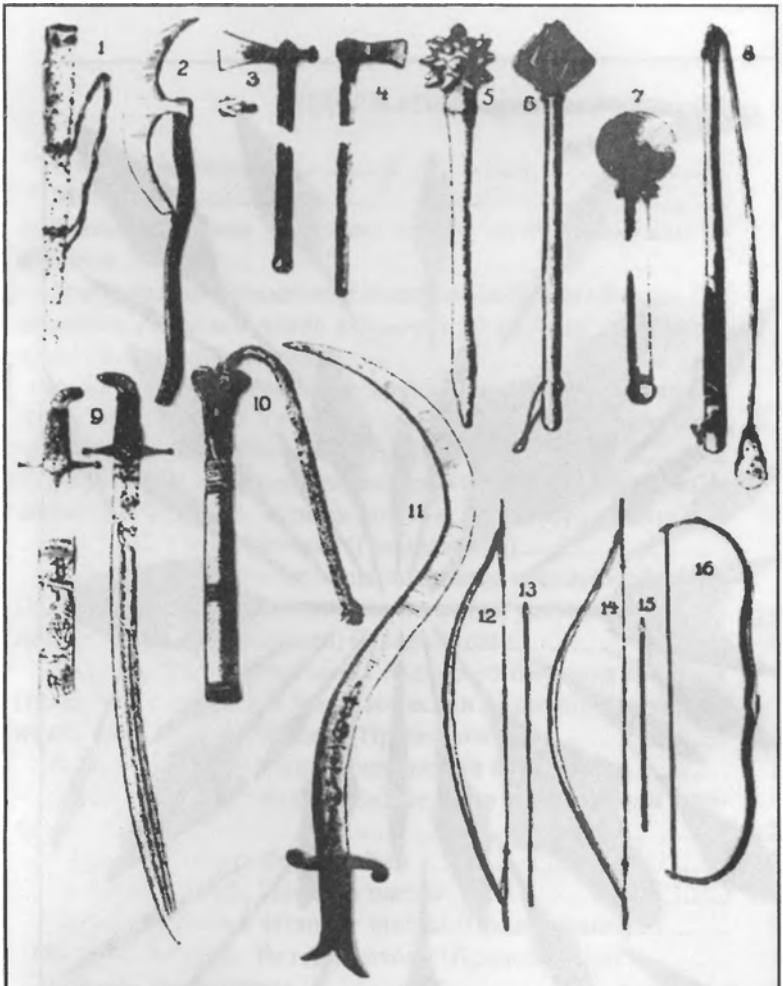
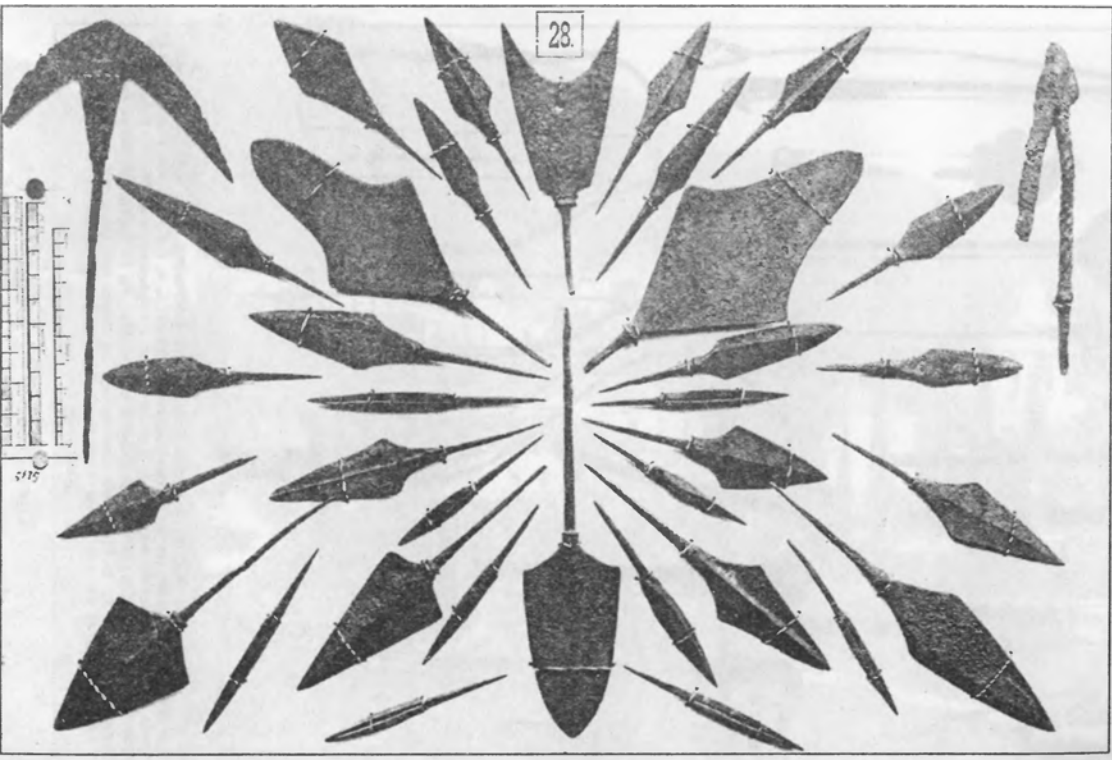


Abb. 451. Kaukasische Waffen: 1 Gewehrfutteral aus schwarzem Filz mit Lederbesatz; 2, 3, 4 Streitäxte mit eiserner Klinge und hölzernem Stiel; 5, 6, 7 Keulen mit Eisenköpfen; 8 Kaute mit silberbeschlagenem Stiel; 9 Schwert mit georgischer Inschrift; 10 Kaute mit geflochtenem Ledertrang; 11 Säbel (angeblich armenisch); 12, 14 Bogen mit Sehne aus gedrehter Hanfschnur; 13, 15 Pfeile mit Eisenspitze; 16 Bogen aus Horn und Knochen (türkischer Art) (1 1/10 m, 2 bis 4 1/10 m, 5 bis 10 1/17, 9 1/10, 12, 14, 16 1/10, 13, 15 1/11 n. Gr.)
(Nach Graf J. Zichy)

Кавказское оружие
(из коллекции графа Зичи)



Абхазия (из коллекции ген. Комарова, 1881 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3
Материалы 6
Копия с прошения, поданного экзарху Грузии выборными от абхазцев 6
Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) 6
Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) (Продолжение) 8
Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) (Продолжение) 11
Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) (Продолжение) 13
Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (Из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) (Продолжение) 16
Ловля и похороны душ утопленников в Абхазии 19
Дополнительная заметка о ловле души утопленников в Абхазии 20
Сухум и Абхазия. После войны 21
Сухум и Абхазия. История школы 26
Сухум и Абхазия. История школы (Продолжение) 31
Сухум и Абхазия. История школы (Продолжение) 34
Письмо к редактору 36
От Сухума до перевала Домбай – Ульген 37
От Сухума до перевала Домбай – Ульген (Продолжение) 43
Переселение 50
Заселение Джигетии и Абхазии 50
Батум, 27 июля 51
Сухум, 29 июля 52
Батум, 4 августа 54
Батум 16 августа 56

Между двух земель 56
Батум, 28 августа 57
Батум, среда, 17 сентября, 10 часов вечера 59
Батум, 17 сентября 59
Наш потийский корреспондент пишет 26 сентября 60
Домашний праздник у абазинцев 61
Увиденное и услышанное (Заметки путника) 66
Батумские разбойники 68
Поти, 9 апреля 69
Предметы древности кавказского происхождения в «Церковно-приходском музее» при Киевской духовной академии 70
К вопросу о дороге в Абхазии (По поводу технической беседы в Кавказском Отделе Императорского Русского Технического Общества)..... 71
К вопросу о дороге в Абхазии (По поводу технической беседы в Кавказском Отделе Императорского Русского Технического Общества) (Окончание)..... 78
[Уход в «Стамбул»]..... 82
Кавказские предания о великанах 83
Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь..... 98
Письма из Абхазии..... 106
К вопросу о переселенцах (По поводу корреспонденции г. Молчанова в «Новом времени»)..... 110
Абхазия, 10 октября 116
Абхазия, 13 ноября 117
Корреспонденция 118
Страшный долг (Абхазская легенда)..... 118
В нынешнем году поселили в Абхазию..... 125
Внутренняя хроника..... 125
Абхазская женщина 126
Пицундский храм (в Абхазии) 133
Верование абхазцев в «Анцва имз» (в кару Божью)..... 136
Новотроицкий православный храм на Кавказе..... 141
Сухум (От нашего корреспондента)..... 143
Монастырь Дранды в Абхазии 145
Медикаменты и способы лечения, употребляемые народными врачами в Абхазии и Самурзакани И.И Шабловского..... 146
Город Сухум (Восточный берег Черного моря) 196

Корреспонденция 198
Корреспонденция Абхазия и абхазы (Этнографическое описание) 199
Сухум 200
Абхазские вина 203
О торговле невольницами на Черном море (Исторический очерк) 207
Несколько слов о долине р. Бзыби – Псху 218
Религиозное состояние Абхазии 219
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 223
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 225
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 228
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 230
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 233
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 235
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 241
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 246
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 248
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 250
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 253
Религиозное состояние Абхазии (Продолжение) 255
Из Очамчир 256
Кавказская жизнь 258
Самурзакань, 12 июля 259
В ожидании проверки или пополнения. Беглые заметки по Кавказскому краю 261
Кавказская жизнь 263
Поездка в Цебельду (Путевые заметки и впечатления) 264
Скотоводство в Абхазии и Самурзакани 308
Народные меры против воровства скота 312
Гудаут, 21-го ноября 315
Абхазия и народное образование в ней 317
Антропологические типы Кавказа 336
Опыт заселения Черноморского побережья 348
Абхазские письма I 352
Абхазские письма V 357
Абхазские письма VI 360
Абхазские письма VII 367

Абхазские письма VII (Продолжение) 371
Абхазские письма VII (Продолжение)..... 374
Абхазские письма IX 377
Абхазские письма X 382
Абхазские письма XI 385
Абхазские письма XIII 387
Реферат об Абхазии в Географическом Обществе (Письмо из Петербурга) 389
Абхазские письма XVIII..... 391
Абхазские письма XVIII (Продолжение) 397
Абхазские письма XVIII (Продолжение) 402
В горах Абхазии (Впечатления и наблюдения горной жизни) 407
В горах Абхазии (Впечатления и наблюдения горной жизни) (Окончание) 414
Абхазские письма XXI..... 422
Абхазские письма XXIV..... 423
Переселенческое дело в Сухумском округе 427
Поземельное дело в Сухумском округе 435
Сухум (Корреспонденция «Нового обозрения»)..... 441
Нам пишут 441
М. Гудаут, Сухумского округа. 30 сентября (Корреспонденция «Кавказ») 442
[Абхазцы в Аджарии] 444
О Черноморском округе 445
Вести Черноморья. Сухум 448
Современные жертвоприношения в Сухумском округе (Из записок туриста) 450
Христианство в Абхазии и Самурзакани 462
Археологические богатства Абхазии..... 465
Землевладение в Абхазии 466
Землевладение в Абхазии (Продолжение)..... 467
Землевладение в Абхазии (Продолжение) 467
Из Самурзакани 467
Селение Блабурхва (Сухумского округа) 469
Агич и акуч (К вопросу о разбоях) 470
Агич и акуч (К вопросу о разбоях) (Окончание) 473
Нам пишут 475

Нам пишут 476
Нам пишут 476
Нам пишут 477
Нам пишут 478
Венгерцы и Кавказские племена 478
Нам пишут 480
Нам пишут 481
Нам пишут 481
Колонии в Абхазии 482
Нам пишут 488
Нам пишут 489
В Абхазии (Из дневника русского пешехода) 489
К характеристике абхазцев 492
Абхазцы и их потребности 497
Письмо к редактору 500
Абрскил (Абхазское предание, записанное Н. Джанашия) 502
Абхазы (Этнографические заметки) 505
Забытый древний путь 513
Вести Черноморья. Из Абхазии (От нашего корреспондента) ... 518
Кровная месть (Из судебной хроники) 519
Из Очамчир 524
По Гудаутскому участку 525
Из научного мира 528
Ответ Самурзаканцу 530
Ответ Самурзаканцу 532
Кавказский берег 535
Последнее слово Самурзаканцу 537
Последнее слово Самурзаканцу 539
Кавказский берег 542
Кавказский берег 543
Очерки Абхазии 545
Очерки Абхазии 547
Очерки Абхазии 548
Вести Черноморья, Гудауты (Корр. «Черн. вест.») 550
Историческая справка 551
Гудаут, 6-го мая (Корреспонденция «Нов. обозр.») 553
Кавказский берег 554
Очерки Абхазии 555

Кавказский берег 558
Очерки Абхазии 561
Очерки Абхазии 566
Нам пишут (Из Очамчир, Сухумск. округа) 571
Из Очамчир 571
[О промыслах в Абхазии] 572
Зубр на Кавказе 573
Из обычаев абхазцев 577
Кавказский берег 578
Жертвоприношения св. Георгию в Абхазии 579
Приложение 581
Абхазское древнее святое место Дидрюпш 581
Памятная записка о колонизации в Сухумском округе, составленная начальником округа полковником Браккером. – 1894 г. 584
Абрскил (Абхазский Прометей) 600
Древности Черноморского побережья Кавказа 603
В заброшенных уголках Кавказа (Воспоминания о путешествии по Кавказу в 1894 г. Н.М. Альбова) 614
Абхазия и Сухум в XIX столетии 632
Примечания 690
Именной список 696
Условные сокращения 704
Иллюстрации 705

Аҧсны аҧсуааи урыстәылатәи апериодикаҿы
(XIX – XX ашә. алаг.)

II ашәкәы

Аиқәыршәаҩцәа: Агәажәба Р. Ҳ., Ачыгәба Ҭ. А.

Абхазия и абхазы в российской периодике
(XIX – нач. XX вв.)

Книга II

Составители: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А.

Редактор **Пачулия Л.С.**
Корректор **Ачугба М.Т.**
Компьютерный набор:
Ахиба А.П., Малеева Н.В., Миквабия И.Г.
Верстка, макет и художественное оформление **Гунба Н.Г.**

Формат 60x90 1/16. Тираж 1000. Физ. печ. л. 45,75.
Заказ № 453.

ГПП «Дом печати»
Республика Абхазия
г. Сухум, ул. Эшба, 168